Проверено 1964 г.
МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

2467

ВРЕМЕННИКЪ

ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО

ЛИЦЕЯ.

книга шестьдесятъ осьмая.

ИМПЕРАТОРСКАГО
ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ
С.-Петербургск. Университета

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія Э. Г. Фалькъ.
1896.

Печатано по постановленіямъ Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

шестьдесятъ осьмой книги Временника Лицея.

Журналы Совѣта Лицея засѣданій: 25 августа, 10 и 30 сентября, 2, 4, 6 и 27 октября, 28-го ноября и 20 Декабря 1894 г., съ приложеніями 1—55

Чтенія по православному христіанскому Богословію. Вып. II. Проф. Богословія, протоіерея *Н.* А. *Тихвинскаго.* (Продолженіе) . . . . . 65—128

Государственный Совѣтъ въ Россіи. Т. 2, вып. I, Испр. долж. Эстраорд. профес. *В. Г. Щеглова* (Продолженіе) . . . . . 225—288

Государственное хозяйство Швеціи. Ч. II, вып. II. Ордин. профес. *Э. Н. Берендтса.* (Продолженіе) 57—120

Очеркъ теоріи относимости доказательствъ. Приватъ-доцента *Д. Н. Стефановскаго.* (Окончаніе) . 57—112

Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Приватъ-доцента *И. Я. Гурлянда.* (Окончаніе) . . . . 25—153

Юридическая библіографія № 40-й . . . . 1—48

LXVIII книга вышла 15 апрѣля 1896 года;
въ ней 30 листовъ.

Полный М. Р. Гагаринъ (Окончаніе) . . . . . 59—123

Рыбакъ ловитъ Ганя и его товарищи. Цвѣтные-
вечеръ-ложечка М. Н. Самойленскаго. (Окончаніе) . 74—114

Одаренъ тогою отношеній хозяйственныхъ. Цвѣ-
тикъ. Ив. Ор. пчелы. Э. Л. Гагенмейстеръ. (Продолженіе) 94—150

Господарственное хозяйство Швеціи. Р. П. врп.
(Продолженіе) . . . . . 555—588

І. Цвѣт. хлѣб. растворъ. пчелы. В. Г. Шигаевъ
Господарственная Сорбта въ Россіи. Г. Б. врп.

Дѣтямъ по церковной христіанской ро-
словіе. Вел. Ц. Проф. Ростовцевъ. протоіерей А. Ал.

Щучьяго Сорта. Цѣнѣ земледѣліи: 55 вѣтчасъ,
отъ 85 центнеръ, 5, 4, 3 и 57 октябръ, 30 и 01
поляръ и 30 Декабря 1897 г., ср. цвѣтковыми . . . 1—44

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЖУРНАЛЫ

Совѣта Демидовскаго Юридическаго

лицея.

1894 года августа 25-го дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора Заслуженнаго Ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, присутствовали: Профессоръ Богословія, протоіерей *Н. А. Тихвинскій;* испр. должн. экстраординарнаго профессора *В. Г. Щегловъ;* исправл. должн. доцента *А. Е. Минервинъ;* приватъ-доцентъ *А. Р. Свирщевскій.* Неприсутствовали: Ординарные профессоры *Н. С. Суворовъ* и *А. К. Вульфертъ*, испр. должн. экстраординарнаго профессора *Э. Н. Берендтсъ*, испр. должн. доцентовъ *М. А. Липинскій* и *М. М. Катковъ*, приватъ-доценты *А. В. Шмидтъ* и *И. Я. Гурляндъ*—по нахожденію въ отпуску.

Слушали:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта, и подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г-ну Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г-на Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 11 іюля сего года за № 10956, коимъ разрѣшается выдавать въ будущемъ $189^{4}/_{5}$ уч.

году вознагражденіе приватъ-доцентамъ: *Свирщевскому* за чтеніе Финансоваго права и Политической экономіи на 2-мъ курсѣ по 3 часа въ недѣлю каждаго предмета 1800 руб., *Шмидту*—за чтеніе Международнаго права на 4-мъ курсѣ по 3 часа въ недѣлю 1200 рублей и *Гурлянду*—за чтеніе Торговаго права на 4-мъ курсѣ по 3 часа 1200 рублей, начавъ эту выдачу съ 16 августа сего года. **Опредѣлили:** Принять къ исполненію и копію съ означеннаго предложенія передать въ Правленіе Лицея.

3. Предложеніе г-на Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 11 минувшаго іюля за № 10966, коимъ разрѣшаетъ, на основаніи § 21 Устава Лицея, выдавать профессорамъ Лицея добавочное жалованье за чтеніе лекцій по вакантнымъ каѳедрамъ въ теченіе $189^4/_5$ уч. года изъ суммъ имѣющихъ остаться отъ содержанія личнаго состава Лицея: Заслуженному ординарному профессору *Шпилевскому* за 2 часа въ недѣлю 400 рублей, ординарному профессору *Суворову* за 2 часа 400 руб., испр. должн. экстраординарнаго профессора *Щеглову* за 3 часа 600 руб., испр. должн. доцента *Минервину* за 3 часа 600 руб., начавъ таковую выдачу съ 16-го августа сего года. **Опредѣлили:** Принять къ исполненію и копію съ означеннаго предложенія передать въ Правленіе Лицея.

4. Предложеніе г-на Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 29 іюля и 9-го августа сего года за №№ 11,803 и 12223, коими разрѣшаетъ напечатать во Временникѣ Лицея протоколы засѣданій Совѣта 25 января, 29 февраля, 14 марта, 4, 21, 26, 29 и 30 мая 1892 года. **Опредѣлили:** Принять къ исполненію.

5. Предложеніе г-на Управляющаго Московскимъ

Учебнымъ Округомъ отъ 16 сего августа за № 12497, коимъ увѣдомляетъ, что Государю Наслѣднику Цесаревичу благоугодно было положить починъ учрежденію публичной библіотеки въ г. Хабаровскѣ, пожертвованіемъ книгъ изъ собственной библіотеки. Примѣру Его Высочества послѣдовали многія лица, а также нѣкоторыя ученыя общества. Посему Министръ Народнаго Просвѣщенія проситъ содѣйствія къ основанію названной библіотеки посредствомъ представленія въ ея пользу изданій Министерства Народнаго Просвѣщенія, а также книгъ научнаго и беллетристическаго содержанія. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію и высылать издаваемый Лицеемъ Временникъ въ означенную библіотеку по мѣрѣ выхода его въ свѣтъ, начавъ эту высылку съ 60-й книги.

6. По разрѣшеніямъ г-на Министра Народнаго Просвѣщенія, сообщеннымъ Лицею Начальствомъ Округа, допущены до экзаменовъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ слѣдующіе студенты: за 1 и 2-й курсы—*Воскресенскій* Владиміръ, *Грачевъ* Александръ и *Ширяевъ* Александръ; за 2-й курсъ—*Клоковъ* Александръ, *Корсунскій* Николай, *Нелидовъ* Сергѣй, *Новицкій* Викторъ, *Поляковъ* Илья, *Рейнгаузенъ* Алексѣй и *Остроглазовъ* Андрей; за 2-й и 3-й курсы—*Вальковъ* Сергѣй, *Подкопаевъ* Николай и *Ульрихъ* Николай; за 3-й курсъ—*Вороновъ* Михаилъ, *Ивановъ* Дмитрій, *Кобылинскій* Владиславъ, *Крживольскій* Болеславъ, *Минцкій* Павелъ и *Рыбниковъ* Дмитрій; за 3 и 4-й курсы—*Безбородовъ* Ѳедоръ, *Быковскій* Николай, *Ивакинъ* Николай, *Ивановъ* Иванъ и *Пастуховъ* Сергѣй; за 4-й курсъ—*Адамсъ* Бернгардъ, *Балинскій* Іосифъ, *Бестужевъ-Рюминъ* Николай, *Босовъ* Петръ, *Бугонъ* Андрей, *Воскобойниковъ* Александръ, *Гирчичъ* Георгій, *Капустинъ* Арсеній, *Кондратьевъ* Иванъ, *Кон-*

стантиновичъ Константинъ, *Краснянскій* Николай, *Милевъ* Василій, *Опперманъ* Георгій, *Преображенскій* Алексѣй (Владимір.), *Преображенскій* Алексѣй (Костром.), *Радченко* Дмитрій, *Розановъ* Николай, *Таргонскій* Болеславъ, *Филончикъ* Ѳеофилъ, *Черняховскій* Леонтій, *Щелковъ* Иванъ и *Ѳоминъ* Алексѣй. **Опредѣлили:** Назначить для производства экзаменовъ 2, 3 и 5 числа сентября, а для студентовъ экзаменующихся изъ двухъ курсовъ и 6-е число; причемъ, за отсутствіемъ проф. Вульферта, поручить производство экзаменовъ по Уголовному праву В. Г. Щеглову, а по Уголовному Судопроизводству М. А. Липинскому.

7. Заявленіе кандидата правъ Императорскаго Московскаго Университета, состоящаго Товарищемъ Прокурора Ярославскаго Окружнаго Суда, Д. Н. *Стефановскаго* о разрѣшеніи ему, въ качествѣ приватъ-доцента, чтенія въ Лицеѣ лекцій изъ курса русскаго Уголовнаго Судопроизводства, въ размѣрѣ 2 или 3-хъ часовъ въ недѣлю; причемъ представлены г-мъ Стефановскимъ: диссертація его pro venia legendi, подъ названіемъ „О предѣлахъ изслѣдованія въ уголовномъ процессѣ. Очеркъ теоріи относимости доказательствъ“; копія съ формулярнаго о службѣ списка; сообщеніе г. Прокурора Ярославскаго Окружнаго Суда за № 4482 о его согласіи на чтеніе г-мъ Стефановскимъ въ Лицеѣ и краткая біографическая записка. По обсужденіи, **Опредѣлили:** Представленную г-мъ Стефановскимъ диссертацію передать для разсмотрѣнія и доставленія къ слѣдующему засѣданію Совѣта отзыва о ней, исправл. должн. доцента М. А. Липинскому.

8. Поданную въ надлежащій срокъ окончившимъ въ нынѣшнемъ году курсъ въ Лицеѣ Константиномъ *Стеблинымъ-Каменскимъ* кандидатскую диссертацію „Крѣ-

постное право и паденіе его въ Россіи“, **Опредѣлили:** Передать для прочтенія Э. Н. Берендтсу.

9. Изготовленную профессоромъ А. К. *Вульфертомъ* для произнесенія на актѣ 30-го сего августа рѣчь по поводу исполнившагося нынѣ столѣтія со времени смерти Беккарія, **Опредѣлили:** Одобрить для произнесенія на актѣ и, за отсутствіемъ изъ Ярославля г. Вульферта, поручить произнесеніе ея привать-доценту И. Я. Гурлянду. Лѣтопись же Лицея за истекшій годъ изготовленную для произнесенія г-мъ Директоромъ напечатать.

10. По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи прилагаемыхъ при семъ отзывовъ о сочиненіяхъ, поданныхъ на соисканіе медалей: 1) Ординарнаго профессора *Вульферта* на тему „О вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ“, подъ девизомъ „Labor omnia vincit improbus“ и 2) привать-доцента *Шмидта* „О правѣ частной собственности въ морской войнѣ“, подъ девизомъ „Immer vorwärts“, Совѣтъ, не признавъ автора перваго сочиненія достойнымъ награжденія медалью, **Опредѣлилъ:** Не вскрывая конверта съ фамиліей автора уничтожить оный чрезъ сожженіе; автора же втораго сочиненія, которымъ, по вскрытіи конверта подъ девизомъ „Immer vorwärts“, оказался студентъ Александръ *Романовъ*, удостоить серебряной медали.

11. Отношеніе Археологической Коммиссіи въ гор. Омскѣ отъ 10-го іюня сего года за № 45, коимъ проситъ Лицей объ обмѣнѣ съ нею своими изданіями. **Опредѣлили:** Высылать въ означенную Коммиссію издаваемый Лицеемъ Временникъ, начавъ высылку съ 60-й книги.

12. Г. Директоръ заявилъ, что изъ числа студентовъ Лицея выбыли: Александръ *Горячкинъ*, Григорій

Дога, Михаилъ *Заславскій*, Н. *Курсановъ*, Іосифъ *Березовскій* и Валентинъ *Хорановъ*. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

(Приложенія къ ет. 10-й).

I. РАЗБОРЪ

представленнаго на золотую медаль сочиненія съ девизомъ „Labor omnia vincit improbus" „О вознагражденіи невинно, къ суду уголовному привлекаемыхъ". Этюдъ по уголовному судопроизводству.

Указанная въ заголовкѣ работа начинается съ историческаго очерка развитія идеи вознагражденія невинно къ суду привлекаемыхъ, начиная съ конца прошлаго столѣтія, составленнаго по сочиненіямъ г. Фойницкаго (О вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ, 1884 г.), Тальберга—Русское Уголовное Судопроизводство. Дополненіемъ къ тому, что извлечено изъ работъ этихъ двухъ писателей является выдержка изъ работъ Эсмейна—Histoire de la procedure criminelle en France о Серванѣ, далѣе цитата сочиненія Моро, Les devoits du prince съ весьма общимъ указаніемъ его содержанія. Сочиненіе Моро цитуется по оригиналу, но у Эсмейна на стр. 387-й его сочиненія имѣется длинная выписка изъ Моро и цитата очевидно взята у Эсмейна, какъ это обнаруживается изъ сопоставленія ея съ предшествующей и слѣдующей за нею цитатою изъ того же сочиненія Эсмейна. Обсужденіе вопроса о вознагражденіи невинно къ суду привлекаемыхъ во Франціи при составленіи Уст Уг. Суд. описывается авторомъ разсматриваемаго сочиненія словами Фостена Эли,—съ указаніемъ на извѣстное сочине-

ніе этого писателя. Эти же слова приводятся г. Фойницкимъ на стр. 31-й его работы, причемъ переводъ свидѣтельства Эли у Фойницкаго и автора разбираемаго сочиненія буквально тождественный. Разработка вопроса въ Германской литературѣ и въ особенности разныя мнѣнія, высказанныя на германскихъ съѣздахъ юристовъ, а равно Германскіе законодательные проэкты относительно вознагражденія невинно къ суду привлекаемыхъ излагаются по Фойницкому и Тальбергу съ прямымъ указаніемъ на нихъ. Переходя къ догматическому отдѣлу, авторъ разсматриваемаго сочиненія указываетъ, что фактъ вреда невинно къ суду привлекаемыхъ порождаетъ двѣ идеи: идею предупрежденія судебныхъ ошибокъ и идею вознагражденія—первая идея требуетъ наиболѣе удовлетворительнаго строя уголовнаго процесса, который авторъ и находитъ въ коренныхъ положеніяхъ отечественнаго Уст. Уг. Суд о судѣ присяжныхъ. Этотъ отдѣлъ представляетъ развитіе § II сочиненія г. Фойницкаго, гдѣ также указывается на важное значеніе по данному вопросу мѣръ предупрежденія вообще и улучшенія уголовнаго процесса въ частности (стр. 10). Авторъ разсматриваемаго сочиненія останавливается на нѣкоторыхъ неудовлетворительныхъ пріемахъ слѣдственной и розыскной власти по части предварительнаго подслѣдственнаго ареста, одобряетъ предположенія о реформѣ предварительнаго слѣдствія пишущаго эти строки и переходитъ къ отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ невинно къ суду привлекаемыми—иностранныя законодательства и судебная практика относительно отвѣтственности указанныхъ лицъ излагаются авторомъ буквально по работѣ Фойницкаго. Авторъ правда на стр. 36 цитуетъ стр. 18—24 сочиненія Фойницкаго, но при этомъ не

точно выражается „о заимствованіи нѣкоторыхъ данныхъ“. Точно также буквально переписывается авторомъ изложеніе постановленій русскаго законодательства по тому же предмету у Фойницкаго (ср. стр. 20—23-ю соч. Фойницкаго, стр. 42—44, 45 и три строки сверху стр. 46 разбир. сочин.) безъ точнаго указанія этого заимствованія, причемъ только на стр. 46 послѣ строки третьей сверху поставлена кавычка. — Авторъ обращается далѣе къ вопросу „какой существуетъ взглядъ относительно частныхъ лицъ, по винѣ которыхъ невинные люди были привлекаемы къ уголовному суду“ (стр. 46-я). Этотъ взглядъ или правильнѣе постановленіе отечественнаго законодательства по этому предмету буквально переписываются у г. Фойницкаго съ указаніемъ источника (стр. 11—17 соч. этого писателя). Покончивъ такимъ образомъ съ этимъ вопросомъ, авторъ безъ всякихъ объясненій, которыя бы свидѣтельствовали о послѣдовательномъ ходѣ мысли, приступаетъ къ институту возобновленія уголовныхъ дѣлъ и отмѣчаетъ *идеальное* вознагражденіе со стороны государства путемъ возстановленія чести осужденнаго въ этомъ порядкѣ—переходя къ *матеріальному* вознагражденію со стороны государства за неправильное привлеченіе къ суду авторъ указываетъ на трудность разрѣшенія вопроса, какимъ лицамъ слѣдуетъ выдавать вознагражденіе, тѣмъ ли только, которые были приговорены къ наказанію, понесли наказаніе и въ порядкѣ возобновленія дѣла были оправданы—или же вообще оправданнымъ. По отношенію къ первымъ авторъ считаетъ право не вознагражденіе строго обоснованнымъ самымъ признаніемъ неправильности прежняго обвинительнаго приговора, — вопросъ же о вознагражденіи вторымъ спорнымъ и труднымъ. Рѣшеніе вопроса предлагается

такое: оправданныя въ порядкѣ возобновленія уголовныхъ дѣлъ лица безусловно должны получить вознагражденіе, лица же оправданныя въ обыкновенномъ порядкѣ получаютъ вознагражденіе лишь въ случаѣ признанія судомъ необходимости этой мѣры въ виду разстройства имущественнаго положенія отъ принятыхъ слѣдствіемъ мѣръ (стр. 78). Вслѣдъ затѣмъ выписываются in extenso воззрѣнія гг. Тальберга, Хрулева и Фойницкаго объ ограниченіяхъ въ вопросѣ о матеріальномъ вознагражденіи относительно лицъ, свойства вреда и размѣра вознагражденія. Этотъ отдѣлъ разбираемаго сочиненія отличается значительной безсвязностью и отсутствіемъ систематическаго изложенія. Отмѣтивъ необходимость различенія по предмету вознагражденія двухъ категорій оправданныхъ, авторъ излагаетъ вслѣдъ затѣмъ по этому вопросу различныя мнѣнія совершенно механически. Даже не пытается разбирать не согласное съ его собственнымъ мнѣніе г. Фойницкаго. Основываясь на вопросѣ о вознагражденіи за понесенный подслѣдственный арестъ и замѣтивъ, что для разрѣшенія его писатели обыкновенно обращаются къ аналогіямъ, — авторъ заявляетъ, что онъ намѣренъ указать эти аналогіи, заимствуя ихъ у профессора Фойницкаго (стр. 93 разбираемаго сочиненія). И вотъ, вѣрный своему пріему, авторъ выписываетъ относящіяся сюда мѣста изъ работы г-на Фойницкаго (стр. 48—74), а равно изъ сочиненія г. Тальберга. Въ заключеніе авторъ разсматриваетъ вопросъ, что именно подлежитъ вознагражденію и въ какихъ размѣрахъ оно можетъ быть выдаваемо. Начавъ этотъ отдѣлъ въ тождественныхъ выраженіяхъ, которыми начинаетъ его и г. Фойницкій (§ X указаннаго соч.), авторъ собственными словами пересказываетъ дальнѣйшее изложеніе г-на

Фойницкаго, не указывая на свои заимствованія изъ стр. 75 и 76 соч. г. Фойницкаго (ср. стр. 105 и 106 разсматриваемаго сочиненія). Такъ г. Фойницкій утверждаетъ, что для того, чтобы матеріальное вознагражденіе имѣло мѣсто, необходимо: a) чтобы произошелъ имущественный вредъ и b) чтобы онъ произошелъ именно отъ привлеченія къ суду (стр. 76). Авторъ разсматриваемаго сочиненія пишетъ на стр. 106: „чтобъ имѣть право на матеріальное вознагражденіе требуется установить во 1-хъ, что имущественный вредъ дѣйствительно произошелъ, а во 2-хъ, что онъ произошелъ именно отъ привлеченія къ суду невиннаго". Установивъ два основанія для матеріальнаго вознагражденія, г. Фойницкій спрашиваетъ: всякій ли вредъ причиненный *въ чужомъ имуществѣ* привлеченіемъ къ суду подлежитъ вознагражденію со стороны государства (стр. 79)? Точно также и нашъ авторъ пишетъ: „По разрѣшеніи этихъ двухъ вопросовъ (т. е. наличности имущественнаго вреда и зависимости отъ привлеченія къ суду) за ними неминуемо послѣдуетъ и третій, а именно всякій ли вредъ, причиненный привлеченіемъ къ суду, подлежитъ матеріальному вознагражденію со стороны государства" (стр. 106-я)? Авторъ, очевидно намѣревался перефразировать приведенное мѣсто изъ сочиненія г. Фойницкаго, но по оплошности пропустилъ важныя слова „*въ чужомъ имуществѣ*" и фраза оказалась лишенною смысла, такъ какъ, если первоначальнымъ основнніемъ матеріальнаго вознагражденія признанъ *имущественный* вредъ, то нельзя, не погрѣшая противъ логики, спрашивать вслѣдъ затѣмъ—подлежитъ ли вознагражденію всякій вредъ.—Только послѣ выписаннаго сейчасъ мѣста о *третьемъ* вопросѣ, авторъ наконецъ цитуетъ г-на Фойницкаго и дѣлаетъ изъ его

работы длинную выписку о мнѣніяхъ разныхъ писателей относительно условій матеріальнаго вознагражденія съ оцѣнкой этихъ мнѣній. Вопросъ о размѣрѣ матеріальнаго вознагражденія авторъ разрѣшаетъ изложеніемъ мнѣній г. Фойницкаго и Тальберга, между собою не согласными, точно также выпиской изъ сочиненія г. Фойницкаго авторъ доказываетъ, что матеріальное вознагражденіе невинно къ суду привлекаемыхъ не возложитъ на государство тяжелыхъ расходовъ.

Предшествующее изложеніе приводитъ меня къ слѣдующему заключенію. Разбираемое сочиненіе должно признать весьма плохой компиляціей, оно цѣликомъ, за исключеніемъ немногихъ, весьма незначительныхъ по содержанію мѣстъ и нѣкоторыхъ громкихъ фразъ, собраніе чрезвычайно длинныхъ буквальныхъ выписокъ и перефразированныхъ отдѣловъ, соединенныхъ между собою крайне механически. Самостоятельная работа мысли почти совершенно отсутствуетъ. По части источниковъ авторъ ограничился работами гг. Фойницкаго, Тальберга и Хрулева. Никакихъ иностранныхъ источниковъ, особенно существенныхъ, авторъ очевидно не изучалъ; богатые матеріалы, заключающіеся въ актахъ Германскихъ съѣздовъ юристовъ въ многочисленныхъ ст. Gerichtsaal и другихъ повременныхъ изданіяхъ извѣстны были ему лишь по стольку, по скольку онъ узналъ ихъ отъ указанныхъ русскихъ ученыхъ. Точно также авторъ не потрудился разсмотрѣть и тѣ немногія законодательства, которыя уже усвоили себѣ начало вознагражденія невинно къ суду привлекаемыхъ. Авторъ ссылается, со словъ г. Фойницкаго, на одни Швейцарскіе законы. Но съ тѣхъ поръ какъ вышло сочиненіе г. Фойницкаго (съ 1884 г.) явились новые законодательные акты по этому предмету, напр. законъ

Датскій 5 апрѣля 1888 г., Австрійскій законъ 1892 г., Шведскій законъ 1886 г. Еще ранѣе начало вознагражденія невинно къ суду привлекаемыхъ было принято въ Мексиканскомъ уголовномъ уложеніи, съ 1884 года въ Португальскомъ законодательствѣ, работы по указанному вопросу шли въ 1892 г. въ Французской палатѣ депутатовъ. А между тѣмъ нѣкоторые новые законы были указаны въ спискѣ пособій для заданной темы, отдѣльные вопросы, входящіе въ общую тему, у автора спутаны и скомканы, нѣкоторые важные вопросы (о юридическомъ основаніи вознагражденія, о процессуальной винѣ, какъ обстоятельствѣ, устраняющемъ вознагражденіе) едва затронуты.

По этимъ соображеніямъ я нахожу, что разсмотрѣнное сочиненіе отнюдь не заслуживаетъ не только золотой или серебряной медали, но и почетнаго отзыва.

Орд. проф. *А. Вульфертъ.*

II. Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи, представленномъ подъ девизомъ „Immer vorwärts“.

Сочиненіе подъ девизомъ „Immer vorwärts“ посвящено разсмотрѣнію вопроса „О правѣ частной собственности въ морской войнѣ“. Оно распадается на четыре части. Авторъ прежде всего установляетъ основныя начала права въ войнѣ и указываетъ на существенное различіе въ отношеніи къ частной собственности въ войнѣ сухопутной и морской. Въ первой непріятельская частная собственность въ принципѣ признается неприкосновенной, въ морской же до сихъ поръ сохра-

нилось право военной добычи, т. е. захватъ какъ государственной, такъ и частной собственности непріятеля. Послѣ этого введенія слѣдуетъ историческій очеркъ морскаго права, въ которомъ на первый планъ выдвинутъ вопросъ объ участи непріятельской собственности въ морскихъ войнахъ. При составленіи этого очерка авторъ пользовался трудами Коченовскаго, Блюнчли, Коти, Бёка, а также собраніемъ трактатовъ заключенныхъ Россіею, издаваемымъ проф. Мартенсомъ. Слѣдя за историческимъ развитіемъ вопроса, онъ болѣе подробно останавливается на разсмотрѣніи морскаго консулата, Перваго Вооруженнаго нейтралитета, Парижской морской декларацiи, затѣмъ послѣдующаго движенія въ пользу признанія неприкосновенности частной собственности на морѣ. Вторая часть содержитъ въ себѣ дѣйствующее право морской войны и его источники; здѣсь обстоятельно изложено законодательство Россіи по одному вопросу. Въ отдѣлѣ дѣйствующаго права, написаннаго главнымъ образомъ по Бёку, говорится о предметахъ военной добычи, о лицахъ, имѣющихъ право ее захватывать, о мѣстѣ и времени приложенія этого права (обязанности шкипера, принудительная продажа призовъ, пользованіе ими, ихъ уничтоженіе и выкупъ, репризы). Третья часть касается правъ нейтральной собственности въ морской войнѣ и призовыхъ судовъ. Излагая ученіе о блокадѣ, авторъ примыкаетъ къ теоріи, видящей основаніе блокады въ правѣ воюющихъ воспретить нейтральнымъ вмѣшиваться въ военныя дѣйствія. Въ нѣсколькихъ словахъ, слишкомъ поспѣшно осуждаетъ онъ теорію Фотилля, который даетъ военной контрабандѣ и блокадѣ одно и тоже юридическое основаніе, выводя ихъ не изъ правъ воюющихъ, а изъ обязанности нейтральныхъ воздержи-

ваться вообще отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій. По нашему мнѣнію такое воззрѣніе Фотилля болѣе обезпечиваетъ независимость нейтральныхъ, узаконяя конечно употребленіе противъ нихъ принужденія, когда свои нарушаютъ свои обязанности. И по отношенію къ призовымъ судамъ, говоря объ ихъ организаціи, авторъ высказывается противъ международныхъ призовыхъ судовъ, не смотря на авторитетъ Бульмеринга, разработавшаго со всѣхъ сторонъ вопросъ о преобразованіи дѣйствующихъ призовыхъ судовъ, и проэктъ института международнаго права, признавшаго интернаціональную апелляціонную инстанцію. Авторъ стоитъ за современный ихъ характеръ, не представляя къ сожалѣнію достаточныхъ доказательствъ. Въ послѣдней части авторъ даетъ намъ литературу предмета, приводя доводы защитниковъ и противниковъ принципа неприкосновенности частной собственности на морѣ. Литература представлена довольно, но намъ кажется неправильнымъ, что авторъ излагаетъ мнѣнія писателей, не группируя ихъ доводы въ систему, что влечетъ за собою постоянныя повторенія. Послѣдняя часть содержитъ нѣсколько соображеній въ пользу реформы морскаго права войны. Авторъ особенно настаиваетъ на экономической взаимной зависимости народовъ показывающей, что интересы ихъ находятся въ тѣсной солидарности. Собственность непріятельская должна быть свободна и въ морской войнѣ ради интересовъ мирной торговли, исключая случаевъ нарушенія предписаній о военной контрабандѣ и блокадѣ. Такая реформа, по мнѣнію автора, есть дѣло ближайшаго будущаго.

Къ недостаткамъ разсматриваемаго сочиненія слѣдуетъ отнести нѣкоторую шероховатость изложенія, мало научное вступленіе и необоснованность нѣкото-

рыхъ теоретическихъ положеній. Но въ общемъ, оно, свидѣтельствуя о трудолюбіи автора и знакомствѣ автора съ литературою избранной темы, представляетъ собою обстоятельное изслѣдованіе по данному вопросу. Въ виду этого имѣю честь ходатайствовать предъ Совѣтомъ о награжденіи автора сочиненія „О правѣ частной собственности въ морской войнѣ“, представленнаго подъ девизомъ „Immer vorwärts“ серебряною медалью.

Приватъ-доцентъ *А. Шмидтъ.*

1894 года сентября 10-го дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора Заслуженнаго Ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго,* присутствовали: Ординарный профессоръ *Н. С. Суворовъ;* Профессоръ Богословія, протоіерей *Н. А. Тихвинскій;* испр. должн. экстраординарныхъ профессоровъ: *В. Г. Щегловъ* и *Э. Н. Берендтсъ;* исправл. должн. доцента *М. А. Липинскій;* приватъ-доценты—*А. Р. Свирщевскій* и *В. А. Юшкевичъ.* Неприсутствовали: Ординар. проф. *А. К. Вульфертъ,* испр. должн. доцентовъ *А. Е. Мицервинъ* и *М. М. Катковъ,* приватъ-доценты *А. В. Шмидтъ* и *И. Я. Гурляндъ*—по нахожденію въ отпуску.

С Л У Ш А Л И:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта, и подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г-ну Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Препровожденную при предложеніи г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 25-го августа сего года за № 12957, выписку изъ журнала Ученаго

Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія 5-го іюля сего года за № 1219 по отчетамъ о занятіяхъ за 1893 годъ стипендіатовъ Лицея Александра *Золотарева* и Ильи *Гурлянда*, съ заключеніемъ Комитета о признаніи означенныхъ отчетовъ удовлетворительными. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

3. Предложеніе г-на Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 27-го августа сего года за № 13095, коимъ увѣдомляетъ, что г-нъ Министръ Народнаго Просвѣщенія назначилъ окончившаго курсъ въ институтѣ римскаго права при Берлинскомъ Университетѣ, Титулярнаго Совѣтника, *Юшкевича* приватъ-доцентомъ сего Лицея по каѳедрѣ Гражданскаго права и что Государь Императоръ въ 16-й день августа Высочайше соизволилъ на выдачу Юшкевичу за чтеніе лекцій вознагражденія въ размѣрѣ 2000 руб. въ годъ. Имѣя въ виду, что г. Юшкевичъ только что начинаетъ преподавательскую свою дѣятельность, Совѣтъ **Опредѣлилъ**: Возложивъ на него чтеніе Гражданскаго права не болѣе 5 часовъ въ недѣлю и вновь поручить чтеніе одного отдѣла (семейственное и наслѣдственное право) по 2 часа въ недѣлю Заслуженному ординарному профессору С. М. Шпилевскому съ вознагражденіемъ 400 руб. въ годъ—суммы уже разрѣшенной г-ну Шпилевскому; о настоящемъ постановленіи донести Его Сіятельству, г-ну Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

4. Прошеніе студентовъ Лицея 2-го курса Сергѣя *Валькова*, Александра *Грачева*, Константина *Грековича*, Ивана *Перьфильева* и Виктора *Симона*; 3-го курса Фридриха *Буркевича*, Михаила *Иваницкаго*, Ивана *Иванова*, Павла *Козина*, Вячеслава *Нечаева*, Николая *Подкопаева* и Михаила *Шиловскаго* и 4-го курса Николая

Ивакина и Гавріила *Щербины* объ оставленіи ихъ на тѣхъ же курсахъ на третій годъ. **Опредѣлили:** Просить ходатайства Его Сіятельства г-на Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи означеннымъ студентамъ остаться на соотвѣтствующихъ курсахъ на 3-й годъ.

5. По разсмотрѣніи общихъ списковъ студентовъ, экзаменовавшихся, по особымъ разрѣшеніямъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія, послѣ каникулъ, **Опредѣлили:** 1) перевести со 2-го на 3-й курсъ студентовъ Новицкаго Виктора, Остроглазова Андрея, Рѣйнгаузена Алексѣя и Нелидова Сергѣя; съ 3-го на 4-й курсъ—Гирчича Георгія, Иванова Дмитрія, Крживокольскаго Болеслава, Пастухова Сергѣя, Хитрова Сергѣя, Безбородова Ѳедора, Кобылинскаго Владислава, Миницкаго Павла и Рыбникова Дмитрія. 2) Считать окончившими испытанія студентамъ: 3-го курса: Ульриху Николаю за 2-й курсъ и 4-го курса—Быковскому Николаю за 3-й курсъ. 3) Оставить на 2-й годъ на курсахъ: на 1-мъ Болотова Петра, Бѣляева Всеволода, Васильевскаго Константина, Комаровича Кирилла, Пожарскаго Петра и Русина Александра; на 2-мъ Бокщанина Густава, Воскресенскаго Владиміра, Губскаго Ивана, Дорнбуша Александра, Клокова Александра, Кондакова Леонида, Корсунскаго Николая, Макарова Глѣба, Минтулина Семена, Теплякова Ивана, Шиловскаго Николая, Булгакова Михаила, Шаломытова Николая, Ширяева Александра и Полякова Илью; на 3-мъ Александрова Дмитрія, Виноградова Евгенія, Вологодскаго Леонида, Иванова Павла, Крылова Николая (Яросл.), Лапотникова Василья, Надеждина Григорія, Приклонскаго Владиміра, Рудницкаго Михаила, Сербина Вяче-

слава, Смагина Михаила, Ульриха Николая, Хаританскаго Александра, Холодовича Константина, Чукаловскаго Ивана, Борисова Михаила, Васильева Владиміра, Воронова Михаила и Руму Леопольда.

6. По разсмотрѣніи общаго списка студентовъ за всѣ четыре года пребыванія ихъ въ Лицеѣ, **Опредѣлили:** 1) удостоить званія дѣйствительнаго студента съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертацій: Константиновича Константина, Ѳомина Алексѣя, Радченко Дмитрія, Бугона Андрея, Бестужева-Рюмина Николая, Воскобойникова Александра и Преображенскаго Алексѣя (Владимір.); 2) удостоить званія дѣйствительнаго студента: Адамса Бернгарда, Босова Петра, Оппермана Георгія, Хитрова Сергѣя, Балинскаго Іосифа, Безбородова Ѳедора, Краснянскаго Николая, Милева Василья, Преображенскаго Алексѣя (Костром.) и Черняховскаго Леонтія; 3) оставить на 4-мъ курсѣ студентовъ: Быковскаго Николая, Королева Леонида, Филончика Ѳеофила, Соколовскаго Николая и Таргонскаго Болеслава; 4) окончившимъ курсъ студентамъ выдать надлежащіе аттестаты.

7. Кандидатское сочиненіе „Объ имущественномъ наймѣ“, поданное Борисомъ *Стеблинымъ-Каменскимъ*, **Опредѣлили:** Передать для прочтенія и доставленія отзыва привать-доценту В. А. Юшкевичу.

8. По выслушаніи отзывовъ испр. должн. экстраординарнаго профессора Э. Н. *Берендтса* о кандидатскихъ сочиненіяхъ Михаила *Будакова* „Самоуправленіе городовъ Россіи“ и Константина *Стеблина-Каменскаго* „Крѣпостное право и паденіе его въ Россіи“, **Опредѣлили:** Удостоить Будакова и Стеблина-Каменскаго степени кандидата.

9. Отчетъ за истекшій годъ, поданный готовящим-

ся къ профессорскому званію Петромъ *Ивановымъ*, **Опредѣлили:** Для просмотра и доставленія въ Совѣтъ отзыва о немъ передать испр. должн экстраорд. профессора Э. Н. Берендтсу.

10. Подвергавшійся, съ разрѣшенія Начальства Московскаго Учебнаго Округа, въ настоящемъ сентябрѣ мѣсяцѣ при Лицеѣ испытаніямъ на степень кандидата юридическихъ наукъ, бывшій студентъ Московскаго Университета Владиміръ *Соколовъ* таковыя выдержалъ получивъ въ среднемъ выводѣ 4½, почему Совѣтъ **Опредѣлилъ:** Признать Соколова окончившимъ испытанія на искомую имъ степень.

11. Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ приняты имъ: на 1-й курсъ: *Арычкинъ* Александръ изъ Казанскаго Университета (Самарской гимназіи), *Верхоглядовъ* Николай—Петербургскаго Университета (Екатеринодарской гимназіи), *Виноградовъ* Константинъ (Владимірской гимназіи), *Діомидовъ* Александръ (Орловской гимназіи), *Искржицкій* Петръ (Кіевской 4-й гимназіи), *Кленовскій* Борисъ (Ярославской гимназіи), *Ковальскій* Казиміръ (4-й Московской гимназіи), *Новиковъ* Николай (Ярославской гимназіи), *Окербломъ* Владиміръ (Ярославской гимназіи), *Полынновъ* Павелъ (Костромской гимназіи), *Посниковъ* Ѳедоръ—Петербургскаго Университета (Петербург. 3-й гимназіи), *Протасьевъ* Александръ (Ярославской гимназіи), *Рождественскій* Николай (Ярославской гимназіи), *Рыжковъ* Иванъ (Элатомской гимназіи), *Севастьяновъ* Вячеславъ (Томской гимн.), *Смирновъ* Николай (Ковенской гимназіи), *Смирновъ* Сергѣй—Московскаго Университета (Ярославской гимн.), *Столбовъ* Иванъ—Московскиго Университета (Ярославской гимназіи), *Сферинъ* Аристархъ (Царскосельской гимназіи), *Ткаченко* Дмитрій (Кіевской 2-й гимназіи), *Торнъ*

Константинъ (Рыбинской гимназіи), *Троицкій* Николай (Рыбинской гимназіи), *Холявинъ* Николай—бывшій студентъ Лицея (Вятской гимназіи), *Шійко* Василій (Ярославской гимназіи), *Шпицбергъ* Ѳедоръ (Нарвской гимназіи); на 2-й курсъ: *Акуловъ* Леонидъ—Московскаго Университета (Костромской гимназіи), *Больманъ* Александръ—Московскаго Университета (Лицея Цесаревича Никелая), *Вергелесовъ* Николай—Московскаго Университета (Елизаветградской гимназіи), *Воротынскій* Владиславъ—Московскаго Университета (Вяземской гимназіи), *Вышеславцевъ* Евгеній—Московскаго Университета (Тамбовской гимназіи), *Гольдштейнъ* Іоганнъ—Московскаго Универ. (Гольдинген. гимназіи), *Ежовъ* Михаилъ—Московскаго Университета (Усть-Медвѣдицкой гимназіи), *Жабо* Михаилъ—Московскаго Университета (Либавской гимназіи), *Ждановъ* Геннадій—Московскаго Университета (4-й Московской гимназіи), *Иллюстровъ* Владиміръ—Московскаго Университета (Московской 1-й гимназіи), *Кедровъ* Борисъ—Московскаго Университета (Саратовской гимназіи), *Кожинъ* Константинъ—Московскаго Университета (3-й Московской гимназіи), *Кондратьевъ* Константинъ—Московскаго Университета (Томской гимназіи), *Королевъ* Николай—Московск. Университета (Тобольской гимназіи), *Ловцовъ* Василій—Московскаго Университета (Тобольской гимназіи), *Ломновскій* Владиміръ—Варшавскаго Университета (Ломжинской гимназіи), *Пашинскій* Здзиславъ—Варшавскаго Университета (Бѣльской гимназіи), *Переломовъ* Александръ—Московскаго Университета (Томской гимназіи), *Писаревъ* Василій—Московскаго Университета (Ростовской на Дону гимназіи), *Поповъ* Александръ—Московскаго Университета (Орловской гимназіи), *Сильверстовъ* Алексѣй—Московскаго Университета (Ставропольской

гимназіи), *Срединскій* Александръ—Московскаго Университета (Каменецъ-Подольской гимназіи), *Тихомировъ* Дмитрій—Московскаго Университета (Лицея Цесаревича Николая), *Фогель* Вернеръ—Московскаго Университета (Гольдингенской гимназіи), *Шкляръ* Иванъ—Московскаго Университета (Симбирской гимназіи); на 3-й курсъ: *Алябьевъ* Тимофей—Московскаго Университета (Московской 4-й гимназіи), *Блюммеръ* Иванъ—Казанскаго Университета (Казанской 1-й гимназіи), *Боянусъ* Александръ—Московскаго Университета (1-й Харьковской гимназіи), *Вызго* Іосифъ—Казанскаго Университета (Пермской гимназіи), *Герцъ* Гвидонъ—Петербургскаго Университета (Минской гимназіи), *Головня* Петръ—Казанскаго Университета (1-й Казанской гимназіи), *Горяиновъ* Евгеній—Кіевскаго Университета (Курской гимназіи), *Зажжеевъ* Петръ—Московскаго Университета (Ставропольской гимназіи), *Красильниковъ* Константинъ—Казанскаго Университета (Астраханской гимназіи), *Марковъ* Евсей—Московскаго Университета (Уральской гимназіи), *Пынинъ* Петръ—Казанскаго Университета (Самарской гимназіи), *Сабунаевъ* Николай—Казанскаго Университета (Вятской гимназіи), *Стопани* Александръ—Казанскаго Университета (Казанской 1-й гимназіи), *Хабаровъ* Алексѣй—Московскаго Университета (Омской гимназіи), *Цвѣтаевъ* Николай—Петербургскаго Университета (Нарвской гимназіи), *Четыкъ* Александръ—Московскаго Университета (Томской гимназіи), *Юдичевъ* Аркадій—Казанскаго Университета (Самарской гимназіи), *Яковлевъ* Евгеній—Московскаго Университета (Новгородъ-Сѣверской гимназіи); на 4-й курсъ: *Антошевскій* Вячеславъ—Казанскаго Университета (Вятской гимназіи), *Бошнякъ* Константинъ—Московскаго Университета (Костромской гимназіи), *Брян-*

чаниновъ Орестъ—Училища Правовѣдѣнія, *Бѣлѣченко* Александръ—Московскаго Университета (Костромской гимназіи), *Замятинъ* Николай—Харьковскаго Университета (Ѳеодосійской гимназіи), *Зиссерманъ* Левъ—Петербургскаго Университета (Ставропольской гимназіи), *Ивановъ* Николай—Московскаго Университета (Сумской гимназіи), *Лопатинъ* Леонидъ—Московскаго Университета (Ярославской гимназіи), *Мойгисъ* Иванъ—Московскаго Университета (Шавельской гимназіи), *Пархомовичъ* Алексѣй—Московскаго Университета (Черниговской гимназіи), *Петрушевскій* Павелъ—Московскаго Университета (Нѣжинской гимназіи), *Рабиновичъ* Евна—Московскаго Университета (Ростовской на Дону гимназіи), *Тарковскій* Владиславъ—Кіевскаго Университета (Черниговской гимназіи). **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

12. Составлено распредѣленіе лекцій для чтенія въ настоящемъ учебномъ году. **Опредѣлили:** Прилагаемое росписаніе утвердить.

(Приложеніе къ ст. 2-й).

На подлинной рукою Его Сіятельства г-на Министра Народнаго Просвѣщенія написано: Согласенъ 19-го іюля 1894 года.

ВЫПИСКА ИЗЪ ЖУРНАЛА

УЧЕНАГО КОМИТЕТА

Министерства Народнаго Просвѣщенія

5-го іюля 1894 года (№ 1219).

Въ засѣданіи Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія 5-го іюля 1894 года слушали (ст. VI): мнѣніе объ отчетахъ и занятіяхъ за 1893 годъ стипендіата Демидовскаго Юридическаго Лицея Алек-

сандра *Золотарева* и бывшаго стипендіата сего Лицея, нынѣ магистранта Ильи *Гурлянда*.

Александръ Золотаревъ состоитъ стипендіатомъ при Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ по Государственному праву и представилъ въ Совѣтъ этого Лицея отчетъ о своихъ занятіяхъ по предмету своей спеціальности за 1893 годъ. Въ отчетѣ своемъ стипендіатъ Золотаревъ весьма подробно излагаетъ содержаніе тѣхъ сочиненій, которыя онъ въ теченіе года изучалъ; а именно: Блюнчли, Моля, Гаррейса, Коркунова, Алексѣева и нѣкоторыхъ другихъ. Отчетъ этотъ былъ на разсмотрѣніи испр. должн. экстраординарнаго профессора Демидовскаго Лицея *Берендтса*, который въ заключеніе своего отзыва о семъ отчетѣ говоритъ, что разсужденія автора доказываютъ, что онъ весьма добросовѣстно велъ свои занятія и съумѣлъ совладать съ своею задачею вполнѣ удовлетворительно. Съ таковымъ мнѣніемъ нельзя не согласиться.

Бывшій стипендіатъ Демидовскаго Юридическаго Лицея магистрантъ Илья Гурляндъ, назначенный нынѣ уже въ Лицей приватъ-доцентомъ, представилъ заключительный отчетъ о своихъ занятіяхъ за 1893 годъ по Полицейскому праву. Профессоръ Берендтсъ, на разсмотрѣніи коего былъ сей отчетъ, въ своемъ отзывѣ о немъ, между прочимъ, говоритъ, что отчетъ этотъ доказываетъ то, что уже доказано успѣшнымъ выдержаніемъ магистерскаго экзамена,—полное знаніе избранной г. Гурляндомъ спеціальной науки. Разсмотрѣвъ сей отчетъ, я могу только присоединиться къ сему мнѣнію. **Опредѣлено:** Согласно съ вышеизложеннымъ мнѣніемъ, признать отчеты А. Золотарева и И. Гурлянда вполнѣ удовлетворительными и представить объ этомъ на благоусмотрѣніе Его Сіятельства г-на Министра Народнаго Просвѣщенія.

(Приложенія къ стр. 8-й).

1. ОТЗЫВЪ

о кандидатскомъ разсужденіи Михаила Будакова „Самоуправленіе городовъ Россіи“ (сравнительно съ городскимъ управленіемъ во Франціи и Пруссіи).

Окончившій въ маѣ текущаго года курсъ юридическихъ наукъ въ Лицеѣ съ правомъ на полученіе степени кандидата, Михаилъ *Будаковъ*, представилъ разсужденіе на тему: „Самоуправленіе городовъ въ Россіи сравнительно съ городскимъ управленіемъ во Франціи и Пруссіи“. Онъ пользовался при составленіи своей работы сочиненіями: Штейна, Градовскаго, Ивановскаго, Дитятина, Смирнова, Второва, Васильчикова, Безобразова, Гольцева, Тарасова, Муллова, Самоквасова, Пригары, Плотинскаго, Чечулина, Мыша, Шимановскаго, Щегловитова; Сборниками: Майделя, Белюстина и матеріалами, относящимися до новаго общественнаго устройства въ городахъ Имперіи, словомъ изучилъ тщательно русскую литературу по данному вопросу. Французская и нѣмецкая литература, выясняющая подробно процессъ развитія городскаго самоуправленія во Франціи и Пруссіи, къ сожалѣнію, осталась автору неизвѣстною. За исключеніемъ этого недостатка нельзя не признать работу Будакова весьма удовлетворительною. Характеристическія особенности строя городскаго самоуправленія во Франціи и Пруссіи, связь ихъ съ индивидуальными чертами политической жизни этихъ государствъ подмѣчены вѣрно. Въ особенности же хороша та часть работы, которая посвящена сравнительному выясненію принциповъ городовыхъ положеній 1870 и 1892 года. Имѣю честь ходатайствовать

передъ Совѣтомъ Демидовскаго Юридическаго Лицея объ удостоеніи Будакова искомой имъ степени.

Э. Берендтсъ.

2. ОТЗЫВЪ

о кандидатскомъ разсужденіи Константина Стеблина-Каменскаго „Крѣпостное право и паденіе его въ Россіи".

Выборъ темы для кандидатскаго разсужденія, сдѣланный г-мъ Стеблинымъ-Каменскимъ нельзя не признать крайне неудачнымъ. Только что окончившій курсъ юридическихъ наукъ едвали въ состояніи дать полный разборъ развитія крѣпостнаго права и исторіи его паденія, тѣмъ менѣе, если его пособіями служатъ исключительно: два литографированныхъ курса по исторіи русскаго права и государственнаго права, сочиненія Семевскаго и Иванюкова, безъ обращенія къ трудамъ Скребницкаго и Семенова. Работа г-на Стеблина-Каменскаго написана очень живо, ясно, даже интересно, но онъ только пересказалъ то, что находится въ пяти пособіяхъ, имъ избранныхъ. Только въ виду того, что авторъ находится въ мѣстности, гдѣ, пожалуй, и нѣтъ возможности получить достаточно пособій для составленія работы на эту тему, въ виду того, что авторъ весьма успѣшно кончилъ курсъ въ Лицеѣ и въ виду талантливости изложенія я рѣшаюсь ходатайствовать передъ Совѣтомъ Лицея о снисходителономъ присужденіи ему кандидатской степени.

Э. Берендтсъ.

1894 года Сентября 30-го дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ директора Заслуженнаго Ординарнаго профессора С. М. *Шпилевскаго*, присутствовали: Ординарный профессоръ Н. С. *Суворовъ*; Профессоръ Богословія, протоіерей Н. А. *Тихвинскій*; испр. должн. экстраординарныхъ профессоровъ: В. Г. *Щегловъ* и Э. Н. *Берендтсъ*; испр. должн. доцентовъ: М. А. *Липинскій* и М. М. *Катковъ*; приватъ-доценты: А. Р. *Свирщевскій* и В. А. *Юшкевичъ*. Неприсутствовали: Испр. должн. доцента А. Е. *Минервинъ*, приватъ-доценты: А. В. *Шмидтъ* и И. Я. *Гурляндъ*.

Слушали:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г-ну Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи отзыва испр. должн. доцента М. А. *Липинскаго* о диссертаціи кандидата правъ Московскаго Университета, состоящаго Товарищемъ Прокурора Ярославскаго Окружнаго Суда, Д. Н. *Стефановскаго* pro venia legendi, подъ заглавіемъ: „О предѣлахъ изслѣдованія въ уголовномъ процессѣ. Очеркъ теоріи относимости доказательствъ“, поданной имъ на соисканіе званія приватъ-доцента при Лицеѣ, **Опредѣлили:** Защиту г. Стефановскимъ этой диссертаціи назначить 2-го числа Октября, оффиціальными-же оппонентами при защитѣ ея быть М. А. Липинскому и ординарному профессору Н. С. Суворову.

3. Прошеніе состоящаго съ 1893 года стипендіатомъ безъ содержанія, для приготовленія къ профессорскому званію по Государственному праву, кандида-

та юридическихъ наукъ Петра *Иванова*, коимъ, съ представленіемъ отчета о занятіяхъ своихъ за $189^{3}/_{4}$ академическій годъ, просить о назначеніи ему стипендіи на 1895 годъ. **Опредѣлили:** Просить ходатайства г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ Его Сіятельствомъ г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ ассигнованіи г. Иванову съ будущаго 1895 года на два года изъ суммъ Министерства содержанія въ размѣрѣ 600 руб. въ годъ, причемъ препроводить г-ну Попечителю, для отсылки въ министерство, представленный Ивановымъ отчетъ о занятіяхъ и отзывъ о немъ профессора Э. Н. Берендтса.

4. Прошеніе состоящаго при Лицеѣ стипендіатомъ для приготовленія къ магистерскому экзамену по Государственному праву, кандидата юридическихъ наукъ Александра *Золотарева* о продленіи ему срока для подготовки къ этому экзамену еще на полгода, съ сохраненіемъ получаемой имъ стипендіи, такъ какъ данный ему двухъ-годичный срокъ для занятій оказался недостаточнымъ; причемъ г. Золотаревъ указываетъ на необходимость продленія ему такъ же отсрочки и по отбыванію имъ воинской повинности до призыва будущаго 1895 года. По обсужденіи, **Опредѣлили:** Просить ходатайства г-на Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ Его Сіятельствомъ, г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ ассигнованіи г-ну Золотареву еще на полгода содержанія въ размѣрѣ 300 руб. для окончательной подготовки къ магистерскому экзамену; Московскому же Городскому Воинскому Присутствію сообщить о настоящемъ постановленіи Совѣта на предметъ предоставленія Золотареву отсрочки по отбыванію Воинской Повинности еще на годъ.

5. Прошеніе студента 4-го курса Даніила *Севастья-*

нова объ оставленіи его въ Лицеѣ на 7-й годъ. **Опредѣлили:** Просить ходатайства Его Сіятельства г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ оставленіи студента Севастьянова въ Лицеѣ на 7-й годъ.

6. Доложено: Еще въ маѣ настоящаго года Военно-Юридическая Академія увѣдомила Лицей, что конференція Академіи избрала ординарнаго профессора А. К. *Вульферта*, состоящаго при каѳедрѣ Уголовнаго права и Уголовнаго Судопроизводства, профессоромъ Академіи и что перемѣщеніе его въ Академію можетъ состояться только въ началѣ учебнаго года, нынѣ уже наступившаго. Хотя перемѣщеніе это до сихъ поръ еще не состоялось; на Совѣтъ, которому вмѣнено Уставомъ (§§ 35 и 39) въ обязанность заботиться о пополненіи каѳедръ, высказался въ настоящемъ засѣданіи, что для замѣщенія этой каѳедры въ Лицеѣ преподаватель въ виду не имѣется, а потому **Опредѣлилъ:** Представить объ этомъ г-ну Попечителю Московскаго Учебнаго Округа и просить Его Сіятельство довести объ изложенномъ до свѣдѣнія Министерства Народнаго Просвѣщенія.

7. По выслушаніи отзыва ординарнаго профессора С. М. *Шпилевскаго* о кандидатскомъ сочиненіи *Калинина* „Способность совершать завѣщанія (testamenti facto activa) по русскимъ нынѣ дѣйствующимъ законамъ“, **Опредѣлили:** Удостоить Калинина степени кандидата юридическихъ наукъ.

8. Поданное дѣйствительнымъ студентомъ *Шевелевымъ* кандидатское сочиненіе „Поземельная собственность въ первобытныхъ обществахъ“, **Опредѣлили:** Передать для прочтенія испр. должн. экстраординарнаго профессора В. Г. Щеглову.

9. На преміи поданы сочиненія слѣдующими студентами: *Коровкинымъ* „Mandatum qualificatum“, *Корякинымъ* „Очеркъ происхожденія и историческаго развитія законныхъ ограниченій права собственности по римскому праву“ и *Петровымъ* „Французскій феодализмъ“. **Опредѣлили:** Передать эти сочиненія для прочтенія первое—ординарному профессору Н. С. *Суворову*, второе—испр. должн. доцента А. Е. *Минервину* и третье—испр. должн. экстраординарнаго профессора В. Г. *Щеглову*.

10. На основаніи § 10-го инструкціи преподавателямъ Лицея очередь для произнесенія рѣчи на имѣющемъ быть 30-го августа 1895 года актѣ Лицея падаетъ на испр. должн. экстраорд. профес. Э. Н. *Берендтса*, какъ старшаго по назначенію на службу изъ всѣхъ другихъ преподавателей, не читавшихъ еще рѣчи на актѣ, а потому **Опредѣлили:** Просить Э. Н. Берендтса приготовить рѣчь для произнесенія на торжественномъ актѣ Лицея 30-го августа 1895 года.

(*Приложеніе къ стр. 7-й*).

ОТЗЫВЪ

о диссертаціи г. Калинина „Способность совершать завѣщанія (Testamenti factio activa) по русскимъ нынѣ дѣйствующимъ законамъ“.

Большая часть этой диссертаціи посвящается вопросу объ умственныхъ способностяхъ совершающихъ духовныя завѣщанія, здѣсь представляются русскія законоположенія, относящіяся къ этому вопросу, и воззрѣнія нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ, представляющихъ критическій анализъ этихъ законоположеній, особенно

г. Карновича, напечатавшаго въ Журналѣ Министерства Юстиціи статью „Объ умственныхъ способностяхъ завѣщателей по русскимъ законамъ“. Г-нъ Калининъ останавливается на различныхъ видахъ психическаго разстройства и подробнѣе на вопросахъ о завѣщательной волѣ подвергшихся одностороннему помѣшательству и находящихся въ состояніи lucidum intervallum. Особенное вниманіе авторъ обращаетъ на значеніе свидѣтелей завѣщанія, обязанныхъ удостовѣрить здравый умъ и твердую память завѣщателя. Въ связи съ завѣщаніями психически больныхъ, авторъ разсматриваетъ вопросъ и о завѣщаніяхъ самоубійцъ, затѣмъ переходитъ къ завѣщаніямъ несовершеннолѣтнихъ и лишенныхъ по суду всѣхъ правъ состоянія. При анализѣ законодательства объ этихъ завѣщаніяхъ авторъ пользуется рядомъ ученыхъ статей по даннымъ вопросамъ, напечатанныхъ въ русскихъ юридическихъ журналахъ. По нѣкоторымъ вопросамъ авторъ противуполагаетъ различныя мнѣнія русскихъ ученыхъ и, присоединяясь къ одному изъ нихъ, указываетъ основанія предпочтенія имъ того или другаго мнѣнія. Иногда представляются и историческія объясненія. Для нѣкоторыхъ отдѣловъ диссертаціи желательно было бы болѣе стройное, систематическое изложеніе; послѣднее вообще не отличается литературными достоинствами. Но эти недостатки не столь существенны, чтобы препятствовали признать эту диссертацію удовлетворительною для полученія авторомъ ея ученой степени кандидата.

Заслуж. орд. проф. *С. Шпилевскій.*

ЖУРНАЛЪ

чрезвычайнаго публичнаго засѣданія Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея

Октября 2 дня 1894 года.

С Л У Ш А Л И:

Публичную защиту кандидатомъ юридическихъ наукъ Д. Н. *Стефановскимъ* диссертаціи его подъ заглавіемъ „О предѣлахъ изслѣдованія въ уголовномъ процессѣ. Очеркъ теоріи относимости доказательствъ“, представленной для полученія званія приватъ-доцента. По выслушаніи въ настоящемъ публичномъ засѣданіи возраженій гг. оппонентовъ и данныхъ диспутантомъ отзывовъ, **Опредѣлили:** Признать защиту г. Стефановскимъ сказаннаго сочиненія его вполнѣ удовлетворительною и пробную лекцію назначить ему для прочтенія на тему по его избранію 4-го сего октября, во вторникъ съ 12 часовъ, одобривъ для оной избранную г-мъ Стефановскимъ тему „Судебныя пренія, ихъ содержаніе и назначеніе“.

ЖУРНАЛЪ

чрезвычайнаго засѣданія Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея

Октября 4-го дня 1894 года.

Согласно постановленію Совѣта 2-го сего октября ищущимъ званія приватъ-доцента *Д. Н. Стефановскимъ* прочитана была нынѣ пробная лекція на тему по его избранію—„Судебныя пренія, ихъ содержаніе и назначеніе“. Обсудивъ достоинство этой лекціи, Совѣтъ еди-

ногласно призналъ ее вполнѣ удовлетворительною и для прочтенія второй лекціи, **Опредѣлили:** Назначить 6-го сего октября слѣдующую тему: „О заключительномъ словѣ предсѣдателя суда".

ЖУРНАЛЪ

чрезвычайнаго засѣданія Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея

Октября 6-го дня 1894 года.

Согласно постановленію Совѣта 4-го сего октября ищущимъ званія приватъ-доцента г. Товарищемъ Прокурора Ярославскаго Окружнаго Суда *Д. Н. Стефановскимъ* прочитана была нынѣ вторая пробная лекція на назначенную для сего Совѣтомъ тему: „О заключительномъ словѣ предсѣдателя суда". Обсудивъ достоинство этой лекціи и признавъ ее вполнѣ удовлетворительною, **Опредѣлили:** На основаніи § 20 устава Лицея удостоить г. Стефановскаго званія приватъ-доцента. Подвергнутый затѣмъ баллотировкѣ г-нъ Стефановскій единогласно (4 и 0) избранъ былъ Совѣтомъ для чтенія въ Лицеѣ лекцій по Уголовному Судопроизводству по 3 часа въ недѣлю съ вознагражденіемъ по 1200 р. въ годъ изъ остатковъ отъ суммъ личнаго состава Лицея, съ выдачей ему этого вознагражденія со времени избранія—съ 6-го сего октября. О вышеизложенномъ представить для утвержденія г-ну Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

1894 года октября 27-го дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора Заслуженнаго Ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, присутствовали: Ординарный профессоръ *Н. С. Суворовъ*;

Профессоръ Богословія, протоіерей *Н. А. Тихвинскій;* испр. должн. экстраординарнаго профессора *В. Г. Щегловъ;* исправл. должн. доцентовъ: *М. А. Литинскій* и *А. Е. Минервинъ;* приватъ-доценты: *А. Р. Свирцевскій* и *В. А. Юшкевичъ.* Неприсутствовали: Исправл. должн. экстраорд. проф. *Э. Н. Берендтсъ*—по болѣзни, испр. должн. доцента *М. М. Катковъ*—по нахожденію присяжнымъ засѣдателемъ, приватъ-доценты *А. В. Шмидтъ, И. Я. Гурляндъ* и *Д. Н. Стефановскій.*

Слушали:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта, и подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г-ну Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г-на Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 11 сего октября за № 16191, коимъ утверждаетъ постановленіе Совѣта Лицея о допущеніи Товарища Прокурора Ярославскаго Окружнаго Суда, Коллежскаго Ассесора, *Стефановскаго* къ чтенію лекцій въ качествѣ приватъ-доцента Уголовнаго Судопроизводства по 3 часа въ недѣлю, съ выдачей ему вознагражденія по 1200 рублей въ годъ изъ остатковъ отъ суммъ личнаго состава Лицея, начиная съ 6-го сего октября. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію и копію съ заслушаннаго предложенія передать въ Правленіе Лицея.

3. Отношеніе Директора Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ отъ 29 минувшаго сентября за № 42, коимъ проситъ выслать въ Институтъ изданныя Лицеемъ сочиненія по исторіи и археологіи народностей, входившихъ въ составъ Византійской имперіи. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

4. Отношеніе редакціи журнала Министерства Юсти-

ціи отъ 30-го сентября сего года за № 13 объ обмѣнѣ съ нею Лицеемъ своими изданіями. **Опредѣлили:** Установить съ названною редакціею обмѣнъ изданій и начать высылку Временника съ 62-й книги.

5. Разсматривали прошенія студентовъ Лицея о назначеніи имъ стипендій. Сообразивъ относительное достоинство изъ по оказаннымъ на испытаніяхъ успѣхамъ, поведенію и бѣдности и данную Бухгалтеромъ справку о числѣ стипендій и состояніи стипендіальныхъ суммъ, **Опредѣлили:** А) изъ 20-ти демидовскихъ стипендій оставить восемь за получавшими въ истекшемъ учебномъ году: Вологодскимъ Леонидомъ, Казанцевымъ Васильемъ, Карасовымъ Андреемъ, Кошлаковымъ Константиномъ, Крыловымъ Николаемъ, Мясниковымъ Петромъ, Нетинымъ Сергѣемъ и Ширяевымъ Валеріаномъ. Б) Вновь назначить съ 16-го августа стипендіи студентамъ: Мануйлову Константину, Батурину Владиміру, Старухину Михаилу, Свадковскому Николаю, Познякову Александру и Лигскому Дмитрію. В) На счетъ тѣхъ-же суммъ оставить за прежде жившими въ интернатѣ студентами Иносовымъ Григоріемъ и Кирживокольскимъ Болеславомъ и, согласно заявленію г-на Директора, вновь помѣстить въ интернатъ Петра Искржицкаго, Дмитрія Ткаченко и Константина Лаврова. Г) Изъ благотворительныхъ стипендій: Болдырева оставить за студентомъ Дмитріевымъ, а Макиной за студентомъ Виноградовымъ Евгеніемъ и вновь назначить съ 1-го сентября Топлениновскую—Декаполитову Петру, Преосвященнаго Леонида—Положенцеву Григорію и Статск. Совѣтника Соколова—Рахинскому Ѳедору. Д) На счетъ % съ капитала Н. Н. Демидова оставить въ интернатѣ Сидоровскаго Александра и Хлѣбникова Максимиліана. Е) На сумму внесенную Почетнымъ По-

печителемъ Лицея П. А. Демидовымъ помѣстить въ интернатъ студента Александра Матвѣева. Ж) Изъ образовавшихся отъ стипендій остатковъ (§ 12 ст. 3-я) 292-хъ рублей выдать пособія студентамъ: Коровкину Сергѣю 40 руб., Рклицкому Леониду 37 рублей, Букуновскому Александру 35 рублей, Діомидову Владиміру 30 рублей и по 25 рублей—Добротину Николаю, Любомудрову Ѳедору, Спасскому Петру, Озерецкому Ивану, Виноградову Дмитрію и Куцову Ѳедору. Копію съ этого постановленія Совѣта передать въ Правленіе Лицея, которое и просить удовлетворять прописанныхъ выше студентовъ стипендіями помѣсячно. Списокъ стипендіатовъ сообщить Инспектору и Библіотекарю.

6 Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ приняты имъ: ва 1-й курсъ *Ежовъ* Вячеславъ изъ Московскаго Университета (Усть-Медвѣдицкой гимназіи), *Мурановъ* Яковъ—Московскаго Университета (Ярославской гимназіи) и *Шестоперовъ* Павелъ—Лазаревскаго Института (Пензенской гимназіи); на 2-й курсъ—*Бардаковъ* Николай—Кіевскаго Университета (Черниговской гимназіи), *Коленковичъ* Николай бывшій студентъ Лицея, *Филиповъ* Евгеній—Казанскаго Университета (Казанской 2-й гимназіи); на 3-й курсъ—*Домбровскій* Владиміръ—Кіевскаго Университета (Одесской 2 гимназіи), *Ильницкій* Матвѣй—Кіевскаго Университета (Кутаисской гимназіи), *Лебедевъ* Александръ—Московскаго Университета (Владимірской гимназіи), *Манусовичъ* Александръ—Московскаго Университета (Омской гимназіи), *Осинскій* Павелъ—Казанскаго Университета (Ананьевской гимназіи), *Петровскій* Андрей—Московскаго Университета (Кіевской 2-й гимназіи), *Писаренко* Константинъ—Кіевскаго Университ. (Курской гимназіи), *Фра-*

тица Иванъ—Кіевскаго Университ. (Кишиневской 1-й гимназіи), *Чиннов*ъ Митрофанъ—Казанскаго Университета (1-й Казанской гимназіи); на 4-й курсъ—*Богданов*ъ Григорій изъ Московскаго Университета (Тамбовской гимназіи), *Воробьев*ъ Павелъ—Московскаго Университета (Виленской 1-й гимназіи), *Нечаров*ъ Александръ—Московскаго Университета (1-й Московской гимназіи), *Пеняков*ъ Михаилъ—Петербург. Унив. (Маріупол. гимназіи), *Истерсон*ъ Германъ—Московскаго Университета (Либавской гимназіи), *Успат*ъ Григорій—Московскаго Университета (1-й Кишиневской гимназіи) и *Чептуков*ъ Ѳедоръ—Харьковскаго Университета (Маріупольской гимназіи). **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

7. Гг. Профессорами и преподавателями Лицея, на основаніи § 3-го инструкціи преподавателямъ, представлены слѣдующіе учебные планы: 1) Профессоромъ Богословія, протоіереемъ Н. А. *Тихвинскимъ:* „Въ наступившемъ академическомъ году по каѳедрѣ Богословія имѣетъ быть мною преподано студентамъ 1-го курса: а) Ученіе о религіи вообще, ея сущности, происхожденіи и историческомъ началѣ, о философскихъ доказательствахъ бытія Божія. б) Догматическое ученіе о Богѣ, Его существѣ и о существенныхъ свойствахъ, о Богѣ единомъ по существу и троичномъ въ лицахъ. в) Ученіе о Богѣ-Творцѣ міра и человѣка, о Богѣ-Промыслителѣ о мірѣ и человѣкѣ, о Богѣ-Совершителѣ спасенія людей и раздаятелѣ благодатныхъ даровъ къ освященію и спасенію человѣка“. 2) Ординарн. проф. Н. С. *Суворовымъ:* „Церковное право будетъ читаться на 3-мъ курсѣ, при шести часахъ въ недѣлю, по программѣ прошлаго года въ предѣлахъ изданнаго мною печатнаго руководства, а Римское право—студентамъ 2-го курса (Общая часть и вещное право), при четы-

рехъ часахъ въ недѣлю, по плану 189²/₃ акад. года". Затѣмъ сдѣлали словесныя заявленія о чтеніи въ наступившемъ учебномъ году лекцій по планамъ утвержденнымъ на истекшій учебный годъ, согласнымъ съ планами для испытательныхъ юридическихъ Коммиссій: Заслуженный Ординарный профессоръ С. М. *Шпилевскій* по Исторіи русскаго права и изъ Гражданскаго права (семейственное и наслѣдственное), испр. должн. экстраорд. проф. В. Г. *Щегловъ* по Энциклопедіи права и Всеобщей исторіи права, Э. Н. *Берендтсъ* по Государственному и Административному праву; исправл. должн. доцентовъ М. А. *Липинскій* на 2-мъ курсѣ Исторію русскаго права и на 4 курсѣ Гражданское Судопроизводство, А. Е. *Мингервинъ* по Институціямъ Римскаго права и Исторіи Римскаго права, М. М. *Катковъ* по Римскому праву, приватъ-доценты: А. Р. *Свирцевскій* по Политической экономіи и Финансовому праву, А. В. *Шмидтъ* по Международному праву, И. Я. *Гурляндъ* по Торговому праву, а приступившіе въ настоящемъ учебномъ году къ чтенію приватъ-доценты: В. А. *Юшкевичъ* Гражданскаго права и Д. Н. *Стефановскій* Уголовнаго Судопроизводства заявили, что предметы свои они будутъ читать по Университетской программѣ. **Опредѣлили:** Съ прописаніемъ изложеннаго представить чрезъ г-на Попечителя Московскаго Учебнаго Округа въ Министерство Народнаго Просвѣщенія.

8. На основаніи § 61 правилъ утвержденныхъ г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія 10-го Сентября 1893 года для экзаменовъ въ декабрѣ мѣсяцѣ вновь поступившимъ въ нынѣшнемъ году студентамъ желающимъ освободиться на будущее полугодіе отъ взноса платы за слушаніе лекцій, **Опредѣлили:** Назначить слѣдующіе предметы: Энциклопедію права, Институціи Римскаго права и Исторію русскаго права.

9) Кандидатскія сочиненія, поданныя окончившими нынѣ курсъ: *Константиновичемъ* „Россійское дворянство“ и *Петровскимъ* „Табачная монополія въ сравненіи съ акцизно-бандерольной системой взиманія табачнаго налога“; **Опредѣлили:** Передать для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзывовъ—первое Э. Н. Берендтсу, а второе—А. Р. Свирщевскому.

10) На основаніи § 32 правилъ представлены въ Совѣтъ Лицея гг. Профессорами Лицея слѣдующія темы для сочиненій студентамъ на преміи: 1) Ординарнымъ профессоромъ Н. С. *Суворовымъ* А) по Церковному праву студентамъ 3-го курса: a) „Церковная форма заключенія брака на Востокѣ и на Западѣ въ ея историческомъ развитіи“, b) „Участіе свѣтскаго элемента въ русскомъ церковномъ устройствѣ до XVIII столѣтія“, c) „О власти Константинопольскаго церковнаго правительства надъ русскою церковію въ періодъ зависимости послѣдней отъ Константинополя“, d) „Отношеніе императорской власти къ древнимъ вселенскимъ соборамъ“. Б) По Римскому праву студентамъ 2-го курса: a) „O bone fides при узукапіи“, b) „O justus titulus при узукапіи“, c) „О принужденіи при заключеніи юридическихъ сдѣлокъ“, d) „Понятіе и виды условія“. 2) Испр. долж. экстраординарн. профессора В. Г. *Щегловымъ:* А) по Энциклопедіи права: a) „Ученіе о правѣ школы естественнаго права сравнительно съ исторической“, b) „Взглядъ Р. Ф. Іеринга на право“, c) „Отношеніе права къ государству“, d) „Отношеніе права къ волѣ человѣка“, e) „Объ обычномъ правѣ“. Б) по Всеобщей Исторіи права: a) Ученіе объ историческихъ законахъ соціальной жизни“. b) „Первобытная семья по Мэну“, c) „О вліяніи культа предковъ на древнее право“, d) „Германскій феодализмъ“, e)

„Основныя черты общественно юридической жизни во Франціи XVIII ст.“ 3) Испр. должн. доцента М. А. *Липинскимъ:* A) по Исторіи Русскаго права: a) „Важнѣйшія положенія въ наказахъ дворянскимъ депутатамъ 1767 г., относящіяся до мѣстнаго управленія“, b) „Разборъ жалованной Грамоты дворянству 1785 года“, c) „Уголовное право Воинскаго Устава“, d) „Помѣстная система въ уложеніи 1649 года“. Б) по Гражданскому Судопроизводству: a) „Владѣльческіе иски по русскому праву“, b) „Судебныя издержки и ихъ возмѣщеніе“, c) „Признаніе какъ судебное доказательство“, d) „Сила судебныхъ рѣшеній по русскому праву“. 4) Испр. должн. доцента А. Е. *Минервинымъ:* A) По Институціямъ Римскаго права: a) „Такъ называемый строгій бракъ (matrimonium cum manu mariti)“, b) „Такъ называемая бонатарная собственность“, c) „Bonorum possessio secundum tabulos“; Б) По Исторіи Римскаго права: a) „Источники права во времена республики“, b) „Ulpiani liber singularis regularum (такъ называем. Fragmenta)“, c) „Реформа эдикта при Адріанѣ“. 5) Приватъ-доцентомъ А. Р. *Свирщевскимъ:* A) по Политической экономіи: a) „Прибыль предпринимателя“, b) „Рабочіе союзы въ Англіи“. Б) По Финансовому праву: a) „Обложеніе сахара“. 6) Приватъ-доцентомъ В. А. *Юшкевичемъ:* по Гражданскому праву: a) „О силѣ права собственности по отечественному праву“, b) „Юридическая квалификація владѣнія, какъ моментъ для пріобрѣтенія по давности по русскому праву“, c) „О пріобрѣтеніи намывныхъ образованій рѣкъ по русскому праву, въ соображеніи теоріи римскаго права и постановленій иностранныхъ законодательствъ“. 7) Приватъ-доцентомъ Д. Н. *Стефановскимъ:* По Русскому уголовному процессу: a) „О пресѣченіи обвиняемому

способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда", b) „Вещественныя доказательства на дознаніи, предварительномъ слѣдствіи и въ судѣ", c) „О постановкѣ вопросовъ по дѣламъ рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей", d) „Заочное разбирательство въ административно-судебныхъ, мировыхъ и общихъ судебныхъ установленіяхъ", e) „Объ уголовномъ преслѣдованіи въ порядкѣ частнаго обвиненія". Затѣмъ заявили, что на наступившій учебный годъ оставляютъ темы прошлаго года: Заслуж. ординарн. профессоръ С. М. *Шпилевскій* по Исторіи русскаго права испр. должн. экстраординарнаго профессора Э. Н. *Берендтсъ*—по Государственному и Административному праву, испр. должн. доцента М. М. *Катковъ*—по Римскому праву, приватъ-доценты:—А. В. *Шмидтъ* по Международному праву и И. Я. *Гурляндъ* по Торговому праву. **Опредѣлили:** Темы утвердить и объявить о нихъ студентамъ.

1894 года ноября 28-го дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора Заслуженнаго Ординарнаго профессора С. М. *Шпилевскаго*, присутствовали: Ординарный профессоръ Н. С. *Суворовъ;* Профессоръ Богословія, протоіерей Н. А. *Тихвинскій;* испр. должн. экстраординарныхъ профессоровъ: В. Г. *Щегловъ* и Э. Н. *Берендтсъ;* испр. должн. доцентовъ: М. А. *Литинскій,* А. Е. *Минервинъ* и М. М. *Катковъ;* приватъ-доценты: А. Р. *Свирщевскій* и В. А. *Юшкевичъ.*

СЛУШАЛИ:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г-ну Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г-на Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 8 сего ноября за № 18429, коимъ увѣдомляетъ, что г. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія согласенъ на оставленіе на соотвѣтствующихъ курсахъ на 3-й годъ студентовъ Лицея: 2-го курса Сергѣя *Валькова*, Александра *Грачева*, Константина *Грековича*, Ивана *Перфильева* и Виктора *Симона*; 3-го курса Фридриха *Буркевича*, Михаила *Ивашицкаго*, Ивана *Иванова*, Павла *Козина*, Вячеслава *Нечаева*, Николая *Подкопаева* и Михаила *Шиловскаго* и 4-го курса Николая *Ивакина* и Гавріила *Щербину*. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

3. Предложеніе г-на Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 9 сего ноября за № 18487, коимъ увѣдомляетъ, что г. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія согласенъ на оставленіе студента Лицея 4-го курса Даніила *Севастьянова* на 2-й годъ на томъ-же курсѣ, не смотря на то, что онъ пробылъ по два года на 1 и 2-мъ курсахъ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію и объявить о вышеизложенномъ студенту Севастьянову, при чемъ оставить за нимъ на наступившій учебный годъ Демидовскую стипендію, которую получалъ онъ въ истекшемъ году.

4. Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ Лицея приняты имъ: на 1-й курсъ—*Константиновъ* Петръ изъ Ярославской гимназіи; на 3-й курсъ *Сейфертъ* Эдвардъ изъ Юрьевскаго Университета; на 4-й курсъ *Левенсонъ* Владиміръ изъ Московскаго Университета (Петербургской гимназіи Гуревича), *Ненароковъ* Александръ—Московскаго Университета (Московской 1-й гимназіи), *Самоловъ* Константинъ—Московск. Университета (Саратовской гимназіи) и *Федоровскій* Василій—Московскаго Университета (Саратовской гимназіи). **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

5. Прошенія окончившихъ въ нынѣшнемъ году курсъ студентовъ: *Боголюбскаго*, *Кроткова*, *Пелетики* и *Рашшіевскаго* объ отсрочкѣ подачи ими кандидатскихъ сочиненій на полгода. Принимая во вниманіе причины, указанныя въ прошеніяхъ, **Опредѣлили:** Отсрочить подачу кандидатскихъ сочиненій прописаннымъ лицамъ до 1-го іюня 1895 года.

6. Поданы своевременно кандидатскія сочиненія: *Бестужевымъ-Рюминымъ* „Договоръ страхованія съ точки зрѣнія публичнаго и частнаго права“; *Владиміровымъ* „Положеніе иностранцевъ въ Россіи до Петра I“ и графомъ *Кутайсовымъ* „Понятіе о преступленіи и наказаніи по Русской Правдѣ“. **Опредѣлили:** Передать эти сочиненія для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзывовъ о нихъ первое—И. Я. Гурлянду, второе—Э. Н. Берендтсу и третье—С. М. Шпилевскому.

7. По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи отзыва привать-доцента А. Р. *Свирщевскаго* о кандидатскомъ сочиненіи окончившаго курсъ *Петровскаго* Григорія „Табачная монополія въ сравненіи съ акцизно-банде-рольной системой взиманія табачнаго налога“, **Опредѣлили:** Удостоить Петровскаго степени кандидата юридическихъ наукъ.

8. По выслушаніи прилагаемаго при семъ отзыва Н. С. *Суворова* о сочиненіи студента Сергѣя *Коровкина* „Mandatum qualificatum и constitum debiti alieni, какъ особые виды поручительства“, **Опредѣлили:** Удостоить Коровкина малой премій въ размѣрѣ 25 руб.

9. Вслѣдствіе заявленій Э. Н. *Берендтса* и А. Р. *Свирщевскаго*, **Опредѣлили:** Напечатать во Временникѣ Лицея изслѣдованіе перваго—„О Шведско-Норвежской уніи“ и переводъ съ англійскаго—Гобсена, втораго—„Развитіе современнаго капитализма“.

10. Получено извѣстіе о смерти студента *Мокринскаго*. **Опредѣлили:** Исключить Мокринскаго изъ списковъ студентовъ.

11. По заявленію Д. Н. *Стефановскаго* о принятіи на счетъ Лицея расходовъ по напечатанію имъ сочиненія „О предѣлахъ изслѣдованія въ уголовномъ процессѣ“, **Опредѣлили:** Уплатить расходы по напечатанію этого сочиненія.

12. По обсужденіи вопроса о темахъ на медали студентамъ, **Опредѣлили:** Просить Д. Н. Стефановскаго заявить къ слѣдующему засѣданію тему по уголовному судопроизводству.

13. По разсмотрѣніи въ настоящемъ засѣданіи Совѣта доставленнаго въ оный Библіотекаремъ списка русскихъ и иностранныхъ журналовъ и газетъ, **Опредѣлили:** Выписать на будущій 1895 годъ журналы и газеты по составленному Библіотекаремъ списку.

14. Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея, на основаніи § 41 Устава Лицея, производилъ закрытою баллотировкою избраніе въ члены Правленія Лицея, причемъ профессора В. Г. *Щегловъ* и Э. Н. *Берендтсъ* получили по три избирательныхъ шара и по одному неизбирательному, послѣ чего произведена была перебаллотировка, давшая тѣ же результаты. **Опредѣлили:** Представить объ изложенномъ на усмотрѣніе и распоряженіе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.

(*Приложеніе къ ст. 7-й*).

ОТЗЫВЪ

привать-доцента А. Свирщевскаго о сочиненіи представленномъ Григор. Петровскимъ для полученія степени кандидата: „Табачная монополія въ сравненіи съ акцизно-бандерольной системой взиманія табачнаго налога“.

Названное сочиненіе г. Петровскаго представляетъ

собою обстоятельное изслѣдованіе двухъ противоположныхъ типичныхъ системъ табачнаго обложенія. За краткимъ введеніемъ, посвященнымъ вопросу о табакѣ, какъ податномъ объектѣ, авторъ послѣдовательно разсматриваетъ: основанія монопольной системы, устройство монопольнаго управленія, дурныя и хорошія стороны табачной монополіи, исторію акцизно-бандерольной системы въ Россіи и С.-Америк. Штатахъ и ея основныя начала. Въ заключеніе онъ сравниваетъ результаты обоихъ типовъ обложенія табаку и, тщательно взвѣсивъ достоинства и недостатки того и другаго, приходитъ къ выводу о безусловномъ превосходствѣ акцизной системы въ ея наиболѣе совершенной формѣ обложенія готоваго фабриката надъ монопольной системой.

Авторъ добросовѣстно изучилъ литературу предмета и умѣло воспользовался ею въ своемъ тщательномъ разсмотрѣніи различныхъ вопросовъ, входившихъ въ его тему. По моему мнѣнію сочиненіе г. Петровскаго должно признать вполнѣ удовлетворительнымъ для утвержденія его въ степени кандидата.

Приватъ-доцентъ *А. Свирщевскій.*

(Приложеніе къ ст. 8-й).

О Т З Ы В Ъ

о сочиненіи студента Коровкина: „Mandatum qualificatum и constitum debitt alieni, какъ особые виды поручительства“.

Авторъ совсѣмъ не знакомъ съ монографической литературой по предмету своего изслѣдованія и самъ чувствуетъ пробѣлъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ въ предисловіи къ своему сочиненію высказываетъ сожалѣніе, совершенно основательное, что не познакомился съ диссертаціей Соколовскаго: „Mandats bürgs:haft“,

которая и въ самомъ дѣлѣ могла бы принести автору большую пользу для правильной оцѣнки интерцессіоннаго мандата или мандатнаго поручительства, получившаго въ западно-европейской наукѣ названіе квалифицированнаго мандата. Къ недостаткамъ работы Коровкина нужно отнести неумѣнье выражаться въ нѣкоторыхъ случаяхъ правильнымъ русскимъ языкомъ. Но было бы несправедливо отрицать, что авторъ все таки довольно добросовѣстно потрудился надъ своей темой и не безъ пользы для себя. То, что можно было найти въ учебникахъ и руководствахъ пандектныхъ въ старыхъ и новыхъ (Глюкъ, Крицъ, Вагнеровъ, Синтенисъ, Брандъ, Вахтеръ, Виндшейдъ, Дернбургъ и др.), Коровкинъ просмотрѣлъ и изучилъ внимательно и внимательно же пересмотрѣлъ и взвѣсилъ мѣста источниковъ, относящихся къ квалифицированному мандату и конституту. Взаимное отношеніе каждаго изъ этихъ видовъ поручительства къ фидеюссіи трактуется весьма обстоятельно и съ пониманіемъ. Въ виду этого я находилъ бы возможнымъ поощрить автора малой преміей.

Н. Суворовъ.

1894 года декабря 20-го дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора Заслуженнаго Ординарнаго профессора С. М. *Шпилевскаго*, присутствовали: Ординарный профессоръ Н. С. *Суворовъ;* Профессоръ Богословія, протоіерей Н. А. *Тихвинскій;* испр. должн. экстраординарныхъ профессоровъ: В. Г. *Щегловъ* и Э. Н. *Берендтсъ;* испр. должн. доцентовъ: М. А. *Липинскій* и А. Е. *Минервинъ;* приватъ-доценты: А. Р. *Свирщевскій* и Д. Н. *Стефановскій.*

СЛУШАЛИ:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта

и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г-ну Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г-на Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 29-го минувшаго ноября за № 19669, коимъ увѣдомляетъ, что г-нъ Министръ Народнаго Просвѣщенія согласенъ на оставленіе при Лицеѣ кандидата Александра *Золотарева* для приготовленія къ профессорскому званію еще на полгода съ сохраненіемъ за нимъ стипендіи изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

3. Предложеніе г-на Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 14-го сего декабря за № 20910, коимъ разрѣшаетъ напечатать во Временникѣ Лицея протоколы засѣданій Совѣта отъ 26 августа и 12 сентября 1892 года. **Опредѣлили:** Принять къ исполненію.

4. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 15 сего декабря за № 20967, коимъ увѣдомляетъ, что г-нъ Министръ Народнаго Просвѣщенія утвердилъ планы преподаванія въ Лицеѣ въ настоящемъ $189^{4}/_{5}$ учебномъ году. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

5. Г. Директоръ заявилъ, что вслѣдствіе прошенія студента *Старухина*, получающаго Демидовскую стипендію, студентъ этотъ помѣщенъ въ интернатъ на Демидовское содержаніе. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

6. Прошенія окончившихъ курсъ наукъ въ Лицеѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертацій: *Гощинскаго* Константина, *Иванова* Михаила, *Страшкова* Георгія и *Эпштейна* Василья объ отсрочкѣ имъ подачи диссертацій, такъ какъ Гощинскій по

болѣзни, а остальные по служебнымъ обязанностямъ не могли представить ихъ своевременно. **Опредѣлили:** Отсрочить означеннымъ лицамъ представленіе кандидатскихъ диссертацій до 1-го іюня сего года, о чемъ имъ и объявить.

7. По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи отзывовъ о кандидатскихъ сочиненіяхъ: *Владимірова, Константиновича*, графа *Кутайсова* и *Стеблина-Каменскаго* Бориса, **Опредѣлили:** Утвердить поименованныхъ лицъ, кромѣ Стеблина-Каменскаго, въ степени кандидата юридическихъ наукъ, послѣднему-же, не утверждая его въ искомой степени, назначить новый полугодичный срокъ для представленія диссертаціи; отзывы утвержденныхъ напечатать во Временникѣ Лицея.

8. По выслушаніи прилагаемыхъ при семъ отзывовъ о сочиненіяхъ, поданныхъ студентами на преміи. *Петровымъ* Леонидомъ „Французскій феодализмъ“ и *Коряжкинымъ* Григорьемъ „Очеркъ ограниченія права собственности“, **Опредѣлили:** Удостоить Петрова и Коряжкина малой преміи въ размѣрѣ по 25 руб., для удовлетворенія-же прописанныхъ выше студентовъ деньгами копію съ сего постановленія передать въ Правленіе Лицея.

9. Для сочиненія на золотую медаль текущаго года **Опредѣлили:** Оставить данную въ прошломъ учебномъ году тему по Уголовному праву „О вознагражденіи невинно къ уголовному суду привлекаемыхъ“ и вновь одобрить тему, предложенную приватъ-доцентомъ Д. Н. Стефановскимъ по Уголовному процессу „Труды Миттермайера въ области уголовнаго судопроизводства и вліяніе ихъ на русскую литературу“.

10. Окончившій въ 1894 году курсъ наукъ въ Лицеѣ Алексѣй *Соколовъ* представилъ своевременно кан-

дидатское сочиненіе подъ заглавіемъ: „Освобожденіе крестьянъ въ Россіи“, которое **Опредѣлили:** Передать для разсмотрѣнія и доставленія въ Совѣтъ отзыва о немъ профессору Э. Н. Берендтсу.

(Приложенія къ ст. 7-й).

I. ОТЗЫВЪ

о диссертаціи Н. Владимірова „Положеніе иностранцевъ въ Россіи до Петра I“.

Работа г. Владимірова не заурядная кандидатская диссертація, а сравнительно очень основательный научный трудъ. Авторъ доказалъ своей работой, что онъ основательно изучилъ источники, умѣетъ пользоваться ими и оцѣнивать критически содержащіяся въ нихъ данныя. Онъ пользовался для составленія своего труда: Полнымъ собраніемъ русскихъ лѣтописей, собраніемъ государственныхъ грамотъ и договоровъ съ Актами Археографической экспедиціи. Въ качествѣ пособій ему послужили слѣдующ. сочин.: *Соловьева*—Исторія Россіи (т. I—VI), *Андреевскій*—О договорахъ Новгорода съ нѣмецкими городами, *Бережковъ*—Торговля Руси съ Ганзою, *Лешковъ*—Рѣчь о древней русской дипломатіи, *Костомаровъ*—Очеркъ торговли Московскаго Государства въ XVI и XVII вв, труды Капустина, Аристова, Цвѣтаева и др. Къ сожалѣнію онъ не ознакомился съ сочиненіями Андреевскаго „О правахъ иностранцевъ въ Россіи до вступленія Іоанна III на престолъ“ и Цвѣтаева „Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій 1890 г.“ Но съ основнымъ положеніемъ диссертаціи Андреевскаго онъ знакомъ посредственно, благодаря изученію другихъ первыхъ трудовъ Цвѣтаева.

Система труда наглядная, строго выдержана, изложеніе ясное и изящное, выводы логичны.

Считаю долгомъ ходатайствовать передъ Совѣтомъ Демидовскаго Юридическаго Лицея о награжденіи г-на Владимірова степенью кандидата.

Э. Берендтсъ.

II. ОТЗЫВЪ

о диссертаціи г. Константиновича: „Россійское дворянство въ императорскій періодъ".

Окончившій въ 1894 г. курсъ юридическихъ наукъ въ Лицеѣ г. Константиновичъ представилъ диссертацію подъ заглавіемъ „Россійское дворянство въ императорскій періодъ" для полученія степени кандидата.

Выборъ темы весьма неудачный. самостоятельная обработка ея едва-ли по силамъ только что окончившему университетскій курсъ, и дѣйствительно работа г-на Константиновича представляетъ собою только обзоръ развитія нашего дворянства въ императорскій періодъ, обзоръ, составленный на основаніи сочиненій Романовича-Славатинскаго, Яблочкова, Скребицкаго, Неволина, Бѣляева, Лакіера и Сергіевича, причемъ авторъ пользовался, хотя въ весьма ограниченной мѣрѣ, П. С. З. (I и II), за то очень довольно часто прибѣгалъ къ общимъ гербовникамъ дворянскихъ родовъ Всероссійской имперіи.

Но нельзя не признать, что авторъ изучилъ занимающій его вопросъ весьма тщательно и основательно. Онъ даетъ сперва характеристику положенія дворянства въ различные періоды его исторіи, затѣмъ трак-

туетъ о судьбѣ дворянства въ царствованіе Петра Великаго, о фактическомъ раздвоеніи дворянста при преемникахъ Петра I, о его службѣ въ теченіе 18 ст., переходитъ затѣмъ къ разсмотрѣнію положенія дворянства въ царствованіе Александра II и въ заключеніи озаглавленномъ „общій взглядъ на исторію дворянства“, высказываетъ весьма оптимистическія ожиданія на счетъ будущности русскаго дворянства.

Въ общемъ я признаю работу г-на Константиновича удовлетворительной и прошу Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея удостоить его степени кандидата.

И. д. экстраорд. проф. *Э. Берендтсъ.*

III. ОТЗЫВЪ

о диссертаціи графа В. Кутайсова „Понятія о преступленіи и наказаніи по Русской Правдѣ“.

Диссертація графа Кутайсова, представляющая 220 страницъ, распадается на двѣ части, неравныя по своимъ объемамъ и достоинствамъ: введеніе и спеціальное изслѣдованіе на указанную тему.

Введеніе представляетъ очень поверхностный очеркъ о древнѣйшемъ родовомъ бытѣ, о переходѣ его въ общинный бытъ, объ основаніи государства призваніемъ трехъ князей, Рюрика съ братьями, о вліяніи христіанства на общественно-государственный строй русскихъ славянъ. Здѣсь много положеній, съ которыми не только нельзя согласиться, но которыя представляютъ явныя и довольно важныя ошибки, напр. „продажа“ въ противоположность „вирѣ“ называется взысканіемъ за убытки или вредъ отъ преступленія, а вира—взыска-

ніе за самое преступленіе (стр. 29), подъ Номоканономъ разумѣется всякое постановленіе, опредѣлявшее отношеніе духовной власти къ свѣтской (стр. 32) и т. д. Авторъ смѣшиваетъ разные періоды развитія русскаго права, приписываетъ древнѣйшему времени то, что было явленіями позднѣйши. Далѣе слѣдуетъ краткое изложеніе содержанія договоровъ съ греками по отношенію къ уголовному праву. Послѣ 40 страницъ введенія, обличающаго крайнее легкомысліе автора, начинается обозрѣніе внѣшней исторіи Русской Правды, гдѣ авторъ останавливается преимущественно на вопросахъ: о частномъ или оффиціальномъ происхожденіи Русской Правды, объ источникахъ ея и объ отношеніи между собою разныхъ списковъ этого памятника. Здѣсь начинается уже совершенно другое отношеніе автора къ своему дѣлу, являются несомнѣнныя доказательства, что авторъ хорошо оріентированъ въ поднимаемыхъ имъ вопросахъ и ознакомленъ съ мнѣніями нашихъ ученыхъ по этимъ вопросамъ Общирнѣйшая и спеціальная часть изслѣдованія, представляющая разборъ постановленій уголовнаго права по краткой редакціи Русской Правды, отличается уже несомнѣнными достоинствами. Авторъ, какъ оказывается, не только тщательно изучилъ текстъ памятника, но отлично знакомъ съ обширною литературою по Русской Правдѣ. Авторъ разбираетъ Правду Ярослава и Правду Ярославичей, т. е. весь академическій списокъ Русской Правды, въ порядкѣ статей самого памятника, объясняя понятія о преступленіи и наказаніи, при этомъ обнаруживается громадная начитанность автора. Авторъ пользуется изслѣдованіями по Русской Правдѣ—Попова, Калачева, Богдановскаго, Власьева, Чебышева-Дмитріева, моимъ изслѣдованіемъ „Союзъ родственной защиты у древнихъ

германцевъ и славянъ", изслѣдованіями Ланге, Пахмана, Деппа, Грицко (Елисѣевъ), Сергіевича и проч.

Авторъ не только сопоставляетъ мнѣнія разныхъ ученыхъ по даннымъ вопросамъ, но подвергаетъ ихъ критической оцѣнкѣ. Далѣе Правды Ярославичей авторъ не идетъ, подробной Правды онъ не разбираетъ, и въ заключеніе представляетъ составленный, преимущественно по Иванишеву, очеркъ началъ древняго уголовнаго права германскихъ и славянскихъ народовъ сравнительно съ Русскою Правдою, а затѣмъ дѣлаетъ общіе выводы о началахъ древняго русскаго уголовнаго права, останавливаясь особенно подробно на вопросѣ о разграниченіи уголовной и гражданской неправды.

Въ виду указанныхъ достоинствъ, обширнѣйшей, спеціальной части разбираемой диссертаціи, она, по всей справедливости, должна быть признана удовлетворительною для полученія авторомъ ея искомой имъ степени кандидата.

Заслуж. орд. проф. *С. Шпилевскій.*

(Приложенія къ ст. 8-й).

I. ОТЗЫВЪ

о сочиненіи студента 2 курса Леонида Петрова „Французскій феодализмъ", представленномъ для полученія преміи.

Сочиненіе студента Петрова распадается на двѣ части. Въ первой авторъ разсматриваетъ публичную сторону феодализма въ западной Европѣ, особенно-же во Франціи. Вторая часть работы посвящена изложенію частно-правовыхъ феодальныхъ отношеній во Франціи. Въ началѣ своего сочиненія Петровъ опредѣляетъ

время, въ теченіи котораго возникъ и развился феодализмъ во Франціи, указываетъ на его особенности и условно-постепеннаго его образованія при послѣднихъ каролингахъ и первыхъ капетингахъ (положеніе свободныхъ людей, отношеніе третьяго сословія къ знатнымъ феодаламъ и др.). Затѣмъ Петровъ разсматриваетъ вопросъ о происхожденіи могущества королевской власти во Франціи и побѣдѣ ея надъ феодализмомъ. Въ отдѣлѣ о частномъ феодальномъ правѣ Петровъ сначала говоритъ о семейномъ правѣ, потомъ наслѣдственномъ и, наконецъ, имущественномъ правѣ, отличая три черты различныхъ институтовъ гражданскаго права феодальной Франціи, которыя образовались въ ней подъ вліяніемъ римскаго права, каноническаго, германскаго обычнаго права и началъ самого феодальнаго права.

Студентъ Петровъ пользовался при своей работѣ изслѣдованіями такихъ извѣстныхъ Французскихъ ученыхъ, какъ Glasson, Laferriere, Guizot, Montesquieu, и русскихъ—сочиненіями проф. Карѣева. Не смотря на сложность задачи, авторъ съумѣлъ выбрать изъ обширнаго матеріала по вопросу о Французскомъ феодализмѣ наиболѣе нужныя данныя для его разрѣшенія. Изложеніе предмета отличается живостью, хотя и не всегда необходимою полнотой. Но главный недостатокъ его работы тотъ, что авторъ мало обращаетъ вниманія на частное феодальное право во Франціи, которому онъ удѣляетъ лишь нѣсколько страницъ въ концѣ своего сочиненія. Да и по исторіи публичнаго феодальнаго права во Франціи Петровъ вставляетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одни только незначительныя замѣчанія. Не смотря на эти недостатки его работы, я полагалъ бы возможнымъ наградить *малой преміей* студента Петрова, сдѣлавшаго все, что было въ его си-

лахъ, для разрѣшенія такой трудной задачи, какъ вопросъ о Французскомъ феодализмѣ.

Испр. должн. экстраорд. проф. *В. Щегловъ.*

II. ОТЗЫВЪ

о представленномъ, для полученія премій, сочиненіи Григорія Корякина: „Очеркъ происхожденія и историческаго развитія законныхъ ограниченій права собственности по римскому праву".

Сочиненіе Григорія Корякина „Очеркъ происхожденія и историческаго развитія законныхъ ограниченій права собственности по римскому праву" начинается небольшимъ введеніемъ, въ которомъ онъ даетъ опредѣленіе законныхъ ограниченій права собственности вообще, указываетъ отношеніе ихъ къ понятію собственности и ихъ интересы, ради которыхъ они установляются закономъ. Послѣ этого введенія г. Корякинъ переходитъ къ исторіи законныхъ ограниченій римской собственности. Сначала онъ излагаетъ происхожденіе и развитіе тѣхъ законныхъ ограниченій, которыя установлены были въ виду интереса публичнаго, законно-ограниченій, установленныхъ въ интересѣ сосѣда, такъ называемаго сосѣдскаго права. Какъ видно изъ сочиненія, г. Корякинъ пользовался учебниками Рейса, Бэкинга, Вангерова. Но этихъ пособій недостаточно для болѣе или менѣе полнаго историческаго изложенія законныхъ ограниченій римской собственности. Нужно было бы обратиться къ спеціальнымъ сочиненіямъ, которыхъ по данному вопросу имѣется нѣсколько въ литературѣ. Нельзя, кромѣ того, одобрить и плана сочиненія, который болѣе пригоденъ для догматическаго, чѣмъ историческаго изложенія. Принимая, однако, во

вниманіе, что данное сочиненіе—трудъ студента, только перешедшаго на второй курсъ, что даютъ пособія, которыми г. Корякинъ пользовался, усвоено имъ и изложено ясно и довольно вѣрно, я считаю возможнымъ наградить г. Корякина за его сочиненіе малой преміей.

Испр. должн. доцента *А. Минервинъ*.

Приложеніе къ журналу Совѣта 10 Сентября 1894 года.

РОСПИСАНІЕ ЧАСОВЪ

чтенія лекцій въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ на 1894—95 учебный годъ.

ДНИ.	ЧАСЫ.	I-го КУРСА.	II-го КУРСА.	III-го КУРСА.	IV-го КУРСА.
Понедѣльникъ.	10—11	Институціи римскаго права. Исправляющій должность доцента А. Е. Минервинъ.	Исторіи русскаго права. Исправляющій должность доцента М. А. Липинскій.	Церковное законовѣдѣніе. Ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ.	Международное право. Приватъ-доцентъ А. В. Шмидтъ.
	11—12				
	12—1	Всеобщая исторія права. Испр. долж. экстраорд. профессора В. Г. Щегловъ.	Политическая экономія. Приватъ-доцентъ А. Р. Свирщевскій.	Гражданское право. Приватъ-доцентъ В. А. Юшкевичъ.	Гражданское судопроизводство. Исправляющій должность доцента М. А. Липинскій.
	1—2		Финансовое право. Приватъ-доцентъ А. Р. Свирщевскій.		Семейное и наслѣдственное право. Заслуж. ординар. профессоръ С. М. Шпилевскій.
Вторникъ.	10—11		Государственное право. Испр. долж. экстраорд. профессора Э. Н. Берендтсъ.	Церковное законовѣдѣніе. Ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ.	Гражданское судопроизводство. Исправляющій должность доцента М. А. Липинскій.
	11—12	Богословіе. Проф. Прот. Н. А. Тихвинскій.			
	12—1	Исторія русскаго права. Заслужен. ордин. профессоръ С. М. Шпилевскій.	Финансовое право. Приватъ-доцентъ А. Р. Свирщевскій.		Международное право. Приватъ-доцентъ А. В. Шмидтъ.
	1—2				
Среда.	10—11	Богословіе. Проф. Прот. Н. А. Тихвинскій.	Исторія русскаго права. Исправляющій должность доцента М. А. Липинскій.	Церковное законовѣдѣніе. Ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ.	
	11—12	Энциклопедія права. Испр. долж. экстраорд. профессора В. Г. Щегловъ.			Гражданское судопроизводство. Исправляющій должность доцента М. А. Липинскій.
	12—1			Гражданское право. Приватъ-доцентъ В. А. Юшкевичъ.	Семейное и наслѣдственное право. Заслуж. ординар. профессоръ С. М. Шпилевскій.
	1—2	Всеобщая исторія права. Испр. долж. экстраорд. профессора В. Г. Щегловъ.			
Четвергъ.	10—11	Исторія римскаго права Исправляющій должность доцента А. Е. Минервинъ.	Административное право. Испр. долж. экстраорд. профессора Э. Н. Берендтсъ.		
	11—12				
	12—1	Исторія русскаго права Заслуженный ординарный профессоръ С. М. Шпилевскій.		Римское право. Исправляющій должность доцента М. М. Катковъ.	
	1—2				
Пятница.	10—11	Институціи римскаго права. Исправляющій должность доцента А. Е. Минервинъ.	Римское право. Ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ.		Гражданское право. Приватъ-доцентъ В. А. Юшкевичъ.
	11—12	Исторія римскаго права. Исправляющій должность доцента А. Е. Минервинъ.			
	12—1	Исторія русскаго права. Заслуженный ординарн. профессоръ С. М. Шпилевскій.		Римское право. Исправляющій должность доцента М. М. Катковъ.	
	1—2				
Суббота.	10—11		Римское право. Ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ.		
	11—12	Богословіе. Проф. Прот. Н. А. Тихвинскій.			Торговое право. Приватъ-доцентъ И. Я. Гурляндъ.
	12—1	Энциклопедія права. Испр. долж. экстраорд. профессора В. Г. Щегловъ.	Политическая экономія. Приватъ-доцентъ А. Р. Свирщевскій.	Римское право Исправляющій должность доцента М. М. Катковъ.	
	1—2				

Директоръ С. Шпилевскій.

Несостоятельность гипотезы непосредственнаго происхожденія органическихъ существъ изъ неорганической матеріи была причиною замѣны этой гипотезы другою, которую можно назвать *гипотезою прогрессивнаго развитія организмовъ.* Въ пользу этой послѣдней гипотезы указываютъ на замѣчаемую не только въ земномъ, но и въ подземномъ геологическомъ мірѣ непрерывную и постепенно восходящую лѣствицу животныхъ организмовъ и отсюда заключаютъ, что каждая высшая въ этой постепенности порода животныхъ организмовъ произошла не иначе, какъ чрезъ преобразованіе и перерожденіе породы низшей, а слѣдовательно и самый организмъ человѣка произошелъ изъ низшей, но ближайшей къ нему породы животныхъ организмовъ послѣ нужнаго видоизмѣненія и преобразованія къ лучшему.—Но такая восходящая послѣдовательность отъ низшихъ органическихъ формъ бытія къ высшимъ сама по себѣ не даетъ права заключать въ пользу генетическаго происхожденія послѣднихъ отъ первыхъ. Доказать такой зависимости по происхожденію и вообще нельзя. Тѣмъ болѣе замѣчаемая постепенность органическихъ родовъ и видовъ въ подземныхъ геологическихъ наслоеніяхъ не могла имѣть прямаго и непосредственнаго вліянія на происхожденіе существующихъ нынѣ на землѣ родовъ и видовъ органическаго бытія, такъ какъ сама геологія вынуждается признать, что окаменѣвшія органическія наслоенія могли произойти не иначе, какъ только вслѣдствіе необычайныхъ и внезапныхъ міровыхъ переворотовъ, сразу разрушавшихъ и губившихъ органическую жизнь [1]).

Нѣкоторые изъ отрицателей особеннѣйшаго сверхъестественнаго участія Божія въ устроеніи человѣческаго тѣла стараются отнять у послѣдняго даже родовое отличіе, срав-

---

[1]) Подробный разборъ гипотезы прогрессивнаго развитія организмовъ данъ въ вышеупомянутой статьѣ: „О происхожденіи рода человѣческаго“ В. Кудрявцева. Православ. Обозрѣніе 1860 г. мартъ. Стр. 328—360.

нительно съ организмами по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, болѣе другихъ по своей наружности похожихъ на человѣка, животныхъ. Утверждаютъ, по крайней мѣрѣ утверждали и старались доказать еще не такъ давно, что человѣкъ по строенію своего тѣла не составляетъ особаго по отношенію къ животнымъ рода, и что его организмъ есть не болѣе, какъ организмъ ближайшей къ нему породы обезьянъ, и между нимъ и послѣдними находятся разности не родовыя, а чисто случайныя и внѣшнія, и потому легко объяснимыя одними внѣшними и климатическими условіями. Такова гипотеза Дарвина, которая, благодаря своей научной внѣшности, успѣла нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ пріобрѣсти значительное число приверженцевъ.

Но гипотеза Дарвина кромѣ того, что оскорбляетъ глубочайшее нравственное самосознаніе человѣка и человѣчества, лишена всякой опоры какъ въ необходимыхъ фактахъ опыта, такъ и въ исторически извѣстныхъ данныхъ. Болѣе безпристрастные изъ послѣдователей Дарвина сами вынуждены были сознаться, что различіе между самою высшею породою обезьяны и самымъ низшимъ дикаремъ громадно, что посредствующее звѣно между человѣкомъ и обязьяной не открыто, и пробѣлъ этотъ въ органической цѣпи существъ не можетъ быть замѣщенъ не только живущими, но и угасшими видами. Мнѣнія самого Дарвина, благодаря всесторонней критикѣ, въ послѣднее время его жизни подверглись значительнымъ измѣненіямъ. По собственному признанію, онъ былъ поспѣшенъ въ своихъ выводахъ и далъ слишкомъ большое значеніе дѣйствію *естественнаго подбора*. Это онъ считалъ однимъ изъ величайшихъ недосмотровъ, открытыхъ критикою въ его сочиненіи „о происхожденіи видовъ“ [1]).

---

[1]) Христіан. апологетика. Курсъ основ. Богословія Н. Рождественскаго. Ч. II, стр. 218—219. Достаточно обратить вниманіе на различіе между объемомъ мозга у обезьянъ и человѣка. По изслѣдованіямъ Фогта средняя величина объ-

Итакъ, при настоящемъ состояніи естественно-научныхъ свѣдѣній происхожденіе человѣка не можетъ быть объяснено дѣйствіемъ однихъ естественныхъ силъ природы, независимо отъ дѣйствія непосредственной Божественной творческой силы. „При всемъ разнообразіи человѣческихъ племенъ, для не„предубѣжденнаго взгляда остается неизгладимымъ впечатлѣ„ніе одного общаго человѣческаго типа, которымъ онъ рѣзко „отличается отъ всѣхъ даже самыхъ близкихъ къ нему живот„ныхъ. Съ перваго взгляда человѣкъ узнаетъ подобнаго се„бѣ, гдѣ бы онъ его ни встрѣтилъ, и ни одинъ еще путе„шественникъ, при встрѣчѣ съ самыми разнообразными пле„менами, не былъ поставленъ въ затрудненіе узнать и отли„чить человѣка отъ подобныхъ ему животныхъ, тѣмъ болѣе „смѣшать его съ обезьянами. Особенныя свойства его духов„ной природы кладутъ неизгладимую печать достоинства на „самую его внѣшность,—печать, которая не уничтожается, „какъ бы глубоко ни былъ униженъ человѣкъ“ [1]).

ема мозга самыхъ большихъ и наиболѣе развитыхъ обезьянъ изъ породы гориллъ едва достигаетъ 500 куб. сантиметровъ. Средняя же величина мозга у самой низшей человѣческой расы, надѣленной самымъ малымъ мозгомъ по сравненію съ другими человѣческими расами, напримѣръ у австралійскихъ негровъ—1628 куб. сантиметровъ. Такимъ образомъ, объемъ мозга самой большой и умной обезьяны составляетъ едва $^1/_3$, даже $^1/_4$ объема мозга дикаря. Объемъ мозга новорожденнаго дитяти вдвое больше мозга большой гориллы.

[1]) „О происхожденіи рода человѣческаго“ В. Кудрявцева. Православное Обозрѣніе. Мартъ 1860 г.

Чтеніе 6-е.

О первоначальномъ происхожденіи души человѣческой и ея значеніи въ составѣ человѣческой природы.—Ея существенное отличіе и независимость отъ тѣла, или духовность.—Ученіе Откровенія.—Ученіе древнихъ отцевъ и учителей Церкви о существенномъ отличіи души отъ тѣла и духовности ея природы.—Значеніе древне-отеческаго ученія объ отличіи души отъ тѣла, или ея духовности. Приложимость его къ оцѣнкѣ современныхъ матеріалистическихъ воззрѣній относительно души человѣка.

Какъ ни кратко и сжато изображеніе первоначальнаго происхожденія души человѣческой въ книгѣ Бытія, тѣмъ не менѣе оно совершенно ясно указываетъ какъ на особенность творческаго дѣйствія Божія по отношенію къ душѣ, такъ и на особенность самой души по сравненію ея съ человѣческимъ тѣломъ и со всѣми земными тварями. Всѣ твари земныя и души животныхъ Богъ произвелъ только своимъ словомъ или велѣніемъ; самое тѣло человѣка Онъ создалъ, хотя чрезъ непосредственный, но болѣе внѣшній, чѣмъ внутренній актъ Своей творческой дѣятельности. Между тѣмъ употребленное Бытописателемъ выраженіе: *и вдунулъ въ лице его* (человѣка) *дыханіе жизни* указываетъ на созданіе души, какъ на такое болѣе внутренее непосредственное творческое дѣйствіе Бога, которое было самымъ близкимъ Его существу, по крайней мѣрѣ болѣе близкимъ, чѣмъ всѣ предшествовавшія дѣйствія творенія, не исключая и творенія тѣла. Въ твореніи души человѣческой Богъ ничего не заимствуетъ изъ земныхъ стихійныхъ началъ, а употребляетъ одно Свое творческое дуновеніе. Такимъ образомъ, душа человѣка является особеннѣйшимъ высшимъ въ мірѣ существомъ, не земнымъ, а небеснымъ или премірнымъ, совершенно отличнымъ отъ тѣла и отъ всего стихійнаго [1]). Понятіе о высокомъ значеніи души

[1]) Если у Моисея въ книгахъ Левитъ 17, 11 и Второзаконія 12, 23, встрѣчаются такого рода выраженія, что *душа– въ крови*, или *кровь - душа*, то по-

человѣческой всесторонне раскрывается въ Св. Писаніи, какъ Ветхаго, такъ въ особенности Новаго Завѣта. Въ книгѣ Іова говорится, что Богъ, попустивъ сатанѣ поразить тѣло праведника мучительными язвами *отъ подошвы ноги до самаго темени* (Іов. 2, 5-7), сказалъ діаволу: *вотъ онъ въ рукѣ твоей, только душу его сбереги*. Душа Іова отличается здѣсь отъ его тѣла, какъ такое существо, котораго не могъ коснуться сатана, между тѣмъ какъ тѣло Іова до глубины костей имѣло быть пораженнымъ болѣзненными язвами.—Въ книгѣ Екклезіастъ о послѣдней участи человѣка на землѣ говорится: *и возвратится прахъ въ землю, чѣмъ онъ и былъ; а духъ возвратится къ Богу, Который далъ его* [1]). Итакъ, участь духа человѣческаго совершенно отлична отъ участи тѣла, потому что самая его природа и условія бытія совершенно иныя, чѣмъ—матеріальнаго тѣла. Послѣднее, взятое отъ земли, и возвращается въ землю, тогда какъ духъ, созданный непосредственно Богомъ, возвращается къ Богу.—По свидѣтельству книги пророка Исаіи, Езекія, въ виду предреченной ему отъ имени Божія и ожидаемой имъ скорой кончины, обращаясь съ молитвою къ Богу о продленіи своей жизни, выражается такъ: *жилище мое снимается съ мѣста и уносится отъ меня, какъ шалашъ пастушескій; я долженъ отрѣзать, подобно ткачу, жизнь мою; Онъ отрѣжетъ меня отъ основы; день и ночь я ждалъ, что Ты пошлешь мнѣ кончину* [2]). Въ этомъ образномъ выраженіи очевидно высказывается мысль, что сознающій себя личный духъ человѣка такъ относится къ тѣлу, какъ жи-

---

нимать ихъ, какъ понимали Маркіониты, въ смыслѣ отожествленія души съ тѣломъ, нѣтъ никакого основанія. Моисей, примѣнительно къ понятіямъ евреевъ, кровь представлялъ только условіемъ жизненныхъ проявленій души и какъ бы нѣкоторымъ ея жилищемъ, почему отъ лица Божія говоритъ: *Плоти съ душею ея, съ кровію ея, не ѣшьте. Я взыщу кровь, въ которой жизнь ваша.* Быт. 9, 4—5.

[1]) Екклезіаста 12, 7.

[2]) Исаіи 38, 12.

лецъ къ своему временному жилищу или ткачъ къ станку и основѣ, на которыхъ и при посредствѣ которыхъ производитъ свою самодѣятельную работу. Итакъ, и при своей тѣсной связи съ тѣломъ, душа по своей природѣ настолько отлична отъ тѣла, насколько жилецъ—отъ занимаемаго имъ шатра, или ткачъ—отъ орудія на которомъ производитъ работу.

Въ Новомъ Завѣтѣ еще яснѣе опредѣляется высокое значеніе души человѣческой, въ ея отличіи отъ тѣла. Спаситель учитъ о высокомъ преимуществѣ человѣческой души вообще предъ всѣмъ земнымъ и чувственнымъ, и въ частности предъ тѣломъ, говоря: *какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? Или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою*[1])? *Не заботьтесь для души вашей, что вамъ пѣсть и что пить, ни для тѣла вашего, во что одѣться. Душа не больше-ли пищи и тѣло одежды*[2])? Посылая учениковъ на проповѣдь, Господь напутствуетъ ихъ такими словами: *не бойтесь убивающихъ тѣло, души же немогущихъ убить*[3]). Итакъ, по ученію Спасителя, душа не можетъ быть умерщвлена или умереть, а остается цѣлою и послѣ того, какъ умираетъ тѣло,—слѣдовательно по своей природѣ она безсмертна и неразрушима. Между тѣмъ какъ тѣло можетъ жить только дотолѣ, доколѣ продолжается его связь съ душой, жизнь души не прекращается и внѣ связи съ тѣломъ.—Тоже самое засвидѣтельствовалъ Господь и въ примѣненіи къ своей собственной человѣческой душѣ, когда, вися тѣломъ на крестѣ, въ минуту смери воззвалъ къ Своему Отцу: *Отче, въ руцѣ Твои предаю духъ Мой*[4]). Между тѣмъ Онъ же Самъ, по поводу отягощенія сномъ Своихъ учениковъ въ саду Геѳсиманскомъ, убѣждая ихъ бодрствовать и молиться, говорилъ:

---

[1]) Мѳ. 16, 26. Марк. 8, 35—37.
[2]) Мѳ. 6, 25—26.
[3]) Мѳ. 10, 28, Луки 12, 4.
[4]) Лук. 23, 46.

духъ бодръ, а плоть немощна [1]) и тѣмъ вразумлялъ ихъ, что душа и во время своего земнаго союза съ тѣломъ не настолько зависитъ отъ него, чтобы не могла сберечь своей бодрости и силы при немощи плоти.—По ученію Апостола Павла, тѣло есть не болѣе, какъ только *земная храмина* [2]), въ которой до времени живетъ самосознательный духъ человѣческій [3]). Если тѣло такъ тѣсно и внутренно соединено съ нимъ, что все, что ни дѣлаетъ духъ, прославляетъ-ли напр. Бога, сподобляется-ли причастія Св. Духа [4]), или вообще содѣваетъ доброе или худое [5]), все это дѣлаетъ совмѣстно съ тѣломъ, тѣмъ не менѣе во всѣхъ этихъ случаяхъ сознательно правящимъ и отвѣтственнымъ дѣятелемъ является онъ самъ, а не тѣло. Онъ можетъ не только поступать вопреки влеченіямъ тѣла, если они задерживаютъ его собственныя чистыя стремленія [6]), но въ нѣкоторыя минуты даже отрѣшаться отъ самаго тѣла, восторгаясь въ міръ духовный [7]). Посему и по совершенномъ разлученіи съ тѣломъ онъ сохраняетъ свое самосознаніе и личное бытіе. Въ этомъ смыслѣ говоритъ о себѣ Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Филиппійцамъ: *для меня жизнь—Христосъ, и смерть—пріобрѣтеніе...— имѣю желаніе разрѣшиться и быть со Христомъ* [8]). Такъ, по ученію Откровенія, существенно отличенъ отъ тѣла и возвышенъ предъ нимъ духъ человѣческій.

Отцы и учители Церкви, строго слѣдуя мыслямъ Св. Писанія о существенномъ отличіи души отъ тѣла по ихъ проис-

---

[1]) Марк. 14, 38.
[2]) 2 Кор. 5, 1.
[3]) 1 Кор. 2, 11.
[4]) 1 Кор. 6, 19—20.
[5]) 2 Кор. 5, 10.
[6]) *Плоть желаетъ противнаго духу, а духъ противнаго плоти. Они другъ другу противятся, такъ что вы не то дѣлаете, что хотѣли бы.* Галат. 5, 17.
[7]) 2 Кор. 12, 2.
[8]) Филип. 1, 21—23.

хожденію и природѣ, болѣе подробно раскрывали и разъясняли это ученіе Откровенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по требованію обстоятельствъ своего времени, оправдывали и защищали Богооткровенное ученіе, въ виду разнаго рода противныхъ и ложныхъ мнѣній о душѣ человѣческой.

По *Іустину Философу*, тогда какъ тѣло человѣческое свою природу имѣетъ изъ земнаго вещества, душа есть дыханіе Божества, и потому настолько отличается отъ тѣла, насколько свое и родное Богу отличается отъ далекаго и чуждаго Его природѣ. Поэтому, хотя тѣло настолько крѣпко и внутренно связано съ душою, что она только въ соединеніи съ нимъ составляетъ полнаго человѣка, но въ отношеніи къ душѣ оно есть не болѣе какъ жилище въ отношеніи къ своему жильцу, отъ котораго вполнѣ зависитъ сообщить такой или иной характеръ своему жилью, но на котораго послѣднее не можетъ производить подобнаго вліянія [1]).

По *Аѳинагору*, душа—не плоть и кровь, какъ тѣло, а есть чистый духъ, почему, состоя во внутренней и нераздѣльной связи съ тѣломъ, она обнаруживаетъ себя такого рода свойствами и дѣйствіями, которыя существенно отличаютъ ее отъ тѣла. Тѣло по своей природѣ стремится только принимать назначенныя ему измѣненія, а душѣ свойственно управлять тѣлесными движеніями, опредѣлять и измѣрять ихъ надлежащими признаками и мѣрами [2]).

Святый Иринеи сравниваетъ тѣло съ орудіемъ или инструментомъ, а душу—съ художникомъ, который самъ же устрояетъ нужное для своей дѣятельности орудіе и, хотя при пользованіи имъ находится въ нѣкоторой зависимости отъ него, но всегда остается тѣмъ, чѣмъ онъ есть по своей природѣ, совершенно отличной отъ употребляемаго имъ орудія. „Какъ художникъ“, говоритъ Св. Отецъ, „самъ по себѣ быстро

---

[1]) „О воскресеніи“ и „Разговоръ съ Трифономъ іудеемъ“.

[2]) Аѳинагора „Legat. pro christian“ n. 27.

„создаетъ мысль своего произведенія, но медленнѣе испол-„няетъ ее посредствомъ инструмента, по неподвижности ма-„теріала, и быстрота его ума, связанная медленностію ору-„дія, производитъ умѣренныя дѣйствія; такъ и душа, буду-„чи въ соединеніи съ тѣломъ, въ нѣкоторой мѣрѣ задержи-„вается вслѣдствіе того, что быстрота ея связывается мед-„ленностію тѣла, но не теряетъ совершенно своихъ силъ, и, „сообщая жизнь тѣлу, сама не перестаетъ жить“ [1]).

Тертулліанъ, въ подтвержденіе той-же мысли о небезусловной зависимости души отъ тѣла, указываетъ между прочимъ на то обстоятельство, что во время сна, повидимому отрѣшаясь отъ тѣла и не владѣя имъ, душа тѣмъ не менѣе не находится въ состояніи бездѣйствія, а напротивъ постоянно и неусыпно работаетъ, мечтаетъ или мыслитъ, путешествуетъ по землѣ и морю, радуется или скорбитъ, дѣлаетъ различіе между дозволеннымъ и недозволеннымъ и т. п. [2]).

Оригенъ обращаетъ особенное вниманіе на *разумъ и свободу*, какъ такого рода свойства и способности души, которыя не заключаютъ въ себѣ ничего матеріальнаго, и исключаетъ всякую мысль о вещественности души, какъ мысль нелѣпую. Тѣхъ, кто думаетъ, что умъ или душа есть тѣло, я бы спросилъ, разсуждаетъ Оригенъ, какимъ образомъ тогда разумъ могъ бы воспроизвести въ себѣ понятія и сужденія о столькихъ и столь трудныхъ и возвышенныхъ предметахъ? Откуда взялись бы у него сила памяти и созерцаніе вещей невидимыхъ? Откуда у тѣла могла бы появиться способность понимать безтѣлесное? Какимъ образомъ тѣлесная натура могла бы дойти до теоріи искусствъ, или до мысленныхъ образовъ и причинъ вещей? Неужели она могла бы сознавать и понимать даже Божественныя истины которыя очевидно без-

---

[1]) „Противъ ересей“ кн. 2, гл. 33.

[2]) „De anima“ cap. 43.

тѣлесны [1])? Останавливаясь затѣмъ на свободѣ души человѣческой, Оригенъ особенно указываетъ на тотъ психическій фактъ, что душа не безусловно подчиняется всякаго рода движеніямъ и возбужденіямъ тѣлеснымъ, а можетъ, насколько захочетъ, слѣдовать имъ и не слѣдовать, и даже можетъ вступать въ борьбу съ ними, какъ чѣмъ-то себѣ чуждымъ и враждебнымъ, и одерживать надъ ними побѣду [2]). Отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что душа есть существо, субстанціально превосходящее всякую натуру тѣлесную [3]).

Западный христіанскій писатель *Лактанцій*, по поводу разныхъ *матеріалистическихъ* мнѣній о душѣ, указываетъ на то, что она представляетъ собою самодвижущее и чувствующее начало, что она невидима, неосязаема и неуловима, и это знать достаточно для того, чтобы не смѣшивать души съ совершенно отличнымъ отъ нея по матеріальнымъ свойствамъ тѣломъ. На возраженія *Лукреціевы*, что душа вмѣстѣ съ тѣломъ, какъ нераздѣльная съ нимъ часть, раждается и въ своемъ развитіи и увяданіи наравнѣ съ нимъ подвергается разнымъ видоизмѣненіямъ и даже въ особенныхъ случаяхъ (напримѣръ, во время нѣкоторыхъ болѣзней) такого рода превращеніямъ, какъ потерѣ ума и памяти, Лактанцій отвѣчаетъ: „если душа появляется въ тѣлѣ совмѣстно съ образо„ваніемъ его въ утробѣ матерней, то не значитъ еще, чтобъ „она точно такъ же происходила, какъ и тѣло, и была оди„наковой съ нимъ природы. Тогда какъ тѣло, бывъ внача„лѣ создано изъ земли, есть по своей природѣ земное, душа, „какъ вначалѣ была создана Богомъ, происходитъ отъ само-

---

[1]) „De princip.“ lib. 1, cap. 1.

[2]) „De princip“, lib. III, cap. 1, 4.

[3]) „Contra Cels.“ lib. VI, n. 71. Духовность души кромѣ того онъ подтверждаетъ тѣмъ, что человѣкъ есть образъ Божій, а образомъ невещественнаго и чистѣйшаго Духа можетъ быть только духовное, а не вещественное. In Genes. homil.

„го Бога, и ея природа—не земная, а небесная. Если, да-„лѣе, душа проявляетъ себя полнѣе и виднѣе, или же сла-„бѣе и тусклѣе, смотря по такому или иному цвѣтущему „и нормальному или же упадающему и ненормальному со-„стоянію тѣла, то такія явленія говорятъ только о измѣн-„чивости и превратности того земнаго орудія, чрезъ которое „предназначено душѣ проявлять себя въ земной жизни. Меж-„ду тѣмъ, сама по себѣ душа и при самыхъ неблагопріятныхъ „и ненормальныхъ условіяхъ тѣлеснаго организма остается тою „же неизмѣнною въ своей основѣ и сохраняетъ полную воз-„можность всецѣло обнаружить себя тотчасъ по минованіи „этихъ внѣшнихъ условій. Кромѣ того, отъ нея же много за-„виситъ чрезъ свое благоразуміе и предотвращать эти самыя „условія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сохранять здравомысліе и па-„мять до времени разлученія своего съ тѣломъ“ [1]).

Но изъ всѣхъ древнихъ отцевъ и учителей Церкви по преимуществу ясно и точно опредѣляетъ характеристическую особенность души въ сравненіи ея съ тѣломъ *Св. Аѳанасій александрійскій*. „Всякій, кто только другъ истины“, говоритъ онъ, „долженъ сознаться въ томъ, что умъ человѣческій „не одно и тоже съ тѣлесными чувствами, потому что онъ, „какъ нѣчто иное, является судьею самихъ чувствъ, и если „чувства чѣмъ бываютъ предзаняты, то умъ обсуждаетъ это, „указывая чувствамъ на лучшее. Дѣло глаза—видѣть только, „ушей—слышать, ноздрей—принимать въ себя запахъ, рукъ „—касаться; но разсудить, что должно видѣть и слышать, „до чего должно касаться, что вкушать и обонять,—не дѣ-„ло уже чувствъ, а судятъ объ этомъ душа и ея умъ. Ру-„ка можетъ, конечно, взяться и за мечъ, уста могутъ вку-„сить и ядъ, но они не знаютъ, что это вредно, если не „произнесетъ о томъ суда умъ. Чтобы видѣть это въ подо-

---

[1]) „Institut“, lib. VII, cap. 13. „De opific. Dei“, cap. 16.

„біи, можно взять для уподобленія хорошо настроенную ли-
„ру и свѣдущаго музыканта, у котораго она въ рукахъ. Каж-
„дая струна въ лирѣ имѣетъ свой звукъ, то густой, то тон-
„кій, то средній, то пронзительный, то какой-либо другой.
„Но судить объ ихъ согласіи и опредѣлять ихъ стройный
„ладъ никто не можетъ, кромѣ одного знатока (гармоніи),
„потому что въ нихъ только тогда сказывается согласіе и
„гармоническій строй, когда держащій въ рукахъ лиру уда-
„ритъ по струнамъ и мѣрно коснется каждой изъ нихъ. Подоб-
„ное сему бываетъ и съ чувствами, настроенными въ тѣлѣ,
„какъ лира, когда управляетъ ими свѣдущій разумъ, ибо
„тогда душа обсуживаетъ и сознаетъ, что производитъ“ [1]).
Затѣмъ Св. Аѳанасій указываетъ на слѣдующія весьма замѣ-
чательныя психическія явленія, свидѣтельствующія о ея су-
щественномъ отличіи отъ тѣла. „Тогда какъ человѣкъ“, гово-
ритъ онъ, „часто тѣломъ лежитъ на землѣ,—умомъ мыслитъ
„о небесномъ и его созерцаетъ. Часто также, когда тѣло его
„находится въ состояніи бездѣйствія или сна, онъ внутри
„себя находится въ движеніи и созерцаетъ существующее внѣ
„его, а также переселяется и переходитъ изъ страны въ стра-
„ну, встрѣчается съ своими знакомыми и нерѣдко чрезъ это
„предугадываетъ и предузнаетъ, что должно случиться съ
„нимъ на другой день.... Тѣло по природѣ смертно, почему
„же человѣкъ разсуждаетъ о безсмертіи и нерѣдко изъ люб-
„ви къ добродѣтели навлекаетъ на себя смерть? Тѣло так-
„же временно, почему же человѣкъ представляетъ себѣ вѣч-
„ное и, устремляясь къ нему, пренебрегаетъ тѣмъ, что у
„него подъ ногами?...—Необходимо, поэтому, быть чему либо
„другому, что помышляло бы о противоположномъ и не-
„естественномъ тѣлу.... Опять, глазу естественно смотрѣть и
„уху слушать, почему же они отъ одного удерживаются, а

---

[1]) Contra gent. n. 31.

„другое принимаютъ? Кто удерживаетъ глазъ отъ зрѣнія, „или кто заключаетъ для слышанія слухъ, способный по при- „родѣ слышать? Или кто нерѣдко отъ естественнаго стрем- „ленія удерживаетъ вкусъ, назначенный самою природою для „вкушенія?.... Кто все это производитъ наперекоръ тому, „что естественно тѣлу? Или почему тѣло, удерживаясь отъ „требуемаго природою, склоняется на совѣтъ кого-то другого „и обуздывается его мановеніемъ?... Все это не на что-либо „иное указываетъ, какъ только на душу, владычествующую „надъ тѣломъ. Тѣло не само себя побуждаетъ къ дѣятельно- „сти, а побуждается и приводится въ движеніе другимъ, по- „добно тому какъ и конь не самъ собою управляется, а пра- „вящимъ имъ [1])“.—Такъ просто и характерно выраженная Св. Аѳанасіемъ давняя мысль о душѣ, какъ разумно правящемъ въ тѣлѣ началѣ и потому совершенно отъ него от- личномъ, высказывалась и послѣдующими отцами и учителя- ми Церкви, хотя большею частію мимоходомъ и въ сжатомъ видѣ. Григорій же Нисскій, посвятившій цѣлое сочиненіе „о природѣ человѣка,“ изслѣдованію о душѣ, Исидоръ Пелу- сіотъ и блаженный Ѳеодоритъ, прямо упоминая о томъ древ- немъ мнѣніи, будто душа есть только гармонія или резуль- татъ благосостоянія и благоустройства тѣла и признавая его нелѣпымъ и страннымъ, вслѣдъ за Аѳанасіемъ повторяютъ, какъ несомнѣнное положеніе, что душа такъ относится къ тѣ- лу, какъ играющій музыкантъ къ лирѣ, на которой играетъ [2]).

Изъ вышеприведенныхъ мѣстъ ученія отцевъ и учите- лей древней Церкви о душѣ человѣка ясно открывается, что всѣ они, съ несомнѣнною увѣренностію и убѣдительностію раскрывая положительное Богооткровенное ученіе о духов- ности души человѣческой, высказали въ тоже время много

---

[1]) „Orat. contra gent“. n. 32.

[2]) Догмат. Богословіе еп. Сильвестра, т. III, §§ 33, 34.

такихъ психологическихъ наблюденій и соображеній, которыя и на всѣ будущія времена должны были послужить сильнымъ оплотомъ противъ всякаго рода нападокъ на эту истину. Противопоставляя древне-матеріалистическому ученію о душѣ, какъ результатѣ благоустройства самаго тѣла, любимое свое уподобленіе отношенія между душою и тѣломъ отношенію между артистомъ-музыкантомъ и музыкальнымъ инструментомъ, учители Церкви разъясняли неосновательность или даже логическую невозможность отождествленія съ матеріальнымъ тѣломъ духовно-разумной и свободно-правящей тѣломъ души. Эти же соображенія, подкрѣпляемыя постоянными наблюденіями надъ явленіями разумно—и свободно-сознательной жизни человѣка, служатъ самымъ сильнымъ опроверженіемъ и всѣхъ новѣйшихъ и современныхъ матеріалистическихъ положеній, что душа есть не болѣе, какъ *субстратъ* самаго тѣла, или *продуктъ* его физическихъ или физіологическихъ отправленій. Въ оправданіе этихъ положеній *матеріализмъ* ссылается на современныя естественныя науки, будто бы подтверждающія эти положенія своими наблюденіями и открытіями.—„Но ни одна изъ современныхъ естественныхъ наукъ при изученіи человѣческаго организма не считаетъ себя въ силахъ идти съ своими опытами и наблюденіями далѣе круга однихъ чисто физическихъ и физіологическихъ явленій. Какъ ни усовершаются постепенно средства и способы физіологическихъ изслѣдованій, высшая область чисто психическихъ явленій остается для нихъ недоступною. Современная оптика до мельчайшихъ подробностей успѣла изучить и опредѣлить не только устройство глаза, но и весь многосложный механизмъ, процессъ, законы и условія самого зрѣнія, но она и доселѣ оказывается безсильною уловить въ кругъ своихъ наблюденій того незримаго дѣятеля, для котораго существуетъ органъ зрѣнія, хотя этотъ незримый дѣятель при каждомъ опытѣ надъ живымъ глазомъ

самымъ живымъ и неотразимымъ образомъ заявляетъ о своемъ бытіи. Равнымъ образомъ ученый изслѣдователь нервной системы можетъ до извѣстной степени прослѣдить всѣ тѣ физическія и механическія видоизмѣненія, какимъ подвергаются нервы во время прохожденія чрезъ ихъ среду всякаго рода внѣшнихъ впечатлѣній. Но съ своими опытами дойти до той дистанціи, гдѣ происходитъ самая сортировка этихъ впечатлѣній, онъ совершенно безсиленъ, хотя и не можетъ не примѣтить того, что есть внутри организма человѣческаго нѣкто, для кого нервы служатъ тѣмъ, чѣмъ—телеграфныя проволоки при передачѣ депешъ, и что этотъ нѣкто свободно и благоразумно пользуется ими для своихъ цѣлей. Въ частности, *краніологъ* и *френологъ* можетъ въ извѣстной степени даже отыскивать нѣкоторое соотношеніе между устройствомъ головнаго черепа или мозга и самою мыслительною дѣятельностію, но все это можетъ производить онъ не иначе, какъ на основаніи самыхъ отдаленныхъ аналогій и соображеній, оставаясь при полномъ сознаніи своего полнѣйшаго безсилія уловить самую мысль, являющую свое присутствіе въ головѣ, и въ тоже время ускользающую отъ всякаго чувственнаго наблюденія“ [1]).

Итакъ, вмѣсто того, чтобы понапрасну пытаться и усиливаться изъ чисто *физическихъ* или *химическихъ агентовъ* вывести и объяснить душевныя явленія, гораздо проще, естественнѣе и доступнѣе искать объясненія этихъ послѣднихъ при помощи однихъ исключительно умѣстныхъ здѣсь опытовъ *психическихъ*, т. е. опытовъ внутренняго самосознанія и самонаблюденія. Внимательное самонаблюденіе, и только оно одно, открываетъ намъ, что всѣ *психическія* явленія, происходящія въ нашемъ тѣлѣ, принадлежатъ по своему началу не ему, а другому чисто духовному дѣятелю. Что же ка-

---

[1]) „Догмат. Богословіе еп. Сильвестра, т. III, § 36; стр. 233—234.

сается *органовъ тѣла* и ихъ *отправленій*, то они служатъ этому духовному дѣятелю, т. е. самосознательному и разумно-свободному духу только *орудіями*, необходимыми для проявленія его чисто—свободной и самостоятельной дѣятельности. Психическія ощущенія ближе всего стоятъ къ органамъ тѣла, въ особенности же къ нервамъ, какъ проводникамъ внѣшнихъ впечатлѣній.—Но виновникомъ ихъ является и сознаетъ себя только одинъ самосознательный духъ, который по своему личному усмотрѣнію одни изъ впечатлѣній пропускаетъ мимо себя, а другія задерживаетъ и останавливаетъ на нихъ свое вниманіе, вслѣдствіе чего собственно только и образуется ощущеніе. Въ дѣйствіяхъ мышленія духъ нашъ еще болѣе является самостоятельнымъ и независимымъ отъ тѣла. Здѣсь онъ имѣетъ дѣло уже не съ частными впечатлѣніями, идущими отвнѣ, а съ одними отвлеченными, имъ самимъ производимыми представленіями или понятіями, которыхъ вовсе нѣтъ въ вещахъ. Кромѣ того, онъ не только понимаетъ вещи, но и судитъ объ нихъ, дѣлаетъ свои свободныя умозаключенія и выводы по своимъ собственнымъ началамъ и законамъ. Наконецъ, въ области идей, религіи и нравственности духъ нашъ не только является независимымъ отъ тѣла, но и вступаетъ иногда въ прямую борьбу съ нимъ, какъ своимъ противникомъ, жертвуя его интересами своимъ собственнымъ высшимъ интересамъ, и такую борьбу ведетъ нерѣдко цѣлую земную жизнь до самой смерти.

Вотъ свидѣтельство самой души о себѣ, какъ дѣятелѣ, не только независимомъ отъ тѣла, но и владычествующемъ надъ нимъ!

Чтеніе 7-е.

Безсмертіе души.—Указанія на безсмертіе души въ книгѣ Бытія и другихъ Свящ. книгахъ Ветхаго Завѣта.—Яснѣйшее ученіе о безсмертіи души въ Новомъ Завѣтѣ.—Ученіе отцевъ Церкви о безсмертіи души.

Все Богооткровенное ученіе какъ Ветхаго, такъ въ особенности Новаго Завѣта излагаетъ или предполагаетъ стоящею выше всякихъ сомнѣній ту истину, что душа человѣческая создана способною жить не только во внутренней связи съ тѣломъ, но и безъ тѣла, по расторженіи съ нимъ своей временной связи. Самое повѣствованіе книги Бытія о созданіи человѣка по образу и подобію Божію уже заключаетъ въ себѣ необходимое предположеніе, что въ этомъ образѣ Божіемъ, который очевидно принадлежитъ не тѣлу, а душѣ, въ числѣ другихъ Божественныхъ свойствъ должна была отпечатлѣться и черта безсмертія, существенно принадлежащая вѣчно-живому Богу. Такое предположеніе еще болѣе оправдывается дальнѣйшимъ разсказомъ Бытописателя, что угроза человѣку смертію произнесена была Богомъ условно, именно только въ виду возможнаго со стороны человѣка нарушенія данной ему заповѣди, такъ что, если-бы послѣдняго не случилось, то человѣкъ долженъ былъ бы остаться всецѣло и навсегда чуждымъ смерти [1]). Обращаясь впослѣдствіи уже къ падшему человѣку, самъ Богъ такъ опредѣляетъ смерть, которою до паденія угрожалъ ему и на которую теперь осуждаетъ его: *и возвратишися въ землю, отъ нея же взятъ еси, яко земля еси, и въ землю отыдеши* [2]). Итакъ, смерть, на которую осуждаетъ Богъ человѣка, должна состоять въ

---

[1]) *И заповѣда Господь Богъ Адаму, глаголя: отъ всякаго древа, еже въ раи, снѣдію снѣси: отъ древа же, еже разумѣти доброе и лукавое, не снѣсте отъ него: а въ онъже аще день снѣсте отъ него, смертію умрете.* Быт. 2 16—17.

[2]) Быт. 3, 19.

разрушеніи и обращеніи снова въ землю изъ состава его природы той половины, которая принадлежитъ землѣ и первоначально создана была изъ земли, т. е. тѣла. Что же касается души, то разрушительная сила смерти, простирающаяся только на одно земное, не могла ея коснуться, такъ какъ она не отъ земли взята, а создана чрезъ непосредственное вдуновеніе Божіе. И по разрушеніи тѣла душа, по своей духовной природѣ, остается цѣлою и невредимою, хотя сознаетъ и чувствуетъ себя иначе по разлученіи съ тѣломъ, съ которымъ была тѣсно и внутренно соединена въ этой жизни.

Такъ какъ, по мысли Бытописателя, человѣкъ созданъ былъ для безсмертія уже потому самому, что созданъ былъ съ неземною, неподлежащею разрушенію душею, то и самое тѣло его, несмотря на свою вещественность, должно было бы быть безсмертнымъ въ силу своего союза съ безсмертною душою. При соблюденіи со стороны души извѣстныхъ нравственныхъ требованій послушанія заповѣди Божіей, тѣло могло остаться навсегда неразрывнымъ спутникомъ и сотрудникомъ души, а вмѣстѣ съ нарушеніемъ этихъ требованій оно должно было чрезъ извѣстный періодъ времени отдѣлиться отъ союза съ одушевляющею его душею и обратиться въ то самое безжизненное, земляное вещество, изъ котораго было взято. Итакъ, и послѣ того какъ произнесенъ былъ Богомъ и потомъ сталъ выполняться надъ падшимъ человѣкомъ и его потомствомъ судъ и приговоръ смерти; человѣкъ не всецѣло умираетъ или разрушается, а только по тѣлу, обращающемуся въ землю, душа же при своей духовной природѣ остается цѣлою и неизмѣнною, хотя ея жизнь по разлученіи съ тѣломъ и принимаетъ иной характеръ.

Эта мысль о продолженіи существованія души по разлученіи съ тѣломъ выражается и въ дальнѣйшихъ мѣстахъ книги Бытія, равно какъ и въ послѣдующихъ Священныхъ кни-

гахъ Ветхаго Завѣта. Передавая о смерти допотопныхъ патріарховъ, Моисей относительно Еноха замѣчаетъ: *и угоди Енохъ Богу, и не обрѣташеся, зане преложи его Богъ*, т. е. „его не стало на землѣ, потому что Богъ взялъ его“ [1]). Этими словами Бытописатель „ясно показываетъ не только „то, что по оставленіи этой жизни душа не умираетъ, но „и то, что по особенной волѣ Божіей она даже прямо можетъ быть переселяема къ Богу, бывъ совершенно изъята „отъ ужаса смерти, въ какомъ смыслѣ взятіе Богомъ Еноха „объясняетъ и Апостолъ Павелъ“ [2]). Говоря впослѣдствіи о смерти Авраама, Моисей изображаетъ ее въ такихъ чертахъ: *и скончался Авраамъ, и умеръ въ старости доброй.... и приложился къ народу своему* [3]). Послѣднія слова нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что Авраамъ погребенъ былъ въ одной гробницѣ, или на кладбищѣ, съ тѣлами или костями своихъ предковъ. Извѣстно, что онъ умеръ въ землѣ хананской, а всѣ предки Авраама, исключая Ѳарры, умерли и погребены были въ Месопотаміи и Халдеѣ. Слѣдовательно, выраженіе Моисея объ Авраамѣ: *и приложился къ народу своему* правильнѣе понимать такъ, что онъ не тѣломъ, а душею присоединился, и притомъ не къ сборищу тѣлъ или костей, а къ сонму душъ своихъ единоплеменныхъ предковъ. Такой же смыслъ имѣютъ и слова, сказанныя Богомъ Моисею предъ его смертію: *взойди на сію гору Аваримъ, на гору Нево.... и приложись къ народу своему, какъ умеръ братъ*

---

[1]) Быт. 5, 24.

[2]) Догмат. Богословіе еп. Сильвестра, т. III, стр. 241. Объясняя это мѣсто въ своихъ запискахъ на книгу Бытія (1 изд. стр. 160), Митрополитъ Филаретъ говоритъ: „дабы имѣть лучшее понятіе о кончинѣ Еноха, обра„титься должно къ кончинѣ Иліи, который также былъ взятъ Господомъ. „4 Цар. гл. 2. Должно думать, что и въ первомъ, по достиженіи внутренняго „человѣка его въ предопредѣленную мѣру благодатнаго возраста, ножерто „было мертвенное животомъ, нѣкоторымъ благороднѣйшимъ образомъ, нежели „тотъ, который мы называемъ смертію тѣлесною“.

[3]) Быт. 25, 8.

твой на горѣ Оръ, и приложился къ народу своему [1]). Гора Аваримъ находилась въ землѣ Моавитской, а гора Оръ— въ каменистой Аравіи, предки же Аароновы и Моисеевы умерли и погребены были въ Месопотаміи халдейской и ханаанской [2]). Въ подобномъ же смыслѣ нужно понимать и слова патріарха Іакова, который, получивъ ложное извѣстіе о томъ, что любимый сынъ его Іосифъ (котораго по зависти и ненависти продали братья исмаильтянамъ) будто бы съѣденъ звѣрями, въ отвѣтъ на напрасныя утѣшенія родныхъ, говоритъ: *съ печалію сойду къ сыну моему въ преисподнюю* [3]). Такъ какъ употребленное въ этомъ и употребляемое въ другихъ подобныхъ мѣстахъ Ветхаго Завѣта еврейское слово— *шеолъ* означаетъ буквально глубокое, подземное и мрачное мѣсто, по гречески ᾅδης, между тѣмъ какъ гробъ—по еврейски *кеберъ,* то въ словахъ Іакова схожденіемъ къ сыну въ *шеолъ*, или *адъ*, подобно какъ въ исторіи Авраама—приложеніемъ къ людямъ своимъ, указуется общее состояніе и какъ бы жилище душъ по смерти тѣла [4]). Это дальнее жилище души, по разлученіи ихъ съ тѣлами, изображается въ книгѣ Іова, псалмахъ Давида и нѣкоторыхъ пророковъ, какъ страна удаленная отъ жизни и Подателя ея Бога, страна тьмы и мрака, молчанія, или безмолвія, такъ что въ ней не слышится даже и хвалы Господу [5]).

---

[1]) Второзак. 32, 49—50.

[2]) Что въ еврейскомъ народѣ, въ самой массѣ его, была господствующею вѣра не только въ существованіе душъ послѣ смерти тѣла, но даже въ возможность явленія ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ между живыми, это видно изъ строгаго воспрещенія, какое дѣлается въ законѣ Моисеевомъ обращаться къ вызывателямъ душъ умершихъ. Въ книгахъ Левитъ 19, 31 и Второзаконія 18, 10—11, запрещая языческія суевѣрія и волхвованія, законъ предписываетъ: *не послѣдуйте утробнымъ баснемъ и къ волхвомъ не прилѣпитеся, осквернитися въ нихъ: Азъ Господь Богъ вашъ..... Да не обрящется въ тебѣ.... знаменосмотритель и вопрошаяй мертвыхъ.*

[3]) Быт. 37, 35.

[4]) „Записки на книгу Бытія“ М. Филарета, стр. 629.

[5]) Псалмопѣвецъ обращается съ такими скорбномолитвенными выраже-

Естественно поэтому было ветхозавѣтнымъ праведникамъ, которыхъ одушевляла вѣра въ пришествіе обѣтованнаго Мессіи, желать того, чтобы Господь избавилъ ихъ души отъ ада преисподняго, и надѣяться наступленія того благодатнаго времени, когда, если не всѣ, то души праведныхъ будутъ освобождены изъ власти ада и войдутъ въ ближайшее общеніе съ Богомъ. Этою вѣрою и надеждою проникнуты въ особенности слова псалмопѣвца: *плоть моя вселится на упованіи, яко не оставиши души моея во адъ, ниже даси преподобному Твоему видѣти истлѣнія* [1]). *Обаче Богъ избавитъ душу мою отъ руки адовы, егда пріемлетъ мя* [2]). Этою надеждою одушевлялись и всѣ вѣрующіе и благочестивые іудеи, какъ это можно видѣть изъ того, что и въ другихъ учительныхъ книгахъ Ветхаго Завѣта, напр. книгѣ премудрости Соломоновой, встрѣчаются такія отрадныя разсужденія по поводу смерти: *души праведныхъ въ рукѣ Божіей, и мученіе не коснется ихъ; тогда какъ для многихъ исходъ ихъ кажется погибелью, отшествіе ихъ отъ насъ уничтоженіемъ, они пребываютъ въ мірѣ* [3]), *и живутъ во вѣки, имѣя награду въ Господѣ и попеченіе у Вышняго* [4]); потому то *знать Бога есть полная праведность, и признавать власть Его—корень безсмертія; соблюденіе же закона—залогъ безсмертія, а безсмертіе приближаетъ къ Богу* [5]).

ніями къ Богу: *нѣсть въ смерти помнаяй Тебе, во адѣ же кто исповѣстся Тебѣ?* Пс. 6, 6. *Не мертвіи восхвалятъ Тя, Господи, ниже вси нисходящіи во адъ; но мы живіи благословимъ Господа отнынѣ и до вѣка.* Пс. 113, 25—26. Въ книгѣ Пророка Исаіи Езекія, которому Пророкъ отъ имени Божія изрекъ обѣщаніе исцѣленія отъ смертельной болѣзни, изливая свои благодарныя молитвенныя чувства, обращается къ Богу съ такими словами: *не похвалятъ Тебя иже во адъ, ни умершіи возблагословятъ Тя, и не надѣются, иже во адъ, милости Твоея. Живіи же возблагословятъ Тя, яко же и азъ.* Ис. 38, 18.

[1]) Пс. 15, 9—10.

[2]) Псал. 48, 16.

[3]) Премуд. 3, 1—3.

[4]) Премуд. 5, 15.

[5]) Премуд. 15, 3; 6, 18—19.

Съ пришествіемъ на землю Сына Божія осуществились вѣковыя чаянія ветхозавѣтныхъ праведниковъ. Объясняя пророческія слова 67-го псалма: *возшедъ на высоту, плѣнилъ плѣнъ, и далъ дары человѣкомъ*, Апостолъ Павелъ говоритъ: *возшелъ, что означаетъ, какъ не то, что Онъ*—(Спаситель) *и низходилъ прежде въ преисподнія мѣста земли? Низшедшій Онъ же есть и возшедшій превыше всѣхъ небесъ, дабы наполнить все* [1]). Такимъ образомъ, подъ *плѣномъ* Апостолъ дастъ разумѣть не иное что, какъ души увѣровавшихъ въ Искупителя, послѣ Его проповѣди въ адѣ, ветхозавѣтныхъ праведниковъ, а объ этомъ схожденіи во адъ и проповѣди въ немъ душамъ умершихъ ясно говоритъ Апостолъ Петръ въ своемъ первомъ соборномъ посланіи: *Христосъ, чтобы привести насъ къ Богу, однажды пострадалъ за грѣхи наши, праведникъ за неправедныхъ, бывъ умерщвленъ по плоти, но оживъ духомъ, которымъ Онъ и находящимся въ темницѣ духамъ, сошедши, проповѣдалъ* [2]) Во время Своей земной жизни Спаситель въ Своемъ ученіи далъ твердое увѣреніе не только въ безсмертіи души, назначенной для вѣчной жизни, но и въ томъ, что души умершихъ еще ранѣе всеобщаго воскресенія тѣлъ и всеобщаго суда, непосредственно послѣ окончанія земной жизни, сообразно съ своими заслугами или сподобляются блаженной и съ полнымъ сознаніемъ соединенной жизни съ Богомъ, или ведутъ плачевную и мучительную жизнь, при тяжкомъ сознаніи и чувствѣ своего отчужденія отъ Бога. *Не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить* [3]), говорилъ Господь, напутствуя Апостоловъ на проповѣдь Евангелія. Саддукеевъ, отрицавшихъ воскресеніе мертвыхъ, вразумлялъ, что *Богъ не есть*

---

[1]) Ефес. 4; 8—10.
[2]) 1 Петр. 3, 18—19.
[3]) Мѳ. 10, 28. Лук. 20, 36.

Богъ мертвыхъ, но живыхъ [1]). Въ послѣдней бесѣдѣ съ учениками Господь утѣшалъ ихъ обѣщаніемъ, что Онъ идетъ ко Отцу и приготовитъ имъ у Него мѣсто, чтобы и они были тамъ, гдѣ Онъ Самъ будетъ [2]). Разбойнику, увѣровавшему въ Него на крестѣ, обѣщалъ: *днесь со Мною будеши въ раи* [3]). Въ притчѣ же о богатомъ и Лазарѣ, подъ образами одного несомаго Ангелами на лоно Авраама, а другаго, испытывающаго во адѣ томительныя страданія, Господь вразумляетъ, что предвкушеніе вѣчнаго блаженства праведниками и вѣчныхъ мученій—нераскаянными грѣшниками начинается непосредственно послѣ прекращенія здѣшней жизни [4]).

Апостолы, уча объ окончательномъ воздаяніи, которое получатъ люди послѣ воскресенія и послѣдняго суда [5]), учили и о томъ, что смерть не прекращаетъ душевной жизни человѣка, а служитъ переходомъ къ жизни другой, несравненно высшей и совершеннѣйшей для душъ вѣрующихъ и праведныхъ, чѣмъ жизнь земная, потому что будетъ въ самомъ близкомъ единеніи съ Богомъ. Посему-то въ особенности Апостолъ Павелъ, часто повторяя эту истину въ своихъ посланіяхъ къ христіанамъ изъ язычниковъ и собственнымъ примѣромъ желая возбудить и укрѣпить въ нихъ чаянія безсмертія и стремленія къ жизни небесной, писалъ въ посланіяхъ къ Филиппійцамъ и Коринѳянамъ: для *меня жизнь—Христосъ, и смерть—пріобрѣтеніе. Имѣю желаніе*

---

[1]) Мѳ. 22, 32.

[2]) Іоан. 14, 2—3.

[3]) Лук. 23, 43.

[4]) Лук. 16, 22—26.

[5]) *Не всѣ мы умремъ, но всѣ измѣнимся вдругъ, во мгновеніи ока при послѣдней трубѣ; ибо вострубитъ, и мертвые воскреснутъ нетлѣнными, а мы измѣнимся.* 1 Кор. 15, 51—52. *Всѣмъ намъ должно явиться предъ судилищемъ Христово, чтобы каждому получить соотвѣтственно тому, что онъ дѣлалъ, живя въ тѣлѣ, доброе или худое.* 2 Кор. 5, 10.

разрѣшиться и быть со Христомъ [1]). *Знаемъ, что когда земный нашъ домъ, эта хижина разрушится, мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный. Отъ того мы и воздыхаемъ, желая облечься въ небесное наше жилище. Находясь въ этой хижинѣ, воздыхаемъ подъ бременемъ, потому что не хотимъ совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнію. На сіе самое и создалъ насъ Богъ, и далъ намъ залогъ Духа.... И такъ какъ знаемъ, что, водворяясь въ тѣлѣ, мы устранены отъ Господа; ибо мы ходимъ вѣрою, а не видѣніемъ; то мы благодушествуемъ и желаемъ лучше выйти изъ тѣла, и водвориться у Господа* [2]).

Безсмертіе души находится въ тѣсной и необходимой связи съ ея духовностію. Изъ такого основнаго положенія исходитъ и ученіе о безсмертіи души древнихъ учителей и отцевъ Церкви. По ихъ воззрѣнію, въ самой духовной природѣ Богоподобной души человѣческой есть залогъ ея безсмертія. Но при этомъ они утверждаютъ, что главное и послѣднее основаніе или причина ея безсмертія заключается не въ ней самой, а въ виновникѣ ея—Богѣ, благоволившемъ создать ее для участія въ Его безсмертной жизни и для того надѣлившемъ ее природою, способною къ таковой жизни. Посему вѣра въ безсмертіе души, по согласному ученію древнихъ христіанскихъ учителей, должна утверждаться не столько на замѣчаемыхъ въ ея собственной природѣ задаткахъ безсмертія, сколько на вѣрѣ въ Самого Бога, ясно выразившаго свою волю относительно безсмертія души, и въ ея природѣ, и въ своемъ письменномъ откровеніи [3]).

Св. Іустинъ философъ, имѣя въ виду древне-платоническое ученіе о безсмертіи души, опирающееся исключительно

---

[1]) Филипп. 1, 21—23.

[2]) 2 Кор. 1, 1—8.

[3]) Догмат. Богословіе епископа Сильвестра, т. III, § 38.

на природѣ самой-же души, говоритъ: „если душа живетъ, „то живетъ не потому, что сама есть жизнь, а потому, что при- „частна жизни... Причастна же она жизни потому, что Богъ хо- „четъ, чтобъ она жила... Душѣ не свойственно жить такъ (т. е „самобытно), какъ Богу“ [1]). А направляя рѣчь противъ невѣру- ющихъ въ безсмертіе души и загробную жизнь, Іустинъ дѣла- етъ такую оговорку: „но я при этомъ не утверждаю, чтобы „души уничтожались, что было бы выгодно для злыхъ,“ и на вопросъ: „что же бываетъ съ ними?“ даетъ такой отвѣтъ: „ду- „ши благочестивыхъ находятся въ лучшемъ мѣстѣ, а беззакон- „ныя—въ худшемъ, ожидая времени суда“ [2]). Но хотя Іустинъ не усвоялъ душѣ безсмертія по самой ея природѣ, а поставлялъ его въ полную зависимость отъ одной воли Божіей, тѣмъ не менѣе истину ея безсмертія считалъ самою достовѣрною и несомнѣнною истиной. Несомнѣнная увѣренность въ безсмер- тіи души, по Іустину, прежде всего основывается на полной увѣренности въ томъ, что волѣ Божіей благоугодно продлить жизнь души навсегда и по смерти тѣла. Въ послѣднемъ же удостовѣряетъ Самъ Богъ, давая знать людямъ частію чрезъ Свой естественный законъ, а болѣе всего чрезъ Свое откро- веніе во Христѣ, что Онъ нѣкогда потребуетъ отчета въ ихъ свободныхъ дѣйствіяхъ и воздастъ каждому должное въ жизни будущей, такъ какъ они не получаютъ полнаго воздаянія въ жизни настоящей [3]). Подобныя же мысли объ основаніяхъ вѣры въ безсмертіе излагаются и у послѣдующихъ учителей Церкви: Ѳеофила Антіохійскаго [4]), Аѳинагора [5]), Иринея [6]).

Знаменитые ученые, александрійскіе учители, *Климентъ* и *Оригенъ* въ подтвержденіе безсмертія души ограничивались

---

[1]) „Разговоръ съ Трифономъ“. 6.
[2]) Тамъ же, 5.
[3]) Аполог. 1-я, 10 и 12.
[4]) Ad Autholic. lib. II, n. 27.
[5]) De resurrect. n. 12 и 16.
[6]) „Противъ ересей“ кн. 2, гл. 34.

указаніями на ея невещественность, или духовность, какъ на такое свойство, которое необходимо исключаетъ собою ея разрушимость и предполагаетъ ея нетлѣнность. Къ этому они присоединяли еще указаніе на внутренно и нераздѣльно соединенную съ природою души ея способность къ непрерывной духовно-нравственной усовершимости, необходимо предполагающую ея существованіе и за предѣлами гроба [1]).

Св. *Аѳанасій александрійскій* еще полнѣе своихъ предшественниковъ раскрываетъ основанія безсмертія души. Если душа есть не то, что тѣло, разсуждаетъ онъ, то уже поэтому самому должна быть безсмертна, въ противоположность смертному тѣлу. Если, далѣе, душа движетъ не только тѣло, но и самое себя, въ чемъ и выражается ея жизнь: то отрѣшеніе отъ ней недвижимаго тѣла не можетъ лишить ее существенно принадлежащей ей способности къ самодвиженію и самодѣятельности, а вмѣстѣ съ нею и самой ея жизни. Если, наконецъ, и въ тѣлѣ душа можетъ жить, какъ бы находясь внѣ тѣла, когда отрѣшается отъ земнаго и временнаго и устремляется къ небесному и вѣчному: то тѣмъ болѣе она должна быть въ состояніи жить подобною жизнію тогда, когда съ смертію совершенно отрѣшается отъ бреннаго тѣла [2]). Въ другомъ мѣстѣ это воззрѣніе на безсмертіе души Св. Аѳанасій дополняетъ своимъ разсужденіемъ о человѣкѣ вообще, а слѣдовательно и о душѣ: „человѣкъ, какъ „созданный изъ ничего, по природѣ смертенъ. Удерживать „его отъ смерти и дѣлать причастникомъ безсмертія можетъ „только его подобіе Богу, а также причастіе Его Слову; по„этому онъ долженъ жить жизнію по Богу, а также пребы„вать въ непрерывномъ общеніи съ Словомъ, чтобы отдалять

---

[1]) Клим. александ. „Строматы“ кн. 6-я, гл. 6-я. Ориг. „Противъ Цельса“ кн. 3, глав. 22.

[1]) „Contra gent. n. 33.

„отъ себя навсегда смерть и, согласно съ назначеніемъ Бо„жіимъ, жить вѣчно во образъ божественной вѣчности [1])“.

Такое же ученіе о безсмертіи души содержится въ сочиненіяхъ: Григорія Нисскаго [2]), Григорія Богослова [3]), Златоуста [4]) и мн. другихъ. Бл. Августинъ указываетъ сверхъ общихъ основаній на то, что душа *разумна*, т. е. одарена существенно ей принадлежащею *способностью признанія*, которая, какъ и все содержимое ею знаніе, не можетъ когда либо погибнуть.

Общій выводъ изъ ученія отцевъ и учителей Церкви о безсмертіи души человѣческой тотъ, что безсмертіе души, имѣя для себя задатки въ самой ея природѣ, въ послѣднемъ своемъ основаніи утверждается въ Богѣ, въ отношеніи къ Которому душа, какъ носительница Его образа, стоитъ въ самой близкой внутренней связи и зависимости. Вѣра въ безсмертіе души основывается поэтому на вѣрѣ въ Самого Бога. Нераздѣльная внутренняя связь вѣры въ безсмертіе съ вѣрою въ Бога оправдывается личнымъ религіознымъ сознаніемъ каждаго. Чѣмъ живѣе и глубже у кого вѣра въ Бога, тѣмъ тверже и несомнѣннѣе тотъ вѣритъ въ безсмертіе своей души. Наоборотъ, чѣмъ слабѣе и безжизненнѣе вѣритъ кто въ Бога, тѣмъ болѣе подвергается у того колебанію и сомнѣніямъ и вѣра въ собственное безсмертіе. При совершенной же потерѣ и заглушеніи вѣры въ Бога въ концѣ концовъ и совсѣмъ перестаютъ вѣрить въ безсмертіе души и будущую жизнь. И это вполнѣ естественно. Маловѣріе, тѣмъ болѣе совершенное невѣріе въ Бога, подрываютъ въ душѣ внутренно живую связь съ Источникомъ ея безсмертія и жизни, при чемъ всякія раціональныя доказательства въ пользу

---

[1]) „О воплощеніи Слова и Его пришествіи во плоти“ 4 и 5.

[2]) „De eo, quid sit ad imagin. Dei“.

[3]) „Orat. 2 n. 28 et 75.

[4]) На книгу Быт. бесѣда 21.

безсмертія остаются совершенно неубѣдительными и безплодными. Только тотъ, кто всегда живо сознаетъ въ себѣ образъ Божій и вслѣдствіе того всѣми помыслами своими стремится къ Своему Первообразу—Богу, никогда не придетъ къ той мысли, чтобы этотъ образъ, составляющій собою нѣчто родственное и единое съ Своимъ Первообразомъ, могъ когда либо вмѣстѣ съ душею совершенно померкнуть и исчезнуть. Только тотъ, кто всегда проникается чувствами искренняго благоговѣнія и искренней сыновней любви къ Богу и взаимно испытываетъ и старается находить въ какихъ бы то ни было обстоятельствахъ своей земной жизни отеческую любовь Божію, никогда не допуститъ мысли, чтобы любящій Богъ захотѣлъ когда либо совершенно пресѣчь его жизнь и расторгнуть Свою съ нимъ родственную связь. Равнымъ образомъ, никогда не допуститъ сомнѣнія относительно безсмертія и будущаго воздаянія тотъ, кто поддерживаетъ въ себѣ живое сознаніе своего призванія къ нравственному совершенству и управляется въ своей жизни живымъ чувствомъ нравственнаго долга и ясною мыслію о Богѣ, какъ Своемъ Законодателѣ, Судіи и Мздовоздаятелѣ. Вотъ почему вѣра въ безсмертіе души также всеобща въ человѣчествѣ, какъ и вѣра въ бытіе Божіе.

Примѣчаніе. Изъ вышеизложеннаго ученія отцевъ и учителей Церкви мы можемъ видѣть, что ими въ общихъ и существенныхъ чертахъ высказано было все, что только могло быть представлено въ пользу безсмертія души, а потому въ дальнѣйшее, и даже въ настоящее, время мы встрѣчаемся только съ повтореніемъ ими сказаннаго, хотя и въ болѣе развитой и доказательно построенной формѣ. Таково по существу своему такъ называемое *метафизическое доказательство безсмертія души*, основывающееся на простотѣ и неразложимости души, при чемъ, подобно нѣкоторымъ древнимъ учителямъ, обыкновенно указывается на единство и тождество съ собою души, всегда не по частямъ, а всецѣло проявляющей себя во всѣхъ своихъ актахъ; а въ виду матеріалистическаго ученія о единствѣ души, какъ гармоніи тѣла, обыкновенно ссылаются на присущую душѣ способность *къ рефлексу*, въ силу котораго она, сознавая себя какъ самодѣятельное начало, всегда во всѣхъ своихъ отправленіяхъ ясно отличаетъ себя какъ отъ тѣла, такъ и отъ всѣхъ чувственныхъ впечатлѣній.

Таково также по своему характеру и позднѣйшее, такъ называемое *телеологическое доказательство*, основывающееся на замѣчаемой вездѣ сообразности средствъ съ цѣлями, откуда дѣлается выводъ къ сознанію необходимости удовлетворенія въ будущей жизни неудовлетворенныхъ въ настоящей жизни стремленій души къ истинѣ, благу и блаженству, на что, въ особенности въ примѣненіи къ нравственнымъ стремленіямъ, требующимъ праведнаго мздовозданія, указывалось и древними учителями. Таково и такъ называемое *религіозное доказательство* безсмертія души, основывающееся на жизненно-религіозныхъ отношеніяхъ ея къ Богу, какъ образа къ своему вѣчному Первообразу, на которое особенное вниманіе обращаемо было Церковными учителями и писателями.[1]).

Чтеніе 8-е.

Выводъ изъ предшествовавшихъ чтеній.—Образъ Божій, какъ существенная принадлежность души человѣка.—Частныя черты образа Божія, выражающіяся въ главныхъ духовныхъ силахъ души человѣческой и ихъ свойствахъ. Назначеніе первосозданнаго человѣка.—Цѣль и значеніе созданія человѣка въ видѣ двухъ родовыхъ индивидуумовъ.

Изъ вышеизложеннаго ученія Божественнаго Откровенія о душѣ человѣческой и раскрытія этого ученія Св. отцами и учителями Церкви слѣдуетъ вывести одно общее заключеніе, что, если душа есть существо, по своей природѣ духовное и безсмертное, и не смотря на тѣсную связь ея съ тѣломъ настолько отлична отъ него, насколько можетъ быть отлично нетлѣнное отъ тлѣннаго, небесное отъ земнаго, самостоятельное и самодѣятельное отъ страдательнаго или орудnаго, то послѣднимъ основаніемъ такой высоты и превосходства ея предъ тѣломъ и всѣмъ земнымъ и матеріальнымъ служитъ тотъ образъ Божій, который напечатлѣнъ въ ней въ самомъ ея созданіи и который существенно и исключи-

---

[1]) Догмат. Богословіе еп. Сильвестра. Т. III, стр. 259.

тельно принадлежитъ ей. Все въ цѣломъ повѣствованіе бытописателя о созданіи человѣка даетъ одну ясную и опредѣленную мысль, что первосозданный человѣкъ сталъ душею живою, т. е. истиннымъ и дѣйствительнымъ человѣкомъ, только съ того момента, какъ Господь вдохнулъ въ лице его дыханіе жизни, т. е. вложилъ въ его тѣлесный организмъ душу запечатлѣнную Своимъ образомъ. Къ этой же мысли приводитъ и то, что предвѣчный совѣтъ Бога: *сотворимъ человѣка по образу Нашему и подобію* заключается, по сказанію книги Бытія, опредѣленіемъ Божіимъ, чтобы человѣкъ былъ обладателемъ земли.

А способность обладанія землею конечно относится не къ тѣлу, а только къ душѣ человѣка. Въ Новомъ Завѣтѣ Св. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ ефесянамъ убѣждаетъ *облечься въ новаго человѣка, созданнаго по Богу*, (т. е. къ возстановленію въ себѣ образа Божія) и поставляетъ его *въ праведности и святости истины* [1]), дополняя и разъясняя это свойство образа въ посланіи къ колоссянамъ, въ наставленіи: *не говорите лжи другъ другу, совлекшись ветхаго человѣка съ дѣлами его и облекшись въ новаго, который обновляется по образу создавшаго его.* Присовокупляя далѣе заповѣдь *облечься въ благость, милосердіе, смиренномудріе.... болѣе же всего въ любовь, которая есть совокупность совершенства*, Апостолъ тѣмъ ясно показываетъ, что образъ Божій состоитъ въ неложномъ познаніи, равно какъ въ праведности и святости истины, и особенно въ любви, каковыя свойства относятся также къ душѣ человѣка [2]). Такой взглядъ на образъ Божій, какъ исключительную и существенную принадлежность души человѣка, раскрывался и разъяснялся и въ согласномъ по этому предмету ученіи всѣхъ отцевъ Церкви и церковныхъ писателей.

---

[1]) Ефес. 4, 24.

[2]) Колосс. 3, 9—10, 12, 14.

Такъ какъ главныхъ и основныхъ силъ въ душѣ человѣка мы знаемъ только три: разумъ, волю и чувство; то въ нормальныхъ свойствахъ и дѣятельности этихъ силъ естественно искать и частныхъ, характеристическихъ проявленій образа Божія въ душѣ человѣческой. Въ Свящ. Писаніи Богъ—высочайшій и безконечный Духъ—изображается или какъ *высочайшій разумъ*, или какъ *всесовершеннѣйшая воля* и *безконечная любовь*. Имѣя въ основаніи это Богооткровенное изображеніе свойствъ Бога, какъ высочайшаго безконечнаго Духа, отцы и учители Церкви, указывая вообще на душу человѣка, какъ назначенную въ самомъ созданіи ея быть выразительницею и носительницею этого образа въ высшихъ областяхъ своей духовной жизни, въ частности указывали на разумъ, свободу и чувство, какъ на такія силы духа человѣческаго, въ которыхъ должно искать характеристическихъ свойствъ образа Божія.

Въ чемъ же, по ученію древнихъ христіанскихъ учителей и писателей, состоитъ преимущественнѣйшая особенность Богоподобнаго *разума человѣческаго?* Будучи способностію души, соединенной съ тѣломъ, разумъ по необходимости обращается къ внѣшнимъ чувствамъ, какъ органамъ воспріятія впечатлѣній отъ внѣшняго міра, чтобы пріобрѣтать знанія объ этомъ мірѣ. Но онъ *не рабски, а свободно и самостоятельно* относится къ внѣшнимъ чувствамъ и получаемымъ чрезъ нихъ впечатлѣніямъ. Обладая присущею ему и сознаваемою имъ нѣкоторою внутреннею, царственною и владычественною силою, какой никогда не замѣчается въ инстинктивномъ смыслѣ животныхъ, разумъ не увлекается и не уносится потокомъ безчисленныхъ и разнообразныхъ впечатлѣній, но всегда можетъ стоять и держать себя выше ихъ, дѣлать между ними выборъ, относясь къ нимъ, какъ свободный и независимый судья и распорядитель [1]). Поэтому

[1]) На этихъ соображеніяхъ въ особенности останавливается, сравнивая

онъ не ограничивается одною видимою стороною внѣшнихъ явленій, а стремится проникать въ ихъ внутренній смыслъ и значеніе. Поэтому же онъ способенъ восходить отъ видимаго къ невидимому и вызвышаться мыслію къ Самому Виновнику всего существующаго въ природѣ—Богу. Такой выводъ изъ древне-христіанскаго ученія о *Богоподобности* человѣческаго разума не только не расходится съ здравою опытною психологіею, но и всецѣло ею подтверждается и оправдывается. И въ самой низшей области мыслящей дѣятельности—въ области ощущенія—мы наблюдаемъ, что изъ непрерывно приходящихъ въ нашу душу отвнѣ впечатлѣній на нѣкоторыхъ мы останавливаемъ особенное вниманіе и, пропуская многія другія, нѣкоторыя задерживаемъ въ своемъ сознаніи, отчего и образуются ощущенія и далѣе представленія. Въ области же чисто *психической*, во всѣхъ актахъ самосознанія, разумный духъ нашъ является полнымъ обладателемъ себя самого, съ одной стороны дѣлая изъ себя мыслимое, наблюдаемое и познаваемое, а съ другой не переставая быть мыслящимъ о себѣ самомъ, наблюдающимъ себя самого. Такъ и во всѣхъ другихъ мыслительныхъ своихъ работахъ и построеніяхъ духъ нашъ, хотя внѣшняя природа сама по себѣ не даетъ ему готовыхъ о себѣ свѣдѣній, самъ и добываетъ, и умножаетъ ихъ посредствомъ своихъ неутомимыхъ опытовъ и наблюденій. Природа представляетъ ему собою одинъ безмолвный и неосмысленный матеріалъ, а онъ старается проникнуть, и отчасти проникаетъ, самъ во внутренній смыслъ и значеніе ея явленій и, приводя ихъ въ систему, доходитъ до опредѣленія главныхъ міровыхъ причинъ и наконецъ, при пособіи присущей ему идеи Бога, поднимается къ самой послѣдней и верховной причинѣ всего существующаго.

разумъ человѣческій съ инстинктивнымъ смысломъ животныхъ, Св. Аоанасій александрійскій: „Orat. contra gent. n. 31.

Въ волѣ человѣческой образъ Божій полагали, между другими древними учителями, Св. Ириней [1]), Василій Великій [2]), Іеронимъ [3]) и Дамаскинъ [4]). Св. Ириней учитъ, что Богъ, подобно тому какъ въ ангелахъ положилъ свободу въ выборѣ, изъ земныхъ тварей одного только человѣка создалъ свободнымъ, или имѣющимъ свою власть добровольно, а не по принужденію, исполнять Его благую волю, чрезъ повиновеніе которой можетъ и должно быть заслужено имъ истинное благо. Потому-то, напр., тогда какъ пшеница или солома, будучи предметами неодушевленными и неразумными, дѣлаются таковыми по природѣ, человѣкъ, будучи созданъ разумнымъ, а также свободнымъ въ выборѣ и самовластнымъ, самъ для себя бываетъ причиною того, что въ нравственномъ отношеніи дѣлается иногда пшеницею, а иногда—соломою [5]). Потому, далѣе, тогда какъ существа неразумныя ничего не могутъ дѣлать по своей волѣ, а съ необходимостью и невольно влекутся къ добру, и имѣютъ всегда одно чувство и одинъ нравъ, не могши быть чѣмъ-либо инымъ, кромѣ того, чѣмъ сотворены,—отъ самого человѣка или его свободной воли зависитъ, удержаться ли на той высотѣ чести, какой онъ сподобленъ своимъ Творцомъ, или же, низпавъ долу, сравняться съ безсмысленными скотами и уподобиться имъ [6]). Такъ и многіе другіе христіанскіе церковные учители и писатели въ свободѣ воли признавали то преимущественное свойство, которое въ ряду земныхъ тварей принадлежитъ исключительно одному человѣку, дѣлая его одного *нравственнымъ и отвѣтственнымъ предъ Богомъ существомъ*. У Св. Григорія Нисскаго мы находимъ такое общее харак-

---

[1]) „Противъ ересей“ книг. IV, гл. 37.
[2]) „Толков. па псалмы“ 48, 8.
[3]) Письмо 146.
[4]) „О православной вѣрѣ“ кн. II, глава 12.
[5]) „Противъ ересей“ кн. IV, гл. 4.
[6]) Тамъ же.

терное замѣчаніе о преимущественной особенности души, какъ свободнаго и самостоятельнаго существа, сравнительно со всѣми другими земными тварями: „душа“, говоритъ онъ, „уже тѣмъ самымъ прямо показываетъ свою царственность, „превосходство и возвышенность надъ всѣмъ низменнымъ, что, „ничему не подчиняясь, сама свободно и полновластно рас„полагаетъ своими собственными желаніями. Ибо кому ино„му это свойственно, какъ не царю“? Внѣшнимъ же отображеніемъ этого царственнаго величія души, по Григорію Нисскому, служитъ между прочимъ и Богодарованная власть и способность господствованія надъ всѣми земными тварями [1]). На это же указывали Златоустъ [2]), Исидоръ Пелусіотъ [3]) и Ѳеодоритъ [4]).

Таково, въ общихъ чертахъ, ученіе отцевъ Церкви *о нравственной свободѣ*, выражающей въ себѣ образъ Божій, напечатлѣнный въ душѣ человѣка. Что сила нравственой свободы составляетъ достояніе одного только человѣка, въ этомъ увѣряетъ насъ и наше личное сознаніе и даже легкое сравненіе себя со всѣми остальными существами земнаго міра. Не говоря о существахъ неорганическаго и органическаго растительнаго царства природы, и въ жизни животныхъ, гдѣ замѣчаются нѣкоторыя проявленія смышленности и произвольности, мы не находимъ ничего похожаго на нравственную свободу. Такая свобода въ своемъ обладателѣ предполагаетъ, съ одной стороны, способность къ обсужденію и оцѣнкѣ лучшаго и худшаго, съ другой — способность къ выбору между тѣмъ и другимъ и наклоненію въ ту или другу сторону, независимо отъ всякихъ внѣшнихъ и сторонних побужденій и принужденій. Но вся желательная сила

---

[1]) „О созданіи человѣка“ гл. 3, 4 и 16-я.
[2]) „На книгу Бытія“ бесѣды 8-я и 21-я.
[3]) Кн. III, письмо 95.
[4]) „In Genes. quaest. 21.

животныхъ ограничивается и управляется въ ихъ дѣйствіяхъ однимъ *безотчетнымъ инстинктомъ*, ничего другого не требующимъ, кромѣ безусловнаго себѣ удовлетворенія. Въ ихъ жизни и дѣйствіяхъ не замѣчается никакой внутренней борьбы съ собою, равно какъ и ничего похожаго на чувство вмѣняемости своихъ дѣйствій и отвѣтственности за нихъ. Если они и причиняютъ зло человѣку, или подобнымъ себѣ, то не сознаютъ этого, оставаясь по совершеніи его всегда спокойными, какъ будто они вовсе и не сдѣлали его. Человѣкъ же, съ болѣе или менѣе полнымъ развитіемъ своихъ духовно-нравственныхъ силъ, всегда чувствуетъ въ своей волѣ силу не подчиняться безусловно внѣшнимъ стороннимъ возбужденіямъ, а опредѣляетъ себя къ извѣстнаго рода дѣятельности по собственнымъ внутреннимъ побужденіямъ и рѣшеніямъ. Но главная и преимущественная особенность свободной воли человѣка заключается въ томъ, что, сознавая въ себѣ свободу и независимость, она въ тоже время сознаетъ себя способною и призванною къ возможному осуществленію идеала Божественной святости и правды, всегда зовущаго ее къ себѣ чрезъ посредство присущихъ ей требованій нравственнаго чувства и внушеній совѣсти. Это внутреннее величіе воли человѣка, проявляющееся въ высоконравственномъ самообладаніи и самоусовершеніи, еще несравненно возвышеннѣе и превосходнѣе, чѣмъ то ея наружное величіе, какое обнаруживается въ господствованіи надъ внѣшнею природою и ея земными тварями.

Наконецъ, хотя у древнихъ учителей Церкви почти не встрѣчается прямыхъ и нарочитыхъ указаній на то, что образъ Божій напечатлѣнъ и въ сердцѣ человѣческомъ, тѣмъ не менѣе это само собою предполагалось уже въ ихъ ученіи о нераздѣльности образа Божія съ существомъ души человѣческой. Блаженный Августинъ даже прямо указывалъ на присущую нашему духу силу любви, какъ на отображеніе

одного изъ Лицъ Божественной Троицы [1]). Самое же важное значеніе здѣсь имѣютъ указанія учителей Церкви на способность въ духѣ человѣческомъ любви къ Богу и существенно соединенную съ нею способность къ религіозному единенію съ Нимъ, какъ на такого рода свойства, которыя болѣе всего приближаютъ человѣка къ Богу и уподобляютъ ему, а любовь есть преимущественная принадлежность сердца. *Св. Ириней* говоритъ: „всѣ люди сотворены Богомъ, какъ Его дѣти“ [2]), слѣдовательно—способными любить Его сыновнею любовію. *Григорій Богословъ* учитъ, что „тогда „какъ всѣ прочія твари, не исключая и одушевленныхъ, да„леки отъ Бога и ничего съ Нимъ не имѣютъ общаго, духъ „человѣческій, какъ дыханіе Божіе, какъ отблескъ Божест„веннаго свѣта, составляетъ нѣчто съ Нимъ весьма близкое „и родственное [3]), а потоду онъ и Божественнымъ свѣтомъ, „влекущимъ его къ Себѣ вверхъ, привлекается къ единенію „съ Богомъ, и самъ стремится къ этому же единенію, не „лишенный возможности и надежды чрезъ свое стремленіе „даже достигать—что составляетъ высокую тайну—самаго „внутренняго единенія съ Богомъ или обоженія“ [4]). *Блаж. Августинъ* въ одномъ изъ своихъ сочиненій обращается къ Богу съ такими словами: „Ты создалъ насъ для Себя, и ду„ша наша дотолѣ томится, не находя себѣ покоя, доколѣ „не успокоится въ Тебѣ“ [5]). *Іоаннъ Дамаскинъ*, учитъ: „Богъ „создалъ человѣка для того, чтобы онъ, подобно ангелу, по„клонялся Богу и прославлялъ Его, а также чрезъ свое при„лѣпленіе къ Нему достигалъ обоженія, обоженія впрочемъ „по причастію въ Божественномъ озареніи, а не по претво„ренію въ Божественную сущность“ [6]).

---

[1]) „De Trinit.“, lib. IX, cap. 4.
[2]) „Противъ ересей“ кн. IV, гл. 37-я и 41-я.
[3]) „Orat. 45, n. 6 et 7.
[4]) „Orat. 7, 32, 38.
[5]) „Confess. lib. 1, c. 1.
[6]) „Изложеніе Православной вѣры“, кн. II, глав. 12.

Созданіе человѣка по образу Божію опредѣляетъ и высоту его назначенія, по которому онъ является единственнымъ изъ всѣхъ земныхъ существъ, сотворенныхъ Богомъ. Такъ какъ этотъ образъ есть образъ Самого Творца-Бога, то непрерывное стремленіе или тяготѣніе къ Богу души человѣка и составляетъ первую и послѣднюю цѣль земнаго бытія человѣка. Самъ Іисусъ Христосъ, пришедшій въ міръ —возстановить падшаго человѣка, все дѣло Своего искупленія направлялъ къ тому, чтобы разрушить, по выраженію Апостола, *стоявшую* вслѣдствіе грѣхопаденія *посреди* (человѣка и Бога) *преграду* и привести человѣка къ міру и единенію съ Богомъ [1]). Такую общую мысль о назначеніи человѣка высказывали и всѣ древніе учители Церкви. Одни изъ нихъ утверждали, что, тогда какъ въ мірѣ видимомъ все создано для человѣка, самъ онъ создань для Бога [2]); другіе выражались такъ, что человѣкъ по самой духовной природѣ, родственной небесному и Божественному, предназначенъ всегда стремиться къ Богу, ища въ Немъ для себя покоя и блаженства [3]), или что человѣкъ вообще призванъ изъ небытія къ бытію для религіознаго союза съ Богомъ [4]) и въ Немъ — блаженства. Въ частности, въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ земныхъ созданій, предназначенныхъ жить одною чувственною, неразумною и несвободною жизнію, человѣкъ предназначенъ къ существенно иной, совершеннѣйшей разумно-свободной жизни, опредѣляемой и направляемой идеаломъ Богоподобія. Обладая разумомъ, человѣкъ, въ возможныхъ для своей ограниченности условіяхъ, чувствуетъ потребность стремиться и приближаться къ безконечной истинѣ. Одаренный

---

[1]) Іоанн. 17, 21. 2 Кор. 5, 19. Еф. 2, 14.

[2]) Лактанц. „Instit.“ lib. VII c. 5. Авг. „Confess.“ lib. 1, c. 1.

[3]) Амврос. Epistol. 43. Макарій великій „Объ обращеніи души къ Богу“. Григорій Богословъ Orat. 45.

[4]) Лактанц. см. 1-й выпускъ.—Этимологич. объясненіе слова: религія. Чт. 2-ое.

свободною волею, онъ въ нормальномъ состояніи своей духовной природы чувствуетъ потребность стремиться къ Богоподобной святости. Наконецъ, одаренный способностью чувствовать и любить, человѣкъ глубоко сознаетъ обязательность воспитывать въ себѣ любовь и вкусъ къ тому верховному благу, какимъ обладаетъ Самъ Богъ по Своей природѣ. Итакъ, *духовно-нравственное самодѣятельное развитіе и совершенствованіе* составляетъ тотъ путь, которымъ человѣкъ можетъ свободно достигать по мѣрѣ своихъ духовныхъ силъ *уподобленія Богу*. Въ этомъ смыслѣ многіе древніе учители Церкви утверждали, что, тогда какъ *образъ Божій* данъ былъ первому человѣку въ полномъ своемъ видѣ, *подобіе*, именно способность достигать уподобленія Богу, сообщено было только въ зачаткахъ съ тѣмъ, чтобы человѣкъ самъ свободно развилъ и усовершилъ его [1]).

Таково назначеніе человѣка по его духовной природѣ. Но онъ не есть только духъ. Его душа тѣснѣйшимъ образомъ соединена съ тѣломъ, которое также составляетъ существенную часть его природы. Созданный жить на землѣ, человѣкъ только въ органической связи души съ тѣломъ является полнымъ человѣкомъ. Въ какомъ же отношеніи стоитъ его высшее премірное назначеніе къ земному бытію его? Отвѣтъ на это заключается въ опредѣленіи Самого Бога, Который, положивъ создать человѣка по Своему образу и подобію, сказалъ: *да обладаетъ рыбами морскими и птицами небесными, и звѣрями и скотами и всею землею.* Предназначенный быть обладателемъ всей земли и всего земнаго, первый человѣкъ былъ одаренъ такими духовными силами, которыя были несравненно выше и крѣпче всего земнаго и стихійнаго и потому способны были овладѣвать и управлять

---

[1]) Григор. Нисскій Orat 2 in verba: faciamus homin. Клим. Александр. Strom.“ lib. II, cap. 22. Оригенъ „De princip. lib. III, c. 6. Дамаск. „Излож. вѣры“ кн. II, гл. 12.

имъ. А при такомъ отношеніи духовныхъ силъ первозданнаго человѣка къ земному и чувственному, его назначеніе жить на землѣ и при посредствѣ тѣла быть въ близкой связи съ земнымъ и матеріальнымъ не только не могло мѣшать его высшему неземному назначенію, а скорѣе должно было помогать и служить ему по тому общему закону, по которому обыкновенно низшее подчиняется высшему и слабѣйшее служитъ во всемъ сильнѣйшему. Отсюда съ полнымъ основаніемъ можемъ заключить, что человѣкъ, созданный по образу и подобію Божію, созданъ для существованія на землѣ съ тою именно цѣлію, чтобы при посредствѣ земли и земнаго достигать своего вышеземнаго назначенія, подобно тому, какъ и самая душа его соединена съ тѣломъ съ тою цѣлію, чтобы при посредствѣ тѣла достигать саморазвитія и усовершенія. Земля, данная въ обладаніе человѣку, есть временное поприще развитія и преуспѣянія его духовной Богоподобной природы, и все земное и чувственное, при надлежащемъ пользованіи имъ, представляетъ множество разнообразныхъ и побужденій, и средствъ къ такому развитію.

Послѣдній вопросъ, естественно представляющійся намъ теперь, тотъ: въ какомъ видѣ и условіяхъ, согласно съ намѣреніями Божіими, имѣлъ существовать человѣкъ въ своемъ земномъ жилищѣ и мѣстѣ своего духовнаго развитія и преуспѣянія? И на этотъ вопросъ прямой и опредѣленный отвѣтъ даетъ намъ Божественное Откровеніе. Св. Бытописатель, упомянувъ о рѣшеніи въ Божественномъ совѣтѣ создать человѣка по образу и подобію Божію (Быт. 1, 26), непосредственно затѣмъ (Быт. 1, 27) говоритъ: *и сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его, мужа и жену сотвори ихъ.* Изъ непосредственной связи этихъ стиховъ первой главы книги Бытія очевидно, что созданіе двухъ родовыхъ индивидуумовъ, т. е. мужа и жены, было опредѣлено еще въ самомъ совѣтѣ Божіемъ о созданіи человѣка. Единство и

изначальность творческаго акта въ созданіи мужа и жены рѣшительно подтверждены словами самого Іисуса Христа, въ его отвѣтѣ на искусительный вопросъ, предложенный Ему фарисеями: *позволительно-ли разводиться мужу съ женою*, такъ какъ законъ Моисеевъ дозволяетъ это въ извѣстныхъ случаяхъ? Сказавъ въ отвѣтъ спрашивавшимъ: *Моисей, по жестокосердію вашему, позволилъ вамъ разводиться съ женами вашими; а съ начала не было такъ...*, Господь присовокупляетъ указаніе на повѣствованіе о созданіи человѣка въ книгѣ Бытія (1, 27): *въ началѣ созданія Богъ мужчину и женщину сотворилъ ихъ. Посему оставитъ человѣкъ отца своего и мать и прильпится къ женѣ своей, и будутъ два одною плотью.... И такъ, что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ* [1]). Слова Спасителя, такимъ образомъ, не только окончательно подтверждаютъ сказаніе книги Бытія объ изначальности сотворенія мужа и жены, но и указываютъ въ этомъ творческомъ дѣлѣ доказательство изначальной Богоучрежденности брака и отсюда проистекающей его нерасторжимости. Посему, хотя Бытописатель, передавая во 2-й главѣ книги Бытія болѣе подробный разсказъ о созданіи жены, нѣсколько отдаляетъ созданіе жены отъ созданія мужа, помѣщая между тѣмъ и другимъ рядъ извѣстныхъ обстоятельствъ [2]), но всѣ эти обстоятельства, кромѣ того, что имѣли занять весьма непродолжительное время, по самому характеру своему таковы, что не только не разрываютъ, а скорѣе внутренно объединяютъ два разновременные творче-

[1]) Марк. 10, 2—9. Матѳ. 19, 3—8.

[2]) Таковы: насажденіе Богомъ рая и введеніе въ него человѣка—мужа; заповѣдь о невкушеніи плодовъ отъ древа познанія добра и зла; рѣшеніе Божіе создать человѣку помощницу, такъ какъ, по мысли Божіей, *не хорошо быть человѣку одному*; приведеніе къ Адаму животныхъ по парѣ для нареченія имъ именъ, при чемъ замѣчена была Адамомъ его одинокость; наконецъ наведеніе на Адама сна и во время его созданіе изъ ребра Адамова жены. Быт. 2, 7—22.

скіе акта воли Божіей, относящіеся къ полному осуществленію мыслей и намѣреній Божіихъ о созданіи человѣка Изъ указанныхъ въ примѣчаніи промежуточныхъ дѣлъ Божіихъ между созданіемъ мужа и жены ясно видно, что, хотя Богъ сначала создалъ одного человѣка, тѣмъ не менѣе не оставлялъ мысли о созданіи жены, какъ необходимой въ Божественномъ смотрѣніи о дальнѣйшихъ судьбахъ бытія человѣчества помощницы мужу, и слѣдовательно, создавъ жену, Господь только довершилъ Свое предвѣчное опредѣленіе о созданіи человѣка, именно создать сперва мужа, какъ главу человѣчества, а потомъ изъ самаго существа мужа создать жену, какъ имѣвшую явиться зависимой отъ него его помощницей. Цѣль, съ какою создалъ Богъ перваго человѣка не одиночнымъ, а вмѣстѣ съ женою, указывается еще въ 1-й главѣ книги Бытія, гдѣ къ краткому указанію, что Богъ *мужа и жену сотвори ихъ*, непосредственно присовокупляется: *и благослови ихъ Богъ, глаголя: раститеся и множитеся, и наполняйте землю, и господствуйте ею* [1]).

Итакъ, первые мужъ и жена въ самомъ началѣ получили благословеніе отъ Бога, Творца своего, на то, чтобы изъ себя производить подобныхъ себѣ и, такимъ образомъ размножая свой родъ, чрезъ своихъ потомковъ, и въ лицѣ ихъ, наполнять собою всю землю и господствовать надъ нею, средствомъ къ чему должна была послужить ихъ брачная жизнь и рожденіе, въ силу благословенія Божія, подобныхъ себѣ.

Итакъ, строго держась библейскаго ученія о созданіи и благословеніи Богомъ первой человѣческой четы, мы приходимъ къ необходимому заключенію, что Адамъ и Ева въ самомъ началѣ бытія своего были предназначены къ тому, чтобы стать единственными и исключительными прародителями всего рода человѣческаго. Говоря о данномъ Богомъ

---

[1]) Быт. 1, 28.

благословеніи на *возрастаніе и умноженіе людей*, Бытописатель прямо относитъ его только къ той первой четѣ, которая создана была Богомъ вслѣдъ за Его рѣшеніемъ *сотворить человѣка по Своему образу и подобію*, какъ къ четѣ *единой и единственной*. Посему какъ въ ветхозавѣтной Церкви не могло быть и не было иного вѣрованія относительно происхожденія рода человѣческаго, кромѣ того, что онъ произошелъ отъ одного Адама и Евы, такъ еще съ большею ясностію повторяется и раскрывается эта истина въ Новозавѣтномъ Откровеніи. Евангелистъ Лука, представляя родословную І. Христа по восходящей линіи, заканчиваетъ ее Адамомъ [1]). Апостолъ Павелъ созданнаго Богомъ изъ земной персти Адама называетъ *человѣкомъ первымъ* [2]). Тотъ же Апостолъ учитъ, что *Богъ сотворилъ отъ одной крови весь родъ человѣческій для обитанія по всему лицу земли* [3]), и самое распространеніе между всѣми людьми грѣховности и съ нею неразлучной смерти изъясняетъ такъ: *какъ однимъ человѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ, и грѣхомъ смерть: такъ и смерть перешла во всѣхъ человѣковъ, потому что въ немъ всѣ согрѣшили* [4]) Такъ и въ Церкви христіанской истина эта всегда сохранялась твердо и неизмѣнно, тѣмъ болѣе, что стояла во внутренней и неразрывной связи съ ученіемъ о наслѣдственномъ прародительскомъ грѣхѣ, а вмѣстѣ и съ ученіемъ объ искупленіи.

---

[1]) Луки 3, 38.
[2]) 1 Кор. 15, 47.
[3]) Дѣян. 17, 26.
[4]) Рим. 5, 12.

Чтеніе 9-е.

О Богѣ—Промыслителѣ міра вообще. Понятіе о Промыслѣ Божіемъ. Связь ученія о Промыслѣ Божіемъ съ ученіемъ о Богѣ-Творцѣ міра.—Ученіе Божественнаго Откровенія о Промыслѣ Божіемъ.—Ученіе древнихъ отцевъ Церкви о Промыслѣ Божіемъ.—Опроверженіе новыхъ и современныхъ возраженій и мнѣній противъ ученія о Промыслѣ Божіемъ. Возраженіе деистовъ.

Подъ именемъ Промысла Божія разумѣется непрырывно продолжающееся и никогда не прекращающееся дѣйствіе Божіе въ отношеніи къ созданному міру, направляемое къ его сохраненію и достиженію имъ предназначенной цѣли. Если мы вѣруемъ въ Бога, какъ всемогущаго, премудраго и всеблагаго Творца міра, и если мы убѣждены въ томъ, что міръ получилъ отъ своего Творца начало своего бытія во времени; то не можемъ не быть убѣждены и въ томъ, что Богъ, создавъ міръ, не могъ и не можетъ оставить Свое твореніе безъ постояннаго воздѣйствія Своего къ его сохраненію и направленію къ предназначенной цѣли, а сотворенный міръ не могъ бы продолжать своего бытія и жизни безъ такого Божественнаго воздѣйствія.

Священное Писаніе какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта полно указаній на никогда не прекращающуюся съ самаго созданія міра промыслительную, *всесохраняющую и всѣмъ правящую дѣятельность Бога* по отношенію къ міру. *Вездѣсущіе и вездѣприсутствіе, всевѣдѣніе, всемогущество, премудрость и благость*—вотъ тѣ свойства Бога, какъ самобытнаго и безконечнаго Духа, на основаніи которыхъ въ ученіи Откровенія разъясняются живыя промыслительныя отношенія Бога къ міру вообще и человѣку въ особенности [1]).

---

[1]) См. 1-й выпускъ. Ученіе о свойствахъ Божіихъ, стр. 105—106, 112—114, 119—120.

Богъ наполняетъ небо и землю [1]); *небо—престолъ Его, земля же подножіе ногъ Его* [2]). Пребывая вездѣ, а равно зная все подъ счетомъ, вѣсомъ и мѣрою [3]), Богъ всегда является въ Своихъ дѣйствіяхъ въ мірѣ тѣмъ, чѣмъ отецъ въ своемъ домѣ, или царь—въ своемъ царствѣ. Въ нагорной бесѣдѣ Господь учитъ, что *Отецъ Небесный повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ* [4]), а внушая своимъ послѣдователямъ не мучить себя безпокойными заботами о житейскихъ нуждахъ, говоритъ: *вглядите на птицъ небесныхъ: онъ не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницу; и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ. .. Посмотрите на полевыя лиліи, какъ онѣ растутъ? не трудятся, ни прядутъ. Но говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ. Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будетъ брошена въ печь, Богъ такъ одѣваетъ; кольми паче васъ, маловѣры! Отецъ вашъ небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ*, т. е. Ему извѣстны ранѣе всѣ ваши земныя потребности,—заключаетъ Господь [5]). *Богъ все держитъ словомъ силы Своей* [6]), *посылаетъ Свой зиждительный духъ—для обновленія лица земли* [7]), *всему даетъ жизнь и дыханіе, и все* [8]). Отъ Бога-Творца міра зависятъ самые законы бытія, движенія и жизни, *Имъ мы живемъ, движемся и существуемъ* [9]). Имъ назначаются мѣста и времена для жительства тварей и подается все, нужное для ихъ существованія [10]).

---

[1]) Іерем. 23, 24.
[2]) Матѳ. 5, 34—35.
[3]) Ис. 40, 26. Матѳ. 10, 30. Іов. 28, 24—25.
[4]) Матѳ. 5, 45.
[5]) Матѳ. 6, 26—32.
[6]) Евр. 1, 3.
[7]) Псал. 103, 30.
[8]) Дѣян. 17, 25.
[9]) Дѣян. 17, 28.
[10]) Дѣян. 17, 26. Псал. 103, 8—9.

Если ничто въ созданной вселенной не изъято изъ промыслительнаго попеченія Божія [1]), то еще несравненно болѣе является предметомъ особеннѣйшей отеческой заботливости Бога самъ человѣкъ. Въ книгѣ Псалмовъ, изъ множества указаній на пути промысла Божія, въ особенности въ псалмѣ 138 изображается всевѣдѣніе и вездѣприсутствіе Господа, создавшаго человѣка и еще отъ рожденія опредѣлившаго судьбу его Общая мысль псалма та, что Богъ самый зародышъ человѣка видитъ Своими очами и въ книгѣ Своей опредѣляетъ всѣ дни существованія его на землѣ. Изводя изъ чрева матери, Господь вселяетъ въ него упованіе у груди материей [2]). Будучи близокъ къ каждому [3]), зная самыя сокровенныя мысли, чувствованія [4]) и даже вздохи каждаго [5]), Богъ подаетъ необходимое всѣмъ—и даже прежде, чѣмъ попросятъ у Него [6]), и исполняетъ просимое [7]), подъ условіемъ искренней и живой вѣры [8]), согласія просимаго съ волею и славою Божіею [9]) и съ собственнымъ благомъ просящаго, заключающимся окончательно въ достиженія Царствія Божія. Къ этой послѣдней цѣли направляетъ Господь разнообразную судьбу каждаго отдѣльнаго человѣка, равно какъ и судьбы всего человѣчества, опредѣляя ихъ въ согласіи съ нравственными потребностями

---

[1]) Мысль о всеобщности Промысла Божія особенно характеристично выражена въ книгѣ „Премудрости Солом.“ въ слѣдующемъ обращеніи къ Богу: *Ты любишь все существующее и ничьмъ не гнушаешься, что сотворилъ; ибо не создалъ бы, если бы что ненавидѣлъ. И какъ могло бы пребывать что либо, если-бы Ты не восхотѣлъ? Или какъ-бы сохранилось то, что не призвано Тобою?* Премуд. 11, 25—26.

[2]) Псал. 21, 10.

[3]) Дѣян. 17, 27.

[4]) Псал. 7, 10.

[5]) Пс. 77, 11.

[6]) Матѳ. 6, 32.

[7]) Матѳ. 7, 11. Пс. 19, 2—5.

[8]) Мѳ. 17, 20.

[9]) Мѳ. 6, 10; Іоанн. 14, 13. Догмат. Богословіе еп. Сильвестра, т. III, стр. 341 и далѣе.

людей и законами Своей милости и правды. Любя праведныхъ [1]), и ненавидя всѣхъ дѣлающихъ беззаконіе [2]), Господь хранитъ первыхъ, какъ зѣницу ока [3]), и содѣйствуетъ во всемъ къ ихъ благу [4]), но не оставляетъ безъ Своего промыслительнаго попеченія и грѣшниковъ, *повелѣвая солнцу своему восходити надъ злыми и добрыми и посылая дождь на праведныхъ и неправедныхъ* [5]). *Посѣщая жезломъ беззаконія грѣшниковъ и ударами неправды ихъ* [6]), *Онъ не до конца гнѣвается и не во вѣкъ негодуетъ* [7]), *но и долго терпитъ*, чтобы посредствомъ благости привести къ покаянію [8]), такъ какъ *не хочетъ смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* [9]). Если же и праведниковъ Господь допускаетъ часто и много страдать, подобно Іову, отъ внѣшнихъ бѣдствій или людскихъ неправдъ, то и въ семъ случаѣ Онъ дѣйствуетъ по внушенію Своей правды и любви, съ одной стороны—испытаніями желая очистить ихъ еще болѣе, *подобно серебру* [10]), отъ всякихъ примѣсей грѣховныхъ нечистотъ, отсутствіемъ которыхъ не можетъ похвалиться ни одинъ смертный [11]), съ другой—для испытанія ихъ и утвержденія въ добродѣтели [12]), за которую каждый долженъ получить полное воздаяніе только въ жизни будущей [13]). Промыслительное дѣйствіе Божіе, направляемое къ высшимъ нравствен-

---

[1]) Пс. 145, 8.
[2]) Пс. 5, 6.
[3]) Пс. 16, 8; 36, 24.
[4]) Рим. 8, 28.
[5]) Мѳ. 5, 45.
[6]) Псал. 88, 33.
[7]) Пс. 102, 8—9.
[8]) Рим. 2, 4.
[9]) Іезек. 33, 11.
[10]) Притч. 25, 4.
[11]) Притч. 20, 9. Іовъ 14, 4.
[12]) 1 Кор. 10, 13. Рим. 5, 3—5.
[13]) 2 Тим. 4, 7—8.

нымъ цѣлямъ, простирается и на судьбы цѣлыхъ царствъ и народовъ. Назначивъ опредѣленныя времена и предѣлы обитанію людей на землѣ [1]), Господь владѣетъ царствами человѣческими, раздавая ихъ, кому хочетъ [2]). Онъ поставляетъ *всѣ власти земныя* [3]), *Имъ цари царствуютъ и повелители узаконяютъ правду* [4]). *Сердца царей въ руцѣ Божіей* [5]). Возводя ихъ, Онъ, когда находитъ нужнымъ, и низлагаетъ ихъ [6]). Сообразуясь съ нравственнымъ состояніемъ народовъ, Онъ въ одни времена обильно подаетъ имъ всѣ блага земли [7]) и даруетъ тихую и безмятежную жизнь [8]), въ другія—посылаетъ на нихъ глады, моры, землетрясенія [9]), мечъ [10]), порабощеніе и другія общественныя бѣдствія [11]). По волѣ Божіей, одни царства колеблются и падаютъ, другія—твердо стоятъ и возвышаются [12]). Еще болѣе поразительныя явленія Промысла открываются въ призваніи народовъ въ Церковь Христову и различныхъ отношеніяхъ къ ней [13]).

Это Богооткровенное ученіе о Промыслѣ Божіемъ, принятое во всей его силѣ древне-вселенскою Церковью, выражено ею въ первомъ членѣ Символа вѣры однимъ словомъ: „Вседержителя".

Но въ виду различныхъ недоумѣній и ложныхъ ученій, въ особенности еще древней Епикурейской школы, отрицав-

---

[1]) Дѣян. 17, 26.
[2]) Дан. 4, 14.
[3]) Рим. 13, 1.
[4]) Притч. 8, 15.
[5]) Притч. 21, 1.
[6]) Дан. 2, 21.
[7]) Ис. 1, 19.
[8]) 1 Тим. 2, 2.
[9]) Матѳ. 24, 7.
[10]) Ис. 1, 20.
[11]) Дан. 3, 28.
[12]) Дан. 2, 37—44.
[13]) Рим. 11, 17—23.

шей провидѣніе, учители Церкви немало трудились надъ раскрытіемъ и разъясненіемъ Богооткровенной и обще-церковной вѣры въ Промыслъ Божій. *Аѳинагоръ*, въ своемъ сочиненіи „о воскресеніи мертвыхъ“, такъ выражаетъ необходимость вѣры въ Промыслъ Божій, поставляя ее въ тѣсную связь съ вѣрою въ Бога-Творца міра: „Тѣ, которые признаютъ Бога Творцемъ всего, если хотятъ быть вѣрными своимъ началамъ, должны допустить, что все сотворенное находится подъ сохраненіемъ и промышленіемъ премудрости и правды Его“ [1]). Прямой выводъ изъ этихъ словъ тотъ, что, если и можно кому либо не вѣрить въ Промыслъ Божій, то развѣ только тѣмъ, кто не вѣритъ въ бытіе самого Бога. *Климентъ Александрійскій* выражается еще короче: „очевидно, что всякъ, не признающій Промысла...., есть по истинѣ безбожникъ“ [2]). *Лактанцій* по поводу ученія Епикура, допускавшаго бытіе Бога и отрицавшаго Провидѣніе, говоритъ: „я не знаю, что можетъ быть болѣе этого себѣ „противорѣчащаго. Если существуетъ Богъ, то конечно существуетъ какъ „Промышляющій Богъ.... Отвергая поэтому Провидѣніе, Епикуръ долженъ былъ бы отвергнуть и бытіе Божіе, равно „какъ и наоборотъ, признавая бытіе Божіе, онъ долженъ „былъ бы допустить и бытіе Провидѣнія, потому что одно „безъ другаго не мыслимо“ [3]). И за тѣмъ объясняя, почему это не мыслимо, присовокупляетъ: „Богъ по тому самому, что „Онъ—Богъ, не иначе можетъ мыслиться нами, какъ такъ, „что Онъ помнитъ прошедшее, знаетъ настоящее и предусматриваетъ будущее“ [4]). Пополняя эту же мысль, *Св. Амвросій Медіоланскій*, ставитъ вопросъ: „какой дѣятель воз„небрежетъ о своемъ произведеніи? Кто оставитъ и отри-

---

[1]) „De resurrect. mort.“ n. 18.
[2]) „Stomat.“ lib. V, cap. 1.
[3]) „De ira Dei“, c. 9.
[4]) „De ira Dei“ c. 9.

„нетъ то, что самъ же восхотѣлъ создать? Если несообразно „съ чѣмъ-либо промышлять, то не болѣе-ли несообразно тво„рить, когда не сотворить чего-либо нѣтъ никакой неспра„ведливости, а не заботиться о томъ, что создалъ,—крайнее немилосердіе“ [1]). Такъ же разъясняютъ мысль о Провидѣніи со стороны благости Божіей Ѳеодоритъ [2]) и І. Дамаскинъ [3]). А І. Златоустъ къ мысли о благости Божіей, какъ такомъ свойствѣ, которое не можетъ не вызывать Бога на промышленіе о созданномъ мірѣ, присоединяетъ еще мысль о Его всемогуществѣ, которое дѣлаетъ для Него такое промышленіе вполнѣ возможнымъ и удобоосуществимымъ. „Если бы“, говоритъ онъ, „потребовались и десятки тысячъ такихъ мі„ровъ (каковъ настоящій) и даже безконечное число ихъ, „то Богъ равно былъ бы достаточенъ для всѣхъ, и не толь„ко къ созданію ихъ, но и къ тому, чтобы промышлять о „нихъ по созданіи“ [4])...

На вопросъ, имѣетъ-ли дѣйствительно міръ нужду въ промышленіи Божіемъ и можетъ-ли онъ самъ собою продолжать свое существованіе, бывъ созданъ и устроенъ совершеннѣйшимъ образомъ Всесовершеннымъ Творцемъ, общій и согласный отвѣтъ всѣхъ древне-христіанскихъ учителей и писателей былъ тотъ, что все созданное, какъ созданное изъ ничего, само въ себѣ по своей природѣ есть ничто [5]), что оно измѣнчиво и удоборазрушимо [6]), а потому, бывъ предоставлено самому себѣ, могло бы тотчасъ же возвратиться въ ничтожество [7]). Поэтому всякое сотворенное естество, и видимое и умопредставляемое, для поддержанія своего имѣетъ

---

[1]) „De offic.“ 1, cap. 13.
[2]) „Contra haeres.“ lib. V. c. 10.
[3]) „Точное изложеніе Православной вѣры“, кн. 2, гл. 29.
[4]) Бесѣда 5-я на Евангеліе Іоанна на слова: въ *Томъ живота бѣ.*
[5]) Лактанцій „de falsa sapientia“, c. 28, n. 7.
[6]) Аоанас. Александр. „contra gen“. orat. n. 41.
[7]) Кирилл. Александр. толков. на Іоанна, кн. IX.

нужду въ Божіемъ попеченіи [1]). Если бы хоть на одинъ день Богъ оставилъ дѣло Своего управленія тварями, онѣ тотчасъ бы уклонились отъ своихъ естественныхъ путей, которыми ведутся и направляются къ достиженію полноты своего развитія, и міръ, носимый случаемъ, какъ вихремъ корабль, долженъ бы былъ мгновенно разрушиться и возвратиться въ первоначальный хаосъ и неустройство [2]). Если же міръ въ теченіе тысячелѣтій, не смотря на свою измѣнчивость и удоборазрушимость, стоитъ твердо и незыблемо, и порядокъ въ немъ остается цѣлымъ и ненарушимымъ, то не служитъ-ли это неумолкающимъ свидѣтельствомъ о непрерывномъ наблюденіи за нимъ его Верховнаго Правителя? „Вижу зданіе“, говоритъ *Св. Ефремъ Сиринъ*, „и заключаю о здателѣ; ви„жу міръ, и познаю Промыслъ; вижу, что корабль безъ корм„чаго тонетъ, и дѣла человѣческія ни чѣмъ не оканчива„ются, если Богъ не управляетъ ими... Отъ пастыря зави„ситъ стадо, а отъ Бога—все, что возрастаетъ на землѣ.... „Въ волѣ царя—расположить полки воиновъ, а въ волѣ „Божіей—опредѣленный уставъ для всего“ [3]). Итакъ, „твореніемъ управляетъ Творецъ, не оставивъ безъ управленія „корабля, Имъ построеннаго, бывъ Самъ его строителемъ и „садовникомъ, возрастившимъ вещество. Онъ и вещество со„творилъ, и корабль построилъ, и постоянно управляетъ его „кормиломъ“ [4]). И всѣ промыслительныя дѣйствія Свои на міръ Богъ производитъ не откуда либо издалека, какъ бы отошедши отъ міра и совнѣ только движа эту громаду, а производитъ Своимъ непосредственнымъ присутствіемъ [5]), и производитъ, простирая Свою міроправительную дѣятельность

---

[1]) Васил. Велик. „О Свят. Духѣ“ къ Амфилох., гл. 8.
[2]) Блажен. Августина „de Genes. ad litter.“, с. 12.
[3]) „Облич. самому себѣ и исповѣд.“, Твор. Св. отцевъ XII, 216.
[4]) Ѳеодорит. „О промыслѣ Божіемъ“.
[5]) Блаж. Августинъ „Толкован. на Іоан.“ тракт. 11, 10.

не на одни болѣе общіе и главные виды бытія, а безусловно на все существующее, не исключая никакихъ, даже повидимому самыхъ незначительныхъ и ничтожныхъ частичекъ вселенной [1]). Въ томъ собственно и открываются съ особенною силою благость и величіе Творца, что Онъ промышляетъ не только о великомъ и громадномъ, но и о маломъ и повидимому ничтожномъ, не только промышляетъ о небѣ и землѣ, ангелѣ и человѣкѣ, но и о малѣйшихъ животныхъ, птицахъ, цвѣтахъ, травахъ и деревьяхъ [2]).

Но изъ всѣхъ земныхъ твореній особеннымъ предметомъ промыслительныхъ попеченій Бога является человѣкъ. Его, Свое разумно-свободное созданіе, Богъ больше любитъ, чѣмъ любитъ другъ своего друга, отецъ и мать—свое родное дитя [3]). Отъ рожденія и до смерти Богъ наблюдаетъ за судьбою человѣка и незримо для послѣдняго, и безъ прошеній, и по прошеніямъ, устрояетъ всѣ внѣшнія жизненныя его обстоятельства, условія и положенія, направляя все къ пользѣ человѣка, хотя иногда тяжелыми, но всегда недовѣдомыми для людей путями [4]). Самымъ осязательнымъ явленіемъ любви Божіей служитъ вся исторія судебъ падшаго человѣчества [5]) и Божественнаго домостроительства спасенія [6]). Создавъ человѣка существомъ свободно-нравственнымъ, Господь, какъ Святый, любитъ въ людяхъ одно доброе и ему содѣйствуетъ, но въ тоже время, по Своей благости и милосердію, терпитъ и злое, только преграждая его послѣдствія и направляя ихъ къ торжеству добра [7]).

По вопросамъ, какъ примирить съ Промысломъ Божіимъ

---

[1]) Аѳанас. Вел. "Oratio contra gent.", 42.
[2]) Блаж. Августина: „de civitat. Dei", lib. V, c. 11.
[3]) Златоустъ. Бесѣда на Матѳ. 19-я.
[4]) Васил. Велик. письмо 97.
[5]) Златоуста—бесѣда 5-я на посл. къ Колосс.
[6]) Васил. Велик. „о Св. Духѣ", гл. 14.
[7]) Оригенъ на Быт. бесѣд. 3.

существованіе въ мірѣ зла, т. н. физическаго и нравственнаго, главныя и общія положенія, извлеченныя изъ отвѣтовъ отцевъ и учителей Церкви, указаны были въ чтеніи 15-мъ перваго выпуска „о свойствахъ воли Божіей“ [1]). Здѣсь можно присовокупить слѣдующія болѣе полныя, характеристичныя и назидательныя объясненія. По поводу болѣе поразительныхъ явленій физическаго зла, въ его связи съ нравственнымъ, *Блаженъ. Августинъ* разсуждаетъ: „то, что представляется для нѣкоторыхъ несовершенствомъ въ видимой „природѣ, напр. землетрясенія, бури, наводненія и разные „земные перевороты, само по себѣ, безъ отношенія къ чувствующимъ существамъ, не есть зло, а напротивъ въ общей системѣ міра составляетъ тоже, что въ живописи, при „свѣтлыхъ краскахъ, тѣни, въ музыкѣ, при возвышенныхъ „и тонкихъ звукахъ, звуки грубые и низкіе“ [2]). „Зломъ же „это является“, говоритъ *Θеофилъ Антіохійскій*, „только по „отношенію къ чувствующимъ тварямъ и владыкѣ ихъ, по„корившему чрезъ свой грѣхъ всю тварь суетѣ, и нашед„шему въ этомъ самомъ и наказаніе за свой грѣхъ“ [3]). “Бо„лѣзни“, говоритъ Св. Василій Великій, „въ городахъ и на„родахъ, засухи, безплодіе земли, бѣдствія, встрѣчающіяся „съ каждымъ въ жизни, пресѣкаютъ возрастаніе грѣха.... Не „отъ Бога зло, а Богъ истребляетъ зло, подобно тому какъ „и врачъ истребляетъ болѣзнь, а не влагаетъ ее въ тѣло... „Разрушенія же городовъ, землетрясенія, наводненія, ко„раблекрушенія, всякое истребленіе многихъ людей, проис„ходящее отъ земли, моря, воздуха или огня..., бываютъ для „того, чтобы уцѣломудрить оставшихся, потому что Богъ „всенародные пороки уцѣломудриваетъ всенародными каз-

---

[1]) „Чтенія по Православ. Богословію“, 1 вып. ученіе отцевъ Церкви о свойствахъ воли Божіей, стр. 124.

[2]) Бл. Август. „de Genes. ad litter.“ cap. 5.

[3]) „Ad. Autholic.“ lib. II, n. 17.

нями“ [1]). По наставленію того же отца Церкви, не нужно смущаться и тѣмъ, что часто молитвы не бываютъ выслушиваемы и удовлетворяемы Богомъ, такъ какъ это зависитъ отъ того, что мы молимся или неискренно и неусердно, или же молимся о томъ, что намъ не существенно полезно и необходимо, между тѣмъ какъ Богъ лучше, чѣмъ мы сами, знаетъ, что для насъ болѣе полезно и необходимо, соотвѣтственно съ чѣмъ и удовлетворяетъ или не удовлетворяетъ нашихъ прошеній.

Деизмомъ принято называть въ новой философіи то представленіе о Божествѣ, которое было господствовавшимъ у англійскихъ и французскихъ философовъ XVII и XVIII вѣковъ [2]). Характеристическимъ признакомъ этого представленія является ограниченіе Божественной дѣятельности однимъ творсніемъ міра и отрицаніе живаго отношенія Бога къ міру и человѣку, которое мы называемъ Промысломъ Божіимъ. *Деисты*, въ отличіе отъ *пантеистовъ*, хотя повидимому и признаютъ Бога личнымъ Существомъ и Творцемъ міра, но при этомъ учатъ, что Богъ, создавъ и устроивъ міръ, по созданіи его, сталъ совершенно вдали отъ него, предоставивъ ему самому сохраняться и управляться чрезъ дарованные ему разъ навсегда силы и неизмѣнные физическіе законы.

Такъ какъ основное положеніе новаго деизма въ сущности представляетъ тоже *отрицаніе* промыслительныхъ отношеній Бога къ міру и человѣку, какое проповѣдывалось и древней *епикурейской* философіей, то противъ него слѣдуетъ повторить тоже, что говорилось противъ древнихъ епикурейцевъ отцами и учителями Церкви, именно, что признавать Бога Творцемъ міра и отрицать въ Немъ Промыслителя о мірѣ—было бы прямымъ и непримиримымъ противорѣчіемъ.

---

[1]) Василія Великаго: „Quod Deus non est auct. mal.“ n. 5.

[2]) См. примѣч. 3 къ 3-му чтенію 1-го выпуска, стр. 25.

Если Богъ отъ вѣчности созерцалъ мысленные образы всѣхъ существъ міра, которыя имѣлъ привести изъ небытія къ бытію, то мыслимое-ли дѣло, чтобы по созданіи ихъ Онъ нашелъ ихъ почему то недостойными Своего созерцанія, вниманія и наблюденія, какъ будто въ реальномъ своемъ бытіи они явились не тѣмъ, чѣмъ прежде мыслились и представлялись въ Его вѣчномъ умѣ? Между тѣмъ, каждая мысль Божія о мірѣ есть уже животворное для него дѣйствіе, всякое о немъ Божіе помышленіе есть уже *промышленіе*. Далѣе, если Богъ не по чему либо иному, какъ только по любви, восхотѣлъ привести къ бытію и жизни тотъ міръ существъ, который въ своемъ идеальномъ видѣ былъ предметомъ Его любви, то возможно-ли чтобы Онъ, тотчасъ по созданіи, пересталъ любить этотъ созданный Имъ міръ, какъ будто этотъ послѣдній, выйдя изъ рукъ своего Творца, сталъ совершенно чуждымъ и даже противоположнымъ Ему? Но любовь Божія къ міру по самому существу ея, не иначе можетъ выражаться, какъ непрерывнымъ продолженіемъ Своихъ близкихъ внутреннихъ отношеній къ нему и живымъ и жизненнымъ содѣйствіемъ ему въ достиженіи цѣлей его бытія. Наконецъ, если созданіе міра было дѣломъ всемогущества Божія, то возможно-ли, чтобы это Божественное всемогущество, по созданіи и устроеніи міра, перестало обнаруживать свои дѣйствія въ мірѣ, не смотря на то, что сюда не перестали быть обращенными мысль и любовь Божія?

Въ промышленіи Божіемъ о мірѣ *деисты* находятъ противорѣчіе величію и совершенствамъ Творца, какъ Существа безконечнаго, вѣчнаго и неизмѣняемаго. Потому что, объясняютъ, Богъ, бывъ поставленъ въ необходимость дѣйствовать въ конечномъ, пространственномъ, временномъ и измѣнчивомъ мірѣ, Самъ, будто бы, долженъ становиться конечнымъ, пространственнымъ и измѣнчивымъ. Но, спрашивается, отъ чего же безконечное Существо не стало конечнымъ, про-

странственнымъ и временнымъ и тогда еще, когда созидало пространственный и временный міръ? Кто не пойметъ того, что Богъ, какъ въ дѣлѣ творенія, такъ и промышленія, одинаково является Богомъ, т. е. верховнымъ Владыкою и Господомъ твари, которую Онъ безусловно подчиняетъ Себѣ, а не подчиняется ей, вслѣдствіе чего Ему не предлежитъ никакой опасности отъ дѣйствій Своихъ въ мірѣ стать тѣмъ, чѣмъ есть міръ, т. е. конечнымъ, пространственнымъ и временнымъ? Напротивъ, отдѣляя Бога, Творца міра, отъ міровой жизни, деизмъ не только не охраняетъ, а совершенно колеблетъ и ниспровергаетъ какъ безконечность, такъ и всѣ прочія свойства безконечнаго существа Божія. Какъ понять и мыслить безконечность и безграничность Виновника міра, отъ котораго Его твореніе отдѣлено такою границею, за которую не простирается Его воздѣйствіе? Только Божественное Откровеніе, объясняемое ученіемъ отцевъ Церкви и церковныхъ писателей, и основывающееся на немъ такъ называемое на философскомъ языкѣ *теистическое воззрѣніе* на отношенія Бога-*Творца міра* къ Своему творенію освобождаютъ нашу мысль отъ той спутанности и противорѣчій въ представленіяхъ о Богѣ и мірѣ, въ которыя вводятъ ее воззрѣнія и ученія *деизма*. Сохраняя въ цѣлости и неприкосновенности всѣ безконечныя свойства и совершенства Бога-Творца міра, *теистическое воззрѣніе* въ полномъ согласіи съ *Откровеніемъ* представляетъ міръ, какъ близкое и родственное Богу Его произведеніе, непрерывно сохраняемое и ограждаемое въ своей текущей жизни Его непрестающимъ содѣйствіемъ и воздѣйствіемъ къ ея развитію. Міръ съ этой точки зрѣнія не представляется чѣмъ-то, чисто случайно и мимолетно возникшимъ изъ Бога и потомъ ставшимъ существовать самъ собою, а напротивъ дѣломъ предвѣчной мудрости Божіей, создавшей его хотя и во времени и съ формами бытія измѣнчивыми и временными, но поставившей для

него цѣлію быть всегдашнимъ и неумолкаемымъ органомъ и отображеніемъ славы своего вѣчнаго и непзмѣннаго Творца. Послѣ этого теряютъ въ самой основѣ всякую силу всѣ остальныя возражанія *деизма* противъ Промысла Божія. Допускаемое имъ совершенство, и слѣдовательно независимость и самобытность міра, не могутъ быть оправданы никакимъ умозрѣніемъ, если оно основывается на дѣйствительно научномъ наблюденіи и изслѣдованіи міровой жизни. На что бы изъ міроваго бытія мы ни обратили вниманіе, на отдѣльные ли и единичные его виды, или на цѣлыя самыя большія системы и группы существъ, вездѣ встрѣчаемся съ однимъ и тѣмъ же общимъ явленіемъ, что ни одно существо не заключаетъ въ самомъ себѣ условій, необходимыхъ для поддержанія своего существованія, а ищетъ и находитъ ихъ только внѣ себя и только благодаря имъ существуетъ. Предположенія *деистовъ*, что міровыя существа могутъ обезпечивать и поддерживать свое существованіе уже тѣмъ взаимодѣйствіемъ, которое является необходимымъ послѣдствіемъ взаимной ихъ связи между собою, подобно тому, какъ члены тѣлеснаго организма взаимно поддерживаютъ другъ друга чрезъ взаимную передачу того, что необходимо для ихъ общаго благосостоянія,—теряютъ всякую силу и значеніе при томъ простомъ и общепонятномъ разсужденіи, что если каждое существо порознь не имѣетъ въ себѣ самомъ необходимыхъ для своего существованія условій, то понятно, что тому же закону подлежатъ и всѣ вмѣстѣ взятыя существа міра.

Законы природы, на которые указывается въ деизмѣ, какъ на такого рода силу, которая вполнѣ и навсегда можетъ, будтобы обезпечивать взаимопричинность и взаимодѣйственность между міровыми причинами и силами, сами суть не что иное, какъ тѣже самыя силы природы, приспособленныя и предназначенныя къ тому, чтобы принимать такія, а не иныя положенія или нормы, и вслѣдствіе этого производить такіе,

а не другіе результаты. Но опытъ показываетъ, что каждая сила природы производитъ соотвѣтственныя своему назначенію дѣйствія не иначе, какъ при наступленіи или постоянномъ присутствіи благопріятныхъ для этого условій. Таковы силы дѣйствующія въ области растительной и животной жизни; таковы и общія силы природы, притягательная и отталкивательная. Итакъ, если силы природы и предназначены, и приспособлены къ правильной и закономѣрной дѣятельности, то отсюда нельзя дѣлать вывода къ ихъ самобытности, а нужно представлять ихъ въ зависимости отъ другихъ обусловливающихъ ихъ внѣшнихъ причинъ. А отсюда наша мысль неизбѣжно приходитъ къ требованію такой всеобъемлющей и всенаправляющей Силы, которая одна только можетъ и объединять, и непрестанно поддерживать совокупное дѣйствіе силъ природы въ направленіи къ одной общей и неизвѣстной для нихъ цѣли. Такимъ образомъ и законы природы не только не исключаютъ собою мысли о необходимости хранящей и правящей промыслительной дѣятельности Божіей въ мірѣ, но напротивъ скорѣе и прямѣе, чѣмъ что-либо, приводятъ къ ней.

Общее заключеніе объ отрицательномъ отношеніи *деизма*, выродившагося постепенно въ чистый натурализмъ, къ ученію о Промыслѣ Божіемъ можно сдѣлать такое, что если теорія самоуправленія міра при помощи однихъ физическихъ законовъ, несмотря на свою очевидную несостоятельность, находила и находитъ въ позднѣйшее время много сторонниковъ и приверженцевъ, то объясненіе этому нужно искать не въ успѣхахъ естественныхъ наукъ, а въ самомъ современномъ направленіи естествовѣдѣнія. Новѣйшіе естествовѣды, изучая и разъясняя всякаго рода явленія природы, обыкновенно останавливаются на обобщеніи однихъ физическихъ законовъ, нарочито игнорируя, какъ недоступное для опытнаго наблюденія, все, стоящее выше ихъ. Такъ, при изъясненіи происхожденія и существова-

нія всѣхъ небесныхъ тѣлъ, считаютъ совершенно достаточнымъ ограничиться ссылкою на одни физическіе законы притяженія и отталкиванія, или общій законъ движенія [1]). Равно, происхожденіе и существованіе на землѣ всѣхъ видовъ бытія и тѣлесныхъ организмовъ объясняютъ, обращаясь къ однимъ физическимъ законамъ то разныхъ *механическихъ* и *химическихъ сочетаній*, то *разнородныхъ внѣшнихъ географическихъ и климатическихъ вліяній* и т. п. Такъ, наконецъ, пытаются они объяснить происхожденіе и существованіе на землѣ въ человѣчествѣ духовно нравственной [2]) и религіозной [3]) жизни, стараясь и историческій ходъ ея развитія подвести подъ постоянные и неизмѣнные законы бытія. Но какъ бы далеко ни пошли успѣхи естествознанія, хотя бы оно рано или поздно успѣло достигнуть полнаго и всесторонняго знанія законовъ природы,—и въ такомъ случаѣ оно не заставитъ мысль человѣческую остановиться и успокоиться на нихъ однихъ, какъ на послѣднемъ основаніи существующаго порядка вещей. Кромѣ того, законы природы—не разумныя и живыя существа, которыя знаютъ, для чего существуютъ, и сознательно направляютъ все существующее къ одной опредѣленной цѣли. По этому ихъ существованіе и цѣлесообразное ихъ дѣйствованіе необъяснимы безъ необходимаго предположенія высочайшаго Разума, установившаго ихъ, и безъ высочайшей Воли, наблюдающей за ними и управляющей ими сообразно съ Своими цѣлями и предначертаніями, касающимися міра. Итакъ, *законы природы* суть *законы Божіи*, и изученіе ихъ, чуждое всякихъ предубѣжденій, скорѣе должно приводить не къ ослабленію мысли о верховномъ Промыслителѣ и Міроправителѣ, а только къ большему ея просвѣ-

---

[1]) Бурмейстеръ, Дарвинъ, Ламаркъ и др.

[2]) *Бокль* и *Дреперъ*.

[3]) *Огюстъ Контъ*.

тлѣнію, оживленію и укрѣпленію. Живымъ примѣромъ тому служатъ такіе великіе изслѣдователи законовъ природы, каковы напр. были: Ньютонъ, Коперникъ, Кеплеръ, Эйлеръ и другіе [1]).

Примѣчаніе. Хотя не малозначительнымъ поводомъ къ развитію и распространенію теоріи міроваго самоуправленія послужило ученіе Лейбница о *мірѣ*, какъ *наилучшемъ твореніи Божіемъ*, и о *предустановленной міровой гармоніи*, откуда послѣдователи Лейбница, *вольфіанцы*, прямо пришли къ заключенію, что міръ, какъ наилучшій, не нуждается ни въ какомъ сторонпемъ воздѣйствіи на него, но самъ Лейбницъ вовсе не считалъ необходимыми подобныхъ выводовъ изъ своего ученія. Онъ, напротивъ, прямо и рѣшительно утверждалъ, что Богъ есть Существо абсолютное, и потому внѣ Его не должно быть ничего такого, что бы не зависѣло отъ Него.

Чтеніе 10-е.

О Промыслѣ Божіемъ въ отношеніи къ человѣку. Промыслительныя отношенія Бога къ первымъ людямъ до ихъ грѣхопаденія. Блаженное состояніе первыхъ людей. Ученіе Откровенія и Православной Церкви.—Несогласныя съ церковно-библейскимъ ученіемъ мнѣнія о первобытномъ состояніи человѣка.—Отрицательное и противо-христіанское мнѣніе о первобытномъ состояніи человѣка, какъ состояніи положительной дикости и грубости, приравнивающее первыхъ людей къ типу нынѣшнихъ дикарей.

Первый человѣкъ, созданный по образу Божію, вышелъ изъ рукъ Творца *совершеннымъ* по своей природѣ, т. е. вполнѣ соотвѣтствующимъ тому высокому назначенію, для котораго былъ созданъ. По выраженію Псалмопѣвца, онъ *малымъ чимъ умаленъ былъ отъ ангелъ, славою и честію вѣнчанъ* [2]). Но совершенство его природы не было и не могло быть безусловнымъ; оно было совершенствомъ сотвореннаго, слѣдовательно ограниченнаго существа, и при извѣстныхъ

---

[1]) Догматическое Богословіе еп. Сильвестра, т. III стр. 341—370.

[2]) Пс. 8, 6.

условіяхъ имѣло развиться только впослѣдствіи. Посему съ самаго начала своего земнаго бытія онъ нуждался безусловно въ близкомъ непосредственномъ воздѣйствіи Бога, какъ для сохраненія, такъ и для развитія задатковъ своей Богоподобной природы. Въ такихъ живыхъ и жизненно-промыслительныхъ, такъ сказать, отечески-воспитательныхъ отношеніяхъ къ первымъ людямъ изображается Господь въ Откровеніи. Книга Бытія повѣствуетъ, что Богъ самъ насадилъ для жилища человѣку *рай*, и въ этомъ прекрасномъ Эдемскомъ саду произрастилъ всякое дерево пріятное на видъ и хорошее для пищи [1]), съ тѣмъ чтобы человѣкъ самъ воздѣлывалъ и хранилъ свое прекрасное жилище [2]). Если и теперь прекрасная природа производитъ на духъ человѣка оживляющее, благотворное вліяніе, пробуждаетъ въ немъ чувство прекраснаго и способно возвышать мысль человѣка къ всесовершеннѣйшему художнику Богу, то тѣмъ болѣе такое вліяніе долженъ былъ оказывать на чистую душу перваго, еще полнаго здоровыхъ и свѣжихъ силъ, человѣка насажденный самимъ Богомъ Эдемскій садъ. Воздѣлываніе и храненіе этого сада, способствуя пробужденію и развитію какъ физическихъ, такъ и духовныхъ силъ человѣка, въ тоже время должно было, естественно, пробуждать и укрѣплять въ немъ сознаніе своего особеннаго положенія и достоинства на землѣ среди другихъ тварей. Въ приведеніи Богомъ къ Адаму животныхъ для того, чтобы онъ далъ имъ имена [3]), нельзя не видѣть дальнѣйшаго воспитательнаго содѣйствія Божія человѣку въ ознакомленіи его съ природою и чрезъ то въ пробужденіи въ немъ самосознанія, наблюдательности, мысли и дара слова. „Намѣреніе обозрѣнія и нареченія именъ животныхъ Св. Златоустъ объясняетъ такъ, что это сдѣлано бы-

---

[1]) Быт. 2, 8—9.
[2]) Быт. 2, 15.
[3]) Быт. 2, 19.

ло Богомъ, чтобы *показать намъ премудрость Адама и его владычественное значеніе* среди существъ міра. Отсюда слѣдуетъ заключить, что Адамъ предварительно уже имѣлъ знаніе общихъ свойствъ и законовъ существъ и, примѣняя къ сему общему знанію то, что находилъ въ ближайшемъ разсматриваніи характеристическихъ особенностей видовъ тварей, далъ имъ имена, соотвѣтствующія свойствамъ каждаго вида. Слова Бытописателя: *всяко еже аще нарече* (съ еврейскаго: *наречетъ*) *Адамъ душу живу, сіе имя ему*, показываютъ, что Самъ Богъ провидѣлъ достоинство этихъ именъ и утвердилъ ихъ для постояннаго употребленія въ языкѣ человѣческомъ" [1]).

Въ цѣляхъ *нравственнаго преуспѣянія и развитія* человѣка Богъ далъ ему положительную заповѣдь о невкушеніи плодовъ древа познанія добра и зла [2]). Исполненіе этой заповѣди должно было служить для человѣка и испытаніемъ, и утвержденіемъ въ повиновеніи волѣ Божіей, которая представляла всегдашній идеалъ и законъ для свободной воли человѣка. Изъ указанія книги Бытія на то, что Адамъ и Ева тотчасъ послѣ грѣхопаденія *услышали голосъ Господа Бога, ходящаго въ раю во время прохлады дня* [3]), должно заключить, что Господь и ранѣе неоднократно являлся имъ и съ ними бесѣдовалъ, конечно съ цѣлію непосредственнаго наставленія и руководства во всемъ, что относилось къ умственному и нравственному ихъ развитію [4]).

Итакъ, состояніе первыхъ людей до грѣхопаденія было состояніемъ быстраго и гармоническаго развитія и возрастанія всѣхъ ихъ силъ, направленнаго къ нравственному уподобленію Богу въ тѣснѣйшемъ единеніи съ Нимъ. Главное въ

---

[1]) Записки на книгу Бытія митроп. Филарета, стр. 74

[2]) Быт. 2, 17.

[3]) Быт. 3, 8.

[4]) Чтеніе 3-е 1-го выпуска, примѣч. на стр. 22.

этомъ гармоническомъ и цѣлесообразномъ направленіи человѣка принадлежало промыслительному воздѣйствію на него самого Бога, но не безучастною оставалась при этомъ и личная свободная воля человѣка, съ дѣтскою простотою, безъ борьбы и прекословія подчинявшаяся волѣ Божіей. Умъ его былъ чистъ, и всѣ помыслы его сосредоточивались на одномъ Богѣ. Вмѣстѣ съ умомъ и сердце сохраняло свою чистоту и невинность, почему не было въ первыхъ людяхъ причины для стыда, хотя они и были наги [1]), тѣмъ болѣе что и воля, послушная Божественнымъ внушеніямъ, являлась предъ Богомъ правою. Но это было только начало пути къ цѣли совершенства, которая оставалась еще впереди. Утвердиться на пути нравственнаго усовершенствованія до уподобленія Богу въ правдѣ, благѣ и святости человѣкъ могъ только посредствомъ нравственнаго испытанія и труда, бесусловно довѣрчиваго и покорнаго исполненія данной Богомъ заповѣди. И пока это требованіе было исполняемо, состояніе первыхъ людей, при чувствѣ ихъ близости и правоты въ отношеніи къ Богу, при чувствѣ гармоническаго дѣйствованія ихъ духовныхъ силъ и вполнѣ благопріятнаго положенія со стороны видимой природы, было вполнѣ блаженнымъ.

Такъ учили о первобытномъ состояніи человѣка, подъ особеннымъ непосредственнымъ охраненіемъ и воздѣйствіемъ Промысла Божія, всѣ древніе отцы и учители Церкви. Такъ и во всѣ послѣдующіе вѣка вѣровала православная восточная Церковь. Ученіе это, изложенное въ „*православномъ исповѣданіи каѳолической и Апостольской Церкви восточной*[2]), по сущности мысли можетъ быть кратко передано такъ: первосозданный человѣкъ до грѣхопаденія былъ невиненъ, или безгрѣшенъ, соединяя въ себѣ врожденную правоту

---

[1]) Быт. 2, 25.

[2]) Православное исповѣд. Ч. 1, вопр, 23 и 30.

и совершенство какъ ума, такъ и воли. Насколько было для него нужно и дано ему, онъ зналъ Бога, а зная Бога, въ Богѣ и чрезъ Бога онъ зналъ всѣ вещи совершеннѣйшимъ образомъ; доказательствомъ чему служитъ нареченіе именъ всѣмъ животнымъ, воля же его всецѣло подчинялась разуму и была полна всякой доброты. Но это состояніе чистоты и безгрѣшности не было, вслѣдствіе внутренняго самоопредѣленія и долгаго опыта, окончательно установившимся состояніемъ, подобнымъ состоянію ангеловъ, ставшихъ твердыми и непремѣняемыми въ добрѣ, а было скорѣе только состояніемъ естественнаго на первыхъ порахъ человѣку невѣдѣнія грѣха и такого же отъ него отдаленія, при чемъ, понятно, еще не доставало какъ полнаго сознанія гибельности грѣха, такъ и окончательно опредѣлившейся рѣшимости къ всегдашнему отъ него удаленію, необходимому для постояннаго утвержденія въ одномъ добрѣ [1]).

Въ средніе вѣка, по почину *Анзельма Кентерберійскаго* [2]), возникло въ католическомъ Богословіи такое мнѣніе о человѣкѣ въ его невинномъ состояніи, по которому все его совершенство, состоявшее въ праведности и святости, всецѣло приписывалось однимъ сверхъестественнымъ благодатнымъ дѣйствіямъ и признавалось только donum supernaturale (даръ сверхъестественный); что же касается человѣка самого по себѣ, какъ созданія Божія, независимо отъ излитыхъ на него со внѣ даровъ Божіихъ, то это его состояніе признавалось состояніемъ *чистой естественности* (purorum naturalium), ничѣмъ существенно не отличавшимся отъ того, въ какомъ находится каждый человѣкъ и послѣ грѣхопаденія [3]).

---

[1]) Догмат. Богословіе еп. Сильвестра, т. III, стр. 414.

[2]) „De libero arbitrio“, cap. 3.

[3]) Мнѣніе это съ особенную настойчивостью было поддержано *Дунсъ—Скотомъ* въ его комментаріяхъ: lib. II, distin. 32. Оно обсуждалось на *Тридентскомъ соборѣ* и, прямо имъ неотвергнутое, распространилось настолько, что его можно встрѣчать не только въ католич. богословіяхъ, но и катихизисахъ.

Совершенно противоположное мнѣніе образовалось и утвердилось *въ протестанствѣ*. По этому мнѣнію, первобытное совершенство человѣка, состоявшее въ праведности и святости, вовсе не было даромъ *сверхъестественнымъ*, а было чисто *естественное совершенство* природы человѣческой, вышедшей изъ рукъ Творца вполнѣ способною къ нравственному совершенству и благодатному общенію съ Богомъ: это — состояніе *натуральное, вмѣстѣ съ человѣкомъ созданное* (status naturalis primo homini concreatus) [1]).

Какъ католическое, такъ и протестанское ученіе представляютъ крайности, зависящія отъ того, что при опредѣленіи первобытнаго совершенства человѣка не принимается во вниманіе *двоякое отношеніе Бога къ первому человѣку, творческое и промыслительное*, а только одно изъ нихъ, съ совершеннымъ исключеніемъ другаго. Католическіе богословы все первобытное совершенство человѣка относятъ къ одному промыслительному сверхъестественному воздѣйствію на него Бога, и при этомъ забываютъ, что задатки къ Богоподобной жизни и общенію съ Богомъ даны были природѣ человѣка въ самомъ его созданіи по образу Божію и, слѣдовательно, заключались въ его собственныхъ силахъ, хотя эти силы для своего дальнѣйшаго развитія и возрастанія нуждались въ содѣйствіи силы и благодати Божіей. Посему, если въ процессѣ духовнаго развитія человѣка *главное* принадлежало благодати Божіей, такъ какъ человѣкъ еще не достигъ самоопредѣленія и утвержденія въ добрѣ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы здѣсь не было вовсе никакой доли и его личнаго участія. Благодать Божія подавалась ему не для другой цѣли, какъ для того, чтобы самъ онъ, пользуясь ею, свободно развивался и возсталъ въ своей духовной жизни.

---

[1]) Disputationes Theologiae 30 articulorum augustianae confessionis. Disputatio IV de peccato originali".

личнаго права совѣтъ примѣнялъ свое право толкованія законовъ по разнымъ вопросамъ о правахъ тѣхъ или другихъ сословій. Такъ, когда депутаты отъ дворянства херсонской губерніи принесли жалобу въ совѣтъ на стѣсненіе его правъ условіями бывшаго тамъ (съ 1807 г.) виннаго откупа [1]), которыя депутаты просили совѣтъ замѣнить новыми правилами, нестѣсняющими ни права дворянства, ни промышленность всего края, совѣтъ для разрѣшенія вопроса обратился къ толкованію изданнаго на этотъ счетъ закона. Ст. 14 условій виннаго откупа запрещала помѣщикамъ продажу вина на ихъ земляхъ при перевозахъ и пристаняхъ, гдѣ нѣтъ никакого постояннаго селенія. „Въ предупрежденіе разнообразныхъ и произвольныхъ *толкованій*“ этой статьи совѣтъ полагалъ, чтобы по силѣ 14 ст. вольная винная продажа была воспрещаема единственно при тѣхъ самыхъ перевозахъ и пристаняхъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ никакого поселенія: казна и сама въ отвращеніе безпорядковъ въ таковыхъ мѣстахъ не заводитъ и не дозволяетъ заводить винной продажи. Совѣтъ рѣшилъ оставить въ силѣ и 78 ст. правилъ виннаго откупа, которою запрещалось продавать виноградное вино не изъ собственнаго винограда. Преимущества на продажу виноградныхъ винъ опредѣлены, по толкованію совѣтомъ этой статьи, въ поощреніе садовъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ нельзя допустить и исключительныхъ правъ. Обращаясь затѣмъ къ 75 статьѣ правилъ, которой запрещалось, къ неудовольствію херсонскаго дворянства, продавать вино „мимо ихъ вотчинъ и деревень“, совѣтъ нашелъ, что „*разумъ сей статьи* очевидно состоитъ въ томъ, чтобы запретить помѣщикамъ продавать въ розницу вино внѣ ихъ владѣнія, въ чужихъ вотчинахъ и селеніяхъ“. Въ виду же того, что выраженія этой статьи подали поводъ мѣстному начальству къ

---

[1]) П. С. З., XXIX, № 22,184.

неправильному ея пониманію, совѣтъ „положилъ *изъяснить*“ эту статью такъ, что помѣщики имѣютъ право продавать вино въ розницу въ своихъ помѣстьяхъ, какъ своимъ крестьянамъ, такъ и всѣмъ остальнымъ, какого бы состоянія не были эти люди. Внѣ же своихъ селеній помѣщики могли производить только оптовую продажу вина подобно всѣмъ прочимъ промышленникамъ. Для разрѣшенія же сомнѣній относительно 75 и двухъ другихъ статей (74 и 76) правилъ, которыми запрещаются винокуреніе и продажа вина въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ значительныхъ селеній, совѣтъ рѣшилъ установить одно общее правило, въ силу котораго дозволялась мелочная продажа вина тамъ, гдѣ она была и до сихъ поръ. Новыя же заведенія для вольной продажи вина можно было устроивать только въ селахъ съ населеніемъ, по крайней мѣрѣ, въ пятнадцать крестьянскихъ душъ [1]).

Въ только что разсмотрѣнномъ нами дѣлѣ совѣтъ придерживается точнаго смысла закона, даетъ ограничительное его толкованіе. Въ слѣдующемъ случаѣ онъ также ограничиваетъ примѣненіе закона, но согласно съ общимъ юридическимъ правиломъ объ его обратной силѣ. При разсмотрѣніи записки министра финансовъ о казенныхъ оброчныхъ статьяхъ, предоставленныхъ во владѣніе разныхъ помѣщиковъ до именнаго указа 1800 г. [2]), но только не исключенныхъ изъ оклада, совѣтъ рѣшилъ, что всѣ дѣла о нихъ не могутъ подлежать никакому новому разсмотрѣнію и ревизіи сената, такъ какъ сила именнаго указа распространяется не на прошедшее, а на будущее время послѣ его появленія [3]). При обсужденіи возбужденнаго въ совѣтѣ вопроса о томъ, какія права принадлежатъ крестьянкѣ, быв-

---

[1]) Архивъ Государ. Совѣта, III, 1 ч., 323—325 стр., [2]) Этимъ указомъ повелѣвалось взносить въ межевой департаментъ сената на ревизію всѣ дѣла объ отчужденіи изъ казеннаго вѣдомства земель помѣщикамъ (ibidem, 535 стр.), [3]) Ibidem, 536 стр.

шей замужемъ за дворяниномъ и снова вышедшей за крестьянина, совѣтъ остановился на толкованіи седьмой статьи жалованной грамоты дворянству, въ которой сказано, что „дворянское достоинство не отъемлется, кромѣ преступленія“. Поэтому, заключаетъ совѣтъ, и крестьянка, однажды получившая дворянскія права замужемъ, не можетъ быть лишена ихъ безъ суда и преступленія, если она по смерти своего перваго мужа выйдетъ снова за крестьянина. Но только дворянскія права принадлежатъ ей лично, а не распространяются ни на ея втораго мужа, ни на дѣтей [1]). Сила седьмой ст. двор. грамоты толкуется совѣтомъ, слѣдовательно, въ распространительномъ смыслѣ, но лишь по отношенію къ самой крестьянкѣ, бывшей замужемъ за дворяниномъ, но не къ ея дѣтямъ и второму мужу. Когда совѣтъ долженъ былъ заняться по Высочайшему повелѣнію выработкой новыхъ правилъ о добровольныхъ дворянскихъ складкахъ, онъ призналъ нужнымъ прежде редакціи правилъ опредѣлить болѣе точно общее понятіе объ этихъ складкахъ, которыя дворянство могло дѣлать для разныхъ общественныхъ цѣлей на основаніи 54 ст. дворянской грамоты. По мнѣнію совѣта, подъ добровольными дворянскими складками нужно разумѣть „сборы, учреждаемые въ дворянскихъ собраніяхъ самимъ дворянствомъ по собственному его подвигу и по раскладкѣ, имъ самимъ установленной, на общеполезные предметы“. Подъ это понятіе складокъ поэтому не подходятъ сборы на исправленіе земскихъ повинностей, учреждаемые правительствомъ: дворянству вмѣстѣ съ другими состояніями поручается одна только уравнительная ихъ раскладка и относительно этого рода сборовъ есть особыя правила. Нельзя понимать также подъ добровольными дворянскими складками частныя пожертвованія на общую пользу одного или мно-

---

[1]) Архивъ Государ. Совѣта, III, 2 ч., 677; П. С. З., XXX, № 22,796.

гихъ лицъ, какъ и приношенія, которыя дѣлаются дворянствомъ по подпискѣ, открываемой на общеполезные предметы безъ всякой общей и опредѣленной раскладки. Такого рода приношенія зависятъ отъ личнаго произвола каждаго и поэтому для ихъ производства не требуется никакихъ особенныхъ правилъ, кромѣ общаго наблюденія за тѣмъ, чтобы они не противорѣчили законамъ. Такимъ образомъ, заключаетъ совѣтъ, въ понятіи добровольной дворянской складки заключаются два „существенныхъ свойства“, отличающія ихъ отъ всѣхъ другихъ сборовъ и частныхъ приношеній. Первое изъ этихъ „свойствъ“ состоитъ въ томъ, что складки учреждаются самимъ дворянствомъ по собственному его согласію; вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается тѣмъ же дворянствомъ и мѣра участія въ складкахъ каждаго отдѣльнаго дворянства [1]). Такъ и на этотъ разъ, какъ мы видимъ, совѣтъ прибѣгаетъ къ ограничительному толкованію закона, которое онъ вообще употребляетъ чаще, чѣмъ распространительное.

Слѣдующій подобный же случай ограничительнаго толкованія совѣтомъ существующихъ законовъ относится къ вопросу о томъ, можно ли дозволить людямъ, незаписаннымъ въ гильдіи, имѣть въ городѣ лавки. Совѣтъ рѣшилъ этотъ вопросъ послѣ изъясненія статьи городоваго положенія, по которой право это присвоено лишь людямъ, записаннымъ въ гильдіи. По мнѣнію совѣта, было бы противнымъ этой статьѣ позволить князю Голицыну, который возбудилъ это дѣло въ совѣтѣ, открыть въ Москвѣ лавку для продажи дѣлаемыхъ на его фабрикѣ суконъ. Если же и существуетъ, какъ исключеніе изъ общаго правила, продажа въ столицахъ издѣлій кунавинскихъ фабрикъ, то это, замѣчаетъ совѣтъ, потому, что онѣ поступили въ частное содержаніе съ правомъ

---

[1]) Архивъ Государ. Совѣта, III, 1 ч., 681—682 с.; П. С. З., XXIX, № 21,737.

продажи своихъ издѣлій въ столицахъ, какое онѣ имѣли при казенномъ управленіи [1]). Видъ распространительнаго толкованія закона представляетъ разъясненіе совѣтомъ смысла жалованной грамоты лифляндскому и курляндскому дворянству, отъ котораго рѣшеніемъ сената были отобраны въ казну и отданы отъ нея въ аренду мызы, находившіяся въ частной арендѣ. Совѣтъ нашелъ, что, по буквальному смыслу грамотъ (12 янв. 1726 г. и 8 сент. 1806 г.), всѣ эти спорныя мызы пожалованы въ вѣчное владѣніе лифляндскому и курляндскому дворянству и поэтому должны „нѣкоторымъ образомъ составлять неотъемлемую собственность этихъ двухъ сословій. Отъ нихъ же, а не отъ казенныхъ палатъ зависитъ, заключаетъ совѣтъ, и управленіе мызами“ [2]). Совѣтъ воспользовался также своимъ правомъ толкованія при рѣшеніи вопроса о томъ, можно ли подвергнуть тѣлесному наказанію діаконницу, обличенную въ кражѣ разнаго имущества? Уѣздный костромской судъ, въ которомъ производилось это дѣло, сомнѣвался въ томъ, примѣнимъ ли въ данномъ случаѣ указъ 22 мая 1801 г., по которому освобождались отъ тѣлеснаго наказанія священники и діаконы, совершившіе уголовныя преступленія. Совѣтъ также призналъ, что этотъ указъ „относится единственно къ лицу священниковъ и діаконовъ“. Но, съ одной стороны, продолжаетъ совѣтъ, цѣлью этого указа является сохраненіе народнаго почтенія къ духовному сану и удаленіе отъ него всѣхъ случаевъ, въ которыхъ онъ могъ подвергаться общему позору и униженію; съ другой же, казнь жены „навлекаетъ стыдъ и посрамленіе“ на мужа, который „по правиламъ духовнаго его званія“ не можетъ развестись съ нею и жениться на другой и долженъ по необходимости жить съ женою, публично на-

---

[1]) Архивъ Государ. Совѣта, ibidem, 693 стр., [2]) Архивъ Государ. Совѣта III, 1, 706—708 с., П. С. З., XXXI, № 24,072.

казанною. По всѣмъ этимъ соображеніямъ совѣтъ нашелъ весьма неудобнымъ подвергать женъ священниковъ и діаконовъ тѣлесному наказанію, замѣна котораго другими менѣе позорными наказаніями (заключеніемъ въ рабочій домъ и ссылкой на поселеніе) найдена совѣтомъ согласною съ „разумомъ“ указа 1801 г. [1]). Такой распространительный смыслъ этотъ указъ получилъ въ новомъ указѣ [2]).

Мы видѣли, что совѣтъ высказался за распространеніе права покупки земель, между прочимъ, на купцовъ. При составленіи общихъ правилъ о тѣхъ основаніяхъ, на какихъ могли покупать крестьянъ купцы, получившіе восьмиклассные чины, совѣтъ обратился къ разъясненію указа 23 окт. 1804 г., которымъ на такихъ купцовъ не распространялось „дворянство, какое въ табели о рангахъ изображено“ и дозволялось покупать деревни и крестьянъ особенными указами только нѣкоторымъ изъ нихъ и то съ условіемъ чтобы они оставались въ купеческомъ званіи [3]). Кромѣ этого указа, совѣтъ при разрѣшеніи вопроса имѣлъ въ виду еще Высочайшій манифестъ 1807 г. о дарованныхъ купечеству новыхъ выгодахъ, отличіяхъ и преимуществахъ, особенно же 15 ст. манифеста, въ которой сказано: „высшее достоинство среди купечества отнынѣ отличится не именемъ или чиномъ, а степенемъ трудолюбія просвѣщеннаго и важностью предпріятій“. Изъ сопоставленія смысла этихъ словъ манифеста 1807 г. и указа 1804 г. Совѣтъ вывелъ то заключеніе, что купцы, получившіе чины, не имѣютъ права покупать крестьянъ, почему и отклонилъ подобное предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ [4]). Болѣе снисходительно совѣтъ отнесся къ просьбѣ дворового человѣка генерала Арбеньева, Бѣлоусова, отыскивающаго права личной свободы вслѣдствіе

---

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, ibidem, 715 с., [2]) П. С. З., XXX, № 23,027, [3]) П. С. З., № 21,481, [4]) Архивъ Государ. Совѣта, ibidem, 739—740 стр.

женитьбы на воспитанницѣ мѣщанскаго училища при воспитательномъ домѣ благородныхъ дѣвицъ. Дѣло Бѣлоусова перешло въ совѣтъ изъ сената, который отклонилъ его на основаніи 3 п. устава о воспитательныхъ домахъ, по силѣ котораго воспитанницы этихъ домовъ, въ случаѣ выхода ихъ замужъ, остаются только сами лично свободными, но не доставляютъ свободы своему мужу и дѣтямъ. Въ доказательство своего права на личную свободу Бѣлоусовъ ссылался на именной Высочайшій указъ 24 янв. 1806 г. по подобному же дѣлу дворовaго человѣка жены вице-адмирала Симанскаго, Петрова, просившаго о предоставленіи ему правъ личной свободы также вслѣдствіе женитьбы на воспитанницѣ мѣщанскаго училища. Этимъ указомъ были признаны права этого учебнаго заведенія, дарованныя ему Екатериной II. Примѣнить тотъ же указъ къ разрѣшенію дѣла Бѣлоусова находилъ возможнымъ и совѣтъ [1]). Но при этомъ въ разъясненіе закона и въ предупрежденіе возможныхъ подлоговъ и злоупотребленій совѣтъ счелъ нужнымъ постановить, чтобы при подобныхъ бракахъ всегда требовать согласія помѣщика крѣпостнаго человѣка на его женитьбу съ извѣстной воспитанницей мѣщанскаго училища: только при такомъ условіи онъ и могъ получить личную свободу [2]).

При разборѣ споровъ о крымскихъ земляхъ, которые возникли между татарами, какъ коренными обитателями края, и помѣщиками, заявляющими свои претензіи на земли по крѣпостямъ, на нихъ данныхъ ихъ собственниками послѣ занятія Крыма Россіей, совѣтъ прибѣгаетъ къ толкованію относящихся сюда манифестовъ 1793 и 1794 гг. По первому изъ нихъ всѣ порожнія земли, розданныя для населенія, земледѣлія и сельскаго хозяйства, утверждены за ихъ без-

---

[1]) Архивъ Государ. Совѣта, ibidem, 819—820 стр., П. С. З., XXIX, № 22,004, [2]) П. С. З., XXX, № 22,830.

спорными владѣльцами; а манифестъ 1794 г. оставилъ въ свободномъ владѣніи всѣхъ сословій помѣстья, вотчины и тому подобныя дворянскія имѣнія, которыя принадлежали имъ въ видѣ наслѣдственной собственности или по другимъ какимъ законнымъ основаніямъ. Изъ постановленій обоихъ названныхъ манифестовъ видно, разсуждалъ совѣтъ, что правительство никогда не имѣло въ виду роздавать въ Крыму земли, принадлежавшія ихъ кореннымъ владѣльцамъ, и жаловало только пустопорожнія земли для ихъ заселенія. Поэтому совѣтъ занялся опредѣленіемъ правъ, которыя принадлежали въ Крыму этимъ кореннымъ поземельнымъ владѣльцамъ разныхъ родовъ [1]). Совѣтъ употребляетъ распространительное толкованіе по отношенію къ указу 1796 г., которымъ повелѣвалось, чтобы каждый изъ поселянъ въ Екатеринославской губерніи остался въ томъ званіи и мѣстѣ, гдѣ онъ записанъ по ревизіи 1795 г. Этотъ указъ примѣненъ совѣтомъ и къ населенію нѣкоторыхъ повѣтовъ той же губерніи, находившихся въ ней до конца 1791 г. „Разумъ“ указа этого года былъ, по мнѣнію совѣта, тотъ, чтобы утвердить на мѣстахъ жительства „въ пресѣченіе нескончаемыхъ тяжебъ при отысканіи и отбывательствѣ бѣглыхъ людей, зашедшихъ въ Екатеринославскую губернію въ разныя времена и записанныхъ за помѣщиками въ ревизію 1795 года“ [2]).

Дѣятельность Непремѣннаго Совѣта по толкованію законовъ обнимаетъ собою и разныя части *гражданскаго права*. Такъ въ области семейнаго права совѣтъ распространяетъ силу закона объ усыновленіяхъ [3]), подъ который онъ подводитъ случаи рожденія дѣтей вскорѣ послѣ заключенія брака или же—въ законномъ бракѣ, вскорѣ расторгнутомъ [4]). Въ сфе-

---

[1]) Архивъ Государ. Совѣта, III, 1 ч., 843—845 с.; см. ниже, [2]) Архивъ Государ. Совѣта, ibidem, 872 стр.; П. С. З., XXVIII, № 21,477, [3]) См. ниже, [4]) Архивъ Госуд. Совѣта, III, 2 часть, 35—36; см. ниже.

рѣ имущественнаго права совѣтъ долго остановился на разъясненіи того, какъ нужно понимать законъ о десятилѣтней давности по отношенію къ крѣпостнымъ людямъ, ищущимъ свободы въ Малороссіи. Дѣло это началось съ рапорта въ совѣтъ малороссійскаго генералъ-губернатора, князя Куракина о дѣйствіи указа 3 департамента сената, которымъ отмѣнялась въ данномъ случаѣ эта давность. Куракинъ представилъ совѣту, что это постановленіе сената возбудило безчисленные иски и можетъ имѣть еще своимъ вреднымъ послѣдствіемъ, что правительство принуждено будетъ употреблять силу къ удержанію неправыхъ отбывательствъ. Совѣтъ, распорядившись пріостановкой дѣйствія этого указа сената, занялся уясненіемъ смысла тѣхъ мѣстъ литовскаго статута и указа 31 мая 1748 г., на которыхъ сенатъ основалъ уничтоженіе десятилѣтней земской давности на людей, ищущихъ свободы. По мнѣнію совѣта, литовскій статутъ не отмѣнилъ десятилѣтнюю давность на людей, ищущихъ свободы, но постановилъ только правило, какимъ образомъ вольные люди послѣ десятилѣтней жизни у помѣщиковъ могутъ отходить отъ нихъ [1]). Кромѣ того, сила этого артикула (13) литовскаго статута, разсуждалъ совѣтъ, уничтожается указомъ третьяго мая 1783 г., которымъ было повелѣно къ прекращенію побѣговъ въ малороссійскихъ губерніяхъ каждому поселянину остаться въ томъ мѣстѣ и званіи, гдѣ его застала ревизія. Указъ 31 мая 1748 г., приводимый въ рѣшеніи сената, совѣтъ понялъ такъ, что ревизія не есть крѣпость. Этотъ указъ простирается, по толкованію совѣта, только на спорныя владѣнія между помѣщиками и устанавливаетъ, какъ платить подати, не смотря на споръ, бездоимочно тому, за кѣмъ крестьяне записаны

---

[1]) Въ этомъ случаѣ вольные люди должны были платить помѣщикамъ по пяти рублей и возвратить послѣднимъ все, что было дано имъ въ видѣ помощи.

по переписи. Совѣтъ не согласился съ мнѣніемъ сената, чтобы ограничить, согласно указу 1723 г., силу доказательствъ на казачье состояніе людей, ищущихъ свободы, или ссылкой на прежніе реестры, или свидѣтельства сторонних людей. Примѣненіе указа 1723 г. было, по словамъ самого же сената, причиной безчисленныхъ тяжебъ, увеличенія дѣлъ въ приказахъ, колебанія собственности и разстройства хозяйства во всей Малороссіи. Съ появленіемъ указа 1783 г. для казаковъ оставалось доказывать, что перепись застала ихъ въ казачьемъ состояніи, или же,—что съ ея наступленіемъ они начали искъ свободы въ присутственныхъ мѣстахъ. Третій департаментъ сената, по мнѣнію совѣта, не обратилъ вниманія на этотъ указъ 1783 г. и своимъ опредѣленіемъ о десятилѣтней давности и доказательствахъ на состояніе казаковъ далъ поводъ къ безпокойствамъ, изображеннымъ въ представленіи Куракина. Поэтому совѣтъ рѣшилъ отмѣнить опредѣленіе сената особымъ указомъ, въ проэктѣ котораго [1]) было разъяснено, что „разумъ приводимыхъ сенатомъ въ своемъ опредѣленіи законовъ не простирается на разбираемые случаи“, и что этотъ „разумъ“ былъ совершенно измѣненъ послѣдующими узаконеніями, которыя всѣ „приведены къ единому началу“ въ указѣ 1783 г. По этому закону, который въ качествѣ „общегосударственнаго“ остался неизмѣннымъ и съ возвращеніемъ Малороссіи прежнихъ правъ ея въ судѣ и расправѣ, поселяне въ Малороссіи должны были оставаться въ томъ же званіи и на тѣхъ же земляхъ, гдѣ застала ихъ государственная перепись. На этомъ же основаніи было предписано совѣтомъ рѣшать всѣ подобныя дѣла „безъ всякой проволочки и съ наблюденіемъ всей справедливости“ [2]).

[1]) Этотъ проэктъ помѣщенъ въ протоколахъ засѣданій совѣта, [2]) Архивъ Государ. Совѣта, III, 2 ч., 122—129 стр.; въ П. С. З. нѣтъ указа по этому дѣлу до 1815 г., когда было издано общее узаконеніе о срокахъ давности относительно утвержденія правъ собственности на крѣпостныхъ людей и отысканія свободы (XXXIII, № 25,947).

Слѣдующій случай толкованія закона по имущественному праву совѣтомъ предоставляетъ ту важную особенность, что оно было поручено ему самимъ государемъ, который тѣмъ самымъ призналъ это право за Непремѣннымъ Совѣтомъ. Дѣло шло на этотъ разъ объ опредѣленіи правъ разныхъ лицъ на, розданныя имъ въ пожизненное владѣніе во время королевскаго правленія въ Польшѣ, староства и государственныя имѣнія другихъ названій. По польской конституціи 1775 г. нѣкоторыя изъ этихъ имѣній были отданы наслѣдникамъ первоначальныхъ владѣльцевъ или другимъ постороннимъ лицамъ въ такъ называемое эмфитеутичное или ленное владѣніе съ тѣмъ только условіемъ, чтобы эти послѣдніе владѣльцы имѣній могли воспользоваться своими правами на нихъ лишь послѣ того, какъ окончится пожизненное владѣніе первоначальныхъ ихъ владѣльцевъ. Много такихъ имѣній оказалось въ присоединенной къ Россіи части Польши. Поэтому въ 1798 г. послѣдовалъ указъ, въ силу котораго мѣстныя начальства обязаны были „выполнять только тѣ обѣщанія польской республики, которыя приведены въ дѣйствіе, а коимъ не было надлежащаго движенія, оныя оставить безъ уваженія“ [1]). Въ силу этого указа всѣ имѣнія послѣдняго рода послѣ смерти пожизненныхъ ихъ владѣльцевъ стали перечислять въ казну; новымъ же владѣльцамъ, которые не успѣли воспользоваться пожалованными имъ при польскомъ правленіи ленными правами, стали отказывать въ ихъ прошеніяхъ объ утвержденіи за ними этихъ правъ. Но послѣ того, какъ они стали подавать на Высочайшее имя прошенія о возстановленіи своихъ правъ на основаніи данныхъ имъ грамотъ, Александръ Павловичъ повелѣлъ совѣту (въ 1803 г.) *точнѣе опредѣлить смыслъ указа 1798 года.* Совѣтъ нашелъ, что по смыслу даннаго указа эти лица не

---

[1]) П. С. З., XXV, № 18,626.

имѣютъ никакого права на владѣніе имѣніями. Владѣтели имѣній, хотя и получили на нихъ отъ польскихъ королей грамоты, но не выполнили условія пользованія этими имѣніями, не успѣли до присоединенія Польши къ Россіи начать владѣніе ими вслѣдствіе смерти пожизненныхъ владѣльцевъ имѣній. Поэтому всѣ подобныя имѣнія должны были переходить въ казенное вѣдомство по мѣрѣ того, какъ прекращаются права на нихъ пожизненныхъ владѣльцевъ. Напротивъ, тѣ имѣнія, которыя перешли уже въ моментъ присоединенія Польши къ Россіи къ новымъ ихъ владѣльцамъ на эмфитевтичномъ правѣ, совѣтъ рѣшилъ оставить въ ихъ владѣніи [1]). Толкованію же совѣта подвергся законъ о благопріобрѣтенныхъ имѣніяхъ. Въ совѣтѣ разсматривалось прошеніе помѣщицы Опочининой о дозволеніи ей оставить свое благопріобрѣтенное имѣніе въ разныхъ губерніяхъ въ наслѣдство своимъ внучатамъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы при жизни дочери и зятя Опочининой эти имѣнія не могли быть ни проданы, ни заложены и наслѣдники пользовались одними доходами съ имѣній. Совѣтъ призналъ право Опочининой на такое распоряженіе благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ, которымъ „каждый могъ по общимъ законамъ располагать неограниченно“. Но въ тоже время совѣтъ замѣтилъ, что въ законахъ не опредѣлено точно, на какихъ обязательныхъ условіяхъ владѣльцы благопріобрѣтенныхъ имѣній могутъ передавать ихъ своимъ наслѣдникамъ. Поэтому въ предупрежденіе споровъ, которые могутъ возникнуть при подобныхъ случаяхъ, а также для того, чтобы распоряженія владѣльцевъ такого рода имѣніями происходили законнымъ и однообразнымъ порядкомъ совѣтъ счелъ нужнымъ „пояснить“ существующій законъ о благопріобрѣтенныхъ имѣніяхъ слѣ-

---

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, III, 2 часть, 158—159 стр., П. С. З., XXVII, № 20,833.

дующимъ образомъ. Каждый владѣлецъ благопріобрѣтеннаго имѣнія можетъ распоряжаться имъ по своему произволу и поэтому можетъ продавать, дарить и завѣщать его на такихъ условіяхъ о продажѣ и образѣ пользованія и управленія имѣніемъ, на какихъ онъ самъ желаетъ, лишь бы эти условія не противорѣчили общимъ государственнымъ законамъ [1]). При обсужденіи дѣла супруговъ графовъ Соллогубъ, изъ которыхъ жена жаловалась на неправильное отобраніе у нея собственнаго ея имѣнія опекою надъ имѣніями мужа, совѣтъ остановился на мнѣніи о дѣлѣ одного изъ опекуновъ, тайнаго совѣтника Неплюева, который основалъ свой взглядъ на литовскомъ статутѣ. По мнѣнію совѣта, Неплюевъ неправильно толкуетъ въ пользу графа Соллогуба статью этого статута, въ которой сказано, что первая запись (условіе) остается всегда въ своей силѣ, а послѣдняя обращается въ ничто. Слѣдовательно, должна быть признана, утверждалъ Неплюевъ, ничтожною и мировая сдѣлка между Соллогубами (въ 1797 г.), въ силу которой жена получала право покупки у племянницы мужа, графини Потоцкой ея части въ горыгорѣцкомъ имѣніи: этой сдѣлки между Соллогубами предшествовала другая (въ 1793 г.), при которой ничего не говорилось о правѣ графини Соллогубъ на такую покупку земли у графини Потоцкой. Совѣтъ не согласился съ этимъ мнѣніемъ Неплюева, противорѣчащимъ самому простому и ясному смыслу приводимой имъ статьи литовскаго статута. Она означаетъ, по толкованію совѣта, только то, что первая запись исключаетъ вторую въ томъ случаѣ, когда одна и таже вещь отдается двумя записями разнымъ лицамъ; здѣсь же обѣ записи относятся къ однимъ и тѣмъ же двумъ лицамъ и основаны на взаимномъ ихъ согласіи [2]).

---

[1]) Архивъ Государ. Совѣта, III, 2 ч., 287 стр., [2]) Ibidem, 659—664 с.

Совѣтъ иногда долженъ былъ заниматься толкованіемъ законовъ въ случаяхъ, гдѣ они неправильно понимались и толковались разными учрежденіями, не исключая сената. Такъ ни костромское губернское правленіе, ни сенатъ не рѣшались удовлетворить просьбѣ дочери генералъ-маіора Каменскаго о взысканіи долга съ ея племянника, графа Мусина-Пушкина. Удовлетворить этотъ долгъ просительница желала посредствомъ продажи имѣнія М.-Пушкина, заложеннаго въ вспомогательномъ банкѣ. Но на это не рѣшалось ни одно изъ названныхъ учрежденій, которыя полагали, что имѣніе графа Мусина-Пушкина не можетъ быть подвергнуто никакому взысканію по 24 ст. устава вспомогательнаго банка, разъ оно въ немъ заложено. Но, толкуетъ совѣтъ эту статью, она не можетъ быть примѣнена въ этомъ случаѣ, потому, что „обращеніемъ остальной части доходовъ въ уплату этого долга не дѣлается никакого прикосновенія къ самому имѣнію, что долгъ банковый и $^0/_0$ его остаются въ прежнемъ обезпеченіи и что, наконецъ, какъ обязательствомъ графа М.-Пушкина банковыя правила ничѣмъ не нарушаются (ибо онъ переноситъ только на другое лицо тѣ доходы, кои самъ съ имѣнія получаетъ), такъ и исполненіемъ сего обязательства эти правила нарушены быть не могутъ“ [1]).

Наконецъ, совѣтъ не разъ толковалъ Высочайшіе манифесты о помилованіи разнаго рода преступниковъ, если въ совѣтѣ заходила рѣчь о способѣ примѣненія этихъ манифестовъ. Такъ вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Александра I въ совѣтѣ былъ возбужденъ вопросъ о томъ, могутъ ли, въ силу манифеста 15 марта 1801 г., получить прощеніе и дозволеніе вернуться на родину литовскіе дворяне, которые участвовали въ послѣднемъ польскомъ мятежѣ и

---

[1]) Ibidem, 686 стр.

потомъ скрылись за границу. Въ числѣ этихъ дворянъ были люди богатыхъ и знатныхъ фамилій (графъ Огинскій, Прозоръ, Зенковичъ и др.), имѣнія которыхъ за нарушеніе вѣрности присяги конфискованы и пожалованы разнымъ особамъ въ вѣчное и потомственное владѣніе. По мнѣнію совѣта, сила манифеста 15 марта 1801 г. простирается только на тѣхъ бѣжавшихъ за границу, которые безъ этого манифеста должны были претерпѣть наказаніе за свою вину и самовольный побѣгъ. Въ число этихъ лицъ включаются, по силѣ манифеста 6 мая 1779 г., только воинскіе нижніе чины изъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ и крестьяне какъ казенные, такъ и помѣщичьи. Литовскіе же и польскіе дворяне—не бѣглые, а изгнанные изъ государства за соединеніе съ мятежниками и нарушеніе присяги на подданство, почему къ нимъ и не можетъ быть примѣненъ манифестъ 15 марта 1801 г. Второй случай толкованія относился къ манифесту 2 апр. 1801 г. о прощеніи казенныхъ взысканій до тысячи рублей. Генералъ-прокуроръ предложилъ въ совѣтѣ записку о разныхъ сомнѣніяхъ, возникшихъ при примѣненіи этого манифеста [1]). Всѣ его сомнѣнія совѣтъ разрѣшилъ, придерживаясь смысла самого манифеста, общимъ положеніемъ, что имъ прощаются взысканія до тысячи руб., лежащія только на лицахъ, а не дѣлахъ [2]). По дѣлу объ обвиненіи въ лихоимствѣ бывшаго полоцкаго воеводы Энгельгардта совѣтъ согласился съ мнѣніемъ сената, что Энгельгардтъ долженъ быть освобожденъ отъ суда и взыска-

---

[1]) Г. прокуроръ именно сомнѣвался, можно ли подвести подъ него казенныя взысканія, сумма которыхъ отъ раздѣленія на разныя лица сдѣлалась менѣе тысячи р., недоимки по откупамъ и подрядамъ, которыя не обезпечены имѣніями и сложены на поручителей, недоимки по подрядамъ, по которымъ деньги выданы впередъ и вслѣдствіе несостоятельности подрядчиковъ сложены на поручителей и, наконецъ,—похищеніямъ. [2]) Ibidem, 1009—1010 стр., П. С. З., XXVI, № 20,043.

нія по силѣ нѣсколькихъ манифестовъ, состоявшихся во время производства дѣла (въ 1787, 1793 и 1801 г.): этими манифестами прощены всѣ бывшіе подъ судомъ и слѣдствіемъ за упущенія въ должностяхъ. При внесеніи въ совѣтъ дѣла объ Энгельгардтѣ было Высочайше повелѣно, чтобы при его разсмотрѣніи было обращено особенное вниманіе на то, можно ли подвести подъ указанные манифесты обвиненіе подсудимаго въ томъ, что онъ взялъ съ именитаго витебскаго гражданина Смыки лисій мѣхъ. Разбирая дѣло, совѣтъ выразилъ тотъ взглядъ, что „сила всѣхъ упомянутыхъ манифестовъ и дарованное ими прощеніе относится до всѣхъ, оказавшихся въ неисправленіи или упущеніи должности, кромѣ тѣхъ, которыя оказались въ важнѣйшихъ преступленіяхъ, какъ-то смертоубійствѣ, разбоѣ и *лихоимствѣ*“. Но такъ какъ фактъ лихоимства Энгельгардта въ данномъ случаѣ не доказанъ, то совѣтъ призналъ согласнымъ съ манифестами освобожденіе его сенатомъ отъ взысканія по этой части обвиненія Энгельгардта [1]).

Кромѣ толкованія законовъ, совѣтъ занимался и *дополненіями къ законамъ*, какъ существующимъ, такъ особенно изданнымъ при непосредственномъ участіи самого совѣта. Такъ при обсужденіи въ 1801 г. вопроса о порядкѣ производства въ статскіе чины совѣтъ пришелъ къ такому заключенію, что для установленія этого порядка необходимо возстановить силу указа 1790 г., въ которомъ былъ опредѣленъ срокъ для производства въ чины до коллежскаго ассесора [2]). Этотъ указъ долженъ быть *дополненъ*, кромѣ того, еще опредѣленіемъ указа 1799 г., гдѣ, кромѣ сроковъ производства до статскаго совѣтника, содержатся статьи о гражданской службѣ дворянъ и городничихъ и правило о томъ, чтобы дер-

---

[1]) Архивъ Государ. Совѣта, III, 2 ч., 1014–1016 с., [2]) П. С. З., XXIII, № 16,930.

жаться по возможности порядка, при которомъ чины совпадали бы съ мѣстами, должностями [1]). Въ данномъ случаѣ одинъ существующій законъ былъ дополненъ въ совѣтѣ другимъ. Въ слѣдующемъ дѣлѣ совѣтъ создаетъ новый законъ, какъ дополненіе стараго Въ сенатъ было подано прошеніе полковника Кологривова о томъ, чтобы отъ него были приняты вмѣсто денегъ долговые акты на поручика Головина въ случаѣ, если при продажѣ съ аукціона его имѣнія, оно останется за Кологривовымъ. Сенатъ соображая, что это дѣло не можетъ быть разрѣшено существующими законами, гдѣ нѣтъ опредѣленнаго постановленія на подобный случай, предположилъ установить одно общее правило. Сущность этого правила заключалась въ томъ, что при публичной продажѣ недвижимыхъ имѣній за безспорные долги дозволялось принимать долговыя обязательства кредиторамъ, которые пожелаютъ пріобрѣсть продаваемыя имѣнія, въ число денегъ, слѣдующихъ за купленное съ большой выгодой для должника имѣніе: безспорные долговые акты „сами по себѣ составляютъ наличную сумму, равномѣрную въ пользу обѣихъ сторонъ“. Совѣтъ, однако, нашелъ это предлагаемое сенатомъ новое положеніе по конкурсному уставу неполнымъ: оно примѣнимо только въ случаѣ, когда имѣніе продается для удовлетворенія одного кредитора. Но какъ часто случается, замѣчаетъ совѣтъ, что одно и тоже имѣніе продается для удовлетворенія многихъ кредиторовъ и слѣдующія за него деньги подлежатъ платежу не одному, а всѣмъ вообще кредиторамъ по мѣрѣ претензіи каждаго и соразмѣрности вырученной суммы, то совѣтъ и рѣшилъ *дополнить* положеніе сената болѣе общимъ постановленіемъ. По силѣ этого постановленія тотъ изъ кредиторовъ, за кѣмъ останется по продажѣ имѣніе, долженъ былъ вносить вмѣсто наличныхъ денегъ без-

---

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, III, 1 ч., 167—168 с.; П. С. З., XXV, № 19,159.

спорные долговые акты. Но только количество ихъ должно быть такое, какое причитается на его часть по конкурсу съ прочими кредиторами. Остальную же сумму кредиторъ-покупщикъ обязанъ заплатить наличными деньгами [1]).

Дополненіе законовъ въ совѣтѣ происходило не по иниціативѣ только сената, какъ это было въ разсмотрѣнномъ случаѣ, когда былъ дополненъ уже существующій законъ. Чаще случалось, что самъ совѣтъ сознавалъ неполноту законовъ, обсужденіе и формулированіе которыхъ принадлежало ему самому, и поэтому спѣшилъ внести въ нихъ необходимыя поправки, когда представлялись подходящія дѣла. Таковъ, напр., былъ выработанный совѣтомъ законъ объ особомъ сословіи свободныхъ хлѣбопашцевъ или земледѣльцевъ [2]). Вскорѣ послѣ его обнародованія въ совѣтѣ разсматривалось дѣло вологодской помѣщицы Аникіевой, которая отпустила своихъ крестьянъ на извѣстныхъ условіяхъ въ свободные хлѣбопашцы, но умерла прежде, чѣмъ эти условія были утверждены мѣстнымъ начальствомъ. Совѣтъ съ своей стороны утвердилъ распоряженія Аникіевой, при чемъ былъ дополненъ и самый законъ, согласно предложенію членовъ совѣта Лопухина и С. П. Румянцева, одобренному государемъ, постановленіемъ, что условія, заключенныя помѣщиками съ ихъ крестьянами, не должны „прерываться въ своемъ теченіи, хотя бы за смертью первыхъ они и не прошли указанныя формы“ [3]). Другую особенность представило собою примѣненіе закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ при увольненіи симбирской помѣщицей Куроѣдовой своихъ родовыхъ крестьянъ въ это сословіе. Куроѣдова не заключала никакихъ условій съ ними, какъ это требовалось закономъ и было сдѣлано Аникіевой, а изъявила желаніе объ ихъ увольненіи въ духов-

---

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, III, 2 ч., 607—608 стр.; П. С. З., XXIX, № 22,669, [2]) П. С. З., XXVII, № 20,620, [3]) Архивъ Госуд. Совѣта, III, 1 ч., 789—797; П. С. З., № 28,933.

номъ домовомъ завѣщаніи. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства по смерти Куроѣдовой все дѣло поступило въ совѣтъ, куда было подано прошеніе крестьянъ объ утвержденіи воли ихъ помѣщицы. Дѣло Куроѣдовой вызвало въ совѣтѣ большое разнообразіе мнѣній. Такъ графъ Завадовскій, не сомнѣваясь въ согласіи обѣихъ сторонъ на сдѣлку, предлагалъ завѣщаніе Куроѣдовой признать дѣйствительнымъ. Графъ Н. П. Румянцевъ, наоборотъ, констатировалъ отсутствіе въ дѣлѣ условій между помѣщицей и крестьянами, предлагалъ купить крестьянъ въ казну и потомъ отпустить ихъ въ свободные земледѣльцы. Министръ юстиціи (князь Лопухинъ) нашелъ, что вслѣдствіе недостатка этихъ условій разсматриваемый случай не подходитъ ни подъ законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, ни подъ его дополненіе по дѣлу Аникіевой и поэтому совершенно отвергалъ законность распоряженій Куроѣдовой. Наконецъ, князь Чарторыйскій замѣчалъ, что *по разуму закона* крестьяне помѣщицы Куроѣдовой свободны, а земля принадлежитъ наслѣдникамъ, съ которыми крестьяне при посредствѣ правительства и должны войти въ добровольное соглашеніе относительно владѣнія землею. Въ противномъ случаѣ крестьянамъ нужно назначить земли изъ числа казенныхъ, а самихъ крестьянъ включить въ состояніе свободныхъ хлѣбопашцевъ. Но совѣтъ, „принимая въ уваженіе, что въ завѣщаніяхъ можно распоряжаться родовымъ имѣніемъ только по законамъ“, не утвердилъ завѣщанія Куроѣдовой о своихъ крестьянахъ и рѣшилъ и на будущее время не допускать подобныхъ сдѣлокъ, нарушающихъ интересы наслѣдниковъ родовыхъ имуществъ [1]).

Тотъ же законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ былъ вскорѣ дополненъ (въ 1807 г.) еще новымъ правиломъ объ уволь-

---

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, III, 1 ч., 800—806 стр.; П. С. З., XXVIII, № 21,562.

неніи крестьянъ на основаніи этого закона цѣлыми селеніями. Это дополненіе было сдѣлано совѣтомъ по поводу увольненія крестьянъ помѣщикомъ Нагурскимъ, которые были отпущены имъ на особыхъ условіяхъ [1]) до изданія закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ (въ 1800 г.), не въ томъ порядкѣ, какой имъ предписанъ, и ни даже согласно съ общимъ положеніемъ о людяхъ, отпускаемыхъ на волю частными людьми. По этому послѣднему положенію за людей, отпущенныхъ на волю, долженъ быть отвѣчать самъ помѣщикъ, на котораго возлагались отправленіе рекрутской повинности и уплата податей. Но этой отвѣтственности въ данномъ случаѣ, по мнѣнію совѣта, быть не можетъ, такъ какъ Нагурскимъ отпущено на волю цѣлое селеніе, самъ же помѣщикъ умеръ, не указавши въ своемъ завѣщаніи способа обезпеченія въ отправленіи этой повинности. А такъ какъ въ нашихъ законахъ нѣтъ, по справедливому замѣчанію сената, яснаго постановленія о томъ, какимъ образомъ могутъ быть увольняемы крестьяне цѣлыми селеніями безъ нарушенія наложенныхъ на нихъ повинностей, то совѣтъ постановилъ признать крестьянъ Нагурскаго лично свободными и предоставить имъ войти въ соглашеніе съ его наслѣдниками относительно условій владѣнія землею. Вмѣстѣ съ тѣмъ было опредѣлено, чтобы „отнынѣ въ увольненіи крестьянъ на волю цѣлыми сѣленіями поступать на основаніи положенія о свободныхъ хлѣбопашцахъ, гдѣ подробно изображены способы, какъ къ исправному отправленію повинностей, такъ и предохраненію селеній въ ихъ цѣлости“ [2]).

---

[1]) Нагурскій поставилъ необходимымъ условіемъ при отпущеніи своихъ крестьянъ на волю, чтобы они, пока онъ живъ, остались въ полномъ ему послушаніи, а послѣ его смерти не выказывали по отношенію къ его наслѣдникамъ неповиновенія и безпорядковъ. Наслѣдники, кромѣ того, должны были выплачивать извѣстную часть послѣ Нагурскаго и другимъ лицамъ-кредиторамъ послѣдняго. Въ виду этихъ особенныхъ условій сенатъ нашелъ, что „случай этотъ совершенно новый и требуетъ новаго законоположенія“, [2]) Архивъ Госуд. Совѣта, ibidem, 814—817 с.; П. С. З., XXIX, № 22,714.

Законъ объ усыновленіяхъ въ дворянскихъ семьяхъ, надъ которымъ совѣтъ поработалъ немало, потребовалъ, въ свою очередь, нѣсколькихъ дополненій къ общему положенію, по которому усыновленныя дѣти признавались равными во всѣхъ правахъ по роду и наслѣдству, принадлежащихъ законнымъ дѣтямъ [2]). Такъ при разборѣ споровъ о недвижимомъ имѣніи между помѣщиками Апухтинымъ и Шеншиной [3]) было постановлено изъяснить вообще, что дѣти, вводимыя во всѣ права, принадлежащія по роду и наслѣдству законнымъ дѣтямъ, поэтому должны быть признаваемы во всѣхъ наслѣдственныхъ линіяхъ наравнѣ съ законными дѣтьми и, слѣдовательно, ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть лишены правъ, которыя присвояются разнымъ степенямъ родства по общимъ узаконеніямъ о наслѣдствѣ [4]). Прошеніе коллежскаго совѣтника Горюшкина и отставнаго маіора Козакова объ усыновленіи ихъ воспитанниковъ дало поводъ совѣту дополнить законъ объ усыновленіяхъ еще другимъ правиломъ, по которому запрещалось признавать тождественными усыновленія, совершаемыя по обрядамъ церкви, и усыновленія гражданскія: усыновленія перваго рода не давали никакихъ правъ, ни сословныхъ (дворянскихъ), ни имущественныхъ и наслѣдственныхъ [5]).

Всѣ разсмотрѣнные нами случаи толкованія и дополненія законовъ Непремѣннымъ Совѣтомъ доказываютъ, что онъ пользовался правомъ того и другаго только въ качествѣ законосовѣщательнаго учрежденія: всякое толкованіе, какъ и дополненіе совѣтомъ законовъ прежде, чѣмъ стать дѣйствующимъ закономъ, должно было получить Высочайшую *санкцію* точно также, какъ и всякій законопроэктъ, разсматриваемый совѣтомъ въ обыкновенномъ порядкѣ. Утвержденіемъ

---

[1]) П. С. З., XXVI, № 19,310, [2]) Архивъ Государ. Совѣта, III, 2 часть,, 41—42 с., [3]) П. С. З., XXVII, № 20,980, [4]) Архивъ Госуд. Совѣта, III, 2 ч., 47 стр.

государемъ законопроэкта, разсмотрѣннаго въ Непремѣнномъ Совѣтѣ, заканчивалась его дѣятельность въ образованіи закона [1]). Обыкновенно санкціонировалось рѣшеніе большинства членовъ совѣта; но иногда бывали случаи, что вмѣсто рѣшенія всего совѣта государь утверждалъ мнѣніе одного изъ его членовъ: графа Завадовскаго [1]), графа Н. П. Румянцева [2]), графа Кочубея [3]) и др. Въ протоколахъ засѣданій Непремѣннаго Совѣта упоминается о случаѣ, когда по иниціативѣ совѣта произошла *отмѣна закона* 1765 г. о правѣ помѣщиковъ отдавать своихъ крестьянъ „по продерзостному ихъ состоянію“ въ каторжную работу для исправленія. Сенатъ высказалъ мнѣніе о примѣненіи этого закона къ крестьянину Сергѣеву, присланному его помѣщицей, Козляниновой въ адмиралтейскую коллегію для отсылки въ каторжную работу на 20 лѣтъ. Но совѣтъ заявилъ, что указъ 1765 г. съ изданіемъ учрежденія о губерніяхъ и другихъ послѣдующихъ узаконеній уже не можетъ имѣть дѣйствія. „Для исправленія людей худаго поведенія устроены, мотивируетъ свое мнѣніе совѣтъ, смирительные и рабочіе дома; каторжная работа опредѣлена единственно для важныхъ преступниковъ, какъ-то, смертоубійцъ и пр., за меньшія же преступленія назначена ссылка на поселеніе и другія наказанія по приговору судебныхъ мѣстъ“. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній совѣтъ отмѣнилъ опредѣленіе сената о крестьянинѣ помѣщицы Козляниновой и постановилъ, чтобы въ будущее время подобные случаи разрѣшались на основаніи послѣднихъ, болѣе мягкихъ узаконеній [4]).

Въ связи съ санкціей закона находится вопросъ о фор-

---

[1]) Объ утвержденіи законопроэктовъ обыкновенно извѣщалъ совѣтъ правитель канцеляріи совѣта, тайный совѣтникъ Вейдемейеръ (Архивъ Госуд. Совѣта, III, 1 ч., 519—520, 796, 822, 870 и др.) и иногда членъ совѣта Трощинскій, когда онъ имъ сдѣлался (III, 1 ч., 80 стр.); [2]) Архивъ Госуд. Совѣта, III, 1 ч., 580, [3]) Ibidem, 718 с., [4]) III, 2 ч., 947, [5]) III, 1 ч., 831—832 с.

мѣ, въ какой происходитъ утвержденіе государемъ выработаннаго въ совѣтѣ законопроэкта [1]). Въ этомъ отношеніи въ первую половину царствованія и реформъ въ администраціи Александра I продолжалъ госнодствовать въ дѣятельности совѣта взглядъ XVIII ст., что законъ и именной Высочайшій указъ одно и тоже [2]). Въ дѣлахъ совѣта нѣсколько разъ встрѣчаются рѣшенія, основанныя на категорическомъ его заявленіи, что именные указы составляютъ „существенное основаніе собственности и частныхъ правъ въ Россіи и что не можетъ быть ни спокойствія, ни твердости въ частныхъ владѣніяхъ, если именные Высочайшіе указы будутъ отмѣняемы по частнымъ жалобамъ. Отмѣна одного указа можетъ породить, по мнѣнію совѣта, множество подобныхъ домогательствъ. Всѣ споры по имѣніямъ могутъ возникнуть снова и всѣ владѣнія могутъ быть подвержены иску и сомнѣнію, если дѣла, рѣшенныя именными Высочайшими указами, и, присужденныя ими, владѣнія будутъ вновь отчуждаемы и перевершиваемы“. Совѣтъ высказываетъ даже опасеніе, чтобы отмѣна Высочайшихъ указовъ не „ослабила всеобщую вѣру къ положеніямъ, окончательно принятымъ и разъ навсегда рѣшеннымъ“ [3]). Совѣтъ старается доказать необходимость примѣненія этого непремѣннаго „общаго правила, какъ единственнаго основанія всѣхъ частныхъ правъ и владѣнія“ [4]) въ виду нерѣдкихъ въ практикѣ совѣта случаевъ, когда онъ долженъ быть рѣшать одно и тоже дѣло, по которому состоялись ранѣе опредѣленія до двухъ или даже трехъ разъ.

---

[1]) Н. О. Куплеваскій: „Русское государственное право“, Харьковъ, 1894 68 стр., [2]) Н. М. Коркуновъ: „Указъ и законъ“, Спб., 1894, 309 стр., [3]) См. дѣло по жалобѣ тайнаго совѣтника Вадковскаго на рѣшеніе сената и министра юстиціи (Архивъ Госуд. Совѣта, III, 2 ч., 236), дѣло о недвижимомъ имѣніи, оставшемся послѣ вдовы Кирѣевской (III, 2 ч., 344), дѣло о поручительствѣ московскаго именитаго гражданина Жигарева за купца Солодовникова (ibidem, 363—364 с.), дѣло Свищевой съ Колоптаевыми о болховскомъ недвижимомъ имѣніи (516—517 с.) и дѣло о долгахъ князя Голицына (611 с.), [4]) Архивъ Госуд. Совѣта, III, 2 ч., 517 стр.

Такъ происходило, не смотря на то, что каждый разъ подобное дѣло рѣшалось черезъ болѣе или менѣе большіе промежутки времени „окончательно Высочайшимъ повелѣніемъ [5]). Былъ случай, что въ совѣтъ было внесено дѣло, по которому приносилась жалоба на Высочайшее имя до семи разъ и каждый разъ просителямъ было отказано [6]). Иногда дѣло, только что рѣшенное по Высочайшему повелѣнію, снова возобновлялось по другому именному указу [7]). Встрѣчаются и такія дѣла, при рѣшеніи которыхъ одинъ Высочайшій указъ противорѣчилъ другому, что приводило къ подачѣ прошенія на Высочайшее имя въ третій разъ. Таково было дѣло коллежскаго ассесора Кошелева и дѣвицы Унковской, по поводу котораго одно рѣшеніе состоялось при Екатеринѣ II, а другое, противорѣчащее первому, при Павлѣ I. Разсматривая это дѣло, совѣтъ при видѣ „двухъ рѣшеній законодательныхъ властей, одно другому противныхъ, счелъ невмѣстнымъ“, постановить третье рѣшеніе: „таковая разнообразность въ постановленіяхъ верховнаго правительства, дѣлая нетвердыми права собственности, откроетъ путь, по словамъ совѣта, къ безконечнымъ тяжбамъ и ослабитъ увѣренность каждаго въ спокойномъ владѣніи ему принадлежащаго“. Поэтому совѣтъ утвердилъ послѣднее рѣшеніе по дѣлу Павла I [4]) Въ дѣлѣ

---

[1]) См. дѣло по доносу купца Топальцева на купцовъ Мѣняйловыхъ касательно поставки соли (ibidem, III, 1 ч., 482 с.), рѣшеніе совѣта по прошенію англ. купцовъ Бонаръ и Гарбей о выпускѣ досокъ за границу (499 с.), дѣло статскаго совѣтника Голынскаго объ имѣніи (III, 2 ч., 207 с.), дѣло дочери капитана Лобанова (521—522 с.), дѣло князя Н. Голицына съ наслѣдниками вдовы Нарышкиной (512—513 с.), дѣло Свищевой (516 с.), дѣло подполковника Юзефовича объ имѣніи, доставшемся ему отъ козака Калпты (523 с.) и дѣло подполковника Гарновскаго съ графомъ Штейнбокомъ (524 с.), [2]) См. дѣло экономич. крестьянъ Андроновской волости, Калужской губерніи съ помѣщикомъ Римскимъ-Корсаковымъ (Архивъ Госуд. Совѣта, III, 2 ч., 511—512 с., [3]) См. дѣло о жалобѣ оберъ-бергмейстера Колтовскаго на рѣшеніе сената (ibidem, 519 с.) и дѣло казенныхъ крестьянъ симбирской губерніи съ помѣщицей Бахметьевой (517—518 стр.), [4]) Архивъ Госуд. Совѣта, III, 2 ч., 513–515 стр.

же о правахъ наслѣдства гофмейстерины Нарышкиной, за которой Екатерина II утвердила по завѣщанію мужа половину недвижимаго имѣнія, а Павелъ I—лишь указную изъ него часть, совѣтъ старался соединить завѣщательную волю съ наслѣдственнымъ правомъ Нарышкиной. Именно совѣтъ рѣшилъ оставить въ пожизненномъ ея владѣніи завѣщанное мужемъ имѣніе, а по смерти Нарышкиной обратить въ родъ принадлежащую ей часть [1]).

Но стараясь укрѣпить силу именныхъ Высочайшихъ указовъ, совѣтъ отдавалъ предпочтеніе указамъ, подписаннымъ государемъ, предъ словесными Высочайшими повелѣніями, объявляемыми разными лицами тѣмъ или другимъ учрежденіямъ. Въ дѣятельности Непремѣннаго Совѣта замѣчается, вопреки колебаніямъ XVIII столѣтія въ вопросѣ о взаимномъ отношеніи между подписными и словесными Высочайшими указами [2]), твердое и опредѣленное направленіе. Вездѣ, гдѣ только происходила коллизія между этими двумя родами Высочайшихъ указовъ, совѣтъ категорически и рѣшительно проводитъ тотъ взглядъ, что подписной Высочайшій указъ не можетъ быть отмѣненъ словеснымъ Высочайшимъ повелѣніемъ [3]). Совѣтъ приписываетъ лишь перваго рода указамъ значеніе „общихъ узаконеній“, которыми только и могъ быть отмѣненъ, согласно X ст. учр. министерствъ 1802 г., существующій законъ. По отношенію къ подписному Высочайшему указу словесное Высочайшее повелѣніе есть, по взгляду совѣта, лишь „частное повелѣніе“, спеціальный законъ, который поэтому не можетъ лишать силы законъ общій—Высочайшій указъ, подписанный собственноручно государемъ [4]). При рѣшеніи такихъ дѣлъ, гдѣ совѣту

---

[1]) Ibidem, 279—280 стр., [2]) Коркуновъ, ibidem, 310—313 стр., [3]) Это положеніе существуетъ теперь въ русскихъ основныхъ законахъ (ст. 66). [4]) См. дѣло удѣльныхъ крестьянъ Мячковской волости о спорныхъ земляхъ съ графомъ Орловымъ и др. помѣщиками (Архивъ Госуд. Совѣта, III, 2 ч., 577 с.), дѣло помѣщиковъ Фащей съ княгиней Воронцовой (569—570 с.) и дѣло о долгахъ князя Голицына (620 и 629 с.).

приходилось примѣнять это правило о предпочтеніи подписныхъ Высочайшихъ указовъ словеснымъ, онъ ссылался обыкновенно на то, что отъ самого государя неоднократно исходили именные указы, которыми безусловно запрещалось исполнять словесныя Высочайшія повелѣнія, отмѣняющія подписные Высочайшіе указы [1]). По не разъ уже упомянутому нами дѣлу о долгахъ князя Голицына совѣтъ рѣшилъ сдѣлать выговоръ московскому губернскому правленію и уѣздному суду за то, что они не только „неправильно истолковали, но и приняли къ исполненію Высочайшее повелѣніе, объявленное имъ министромъ юстиціи (о назначеніи вопреки общему закону опекуна къ имѣніямъ князя Голицына) въ отмѣну именныхъ за Высочайшимъ подписаніемъ указовъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ въ совѣтѣ было постановлено „подтвердить повсемѣстно силу общихъ узаконеній о таковыхъ объявляемыхъ повелѣніяхъ, прежде состоявшихся" [2]).

Такимъ образомъ, на основаніи всѣхъ изложенныхъ нами взглядовъ Непремѣннаго Совѣта на силу именныхъ Высочайшихъ указовъ можно утверждать, что значеніе закона въ его глазахъ имѣли только Высочайшіе подписные указы, которые ни въ какомъ случаѣ не могли быть отмѣняемы словесными Высочайшими повелѣніями. Послѣднія не должны были примѣняться, какъ скоро уже существовалъ по данному роду дѣлъ Высочайшій подписной указъ [3]). Можно

---

[1]) Архивъ Государ. Совѣта, III, 2 ч., 547 и 569—570 стр., [2]) Архивъ Госуд. Совѣта, III, 2 ч., 617 с.; П. С. З., XXIX, № 22,134; [3]) Проф. Коркуновъ въ, цитированномъ нами, послѣднемъ своемъ сочиненіи („Указъ и законъ") замѣчаетъ, что при Александрѣ I подписные Высочайшіе указы требовались только по важнѣйшимъ дѣламъ, какъ и при Петрѣ III и Екатеринѣ II, (указы 22 янв. и 3 іюля 1762 г.). Въ подтвержденіе этого своего взгляда Коркуновъ приводитъ именной указъ по дѣлу вдовы маіора Надаржанской съ Кондратьевыми, оспаривавшими законность рожденія ея дочери, и извѣстное намъ дѣло объ опекѣ надъ имѣніями кн. Голицына (314 с.). Но изъ этихъ дѣлъ только видно, что вообще словесные указы не могли отмѣнять подписныхъ, какъ говоритъ объ этомъ и Коркуновъ, но, какъ показываютъ цитированныя нами дѣла, это правило примѣнялось и къ маловажнымъ дѣламъ.

спорить вообще о томъ, совпадаетъ ли это различіе между подписнымъ и словеснымъ Высочайшимъ повелѣніемъ съ установившимся въ наукѣ государственнаго права взглядомъ на отличіе закона отъ правительственнаго распоряженія [1]). Но по отношенію къ Непремѣнному Совѣту несомнѣнно одно то, что въ пору его дѣятельности среди членовъ совѣта было уже понятіе о законѣ, какъ общемъ, высшемъ и основномъ, юридическомъ принципѣ общественной жизни, по сравненію, съ которымъ распоряженіе органовъ власти имѣетъ значеніе только дальнѣйшаго развитія и примѣненія идеи закона. Мы видѣли, что въ самый „Наказъ“ Непремѣнному Совѣту было внесено даже различіе между „коренными и временными государственными постановленіями“, — основными и обыкновенными законами. Члены совѣта также сознавали разницу между коренными, основными законами и всѣми остальными актами текущей администраціи, какъ это видно изъ извѣстнаго намъ предложенія совѣту графа Завадовскаго составить „общій планъ законовъ“. Но особенно ясно различіе между закономъ и распоряженіемъ было высказано графомъ С. П. Румянцевымъ въ его „Мнѣніи о сенатѣ“. Здѣсь онъ говоритъ, что „необходимо бы было кажется нужно сдѣлать нѣкоторое различіе между Высочайшими повелѣніями, кои относятся къ временнымъ распоряженіямъ, къ случаямъ и лицамъ, и тѣми, изъ коихъ имѣетъ составиться государственное уложеніе“. Румянцевъ иллюстрируетъ эту свою мысль примѣромъ. „Ощутительно, надѣюсь, по крайней мѣрѣ, для всякаго, замѣчаетъ онъ, что воля монаршая, устроивающая благосостояніе цѣлаго народа, и таже воля, удостоивающая, примѣрно, благородную дѣву званіемъ фрейлинскимъ, не однимъ и тѣмъ же наименованіемъ образоваться должна. Государственное уложеніе до-

---

[1]) Куплеваскій, ibidem, 93–96 стр.; Коркуновъ: „Русское Государственное право“, II томъ, 16–21 стр.; „Указъ и законъ“, 309–323 стр. и слѣд.

полняется, прибавляетъ еще Румянцевъ, тѣми законами, въ которые обращаются Высочайшія повелѣнія послѣ того, какъ сенатъ представляетъ государю о неудобствахъ въ исполненіи законовъ, а относительно этого представленія не послѣдуетъ никакой Высочайшей резолюціи“ [1])

До сихъ поръ мы разсматривали законодательную дѣятельность Непремѣннаго Совѣта, какъ она проявилась въ образованіи закона. Теперь мы обратимся къ обозрѣнію тѣхъ его работъ, которыя совѣтъ предпринималъ относительно *реорганизаціи разныхъ частей государственнаго управленія.* И здѣсь, прежде всего, нужно отмѣтить особенно важное участіе совѣта въ преобразованіи *сената* въ началѣ царствованія Александра I. Еще ранѣе возбужденія въ совѣтѣ этого дѣла въ немъ была разсмотрѣна (въ 1801 г.) записка Трощинскаго „Объ исключеніи въ разсужденіи очередныхъ дѣлъ въ сенатѣ“. Совѣтъ допустилъ возможность такого исключенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ (по уваженію особыхъ обстоятельствъ бѣдности, разоренія и долговременности тяжебъ), но не иначе, какъ по Высочайшему повелѣнію. Относительно же обыкновеннаго рѣшенія дѣлъ въ сенатѣ въ совѣтѣ, согласно съ желаніемъ государя, было постановлено, чтобы срокъ очереди считать не со времени вступленія ихъ въ сенатъ, а ихъ начатія въ нисшихъ судебныхъ инстанціяхъ. Самому сенату предоставлялось принимать во вниманіе при слушаніи дѣлъ старшинство этого ихъ начатія въ нисшихъ инстанціяхъ въ виду особенныхъ обстоятельствъ. Сенатъ же самъ долженъ былъ опредѣлять свойство очереди, считать при вступленіи въ него дѣлъ одни болѣе нужными,

---

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, III, 1 ч., 36 - 37 стр.; предложеніе графа Румянцева осталось только pium desiderium; тѣмъ не менѣе оно важно для опредѣленія общаго характера законодательной дѣятельности Непремѣннаго Совѣта, его стремленія выработать основныя политическія и юридическія понятія, не смотря на недовѣріе и даже явное нерасположеніе къ совѣту господствующей либеральной партіи и, отчасти, самого государя.

чѣмъ другія [1]). Это правило относилось къ канцелярскому производству дѣлъ въ сенатѣ. Но совѣту выпала большая роль и въ совершившейся въ 1802 г. реформѣ сената. Мы уже замѣтили, что по этому вопросу среди членовъ консервативной партіи, засѣдавшихъ въ совѣтѣ, обнаружилось два противоположныхъ взгляда. Авторъ „Доклада о правахъ и преимуществахъ сената“, графъ Завадовскій вмѣстѣ съ графомъ Воронцовымъ защищалъ и въ засѣданіяхъ совѣта свой взглядъ на необходимость образовать изъ сената политическій институтъ. Отсюда объясняется, почему Завадовскій настаивалъ на томъ, чтобы всѣ дѣла въ сенатѣ рѣшались не по большинству голосовъ, а единогласно: „справедливость требуетъ, замѣчаетъ Завадовскій, чтобы голосъ сенатора равнялся голосу генералъ-прокурора, который могъ остановить рѣшеніе цѣлаго сената“. Въ виду же увеличенія правительственнаго авторитета сената Завадовскій требовалъ, чтобы сенатъ пользовался отъ подвластныхъ ему мѣстъ полнымъ уваженіемъ и чтобы былъ прекращенъ такой порядокъ дѣлъ, при которомъ рѣшенія сената толковались произвольно или даже останавливались. Этотъ порядокъ возникъ вслѣдствіе того, что „побудительные указы“ по дѣламъ, которыя производились въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, исходили не изъ самого сената, а отъ разныхъ лицъ, которыя присвоили себѣ „власть толковать и поправлять сенатскія рѣшенія“. Поэтому право посылать побудительные указы должно принадлежать, по мнѣнію Завадовскаго, только одному сенату [2]).

Графъ Воронцовъ, исходя изъ мысли о необходимости раздѣленія функцій власти между различными учрежденіями „въ самодержавномъ правленіи русскаго государства“, приходитъ къ тому заключенію, что въ Россіи нужно имѣть мѣсто,

---

[1]) Архивъ Государ. Совѣта, III, 1 ч., 51—54 стр., [2]) Архивъ Госуд. Совѣта, III, 1 часть, 17—18 стр.

„въ коемъ соединялись бы всѣ части внутренняго государственнаго управленія“. Это мѣсто—правительствующій сенатъ, который „чрезъ цѣлое почти столѣтіе былъ признаваемъ русскими государями первымъ источникомъ“ ихъ власти и законовъ, между тѣмъ какъ „народъ привыкъ видѣть въ немъ верховное судилище правосудія“. Воронцовъ одобряетъ желаніе государя возстановить значеніе сената въ управленіи: иначе, замѣчаетъ онъ, сенату не нужно называться „правительственнымъ“, а лучше „было бы ему числиться верхней палатой гражданскаго и уголовнаго суда и верхней инстанціей межевыхъ дѣлъ“. Воронцовъ хочетъ заранѣе устранить всякія подозрѣнія и упреки въ желаніи подражать иностраннымъ образцамъ въ реформѣ сената. Преобразованіемъ его „не вводится, по его словамъ, никакая новизна, изображающая въ своемъ понятіи нѣкоторое отношеніе къ идеямъ, французскими дѣлами порожденнымъ“: реформа сената только „исправленіе злоупотребленій и возвращеніе вещей къ ихъ первобытному порядку“. Но только вся эта реформа должна направляться къ тому, чтобы сенатъ сталъ и на самомъ дѣлѣ высшимъ правительственнымъ мѣстомъ для текущихъ дѣлъ внутренняго управленія: „для дѣлъ, нетерпящихъ времени и соединенныхъ съ политическими соображеніями установлены, замѣчаетъ Воронцовъ, совѣтъ и нѣкоторые департаменты или государственныя коллегіи“. Чтобы придать такую первостепенную важность сенату въ государственномъ управленіи, Воронцовъ, какъ и Завадовскій, предлагаетъ установить, чтобы голосъ каждаго сенатора могъ остановить рѣшеніе сената, какъ въ его департаментахъ, такъ и общемъ собраніи сената. Рѣшеніе же дѣлъ въ сенатѣ по большинству голосовъ, которое употребляется въ такихъ европейскихъ политическихъ учрежденіяхъ, гдѣ дѣла рѣшаются окончательно (въ камерахъ англійскаго парламента, прежнемъ французскомъ парламентѣ), должно быть

ограничено $^2/_3$ голосовъ. Воронцовъ согласенъ съ Завадовскимъ въ томъ, чтобы только одному сенату было присвоено право издавать „побудительные указы“, которые должны выходить изъ сената „по жалобамъ на медленность отправленія дѣлъ и на губернскія правленія, но не касаться апелляціонныхъ дѣлъ“. Наконецъ, Воронцовъ не видитъ какого-либо нововведенія въ проэктируемой „обязанности сената дѣлать самодержавной власти представленія, если онъ найдетъ исполненіе Высочайшихъ повелѣній почему-либо неудобнымъ или отяготительнымъ для народа“. По словамъ Воронцова, „таковое дозволеніе отвратитъ и остережетъ скороспѣшность, допускаемую при частныхъ докладахъ и обезопаситъ государство отъ важныхъ личныхъ ошибокъ“. Однако, самъ Воронцовъ, повидимому, опасается, чтобы надѣленіе сената подобнымъ правомъ не могли счесть за косвенное ограниченіе самодержавной власти русскаго государя. Поэтому онъ спѣшитъ добавить, что названнымъ правомъ „могущество самодержавной власти не уменьшается, а наоборотъ удостовѣряется собственное ея дѣйствіе: предполагается, что повелѣнія, какія выдутъ на эти представленія сенатомъ государю, будутъ исполняться безмолвно“ [1]).

---

[1]) Ibidem, 39–45 стр. Воронцовъ былъ правъ, когда онъ предполагалъ, что дарованіе сенату права дѣлать представленія на Высочайшіе указы имѣетъ политическую подкладку. Мы знаемъ, что подобнаго права для сената требовалъ графъ Панинъ въ извѣстномъ своемъ проэктѣ о созданіи императ. совѣта, какъ политическаго учрежденія, и что одинъ изъ рецензентовъ проэкта Панина прямо заявилъ, что „свободность сената представлять Е. И. В. на собственныя Е. В. повелѣнія“ заключаетъ въ себѣ „нѣкоторое сокращеніе самодержавной власти“. Поэтому при реформѣ сената Екатериной II ему не было дано этого права. При Александрѣ I сенатъ получилъ его по отношенію къ общимъ государственнымъ и судебнымъ дѣламъ, но вскорѣ оно было, какъ мы видѣли, ограничено „существовавшими уже законами“, не должно было касаться „законовъ, вновь издаваемыхъ и подтверждаемыхъ“ верховной властью. Но если политическій характеръ названнаго права сената не подлежитъ сомнѣнію, то тѣмъ болѣе странно встрѣтить полное игнорированіе такого его значенія проф. Коркуновымъ, который довольно долго останавливается на разъяс-

Ко взглядамъ Завадовскаго и Воронцова на сенатъ, какъ политическое учрежденіе, присоединяется членъ совѣта, графъ С. П. Румянцевъ, который въ своемъ мнѣніи о сенатѣ указываетъ сначала на положеніе сената въ началѣ царствованія Александра I, сліяніе въ немъ правительственной и судебной власти. Сообразно съ этимъ различіемъ функцій сената Румянцевъ предлагаетъ раздѣлить сенатъ на „Вышнюю палату правительства и Вышнюю палату правосудія“. Первая палата, члены которой назначаются самимъ государемъ, состоитъ изъ двухъ департаментовъ, разсматриваетъ разныя правительственныя дѣла. Комитетъ палаты слѣдитъ за выполненіемъ именныхъ указовъ и другихъ дѣлъ. Въ обоихъ департаментахъ Вышней палаты правосудія (гражданскомъ и уголовномъ) разсматриваются дѣла, касающіяся собственности, чести и самой жизни. Поэтому ея члены должны быть независимыми, пожизненными и могутъ быть отрѣшены отъ должности только по приговору публичнаго суда. На палату правосудія возлагается Румянцовымъ обнародованіе закона. Предсѣдатель палаты („оберегатель государственныхъ законовъ“) долженъ наблюдать за тѣмъ, чтобы всѣ рѣшенія палаты основывались на строгомъ смыслѣ существующихъ законовъ. Жалобы на ея рѣшенія государю допускаются лишь въ случаѣ несоблюденія судебныхъ порядковъ или же захвата законодательной власти палатой, надъ которой въ этомъ случаѣ назначается государемъ судъ изъ числа постороннихъ лицъ. Но если при рѣшеніи дѣла окажется нужда въ составленіи новаго закона, тогда „оберегатель“ докладываетъ объ этомъ государю, но не испрашивая при этомъ разрѣшенія на самое дѣло, подавшее къ тому поводъ. „Ибо мы полагаемъ, замѣчаетъ Румянцевъ, что воля само-

---

ненія этого права сената и самъ замѣчаетъ, что впервые оно встрѣчается въ проэктѣ Панина. („Указъ и законъ“, 349—355 с., ср. „Русское Государственное право“, 1 т., 67—68 с.).

держца есть пребывать непоколебимо однимъ законодателемъ". Румянцевъ также готовъ на то, чтобы надѣлить сенатъ правомъ дѣлать представленія государю о неудобствахъ въ исполненіи закона, но только съ тѣмъ ограниченіемъ, что „когда по представленію сената перемѣны не будетъ, то повелѣніе государево уже законъ". Румянцевъ рекомендуетъ ввести въ сенатъ западно-европейскій институтъ „ходатая по дѣламъ неимущихъ" и приглашенія по губернскимъ дѣламъ стороннихъ людей, практикуемыя въ Англіи. Наконецъ, Румянцевъ возстаетъ противъ предлагаемой въ проэктѣ указа сенату привиллегіи дворянскаго сословія, почитаетъ противнымъ справедливости, чтобы только рѣшенія по дѣламъ о дворянахъ, приговоренныхъ къ смертной казни, представлялись на Высочайшее утвержденіе. Румянцевъ признаетъ, что „преимущества въ обществѣ необходимы" и что „благородству они принадлежатъ предпочтительно". Но, прибавляетъ онъ, „когда дѣло идетъ о сохраненіи жизни, то исчезаютъ всѣ различія и въ послѣднемъ изъ подданныхъ милующая власть должна видѣть человѣка" [1]).

Графъ С. П. Румянцевъ проводитъ, какъ мы видимъ, въ своемъ мнѣніи, которое раздѣляетъ и его братъ, графъ Н. П. Румянцевъ [2]), идею о строгомъ раздѣленіи функцій власти между различными учрежденіями. Законодательная власть вручается имъ главѣ государства съ совѣтомъ, а правительственная и судебная сосредоточивается въ двухъ палатахъ сената, изъ которыхъ палата правосудія получаетъ значеніе самостоятельной, независимой корпораціи, обладающей правомъ иниціативы закона, его обнародованія и наблюденія за исполненіемъ законовъ. Отъ палаты же правосудія исходятъ представленія государю о неудобствахъ въ исполненіи закона при рѣшеніи дѣлъ. Румянцевъ, какъ и

---

[1]) Архивъ Государ. Совѣта, III, 1 ч., 33 - 37 стр., [2]) Ibidem, 18 стр.

Воронцовъ, допускаетъ надѣленіе этимъ правомъ сената съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, которое на самомъ дѣлѣ не измѣняетъ сущности, политическаго характера этого права: за сенатомъ остается *возбужденіе* самого вопроса о неудобствахъ въ исполненіи того или другаго закона, все равно, послѣдуетъ ли вслѣдъ за этимъ указъ государя по этому поводу или же нѣтъ.

Во то время, какъ графы: Завадовскій, Воронцовъ и Румянцовы защищали въ совѣтѣ свои проэкты преобразованія сената въ самостоятельное, политическое учрежденіе, остальные члены совѣта, наоборотъ, отвергали самую мысль о коренной реформѣ въ устройствѣ сената, присвоеніи ему особыхъ правъ и преимуществъ. Изъ нихъ графъ Кочубей, раздѣлявшій политическіе взгляды другихъ членовъ неоффиціальнаго комитета, полагалъ оставить предположеніе о реорганизаціи совѣта „до того времени, когда приведено будетъ къ окончанію новое законоположеніе россійское“, о которомъ мечтали члены комитета. Кочубей предлагалъ поэтому ограничиться пока нѣкоторыми измѣненіями въ судопроизводствѣ и устройствѣ канцеляріи сената, необходимыми для правильнаго и скораго хода въ немъ дѣлъ [1]). На томъ же думало остановиться въ реформѣ сената значительное большинство членовъ совѣта, принадлежащихъ къ консервативной партіи: графъ Васильевъ [2]), князь Куракинъ [3]), графъ Зубовъ [4]), князь Лопухинъ [5]) и генералъ-прокуроръ Беклешовъ. Послѣдній основалъ свое особое мнѣніе о сенатѣ на подробномъ разборѣ проэкта указа, въ которомъ, по мнѣнію Беклешова, не заключается никакого существеннаго преобразованія сената, а повторяется только то, что донынѣ содержится въ законныхъ правилахъ и постановленіяхъ о сенатѣ. Беклешовъ особенно недоволенъ осьмой статьей проэкта указа сенату, которой „предполагается, что отъ государя

[1—5]) Ibidem, стр.: 38, 50 и 15—19.

можетъ выходить указъ, несогласный или противорѣчащій законамъ, и что таковой указъ, буде перемѣны не будетъ учинено, и исполняется". По словамъ Беклешова, „установлять въ правилахъ, чтобы сенатъ могъ дѣлать по тяжебнымъ дѣламъ представленія государю на Высочайшія ихъ рѣшенія, чтобы эти рѣшенія могли быть несогласны, даже противорѣчить законамъ, могли перемѣняться или же оставаться безъ перемѣнъ, значитъ вводить въ систему не правосудіе, не безопасность, а заблужденіе и отчаянность" [1]). Съ своей стороны, Беклешовъ предложилъ въ совѣтѣ проэктъ раздѣленія дѣлъ между департаментами сената, гдѣ подробно обозначена компетентность каждаго изъ нихъ, и приложилъ къ своему проэкту даже примѣрный штатъ канцеляріи департаментовъ сената, петербургскихъ и московскихъ [2]). Детальному же разбору проэктъ указа сенату подвергся еще со стороны Трощинскаго, который не только не находитъ ничего опаснаго для власти государя въ осьмой статьѣ проэкта, но даже считаетъ необходимымъ дополнить эту статью опредѣленіемъ, чтобы сенатъ имѣлъ право дѣлать представленія государю, кромѣ судебныхъ дѣлъ, еще и по общимъ государственнымъ. Трощинскій думаетъ, что послѣдняго рода дѣла заслуживаютъ въ данномъ случаѣ предпочтенія предъ судебными дѣлами. Тяжущіяся стороны могутъ, говоритъ Трощинскій, приносить жалобы верховной власти „по силѣ инструкціи, данной лицамъ, которыя находятся у принятія прошеній". Представленія же сената по общимъ государственнымъ дѣламъ необходимы потому, что „сенатъ, яко хранилище законовъ и верховное мѣсто ихъ исполненія, имѣетъ обязанность представлять встрѣчаемыя имъ неудобства". Трощинскій, слѣдовательно, думалъ достигнуть введеніемъ этого правила въ организацію сената начала закономѣрнаго подчиненія въ его дѣятельности, не замѣчая его по-

[1]—[2]) Архивъ Государ. Совѣта, ibidem, стр.: 21, 23—32.

литическаго характера. Онъ стремился также и къ тому, чтобы увеличить значеніе сената въ управленіи правиломъ, чтобы рѣшенія сената были единогласны: такимъ постановленіемъ будетъ признана, по мнѣнію Тропцинскаго, справедливость голоса каждаго сенатора, который можетъ остановить рѣшеніе сената, какъ каждый тяжущійся, не говоря уже о генералъ-прокурорѣ [1]).

Особенное мѣсто среди разныхъ мнѣній о сенатѣ занимаютъ взгляды членовъ совѣта—адмирала и графа Мордвинова и генерала Вязмитинова. Первый замѣтилъ, что сенатъ, какъ „мѣсто присутственное, а не политическій корпусъ, можетъ имѣть должности (то есть, обязанности), а не права“, и что „должности эти достаточно опредѣлены данными ему повелѣніями, которыя никогда не отмѣнялись постановленіемъ. А если произошло въ нихъ нарушеніе отъ побочныхъ вліяній и, такъ сказать, отъ поведенія лицъ, довѣренность носящихъ, то поведеніемъ же, а не указомъ и исправлять ихъ надлежитъ“ [2]). Это, высказанное въ совѣтѣ (1 мая 1802 г.), мнѣніе Мордвинова о сенатѣ, какъ только „присутственномъ мѣстѣ“, совершенно противорѣчитъ его же извѣстному намъ взгляду на реформу сената, высказанному имъ въ запискѣ объ его преобразованіи, которая была представлена въ неоффиціальный комитетъ. Какое изъ этихъ двухъ противоположныхъ мнѣній Мордвинова о сенатѣ высказано имъ раньше, объ этомъ мы судить не можемъ; точно также неизвѣстны и причины такого рѣзкаго ихъ противорѣчія другъ другу. Не такъ двусмысленно поступилъ генералъ Вязмитиновъ, который просто предложилъ „отложить положеніе о сенатѣ до изданія законовъ, когда можно было бы лучше опредѣлить права и обязанности сената“, въ указѣ же сенату „не обѣщать ничего, что относится къ его преобразованію“ [3]).

---

[1]) Ibidem, 48—49 стр., [2]—[3]) Архивъ Госуд. Совѣта, ibidem, 18—19.

Мы остановились немного подробнѣе на мнѣніяхъ членовъ совѣта о преобразованіи сената для того, чтобы лучше опредѣлить, какое вліяніе оказалъ совѣтъ на реформу сената въ 1802 году. Сравнивая всѣ эти мнѣнія съ указомъ о правахъ и обязанностяхъ сената, мы можемъ видѣть, что на его новомъ устройствѣ отразились многіе взгляды членовъ совѣта. Сенатъ сталъ высшимъ правительственнымъ, контролирующимъ и судебнымъ учрежденіемъ [1]), какъ того желало большинство членовъ совѣта. Согласно же мнѣнію многихъ изъ нихъ [2]), рѣшенія сената въ департаментахъ должны всегда быть единогласными и только въ общемъ собраніи сената требовалось большинство голосовъ при рѣшеніи дѣлъ [3]). Всѣ сенаторы имѣли равное право голоса, такъ что дѣло переносилось изъ департамента въ общее собраніе сената, если даже одинъ сенаторъ, не исключая выбывшихъ и временно отсутствующихъ, былъ противнаго мнѣнія [4]). Сенату было предоставлено, какъ того желали Завадовскій, Воронцовъ, братья Румянцевы и Трощинскій, право издавать „побудительные указы“ по жалобамъ на губернскія правленія и палаты [5]) и—представлять государю „о великихъ неудобствахъ въ исполненіи закона по общимъ государственнымъ и частнымъ суднымъ дѣламъ“. Въ статьѣ (9-й) объ этомъ послѣднемъ правѣ сената было сдѣлано прибавленіе, согласно предложенію графа С. П. Румянцева, что „когда по таковому представленію сената не будетъ учинено перемѣны, то законъ остается въ своей силѣ“ [6]). Праву сената дѣлать представленія на Высочайшія повелѣнія придано указомъ такое большое значеніе, что при разногласіи членовъ сената о примѣненіи закона былъ предписанъ особый порядокъ представленія отдѣльныхъ мнѣній государю (20 ст). Наконецъ, въ указѣ установлено правило, чтобы на судебныя рѣшенія

---

[1]) П. С. З., XXVII, № 20,405, 1—7 п., [2]) Графа Завадовскаго, Беклешова, Воронцова, Трощинскаго, [3]) 14 и 17 п. указа, [4]) 15—16 п., [5]) 8 п., [6]) 9 п.

сената не было апелляцій, за исключеніемъ особенно важныхъ случаевъ [1]), какъ на этомъ настаивали оба Румянцевы.

Указъ о преобразованіи сената дополнялся въ разныхъ частяхъ до начала втораго періода реформъ Александра I и также при участіи Непремѣннаго Совѣта. Такъ въ 1803 г. совѣтъ разсматривалъ докладъ сената и проэктъ указа министра юстиціи объ устройствѣ герольдіи. Совѣтъ, сдѣлавши нѣкоторыя необходимыя измѣненія въ этомъ проэктѣ [2]), постановилъ общее правило, чтобы „никакое мѣсто въ имперіи, кромѣ сената, само собою не утверждало въ мѣстахъ по чинамъ, а относилось бы въ сенатъ установленнымъ порядкомъ“ [3]). Въ 1805 г. въ совѣтѣ была утверждена инструкція сенаторамъ для руководства при осмотрѣ губерній [4]). Наконецъ, въ 1809 г. совѣтъ рѣшилъ [5]), что отводъ сторонами сенаторовъ по подозрѣнію ихъ въ родствѣ, враждѣ, доброжелательствѣ къ какой-либо изъ нихъ долженъ быть принятъ во вниманіе при разсмотрѣніи дѣлъ въ сенатѣ [6]).

Кромѣ преобразованія сената, совѣту пришлось обсуждать измѣненія въ устройствѣ нѣкоторыхъ *коллегій*, продолжавшихъ дѣйствовать на правахъ центральныхъ учрежденій до образованія министерствъ. Такъ въ 1801 г. въ совѣтѣ разсматривался штатъ юстицъ-коллегіи, который былъ составленъ еще въ 1763 г. и оказался „несовмѣстнымъ съ существующими штатами другихъ коллегій и цѣнами вещей“. Совѣтъ измѣнилъ этотъ штатъ и назначилъ старшимъ чи-

---

[1]) 25 п указа, [2]) См. ниже—о мѣрахъ совѣта по организаціи госуд. службы, [3]) Архивъ Госуд. Совѣта, III, 1 ч., 66 с.; П. С. З., № 20,608, [4]) Архивъ Госуд. Совѣта, ibidem, 64—66 с. [5]) По поводу дѣла князя Долгорукова съ Кругликовыми (53—54 с., П. С. З., XXX, № 23,990), [6]) Совѣтъ согласился при этомъ съ мнѣніемъ консультаціи оберъ-прокуроровъ сената, что „законы, учрежденные на такіе случаи, полезны для истцовъ, коихъ собственность и прекращеніе тяжебъ основаны не только на правосудіи, но и на довѣренности къ судящимъ, и что судья, отклоняющійся отъ сужденія дѣла въ этомъ дѣлѣ, доказываетъ свое безпристрастіе и справедливость“ (ibidem).

намъ юстицъ-коллегіи такое же жалованье, какое получали члены столичныхъ губернскихъ мѣстъ [1]). Но самъ же совѣтъ ранѣе образованія министерствъ пришелъ къ убѣжденію, что многія коллегіи стали излишними въ администраціи, гдѣ онѣ только увеличивали число инстанцій и отягощали казну большими издержками на ихъ содержаніе. Поэтому было рѣшено въ совѣтѣ единогласно упразднить камеръ-коллегію, такъ какъ „по положенію о торгахъ на винную продажу велѣно производить ее не только по губерніямъ, но и по уѣздамъ“ [2]). Такое же единогласное мнѣніе было высказано членами совѣта относительно мануфактуръ-коллегіи, существованіе которой для фабрикъ, по мнѣнію совѣта, „совершенно безполезно, какъ это показалъ опытъ и сравненіе прошедшихъ лѣтъ“. Поэтому было опредѣлено въ совѣтѣ уничтожить мануфактуръ-коллегію, а разныя заведенія, бывшія при ней, отдать въ прежнія ихъ вѣдомства [3]). Когда въ совѣтѣ зашла рѣчь объ упраздненіи бергъ-коллегіи [4]), совѣтъ принялъ предложеніе ея президента, Алябьева, чтобы управленіе коллегіей поручить одному главному начальнику, генералъ-бергъ-директору съ необходимымъ числомъ помощниковъ [5]). Изъ этого рѣшенія совѣта относительно бергъ—коллегіи можно видѣть, что Непремѣнному Совѣту не была чужда мысль о замѣнѣ коллегій единоличными учрежденіями въ управленіи—министерствами [6]). Послѣ ихъ учрежденія

---

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, III, 1 ч., 101 стр.; П. С. З., XXVI, № 20,197, [2]) Архивъ Госуд. Совѣта, ibidem, 78 и 83 с.; П. С. З., № 20,068, [3]) П. С. З., XXVII, № 20,852, XXVIII, № 21,185, [4]) Дѣла въ ней производились, по словамъ Алябьева, „обыкновеннымъ приказнымъ порядкомъ, какъ и въ отличныхъ отъ нея судебныхъ мѣстахъ, и бергъ-коллегія существовала на самомъ дѣлѣ не для управленія горными дѣлами, а единственно только для тяжебныхъ дѣлъ заводчиковъ“, [5]) Архивъ Госуд. Совѣта, ibidem, 85, 91—92 с., П. С. З., XXIX, № 22,632, [6]) Совѣтъ настаивалъ еще на упраздненіи департамента удѣловъ, такъ какъ не было нужды въ особомъ управленіи бывшими дворцовыми крестьянами, сравненными съ казенными. Сборъ доходовъ съ удѣльныхъ крестьянъ можно предоставить, думалъ совѣтъ, казеннымъ палатамъ, употребленіе доходовъ

коллегіи стали излишними и всѣ онѣ, за исключеніемъ первыхъ трехъ, превратившихся въ соотвѣтствующія министерства, были преобразованы въ департаменты министерствъ [1]). Но, не смотря на это, нѣкоторыя изъ коллегій продолжали еще долго свою дѣятельность. Такъ ревизіонъ-коллегія была закрыта только въ 1809 г., при чемъ совѣтъ назначилъ съ извѣстнымъ содержаніемъ чиновниковъ для сдачи въ государственный архивъ дѣлъ ревизіонъ-коллегіи [2]).

Вмѣстѣ съ преобразованіемъ центральныхъ учрежденій въ началѣ царствованія Александра I были предприняты мѣры для реорганизаціи *мѣстныхъ учрежденій*. Учрежденіе о губерніяхъ, измѣненное во многихъ отношеніяхъ Павломъ I [3]), было возстановлено его сыномъ, при чемъ на долю совѣта выпало видное участіе въ выработкѣ многихъ существенныхъ основаній новаго ихъ устройства. Совѣтъ приступилъ къ разсужденіямъ о положеніи мѣстъ губернскаго управленія послѣ предварительнаго собранія свѣдѣній объ ихъ состояніи, произведенныхъ въ нихъ перемѣнахъ, сличеніи губернскихъ штатовъ и резсмотрѣнія того, какія изъ губернскихъ учрежденій содержатся на счетъ казны и обывателей [4]). Затѣмъ въ совѣтѣ началось чтеніе учрежденія о губерніяхъ по статьямъ и обсужденіе необходимыхъ въ немъ измѣненій. Было рѣшено ввести новое раздѣленіе губерній (на 47) и „для единообразія, лучшаго порядка и связи дѣлъ въ управленіи возстановить званіе генералъ-губернаторовъ, подчинивъ каж-

---

оставить въ неприкосновенности согласно учр. объ импер. фамиліи, а департаментъ удѣловъ, стоющій казнѣ до 190 т. р., упразднить (А. Г. С., ibidem, стр. 78, 84, 95—98, 105—109 с.). Но это предположеніе Непр. Совѣта не было осуществлено, какъ и его проэктъ о подчиненіи соляной конторы государ. казначею, какъ это было до 1796 г. (П. С. З., XXIV, № 17,924), или даже о совершенномъ ея уничтоженіи (А. Г. С., ibidem, 73—74, 83—84 стр.)

[1]) См. I т. моего изслѣдованія, 799—802 с., [2]) П. С. З., XXX, № 23,838, [3]) П. С. З., XXIV, №№ 17,634, 17,671, 17,702, XXV, № 19,230, [4]) А. Г. С., ibidem, 70 стр.

дому по нѣскольку губерній [1]). Начальникамъ губерній предоставлено право опредѣлять на мѣста правителей канцеляріи и секретарей [2]). Съ цѣлью отдѣленія управленія гражданскою частью отъ военной въ губерніяхъ былъ установленъ порядокъ сношеній военныхъ мѣстъ съ гражданскими [3]). Въ самой организаціи губернскихъ мѣстъ въ великороссійскихъ губерніяхъ совѣтъ призналъ нужнымъ ввести одну важную перемѣну—уничтожить среднюю инстанцію въ мѣстномъ управленіи, соединить ее съ верхней [4]). Затѣмъ во всѣхъ великороссійскихъ же губерніяхъ были возстановлены совѣстные суды, засѣдатели отъ разныхъ сословій, образованы приказы общественнаго призрѣнія также съ сословнымъ составомъ и сдѣланы нѣкоторыя прибавленія къ штату остальныхъ губернскихъ мѣстъ (дворянскихъ опекъ и др.). Мотивомъ всѣхъ этихъ преобразованій въ мѣстныхъ учрежденіяхъ было, по словамъ совѣта, „не одно подражаніе бывшимъ примѣрамъ, а тѣмъ менѣе прихотливое желаніе новизны, но государственныя нужды и уваженіе пользы“ [5]). Къ общему же положенію объ устройствѣ губернскихъ мѣстъ

---

[1]) Всего было образовано 19 генералъ-губернаторствъ; въ шести вновь возстановленныхъ губерніяхъ генералъ-губернаторы были надѣлены для открытія губерній особыми правами, [2]) А. Г. С., III, 1 ч., 123 стр.; П. С. З., XXVII, № 20,719, [3]) Въ силу новыхъ правилъ полковые и баталіонные командиры не могли управлять городами и городской полиціей, которая должна была подчиняться въ столицахъ военному губернатору, въ другихъ городахъ, гдѣ есть коменданты, этимъ послѣднимъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, городничимъ. Сами же коменданты и городничіе, въ свою очередь, должны выполнять предписанія губернскихъ правленій, гражданскихъ и военныхъ губернаторовъ (А. Г. С., ibidem, 135 и 138 с.; П. С. З., XXVI, №№ 19,424 и 19,426), [4]) Съ этою цѣлью палатѣ суда и расправы возвращено прежнее ея названіе палатой гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ и присутствіе каждаго ея отдѣленія составлено изъ предсѣдателя, совѣтника отъ короны и сословныхъ засѣдателей. Число послѣднихъ увеличено въ уѣздномъ и нижнемъ земскомъ судѣ двумя засѣдателями отъ поселянъ. На важное значеніе этихъ мѣръ для обезпеченія большаго безпристрастія въ рѣшеніи дѣлъ указываетъ Балугьянскій въ своемъ: „Разсужденіи объ учрежденіи губерній“ (С. Р. И. О., 90 т., 219–220 с., [5]) Архивъ Госуд. Совѣта, III, 1 ч., 73–77, 79–93 стр.; П. С. З., № 20,004.

относится постановленіе совѣта, чтобы засѣдатели въ палатахъ (отъ дворянства и купечества) и уѣздныхъ земскихъ судахъ (отъ поселянъ) присутствовали каждый по дѣламъ своего сословія [1]). Совѣтъ установилъ примѣрные штаты губернскихъ учрежденій въ 37 великороссійскихъ губерніяхъ [2]). Нѣкоторыя изъ губерній обратили на себя особенное вниманіе совѣта. Относительно устройства новороссійской губерніи былъ образованъ даже особый комитетъ, согласно съ рѣшеніемъ котораго совѣтъ опредѣлилъ раздѣлить эту губернію на три губерніи (николаевскую, екатеринославскую и таврическую) и ввести разныя измѣненія въ нихъ по отдѣльнымъ частямъ мѣстнаго управленія [3]). Московская губернія была раздѣлена „сообразно нуждамъ обывателей и положенію границъ“ вмѣсто 10 на 13 уѣздовъ [4]). Правительственныя мѣста оренбургской губерніи въ виду благоустройства переведены изъ г. Оренбурга въ г. Уфу [5]). Совѣтъ также обсуждалъ вопросъ о разныхъ необходимыхъ измѣненіяхъ въ управленіи польскими губерніями, которыя относились къ порядку производства дворянскихъ выборовъ, опредѣленію земскихъ исправниковъ и свидѣтельству сельскихъ магазиновъ [6]). Наконецъ, совѣтъ рѣшилъ произвести нужныя реформы и въ управленіи Сибирью, для чего предполагалъ сначала обозрѣть на мѣстѣ весь сибирскій край и узнать въ подробности мѣстныя его особенности [7]). Эта обязанность была возложена государемъ, согласно представленію совѣта, на бывшаго сибирскаго генералъ-губернатора, сенатора Селифонтова [8]).

Кромѣ общаго устройства губерній, совѣтъ занимался долго вопросомъ объ образованіи городскаго управленія въ обѣ-

---

[1]) А. Г. С., ibidem, 110, XXVII, № 20,284, [2]) А. Г. С., ibidem, 98—101 с., XXVII, № 20,099, [3]) А. Г. С., ibidem, 70, 110—117 стр., П. С. З., XXVII, № 20,449, [4]) А. Г. С., III, 1 ч., 103—104 с.; П. С. З., № 20,143, [5]) А. Г. С., 104 с., П. С. З., XXVII, № 20,170, [6]) А. Г. С., 117 с., П. С. З., XXVIII, №№ 21, 646—648, [7]) А. Г. С., III, 1 ч., 70—72 с., [8]) П. С. З., XXVI № 19,910.

ихъ столицахъ, въ которыхъ также были возстановлены прежніе порядки сообразно съ учрежденіемъ о губерніяхъ и затѣмъ введены въ городскія учрежденія разныя новыя измѣненія. Совѣтъ признаетъ вредными и противными городовому положенію служебные и рабочіе цехи, при вступленіи въ которые платился чрезмѣрный налогъ [1]). Нѣкоторыя учрежденія въ С.-Петербургѣ были упразднены [2]) и вмѣсто нихъ возстановлены прежнія [3]). Совѣтъ разсматриваетъ подробно всѣ статьи столичнаго бюджета, отмѣняетъ нѣкоторые болѣе обременительные для населенія сборы и налоги [4]), сокращаетъ излишніе расходы, остатки отъ городскихъ доходовъ предназначаетъ для удовлетворенія настоятельныхъ городскихъ потребностей, облегченія городскихъ повинностей и на дѣла общественной благотворительности и пользы [5]). Совѣтъ рѣшился дать городской думѣ С.-Петербурга „примѣрное исчисленіе городскихъ доходовъ и расходовъ, дабы не налагала она отъ себя новыхъ налоговъ и не удовлетворяла самовластнымъ требованіямъ“. Кромѣ того, думѣ внушалось, чтобы „она старалась уменьшить расходы своими

---

[1]) По городовому положенію „цехи должны быть составлены изъ людей, коихъ въ мѣщанство записать можно“; работники и слуги—не мѣщане и тѣмъ не менѣе обязаны вносить налогъ при записи въ цехъ (третій послѣ государ. подати и паспортной платы), „утѣснительный для нихъ тѣмъ, что они должны вносить его прежде, нежели успѣютъ снискать себѣ работой насущный хлѣбъ“ (56 с.), [2]) Коммиссія о снабженіи резиденціи припасами, контора городскихъ строеній, экспедиція для ревизіи дѣлъ, входящихъ изъ частныхъ судовъ, и эти послѣдніе, [3]) Городская дума и магистратъ съ сиротскимъ судомъ, надворный судъ, управа благочинія съ вновь образованной экспедиціей для надзиранія за строеніями; контора запасныхъ магазиновъ переведена въ вѣдомство военнаго губернатора, [4]) Такъ былъ отмѣненъ сборъ со всѣхъ отъѣзжающихъ изъ столицы, „крайне стѣснявшій всѣ обороты торговли и промыслы“, и обрядности для его взиманія, „чрезвычайно отяготительныя особенно для торговыхъ людей“ (А. Г. С., III, 1 ч., 137—140 с.); также были уничтожены: троякій сборъ съ отпускаемыхъ и привозимыхъ за границу товаровъ, сборъ съ судовъ, приходящихъ въ столицу съ хлѣбомъ, и сборъ съ рабочихъ и служащихъ людей, „кои наипаче въ трудахъ своихъ должны быть ободряемы и облегчаемы“ (143 с.), [5]) А. Г. С., ibidem, 142—146 стр.

экономическими изворотами". Самъ совѣтъ подаетъ думѣ примѣръ, стараясь уничтожить всякую неравномѣрность въ распредѣленіи городскихъ налоговъ столицы, и, прежде всего, постойной повинности, которая „вызываетъ на правительство нареканія". По убѣжденію совѣта, „налогъ и самый тягостный не столько огорчителенъ, какъ самовластное, прихотливое и неравное его распредѣленіе". Для разрѣшенія жалобъ по отправленію квартирной повинности опредѣлено назначить постоянныя квартиры полицейскимъ чиновникамъ, „чтобы, по крайней мѣрѣ, видѣли волю правительства, а не прихоти частныхъ людей" [1]). Для разбора дѣлъ по части квартиръ и для приведенія этой повинности „въ лучшую ясность и уравнительнѣйшее расположеніе" было постановлено (въ 1801 г.) образовать особый комитетъ [2]). Въ виду соразмѣрнаго распредѣленія между городскими жителями тяжести поборовъ предположено ввести общій поземельный сборъ [3]). Совѣтъ не одобряетъ уклоненій отъ уплаты установленныхъ городскихъ налоговъ и поэтому поспѣшилъ утвердить, выработанныя петербургскимъ комитетомъ объ уравненіи повинностей, особыя правила относительно того, чтобы крестьяне —мелочные торговцы въ столицѣ—не торговали безъ взноса опредѣленнаго акциза, который они платили неисправно [4]). Однѣ и тѣже мѣры касательно упраздненія разныхъ учрежденій, возстановленія прежнихъ по учрежденію о губерніяхъ, дополненій въ штатахъ разныхъ губернскихъ мѣстъ бы-

---

[1]) Ibidem, 147—149 с., П. С. З., XXVII, № 20,143, [2]) А. Г. З., ibidem, 154 с., XXVII, №№ 20,116, 20,269, 20,359, 20,816 и 20,818, [3]) А. Г. С., ibidem, 154 с., [4]) Ibidem, 903 с., П. С. З., XXVIII, № 21,241; совѣтъ оставилъ въ прежнемъ видѣ относительно „внутреннихъ экономическихъ распоряженій" и управленія разныя правительственныя мѣста въ с.-петербургской губерніи (гатчинское и павловское правленіе и др.). Но въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ (въ дѣлахъ полицейскихъ, гражданскихъ, уголовныхъ и др.) всѣ эти мѣста рѣшено поставить въ одинаковую зависимость отъ уѣздныхъ и земскихъ судовъ наравнѣ со всѣми прочими городами и посадами (А. Г. С., ibidem, 147 с.).

ли предприняты совѣтомъ и относительно городскаго управленія Москвы [1]). Совѣтъ согласился съ предположеніями образованнаго имъ комитета [2]) объ уравненіи городскихъ повинностей между всѣми жителями Москвы и бюджетѣ столицы [3]). Только нѣкоторыя мѣры, рекомендованныя комитетомъ, не были одобрены совѣтомъ въ виду „единообразія и лучшей въ сборахъ удобности, справедливости въ установленіи городскихъ налоговъ и охраненіи безопасности личности и имущества гражданъ“ [4]).

Помимо преобразованія управленія въ обѣихъ столицахъ, въ совѣтѣ обсуждались разныя части устройства еще многихъ отдѣльныхъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ [5]). Такъ совѣтъ уважилъ просьбу жителей г. Одессы объ установленіи городскаго сбора съ отпускаемыхъ товаровъ на содержаніе гавани и продолженіи разныхъ финансовыхъ льготъ городу, предоставленныхъ ему Екатериной II [6]). Г. Архангельску позволено исправить на счетъ казны для обсушки города каналы и берега Двины [7]). На казенный же счетъ разрѣшено г. Макарьеву построить деревянный гостинный дворъ [8]). Крестьянамъ, поселившимся на земляхъ около г. Саратова съ 1797 г., назначено по 15 десятинъ на душу, а

---

[1]) Ibidem, 149–154; П. С. З., XXVII, № 20,143, [2]) XXVII, №№ 20,220, XXVIII, № 21,322, XXIX, № 20,030, [3]) А. Г. С. III, 1 ч., 160 стр., [4]) Совѣтъ отвергъ предложеніе комитета о сборахъ съ герберовъ, трактировъ и кофейныхъ домовъ, векселей и заемныхъ писемъ, аукціоновъ, управленія городскими доходами и расходами и устройства городской полиціи (А. Г. С., ibidem, 157—164 с.), [5]) Совѣтъ предполагалъ, согласно волѣ государя, выработать общее положеніе о способахъ постройки домовъ въ городахъ и селеніяхъ въ виду часто случающихся въ нихъ пожаровъ, но этотъ проэктъ не получилъ дальнѣйшаго движенія (А. Г. С., ibidem, 901–908 стр., [6]) То были: вѣчное освобожденіе города отъ всякихъ податей, налоговъ и постоя, надѣленіе города землями, пополненіе городу матеріаловъ изъ черноморскаго флота (Архивъ Государ. Совѣта, III, 1 ч.. 104 с. и III, 2 ч., 894—898 с.; П. С. З., XXVIII, № 20,121), [7]) А. Г. С., III, 2 ч., 899—903 стр., П. С. З., XXVII, № 20,64[illegible], [illegible]) А. Г. С., ibidem, 903–904 с., П. С. З., XXVIII, №№ 21,137, 21[illegible]496 и 21,635, [8]XXIX, № 22,065.

остальную землю около города позволено продавать желающимъ [1]). Саратовскимъ солянымъ возчикамъ отведены рыбныя ловли, находящіяся внутри дачъ и прилегающія къ ихъ землямъ; остальныя рыбныя ловли саратовской губерніи на земляхъ гг.. Царицына и Камышина должны были остаться во владѣніи этихъ городовъ. Оброкъ съ ахтубинскихъ рыбныхъ ловель, предоставленныхъ во владѣніе соляныхъ возчикамъ, долженъ былъ уплачиваться въ пользу г. Царицына [2]). Г. Черному новороссійской губерніи возвращено по просьбѣ его жителей прежнее его названіе Григоріополемъ [3]). Наконецъ, относительно волостныхъ и сельскихъ мѣстъ былъ выработанъ Непремѣннымъ Совѣтомъ проэктъ указа о мірскихъ приговорахъ, которые должны были вноситься въ волостныя правленія „*не для ревизіи ихъ*, а единственно для явки и приложенія печати [4])".

Въ заключеніе обзора дѣятельности совѣта по устройству мѣстныхъ учрежденій необходимо упомянуть о мѣрѣ, принятой имъ для устройства *Грузіи*, объ окончательномъ присоединеніи которой къ Россіи зашла рѣчь въ совѣтѣ въ первые же дни царствованія Александра I. Совѣтъ рѣшительно высказался за необходимость присоединенія Грузіи къ Россіи, не смотря на то, что самъ государь „выражалъ отвращеніе принять грузинское царство въ русское подданство, почитая несправедливымъ присвоеніе чужой земли". Совѣтъ основалъ свое рѣшеніе на согласіи всего грузинскаго народа перейти въ русское подданство, „подкрѣпляемомъ почти единодушнымъ отзывомъ особъ царской фамиліи грузинскаго дома", и на соображеніяхъ о томъ, какія выгоды получатъ отъ этого присоединенія обѣ стороны (спасеніе грузинскаго

---

[1]) А. С. Г., ibidem, 904—906 с.; П. С. з., XXVIII, № 21,538, [2]) А. С. С., ibidem, 908—910 с., П. С. з., XXIX, № 22,179 и XXXVI, № 27,775, [3]) А Г. С., III, 1 ч., 105 стр.; П. С. з., XXVII, № 20,133, [4]) А. Г. С., ibidem 165 стр.

края отъ внѣшнихъ нападеній и внутреннихъ усобицъ и безопасность южной, кавказской границы Россіи). Противъ присоединенія Грузіи къ Россіи были только члены совѣта, графы Воронцовъ и Кочубей, которые видѣли въ немъ только „излишнее расширеніе границъ государства, гдѣ такъ много нужно сдѣлать для внутренняго устройства. Охрана Грузіи будетъ стоить Россіи, говорили они, очень дорого, согласіе членовъ грузинскаго царскаго дома сомнительно, какъ и предполагаемое богатство рудниковъ въ Грузіи“ [1]). Для спокойствія присоединенной Грузіи было рѣшено въ совѣтѣ переселить всю царскую ея фамилію внутрь Россіи съ назначеніемъ каждому ея члену опредѣленнаго содержанія отъ казны [2]).

Въ совѣтѣ обсуждались нѣкоторые вопросы по организаціи *государственной службы*,—относительно порядка производства въ чины, наградъ орденами и назначенія пенсій. Совѣтъ замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (рязанской и др.) дворянскіе и оберъ-офицерскіе дѣти приписываются въ канцелярскую службу и представляются къ чинамъ, а на самомъ дѣлѣ не служатъ. Поэтому совѣтъ рѣшилъ „по всей справедливости“ воспретить подобное причисленіе означенныхъ лицъ къ присутственнымъ мѣстамъ безъ дѣйствительной службы [3]). При обсужденіи устройства герольдіи было постановлено, между прочимъ, чтобы именитые граждане не были допускаемы къ дворянскимъ выборамъ, согласно съ дворянской грамотой. Но за то право опредѣлять на секретарскія и другія канцелярскія должности даже до VIII класса предоставлено всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ [4]). Въ томъ же засѣданіи совѣта (19 янв. 1803 г.) было принято за общее правило, чтобы

---

[1]) А. Г. С. III, 2 ч, 1189—1194, 1196—1207 стр.; П. С. З., XXVI, №№ 19,721, 20,007. [2]) А. Г. С., ibidem; П. С. З., XXVII, № 20,386, [3]) А. Г. С., III, 1 ч, 63 с, П. С. З., XXIX, № 22,562, [4]) А. Г. С., ibidem, 65 с., П. С. З., XXVII, № 20;608.

только сенатъ утверждалъ во всѣхъ чинахъ. Поэтому было запрещено, помимо сената, производить въ чины синоду, который дѣлалъ это „безъ всякаго наблюденія правилъ и жаловалъ черезъ чинъ или даже два на такія мѣста, гдѣ и по штатамъ классовъ не положено“ [1]). Совѣтъ утверждаетъ проэктъ генералъ-прокурора о порядкѣ производства въ статскіе чины [2]) и возстанавливаетъ упраздненные въ царствованіе Павла I ордена св. Георгія и князя Владиміра [3]). Вниманіе совѣта привлекла участь отставныхъ чиновниковъ, военныхъ и гражданскихъ, и ихъ семей. Но Непремѣннымъ Совѣтомъ былъ обезпеченъ матеріальный бытъ только отставныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ арміи и флота. Съ этою цѣлью было принято общее правило объ увеличеніи ихъ инвалиднаго содержанія [4]). Для пребыванія увѣчныхъ и раненыхъ въ сраженіи офицеровъ назначены извѣстные города [5]). Совѣтъ также разсуждалъ о призрѣніи отставныхъ, больныхъ и престарѣлыхъ морскихъ чиновъ [6]). Не пришлось только Непремѣнному Совѣту провести положеніе объ опредѣленіи такого же размѣра пенсіи гражданскимъ чиновникамъ, какая была назначена военнымъ. Когда въ 1803 г. была внесена въ совѣтъ записка по этому предмету бывшаго генералъ-прокурора (Беклешова), предложившаго самыя непрактичныя мѣры [7]), совѣтомъ было поручено министрамъ финансовъ,

---

[1]) А. Г. С., ibidem, П. С. З., XXVII, № 20,405, [2]) П. С. З., XXVI, №№ 19,939, 19,961; содержаніе проэкта см. выше, [3]) Мотивомъ возстановленія этихъ орденовъ было „ободреніе истинныхъ достоинствъ, открытіе имъ новыхъ путей къ чести и соревнованію, награды воинскихъ подвиговъ, возвышеніе и умноженіе гражданскихъ заслугъ“ (А. Г. С., III, 1 ч., 65—66 с.; П. С. З., XXVI, № 20,074) [4]) Законъ опредѣлялъ, какъ число лѣтъ, чрезъ которое офицеры, отставные, увѣчные и нижніе воинскіе чины могли получать полную пенсію, такъ и ея размѣръ для уволенныхъ по суду воинскихъ чиновъ, которымъ пенсія давалась „по единому человѣколюбію и чтобы не оставить ихъ безъ призрѣнія“ (А. Г. С., III, 1 ч., 874—876, 878—881 стр.; П. С. З., XXVII, № 20,770, XXIX, № 22,621, [5]) А. Г. С., III, 1, 884 ч., [6]) Ibidem, 881—882 с., [7]) Трощинскій рекомендовалъ именно отвести отставнымъ чиновникамъ земли,

юстиціи и внутреннихъ дѣлъ собрать всѣ нужныя свѣдѣнія по дѣлу [1]). Такая же резолюція послѣдовала въ совѣтѣ по поводу Высочайшаго повелѣнія о томъ, чтобы въ немъ были разработаны правила пенсіоннаго устава, было опредѣлено, что можетъ дать вдовамъ всякихъ чиновниковъ право на полученіе пенсіи или единовременно жалованья мужа, нуженъ ли срокъ для подачи прошенія и проч. [2])

Права отдѣльныхъ *сословій* составляли предметъ особенной заботливости со стороны Непремѣннаго Совѣта, въ которомъ были выработаны многія важныя узаконенія о личныхъ и имущественныхъ правахъ каждаго изъ сословій, начиная съ *дворянства*. Совѣтъ высоко ставилъ званіе дворянина и поэтому строго относился къ условіямъ пріобрѣтенія этого перваго сословія въ русскомъ государствѣ [3]). Взглядъ совѣта на этотъ вопросъ хорошо виденъ изъ дѣла графа Разумовскаго, просившаго о присвоеніи дворянскаго достоинства его воспитанникамъ, Перовскимъ. Ихъ положеніе графъ думалъ потомъ устроить, „не отъемля ничего отъ законныхъ своихъ дѣтей“. Разумовскій обѣщалъ сдѣлать разныя пожертвованія на пользу народнаго просвѣщенія въ случаѣ удовлетворенія его просьбы, но отказался отъ своего обѣщанія, когда совѣтъ не согласился дать дворянство матери Перовскихъ вмѣстѣ съ дѣтьми Разумовскаго. На совпаденіе съ этимъ рѣшеніемъ совѣта отказа Разумовскаго отъ пожертвованій рѣзко указалъ въ его засѣданіи графъ Н. П. Румянцевъ, который въ своемъ мнѣніи подчеркнулъ корыстный мотивъ предполагаемыхъ жертвъ Разумовскаго на пользу просвѣщенія

количество которыхъ не было опредѣлено въ запискѣ, и выдавать чиновникамъ пособіе изъ капитала въ 400 т. р., который долженъ былъ составиться изъ взысканій съ земель, розданныхъ по рескриптамъ.

[1]—[2]) А. Г. С., III, 1 ч., 175—177 и 182–183 стр., [3]) „Дворянство должно пріобрѣтаться, замѣтилъ графъ Воронцовъ при обсужденіи дѣла о непродажѣ людей безъ земли, не богатствомъ, а прямыми заслугами, оказанными отечеству“ (А. Г. С., III, 2 ч., 780 с.).

и рѣшительно возсталъ противъ дарованія правъ дворянства Перовскимъ [1]), которые ихъ и не получили [2]). Того же вопроса о пріобрѣтеніи дворянскаго званія пришлось коснуться совѣту, когда въ него было подано прошеніе однодворцевъ Самойловыхъ о возведеніи ихъ въ дворянское достоинство. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣту было объявлено Высочайшее повелѣніе, чтобы онъ занялся обсужденіемъ вообще вопроса о правахъ на дворянское званіе всѣхъ однодворцевъ, которымъ въ царствованіе Павла I было Высочайше повелѣно оставаться въ этомъ состояніи [3]). Совѣтъ, опираясь на дворянскую грамоту, высказался за предоставленіе права однодворцамъ хлопотать о дворянствѣ, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы права эти были основаны на ясныхъ и неоспоримыхъ доказательствахъ и чтобы въ дворянское сословіе не были допускаемы люди, потерявшіе дворянство за вину и отбывательство отъ службы [4]). Совѣтъ возвратился къ тому же вопросу о пріобрѣтеніи дворянства однодворцами еще разъ при разсмотрѣніи такой же просьбы откупщика Бородина, получившаго чинъ коллежскаго ассесора за пожертвованія въ пользу государства. Это дѣло возбудило оживленныя пренія въ совѣтѣ и изъ среды его раздались голоса противъ „безпредѣльнаго умноженія дворянства, которое въ многочисленности своихъ членовъ теряетъ свою силу“. Графъ Н. П. Румянцевъ, высказавшій это мнѣніе вмѣстѣ съ графомъ Каменскимъ, представляетъ и всѣ вредныя послѣдствія

---

[1]) „Ежели совѣтъ, которому теперь стало извѣстно, что въ подвигѣ графа Разумовскаго нѣтъ безкорыстной жертвы отечеству, будетъ домогаться у монарха въ пользу женщины порочной по гражданскому закону и слабой по общежитію, какой примѣръ, замѣчаетъ Румянцевъ, укоренится въ сердцахъ молодости, когда силою избытка пороки въ благовидное достоинство властью правительства облекаемы будутъ“, [2]) А. Г. С., III, 1 ч., 659—662 с., [3]) П. С. З., XXV, №№ 18,628 и 18,842, [4]) А. Г. С., ibidem, 662–666 стр.; П. С. З., XXVIII, № 21,560.

дарованія однодворцамъ дворянскаго званія [1]). Но противъ взгляда этихъ членовъ совѣта возразилъ князь Куракинъ, который не видѣлъ нужды въ принятіи, рекомендуемыхъ Румянцевымъ и Каменскимъ, общихъ мѣръ противъ ожидаемаго ими увеличенія числа дворянъ и думалъ, что для предупрежденія злоупотребленій въ подобныхъ случаяхъ совершенно достаточно существующихъ законовъ объ условіяхъ пріобрѣтенія дворянства. Совѣтъ согласился съ этимъ взглядомъ князя Куракина, чуждымъ всякихъ сословныхъ тенденцій, и послѣ обстоятельнаго разбора всѣхъ основаній, по которымъ могло быть даровано Бородину дворянство, примкнулъ къ мнѣнію сената, что Бородинъ имѣетъ неотъемлемое право на возвращеніе ему дворянскаго достоинства, потеряннаго дѣдомъ просителя только „по его малолѣтству и крайней бѣдности“ [2]).

Совѣтъ стремился къ болѣе точному опредѣленію и, отчасти, расширенію сословныхъ правъ дворянства, какъ это можно видѣть изъ разсматривавшагося въ немъ вопроса о добровольныхъ дворянскихъ складкахъ. Мы уже знакомы съ тѣмъ взглядомъ, какой совѣтъ высказалъ относительно понятія дворянскихъ складокъ. Это понятіе совѣта, однако, не раздѣлялось однимъ изъ его членовъ, графомъ Н. П. Румянцевымъ, который предлагалъ подвести подъ дворянскія склад-

---

[1]) Н. П. Румянцевъ, измѣнившій на этотъ разъ своему обычному безпристрастію, думаетъ, что отъ возведенія всѣхъ однодворцевъ въ дворянство правительство будетъ не въ силахъ удовлетворить всѣмъ ихъ просьбамъ о мѣстахъ на службѣ. Издержками въ новомъ своемъ званіи они разорятъ себя и своихъ людей, а главное „сословіе государства, поставляющее всю славу свою въ защитѣ отечества во время брани и въ понесеніи труда на службѣ гражданской, увеличится пришельцами безъ заслугъ, воспитанія и того возвышеннаго духа, который жизнь, на пользу отечества полагаемую, обращаетъ на радостную жертву“ (А. Г. С., III, 1 ч., 671 с.), [2]) Ibidem, 666—676 стр.; къ тому же вопросу объ условіяхъ пріобрѣтенія дворянства относится извѣстный намъ законъ, составленный совѣтомъ, о крестьянкѣ—дворянкѣ, снова вышедшей замужъ за крестьянина (П. С. З., XXIX, № 22, 726 с.).

ки еще замѣну дворянствомъ натуральной земской повинности денежною. Румянцевъ настаивалъ также на томъ, чтобы мелкопомѣстные дворяне были отстранены въ интересахъ общегосударственныхъ (земледѣльческихъ) и всего дворянскаго сословія отъ подачи голосовъ при составленіи добровольныхъ складокъ [1]): они могли пользоваться правомъ одного голоса только при сліяніи ихъ въ пятисотенные участки. Румянцевъ приложилъ къ своему мнѣнію проэктъ правилъ о добровольныхъ дворянскихъ складкахъ, сообразный съ высказанными имъ соображеніями по этому предмету. Другаго совсѣмъ мнѣнія о дворянскихъ складкахъ былъ братъ министра коммерціи, графъ С. П. Румянцевъ, который находилъ излишнимъ самый вопросъ о нихъ, достаточно разрѣшающійся законами (учрежденіемъ о губерніяхъ, дворянской грамотой и др.) [2]). Поэтому можно, по его мнѣнію, для разъясненія сомнѣній сдѣлать лишь нѣкоторыя дополненія по этому предмету, согласно съ дворянской грамотой и безъ нарушенія свободы каждаго дворянина участвовать въ складкахъ по мѣрѣ силъ. Большинство членовъ совѣта согласилось съ братьями Румянцевыми только въ томъ, что дворянскія складки не должны быть вынужденными и составило, сообразно съ своимъ понятіемъ добровольныхъ дворянскихъ складокъ, правила о порядкѣ созванія дворянскихъ собраній для этой цѣли гу-

---

[1]) П. И. Румянцевъ надѣется, что эта мѣра удержитъ на мѣстахъ мелкихъ дворянъ, которые поэтому „болѣе проникнутъ въ нужды, произведенія и отношенія своего края. Земля обогатилась бы хозяевами, а хозяева обогатили бы государство и тогда дворяне явились бы безъ примѣси въ истинномъ своемъ образѣ“, [2]) Возникновеніе всего этого дѣла С. П. Румянцевъ приписываетъ тому, что „мѣстное начальство прельщалось наградами и отличіями. Дворянское же сословіе искало особыхъ для себя заведеній и почитало по части училищной неприличнымъ быть смѣшану съ прочими сост яніями. Но къ утѣшенію раздраженнаго чванства можно было бы, замѣчаетъ иронически С. П. Румянцевъ, на подобіе соблюдаемаго въ иностранныхъ университетахъ назначить въ классахъ отличныя для благородныхъ лавки; симъ однимъ довольствуется въ нѣмецкой землѣ и тотъ даже баронъ, который степенямъ своей родословной и счетъ уже потерялъ“.

бернскимъ предводителемъ дворянства и способъ рѣшенія въ нихъ дѣлъ. Эти правила вошли въ законъ о добровольныхъ дворянскихъ складкахъ [1]). Когда въ совѣтъ поступило прошеніе князя Голицына о дозволеніи ему открыть въ Москвѣ лавку для продажи суконъ, дѣлаемыхъ на его фабрикѣ, въ совѣтѣ сначала склонились на сторону мнѣнія графа С. П Румянцева, который заявилъ, что „дворянскія преимущества въ Россіи довольно уже распространены“ и что поэтому нѣтъ нужды „пріумножать оныя на счетъ другихъ состояній“. Поэтому совѣтъ рѣшилъ отказать въ просьбѣ Голицыну, какъ лицу, незаписанному въ гильдію. Но затѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ (князь Куракинъ) указалъ на тѣ выгоды, которыя могутъ оказаться для внутренней промышленности отъ предоставленія всѣмъ дворянамъ права торговли, и предложилъ совѣту присвоить дворянству полное право записываться въ гильдіи и нести всѣ повинности купечества, исключая городской службы, невозможной для дворянъ. Совѣтъ принялъ это предложеніе князя Куракина, согласно съ которымъ и былъ изданъ законъ о правѣ дворянъ вести торговлю наравнѣ съ купечествомъ [2]).

Совѣтъ держался тѣхъ же взглядовъ относительно условій пріобрѣтенія и сохраненія дворянства и по отношенію къ некоренным русскимъ дворянамъ польскихъ и остзейскихъ губерній. Такъ совѣтъ оставилъ въ дворянскомъ званіи чиншевую шляхту, доказавшую свои права на него, предоставилъ доказывать въ извѣстный срокъ свое дворянство шляхтѣ, записанной въ окладъ, составилъ правила объ устройствѣ чиншевой шляхты, доказавшей свое дворянство, и опредѣлилъ, согласно съ мнѣніемъ военнаго министра, графа Аракчеева и генерала Философова, обратить въ военную службу

---

[1]) А. Г. С, III, 1 ч., 681—694 с.; П. С. З., XXVIII, № 21,737, VI статья,
[2]) А. Г. С., ibidem, 693–696 стр.; П. С. З., XXIX, № 22,418.

шляхту, незаписанную въ окладѣ [1]). Гораздо больше времени совѣтъ употребилъ на разсмотрѣніе нѣсколькихъ дѣлъ, въ которыхъ нужно было опредѣлить права польскихъ дворянъ на ленныя и эмфитеутичныя имѣнія въ краю. Всѣ эти дѣла (графовъ Роникеровъ, волынскаго дворянства и принца Нассау) поступили въ совѣтъ уже послѣ того, какъ онъ истолковалъ (въ іюнѣ 1803 г.) законъ 1798 г. о правахъ владѣльцевъ всѣхъ такого рода имѣній [2]). При разборѣ прошеній объ утвержденіи эмфитеутичныхъ правъ (въ 1803—1805 г.) нѣкоторые члены совѣта (графъ Завадовскій, Румянцевъ и др.), высказались (по дѣлу Роникеровъ) за отказъ въ просьбахъ, основываясь на указахъ 1798 и 1803 гг., въ силу которыхъ эмфитеутичныя права на имѣнія, еще небывшія во владѣніи, признаны недѣйствительными. Другіе же члены совѣта (графъ Кочубей, князь Куракинъ, графъ Зубовъ и др.) полагали, что нельзя отвергнуть права такихъ владѣльцевъ въ силу манифеста 1795 г., торжественно удостовѣрившаго твердость всѣхъ владѣній, независимо отъ ихъ названій, въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ. Отмѣна эмфитеутичныхъ правъ должна породить, по мнѣнію этихъ членовъ совѣта, еще безчисленныя затрудненія отъ безпрерывныхъ ихъ переходовъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Въ дѣлѣ волынскаго дворянства и принца Нассау совѣтъ выразилъ взглядъ, что необходимо оставить въ своей силѣ указы 1798 и 1803 г., отступленіе отъ которыхъ зависитъ отъ Высочайшей воли. Но противъ этого рѣшенія совѣта князь Чарторыйскій представилъ особое мнѣніе, гдѣ онъ согласился съ совѣтомъ, чтобы во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ примѣнялись указы 1798 и 1803 г.; только при этомъ ихъ примѣненіи прошенія должны удовлетворяться „не изъ единаго лишь снисхожденія, а по самой справедливости“: лица, вла-

---

[1]) А. Г. С., ibidem, 743—754 с.; П. С. З., XXX, № 22,873, [2]) См. выше.

дѣвшія эмфитеутичными имѣніями, распоряжались ими, какъ своею собственностью, и вслѣдствіе уничтоженія ихъ правъ придутъ въ разореніе. По мнѣнію Чарторыйскаго, указы 1798 и 1803 г. не касаются эмфитеутичнаго права, которымъ можно пользоваться только по особенному Высочайшему повелѣнію; владѣтели же ленныхъ имѣній по наслѣдству или пріобрѣтенію отъ другихъ лицъ не могли нарушить Высочайшихъ повелѣній, такъ какъ они пользовались своими правами еще во время польской республики. Чтобы привести „въ надлежащую извѣстность“ всѣ имѣнія этого рода, Чарторыйскій предложилъ образовать особую коммиссію [1]). Въ эту коммиссію, учрежденную по Высочайшему повелѣнію, взошли въ качествѣ членовъ, кромѣ князя Чарторыйскаго, еще министры финансовъ и народнаго просвѣщенія. Докладъ коммиссіи, высказавшейся за признанія достовѣрности правъ эмфитеутичныхъ владѣльцевъ, былъ утвержденъ государемъ въ 1807 г. [2]).

Въ одно время съ обсужденіемъ дѣлъ о правахъ польскихъ дворянъ на имѣнія, пожалованныя имъ на ленномъ правѣ, разсматривалось въ совѣтѣ нѣсколько однородныхъ, но только болѣе запутанныхъ и сложныхъ дѣлъ о старостинскихъ имѣніяхъ. Этого рода имѣнія принадлежали къ числу государственныхъ имѣній, розданныхъ также, какъ и ленныя имѣнія, польскими королями разныхъ особамъ и чинамъ въ пожизненное владѣніе [3]). Дѣла о староствахъ представляли собою ту особенность, что здѣсь приходилось опредѣлять не только законность имущественныхъ правъ дворянъ-помѣщиковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ затрогивался еще вопросъ о личныхъ и имущественныхъ правахъ жителей старостин-

---

[1]) А. Г. С., III, 1 ч., 561—572 с., [2]) П. С. З., XXIX, № 22,517, [3]) Внесеніе въ совѣтъ одного изъ дѣлъ о старост. имѣніяхъ было, какъ мы видѣли, поводомъ для возбужденія общаго вопроса о правахъ польскихъ помѣщиковъ на имѣнія, пожалованныя имъ отъ короны.

скихъ имѣній—городовъ и селеній. При рѣшеніи всѣхъ дѣлъ объ этихъ имѣніяхъ совѣтъ наблюдалъ за тѣмъ, прежде всего, чтобы были удовлетворены общегосударственные интересы [1]), и потомъ признавалъ права дворянъ-помѣщиковъ, если они были основаны на законныхъ данныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ограждалъ и права другихъ сословій (мѣщанъ и крестьянъ), заинтересованныхъ въ дѣлѣ [2]). Мы уже видѣли, что совѣтъ одинаково призналъ законныя права курляндскаго и лифлянскаго дворянства на спокойное владѣніе мызами, пожалованными имъ на общественныя нужды [3]). Иначе совѣтъ отнесся къ прошенію курляндскихъ и пильтенскихъ дворянъ о подтвержденіи нѣкоторыхъ изъ древнихъ ихъ правъ, въ

[1]) Таково было дѣло о мѣщанахъ г. Баръ, Подольской губерніи, жаловавшихся на присвоеніе городскихъ земель собственникомъ барскаго староства Вислоцкимъ и отягощеніе имъ жителей г. Баръ непомѣрными налогами. Совѣтъ, согласно съ рѣшеніемъ сената, призналъ за жителями г. Баръ личную свободу, но въ тоже время опредѣлилъ отдать всѣ городскія земли помѣщику, который имѣлъ право владѣть ими безъ всякихъ ограниченій въ пользу мѣщанъ г. Баръ. Но противъ этого рѣшенія совѣта выступилъ графъ Завадовскій, который находилъ страннымъ, чтобы вольный г. Баръ, существовавшій болѣе 200 лѣтъ съ королевскими привиллегіями и магдебургскимъ правомъ и никогда неотданный кому-либо въ собственность, былъ теперь присужденъ въ частное владѣніе. Мнѣніе графа Завадовскаго, съ которымъ согласились графъ С. П. Румянцевъ и малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Куракинъ, было утверждено государемъ (А. Г. С., III, 1 ч., 573—580 стр.). [2]) Въ дѣлѣ о земляхъ г. Острога волынской губерніи совѣтъ призналъ право на нихъ помѣщика князя Яблоновскаго, но жители города признаны свободными и на ихъ волю предоставлялось войти въ соглашеніе съ помѣщикомъ объ условіяхъ владѣнія его землями или же переселиться въ другія мѣста (А. Г. С., III, 1 ч., 591—593 стр.). Также было рѣшено дѣло о земляхъ г. Богуслава, Кіевской губерніи, принадлежащихъ графу Браницкому, между тѣмъ какъ мѣщане этого города были обязаны уплатой податей и отправленія установленныхъ повинностей въ пользу помѣщика за право владѣнія его землями (ibidem, 575—600 с.). Признано было еще право помѣщика Малаховскаго на владѣніе имѣніемъ „Войски“, выкупленнымъ имъ изъ заклада у ксендзовъ (589—590 с.). Но право графа Валицкаго на староство Гаенское, пожалованное его предку на ленномъ правѣ, было отвергнуто совѣтомъ на томъ основаніи, что это имѣніе въ теченіе 230 лѣтъ не было въ дѣйствительномъ владѣніи рода Валицкихъ (580—589 с.). Точно также совѣтъ не призналъ правъ владѣтеля мѣстечка Уланова, графа Илинскаго на мѣщанъ этого мѣстечка, которыхъ онъ добивался превратить въ крѣпостныхъ крестьянъ (593—597 с.), [2]) А. Г. С., III, 1, 706—712 с.; П. С. З., XXXI, № 24,072; см. выше.

отмѣнѣ которыхъ они видѣли стѣсненіе для себя. Всѣ эти права были подвергнуты совѣтомъ тщательному разбору, слѣдствіемъ котораго былъ отказъ остзейскому дворянству во всѣхъ его притязаніяхъ [1]). Совѣтъ отклонилъ также неправильныя и незаконныя ходатайства нѣсколькихъ польскихъ дворянъ о возстановленіи ихъ имущественныхъ правъ [2]).

Чувство справедливости, гуманности и уваженіе къ праву руководили совѣтомъ также при обсужденіи и одобреніи новыхъ законовъ, которыми опредѣлялись права *духовенства*, православнаго—и другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Такъ священники и дьяконы православнаго вѣроисповѣданія были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія, чтобы „предохранить народныя мысли отъ презрѣнія священнаго сана и самихъ священнослужителей чувствомъ преимущества отъ подлости, къ различнымъ преступленіямъ ведущей“ [3]). По тѣмъ же соображеніямъ были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія жены священнослужителей. За легкія кражи ниже 100 р.,—вины такихъ преступницъ должны были отвѣчать ихъ мужья, которые уплачивали стоимость украденнаго вдвое подъ угрозой отсылки преступныхъ ихъ женъ

---

[1]) Совѣтъ именно отказалъ остзейскому дворянству въ томъ, чтобы оно только арендовало мѣстныя имѣнія: всѣ права русскаго дворянства предоставлены также, было замѣчено въ совѣтѣ, курляндскому и пильтенскому дворянству. Послѣднему не позволена вольная вербовка рекрутъ, которая могла повести къ бѣгству извнутри Россіи разныхъ лицъ и къ нескончаемымъ жалобамъ. Наконецъ, остзейское дворянство не было освобождено отъ уплаты $^1/_5$ части процента дохода съ мызъ, отданныхъ въ содержаніе по контрактамъ 1797 г., такъ какъ эта прибавка наложена на все государство (А. Г. С., III, 1 ч., 697—712 с.), [2]) Такъ совѣтъ отказалъ польскому сенатору Шидловскому въ дозволеніи взнести оцѣночный капиталъ за іезуитское имѣніе Супрунковцы, за которое ихъ владѣтель не могъ взносить полной суммы. Не была возвращена совѣтомъ графу Хрептовичу подать суперата, установленная польской конституціей 1789 г. съ іезуитскихъ имѣній, за которыя владѣльцы ихъ взнесли полную оцѣночную сумму: имѣніе Хрептовича было пріобрѣтено имъ ранѣе постановленій гродненскаго сейма 1793 г. о запрещеніи взносить эту сумму за іезуитскія имѣнія и уничтоженія суператы (А. Г. С., 600–606 с.), [3]) А. Г. С., ibidem, 711—712 с.; П. С. З., XXVI, № 19,885.

въ рабочіе дома; за кражи же свыше 100 р. и другія важныя преступленія опредѣлено ссылать ихъ на поселеніе безъ наказанія. Всѣ эти права женъ священнослужителей сохраняются за ними только въ вдовствѣ, но не въ разводѣ или второмъ замужествѣ [1]). Церковникамъ, достигнувшимъ 15 лѣтъ и необучавшимся въ семинаріяхъ и безъ опредѣленныхъ мѣстъ, было предоставлено право избранія рода жизни или состоянія [2]). На томъ же принципѣ уваженія къ законнымъ правамъ было основано, разсмотрѣнное и одобренное совѣтомъ, положеніе о правахъ армянской церкви на дома, построенныя при ней и предназначенныя въ ея собственность, управленіе доходами этой церкви и уравненіе ея съ другими христіанскими церквами относительно привиллегій и льготъ отъ полицейскихъ повинностей [3]). Но совѣтъ принялъ отказъ вдовы дѣйств. стат. совѣтника Лазарева отъ правъ, предоставленныхъ ей отъ мужа на владѣніе домами армянской церкви, только лично отъ нея и ея дѣтей: этотъ отказъ не могъ быть обязательнымъ для наслѣдниковъ двухъ послѣдующихъ поколѣній, на волю которыхъ было оставлено слѣдовать распоряженіямъ учредителя или нѣтъ [4]). Наконецъ, совѣтъ назначилъ необходимый доходъ изъ казны армянскому католикосу, лишившемуся извѣстной суммы изъ своего содержанія съ отмѣной въ Грузіи внутреннихъ пошлинъ, $^1/_3$ часть которыхъ собиралась въ его пользу [5]).

Намъ уже приходилось касаться мимоходомъ вопроса о различныхъ правахъ, которыми совѣтъ находилъ нужнымъ по тому или другому поводу надѣлять *купеческое и мѣщанское сословіе* или же, наоборотъ, лишать его извѣстной части правъ [6]).

---

[1]) А. Г. С., ibidem, 715—718 с.; П. С. З., XXX, № 23,027, [2]) А. Г. С. 713—714 с.; П. С. З., XXVII, № 20,817, [3]—[4]) А. Г. С., III, 1 ч., 721—723 с.; П. С. З., XXVIII, № 21,406, [5]) А. Г. С., ibidem, 723—724 с.; [6]) Предложеніе совѣта о распространеніи права покупки земель на купцовъ вмѣстѣ съ мѣщанами и крестьянами было, какъ мы знаемъ, утверждено государемъ, уважив-

Совѣтъ вообще наблюдалъ за тѣмъ, чтобы сохранялся порядокъ, установленный для полученія права торговли. Поэтому былъ отклоненъ, представленный въ совѣтъ, проэктъ татарина Шахмуратова о дозволеніи татарамъ, живущимъ въ селеніяхъ, вести торговлю съ уплатой пошлинъ за паспорты, которыя соотвѣтствовали бы гильдейскимъ: въ подобномъ дозволеніи совѣтъ видѣлъ соблазнъ для всѣхъ крестьянъ, которые захотятъ также воспользоваться такимъ переходомъ въ купечество, чтобы оставить обработку земли и освободиться отъ отправленія рекрутской повинности [1]). Совѣтъ особенно озабочиваетъ положеніе фабрикантовъ купцовъ и мѣщанъ, живущихъ на казенныхъ земляхъ въ селахъ казанской и пермской губерніи. Рѣшено было постановить вообще, чтобы такого рода купцы и мѣщане не были принуждены къ переселенію въ города, имъ отведено по 15 десятинъ на душу съ условіемъ исправной уплаты всѣхъ податей и отбыванія всѣхъ повинностей, исключая рекрутской, по обоимъ состояніямъ, купеческому или мѣщанскому и крестьянскому по владѣнію казенными землями, которыя не могли быть приписаны къ заводамъ, построеннымъ на этихъ земляхъ. Купцы должны были платить по раскладкѣ деньги за освобожденіе отъ рекрутской повинности, а мѣщане — приписываться къ тому городу, гдѣ они состоятъ въ окладѣ, или селеніи, гдѣ они живутъ [2]). Совѣтъ также надѣляетъ разными привиллегіями жителей городовъ, если находитъ для этого достаточныя основанія. Такъ жителямъ заштатнаго г. Кадома были присуждены земли, которыя отошли отъ него въ казенное вѣдомство. Совѣтъ отвергъ предложеніе министра внутшимъ мнѣніе совѣта, не смотря на нѣкоторыя возраженія ему со стороны самого императора. Но совѣтъ былъ противъ того, чтобы всѣ купцы, получившіе чинъ коллежскаго ассесора, пріобрѣтали права потомственнаго дворянства.

[1]) А. Г. С., ibidem, 725—726 стр., [2]) Архивъ Государственнаго Совѣта, III, 1 ч., 726—739 с.; П. С. З., XXVIII, № 21,479.

треннихъ дѣлъ отрѣзать на этихъ земляхъ въ казну весь строевой лѣсъ, годный для постройки кораблей, и всѣ сѣнокосныя поляны, на которыхъ сѣно не косится и скотъ не пасется. Было рѣшено только сохранить въ цѣлости весь такой лѣсъ на земляхъ г. Кадома [1]). Въ двухъ случаяхъ совѣтъ одинаково согласился отмежевать городамъ изъ казенныхъ земель участки, необходимые для выгона и пастьбы скота: главный промыселъ жителей этихъ городовъ—Хвалынска, саратовской губерніи и Мезени, архангельской [2]),—составляло скотоводство. Купцы и мѣщане упраздненнаго г. Рожествена петербургской губерніи получили право остаться на занимаемыхъ ими земляхъ или же переселиться въ ближайшіе города (Гатчино и Софію). Кромѣ того, имъ была отведена по пропорціи душъ выгонная земля въ одномъ мѣстѣ въ предупрежденіе всякихъ споровъ и жалобъ вслѣдствіе чрезполоснаго владѣнія между ними и крестьянами [3]). Наконецъ, совѣтъ одобрилъ мѣры, предложенныя рижскимъ военнымъ губернаторомъ относительно выходцевъ, приписавшихся подъ именемъ вольныхъ людей въ остзейскихъ губерніяхъ къ городамъ и уѣздамъ, которые должны платить за нихъ подати. Всѣхъ ихъ велѣно переписать въ годичный срокъ и всѣмъ такого рода людямъ позволено приписываться къ городамъ только при условіи представленій поручительства въ платежѣ податей. Казеннымъ палатамъ предписано выдавать всѣмъ прописаннымъ паспорты, если только они не представятъ увольненія отъ общества или магистрата, причемъ плакаты должны печататься въ отвращеніе укрывательства на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ [4]).

---

[1]) А. Г. С., III, 1 ч., 731—733 стр., [2]) Это рѣшеніе совѣта относительно выгонной земли г. Мезени (въ 1808 г.) подтвердило указъ, послѣдовавшій въ концѣ 1807 г. (П. С. З., XXIX, № 22,649), [3]) А. Г. С., ibidem. 733—739 с.; П. С. З., XXX, № 22,737, [4]) А. Г. С., ibidem, 730—731 с.; П. С. З., XXVIII, № 21,850. О мѣрахъ, принятыхъ совѣтомъ по обезпеченію правъ мѣщанамъ, см. выше.

Одною изъ первыхъ заботъ императора Александра I при его восшествіи на престолъ было облегченіе участи помѣщичьихъ, крѣпостныхъ *крестьянъ*, стремленіе къ которому вытекало изъ всего либеральнаго образа мыслей государя и его ближайшихъ сотрудниковъ-членовъ неоффиціальнаго комитета. Крестьянскій вопросъ сдѣлался въ его засѣданіяхъ предметомъ самыхъ оживленныхъ дебатовъ, въ теченіе которыхъ возникла мысль о непродажѣ крѣпостныхъ людей безъ земли, отмѣнѣ этого „варварскаго обычая“ [1]). Одновременно тѣмъ же вопросомъ былъ занятъ, по порученію государя, и Непремѣнный Совѣтъ, въ который это важное дѣло поступило въ одно изъ первыхъ засѣданій по его образованіи. Совѣтъ, однако, выказалъ нѣкоторую боязнь относительно послѣдствій этого закона и думалъ повременить пока его изданіемъ: совѣтъ именно опасался, чтобы крестьяне не приняли его за уменьшеніе или совершенное уничтоженіе помѣщичьихъ правъ и не возмечтали. что оттого они стали вольными [2]). Согласно съ мнѣніемъ графа Строганова, высказаннымъ имъ и въ засѣданіи неоффиціальнаго комитета, совѣтъ не допускаетъ мысли о какомъ-либо протестѣ противъ предполагаемаго закона со стороны русскаго дворянства, которое, по словамъ совѣта, „довольно просвѣщенно, чтобы установленіе сіе признать справедливымъ и принять его съ благодарностью“ [3]). Только естественно предположить, добавля-

---

[1]) Богдановичъ, I, прил. 49—50 и 55—56 стр., [2]) „Простой народъ, всегда жаждущій свободы и по неразумѣнію часто самый малѣйшій поводъ къ ней принимая за законы, неоднократно, замѣчаетъ совѣтъ, и по меньшимъ причинамъ, а особливо въ началѣ царствованія, когда слухъ о новыхъ учрежденіяхъ располагаетъ его къ надеждамъ и, возбуждая любопытство, заставляетъ его во всѣхъ новыхъ установленіяхъ искать событія его желаній, выходилъ изъ повиновенія“. Неоффиціальный комитетъ также, какъ и совѣтъ, считалъ вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ „весьма щекотливымъ“ и ожидалъ, что участіе въ обсужденіи его Непремѣннаго Совѣта сниметъ съ комитета всякіе упреки въ вліяніи его на государя въ этомъ случаѣ, [2]) Графъ Строгановъ объяснялъ невозможность протеста со стороны дворянства нѣсколько иначе, далеко не лестнымъ

етъ совѣтъ, что въ дворянахъ „вселится страхъ“ отъ мысли о возможныхъ волненіяхъ среди крестьянъ, которые уже не будутъ имъ повиноваться [1]). Поэтому совѣтъ предлагалъ законъ о непродажѣ людей безъ земли издать тогда, когда „умы, возбужденные теперь ожиданіемъ новыхъ реформъ, успокоятся“, или же, по крайней мѣрѣ ввести новый законъ въ рядъ общихъ предполагаемыхъ законовъ объ имѣніяхъ помѣщичьихъ. Въ случаѣ же, если государь рѣшитъ, не обращая вниманія на всѣ эти соображенія, осуществить законъ о непродажѣ людей безъ земли, не слѣдуетъ, по мнѣнію совѣта, входить при его изданіи въ подробное разъясненіе мотивовъ закона. При чемъ онъ признавалъ нужнымъ исключить изъ общаго запрещенія о непродажѣ людей безъ земли случаи ихъ необходимой продажи для перевода крестьянъ на другія земли въ виду ихъ заселенія. Мнѣніе совѣта вызвало возраженія со стороны генералъ-прокурора, Беклешова, который не предвидѣлъ никакихъ опасныхъ послѣдствій отъ немедленнаго его введенія и нѣсколько разъ настаивалъ на этомъ своемъ предложеніи [2]).

образомъ для соціально-политическихъ взглядовъ массы русскаго дворянства эпохи Александра I го. Большинство его состоитъ, по словамъ Строганова, изъ людей „невѣжественныхъ, ничтожныхъ и тупыхъ, неспособныхъ ни къ самомалѣйшему сопротивленію мѣропріятіямъ правительства“. Строгановъ укоряетъ дворянъ въ равнодушіи къ общему благу и неумѣньи служить даже собственнымъ интересамъ, выгодамъ и чести сословія, такъ безпощадно оскорбляемымъ въ царствованіе Павла I (Богдановичъ, I, прил., 51—52 с.).

[1]) Эти опасенія совѣта за безопасность помѣщиковъ, которые боялись потерять вліяніе среди своихъ крѣпостныхъ людей съ изданіемъ новаго закона, нѣсколько напоминаютъ подобную же тревогу среди нѣкоторой части печати и русскаго общества предъ освобожденіемъ крестьянъ въ 1861 г., [2]) Въ протоколахъ засѣданій Непремѣннаго Совѣта сохранились двѣ записки, принадлежащихъ неизвѣстнымъ авторамъ. Изъ нихъ видно, что въ средѣ совѣта были представители самыхъ противоположныхъ взглядовъ на новый законопроэктъ. Авторъ одной записки, какъ видно, изъ либеральнаго лагеря: непродажа людей безъ земли въ его глазахъ—необходимая мѣра для охраны крѣпостныхъ людей отъ „злоупотребленій надъ ними власти господской, не только противныхъ человѣчеству, но и общей пользѣ“. Авторъ настаиваетъ на томъ, чтобы была положена „преграда безразсудному корыстолюбію, прихоти и даже порокамъ частныхъ

Но и самъ государь, видимо колебался, послѣдовать ли совѣту нѣкоторыхъ изъ окружающихъ объ изданіи закона, не обращая вниманія на разные толки о немъ, или же подождать съ этимъ дѣломъ до благопріятнаго времени: въ протоколахъ засѣданій совѣта въ 1801 г. по обсужденію вопроса о непродажѣ людей безъ земли находится цѣлыхъ четыре проэкта указа съ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ и въ краткой и обширной редакціи. Въ первомъ изъ нихъ, между прочимъ, приведены въ началѣ мотивы новаго закона: здѣсь сказано, что „среди всѣдневныхъ примѣровъ просвѣщенія, добронравія и любви къ человѣчеству, коими всѣ состоянія, а наипаче дворянство россійское въ вѣкѣ нашемъ отличается, несовмѣстно и уничижительно видѣть остатокъ грубости, невѣжества временъ протекшихъ въ укоренившемся обычаѣ цѣною злата опредѣлять судьбу человѣка и въ укоризну разума и нравовъ производить куплю себѣ подобныхъ“. По словамъ указа, „продажа крестьянъ безъ земли нигдѣ законами не утверждена и обычай сей, допущенный единой неопредѣлительностью ихъ и злоупотребленіемъ многихъ лѣтъ, столь же оскорбителенъ для человѣчества, колико противенъ и всѣмъ государственнымъ причинамъ“. Въ послѣднемъ же (4-мъ)

лицъ“. Онъ возмущенъ тѣмъ, что „донынѣ съ людьми, какъ съ вещественною собственностью, поступается и ими торгъ и продажа даже публично производится“. Затѣмъ онъ указываетъ на вредъ отъ безграничнаго перевода людей и высказываетъ убѣжденіе въ необходимости опредѣлить положеніе крестьянъ и дворовыхъ людей закономъ о непродажѣ людей безъ земли. Совершенно другаго мнѣнія объ этомъ законѣ авторъ другой записки, который видитъ только одинъ вредъ отъ него, особенно для дворянъ-помѣщиковъ, власть которыхъ уменьшится, повиновеніе имъ крестьянъ поколеблется. Помѣщики не могутъ тогда продажей своихъ дворовыхъ людей погашать свои долги или избавляться отъ негодныхъ слугъ. Авторъ даже ждетъ, что отъ запрещенія продажи людей безъ земли „остановятся успѣхи въ мастерствахъ и художествахъ, такъ какъ художники и ремесленники изъ людей у бѣдныхъ помѣщиковъ не могутъ быть проданы богатымъ, которые могли бы дать имъ способы достичь совершенства въ художествѣ или ремеслѣ“. Авторъ жалѣетъ и крестьянъ, которые не будутъ имѣть возможности нанимать рекрутъ и „оттого лишатся благополучія провести съ своими дѣтьми свой вѣкъ“.

законопроэктѣ новый законъ представленъ только развитіемъ уже существовавшихъ на этотъ предметъ узаконеній [1]).

Вопросъ о непродажѣ людей безъ земли снова возникъ въ совѣтѣ въ 1802 г. при обсужденіи прошенія крестьянъ торопецкаго помѣщика Калетина, жалующихся на укрѣпленіе петербургскому купцу Бородину. Возобновленіе по поводу этого дѣла общаго крестьянскаго вопроса „показываетъ, замѣтилъ въ совѣтѣ графъ Воронцовъ, что теперь уже приспѣло время, въ которое къ сей мѣрѣ приступить можно“. Воронцовъ въ своемъ особомъ мнѣніи замѣчаетъ, что „продажа однимъ человѣкомъ другаго, какъ лошади или барана, несообразна съ просвѣщеніемъ, умножившимися въ послѣднее столѣтіе“, и, кромѣ того, оцѣниваетъ весь законопроэктъ съ точки зрѣнія взглядовъ и характера самого императора [2]). Но главное содержаніе мнѣнія графа Воронцова составляетъ послѣдовательно проведенный и достаточно мотивированный его взглядъ, что вмѣстѣ съ запрещеніемъ продажи людей безъ земли необходимо уничтожить и всѣ другія злоупотребленія, „однородныя съ тѣмъ же обычаемъ и столь же человѣчеству постыдныя, какъ и продажа людей безъ земли“ [3]). Въ одномъ изъ пунктовъ своего мнѣнія Во-

---

[1]) Законъ о непродажѣ людей безъ земли названъ въ запискѣ „подтвержденіемъ и распространеніемъ указа 1771 г., которымъ запрещалось продавать съ публичнаго торгу людей безъ земли“ (А. Г. С., III, 1 ч., 761—772 с.), [2]) Запрещеніе продавать людей безъ земли „достойно и не менѣе свойственно, говоритъ Воронцовъ, великодушію нынѣ царствующаго императора и кротости его правленія“ (ibidem, 779 стр.), [3]) Поэтому было рѣшено въ совѣтѣ: отмѣнить указъ о дозволеніи фабрикантамъ и заводамъ покупать людей безъ земли, воспретить купцамъ подъ угрозой наказанія покупать деревни и не давать правъ дворянства тѣмъ изъ нихъ, которые пріобрѣли чины. Благодаря большой свободѣ относительно дозволенія купцамъ покупать деревни въ послѣдніе 20 лѣтъ, „большіе капиталы вышли изъ торговаго обращенія, а города, въ которыхъ такіе купцы жили, лишились лучшихъ и полезныхъ себѣ гражданъ“. Далѣе принято было предложеніе Воронцова запретить „всѣ поносныя средства“ продажи людей въ рекруты, которая совершается безчеловѣчными помѣщиками подъ видомъ отпуска на волю своихъ крестьянъ, продаваемыхъ на самомъ дѣлѣ ка-

во имя подчиненія viri majori, какъ то дѣлалось въ эпоху Карла XII и Густава IV. Ст. 73 и ст. 74 гласятъ: „Никакія новыя подати, сборы рекрутъ, реквизиціи денегъ или припасовъ впредь не должны быть установляемы или совершаемы безъ свободнаго согласія риксдага, изъявленнаго въ установленномъ порядкѣ. Король не имѣетъ права требовать ни какой суммы для веденія начатой войны, за исключеніемъ доставки съѣстныхъ припасовъ, необходимыхъ въ какомъ либо пунктѣ для содержанія и пропитанія войска на пути, если тѣ мѣстности, по которымъ движется войско, не въ состояніи снабдить войска нужными средствами. Но поставщики этихъ средствъ содержанія немедленно должны быть вознаграждены деньгами изъ государственнаго казначейства, по установленнымъ рыночнымъ цѣнамъ, съ надбавкою половины цѣны. Таковыя требованія не должны имѣть мѣста по отношенію къ войскамъ, переведеннымъ въ другой гарнизонъ или непосредственно совершающимъ военныя движенія. Такія войска должны быть содержимы на счетъ военныхъ магазиновъ и запасовъ".

Въ сравненіи съ минувшими временами—когда король почти неограниченно распоряжался государственными землями и оброчными статьями; когда онъ отчуждалъ ихъ путемъ продажи, даренія, залога, обмѣна; когда отъ него зависѣло объявленіе того или другаго вида промышленной дѣятельности регаліей, учрежденіе монополій; когда онъ заключалъ займы, измѣнялъ монетную систему, замѣнялъ звонкую, полновѣсную монету по своему усмотрѣнію кредитными знаками; когда, послѣ ассигнованія контрибуцій и чрезвычайныхъ налоговъ, онъ по своему усмотрѣнію составлялъ бюджетъ доходовъ и расходовъ—въ настоящее время финансовыя прерогативы короля, его права какъ одного изъ субъектовъ финансоваго верховенства, довольно ограничены, но тѣмъ не менѣе, какъ мы уже замѣтили выше, болѣе широки, чѣмъ въ другихъ кон-

ституціонныхъ государствахъ. Не вдаваясь въ сравненіе финансовыхъ правъ шведскаго короля съ правами монарховъ въ крупныхъ конституціонныхъ монархіяхъ на континентѣ или англійскаго короля, скажемъ пару словъ о правахъ короля въ Норвегіи и Даніи.

Въ Норвегіи финансовое верховенство фактически сосредоточено въ рукахъ стортинга. Уже одно постановленіе о томъ, что *всѣ налоги* считаются временными, вотируемыми на одинъ годъ (ст. 75 основнаго закона 1814 г. гласитъ: „Стортингу принадлежитъ право издавать и отмѣнять законы, налагать подати, пошлины и всякаго рода публичныя повинности; но это наложеніе имѣетъ силу только до 1 іюля того года, въ которомъ собирается новый очередный стортингъ; отъ сего послѣдняго зависитъ ихъ возобновленіе) ставитъ король и все государственное управленіе въ финансовомъ отношеніи въ полную зависимость отъ народнаго представительства. Законы, изданные стортингомъ и санкціонированные королемъ, не могутъ ограничить свободы представителей народа разрушить въ теченіе одной сессіи очереднаго стортинга всю финансовую систему и замѣнить ее иною. Далѣе: бюджетъ государственныхъ расходовъ въ Норвегіи спеціализированъ до крайности, до мельчайшихъ подробностей. Объ изданіи королемъ спеціальныхъ бюджетовъ для отдѣльныхъ отраслей администраціи и рѣчи быть не можетъ. Передвиженіе кредита изъ § въ §, даже изъ статьи въ статью вызываетъ каждый разъ конфликты съ стортингомъ при ревизіи исполненія государственной смѣты. Сбереженія по бюджетнымъ расходамъ не даютъ королю возможности пополнять кредиты, оказавшіеся недостаточными, даже если предположенный расходъ не выходитъ изъ рамокъ бюджетной статьи, по которой сбереженіе сдѣлано Если стортингъ не вотировалъ суммы для покрытія расхода, обусловленнаго какимъ либо обязательствомъ государства (платежи по государствен-

нымъ долгамъ, содержаніе чиновниковъ, пенсіи имъ), и если король собственною властью дастъ предписаніе объ удовлетвореніи кредиторовъ казны, то стортингъ юридически не обязанъ a posteriori согласиться съ этимъ распоряженіемъ и можетъ привлечъ министра финансовъ, скрепившаго королевскій ордонансъ, къ отвѣтственности передъ государственнымъ судомъ [1]).

Стортингъ, вотируя какую либо расходную статью, можетъ обставить исполненіе ея условіями, не стоящими въ прямой связи съ цѣлью расхода, т. е. онъ можетъ издать такъ наз. tacking bills. Эти условія не должны только стоять въ противорѣчіи съ основными законами. Въ Норвегіи король и его правительство ничто иное, какъ мандатары стортинга по отношенію къ удовлетворенію государственныхъ потребностей: они не осуществляютъ органическихъ задачъ государства, руководствуясь прочными законами о пріобщеніи силъ и средствъ къ служенію государственнымъ цѣлямъ, а находятся въ положеніи „negotiorum gestor'a", дѣйствующаго по инструкціямъ настоящаго хозяина, стортинга. „Король (ст. 18) вообще заботится о взиманіи и собираніи податей и сборовъ, установленныхъ стортингомъ. Король (ст 19) обязанъ наблюдать за тѣмъ, чтобы имущества государства и регаліи управлялись, употреблялись и завѣдывались тѣмъ порядкомъ, который установленъ стортингомъ, и сообразно съ государственною пользою. Государственное казначейство стоитъ подъ управленіемъ короля. (Различіе кассъ, подобнаго тому, которое мы встрѣчаемъ въ Швеціи въ видѣ отдѣльнаго государственнаго казначейства, statscontor, и кассы погашенія госу-

---

[1]) Хотя норвежская конституція 1814 г. почти скопирована съ французской конституціи 1791 г., тѣмъ не менѣе составители ея не считали необходимымъ внести въ нее постановленіе оригинала „Sous aucun prêtexte les fonds nécessaires à l' acquittemont de la dette nationale et au paiement de la liste civile ne pourront étre ni réfusés ni suspendus.

дарственныхъ долговъ, въ Норвегіи не существуетъ, не смотря на неоднократно повторявшіяся попытки ввести его). Всѣ расходы исполняются отъ имени и по приказанію короля, но мы замѣтили выше, что бюджетъ расходовъ до крайности спеціализированъ. Заключеніе государственныхъ займовъ дозволено только на основаніи закона, стортингомъ изданнаго. Король приводитъ законъ въ исполненіе. Только въ отношеніи таможенныхъ пошлинъ королю предоставлена бо́льшая свобода. Заботясь о развитіи народнаго хозяйства, онъ можетъ понизить таможенныя пошлины провизорными законами, требующими, какъ мы знаемъ, затѣмъ утвержденія со стороны Стортинга.

Данія, съ точки зрѣнія финансовыхъ прерогативъ короля занимаетъ среднее мѣсто между Швеціей и Норвегіей. Законы о налогахъ, пошлинахъ и т. д.—законы постоянные, не временные, неограниченные въ ихъ дѣйствіи, бюджетнымъ періодомъ. Король вноситъ въ риксдагъ бюджетъ доходовъ составленый на основаніи этихъ законовъ. Бюджетъ расходовъ очень спеціализированъ, и комитетъ риксдага, разсматривающій его, постоянно стремится расширить свое вліяніе на управленіе; но король имѣетъ право, въ случаѣ несогласія съ риксдагомъ въ отношеніи бюджета (или въ случаѣ несогласія верхней и нижней палаты, Landsting'a и Folksting'a), издать провизорный бюджетный законъ [1]). Какъ въ Норвегіи, такъ и въ Даніи не допускается передвиженіе кредитовъ (virements) и свободное расходованіе сбереженій по отдѣльнымъ бюджетнымъ статьямъ, безъ особеннаго новаго вотированія въ риксдагѣ. Государственное казначейство находится подъ высшимъ управленіемъ короля, и, благодаря отсутствію правильнаго, детальнаго контроля надъ расходами, свобода

[1]) Этимъ правомъ король пользуется очень часто, въ особенности со времени конфликта по поводу усиленія арміи, флота и укрѣпленія Копенгагена.

распоряженія государственными суммами фактически очень широка, парализуя запрещеніе virements. Постановленія о заключеніи займовъ дѣлаются законодательнымъ путемъ и исполняются королевскимъ правительствомъ. Всѣ государственныя имущества, недвижимыя и движимыя, состоятъ подъ надзоромъ и управленіемъ короля, который ведетъ его по законамъ, не періодично вотируемымъ, а разъ на всегда даннымъ.

Обратимся теперь къ второму субъекту финансоваго верховенства, къ риксдагу. Въ 1865—66 гг., какъ мы видѣли въ первомъ отдѣлѣ этого тома, осуществилось давнишнее желаніе либеральной партіи: древній строй куріальнаго сословнаго сейма, оформленный первоначально въ 1634 г. и окончательно въ 1809 г., уступилъ мѣсто безсословному риксдагу, состоящему изъ двухъ палатъ. Не депутаты сословій собираются вокругъ престола, а представители народа, по идеѣ своей единаго, цѣлаго,—фактически же раздѣленнаго на классы, каждый съ интересами, далеко не гармонически уживающимися другъ съ другомъ. Борьба за пользованіе государственною властью для покровительства классному интересу, борба за распоряженіе властью для расширенія сферы господства класснаго интереса не ведется болѣе въ 4 залахъ, а только въ двухъ; она не менѣе ожесточена, чѣмъ прежде; она не тщательнѣе выбираетъ свои средства, она не приводитъ къ болѣе нравственнымъ результатамъ. Этотъ безсословный риксдагъ одинъ, allena, осуществляетъ древнее право сямообложенія, принадлежавшее шведскому народу еще въ то время, когда общее вѣче, съ лагманами во главѣ, собиралось у подножія престола Упсала-конунга и когда о результатахъ совѣщанія извѣщались общины и округи разсылкою деревянныхъ тростей съ вырѣзанными на нихъ краткими рѣшеніями. Простота вѣчевыхъ собраній подъ открытымъ небомъ соотвѣтствовала несложной простотѣ общественныхъ от-

ношеній. Въ теченіи вѣковъ и поколѣній общественныя отношенія стали сложнѣе; спеціализація ихъ отразилась и на формахъ сношенія представительства народа съ королемъ. Формы эти стали сложнѣе; внѣшняя торжественность и внутренняя медленность въ работахъ характеризовали всякое появленіе сейма въ столицѣ. Спеціализація и дифференціація общественныхъ отношепій 19 столѣтія далеко оставила за собою сложный самъ по себѣ общественный строй 17 и 18 столѣтій. Сословія съ своими привиллегіями пали; ихъ мѣсто заступила масса новыхъ общеній и союзовъ, не столь могучихъ и живучихъ, но болѣе подвижныхъ, измѣнчивыхъ, безпокойныхъ. Ихъ побѣда надъ сословнымъ строемъ рѣшила участь сословнаго сейма и вызвала къ жизни риксдагъ ежегодно созываемый, вполнѣ выборный. Характеръ и тенденція его дѣйствій зависятъ не отъ твердо установившихся стремленій сословій, а отъ исхода борьбы у избирательныхъ ящиковъ. Сфера, въ которой его постановленіи имѣютъ рѣшающую силу, почти совпадаетъ съ сферою дѣйствій древняго сейма. Средства охраны государственныхъ интересовъ противъ односторонпихъ рѣшеній партій и случайнаго большинства не усилены. Не черезъ 5, 4 или 3 года, какъ въ прежнее время, а ежегодно собирается риксдагъ. Ежегодно онъ можетъ издавать новые законы и отмѣнять старые, если veto короля не кладетъ предѣла его новшествамъ; ежегодно предъ нимъ являются совѣтники короля съ отчетами о дѣятельности правительства въ истекшемъ бюджетномъ періодѣ, испрашиваютъ „dèchargе“ или возвращаютъ свои полномочія королю, если ихъ взгляды не совпадаютъ со взглядами большинства гг. депутатовъ на способъ исполненія государственныхъ задачъ и на цѣли управленія. Король не обязанъ мѣнять министерство, если оно не пользуется сочувствіемъ среди риксдага, но, желая сохранить миръ со второю государственною властью, онъ уступаетъ ея желанію и вручаетъ ми-

нистерскія портфели другимъ. Прочность и постоянство стараго режима, имѣвшаго, на ряду съ многими слабыми сторонами, и многія хорошія, уступила подвижности. Измѣнчивость общественной жизни 19 столѣтія, порождающая ежегодно новыя отношенія, требованія, желанія, стремленія, отражается на организмѣ высшаго управленія, и проводникомъ этого движенія является „вторая государственная власть“ —риксдагъ. „Первая государственная власть“—король—единолична, олицетворена въ одномъ человѣкѣ съ его индивидуальными недостатками и добродѣтелями. Вторая же распадается на двѣ равноправныя части, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ сотни и болѣе личностей, различныхъ по характеру, профессіи, взглядамъ, стремленіямъ и интересамъ. Законодатели 1866 г. признали обѣ части рикдага, I (верхнюю) и II (нижнюю) палаты, равноправными во всѣхъ отношеніяхъ (хотя, какъ мы увидимъ ниже, этотъ принципъ не проведенъ вполнѣ послѣдовательно). Двѣ палаты шведскаго риксдага являются, какъ мы видѣли выше (I отдѣлъ глава I), представителями 2 элементовъ общества. Онѣ по составу своему неодинаковы, различны. Но онѣ не настолько различны, чтобы между ними могла установиться принципіальная рознь, подобная той, какая существуетъ между двумя палатами въ Англіи или Пруссіи. Въ тоже время онѣ не столь одинаковы, какъ Lagthing и odelsthing въ Норвегіи, подверженные однимъ и тѣмъ же вліяніямъ и составляющіе ничто иное, какъ два представительства одного и того же партійнаго большинства—одно обширное, другое не многочисленное. Первая палата не есть аристократическая палата. Швеція въ наше время не имѣетъ сильной аристократіи, способной осуществить претензіи на спеціальное представительство знатной крови. Ея члены избраны земскими собраніями (Landstinget) и городскими депутатскими собраніями крупныхъ городовъ: люди зрѣлаго возраста (старше 35 лѣтъ),

обладающіе значительнымъ капиталомъ (недвижимое имущество, цѣнностью въ 80000 кронъ по меньшей мѣрѣ) или доходомъ отъ капитала и труда (въ 4000 кронъ ежегодно). Цензъ этотъ абсолютно не высокъ, но онъ высокъ сравнительно, если мы обратимъ вниманіе на распредѣленіе имуществъ въ Швеціи (ср. отдѣлъ I, глава II) [1]).

Срокъ избранія девятилѣтній (считая со дня выбора каждаго отдѣльнаго члена) Такъ какъ срокъ, на который избираются члены I палаты, не совпадаетъ съ срокомъ, на который избраны члены провинціальныхъ земскихъ собраній [2]), то нельзя сказать, что I палата составлена изъ представителей партій, одержавшихъ верхъ въ мѣстномъ представительствѣ. Но не смотря на эту почти полную независимость I палаты отъ мѣстныхъ избирателей, мы можемъ въ ней видѣть не только часть народнаго представительства вообще, но и представительницу мѣстныхъ особенностей во взглядахъ на задачи государственнаго управленія и способы ихъ осуществленія. Эта палата, какъ мы уже замѣтили выше, не есть аристократическій корпусъ, въ смыслѣ палаты лордовъ или прусскаго Herrenhaus'a. Но, къ сожалѣнію, и она далека отъ идеала верхней палаты, выставленнаго Миллемъ въ его знаменитыхъ размышленіяхъ о представительномъ правленіи [3]). Въ нее *могутъ* войти представители высшаго умствен-

---

[1]) Этотъ избирательный цензъ равняется избирательному цензу, установленному для избирателей (2 категоріи) депутатовъ въ датскій Landstinз, но Данія несравненно богаче Швеціи, и абсолютно и относительно съ точки зрѣнія распредѣленія ея народнаго имущества. Шведскій цензъ выше даже голландскаго, но конечно ниже Испанскаго, Португальскаго, Бельгійскаго и Итальянскаго. Замѣчательно, что въ I шведской палатѣ нѣтъ членовъ по назначенію отъ короля или членовъ, засѣдающихъ въ ней ipso jure, подобно королевскимъ принцамъ или Standes herren въ Пруссіи.

[2]) Полномочія избирателей истекаютъ каждые 2 года, а полномочія членовъ I палаты имѣютъ 9 лѣтній срокъ.

[3]) Я цитирую по русскому изданію Яковлева 1864 г. II, 245) „Недостатки демократическаго собранія, которое представляетъ собою все общество, суть не-

наго развитія, административной и политической опытности, если они удовлетворяютъ цензу, но ни великія заслуги, ни геніальныя способности не открываютъ дверей ея, если заслуги и геній не соединены съ матеріальною обезпеченностью. Въ этомъ, несомнѣнно, заключается слабая сторона организаціи I палаты.

„Характеръ представительнаго правленія, говоритъ Милль, опредѣляется устройствомъ народной палаты". Если это положеніе вѣрно, то мы должны признать, что Швеція, оставивъ систему представительства привиллегированныхъ и замкнутыхъ сословій, не обратилась къ крайней противоположности, не организовала свое народное представительство на началахъ демократическихъ. Она далека отъ всеобщей подачи голосовъ и не признаетъ общаго избирательнаго права всѣхъ совершеннолѣтнихъ Шведовъ. Члены II палаты избираются на 3 года. Каждый судебный округъ (domsaga) избираетъ одного депутата, если его народонаселеніе не превышаетъ 40000 душъ (въ противномъ случаѣ онъ раздѣляется на 2 избирательныхъ округа). Въ городахъ на каждые 10000 жителей приходится 1 депутатъ. Если въ городѣ населеніе не достигаетъ этой цифры (а въ таковомъ положеніи находится большинство шведскихъ городовъ), то таковые малонаселенные города соединяются съ другими въ избирательные округа съ населеніемъ отъ (минимумъ) 6000 до (максимумъ) 12000 жителей. Избирательные округа устанавливаются палатами

достатки самого общества—отсутствіе спеціальнаго навыка въ общественныхъ дѣлахъ и раціональныхъ познаній. Чтобы устранить это, надо присоединить къ нему другое собраніе, характеристическія черты котораго были бы знаніе и спеціальная подготовка. Если одна палата представляетъ собою народное чувство, то другая должна представлять личное достоинство, испытанное и гарантированное дѣйствительною общественною службой и подкрѣпленное практическою опытностью. Если одна палата будетъ народною, то другая должна быть палатою государственныхъ людей, совѣтомъ, составленнымъ изъ всѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые занимали важныя общественныя должности".

на каждые 10 лѣтъ. Въ городахъ, которые избираютъ вполнѣ самостоятельно одного (или болѣе) депутата—выборы непосредственные; въ другихъ городахъ и въ сельскихъ округахъ они посредственные, двухстепенные, т. е. депутаты избираются особенными выборщиками „electorer, но первичные избиратели могутъ простымъ большинствомъ рѣшить переходъ къ системѣ непосредственныхъ выборовъ. Право участвовать въ выборѣ депутатовъ во II палату имѣетъ каждый шведъ въ той общинѣ, въ которой онъ имѣетъ осѣдлость, если онъ пользуется правомъ выбора органовъ муниципальнаго управленія, и имѣетъ недвижимость, цѣнностью въ 1000 кронъ, или арендуетъ на 5 лѣтъ сельскую недвижимость (jordbruksfastighet) цѣнностью въ 6000 кронъ, или уплачиваетъ налогъ въ казну за доходъ въ 800 кронъ, если онъ достигъ 25 лѣтняго возраста, если имѣлъ постоянную осѣдлость въ обществѣ въ теченіе по крайней мѣрѣ одного года. Депутаты II палаты получаютъ вознагражденіе (по 1200 кронъ за каждую сессію риксдага).

Безъ законныхъ причинъ ни одинъ изъ депутатовъ ни имѣетъ право отказаться отъ исполненія своихъ функціи.— Если онъ оставляетъ свой мандатъ, то на его мѣсто избирается другой депутатъ, но только на тотъ срокъ, который остался до истеченія трехлѣтія депутатскаго полномочія. Черезъ 3 года совершаются новые выборы для всей второй палаты. Число депутатовъ въ I палатѣ въ 1887 г. было 143 (1 на 30000 жителей), во II палатѣ 214 (69 отъ городовъ и 145 отъ сельскихъ округовъ).

Уже въ I главѣ I отдѣла мы замѣтили, что количество городскихъ депутатовъ во II палатѣ пропорціонально гораздо значительнѣе, чѣмъ количество депутатовъ сельскихъ округовъ, и мы указали мотивы, которыми руководствовались законодатели 1866 г. при установленіи этого порядка. Тамъ же мы говорили о партіяхъ въ шведскомъ риксдагѣ, ихъ характерѣ и стремленіяхъ.

Очередный риксдагъ собирается ежегодно одинъ разъ, къ 15 января, и не можетъ быть распущенъ (если самъ того не пожелаетъ) ранѣе истеченія 4 мѣсяцевъ, за исключеніемъ того случая, когда король распускаетъ его, для назначенія новыхъ выборовъ въ одну палату или въ обѣ палаты. Чрезвычайный риксдагъ можетъ быть созванъ королемъ и распущенъ имъ по его усмотрѣнію. Онъ занимается только обсужденіемъ вопросовъ, до рѣшенія которыхъ онъ созванъ. Предсѣдатели палатъ (talmän) назначаются королемъ Въ присутствіи короля не допускаются ни обсужденія, ни постановленія рѣшеній.

Члены совѣта министровъ (statsrâdsledamot) могутъ быть депутатами риксдага, также и члены высшаго суда (justitirâd), но ни тѣ, ни другіе не могутъ участвовать въ работахъ комитетовъ, или въ выборѣ членовъ въ комитетъ. Члены совѣта, не имѣющіе депутатскихъ полномочій, могутъ въ каждой палатѣ пресутствовать и участвовать въ обсужденіяхъ, но не въ постановленіи рѣшеній.—Обѣ палаты равноправны. Всѣ пропозиціи короля, всѣ предложенія депутатовъ, со всѣми приложеніями, объясненіями, разъясненіями, вносятся одновременно въ каждую палату. Каждая палата приступаетъ къ ихъ обсужденію по очереди поступленія или мѣняетъ порядокъ по своему усмотрѣнію. О всѣхъ работахъ онѣ могутъ извѣщать другъ друга. То рѣшеніе, на которомъ остановятся обѣ палаты, считается постановленіемъ риксдага

Если рѣшенія палатъ не согласны, если комитету, предварительно обсуждавшему спорный вопросъ, не удастся привести ихъ къ соглашенію, то рѣшеніе вопроса отлагается до будущей сессіи. (Frâgan anse hafva förden Riksdag förfallit). Но этому правилу не подчиняются дѣла, касающіяся: государственной росписи расходовъ, т. н. bevillningar, управленія банкомъ и дѣлъ коммиссіи погашенія. Если вопросы касаются этихъ частей управленія и дѣлъ, то риксдагъ дол-

женъ придти къ соглашенію. Съ этой цѣлью обѣ палаты подвергаютъ вопросъ вторичному голосованію, и то мнѣніе, за которое выскажется большинство голосовъ, суммируя всѣ поданные голоса въ I и II палатахъ, считается рѣшеніемъ риксдага. Это постановленіе ничто иное, какъ фактическое нарушеніе принципа равноправности палатъ, въ силу котораго ни одна изъ палатъ не должна навязывать своей воли другой. А на дѣлѣ выходитъ именно такъ, что въ финансовыхъ дѣлахъ II палата получаетъ преобладающее значеніе. II палата имѣетъ 214 членовъ, а I—143. Если мы предположимъ, что за финансовое предложеніе правительства выскажутся $^3/_4$ голосовъ въ I палатѣ (105 членовъ), и противъ него $^1/_4$, т. е. 35 голоса, а во II палатѣ $^2/_3$ противъ и $^1/_3$ за предложеніе, то побѣда останется все таки за II палатой! (71+71+35=177+; 71+105=176). Ясно послѣ того, что во II палатѣ замѣтно стремленіе всѣми способами расширить примѣненіе правила совмѣстнаго голосованія, дабы усилить вліяніе т. н. демократической части риксдага. Между тѣмъ такое стремленіе ничѣмъ не можетъ быть оправдано. Нигдѣ, ни въ основномъ законѣ 1809 г, ни въ учрежденіи о риксдагѣ 1866 г, мы не находимъ ни малѣйшаго повода признавать первенствующее значеніе при рѣшеніи финансовыхъ вопросовъ именно за II палатой. Англійскіе коммонеры были отчасти въ правѣ, когда въ 1678 г. они выставили принципъ, по которому всѣ ассигнованныя въ распоряженіи Его Величества суммы являются исключительно подношеніемъ нижней палаты, и что всѣ билли объ ассигнованіи такихъ средствъ должны быть сперва внесены въ палату коммонеровъ. „Коммонеры имѣютъ исключительное и несомнѣнное право при внесеніи такихъ билей опредѣлять цѣли, назначеніе, условія, ограниченія и квалификацію ассигнованій Палата лордовъ въ такія рѣшенія не можетъ вносить накакихъ измѣненій“.

Коммонеры-представители англійскаго народа; лорды-пред-

ставители одного изъ классовъ народа. Въ Норвегіи Оделстингъ (нижняя палата) отвергаетъ всякое вмѣшательство Лагтинга (верхней палаты) въ дѣла финансоваго законодательства, потому что Лагтингъ только коммиссія, избранная изъ среды большинства Стортинга. Но въ Швеціи I палата состоитъ изъ такихъ же избранниковъ народа (хотя избранныхъ по своеобразной системѣ), какъ и II палата. Ея члены не менѣе членовъ нижней палаты плательщики налоговъ, они даже плательщики болѣе значительныхъ окладовъ. Въ первой палатѣ, какъ и во второй, представлены всѣ классы народа [1]), всѣ группы различныхъ интересовъ. Поэтому I палата энергично противодѣйствуетъ притязаніемъ II палаты и имѣетъ сильнаго союзника въ лицѣ правительства, въ интересахъ котораго расширить значеніе той части народнаго представительства, составъ которой не мѣняется каждые 3 года, а возобновляется постепенно, которая по этому является представительницей постоянства и элементомъ политической прочности. Встрѣчая такое противодѣйствіе своимъ притязаніемъ II палата старается косвеннымъ путемъ достигнуть своей цѣли. Весьма часто она присоединяетъ къ законопроекту какую либо прибавку съ финансовымъ характеромъ, а разъ вопросъ финансовый связанъ съ вопросомъ нефинансоваго законодательства, то послѣдній уже подчиняется правилу совмѣстнаго голосованія [2]).

Законодательная иниціатива по вопросамъ подлежащимъ

---

[1]) Т. е. тѣ классы, которые пользуются вообще правомъ представительства. Низшіе и бѣднѣйшіе классы не имѣютъ представителей ни въ I, ни во II палатѣ.

[2]) Такъ напр., въ 1879 г. I палата не приняла проектъ учрежденія высшаго техническаго училища. Вопросъ по существу своему не подлежалъ бы совмѣстному голосованію, но вторая палата, предвидя этотъ исходъ дѣла, присоединила къ проекту предложеніе назначить опредѣленную сумму на содержаніе комитета для разработки устава училища. Проектъ былъ подвергнутъ совмѣстному голосованію, и II палата, усиленная меньшинствомъ въ I палатѣ, одержала побѣду. ср. Rydin. Svenska Riksdagen. II, 2, 339.

рѣшенію путемъ соглашенія короля и риксдага, принадлежитъ преимущественно королю и его правительству, затѣмъ членамъ риксдага и наконецъ въ извѣстной мѣрѣ—комитетамъ риксдага.

Депутаты риксдага могутъ вносить предложенія, касающіяся вопросовъ, входящихъ въ компетенцію одного изъ постоянныхъ комитетовъ, въ теченіе 10 дней со времени открытія сессіи (такъ. наз. motion, предложенія представительства называютъ proposition). Предложенія, касающіяся измѣненія основныхъ законовъ или вопросовъ, возникающихъ во время сессіи, могутъ быть внесены во всякое время.

Характеристичною чертою организаціи шведскаго риксдага является сложный строй комитетовъ, подготовляющихъ дѣла, подлежащія обсужденію въ риксдагѣ. Комитеты эти распадаются на 3 класса: I такъ наз. *постоянные комитеты* (ständiga utskotter). Къ этой категоріи относятся комитеты: конституціонный (konstitutions-utskott), комитетъ бюджетный statsutskott) комитетъ ассигнованій (Bevillningsutskott); комитетъ банковый (Bankoutskottet), комитетъ законовъ (Lagutskott). II, такъ наз. спеціальные комитеты (särskilda utskotter), которые учреждаются, если обѣ палаты сочтутъ то необходимымъ для обработки вопросовъ, особенно важныхъ и поэтому изъятыхъ изъ компетенціи постоянныхъ комитетовъ. Какъ постоянные, такъ и спеціальные комитеты составляются изъ депутатовъ I и II палатъ, избираемыхъ въ равномъ количествѣ каждой изъ нихъ. III категорію составляютъ такъ наз. случайные комитеты (tillfälliga utskotter), учрежденные каждой палатой отдѣльно по своему усмотрѣнію, для разработки вопросовъ, не относящихся къ компетенціи постоянныхъ комитетовъ. Всѣ эти комитеты избираютъ сами изъ своей среды свое бюро, состоящее обыкновенно изъ предсѣдателя, его товарища и секретаря или протоколиста. Кромѣ этихъ комитетовъ изъ состава риксдага

выдѣляются еще иногда особыя депутаціи särskilda deputerade), если того желаетъ король для обсужденія вопросовъ, подлежащихъ особенному секрету. Эти депутаціи (замѣнившія собою древній не доброй памяти, секретный комитетъ) избираются палатами, но высказываютъ свое мнѣніе королю и только по предложеннымъ имъ вопросамъ.

Всѣ королевскія пропозиціи и всѣ такъ наз. motioner касающіяся вопросовъ, входящихъ въ компетенцію одного изъ постоянныхъ комитетовъ, поступаютъ сперва въ палаты, но послѣ занесенія въ реестръ дѣлъ, отдаются въ соотвѣтствующіе комитеты. Комитеты (каждый-не выходя изъ круга своей компетенціи) обсуждаютъ вопросъ и докладываютъ о своемъ мнѣненіи палатамъ. Только по выслушаніи мнѣнія компетентнаго комитета, палаты могутъ приступить къ обсужденію и рѣшенію, при чемъ палаты не держатся порядка троекратнаго чтенія. Доклады и мнѣнія (utlätande) постоянныхъ и спеціальныхъ комитетовъ передаются и по возможности читаются одновременно въ каждой изъ палатъ. Палаты могутъ принять предложеніе комитета, согласиться съ его мнѣніемъ, возвратить докладъ для пересмотра, или же оставить его безъ вниманія и поставить свое самостоятельное рѣшеніе. Доклады и мнѣнія такъ наз. случайныхъ комитетовъ вносятся сперва въ ту изъ палатъ, которая ихъ учредила. Если мнѣніе комитета принимается палатою, то она увѣдомляетъ о своемъ рѣшеніи другую палату. Эта послѣдняя сама можетъ учредить такъ наз. случайный комитетъ для обсужденія вопроса, или можетъ принять или отвергнуть рѣшеніе другой палаты безъ учрежденія случайнаго комитета, или наконецъ потребовать вторичнаго разсмотрѣнія.

Если одинъ изъ комитетовъ (постоянныхъ или спеціальныхъ) считаетъ необходимымъ вступить въ обсужденіе съ какимъ либо другимъ комитетомъ, то каждый изъ нихъ назначаетъ изъ своей среды по 4 депутата. Эти 8 депутатовъ

составляютъ такъ наз. соединенный комитетъ (samansatt utskott), представляющій свои доклады непосредственно риксдагу [1]).

Обратимся къ организаціи и компетенціи тѣхъ изъ комитетовъ, которые имѣютъ дѣло съ финансовыми вопросами, а затѣмъ опредѣлимъ содержаніе и границы правъ риксдага, какъ втораго субъекта финансоваго верховенства. Бюджетный комитетъ [2]), statsutskottet, состоитъ изъ 24 членовъ (по 12 депутатовъ отъ I и отъ II палаты). Назначеніе этого комитета, согласно § 53 ф. пр. 1809 г., заключается „въ составленіи и представленіи риксдагу доклада о положеніи, управленіи и потребностяхъ финансовъ государства и о состояніи государственныхъ долговъ“. (utreda och för riksdagen uppgifva statsverkets och riksgäldsverkets tillstând, förvaltning och behof), Но этимъ не ограничивается компетенція комитета: ст. 39, 62, 63, 66, 106 и 107 ее значительно расширяютъ. Мы можемъ раздѣлить компетенцію комитета на слѣдующія составныя части: 1) оцѣнка положенія государственныхъ финансовъ вообще (въ томъ числѣ и состоянія государственныхъ долговъ), на основаніи пропозиціи короля, замѣчаній депутатовъ и докладовъ коммиссіи погашенія государственныхъ долговъ, 2) опредѣленіе финансовыхъ потребностей государственнаго управленія, послѣ обсужденія сдѣланныхъ и возможныхъ въ будущемъ сбереженій; 3) опредѣ-

---

[1]) О другихъ подробностяхъ дѣлопроизводства шведскаго риксдага, о матеріалахъ, доставляемыхъ въ комитеты, о порядкѣ сношенія ихъ съ правительствомъ, съ посторонними лицами, о голосованіи, счетѣ голосовъ, о порядкѣ составленія меморіаловъ и заключеній комитетовъ мы говорить не будемъ, такъ какъ это заняло бы слишкомъ много мѣста. Интересующихся этими внутренними порядками шведскаго нар. представительства мы отсылаемъ къ сочиненію Ашехуга въ сборникѣ Марквардсена. Т. IX.

[1]) Такъ какъ о дѣятельности этихъ комитетовъ, спеціально о дѣятельности комитетовъ бюджетнаго, ассигнованій и банковаго намъ придется подробно говорить въ слѣдующей главѣ и въ главахъ III и IV, то мы въ этомъ мѣстѣ только въ общихъ чертахъ опредѣлимъ ихъ компетенцію.

леніе, въ какой суммѣ потребности государственныя должны быть покрыты такъ. наз. ассигнованіями, bevillningar, за недостаткомъ такъ наз. ординарныхъ доходовъ; 4) опредѣленіе, правильно ли ведено финансовое управленіе съ формальной стороны, т. е. не сдѣлано ли незаконныхъ передвиженій кредитовъ и всѣ ли расходы произведены на законномъ основаніи, по уполномочію отъ компететныхъ лицъ и съ соблюденіемъ кассовыхъ правилъ 5) въ случаѣ замѣченныхъ нарушеній законовъ или несоблюденія бюджетныхъ предписаній, комитетъ заявляетъ о томъ королю и риксдагу для преслѣдованія виновныхъ. Слѣдовательно, бюджетный комитетъ выступаетъ: 1) въ качествѣ критика финансовой политики правительства; 2) въ качествѣ судьи формальной закономѣрности финансоваго управленія, 3) въ качествѣ обвинителя, въ случаѣ нарушенія финансовыхъ законовъ, 4) такъ какъ ему поручено „судить о потребностяхъ государства“ въ качествѣ иниціатора финансовыхъ реформъ. Для исполненія функцій комитета, члены его распредѣляются по 4 отдѣленіямъ. Первое отдѣленіе, а также и второе, обсуждаютъ всѣ вопросы, касающіеся государственныхъ расходовъ. Третье отдѣленіе разсматриваетъ все, что относится къ такъ наз. ординарнымъ доходамъ, не только цифровое исчисленіе ихъ поступленій, но, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, и юридическіе вопросы объ измѣненіи или отмѣнѣ законовъ, на основаніи которыхъ доходы эти поступаютъ въ казну. Исполняя эту свою обязанность, комитетъ вступаетъ въ коллизію съ комитетомъ законовъ, обсуждающимъ вопросы, касающіеся измѣненій въ законахъ относительно: денежныхъ пеней, такъ наз. vakansatgifter, trosspassevolans och bekländesmedel, strandvrak и др. мелкихъ доходовъ. Четвертое отдѣленіе комитета обсуждаетъ вопросы, касающіеся управленія коммиссіи государственныхъ долговъ, а также и вопросы о желѣзно-дорожныхъ займахъ. Комитету передаются слѣдующіе матеріалы для его работъ:

финансовая пропозиція короля, всѣ отчеты, книги, инвентарныя описи органовъ центральнаго финансоваго управленія и коммиссіи погашенія, отчеты ревизоровъ. избираемыхъ риксдагомъ для ревизіи какъ финансоваго управленія, такъ и коммиссіи погашенія [1]).

Сравнительно съ этими широкими и важными функціями бюджетнаго комитета, превращающими его въ высшій совѣтъ по финансовымъ дѣламъ и въ высшую контрольную палату, компетенція другихъ финансовыхъ комитетовъ очень узка.

Комитетъ ассигнованій (Bevillningsutskott) состоитъ изъ 20 членовъ (по 10 отъ каждой палаты). Его назначеніе заключается „въ установленіи величины такъ наз. ассигнованій и въ указаніи основъ для ихъ раскладки“ (§ 53 ф. пр). Къ категоріи „bevillningar“, ассигнованій или чрезвычайныхъ вотируемыхъ доходовъ, теперь принадлежатъ: таможенныя пошлины, акцизъ на производство спирта, почтовый сборъ, гербовый сборъ, акцизъ на свеклосахарное производство и такъ. наз. allmänna bevillning, (общій подоходный налогъ).

Бевиллнингсъ—комитетъ имѣетъ дѣятельность не самостоятельную, а только дополнительную. Сумма, недостающая для покрытія государственныхъ потребностей и долженствующая быть покрытой чрезвычайными ассигнованіями (bevillningar), опредѣляется бюджетнымъ комитетомъ; только послѣ опредѣленія ея вступаетъ въ дѣятельность комитетъ ассигнованій. Ему поручено, какъ сказано выше, установлять основанія, по которымъ должны быть получаемы чрезвычайные государственные доходы, причемъ главнымъ объектомъ его дѣятельности является общій подоходный налогъ, такъ наз. allmänna bevillning. До 1854 г. почти каждый новый комитетъ ассигнованій вносилъ новыя правила оцѣнки, раскладки

---

[1]) Напомнимъ читателю что въ Швеціи проводится различіе между statsverket, общегосударственнымъ финансовымъ управленіемъ и riksgäldsverket, управленіемъ государственными долгами.

и взиманія общаго подоходнаго налога. Но съ 1854 г., комитетъ отказался отъ этой политики непрерывныхъ нововведеній. Постановленіе 1809—10 гг. что каждый риксдагъ обязанъ установить основанія для bevillningar, было отмѣнено. Вмѣстѣ съ тѣмъ было признано, что королю и его правительству лучше, чѣмъ комитету, извѣстны недостатки въ существующемъ строѣ ассигнованій, что слѣдовательно правительство должно имѣть право предлагать измѣненія или дополненія къ bevillnings—stadga, причемъ комитету предоставляется обсуждать эти предложенія, принять или не принять ихъ. Впрочемъ, допущеніемъ королевскихъ предложеній относительно ассигнованій инціатива комитета осталась совершенно неограниченной, какъ и прежде, но комитетъ, въ отличіе отъ бюджетнаго комитета, не имѣетъ права рѣшать вопросы окончательно и не имѣетъ функцій контроля. Характеръ компетенціи его, конечно, устраняетъ возможность исполненія функцій обвинителя [1]).

Комитеты бюджетный и ассигнованій имѣютъ дѣло съ многосложными явленіями общаго финансоваго управленія; причемъ работы перваго преимущественно основываются на бюджетной пропозиціи короля, на отчетахъ королевскаго правительства и на отчетахъ ревизоровъ риксдага; работы втораго получаютъ импульсъ отчасти отъ бюджетнаго комитета, отчасти отъ королевскаго правительства, отчасти же онѣ результатъ его собственной инціативы.

Въ совершенно иномъ, и притомъ своеобразномъ, положеніи находится третій изъ финансовыхъ комитетовъ рикс-

---

[1]) Что касается отношенія комитета къ таможеннымъ пошлинамъ и почтовому сбору, соприкасающимся съ королевскимъ правомъ экономическаго законодательства, а также отношенія комитета къ налогу на право продажи эпиртныхъ напитковъ, доходъ отъ котораго поступаетъ въ пользу общинныхъ кассъ обществъ сельскаго хозяйства и провинціальныхъ собраній, то мы обратимся къ нему ниже въ III главѣ.

дага—комитетъ по дѣламъ банка. Банкъ имѣлъ прежде названіе „Riksens ständers bank“ (банкъ государственныхъ сословій) теперь же онъ носитъ названіе Riksbank „государственнаго банка“, но юридическое его положеніе не измѣнилось. Онъ подобно коммиссіи погашенія государственныхъ, долговъ, изъятъ изъ сферы королевскаго финансоваго управленія и является объектомъ полновластныхъ рѣшеній риксдага. Онъ не statsverket, т. е. не государственное дѣло, а Riksdagsverket, дѣло риксдага. Поэтому и комитетъ риксдага, которому поручено, согласно § 53 ф. пр., „обозрѣвать управленіе банкомъ и состояніе его“, не имѣетъ дѣла съ королевскимъ правительствомъ. Его полномочія, порядокъ, задачи, цѣли его дѣятельности опредѣляются инструкціей, которая составляется каждымъ риксдагомъ для будущаго банковаго комитета (т. напр. такъ наз. банковый комитетъ 1893 г. руководствовался инструкціей, составленной риксдагомъ въ сессію 1892 г.). Комитетъ состоитъ изъ 14 лицъ (по 7 отъ каждой палаты). Его функціи имѣютъ троякій характеръ: 1) онъ контролируетъ управленіе банкомъ и ревизуетъ состояніе его дѣлъ, 2) онъ опредѣляетъ отъ себя, или по обсужденіи предложеній, поступившихъ отъ частныхъ лицъ, измѣненія въ уставѣ банка, порядкѣ его дѣятельности; 3) онъ рѣшаетъ детальные вопросы банковаго управленія окончательно, въ послѣдней инстанціи (med riksdagens rätt).

Что касается другихъ *постоянныхъ* комитетовъ, комитета законовъ и комитета конституціоннаго, то нужно замѣтить, что непосредственнаго отношенія къ финансамъ государства они неимѣютъ, но въ виду тѣсной связи, существующей между финансовымъ управленіемъ и всѣми другими отраслями государственной администраціи, ихъ мнѣніе приходится выслушивать иногда и по финансовымъ вопросамъ. Въ особенности это имѣетъ мѣсто въ отношеніи такъ наз. комитета законовъ, къ которому отчасти перешла компетенція обще-экономическаго

комитета сословнаго риксдага. Всѣ предложенія, касающіяся такъ наз. экономическихъ законовъ, если король считаетъ необходимымъ обсудить ихъ сообща съ риксдагомъ, поступаютъ въ комитетъ законовъ (мы замѣтили выше, что вопросы, касающіеся нѣкоторыхъ повинностей, въ особенности тѣхъ, которыя стоятъ въ связи съ строемъ indelta арміи и системою ея содержанія, обсуждаются въ комитетѣ законовъ). Его спеціальное назначеніе обсуждать всѣ предложенія, касающіяся гражданскихъ, уголовныхъ, церковныхъ законовъ, также законовъ о муниципальномъ управленіи, которые прежде, до 1870 г. входили въ сферу такъ. наз экономическаго законодательства, но по соглашенію короля съ риксдагомъ рѣшаются теперь сообща въ общемъ законодательномъ порядкѣ. Конституціонный комитетъ возбуждаетъ и обсуждаетъ вопросы объ измѣненіи основныхъ законовъ, ревизуетъ протоколы совѣта министровъ, дабы опредѣлить всѣ ли члены его исполнили свои обязанности законнообразно, и даетъ заключеніе о закономѣрности ихъ дѣйствій. Замѣтимъ что его критика вовсе не ограничивается формальными рамками исполненія законовъ, но что онъ можетъ и долженъ обсудить дѣятельность членовъ совѣта по его протоколамъ и съ точки зрѣнія политической цѣлесообразности. Дѣятельность начальника департамента финансовъ не изъята изъ контроля конституціоннаго комитета, слѣдовательно комитетъ подвергаетъ своей критикѣ закономѣрность и цѣлесообразность дѣйствій высшаго финансоваго управленія.

Эти комитеты въ большинствѣ случаевъ дѣйствуютъ отдѣльно, каждый въ кругу своей компетенціи, но въ извѣстныхъ случаяхъ они делегируютъ нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ для общаго обсужденія съ однимъ изъ другихъ комитетовъ, т. е, для образованія такъ наз. сложнаго комитета „samansatt utskott“. Только конституціонный комитетъ дѣйствуетъ всегда отдѣльно и самостоятельно. Бюджетный коми-

тетъ соединяется путемъ делегаціи съ комитетомъ ассигнованій, напр. по вопросу о возвратѣ уплаченнаго таможеннаго сбора или акциза на спиртъ и сахаръ, по вопросу объ измѣненіи общаго подоходнаго налога, въ связи съ вопросомъ о покрытіи дефицита въ бѣджетѣ, объ ассигнованіи суммъ на особенно важныя государственныя цѣли. Тотъ же бюджетный комитетъ соединяется съ комитетомъ по дѣламъ банка для обсужденія вопроса о совмѣстныхъ кредитныхъ операціяхъ банка и коммиссіи погашенія государственныхъ долговъ. Съ комитетомъ законовъ бюджетный комитетъ соединяется для рѣшенія вопросовъ, касающихся исполненія дорожной повинности, наложенія штрафа за неуплату поземельнаго налога, объ изданіи закона объ отвѣтственности коммиссаровъ коммиссіи погашенія. Наконецъ, бывали случаи соединенія трехъ комитетовъ (бюджетнаго, законовъ и ассигнованій), напр. въ 1874 г. для обсужденія вопроса о способѣ замѣны пошлинъ, поступавшихъ въ пользу судей или административныхъ чиновниковъ, о регулированіи содержанія герадсъ-гефдинговъ (окружныхъ судей).

Комитетъ ассигнованій соединяется съ комитетомъ законовъ для обсужденія вопроса объ установленіи штрафовъ за нарушеніе постановленій положенія о подоходномъ налогѣ, за нарушеніе законовъ и инструкцій о продажѣ спирта, о таможенномъ осмотрѣ и т. д.

Банковый комитетъ соединяется съ комитетомъ законовъ для выработки проекта закона и положенія о банкѣ, монетной системѣ, о частныхъ акціонерныхъ банкахъ, объ отвѣтственности комиссаровъ банковаго управленія [1]).

Если какой либо финансовый вопросъ почитается особенно важнымъ, то палатамъ предоставлено право изъять его

---

[1]) Примѣры совмѣстнаго дѣйствія комитетовъ ср. у Рюдина „Svenska Riksdagen II, 2, 146 и слѣд.

изъ компетенціи бюджетнаго комитета, комитета банковаго или комитета ассигнованій и поручить разсмотрѣніе, обсужденіе и представленіе доклада спеціальному комитету, какъ это неоднократно и дѣлалось. Если одна изъ палатъ считаетъ необходимымъ собрать какія либо спеціальныя справки по финансовому дѣлу, прежде чѣмъ дать свое окончательное сужденіе по докладу одного изъ постоянныхъ комитетовъ, то ей предоставляется учредить такъ наз. случайный комитетъ, состоящій изъ членовъ, избранныхъ только ею Наконецъ, и по финансовымъ вопросамъ могутъ быть, по желанію короля, снаряжены особыя депутаціи для секретнаго обсужденія дѣла, но въ дѣйствительности это никогда не случалось. Пресловутый геній „secretessen“ эпохи свободы исключенъ изъ области финансоваго управленія и законодательства.

Спеціальныя коммиссіи, комитеты, депутаціи, составленныя изъ немногихъ членовъ парламента, мы встрѣчаемъ и въ другихъ конституціонныхъ государствахъ, но такъ наз. постоянные комитеты являются отличительною, своеобразною чертою организаціи шведскаго риксдага. Ни „committee“ англійскаго парламента, ни „bureaux“ французской палаты депутатовъ, ни спеціальныя коммиссіи германскаго „Reichstag“ не играютъ той роли, которая исполнается шведскими постоянными комитетами. И sections или commissions permanentes бельгійской палаты депутатовъ и постоянные комитеты сѣверо-американскаго конгресса не могутъ быть съ ними сравниваемы. Всѣ эти комитеты, коммиссіи, бюро и секціи суть результатъ парламентской практики, требованія удобства, удовлетвореніе котораго зависитъ отъ усмотрѣнія палатъ. Въ Швеціи же не парламентъ, а основные законы, конституція, создали эти комитеты какъ органическую, составную часть, съ разъ навсегда опредѣленнымъ кругомъ вѣдомства. Мотивы, по которымъ законодатели 1809—1810 гг. сохранили комитеты, эту принадлежность стариннаго сослов-

наго риксдага, почему они были сохранены и въ 1866 г., заключаются въ слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) они считали необходимымъ доставить палатамъ возможность соединить въ одномъ совѣщательномъ учрежденіи лучшія свои силы для подробнаго, спеціальнаго обсужденія внесенныхъ въ риксдагъ вопросовъ. Въ другихъ конституціонныхъ государствахъ, коммиссіи, бюро и секціи состоятъ только изъ членовъ нижней палаты, и слѣдовательно верхнія палаты совершенно исключаются отъ исполненія фактически главнѣйшей детальной работы парламента; въ Швеціи же комитеты, соединяя въ себѣ представителей партій въ верхней и нижней палатахъ, являются связующимъ звеномъ между обѣими частями риксдага. 2) комитеты разсматриваютъ всѣ предложенія, внесенныя въ риксдагъ какъ правительствомъ, такъ и депутатами: этимъ дается возможность устранить всякое предложеніе, недостаточно обоснованное и обдуманное, — и риксдагъ освобождается отъ необходимости терять время на обсужденіе совершенно безполезныхъ, не необходимыхъ предложеній, которыми слишкомъ усердные депутаты столь часто заваливаютъ напр. французскую палату депутатовъ. 3) обязательное учрежденіе комитетовъ, дѣйствующихъ одновременно и постоянно, предупреждаетъ возможность исключительнаго господства мнѣній той или другой партіи въ подготовительныхъ работахъ. Въ другихъ государствахъ обыкновенно наиболѣе вліятельные члены партій забираютъ въ свои руки почти всѣ коммиссіи и секціи: они одновременно могутъ числиться въ цѣломъ рядѣ коммиссій и вездѣ проводить свои партійные взгляды, препятствуя этимъ безпристрастному рѣшенію вопроса; въ Швеціи же одно и тоже лицо можетъ быть членомъ только одного комитета.

Конечно, строй комитетовъ риксдага въ Швеціи имѣетъ свои недостатки. Составъ риксдага вообще не великъ, и фактически большинство депутатовъ распредѣляется по коми-

тетамъ, причемъ едвали возможно найти среди членовъ одной и той же палаты достаточное количество лицъ компетентныхъ, свѣдущихъ и опытныхъ по тѣмъ спеціальнымъ вопросамъ, которые подлежатъ вѣдѣнію комитетовъ. Уже одни финансовые комитеты требуютъ 16 спеціалистовъ. Особенно способные депутаты не имѣютъ притомъ возможности посвящать свои силы одновременно нѣсколькимъ комитетамъ. Наконецъ, исключаются изъ числа лицъ, могущихъ быть избранными въ комитеты, всѣ тѣ, кто занимаютъ какую либо должность въ учрежденіяхъ, подчиненныхъ ревизіи риксдага. Слѣдовательно, всѣ члены совѣта министровъ, служившіе въ теченіе отчетнаго періода, всѣ члены управленія банка, комиссіи погашенія, и т. д., словомъ цѣлый рядъ лицъ, которыя знакомы съ финансами, лишается возможности быть членами финансовыхъ комитетовъ. Учрежденіе сложныхъ, спеціальныхъ и случайныхъ комитетовъ нѣсколько парализуетъ указанные недостатки, но тѣмъ не менѣе они все еще очень чувствительны [1]).

[1]) Нѣчто подобное постояннымъ комитетамъ шведскаго риксдага мы видимъ въ Норвегіи. Согласно учрежденію о Стортингѣ, всѣ члены его распредѣляются между 14 комитетами, изъ которыхъ главные слѣдующіе: 1) комитетъ протоколовъ, 2) комитетъ конституціонный, 3) комитетъ по дѣламъ церкви и народнаго просвѣщенія, 4) комитетъ по дѣламъ полиціи и юстиціи, 5) комитетъ по дѣламъ таможенъ, налога на солодъ и спиртъ, 6) по военнымъ дѣламъ, 7) по пенсіямъ и жалованьямъ; 7—8) 2 комитета по дѣламъ народнаго хозяйства, 9) комитетъ по дѣламъ дорогъ, почтъ и ямскихъ подводъ, 10) комитетъ желѣзно-дорожный и 11) комитетъ по дѣламъ бюджета. По мнѣнію Ашехуга, этотъ строй комитетовъ парализуетъ многіе недостатки одно-палатной системы, давая меньшинству возможность высказаться хотя бы въ предварительной стадіи законодательныхъ работъ.

Но едвали эта дробность комитетовъ (8 комитетовъ имѣютъ дѣло съ вопросами экономическими и финансовыми!) способна при разработкѣ деталей не упускать изъ виду принципъ единства въ государственномъ управленіи. Въ Даніи, какъ и въ другихъ конституціонныхъ государствахъ Европы, не существуетъ постоянныхъ комитетовъ, но риксдагу (Фолкстингу и Ландстингу) предоставлено, по своему усмотрѣнію, учреждать коммиссіи. Но замѣчательно то, что по почину опредѣленнаго числа депутатовъ (12 въ Ландстингѣ, 15 въ Фолкстингѣ)

Замѣчательно и въ высшей степени вредно то, что члены совѣта министровъ не имѣютъ доступа въ засѣданія комитетовъ, а должны ожидать ихъ доклада въ plenis палатъ. Этимъ отчасти объясняется, что такъ часто комитеты, въ особенности комитетъ конституціонный и комитетъ бюджетный, не получая устныхъ объясненій отъ членовъ правительства, вносятъ рѣзкія замѣчанія противъ правительства въ plenum,—замѣчанія, которыя вызваны недоразумѣніями. Устраненіе представителей правительства въ особенности неблагопріятно въ бюджетномъ комитетѣ, самомъ важномъ изъ всѣхъ. Просмотръ бюджетныхъ статей, опредѣленіе суммы ассигнованій, объясненіе причинъ передвиженія кредитовъ, употребленія сбереженій, объясненія переборовъ—все это требуетъ постояннаго присутствія начальника финансоваго департамента. При существующихъ же порядкахъ комитетъ, не выслушавъ его, вноситъ свой вердиктъ въ plenum, члены котораго волей неволей подчиняются предрѣшеніямъ комитета, и мало склонны измѣнять постановленія его послѣ объясненій министра, представляемыхъ въ этой второй стадіи работъ риксдага.

Выяснивъ въ общихъ чертахъ строй шведскаго риксдага, перейдемъ къ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ его правъ, какъ субъекта финансоваго верховенства.

Намъ неоднократно приходилось цитировать статью 57 ф. пр. 1809 (въ редакціи 1866 г.) „Древнее право шведскаго

выборы членовъ въ комитетъ производятся не по большинству голосовъ, а по изобрѣтенной Андрэ въ 1855 году системѣ „пропорціональныхъ выборовъ“ (Förholdstalsvalgmaade). Эта система примѣняется въ большинствѣ случаевъ и заключается въ слѣдующемъ: каждое меньшинство избирателей, которое превышаетъ квотіентъ, получаемый придѣленіи всего остальнаго количества избирателей на число подлежащихъ избранію депутатовъ, можетъ избрать особаго представителя. При этой системѣ выборовъ есть возможность предоставить каждой нѣсколько значительной группѣ политическихъ интересовъ въ данной коллегіи избирателей особенное представительство, ср. Goos und Hansen 61, также Коркунова. Русское государственное право I, 297. Коркуновъ ошибается относительно времени: эта система введена въ 1855 г., а не въ 1850 г.

парода облагать себя налогами осуществляется только однимъ риксдагомъ". Эта статья служитъ обыкновенно оправданіемъ тѣмъ изъ защитниковъ народной власти, которые стремятся съузить финансовую власть короля и расширить право риксдага на высшее и повозможности неограниченное распоряженіе государственными финансами. Эта же статья служитъ оправданіемъ и защитникамъ прерогативъ короля, указывающимъ на слово „самообложеніе" и стремящихся ограничить финансовую власть риксдага предѣлами древне-сословнаго „Steuerbewilligungsrecht".—Между тѣмъ, если мы обратимся къ мотивамъ законодателей 1809–10 гг., то мы увидимъ, что эта статья не должна играть ни роли ковчега пандоры, изъ котораго неожиданно сыплются различныя правомочія риксдага, ни роли неизмѣннаго предѣла его участія въ финансовомъ заканодательствѣ. Законодатели 1809 г. не желали „внести большія и рѣшительныя перемѣны въ древнія основы шведскаго государственнаго устройства". Они выходили изъ воззрѣнія, что „общее право народа и личная свобода и безопасность согражданъ не имѣютъ лучшей охраны, чѣмъ именно эти древнія основы, освященныя вѣками, укрѣпленныя общими силами народа, находящими въ нихъ свое выраженіе.— „Власть самообложенія" (sjelfeskattningsmakt) почитается лучшей гарантіей сохраненія въ цѣлости этихъ правъ: „она именно поддерживаетъ и укрѣпляетъ народное представительство; ея поддержаніе и охраненіе поэтому крайне важны не только въ интересахъ народнаго благосостоянія, но и въ интересахъ свободы." [1]).

Конституціи 1772 и 1789 гг. грозили уничтожить это драгоцѣнное право шведскаго народа или по крайней мѣрѣ

---

[1]) „Det är denna, som upprätthâllar och befästar national—representationen. Dess vârdaude är foljaktligen icke blott för nationens välständ, utan äfven fôr dess frihet af den yttersta vigt".

сдѣлать его иллюзорнымъ. Поэтому законодатели 1809—1810 гг. подчеркнули эту статью. Ею начинается изложеніе правъ риксдага. Ни король самовластно, ни король по соглашенію съ какимъ либо провинціальнымъ земскимъ собраніемъ, (подобно древнимъ вѣчамъ въ округахъ и провинціяхъ, härad и landskap), ни одна изъ палатъ, ни одинъ изъ комитетовъ,—только риксдагъ одинъ въ полномъ составѣ осуществляетъ это право. Но, подобно тому какъ слово allenä въ 4 § ф. пр. 1809 г. не означаетъ, что король фактически имѣетъ неограниченное право управленія во всѣхъ отрасляхъ государственной администраціи, такъ и фраза „svenska folkets urgamla rätt att sig beskatta utöfvas äf riksdagen allena“ не означаетъ, что власть самообложенія неограниченна. Она ограничивается королевскимъ правомъ экономическаго законодательства, въ силу котораго король можетъ отказаться отъ принятія внесенной въ бюджетъ суммы для задачъ, исполненіе которыхъ считается имъ нецѣлесообразнымъ, въ силу котораго король измѣняетъ юридическій строй различныхъ отраслей народнаго хозяйства; въ силу котораго онъ издаетъ постановленія о пошлинахъ за выдачу различнаго рода патентовъ, привиллегій, о сборѣ ямскомъ, о сборахъ дорожныхъ мостовыхъ, о пошлинахъ за пользованіе гатями, паромами, и т. д., въ силу котораго онъ понижаетъ и повышаетъ таможенную пошлину на хлѣбъ. Эта власть риксдага ограничивается, наконецъ, постановленіемъ, что безъ согласія короля нельзя внести измѣненій въ строй такъ наз. ординарныхъ доходовъ (ordinarie inkomster) и повинностей въ пользу indelta арміи. Риксдагъ неоднократно старался выйти за эти предѣлы. Право экономическаго законодательства имъ оспаривалось. Онъ изъявляетъ претензіи на измѣненіе своею властью строя ординарныхъ доходовъ, но всѣ юристы Швеціи протестуютъ, заявляя, что если право самообложенія народа „urgamla“ (древне), то и право короля на полученіе

всѣхъ тѣхъ доходовъ, которые разъ подведены подъ категорію ordinarie, тоже „urgamla“ [1]).

Это ограниченіе права риксдага облагать народъ имъ представляемый налогами не есть ограниченіе разъ на всегда данное, неизмѣнное. Категорія ординарныхъ доходовъ росла и ростетъ по мѣрѣ измѣненія воззрѣній на постоянныя обыкновенныя задачи государства. Захватъ церковной десятины въ XVI столѣтіи былъ объявленъ временнымъ средствомъ для покрытія чрезвычайныхъ нуждъ королевства; но и теперь еще, хотя и въ сравнительно незначительныхъ размѣрахъ, десятина числится въ ряду ординарныхъ доходовъ. Подушный налогъ (mantalspenningar), совокупность денежныхъ и натуральныхъ сборовъ и натуральныхъ повинностей, составляющихъ „hemmantals räntorna“, часть современнаго поземельнаго налога (grundskatt), были первоначально военными субсидіями (въ началѣ 17 ст.); но, когда окончились великія войны эпохи Густава Адольфа, когда исчезли потребности военнаго времени, государство успѣло уже расширить свои мирныя задачи настолько, что и военныя налоги едва покрывали приростъ ординарныхъ расходовъ. Когда появились первыя казенныя желѣзныя дороги, первые казенные телеграфы,—то сборы за пользованіе ими (Telegrafmedel и Jernvägstrafikmedel) вошли въ категорію bevillningar; но когда желѣзныя дороги и телеграфы сдѣлались обычнымъ явленіемъ, когда на содержаніе ихъ перестали смотрѣть какъ на промысловое предпріятіе и признали ихъ органическою частью государственныхъ полицейскихъ учрежденій,—доходы отъ

---

[1]) Ср. напр. Landgren. Om Konungens sanctionsrätt vid förändring eller upphâfvande af statens ordinarie inkomster. 1890. „Alltså—läserman §§ na 59 och 63 R. F. rätt, so står det verkligen der, att statsverkets ordinarie inkomster, icke kunna utan K nungens samtycke förändras eller upphâfvas, ty de äro ordinarie, äro K o n u n g e n-s r ä t t. Шведскіе юристы (Науманъ, Рабеніусъ, Тулинъ) сравниваютъ эти ordinarie inkomster съ ordinary revenue англійской короны, примѣняя къ нимъ и названіе „наслѣдственные доходы“.

казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ передвинулись въ категорію ординарныхъ. Наступитъ срокъ и для передвиженія почтоваго, гербоваго сбора, свеклосахарнаго акциза, акциза на спиртъ, наконецъ и для таможенныхъ пошлинъ, и въ категоріи чрезвычайныхъ доходовъ останется лишь „Bevillning af fast egendom samt af inkomst“, т. е общій подоходный налогъ. Право самообложенія, провозглашенное опорою и основою конституціонной свободы не имѣетъ слѣдовательно неизмѣннаго содержанія [1]). Какое же значеніе въ наше время имѣетъ пресловутая формула 57 ст? Какое содержаніе имѣетъ право самообложенія? Оно уже буквальнаго смысла 57 ст., и вмѣстѣ съ тѣмъ шире.

Риксдагъ имѣетъ право по своему усмотрѣнію опредѣлить сумму такъ наз. ассигнованій (bevillningar), не только общую сумму и подробности раскладки общаго подоходнаго

---

[1]) Нѣкогда и опредѣленіе размѣра рекрутской повинности, смотря по потребностямъ военнаго времени, считалось правомъ государственныхъ чиновъ, ассигновавшихъ это „налогъ на кровь народа“. Короли пополняли армію или по соглашенію съ риксдагомъ, или по соглашенію съ областями, рѣшавшими, кто изъ „сыновей отечества“ долженъ слѣдовать призыву короля. Со времени Карла XI рекрутскій наборъ замѣненъ содержаніемъ кадровъ поселенной арміи. „Строй поселенной арміи“, Indelningsverket, не можетъ быть измѣненъ безъ согласія короля. Неоднократно риксдагъ пытался отвоевать у короля право неограниченнаго распоряженія поселенной арміей, присвоить себѣ право измѣнять систему ея содержанія. Короли отстаивали и отстояли свое право, хотя въ ихъ интересѣ было бы замѣнить indelta армію вербованнымъ войскомъ. Англійскій парламентъ видитъ одну изъ гарантій своей свободы въ отсутствіи сильной постоянной арміи. Содержаніе немногочисленныхъ вербованныхъ полковъ до послѣдняго времени требуетъ ежегоднаго разрѣшенія въ силу mutiny act. Своеобразный строй шведской поселенной арміи парализовалъ опасности, грозящія конституціонный свободѣ отъ постоянной арміи. Полки квартируютъ постоянно въ одномъ и томъ округѣ; они не живутъ жизнью, отдѣльною отъ жизни населенія. Солдатъ indelta арміи на половину поселянинъ. Офицеры и солдаты не проникнуты духомъ преторіанцевъ, безпредѣльно преданныхъ кесарю, разъ кесарь щедръ на подарки и милости. Политическія воззрѣнія арміи тѣ же, что и народа. Послѣ этого ясно, что шведская армія нѣсколько разъ выступала защитницей народной свободы (1600—1611, 1722, 1788 и 1809 гг.), но никогда не оружіемъ абсолютизма. А защитниками этого военнаго строя являются короли, порицателями же этой системы—депутаты риксдага.!!

налога, но и сумму почтоваго сбора таможеннаго сбора, акциза на сахаръ, спиртъ, гербоваго сбора. Въ конституціи 1809 г. мы не находимъ ни одного намека на то, что риксдагъ *обязанъ* ассигновать чрезвычайные доходы. И тѣмъ не менѣе въ теченіе 80 лѣтъ, истекшихъ со времени изданія формы правленія 1809 г. не было ни одного случая, чтобы кто либо изъ депутатовъ грозилъ не ассигновать чрезвычайные доходы. Напротивъ риксдагъ видитъ въ своемъ „правѣ самообложенія“ обязанность доставлять коронѣ необходимыя по ея заявленію средства для осуществленія задачъ государственнаго управленія. Кромѣ этой нравственной, признанной риксдагомъ, узды свободы распоряженія своей прерогативой, съ 1866 г. законъ установилъ и юридическую. Осуществленіе права участвовать въ выборахъ (пассивнаго и активнаго) въ общинѣ, провинціи и для риксдага обусловлено, на основаніи законовъ 1862—1866 гг. уплатою государственнаго подоходнаго налога и общинныхъ centimes additionels. Слѣдовательно, если бы риксдагъ когда либо вздумалъ отказать въ ассигнованіи общаго подоходнаго налога, то онъ этимъ отказомъ разрушилъ бы весь строй представительства, какъ мѣстнаго, такъ и общегосударственнаго. Такимъ образомъ, фактически и юридически риксдагъ обязанъ исполнять обязанность самообложенія; его право превращается въ своего рода privillegium odiosum. Предвидѣли ли это послѣдствіе законодатели 1862—1866 гг., желали ли они эту связанность народнаго представительства? Это неизвѣстно, но фактъ несомнѣненъ, что до отмѣны современной системы выборовъ— право и обязанность ассигнованія главной части чрезвычайныхъ доходовъ сдѣлались синонимами. Что касается подробностей строя чрезвычайныхъ налоговъ: основъ обложенія, оклада, способовъ оцѣнки, сроковъ взиманія и т д, то опредѣленіе ихъ предоставлено риксдагу (по докладу комитета ассигнованій). Король же имѣетъ право требовать измѣненій,

разъ онъ признаетъ то или другое правило нарушающимъ какой либо изъ существующихъ законовъ, или же нецѣлесообразнымъ Это его право вытекаетъ изъ существа его власти, какъ охранителя законовъ и главы управленія.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ расширенія постоянныхъ задачъ государственнаго управленія, требующихъ для своего исполненія прочныхъ, не подлежащихъ ежегодно перемѣнамъ доходовъ;—съузилась сфера свободнаго ряспоряженія риксдага податными силами народа. Подобно тому, какъ въ Англіи старинныя вновь вотируемыя каждымъ парламентомъ субсидіи перешли изъ категоріи „precaria“ въ категорію разъ на всегда закономъ установленныхъ налоговъ, присоединились къ ordinary revenue и затѣмъ составили такъ наз. консолидированный фондъ, такъ въ Швеціи военныя контрибуціи, временные налоги и пошлины перешли въ категорію ordinarie inkomster и подчинились „королевскому праву“ konungensrätt. Процессъ этого постепеннаго передвиженія, какъ мы замѣтили выше, еще неоконченъ; его дальнѣйшій ходъ зависитъ отъ развитія понятій о необходимыхъ постоянныхъ задачахъ государства. Если бы, „право самообложенія“, принадлежащее риксдагу, по содержанію своему не выходило изъ рамокъ буквальнаго смысла этихъ словъ, то намъ слѣдовало бы признать, что финансовая власть риксдага „новой эры“ уже той власти, которой пользовались старинные сеймы временъ сильнаго личнаго управленія королей. Но параллельно съ процессомъ ограниченія свободы распоряженія парламента податными силами народа, какъ въ прототипѣ конституціоннаго строя, въ Англіи, такъ и въ Швеціи, гордящейся непрерывно преемственнымъ развитіемъ своихъ государственныхъ учрежденій, идетъ процессъ расширенія участія парламента при распредѣленіи матеріальныхъ силъ государства для службы цѣлямъ государства. Этотъ процессъ во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ есть плодъ созна-

нія того огромнаго вліянія, которое строй государственныхъ расходовъ имѣетъ на соціально-экономическое развитіе народа. И въ этомъ отношеніи замѣтна тѣсная органическая связь существующая между установленіемъ болѣе или менѣе узкихъ или широкихъ предѣловъ права парламента опредѣлять государственные расходы и контролировать ихъ исполненіе, прочностью формъ хозяйственнаго быта и прочностью и опредѣленностью связанныхъ съ этими формами интересовъ отдѣльныхъ соціальныхъ группъ. Уже въ 1668 г. въ Англіи парламентъ издаетъ первую apropriation bill, въ Швеціи же только въ 1809 г., и еще опредѣленнѣе въ 1866 г., нормируется право народнаго представительства опредѣлять и контролировать весь строй государственныхъ расходовъ. Въ такъ наз. эпоху свободы правящіе классы, представители которыхъ засѣдали въ секретномъ комитетѣ, захватили это право въ свои руки; финансовое управленіе было слугою интересовъ дворянъ и регулярныхъ гражданъ. Въ 1809 г. всѣ тѣ сословія, которыя представляли сплоченныя корпораціи, раздѣлили между собою эту функцію. Въ 1866 г. она перешла въ руки представительства экономически сильныхъ классовъ.

Функція нормированія государственныхъ расходовъ и контроля надъ ихъ исполненіемъ опредѣляется 4 статьями ф. пр. 1809 г. (§ 62—63, 64 и 65). Онѣ устанавливаютъ слѣдующее: ст. 62 гласитъ: „Послѣ того, какъ комитетъ бюджета установилъ финасовыя потребности и риксдагъ обсудилъ ихъ, ему предоставляется ассигновать соотвѣтственный „bevillning“, опредѣляя при томъ, какія спеціальныя суммы должны быть употреблены на спеціальныя цѣли и распредѣлить эти суммы по опредѣленнымъ главнымъ титуламъ бюджета. Ст. 63 опредѣляетъ порядокъ вотированія двухъ кредитовъ на непредвидѣнныя обстоятельства. Ст. 64 гласитъ: какъ обыкновенныя государственныя средства и доходы, такъ

и тѣ суммы, которыя ассигнуются риксдагомъ установленнымъ порядкомъ подъ именемъ чрезвычайныхъ податей или ассигнованій для пополненія государственныхъ доходовъ, передаются въ распоряженіе короля, дабы онѣ были употреблены на *признанныя* риксдагомъ потребности и согласно установленному штату". Ст. 65 гласитъ: Эти государственныя средства не могутъ быть иначе употреблены, какъ то установлено риксдагомъ. Члены совѣта министровъ (statsrädet) отвѣчаютъ за каждое допущенное имъ отступленіе. Они обязаны вносить въ протоколъ свой протестъ противъ всякаго такого отступленія и требовать соблюденія того, что установлено риксдагомъ".

Нельзя сказать, чтобы эти статьи были очень ясно редактированы и не допускали самыхъ различныхъ толкованій. Въ нихъ высказано только запрещеніе тѣхъ безконтрольныхъ растратъ государственныхъ суммъ на придворную роскошь и затѣи черезчуръ смѣлой предпріимчивости, которыми изобилуетъ исторія финансоваго управленія временъ Густава III. Но и самое добросовѣстное правительство можетъ быть поставлено въ необходимость измѣнить распредѣленіе суммъ по бюджетнымъ статьямъ. Мы уже замѣтили выше, что шведское государственное право допускаетъ virements по подраздѣленіямъ главныхъ статей. Мы указали также (и вернемся къ вопросу еще разъ въ слѣдующей главѣ) на право короля употреблять при извѣстныхъ условіяхъ сбереженія при исполненіи бюджета на государственныя цѣли, удовлетворительное осуществленіе которыхъ не возможно при употребленіи ассигнованныхъ риксдагомъ суммъ. Замѣчанія и напоминанія членовъ совѣта, вносимыя въ протоколъ, имѣютъ тотъ смыслъ, что они даютъ возможность конституціонному комитету, бюджетному комитету и ревизорамъ риксдага обсудить основательность передвиженій и переборовъ и сдѣлать предложеніе сейму вотировать индемнитетъ, или привлечь того или другаго ми-

нистра къ отвѣтственности передъ государственнымъ судомъ, или наконецъ предложить королю увольненіе его, какъ не способнаго обсудить пользу и интересы государства.

Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе подробностей порядка установленія бюджета расходовъ, замѣтимъ что:

1) риксдагъ не пользуется правомъ отмѣнять или измѣнять по своему усмотрѣнію статьи бюджета обыкновенныхъ расходовъ;

2) отмѣна, замѣна, измѣненіе (увеличеніе или сокращеніе) статей бюджета чрезвычайныхъ расходовъ могутъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ опротестованы королемъ;

3) риксдагъ имѣетъ право вотировать длящіеся чрезвычайные расходы, т. е. расходы не только на одинъ бюджетный періодъ, но на нѣсколько, и слѣдующіе за нимъ риксдаги не могутъ, безъ согласія короля, отмѣнить, или сократить, или увеличить ихъ;

4) при разсмотрѣніи правъ короля, какъ субъекта финансоваго верховенства, мы уже замѣтили, что отчужденіе недвижимыхъ имуществъ государства допускается не иначе, какъ съ согласія риксдага (ст. 77 ф. пр.). Это правило отвергаетъ окончательно старинныя претензіи королей — быть признанными верховными собственниками надъ всѣми землями въ государствѣ и въ особенности верховными собственниками государственныхъ имуществъ;

5) принятіе денежныхъ субсидій отъ иностранныхъ державъ требуетъ согласія риксдага (ст. 58);

6) никакой заемъ заключенный правительствомъ безъ согласія риксдага, не признается государственнымъ.

Контроль надъ исполненіемъ государственнаго бюджета осуществляется риксдагомъ двоякимъ путемъ: 1) черезъ посредство ревизоровъ, избираемыхъ изъ среды депутатовъ, и 2) черезъ посредство бюджетнаго комитета и отчасти комитета конституціоннаго.

Наконецъ, двѣ области финансоваго управленія, какъ уже было нами замѣчено, подчинены исключительно риксдагу: управленіе государственнымъ банкомъ и управленіе комиссіей погашенія государственныхъ долговъ.

Ст. 66, 68 и 72 гласятъ: коммисія государственныхъ долговъ остается подъ управленіемъ, надзоромъ и руководствомъ риксдага. Такъ какъ риксдагъ принимаетъ на себя отвѣтственность за всѣ долги, съ которыми имѣетъ дѣло контора, то на немъ лежитъ обязанность, по выслушаніи доклада бюджетнаго комитета о состояніи и потребностяхъ конторы доставить путемъ особыхъ ассигнованій средства, признанныя необходимыми для погашенія долговъ, платежа процентовъ и амортизаціи капиталовъ, дабы кредитъ государства былъ сохраненъ въ непоколебимости.... Средства, принадлежащія конторѣ погашенія и ассигнованныя въ ея пользу, ни подъ какимъ предлогомъ, ни какимъ произволомъ (sic) не могутъ быть изъяты изъ ея вѣдѣнія (намекъ на незаконныя распоряженія Густава III и IV) и не могутъ быть употреблены на другіе предметы, кромѣ тѣхъ, которые установлены риксдагомъ. Всякое распоряженіе, противорѣчащее сему не имѣетъ законной силы.

Банкъ государства остается и впредь, какъ доселѣ, подъ исключительнымъ надзоромъ и гарантіей риксдага. Онъ управляется по инструкціямъ и регламентамъ, которые даны или будутъ даны риксдагомъ. Только риксдагъ имѣетъ право признавать и объявлять выпущенные банкомъ билеты государственною монетою. (Слѣдовательно, выпускъ „монетныхъ билетовъ“, въ родѣ билетовъ 1716—19 гг. и билетовъ государственнаго казначейства 1789 г., запрещенъ).

Таково, въ общихъ чертахъ, соотношеніе правъ финансоваго верховенства, предоставленныхъ основными законами Швеціи королю и риксдагу. Распредѣленіе ихъ не построено на какой либо политической теоріи; оно результатъ исторіи

развитія шведской королевской власти и шведскаго риксдага. Права каждой изъ этихъ двухъ властей не суть прерогативы и привиллегіи, которыми каждая изъ нихъ можетъ пользоваться по своему усмотрѣнію,—права эти имѣютъ значеніе обязанностей. Королю „надлежитъ“ управлять государствомъ съ помощью тѣхъ силъ и средствъ, которыя считаются ординарными. Риксдагу „надлежитъ“ дать королю возможность осуществить всѣ тѣ задачи, которыя признаны государственными послѣ обмѣна мыслей о нихъ высшаго охранителя мира и права съ представителями свободнаго народа. Таковъ руководящій и основной принципъ, на которомъ построено бюджетное право Швеціи. Къ разсмотрѣнію его мы теперь перейдемъ.

ГЛАВА II.

Бюджетъ и бюджетное право Швеціи.

Источники и литература указаны въ предыдущей главѣ. Спеціальнаго сочиненія о бюджетѣ и бюджетномъ правѣ въ шведской литературѣ не имѣется. Самое подробное обсужденіе вопросовъ бюджетнаго права находится у Наумана и Рюдина, въ ихъ указанныхъ крупныхъ трудахъ. Въ финансовомъ правѣ Линде бюджетное право изложено очень коротко. Что же касается нешведской литературы финансоваго и государственнаго права, то можно только выразить сожалѣніе, что она обратила столь мало вниманія на своеобразное историческое развитіе и современный строй бюджетнаго права Швеціи. Швецію или совсѣмъ обходятъ молчаніемъ (и это случается въ большинствѣ случаевъ), или же авторы ограничиваются краткими, весьма поверхностными замѣчаніями о бюджетѣ скандинавскихъ государствъ вообще, вовсе не предполагая даже, что бюджетное право каждаго изъ скандинавскихъ государствъ совершенно различно и вполнѣ оригинально. Такъ Штейнъ, Lehrbuch der Finanzwissenschaft, I, 3 изд., стр. 283) говоря о бюджетномъ правѣ Италли, замѣчаетъ: «Jn ganz ähnlicher Weise hat sich der Staatsvoranschlag in den scandinavischen Reichen ausgebildet». Но бюджетное право Швеціи похоже на бюджетное право Италіи столько же, сколько англійское. У Вагнера ничего не говорится о Швеціи. Чернигъ въ своихъ трудахъ[1]). говоритъ о бюджетахъ и бюджетномъ правѣ Австріи, Пруссіи, Саксоніи, Баваріи, Вюртемберга, Бадена, Франціи, Бельгіи, Испаніи, Португаліи, Голландіи, но не о Швеціи. Въ болѣе старыхъ трудахъ по финан-

---

[1]) Das österreichische Budget für 1862 in Vergleichung mit jenen der vorzüglichsten anderen enropäischen Staaten 1862; Darstellung der Einrichtungen über Budget, Staatsrechnung und Controlle etc. 1866

совому праву и въ спеціальной литературѣ о бюджетѣ, финансовомъ счетоводствѣ, контролѣ (Fulda, Jacob' Kieschke, Escherich) о Швеціи нѣтъ ни слова. Только у Malchus'a въ его извѣстномъ «Handbuch der Finanzwissenschaft und Finanz verwaltung», Швеція упоминается вскользъ, и въ приложеніяхъ помѣщенъ обзоръ шведскихъ государственныхъ доходовъ и расходовъ 1825 г. Только у Leroy-Beaulien («Traité de la science des Finances», 3 изд. II. Le budget et le crédit public) въ главѣ «La vote du budget», находится обзоръ порядка составленія бюджета въ Швеціи, составленный на основаніи данныхъ въ сборникѣ Кобденъ-Клуба. Въ русской литературѣ по финансовому праву Швеція также обходилась молчаніемъ до послѣдняго времени. Впервые о ней говорится въ новомъ изданіи курса финансоваго права проф. В. А. Лебедева. Во второмъ выпускѣ находится обзоръ организаціи государственнаго контроля въ Швеціи. Это даетъ намъ основаніе думать, что въ слѣдующемъ выпускѣ, гдѣ вѣроятно, будетъ изложено бюджетное право, Швеція также найдетъ свое мѣсто.

Какъ въ большинствѣ западно-европейскихъ государствъ, такъ и въ Швеціи бюджетъ и бюджетное право носятъ на себѣ отпечатокъ своего постепеннаго историческаго развитія. Это вполнѣ понятно, такъ какъ, по вѣрному замѣчанію Чернига, бюджетъ государства является зеркаломъ его соціально-политическаго развитія Бюджетное право, какъ совокупность нормъ, опредѣляющихъ участіе каждаго элемента государственной власти въ установленіи періодически возобновляемаго плана государственнаго хозяйства, есть, въ свою очередь, отраженіе политической силы каждаго изъ этихъ элементовъ и результатъ ихъ борьбы изъ-за преобладанія въ государствѣ. Бюджетное право, внѣшняя форма и составныя части бюджета, въ своемъ развитіи сравнительно мало зависѣли отъ писанныхъ законовъ (основныхъ и обыкновенныхъ). Это та область финансоваго права, въ которой обычай вступаетъ въ сильную конкурренцію съ писаннымъ закономъ. И

это понятно. Бюджетъ и право его регулирующее трудно поддаются нормированію на болѣе продолжительные періоды времени. Ихъ форма и содержаніе слѣдуютъ за измѣнчивымъ распредѣленіемъ силы и вліянія между тѣми главными элементами, которые являются главными факторами жизни и развитія политически организованнаго общества. Таковыми элементами являются: правительство, какъ представитель правящихъ классовъ и тѣ классы, которые стремятся сдѣлаться правящими.

Если мы спросимъ, какими законами нормируется бюджетное право Швеціи, то намъ придется указать на нѣсколько статей ф. пр. 1809 года и учрежденія о риксдагѣ 1866 г. Но если читатель возьметъ въ руки эти узаконенія, то онъ найдетъ, что они, въ свою очередь, ставятъ вопросы, а отвѣтъ на эти вопросы даетъ не lex scripta, а жизнь и обычай. До 1722 г. настоятельная фактическая потребность заставляла королей заботиться о составленіи росписей государственныхъ доходовъ и расходовъ. Ихъ побуждала къ этому или необходимость дать себѣ отчетъ о своихъ средствахъ и силахъ, или же необходимость объяснить государственнымъ чинамъ настоятельность чрезвычайной помощи. Въ I томѣ нашего труда, въ приложеніяхъ 1 и 2 къ пятой главѣ, мы помѣстили государственную роспись 1573 г. и роспись доходовъ 1530 г. Первая же систематическая роспись появляется въ царствованіе Карла XI, въ 1694 г. Она какъ бы иллюстрируетъ финансовые результаты редукціи и возстановленія patrimonii principis. Нормальный штатъ 1694 г. легъ въ основаніе бюджетовъ времени свободы, составленныхъ, на основаніи приказаній ф. пр. 1722 г., въ секретныхъ засѣданіяхъ бюджетнаго и секретнаго комитетовъ. Бюджетъ считался дѣломъ политической мудрости; тайна окружала тѣ мѣста, въ которыхъ производились алхимическія операціи, имѣвшія цѣлью доставить золото изъ кармана бѣднаго народа, не-

чувствительнымъ для него образомъ, для пользы классовъ, стоящихъ у кормила правленія. Тайна окружала государственный бюджетъ и въ эпоху Густава III и IV, когда народное представительство, ассигновавъ довѣрчиво свои bevillningar, устранялось отъ всякаго вмѣшательства въ искусныя дѣла финансистовъ. 1809 г. уничтожилъ эту тайну: народъ долженъ и въ правѣ знать, что отъ него и для чего требуютъ,—англійскіе принципы спеціализаціи и appropriation были выставлены и шведскою формою правленія.

Но форма правленія не опредѣлила сложный строй бюджетнаго права во всѣхъ его частяхъ. Это было задачею фактической жизни. Практика риксдага вышла изъ рамокъ конституціи, и та форма бюджета и тотъ строй бюджетнаго права, съ которыми мы встрѣчаемся теперь въ Швеціи, хотя и имѣютъ своей принципіальной основой узаконенія 1809 г., но во внѣшнихъ своихъ очертаніяхъ, границѣ и силѣ суть результатъ обычая 80-лѣтней парламентской жизни.

Шведскій бюджетъ, въ окончательной своей формѣ, опредѣленной и установленной риксдагомъ и королемъ, называется Riksstat (государственный штатъ). Онъ распадается на 2 части. Первую изъ нихъ составляетъ Statsverket т. е. бюджетъ государственнаго управленія), т. е. совокупность доходовъ и расходовъ, внесенныхъ или на основаніи постоянныхъ законовъ, или по указанію короля, или по ассигнованію риксдага. Вторая часть—это Riksdagsverket (или Riksgäldsverket), совокупность доходовъ и расходовъ банка, коммиссіи погашенія и расходовъ на содержаніе риксдага. Доходы банка и коммиссіи погашенія въ Riksstat вносятся не всегда, расходы же Riksdags verket'a вносятся подъ заглавіемъ: att utgå från „riksgälds Kontoret". Вся совокупность дѣйствій, цѣль которыхъ состоитъ въ установленіи цифръ составныхъ частей и баланса въ бюджетѣ, называется statsreglering.

Шведская государственная роспись имѣетъ слѣдующую

форму. Во главѣ помѣщенъ краткій обзоръ доходовъ, затѣмъ расходовъ. На второмъ мѣстѣ слѣдуетъ перечень въ общихъ цифрахъ доходовъ: 1) обыкновенныхъ, 2) ассигнованій. Третій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ подробное перечисленіе расходовъ по 9 главнымъ титуламъ (Hufvudtitlar). Мы помѣщаемъ здѣсь Riksstat 1887 и 1891.

Поступленія и доходы (Tillgängar och in komster въ кронахъ) [1]).

	1887 г.	1891 г.
Остатокъ заключенныхъ смѣтъ	8153000	5750000
Доходы Statsverk'a		
Обыкновенные доходы	19342000	20520000
Ассигнованія (Bevillningar)	55535000	67380000
	74877000	87900000
Чистый доходъ отъ почтовой регаліи (Öfverskott från postverket	1800000	
Сумма поступленій доходовъ	84830000	
Прибыль отъ операцій госуд. банка	1300000	
	94950000	

Р а с х о д ы,

покрываемые суммами Статсъ-конторы.

	Ординарн. ассигнов.		Экстра-орд. ассигнов,		Сумма.	
	1887	1891	1887	1891	1887	1891
По I титулу	1338000	1820000			13380 0	1320000
„ II „	3814000	3839366	84333	151434	3899000	4000800
„ III „	613800	613800	4500	4500	618300	618300
„ IV „	19643800	20449200	1442400	1648000	21086200	22135200
„ V „	5980400	6204240	964200	1665860	6944600	7870100
„ VI „	4648854	4782077	1689846	2194923	6338700	6927000
„ VII „	14311900	16153466	157500	832234	14469400	16985700
„ VIII „	11065589	11946698	1797611	1589902	12863200	13545600
„ IX „	2692600	2914300	900000	1525000	359600	4339300
Внѣ главныхъ титуловъ			1376000	5965000	1376000	5965000
	64046610	68183147	8416390	15523853	72463000	83707000

[1]) 2 кроны 88 эръ=1 руб. металлич., 1 крона=34 коп. металлич.
1 франкъ=72 эрамъ.
1 герм. марка=89 эрамъ.

Р а с х о д ы,
покрываемые изъ суммъ коммиссіи погашенія.

	1887 г.	1891 г.
(att utgâ frân riksgälds kontoret)		
Расходы на содержаніе риксдага и его ревизіи съ жалованіемъ и т. д. (по приблизит. разсчету, förslagsvis)	614625	614800
% платежъ по фундированнымъ займамъ и по не фундированнымъ долгамъ (приблиз. försl. vis)	12397355	12140920
Послѣ вычета % и погашенія, поступающихъ въ коммиссію (förslagsvis)	2578980	2723920
Взносъ въ фондъ для построенія новаго дома для риксдага	900000	250000
Взносъ въ фондъ для ликвидаціи и выкупа рентъ привиллегированныхъ участковъ земель (skattefrâlserântor)	800000	170000
На составленіе фонда для страхованія рабочихъ		100000
На усиленіе запасного фонда государственнаго управленія (statsverkets kassa förlagsfond)	237000 [1])	691200
Сумма расходовъ	84830000	95950000

Прибавленіе къ обзору государствен. расходовъ и доходовъ.

Прибавленіе I (Bil. littera A).

(Statsverkets inkomster)

Обыкновенные расходы.

	1887 г.	1891 г.
1) Поземельный налогъ (Grundskatt) [2]) (въ кронахъ)	4097000	4185000

[1]) Капитальная сумма запасного фонда въ бюджетѣ не показывается.

[2]) Подъ это названіе подведена вся масса старыхъ рентъ (jördebŏks och hemmantals rântorna), послѣ реформы 1870–80 гг.

2. Церковная десятина (Kyrkotionde)	250000	250000
3. Сборъ, замѣняющій натуральную доставку фуража кавалерійскимъ полкамъ (Kavallerieregimentornas hästvakansspanmål)	320000	300000
4. Сборъ, занимающій доставку обоза и аммуниціи (Trosspassevolansafgitt)	26000	77000
5. Сборъ за случайныя вакансіи въ ротахъ (Tillfälliga rotevakansafgifter)	63000	68000
6. Сборъ за постоянныя вакансіи въ ротахъ (Soldatvakansafgift)	106000	110000
7. Сборъ за вакансіи во флотскихъ экипажахъ (Bâtsmansvacansafgift)	183000 [1])	350000
8. Доходъ отъ отданныхъ въ аренду госуд. земель и оброчныхъ статей (Arrendemedel)	3150000	2600000
9. Горная десятина[2]) (Bergverkstionde)	12000	
10. Подушный сборъ (Mantalspenningar)	650000	665000
11. Штрафы и пени (Bötesmedel)	270000	240000
12. Пробирный сборъ Kontrollstämpelmedel)	25000	25000
13. Маячные и лоцманскіе сборы (Fyr och bakmedel	1200000	1200000
14. Телеграфный сборъ (Telegrafmedel)	1300000	1350000
15. Доходъ отъ эксплоатаціи каз. ж. дорогъ (Jernvâgstrafikmedel)	6000000	6500000
16. Доходъ отъ государств. лѣсовъ (Skogsmedel)	1600000	2500000

---

[1]) Всѣ эти сборы (3, 4, 5, 6, 7) связаны съ своеобразною системою поселенной арміи и послѣ окончательной военной реформы исчезнутъ изъ бюджетс.

[2]) Горная десятина взимается теперь только съ нѣкоторыхъ рудниковъ въ особенныхъ случаяхъ.

17. Случайные сборы и поступленія (Extra uppbörd)	90000	100000
Сумма обыкновенныхъ доходовъ	19342000	20520000

А с с и г н о в а н і я.

т. е. экстраординарные доходы.

1. Таможенная пошлина	29000000	38000000
2. Почтовый сборъ	6235000	7380000
3. Сборъ за предоставленіе особыхъ выгодъ и правъ (Bevillningsafgifter för sârskilda formâner och rättigheter)	300000	350000
4. Гербовый сборъ (Stempelmedel)	3300000	3600000
5. Акцизъ съ производства спирта (Branvinstillverkningsafgift)	13000000	13700000
6. Акцизъ съ производства свекловичнаго сахара (Hvitbetsockertillverkningsafgift)	200000	650000
7. Общій подоходный налогъ (съ доходовъ отъ недвижимостей, капитала и труда, (Bevillning affast egendomsamt af inkomst)	3500000	3700000
Сумма ассигнованій	55535000	87900000

Прибавленіе II (Bil. litt. B. 1).

I. Первый главный титулъ Första hufvudtiteln.

Королевскій придворный и дворцовый штаты.

Королевскій придворный штатъ.

	1887 г.	1891 г.
Содержаніе двора Е. В.	800000	748000
Содержаніе двора кронпринца и шкатульныя деньги кронпринцессы	192000	192000
Герцогини Далекарлійской	28000	28000
Принцессы Евгеніи	18000	52000

(герцогинъ Вестеръ-готланъ и Нерике).

Содержаніе и ремонтъ мебели и другаго придворнаго инвентаря въ королевскомъ дворцѣ	56400	56400
Фуражъ придворныхъ конюшень	45000	45000
Освѣщеніе и содержаніе въ чистотѣ и страхованіе королевскаго дворца и дворца кронпринца	22500	22500
Содержаніе дворца Розеборгъ	3000	3000
Дрова и уголь для королевскаго двора	50000	50000
Королевскіе дворцы.		
Ремонтъ королевскаго дворца въ Стокгольмѣ и расходъ на различныя придворныя строенія	63000	63000
Отопленіе и освѣщеніе королевскаго дворца и дворца кронпринца	11250	11250
На содерженіе дворцовъ въ Дроттнингъ-гольмѣ и Свартсъэ	24600	24600
дворца Гripсгольмъ	5000	5000
„ Ульриксдаль	8250	8250
„ и парка Гага	8000	8000
„ Стремьгольмъ	3000	3000
Итого по I титулу	1338000	1320000

II. Второй титулъ (Bil. litt. B. 2).

Департаментъ Юстиціи (Justitiedepartementet).

Начальнику департамента (т. е. министру юстиціи)	17000	17000
Отдѣленіе Юстиціи въ канцеляріи Его Величества	35800	35800
На публикацію документовъ (приблиз. разсчетъ)	6000	6000
На содержаніе верховнаго суда	162700	167000

На экспедиціонное отдѣленіе юстиціи канцлера	18800	18800
На содержаніе низшей ревизіонной палаты (Nedrejustitie revisionen)	134000	134000
На содержаніе Свea-надворнаго суда съ подчиненными ему чинами	588454	626364
На содержаніе Г'ота-надворн. суда	510021	510020
На содержаніе надворнаго суда въ Шоніи-Блекинге	208713	208713
„ „ военнаго надворнаго суда	11100	11100
На добавочное содержаніе (Alderstillag) (приблиз. разсчетъ)	55000	55000
На содержаніе тюремнаго вѣдомства:		
1. Управленіе тюрьмами	59500	59500
2. Содержаніе арестантовъ:		
Нормальный штатъ	488800	505800
Добавочный штатъ по прибл. разсчету	1161200	1120900
	1650000	1626700
3. Добавочное содержаніе служащимъ по тюремной части (приблизит. разсчетъ)	45000	65000
Содержаніе провинціальныхъ и центральныхъ тюремъ (добавочный кредитъ, reservationsanslag)	30000	30000
Вознагражденіе лицамъ, корпораціямъ и учрежденіямъ за лишеніе ихъ доли штрафныхъ денегъ послѣ введенія новаго уголовнаго уложенія (приблиз. разсчетъ)	84000	84000
На судебно-медицинскія изслѣдованія (приблиз. разсчетъ)	12000	12000

Путевые расходы и суточныя день-ги (приблиз разсчетъ)	18000	18000
Вознагражденія судьямъ, свидѣте-лямъ и т. д. („ „)	100000	100000
Канцелярскіе расходы, дрова („ „)	64079	64178
Чрезвычайные расходы (добавочный кредитъ)	4500	4500
Итого по II титулу	3814667	3849366

III. Третій главный титулъ.

Министерство иностранныхъ дѣлъ (Utrikesdepartamentet).

Расходы кабинетной кассы [1].)

Начальнику департамента, министру иностранныхъ дѣлъ	24000	24000
На содержаніе департамента ино-странныхъ дѣлъ	27495	27495
Штатъ посольствъ	345000	345000
Военнымъ агентамъ	8400	8400
Канцелярскіе и другіе расходы	45955	45955
	450850	450850

Расходы консульской кассы.

По департаменту иностранныхъ дѣлъ	10000	10000
Штатъ консуловъ	132770	129685
Канцелярскіе расходы и другіе рас-ходы	17230 [2])	20315
	160000	160000

Расходы, покрываемые исключитель-но суммами шведскаго бюджета.

Въ пользу шведской церкви въ Па-рижѣ	2950	2950
Итого по III титулу	613800	613800

[1]) Подъ кабинетомъ понимается весь дипломатилескій корпусъ.

[2]) На содержаніе посланниковъ и консуловъ расходуется, кромѣ того, сум-ма, ассягнованная по норвежскому бюджету.

IV главный титулъ (Bil. litt. B. 4).

Департаментъ военной сухопутной защиты.
(Landtförsvarsdepartementet).

Начальнику департамента	17000	17000
Отдѣленіе департамента въ канцеляріи Его Величества	49000	50250
Командо-экспедиція департамента	3040	
Главный штабъ	248555	248555
Военное интендантство	142700	142700
Генералитетъ	126265	126265
Штабъ артиллеріи	12200	12200
Эспедиція главнокомандующаго въ Стокгольмѣ	7350	7350
Штатъ коммендантуры	30868	30868
Военная академія	25640	25640
Военное училище	79889	79889
Гарнизонные госпитали въ Стокгольмѣ и Карлсборгѣ (добавочный кредитъ)	81487	81487
На образованіе военныхъ врачей	8500	8500
На стипендіи для путешествій военныхъ врачей	2000	2000
Пенсіи и стипендіи полковыхъ военныхъ врачей	19800	19800
	854204	852504

Поселенная армія (Indelta armeén) [1]**.**

Кавалерійскіе и пѣхотные полки	1517500	1517500
Содержаніе офицерскаго корпуса	4177876	4187596
На сокращеніе повинностей содержанія поселенной арміи (приблиз. разсчетъ)	1330000	1330000

[1]) Поселенная армія состоитъ изъ 9 кавалерійскихъ и 17 пѣхотныхъ полковъ.

На поддержку крестьянъ, содержащихъ роты	12500	12500
На возмѣщеніе убыли въ лошадяхъ кавалерійскихъ полковъ (приблиз. разсчетъ)	4000	4000
На маневры поселенной арміи и стрѣлковъ Вермландскихъ (добавочный кредитъ)	1322300	1322300
На содержаніе обоза (добавочный кредитъ)	26520	
	8390696	8373896

Вербованная армія (Vârfvade armeén).

Конная гвардія	146345	143845
Гусарскій кронпринца полкъ	188615	186985
Гвардейскій полкъ	165074	165074
2-ой гвардейскій	164489	164489
Вермландскіе стрѣлки	138070	140750
Артиллерія (3 полка) (резервный кредитъ)	1091966	1089566 103137
Морской полкъ (резервный кредитъ)	66000	66000
Инженерный корпусъ (въ томъ числѣ 23500 резерв. кредита)	278920	278920
Обозный корпусъ (резерв. кредитъ)	198000	182940
На рекрутировку и содержаніе вербованныхъ гарнизоновъ (резервный кредитъ)	859212	893732
Ремонтъ лошадей вербованныхъ полковъ (резерв. кредитъ)	140592	143792
На наемъ лошадей для маневровъ артиллеріи и инженеровъ	64000	69220
На фуражъ лошадямъ вербованныхъ полковъ (приблиз. разсчетъ)	600000	615000

Продовольствіе гарнизонныхъ войскъ (приблиз. разсчетъ)	1101000	1132000
	5202283	5377950

Милиція (Bevâringen).

Національная милиція острова Готландъ	201997	190657
Милиція Галланда	12660	12660
Милиція Весторноррландіи	31420	31420
2 резервныхъ кредита на содержаніе кадровъ		86644
На обученіе и маневры милиціи (приблиз. разсчетъ)	1042500	1472000
На школы для вольноопредѣляющихся	285000	285000
	1573377	2087381

Матеріалъ.

Крѣпости въ госуд. вообще, подчиненныя департаменту	2329500	2404600
На обмундировку поселенныхъ полковъ и стрѣлковъ Вермландіи	304063	436583
На обмундировку, аммуницію и т. д. поселенной кавалеріи (резервный кредитъ)	205000	205000
Постройки и лагерныя принадлежности для сборныхъ пунктовъ (резерв. кредитъ)	165000	165000
Расходы на расквартированіе (приблиз. разсчетъ)	108500	113000
На расквартированіе войскъ въ Стокгольмѣ (резервный кредитъ)	21450	21450
На покупку селитры (приблиз. разсчетъ)	50000	50000

Отопленіе и освѣщеніе въ крѣпостяхъ и гарнизонахъ		60000	615000
		3243513	3457133

Различные кредиты.

Для кавалерійской школы въ Стокгольмѣ)		30000	30000
Для школы стрѣлковъ (резерв. кредитъ)		31000	49100
Гарнизонная команда въ Карлскронѣ (резерв. кредитъ)		99000	
Расходы по передвиженію войскъ (резервный кредитъ)		8000	8000
Добавочное содержаніе (приблиз. разсчетъ)		10000	10000
Канцелярскіе расходы армейскаго управленія		15000	15000
Канцелярскіе расходы военнаго департамента (приблиз. разсчетъ)		4337	6136
Эстренные расходы		67500	67500
Путевые расходы			70000
Дисциплинарная рота:			
Постоянный кредитъ	12600		
Приблизительный разсчетъ	32000	44600	44600
		379437	
Итого по IV титулу		19643800	20337100

V главный титулъ (Bil. litt. B. 5).

Департаментъ морской защиты (Sjoforsvarsdepartement).

1. Департаментъ и главное управленіе.

Начальнику департамента	17000	17000
Отдѣленіе департамента въ канцеляріи Его Величества	26800	26800

Управленіе флотомъ	38600	38600
	82400	82400

2. Личный составъ флота.

Содержаніе корпусовъ флота	1211184	1512734
Дополнительное содержаніе (приблизительный разсчетъ)	32000	32000
Пенсіоны резервнымъ офицерамъ		6400
На обмундированіе корпуса матросовъ и юнговъ (резерв. кредитъ)	287500	287500
Натуральное продовольствіе (приблизительной разсчетъ)	452450	452450
Взамѣнъ вакантныхъ нумеровъ матросовъ въ ленѣ Блекингъ и южномъ градѣ Möre въ ленѣ Кальмаръ	114000	114000
На сокращеніе повинностей содержанія поселенныхъ матросскихъ ротъ (приблиз. разсчетъ)	162000	80000
	2361134	2586984

Матеріалы флота.

На ремонтъ судовъ и новыя постройки (резервный кредитъ)	1200000	1200000

Различные кредиты.

На маневры флота (резервн. кредитъ)	670000	670000
На обученіе морской милиціи приблиз. разсчетъ)	72400	72400
На образовательную часть:		
Морская военная школа 31040	39820	39820
Школа флотскихъ юнговъ 8780		
На заготовленіе морскихъ картъ (резервн. кредитъ)	60000	60000

Стипендіи для морскихъ офицеровъ, находящихся на частной службѣ и въ заграничныхъ командировкахъ	15000	15000
Расходы на передвиженіе (резервн. кредитъ)	30000	18000
На больничныя учрежденія	39000	39000
На различныя потребности	19175	19175
Суточныя и разъѣздныя деньги (приблизит. разсчетъ)	15000	25000
Канцелярскіе расходы и т. д. (приблизит. разсчетъ)	47012	46902
Экстренные расходы	12500	12500
	1019907	1017797

Торговля (Handeln).

Лоцманскія и маячныя учрежденія и спасательныя станціи (резервн. кредитъ)	1200409	1200409
Морскія образовательныя учрежденія	94650	94650
Морское-метеорлогическое бюро	9000	9000
Прибавочное содержаніе личному составу морскихъ образовательныхъ учрежденій и начальнику морскаго-метеорлогическаго бюро (приблизительный разсчетъ)	13000	13000
	1317059	1317059
Итого по V титулу	5980900	5014240

VI главный титулъ Bil. litt. B. 6).

Департаментъ внутренняго управленія (Civildepartementet).

Дополнительное содержаніе премьеръ-министру (приблиз. разсчетъ, максимумъ)	6500 [1])	6500

[1]) Въ 1887 г. и въ 1891 г. министръ внутреннихъ дѣлъ былъ первымъ министромъ.

3 членамъ совѣта министровъ (Statsråd) по 12000 кр.	36000	36000
Начальнику департамента	17000	17000
Отдѣленіе департамента въ канцеляріи Его Величества	76700	76700
Коммерцъ-коллегія	86000	83500
Статистическая табельная коммиссія:		
Содержаніе личнаго состава центральнаго статистическаго бюро	28400	

Резервные кредиты.

На содержаніе библіотеки	1500	
На временное вознагражденіе вольно-наемныхъ служащихъ и занимающихся на частн. служ.	12200	
Печатаніе оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ	15800	
На изданіе статист. ежегодника	1000	
Для выработки статистики жалованій и пенсій	1000	
	59900	59900
На межевой корпусъ	108800	108800
На изданіе топографической карты государства (резерв. кредитъ)	6000	6000
Содержаніе управленія генералъ-губ. Стокгольма	87422	87422
Органы мѣстнаго управленія (90000 кронъ резервн. кредита)	2637309	2649022
Вѣдомство шоссейныхъ и водяныхъ путей сообщенія (въ томъ числѣ 2 спеціальныхъ резервн. кредита на покрытіе расходовъ на публичныя работы и для нивеллировки дорогъ — по 30000 кр.)	126400	131200

Добавочное содержаніе (приблизит. разсчетъ)	239000	239000
Пособіе содержателямъ ямскихъ гостинницъ	19575	19146
Пособіе предпринимателямъ ямскихъ почтъ		27000
Паромы и паромщики	385	379

Земледѣліе, торговля и промышленность.

Резервные кредиты.

Дороги и пути сообщенія (Vâgar och kommunicationer)	12000	12000
Образовательныя учрежденія: земледѣльческія и кустарныхъ промысловъ	175400	190400
Инженеръ-агрономы и ихъ помощники	47500	47500
На поощреніе вообще сельскаго хозяйства	45450	55000
Провинціальные ветеринары	48500	48500
На поощреніе ремеслъ и промышленности	50500	63500
„ „ торговли и судоходства	11500	11500
„ „ горной промышленности	8700	8700
„ „ рыбной ловли	17600	42000
	417150	479100

Различные кредиты.

Расходы по размежеванію и разверстанію угодій (резервн. кредитъ)	63000	63000
Пособія для переселенія при разверстаніи и сплоченіи участковъ (приблиз. разсчетъ)	50000	50000
На управленіе горнымъ округомъ Сала	6320	4500

Пособіе на поселеніе новыхъ коронныхъ колонистовъ (приблиз. кредитъ)	4500	8827
На вознагражденіе за отчужденіе земель при сооруженіи каналовъ и постройкѣ дорогъ (приблиз. разсчетъ)	10260	
На поощреніе коннозаводства (резерв. кредитъ), въ томъ числѣ 35000 на преміи коннозаводчикамъ	94620	109620
Для предупрежденія и пресѣченія заразительныхъ болѣзней скота (приблиз. разсчетъ)	30000	30000
На карантинныя учрежденія на островѣ Кэнсэ (приблиз. максимальный разсчетъ)	15850	15850
На уплату вознагражденія за упраздненіе таможенной пошлины на рѣкѣ Шельдѣ (приблиз. разсчетъ)	26500	
Суточныя и прогонныя (приблиз. разсчетъ)	43000	43000
Канцелярскіе расходы и т. д., топливо (приблиз. разсчетъ)	118663	117811
Экстренные расходы (резервный кредитъ)	12000	12000
	474713	454608
Итого по VI титулу	4648854	4732077

VII. главный титулъ. (Bil. litt. B. 7).

Финансовый департаментъ (Finansdepartamentet).

Начальнику департамента	17000	17000
Отдѣленіе департамента въ канцеляріи Его Величества	62400	62400
Каммеръ-коллегія	122110	122100
Статсъ-контора	95800	100800

Расходы по гербовому сбору (приблиз. разсчетъ)	174000	174000
Расходы на оцѣнку и раскладку по общему подоходному налогу (приблиз. разсчетъ)	75000	140000
Монетная и пробирная части	20300	20300
Расходы по пробирному сбору (приблиз. разсчетъ)	5400	5400
Камеральный судъ	169600	169600
Главное строительное управленіе	35500	35500
Расходы почтоваго управленія (разсчитанные приблизительно, покрываемые непосредственно изъ почтоваго сбора)	6175800	7052000
Расходы телеграфнаго управленія (резервный кредитъ, расходы покрываются непосредственно изъ телеграфнаго сбора)	1300000	1350000
Расходы таможеннаго управленія (приблизительно разсчитанные и покрываемые непосредственно изъ таможенныхъ доходовъ)	2463000	2560000
Вознагражденіе, выдаваемое городамъ за отнятіе у нихъ правъ наложенія добавочныхъ пошлинъ (приблиз. разсчетъ)	1640000	1900000
Доменное управленіе	94000	94000

Лѣсное управленіе:

Постоянный кредитъ.

Штатъ лѣсного управленія:	406070	430570
„ госуд. школы лѣсоводства:	24500	

Резевный кредитъ.

Расходы на лѣсной институтъ	21300	988000
Расходы на частныя лѣсныя учебныя заведенія	8600	
Управленіе казенными лѣсами и поощреніе лѣсоводства:	214130	
	674600	
Вознагражденіе за истребленіе хищныхъ звѣрей (приблиз. разсчетъ)	12000	12000
Освѣщеніе и вообще содержаніе казенныхъ строеній въ Стокгольмѣ (приблиз. разсчетъ)	30000	30000
Постройки и ремонтъ (резервный кредитъ)	200000	200000
Пособія городамъ (приблиз. разсчетъ)	26790	21556
% установленные за контроль и ревизію счетовъ и отчетовъ (приблизит. разсчетъ)	15000	15000
Контрольные расходы по взиманію акцизовъ (приблизит. разсчетъ)	430000	450000
Расходы на контроль надъ частными банками и кредитными учрежденіями (максимальный приблиз. разсчетъ)	16000	12000
Расходы на возвращеніе неправильно поступившихъ суммъ (приблизит. разсчетъ)	25000	25000
Добавочное содержаніе (приблизит. разсчетъ)	30800	45000
Суточныя и прогонныя (приблизит. разсчетъ)	20000	20000
Почтовый расходъ на казенныя письма и посылки (приблиз. разсчетъ)	250000	400000

Канцелярскіе расходы, топливо, освѣщеніе (приблиз. разсчетъ)	36810	36810
Экстренные расходы (резервн кредитъ)	35000	35000
Королевскіе театры	60000	60000
Итого по VII титулу	14311900	16153466

VIII главный титулъ Bil. litt. B. 8).

Департаментъ духовныхъ дѣлъ.

Начальнику департамента	17000	17000
Отдѣленіе департамента въ канцеляріи Его Величества	77100	78800
Государственный архивъ	38500	39300
Королевская библіотека	62700	62700
Національный музей (въ томъ числѣ 4 резервн. кредита, суммою на 14300 кронъ)	46350	46350
Штатъ духовенства	375705	375733
Экспедиція соборнаго капитула	25000	25000
Духовенство и церковныя учрежденія въ Лаппмаркенѣ (приблиз. разсчетъ)	55000	55000
Университеты (въ томъ числѣ 162700 кронъ по приблиз. разсчету)	688236	713151
Каролинскій медико-хирургическій институтъ	134950	160700
Общія учебныя заведенія (резервн. кредитъ)	2866886	2902453,36
Семинарія учительницъ	43500	43500
Народныя школы	67732	70000
Учительскія семинаріи	279725	304925
Стипендіи воспитанникамъ семинаріи	75000	75000
Суточныя и разъѣздныя инспекторамъ народныхъ училищъ	95000	95000

Учебный матеріалъ для народныхъ школъ		15000	15000
Пособіе среднимъ народнымъ училищамъ		20000	20000
Общій резервный кредитъ		484725	509925
На поощреніе народнаго образованія шведскихъ финновъ (приблиз. разсчетъ)		12000	25000
Добавочное содержаніе учителямъ народныхъ школъ и школъ малолѣтнихъ дѣтей (приблиз. разсчетъ)		3145000	3500000
Пособіе высшимъ народнымъ училищамъ (приблиз. разсчетъ)		40000	40000
Пособіе для вознагражденія учителямъ школъ добавочнаго образованія fortsättningsskolar, (приблиз. разсчетъ)		30000	
Пособіе на вознагражденіе обучающихъ ремесламъ въ народныхъ школахъ (приблизит. разсчетъ)		25000	3736725
Техническія учебныя заведенія		370400	383975
Гимнастическій центральный институтъ		37150	37150
Медицинское управленіе и всѣ его штаты		389675	493675
Образованіе повивальныхъ бабокъ и родильные пріюты		33441	33441
Ортопедическій институтъ		8250	8250
Квартирныя провинціальнымъ врачамъ			103500
На образованіе ветеринаровъ		47200	50500
На поощреніе прививки оспы		7700	7700

Для борьбы съ эпидеміями и заразительными болѣзнями (приблиз. разсчетъ)	100000	145000
Шведскому врачебному обществу	3000	3000
Шведская академія	8250	8250
Академія наукъ (въ томъ числѣ 16000 кр. резервн. кредита)	44900	44900
Академія искуствъ, исторіи и древностей (въ томъ числѣ 450 кронъ резервн. кредита)	28750	28750
Академія свободныхъ художествъ (въ томъ числѣ 2 резервн. кред. на сумму 21400 кр.)	60800	61300
Музыкальная академія	44900	44900
Госуд. музей естественныхъ наукъ	66550	67550
Образовательная и воспитательныя учрежденія для глухонѣмыхъ и слѣпыхъ:		
Главный институтъ для глухонѣмыхъ	60000	250150
Институтъ для слѣпыхъ	21000	
На поощреніе и поддержаніе мелкихъ заведеній для содержанія и образованія бѣдныхъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ дѣтей	50000	
Призрѣніе бѣдныхъ въ Стокгольмѣ и селахъ	9590	9564
Призрѣніе бѣдныхъ вообще (приблиз. разсчетъ)	75000	75000
Содержаніе лазаретовъ	46965	46421
Содержаніе госпиталей (приблизит. разсчетъ)	600000	600000
Главный воспитательный домъ въ Стокгольмѣ	78000	78000

Воспитательный домъ франкъ-массоновъ	2750	2750
Воспитательный домъ въ сельскихъ округахъ	28380	28380
Воспитательныя учрежденія для душевно-больныхъ дѣтей (приблизительный разсчетъ)	25000	25000
Содержаніе церквей	369828	369828
Стипендіи на путешествія и изданіе учебныхъ пособій и ученыхъ сочиненій (резервн кредитъ)	24000	24000
Добавочное содержаніе (приблизит. разсчетъ)	80000	80000
Путевыя и суточныя деньги (приблиз. разсчетъ)	1500	1500
Канцелярскіе расходы, отопленіе и освѣщеніе (приблиз. разсчетъ)	22140	23044
Экстренные расходы (резервн. кредитъ)	15000	15000
Итого по VIII титулу	11065589	11946698

IX главный титулъ (Bil. litt. B. 9).

Штатъ пенсій и сокращеній.

А Штатъ пенсій:

Пенсіонная касса гражданскаго вѣдомства.

Пенсіонный штатъ для гражданскихъ чиновниковъ и служителей	37500	112286
„ для ихъ вдовъ и сиротъ	45000	
Вознагражденіе за невнесенные вычеты изъ жалованья	2246	
„ невнесенныя сбереженія на пособія и на погребеніе	6540	

На пенсіи коммиссіонныхъ межевщиковъ, ихъ вдовъ и сиротъ	7200	112286
„ чиновниковъ и служителей лѣсного управленія и школъ лѣсоводства	9000	
„ начальникамъ, учителямъ и служителямъ технической академіи	3500	
„ чиновникамъ и служителямъ управленія дорогами и водяными путями сообщенія, получающимъ содержаніе изъ обыкновенныхъ штатовъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ	1300	

Пенсіонная касса военнаго сухопутнаго вѣдомства.

Возмѣщеніе не внесенныхъ вычетовъ изъ содержанія	4640	
„ „ сбереженій на пособія и погребеніе	28080	
Пособіе для пенсій вдовъ и сиротъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ	67708	100428
Военная касса Вадстена	244025	243640

Пенсіонная касса адмиралтейства.

Возмѣщеніе не поступающихъ болѣе доходовъ:

Въ пользу пенсіоннаго дохода	36320	52970
„ „ такъ наз. gratial фонда	16650	
На пенсіи офицерамъ и унтеръ-офицерамъ флота (приблиз. разсчетъ)	100000	
Для пенсій во флотѣ и лоцманскомъ корпусѣ (въ томъ числѣ максимумъ 9030 кр. въ пользу инвалидной кассы		

ленно послѣ посягательства на него, потерпѣвшій заявилъ о томъ лицамъ, къ которымъ ему всего естественнѣе было обратиться съ жалобою. Однако, самое содержаніе жалобы обыкновенно признается неотносящимся къ дѣлу.

Когда поведеніе извѣстнаго лица составляетъ основу дѣла, или имѣетъ отношеніе къ дѣлу, то къ нему имѣютъ отношеніе также и тѣ слова, произнесенныя въ присутствіи этого лица, по выслушаніи которыхъ оно повидимому измѣнило свое поведеніе.

Примѣры: a) Вопросъ, дѣйствительно ли A убилъ B?

Факты, что двадцать пять лѣтъ тому назадъ B, по подстрекательству A, убилъ третье лицо C, и что около того времени A выражалъ ненависть къ C,—имѣютъ отношеніе къ дѣлу, такъ какъ указываютъ на мотивъ (опасеніе доноса), который могъ побудить A убить B (дѣло Клюэса).

b) Вопросъ, совершилъ ли A преступленіе?

Фактъ, что A добылъ орудія, съ помощью коихъ преступленіе было совершено, имѣетъ отношеніе къ дѣлу.

c) A обвиняется въ нѣкоторомъ преступленіи.

Относящимся къ дѣлу будетъ фактъ, что передъ преступленіемъ, или во время его совершенія, или впослѣдствіи, A создалъ искусственную обстановку, которая клонилась къ видимо благопріятному для него истолкованію обстоятельствъ дѣла, или тотъ фактъ, что A уничтожилъ или скрылъ нѣкоторыя вещи или бумаги, или что онъ предупредилъ присутствіе или устроилъ отсутствіе людей, которые бы могли быть свидѣтелями преступленія, или что онъ подговаривалъ свидѣтелей къ дачѣ ложнаго показанія.

d) Вопросъ, совершилъ ли A преступленіе?

Имѣютъ отношеніе къ дѣлу факты, что, по совершеніи приписываемаго ему преступленія, A скрылся, или что онъ обладалъ имуществомъ, добытымъ посредствомъ преступленія, или извлекъ прибыль изъ этого имущества, или старался скрыть предметы, которые были или могли быть употреблены при совершеніи преступленія; равнымъ образомъ,

имѣетъ отношеніе къ дѣлу и поведеніе А во время разговоровъ, касавшихся преступленія и происходившихъ въ его присутствіи.

e) Виновенъ ли А въ злостномъ банкротствѣ, скрывшись заграницу, въ намѣреніи обмануть кредиторовъ?

Имѣютъ отношеніе къ дѣлу письма, написанныя имъ во время пребыванія заграницею, въ которыхъ содержится указаніе на подобное намѣреніе съ его стороны.

f) Вопросъ о состояніи умственныхъ способностей А.

Фактъ, что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ полученнаго имъ письма, имѣетъ отношеніе къ дѣлу, какъ фактъ поведенія, составляющій часть предмета изслѣдованія. Содержаніе этого письма имѣетъ отношеніе къ дѣлу, въ качествѣ сообщенія, сопровождавшаго и объясняющаго вышеуказанный фактъ поведенія А.

g) Вопросъ, была ли А изнасилована?

Фактъ, что вскорѣ послѣ предполагаемаго преступленія она заявила жалобу, и обстоятельства, при которыхъ она ее заявила, имѣютъ отношеніе къ дѣлу; однако, содержаніе самой жалобы обыкновенно признается неотносящимся къ дѣлу.

Фактъ, что А, не подавая жалобы, разсказывала о своемъ изнасилованіи—не имѣетъ отношенія къ дѣлу.

Въ настоящей статьѣ Стифенъ сдѣлалъ попытку объединить всѣ правила, существующія въ англійскомъ процессѣ относительно такъ-называемыхъ res gestæ, или „сопутствующихъ поступковъ“. Этимъ неопредѣленнымъ именемъ обыкновенно обозначаются находящіеся въ причинной связи съ преступленіемъ факты поведенія обвиняемаго или другихъ лицъ.

„Человѣческіе поступки, говоритъ Гринлифъ [1]), настолько тѣсно сплетаются между собою, что ихъ трудно бываетъ отдѣлить другъ отъ друга. Каждое дѣйствіе порождается какою либо предшествовавшею причиною, и само, въ свою оче-

---

[1]) S. Greenleaf. Treatise. I. vol. § 108, p. 129–132.

редь, порождаетъ другія дѣйствія. Однажды возникнувъ, оно обладаетъ ему только одному присущими индивидуальными особенностями, опредѣляющими его характеръ, и пониманіе этихъ особенностей необходимо для правильной его оцѣнки. Такія сопутствующія обстоятельства входятъ въ составъ res gestæ и всегда могутъ быть оглашаемы передъ присяжными, наряду съ основнымъ фактомъ, коего спутниками они являются. Допустимость ихъ опредѣляется сообразно со степенью ихъ близости къ этому факту, по благоразумному усмотрѣнію судьи. Въ высшей степени трудно, и пожалуй даже невозможно, установить какія либо болѣе опредѣленныя правила на этотъ счетъ. Необходимо только обращать особое вниманіе на то, чтобы оглашаемые поступки и слова совпадали по времени съ тѣмъ основнымъ фактомъ, къ которому они относятся, и чтобы связь ихъ съ этимъ фактомъ содѣйствовала разъясненію послѣдняго. Такъ напримѣръ, по дѣлу лорда Джоржа Гордона обвинявшагося въ вооруженномъ возстаніи, было дозволено доказывать, въ качествѣ res gestæ, содержаніе криковъ толпы, сопровождавшей Гордона, ибо эти крики могли объяснить характеръ мятежа".

По поводу свидѣтельства о чьихъ либо словахъ, необходимо замѣтить, что англійская теорія строго различаетъ два вида показаній по слуху. Свидѣтель очевидецъ показываетъ не только о томъ, что онъ видѣлъ, но и томъ, что онъ слышалъ: напр., угрозы преступника, просьбы жертвы, крики ея о помощи и т. п. Такое показаніе по слуху является непосредственнымъ, первоначальнымъ, самостоятельнымъ, и относится къ разряду res gestæ. Другой свидѣтель, ровно ничего не знающій по дѣлу, слышалъ только разсказъ о преступленіи отъ свидѣтеля очевидца. Повтореніе такого разсказа на судѣ было бы въ сущности пересказомъ чужого свидѣтельства, или показаніемъ по наслышкѣ (hearsay). Подобное несамостоятельное, производное свидѣтельство со второй руки

строго исключается въ англійской практикѣ [1]). Отсюда слѣдуетъ, что приводить на судѣ чужія слова дозволено только въ томъ случаѣ, когда слова эти сопровождали основной фактъ, когда они вмѣстѣ съ этимъ фактомъ исходили изъ однихъ и тѣхъ же побужденій, и, слѣдовательно, могутъ дать критерій для оцѣнки поведенія во всей его совокупности. Таковы, напримѣръ, немедленныя заявленія потерпѣвшаго recenti facto о совершенномъ надъ нимъ посягательствѣ, или сообщенія раненаго врачу о состояніи, имъ испытываемомъ. Немедленное заявленіе особенно важно по дѣламъ объ изнасилованіи, гдѣ изобличеніе преступника почти всегда обусловлено своевременною подачею жалобы. Англійская практика колеблется относительно того, слѣдуетъ ли на судѣ оглашать только фактъ подачи жалобы, или можно сообщать присяжнымъ и самое ея содержаніе. Еще большія разногласія по этому вопросу существуютъ въ случаяхъ неявки потерпѣвшей, напр., вслѣдствіе смерти, или недопущенія ея къ свидѣтельству, напр., по причинѣ крайняго малолѣтства. Одни судьи допускаютъ доказывать только фактъ самаго заявленія жалобы, другіе оглашаютъ также и ея содержаніе, а третьи вовсе исключаютъ ее изъ числа доказательствъ. Роско, въ видѣ общаго правила, рекомендуетъ всегда оглашать только фактъ подачи жалобы, отнюдь не дозволяя доказывать ея содержаніе, пересказъ коего былъ бы простымъ свидѣтельствомъ по наслышкѣ [2]).

Далѣе, къ отдѣлу res gestæ относятся всѣ факты, свидѣтельствующіе о мотивѣ и умыслѣ. Понятно, что умыселъ есть фактъ психическій, недоступный прямому наблюденію. Поэтому, о наличности умысла возможно дѣлать выводъ только

---

[1]) См. о томъ же Л. Е. Владимірова. Ученіе о доказательствахъ, 2 изд. стр. 219; J. Glaser. Handbuch, I B. S. 463; Beiträge, S. 264—265; Roscoe's Digest, p. 25; Powell's Principles, p. 143—146, и др.

[2]) Roscoe's Digest, 9 ed. p. 27.

изъ словъ или поступковъ, въ которыхъ онъ выражался. „Acta exteriora indicant interiora secreta“ гласитъ одинъ изъ старинныхъ афоризмовъ судьи Кока [1]). „Доказаніе того, что тѣло человѣка совершило извѣстный рядъ движеній, обыкновенно причиняемыхъ извѣстнымъ состояніемъ сознанія, рождаетъ предположеніе о наличности этого сознанія въ данномъ случаѣ. Всякое дѣяніе состоитъ изъ душевныхъ чувствованій и тѣлесныхъ движеній, причемъ послѣднія служатъ доказательствомъ первыхъ. Если тѣло человѣка совершаетъ движенія, образующія процессъ заряжанія пистолета и стрѣлянія прямо въ сердце другого лица, то на стрѣлявшемъ лежитъ обязанность доказать, что онъ не хотѣлъ совершить убійства“ [2]). Во многихъ случаяхъ, конечно, самыя свойства дѣянія очевидно указываютъ на умыселъ: res ipsa in se dolum habet. Болѣе затруднительны тѣ дѣла, въ которыхъ свойство умысла приходится выяснять окольнымъ путемъ. Англійская практика, вообще строго исключающая все, что́ не стоитъ въ ближайшей связи съ дѣломъ, отнюдь не дозволяетъ доказывать *совершеніе* одного преступленія ссылкою на другія преступленія, учиненныя тѣмъ же обвиняемымъ, или на вообще зловредныя наклонности послѣдняго. Но въ томъ случаѣ, когда идетъ вопросъ не о самомъ событіи, а только о свойствѣ или о наличности злого умысла, обыкновенно допускаются указанія и на другіе случаи проявленія такого умысла. Такъ напримѣръ, по дѣлу Вока, обвинявшагося въ покушеніи на убійство, защита высказала предположеніе, что выстрѣлъ изъ ружья подсудимаго могъ произойти случайно; тогда судья, въ доказательство злого умысла, дозволилъ потерпѣвшему разсказать и о другомъ выстрѣлѣ, который былъ сдѣланъ въ него тѣмъ же

---

[1]) Best, Principles, 4 ed. p. 655.

[2]) Стифенъ. Уголовное право Англіи, стр. 390.

Вокомъ, четверть часа спустя послѣ перваго [1]). Въ видѣ исключенія, англійскія правила позволяютъ ссылаться на проявленія злого умысла, направленныя даже противъ третьихъ лицъ, примѣры чего будутъ приведены ниже, подъ статьями 7 и 8, въ отдѣлѣ о res inter alios actæ. Равнымъ образомъ, и при выясненіи мотивовъ допускается болѣе широкое пользованіе доказательствами, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ подсудимый утверждаетъ, что для него не было цѣли и смысла совершать преступленіе.

Наконецъ, къ категоріи res gestæ относятся всѣ поступки обвиняемаго, которые свидѣтельствуютъ о внутреннемъ сознаніи имъ своей вины, и которыми онъ невольно выдаетъ себя, по пословицѣ: „на ворѣ шапкѣ горитъ“. По словамъ Стифена „всегда дозволяется доказывать, что́ говорили другія лица вслухъ при подсудимомъ, но причина этого правила заключается въ томъ, что все поведеніе подсудимаго свидѣтельствуетъ за него, или противъ него, и что суду важно знать всѣ обстоятельства, его окружавшія. Напримѣръ, А говоритъ, обращаясь къ В, въ присутствіи С: „Я видѣлъ, какъ С обобралъ вашъ карманъ“. Если въ эту минуту С побѣжитъ, то это обстоятельство будетъ сильною уликою противъ него. Если же его не было на мѣстѣ, то слова А не будутъ вовсе доказательствомъ, то есть присяжнымъ не придется услышать, что́ онъ говорилъ“ [2]). Даже народная молва, этотъ наихудшій видъ наслышки, и та, по замѣчанію Беста, можетъ быть допущена на судѣ, коль скоро вопросъ идетъ о томъ, что обвиняемый измѣнилъ свое поведеніе, послѣ того какъ до него дошли извѣстные слухи [3]). Въ катего-

---

[1]) Roscoe's Digest, p. 100; см. также Уильзъ, Опытъ теоріи косвенныхъ уликъ, стр. 44.

[2]) Стифенъ. Уголовное право Англіи, стd. 407.

[3]) Best. Principles, 4 ed., p. 624.

рію res gestæ, однако, вовсе не входитъ собственное сознаніе обвиняемаго, составляющее предметъ совершенно особаго отдѣла ученія о доказательствахъ.

Статья 4. Признаются имѣющими отношеніе къ дѣлу факты, знаніе коихъ необходимо для того, чтобы объяснить или ввести какой либо основной или относящійся фактъ; а также факты, которые подтверждаютъ или опровергаютъ какой либо выводъ, сдѣланный изъ основного или относящагося факта, или устанавливаютъ тождество предмета или лица, если такой вопросъ лежитъ въ основѣ дѣла или имѣетъ отношеніе къ ней; а также факты, которые опредѣляютъ мѣсто или время совершенія основного или относящагося факта, или доказываютъ подлинность или сомнительность какого либо представленнаго документа, или объясняютъ отношенія, бывшія между сторонами, среди коихъ произошелъ какой либо основной или относящійся фактъ; а также факты, которые содѣйствовали возникновенію или выполненію одного изъ подобныхъ фактовъ, или которые необходимы для того, чтобы доказать, что другіе факты имѣютъ отношеніе къ дѣлу. Но всѣ вышеуказанные факты признаются имѣющими отношеніе къ дѣлу лишь настолько, насколько они дѣйствительны необходимы для описанныхъ цѣлей.

Примѣры: а) Вопросъ, является ли пасквилемъ нѣкоторая статья А, напечатанная имъ про В?

Положеніе и взаимныя отношенія сторонъ во время напечатанія пасквиля имѣютъ отношеніе къ дѣлу, какъ факты, составляющіе вступленіе къ основному.

Подробности ссоры между А и В по какому либо поводу, не имѣющему связи съ пасквилемъ, не считаются, по настоящей статьѣ, относящимися къ дѣлу, хотя самый фактъ

происшедшей ссоры можетъ быть допущенъ, какъ имѣющій отношеніе, коль скоро онъ повліялъ на взаимныя отношенія между A и B.

b) Вопросъ, написалъ ли A анонимное письмо, съ угрозами противъ B и съ приказаніемъ явиться въ опредѣленное время и мѣсто на свиданіе къ автору письма, для исполненія его требованій.

Фактъ, что A, въ указанное время и мѣсто, вышелъ на свиданіе къ B, имѣетъ отношеніе къ дѣлу, какъ фактъ поведенія, послѣдовавшій за основнымъ и вызванный этимъ послѣднимъ (т. е. составленіемъ анонимнаго письма).

Фактъ, что A, независимо отъ письма, имѣлъ нѣкоторую причину находиться въ указанное время въ указанномъ мѣстѣ, является относящимся къ дѣлу, ибо имъ опровергается выводъ, сдѣланный изъ нахожденія A на этомъ мѣстѣ.

c) Вопросъ о подлогѣ нѣкотораго документа, въ которомъ обозначено, что онъ составленъ въ царствованіе Филиппа и Маріи, причемъ перечислены титулы короля Филиппа.

Имѣетъ отношеніе къ дѣлу фактъ, что государственные акты и грамоты, совпадающіе со временемъ предполагаемаго составленія спорнаго документа, иначе перечисляютъ эти титулы.

d) Вопросъ, виновенъ ли A въ отравленіи B?

Имѣетъ отношеніе къ дѣлу фактъ, что привычки B были извѣстны A, вслѣдствіе чего послѣдній могъ выбрать удобный моментъ для поднесенія яда.

e) Вопросъ, не было ли составлено духовное завѣщаніе A подъ ненадлежащимъ вліяніемъ?

Къ дѣлу имѣетъ отношеніе родъ жизни A, а также и отношенія его къ лицамъ, которымъ приписывается недолжное на него вліяніе.

Когда въ основѣ дѣла лежатъ прямыя доказательства, то границы уголовнаго изслѣдованія опредѣляются, сравнительно говоря, довольно легко. Дѣйствительная трудность вопроса объ относимости доказательствъ начинается только тамъ, гдѣ нѣтъ прямыхъ уликъ.

„Часто бываетъ въ высшей степени затруднительно, говоритъ Бестъ [1]), рѣшить вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли допустить данный фактъ, въ качествѣ относящейся къ дѣлу косвенной улики, или отвергнуть его, въ качествѣ простой догадки. Для правильной оцѣнки такого сомнительнаго доказательства слѣдуетъ мысленно вообразить себѣ рядъ другихъ аналогичныхъ доказательствъ, равной съ нимъ силы, а затѣмъ спросить себя, могутъ ли всѣ они, взятыя вмѣстѣ, привести къ полному убѣжденію въ виновности. Дѣйствительныя улики обладаютъ тѣмъ особымъ свойствомъ, что какъ бы слаба ни была каждая изъ нихъ въ отдѣльности, однако общая ихъ совокупность обладаетъ значительною, иногда подавляющею силою. Представимъ себѣ такой случай. Найденъ трупъ человѣка, зарѣзаннаго острымъ орудіемъ. Очевидцевъ преступленія нѣтъ. Противъ предполагаемаго виновнаго собраны слѣдующія улики: 1. Незадолго до событія у него произошла ссора съ покойнымъ. 2. Свидѣтели слышали, какъ онъ угрожалъ отомстить покойному. 3. За нѣсколько дней до убійства обвиняемый купилъ широкій ножъ, оказавшійся затѣмъ около трупа. 4. Вскорѣ послѣ убійства, обвиняемаго видѣли вблизи мѣста преступленія, шедшимъ по направленію отъ этого мѣста. 5. Около трупа оказались слѣды, соотвѣтствующіе подошвамъ обуви обвиняемаго. 6. На обвиняемомъ, вскорѣ послѣ убійства, были замѣчены пятна крови. 7. Немедленно послѣ преступленія обвиняемый скрылся. 8. При допросѣ онъ путался въ объясненіяхъ относительно того, гдѣ онъ находился въ моментъ событія.

Слабость каждой изъ этихъ уликъ, взятой въ отдѣльности, очевидна, но въ общей своей совокупности онѣ рождаютъ сильное убѣжденіе въ виновности. Теперь, вмѣсто опи-

---

[1]) Best. Principles, § 92, p. 119–120.

санной цѣпи уликъ, предположимъ, что доказательства будутъ слѣдующія: 1. Обвиняемый обладалъ дурнымъ характеромъ. 2. Онъ принадлежитъ къ національности, отличающейся презрѣніемъ къ чужой жизни и наклонностью къ убійствамъ. 3. По одному прежнему дѣлу онъ едва избѣгнулъ наказанія за убійство другого лица. 4. Между народностями, къ которымъ принадлежали обвиняемый и убитый, существуетъ національная вражда 5. Годъ тому назадъ, на этомъ же мѣстѣ былъ убитъ человѣкъ той же національности и при тѣхъ же условіяхъ. 6. Трупъ былъ ограбленъ убійцею, а обвиняемый извѣстенъ своимъ корыстолюбіемъ. 7. Удостовѣрено, что обвиняемый, во время сна, въ бреду произносилъ слова, указывающія на совершеніе имъ этого убійства. 8. Всѣ сосѣдніе жители убѣждены въ его виновности, или, допустивъ, что дѣло обратило на себя общественное вниманіе, обѣ палаты парламента вотпровали адресы королевѣ, въ которыхъ выразили свою увѣренность въ виновности обвиняемаго. Эти и тому подобныя улики, сколько ихъ ни умножать, никогда не могутъ породить разумнаго убѣжденія, которое одно только и должно служить основою приговора, а слѣдовательно ни одна изъ этихъ уликъ и не будетъ допущена въ качествѣ судебнаго доказательства“.

Выясненіе условій среды и бытовой обстановки подсудимаго допускается англійскою практикою въ весьма узкихъ размѣрахъ и лишь настолько, насколько это безусловно необходимо для правильной оцѣнки уликъ, причемъ эти послѣднія, какъ указано выше, должны имѣть ясную и близкую связь съ дѣломъ. Probationes debent esse evidentes, id est perspicuæ et faciles intelligi гласитъ старинный афоризмъ, къ которому можно прибавить знаменитое изреченіе Бэкона, служащее девизомъ для всей англійской теоріи относимости: In jure non remota causa, sed proxima spectatur—Право имѣетъ своимъ предметомъ не отдаленную, но ближайшую

причину [1]). Противъ этой только причины и направляется вся энергія обвиненія, которое должно доказывать ея существованіе, опять таки вскрывая ближайшія ея причины. Конечно, и общія улики часто являются полезными при первоначальныхъ розыскахъ, во время дознанія и предварительнаго слѣдствія, ибо онѣ приводятъ къ открытію другихъ, болѣе близкихъ и вѣрныхъ доказательствъ [2]). Однако, при окончательномъ разрѣшеніи дѣла, на судъ должны допускаться лишь дѣйствительно относящіяся къ дѣлу улики, т. е. наиболѣе близкія по мѣсту и времени къ доказуемому факту, наиболѣе тѣсно съ нимъ связанныя, наиболѣе индивидуальныя, рѣзкія и характерныя [3]). Въ примѣчаніи герцога де Брольи, приложенномъ къ французскому изданію Бентама [4]), принципъ этотъ изложенъ въ слѣдующихъ словахъ: „Весьма существенно требованіе, чтобы обвинитель, представляющій косвенныя улики, обязанъ былъ связать всѣ кольца въ цѣпи такимъ образомъ, чтобы первое кольцо находилось въ связи съ основнымъ фактомъ, а послѣднее бы связывалось безъ перерыва съ первымъ. Иначе, у всякаго человѣка можно потребовать отчета во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, потому что нѣтъ въ мірѣ такого дѣйствія, которое, при помощи болѣе или менѣе рискованныхъ умозаключеній, не

---

[1]) Best. Principles, p. 37.

[2]) Best. p. 121.

[3]) См. о томъ же: Mittermaier. Beiträge zur Würdigung des circumstantiellen Beweises. Goltdammer's Archiv, 1866, S. 593, 598. A. Bauer. Die Theorie des Anzeigenbeweises. 1843. S. 165—168. А. Жиряевъ. Теорія уликъ 1855. стр. 175. Кремани, писатель конца прошлаго вѣка, говоритъ: „Общія, родовыя улики никогда не могутъ вести къ удостовѣренію въ томъ, что преступное дѣяніе существуетъ in concreto, ибо въ нихъ содержится указаніе лишь на возможность извѣстнаго преступленія, на способность къ нему подсудимаго, но нѣтъ ничего, въ чемъ бы обнаруживалось совершеніе его именно въ данномъ случаѣ“ (A. Cremani. De jure criminali. 1791, vol. III, p. 155).

[4]) J. Bentham. Traité des preuves judiciaires. 2 ed. 1830. vol. I. p. 418—419. Note communiquée par le duc de Broglie.

могло бы быть связано съ какимъ угодно преступленіемъ. Притомъ, это скорѣе всего можетъ ввести присяжныхъ въ заблужденіе. Имъ показываютъ человѣка и рядъ совершенныхъ имъ дѣйствій, изъ которыхъ каждому произвольно приписывается преступный характеръ. Какъ обвиняемый ни увѣряетъ, что всѣ они невинны, противъ него выставляется сто доказательствъ вмѣсто одного, и люди самые благоразумные впадаютъ въ такую же ошибку.

Нѣтъ ничего важнѣе этого замѣчанія во всей судебной логикѣ. Косвенныя улики могутъ быть складываемы только тогда, когда онѣ представляютъ въ нѣкоторомъ родѣ тождественныя величины, то есть когда онѣ группируются непосредственно или посредствомъ непрерывнаго сцѣпленія вокругъ основного факта, когда можно прослѣдить умомъ связь ихъ соединяющую, не теряя ея изъ виду ни на одну минуту, когда всѣ онѣ вмѣстѣ способствуютъ установленію не предполагаемой только, а несомнѣнной реальности основного факта. Отсюда слѣдуетъ правило, по которому всякая сторона, ссылающаяся на косвенныя улики, обязана связывать ихъ непосредственно съ основнымъ фактомъ, или сцѣплять ихъ между собою безъ перерыва. Тамъ, гдѣ цѣпь разрывается, гдѣ одно кольцо ускользаетъ, остальныя кольца должны быть отброшены“.

Статья 5. Факты, какъ основные, такъ и не основные, имѣютъ отношеніе одинъ къ другому, коль скоро одинъ изъ нихъ является, или вѣроятно можетъ явиться, или могъ явиться—

причиною другого;
слѣдствіемъ другого;
слѣдствіемъ одной и той же причины;
причиною одного и того же слѣдствія;

или когда одинъ изъ фактовъ указываетъ, что другой

долженъ или не можетъ случиться, что другой вѣроятно существуетъ, существовалъ, или не существуетъ, не существовалъ;

или когда существованіе или несуществованіе одного факта, при обычномъ ходѣ вещей, бываетъ причиною или послѣдствіемъ другого факта.

Примѣры: a) Смерть A послѣдовала отъ отравленія ядомъ. Поднесеніе яда имѣетъ отношеніе къ смерти A, какъ причина ея. Смерть A имѣетъ отношеніе къ отравленію, какъ его слѣдствіе.

b) A и B ѣли одно и то же кушанье, и проявляютъ симптомы отравленія одинаковымъ ядомъ. Симптомы A и симптомы B имѣютъ отношеніе другъ къ другу, какъ послѣдствія одной и той же причины.

c) Вопросъ, умеръ ли A отъ послѣдствій желѣзнодорожнаго крушенія?

Факты, клонящіеся къ доказательству, что смерть его послѣдовала отъ воспаленія мозговыхъ оболочекъ, произошедшаго вѣроятно отъ крушенія, и факты, клонящіеся къ доказательству, что смерть его послѣдовала отъ тифозной горячки, не имѣвшей ничего общаго съ крушеніемъ—имѣютъ отношеніе другъ къ другу, какъ возможныя причины одного и того же слѣдствія, то есть смерти A.

d) A обвиняется въ томъ, что онъ въ опредѣленный день совершилъ въ Лондонѣ преступленіе.

Фактъ, что въ этотъ день A находился въ Калькуттѣ, имѣетъ отношеніе къ дѣлу, такъ какъ доказываетъ, что онъ не могъ совершить этого преступленія.

e) Вопросъ, совершилъ ли A извѣстное преступленіе?

Обстоятельства преступленія таковы, что его только могли совершить или A, или B, или C. Имѣетъ отношеніе къ дѣлу каждый фактъ, который доказываетъ, что ни B, ни C не совершали этого преступленія, или что именно одинъ изъ нихъ совершилъ, или могъ совершить его.

f) B, обладатель значительной суммы денегъ, былъ убитъ и ограбленъ. Вопросъ, совершилъ ли A это убійство?

Фактъ, что послѣ убійства у A оказалось, или не оказа-

лось нѣкоторое количество денегъ неизвѣстнаго происхожденія, имѣетъ отношеніе къ дѣлу, такъ какъ нахожденіе денегъ у А могло быть, при обычномъ ходѣ вещей, послѣдствіемъ совершеннаго имъ убійства. Фактъ, что А зналъ о деньгахъ, находившихся при В, имѣетъ отношеніе къ дѣлу, такъ какъ подобное знаніе могло быть, при обычномъ ходѣ вещей, причиною, или одною изъ причинъ убійства.

g) А убитъ въ собственомъ домѣ ночью.

Отсутствіе признаковъ взлома въ домѣ имѣетъ отношеніе къ вопросу, не былъ ли А убитъ своимъ слугою, такъ какъ оно свидѣтельствуетъ объ отсутствіи такого послѣдствія, которое имѣлось бы налицо, если бы преступленіе было совершено человѣкомъ постороннимъ.

Въ предшествовавшихъ статьяхъ содержались до сихъ поръ отдѣльныя правила объ относимости, въ настоящей же статьѣ Стифенъ даетъ общую ея формулу. Эта формула является центральнымъ пунктомъ всего ученія объ относимости; она обнимаетъ собою всѣ отдѣльные случаи, такъ что она, по словамъ Стифена, способна разрѣшить любой вопросъ о томъ, относится ли данный фактъ къ дѣлу, или нѣтъ. Ее можно, пожалуй, выразить болѣе кратко, сказавъ, что каждый фактъ имѣетъ отношеніе ко всякому другому факту, коль скоро одинъ изъ нихъ какимъ либо опредѣленнымъ образомъ обусловливаетъ вѣроятность появленія другого факта. Но такое опредѣленіе слишкомъ кратко и неясно, а потому и непригодно для практическихъ цѣлей, ибо въ немъ оставленъ безъ разъясненія главный вопросъ о томъ, какъ же именно обусловливается однимъ фактомъ вѣроятность появленія другого.

Изложенная здѣсь теорія относимости является, по замѣчанію Стифена, лишь частнымъ случаемъ общаго логическаго процесса наведенія, а въ основѣ ея лежитъ законъ причинной связи между явленіями. Стифенъ самъ указываетъ въ

примѣчаніяхъ къ Своду [1]), что свою теорію относимости онъ въ общихъ чертахъ заимствовалъ у Бентама, къ ученію котораго намъ поэтому необходимо обратиться. Въ упомянутомъ сочиненіи Бентама „Раціональная теорія доказательствъ“, вопросъ объ относимости затронутъ лишь мимоходомъ, а наиболѣе послѣдовательное и отчетливое изложеніе этого вопроса мы находимъ у Бентама въ его знаменитомъ „Введеніи въ основанія нравственности и законодательства“.

„Извѣстное обстоятельство, говоритъ Бентамъ [2]), можетъ быть поставлено въ причинную связь съ какимъ либо событіемъ однимъ изъ слѣдующихъ четырехъ способовъ:

1. Способомъ причины или произведенія (In the way of causation or production).

2. Способомъ слѣдствія или происхожденія (In the way of derivation).

3. Способомъ боковой связи (In the way of collateral connexion).

4. Способомъ соединеннаго вліянія (In the way of conjunct influence).

О данномъ обстоятельствѣ говорится, что оно связано съ событіемъ по способу причины—когда оно входитъ въ число причинъ, содѣйствующихъ появленію этого событія; по способу слѣдствія—когда оно входитъ въ число результатовъ, созданныхъ этимъ событіемъ; по способу боковой связи—когда оба они, и обстоятельство, и событіе, являются независимыми другъ отъ друга результатами одной и той же общей причины; по способу соединеннаго вліянія—когда оба они, совмѣстно или независимо другъ отъ друга, производятъ одно и то же общее послѣдствіе.

Полезно пояснить это примѣромъ. Въ 1628 году, Вильерсъ, герцогъ Бокингемскій, фаворитъ и министръ Карла I

---

[1]) J. Stephen Digest, p. 136.

[2]) J. Bentham. Works, vol. I. p. 38—40.

англійскаго, получилъ рану и умеръ. Рану эту нанесъ ему нѣкій Фельтонъ, который, будучи раздраженъ дурнымъ управленіемъ, въ коемъ обвиняли этого министра, прибылъ изъ Лондона въ Портсмутъ, гдѣ Бокингемъ тогда находился. Проникнувъ къ нему въ переднюю и заставъ герцога оживленно разговаривавшимъ съ нѣсколькими стоявшими вокругъ него лицами, Фельтонъ приблизился, вынулъ ножъ и закололъ его. При нападеніи съ убійцы упала шляпа, которая затѣмъ была поднята, а при обыскѣ у него былъ найденъ окровавленный ножъ. Въ тульѣ шляпы оказались клочки бумаги съ замѣтками, выражавшими принятое имъ намѣреніе.

Итакъ, предположимъ, что разбираемое событіе есть рана, полученная Бокингемомъ. Вынутіе ножа Фельтономъ, проникновеніе преступника въ комнату, прибытіе его въ Портсмутъ, негодованіе его при мысли объ управленіи Бокингема, самое это управленіе, назначеніе Бокингема въ министры Карломъ I, и такъ далѣе, выше и выше безъ конца, всѣ эти обстоятельства относятся къ событію нанесенія раны—способомъ причины или произведенія. Пятна крови на ножѣ суть обстоятельства, относящіяся къ тому же событію—способомъ слѣдствія. Нахожденіе шляпы на полу, замѣтки, оказавшіяся въ шляпѣ, и писаніе этихъ замѣтокъ суть обстоятельства, относящіяся къ событію—способомъ боковой связи. Наконецъ, положеніе и разговоры лицъ, окружавшихъ Бокингема, являются обстоятельствами, которыя относятся къ обстоятельствамъ проникновенія Фельтона въ комнату, прибытія его въ Портсмутъ, и т. д.—способомъ соединеннаго вліянія, ибо они совмѣстно съ послѣдними способствовали полученію раны Бокингемомъ, помѣшавъ ему остеречься при появленіи убійцы.

Другимъ, болѣе простымъ и яснымъ примѣромъ такого же подраздѣленія можетъ служить родственная связь по происхожденію. Причинѣ соотвѣтствуетъ родитель; слѣдствію —дитя; боковой связи—родство по боковой линіи, т. е.

братья и сестры; соединенному вліянію—брачный союзъ и произведеніе потомства.

Различныя отношенія эти не всѣ связаны съ событіемъ съ одинаковою несомнѣнностью. Въ самомъ дѣлѣ, прежде всего ясно, что всякое событіе должно имѣть ту или другую причину, а въ сущности безконечное множество причинъ. Равнымъ образомъ, оно должно соприкасаться, по способу боковой связи, тоже съ безконечнымъ множествомъ обстоятельствъ. Но нѣтъ необходимости, чтобы всякое событіе непремѣнно имѣло какія нибудь послѣдствія, и, стало быть, нѣтъ также необходимости, чтобы оно было связано съ другимъ обстоятельствомъ по способу соединеннаго вліянія. Однако, изъ разнообразнѣйшихъ обстоятельствъ, дѣйствительно связанныхъ съ событіемъ, лишь весьма малая часть ихъ можетъ быть открыта человѣческимъ умомъ, при самомъ крайнемъ его напряженіи; еще меньшее количество ихъ въ дѣйствительности привлекаетъ наше вниманіе. Когда представляется случай, человѣкъ открываетъ большее или меньшее число ихъ, смотря отчасти по силѣ его ума, отчасти по силѣ его наклонности. Поэтому, количество и качество такихъ обстоятельствъ, которыя могутъ быть признаны существенными, опредѣляется двумя условіями: 1. Свойствомъ самыхъ вещей. 2. Силою или слабостью ума у тѣхъ лицъ, которымъ приходится ихъ разсматривать.

Ограничившись этими предварительными замѣчаніями вообще о поступкахъ и сопровождающихъ ихъ обстоятельствахъ, мы можемъ перейти къ разсмотрѣнію тѣхъ особенныхъ поступковъ и обстоятельствъ, которые составляютъ предметъ настоящаго сочиненія. Тотъ или иной поступокъ необходимо входитъ въ понятіе всякаго преступленія. Вмѣстѣ съ этимъ поступкомъ въ понятіе того же преступленія включаются и извѣстныя обстоятельства. Обстоятельства эти входятъ въ составъ преступленія, содѣйствуютъ своимъ со-

единеннымъ вліяніемъ образованію его послѣдствій, и, совмѣстно съ поступкомъ, выдѣляются подъ общимъ названіемъ, присвоенномъ этому послѣднему. Позднѣе мы будемъ имѣть случай обозначить ихъ именемъ криминативныхъ обстоятельствъ (criminative circumstances). Затѣмъ, къ поступку и указаннымъ обстоятельствамъ присоединяются еще другія обстоятельства, и совмѣстно производятъ дальнѣйшія послѣдствія. Если эти добавочныя послѣдствія бываютъ благодѣтельнаго свойства, то, смотря по цѣнности ихъ въ этомъ смыслѣ, они доставляютъ обстоятельствамъ, ихъ породившимъ, названіе оправдывающихъ или облегчающихъ (exculpative or extenuative circumstances). Если они бываютъ вреднаго свойства, то они доставляютъ породившимъ ихъ обстоятельствамъ названіе отягчающихъ (aggravative circumstances). Изъ этихъ различныхъ категорій обстоятельствъ, криминативныя связаны съ послѣдствіями преступленія, какъ причины послѣднихъ. Съ самымъ поступкомъ, а также и другъ съ другомъ, криминативныя обстоятельства связаны путемъ соединеннаго вліянія. Послѣдствія преступленія связаны съ этими обстоятельствами и съ самымъ поступкомъ—путемъ происхожденія. Послѣдствія видоизмѣненнаго преступленія связаны съ криминативными, облегчающими и отягчающими обстоятельствами—также путемъ происхожденія. Названныя категоріи обстоятельствъ связаны съ послѣдствіями видоизмѣненнаго преступленія путемъ причины, а между собою, по отношенію къ этимъ послѣдствіямъ,—путемъ соединеннаго вліянія.

Наконецъ, всякія обстоятельства, связь которыхъ съ послѣдствіями преступленія возможно установить или прямо, путемъ происхожденія ихъ отъ этихъ послѣдствій, или косвенно, путемъ боковой связи (то-есть въ силу совмѣстнаго происхожденія и тѣхъ и другихъ отъ одной общей причины), имѣютъ существенное отношеніе къ преступленію—спо-

собомъ доказательства, и могутъ быть поэтому названы доказательными обстоятельствами (evidentiary circumstances), такъ какъ они, при случаѣ, могутъ съ пользою служить доказательствами, указаніями и свидѣтельствами того, что преступленіе было совершено".

Приведенный отрывокъ даетъ ясное понятіе о взглядахъ Бентама на причинную связь. Этотъ проницательный мыслитель понималъ, что весь процессъ доказательства въ сущности сводится къ выясненію причинной связи между фактами. „Цѣпь причинностей, говоритъ онъ, есть въ то же время и цѣпь доказательствъ. Каждое слѣдствіе служитъ доказательствомъ своихъ причинъ, каждая причина свидѣтельствуетъ о своихъ слѣдствіяхъ" [1]). Однако, этому взгляду, подобно многимъ другимъ идеямъ Бентама, не суждено было получить болѣе полнаго развитія. Въ обширномъ, но достаточно хаотическомъ трактатѣ Бентама о доказательствахъ, мы вовсе не встрѣчаемъ вышеизложенной схемы причинныхъ связей, ни въ примѣненіи къ доказательствамъ вообще, ни въ примѣненіи къ теоріи относимости. Установленный Бентамомъ принципъ однако не погибъ: въ области ученія о доказательствахъ онъ былъ возобновленъ и продолженъ Стифеномъ, а дальнѣйшая разработка общаго логическаго ученія о законѣ причинности выпала на долю другаго ученика Бентамовской школы, Джона Стюарта Милля, который и выполнилъ ее въ „Системѣ Логики", вполнѣ достойно своего учителя.

II.

Относимость доказательствъ по аналогіи.

Статья 6. Обстоятельство сходное, но спеціально не связанное однимъ изъ вышеописанныхъ способовъ съ

---

[1]) J. Bentham. Works, v. VII, p. 2.

основными фактами дѣла, признается не имѣющимъ отношенія къ этимъ фактамъ, за исключеніемъ особыхъ случаевъ, указанныхъ въ настоящемъ отдѣлѣ.

Примѣры: a) Вопросъ, совершилъ ли A преступленіе?

Фактъ, что ранѣе имъ было совершено такое же преступленіе, и что онъ вообще склоненъ къ совершенію подобныхъ преступленій, не имѣетъ отношенія къ дѣлу.

b) Вопросъ о доброкачественности пива, доставленнаго пивоваромъ A трактирщику B.

Фактъ, что A поставлялъ доброкачественное пиво другимъ трактирщикамъ, C, D и E, не имѣетъ отношенія къ дѣлу (покамѣстъ не доказано, что всѣмъ имъ, въ томъ числѣ и B, было доставлено пиво одной заварки).

Статья 7. Когда основнымъ или относящимся фактомъ является намѣреніе, знаніе, добросовѣстность, злоумышленіе или иное душевное состояніе какого либо лица, или его тѣлесное ощущеніе, или состояніе его физическаго организма, то признаются имѣющими отношеніе къ дѣлу всѣ слова и поступки этого лица, показывающіе и выражающіе подобное душевное или тѣлесное состояніе, соотвѣтственное съ особенностями даннаго случая, хотя бы эти слова и поступки имѣли мѣсто и не по поводу основныхъ фактовъ дѣла и не одновременно съ ними.

Сообщенія, сдѣланныя этому лицу, которыя могли вызвать или предупредить появленіе такихъ душевныхъ состояній, также имѣютъ отношеніе къ дѣлу.

Въ случаѣ обвиненія кого либо въ принятіи или укрывательствѣ завѣдомо краденаго имущества, къ основному вопросу о знаніи обвиняемымъ способа происхожденія этого имущества имѣетъ отношеніе фактъ, что у того же лица, въ продолженіе предыдущихъ двѣ-

надцати мѣсяцевъ, было обнаружено другое краденое имущество.

Если, въ случаѣ вышеупомянутаго обвиненія, будетъ установлено, что краденое имущество дѣйствительно оказалось у обвиняемаго, то во всякомъ положеніи дѣла дозволяется представлять доказательство того факта, что обвиняемый, въ теченіе предшествовавшихъ пяти лѣтъ, подвергался наказанію за какія либо обманныя или позорящія преступленія, каковой фактъ признается имѣющимъ отношеніе къ вопросу о знаніи обвиняемымъ способа происхожденія этого имущества[1]).

Примѣры: a) A обвиняется въ томъ, что принялъ два куска шелковой матеріи отъ B, завѣдомо зная, что они были похищены послѣднимъ у C.

Фактъ, что A принималъ отъ B много другихъ вещей, которыя тотъ воровалъ у C въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и что A заложилъ всѣ эти вещи, имѣетъ отношеніе къ вопросу о томъ, зналъ ли A, что тѣ два куска шелку были B украдены у C.

b) A обвиняется въ томъ, что 12 Декабря 1854 года сбылъ фальшивую монету въ пять шиллинговъ (крону), завѣдомо зная, что она фальшивая.

Факты, что 11 Декабря 1854 года A сбылъ другую фальшивую крону, а 4 Января 1855 года сбылъ фальшивый шиллингъ, имѣютъ отношеніе къ вопросу о томъ, что 12 Декабря, сбывая монету, A зналъ, что она фальшивая.

c) A обвиняется въ томъ, что покушался получить деньги посредствомъ мошенничества, стараясь заложить у B ничего не стоящее кольцо подъ видомъ бриллiантоваго.

Факты, что, за два дня до того, A пытался, въ два от-

---

[1]) Двѣ послѣднія части этой статьи составляютъ краткое изложеніе закона объ укрывателяхъ, изданнаго въ 1871 году (Статутъ 34 et 45 Vict. c. 112, s. 19).

дѣльныхъ пріема, получить деньги отъ C и отъ D, подобнымъ же образомъ предлагая имъ это или похожее на него кольцо, и что въ другомъ случаѣ онъ въ этотъ же самый день получилъ отъ E нѣкоторую сумму, заложивъ ему вызолоченную цѣпочку подъ видомъ золотой, имѣютъ отношеніе къ дѣлу, какъ свидѣтельствующіе о томъ, что A зналъ истинное достоинство своего кольца.

d) A обвиняется въ обманномъ полученіи денегъ отъ B посредствомъ ложнаго увѣренія, будто хозяинъ его Z уполномочилъ его на это.

Фактъ, что въ другомъ случаѣ A получилъ деньги отъ C посредствомъ такого же ложнаго увѣренія, не имѣетъ отношенія къ дѣлу, такъ какъ этотъ случай составляетъ простое повтореніе и не можетъ служить для рѣшенія вопроса о предѣлахъ полномочій A, который могъ добросовѣстно заблуждаться въ обоихъ случаяхъ.

e) A взыскиваетъ съ B за вредъ, причиненный ему собакою послѣдняго, о злости которой B было извѣстно.

Фактъ, что эта собака передъ тѣмъ покусала X, Y и Z, которые обращались къ B съ жалобами на это, имѣетъ отношеніе къ дѣлу.

f) A преслѣдуетъ B за клевету въ печати.

Клеветническія сообщенія относительно A, сдѣланныя B за десять лѣтъ до напечатанія инкриминируемой статьи, имѣютъ отношеніе къ дѣлу, какъ указаніе на злой умыселъ.

g) B взыскиваетъ съ A за то, что послѣдній завѣдомо ложно увѣрилъ его въ состоятельности C, вслѣдствіе чего B кредитовалъ C, оказавшагося несостоятельнымъ, и понесъ убытки.

Фактъ, что A, во время своихъ увѣреній о состоятельности C, зналъ, что сосѣди послѣдняго и лица, имѣвшія съ нимъ дѣловыя сношенія, вѣрили въ эту состоятельность, имѣетъ отношеніе къ дѣлу, какъ указаніе на то, что A давалъ свое увѣреніе добросовѣстно.

h) A обвиняется въ присвоеніи находки, и вопросъ идетъ о томъ, завѣдомо ли онъ ее присвоилъ?

Фактъ, что о потерѣ вещи было сдѣлано въ мѣстонахожденіи A объявленіе, и притомъ такимъ способомъ, что A зналъ или вѣроятно могъ знать про это объявленіе, имѣетъ

отношеніе къ дѣлу, какъ доказательство того, что А, присваивая найденную имъ вещь, не могъ добросовѣстно заблуждаться относительно невозможности розыскать ея законнаго владѣльца.

i) Вопросъ, имѣетъ ли право А на взысканіе убытковъ съ В, обольстившаго его жену?

Фактъ, что жена А, ранѣе момента измѣны, писала своему мужу нѣжныя письма, имѣетъ отношеніе къ дѣлу, такъ какъ свидѣтельствуетъ о характерѣ отношеній, бывшихъ между супругами, и о причиненномъ А ущербѣ.

j) Вопросъ, произошла ли смерть А отъ отравленія?

Свѣдѣнія, которыя А до заболѣванія сообщалъ относительно состоянія своего здоровья, а равно и тѣ, которыя онъ во время болѣзни сообщалъ относительно симптомовъ этой послѣдней, имѣютъ отношеніе къ дѣлу.

k) Вопросъ, въ какомъ состояніи находилось здоровье А въ то время, когда В застраховалъ его жизнь?

Сообщенія, которыя А дѣлалъ разнымъ лицамъ въ это время, или около этого времени, относительно состоянія своего здоровья, имѣютъ отношеніе къ дѣлу.

Статья 8. Въ случаѣ вопроса о томъ, былъ ли извѣстный поступокъ случайнымъ или намѣреннымъ, имѣетъ отношеніе къ дѣлу тотъ фактъ, что поступокъ этотъ составляетъ одно изъ звеньевъ въ цѣломъ ряду подобныхъ же поступковъ, учиненныхъ тѣмъ же самымъ лицомъ.

Примѣры: a) А обвиняется въ поджогѣ собственнаго дома съ цѣлью получить страховое вознагражденіе.

Факты, что А передъ тѣмъ жилъ послѣдовательно въ двухъ другихъ домахъ, изъ коихъ каждый былъ имъ застрахованъ и въ каждомъ произошелъ пожаръ, и что послѣ каждаго пожара А получалъ страховое вознагражденіе отъ страховыхъ обществъ, всякій разъ различныхъ, имѣютъ отношеніе къ дѣлу, ибо могутъ служить указаніемъ, что пожары были не случайными.

b) А состоитъ на службѣ у В, и обязанности его заключаются въ томъ, чтобы выдавать жалованье работникамъ послѣдняго, а уплаченную сумму отмѣчать въ особой книгѣ.

Въ книгѣ этой А ложно записалъ извѣстную выдачу въ большемъ размѣрѣ противъ дѣйствительнаго.

Вопросъ, сдѣлана ли эта ложная запись случайно или умышленно?

Фактъ, что въ продолженіе двухъ лѣтъ А нѣсколько разъ дѣлалъ такія же ложныя записи въ этой книгѣ, и что записи эти каждый разъ клонились къ выгодѣ А, имѣетъ отношеніе къ дѣлу.

c) Вопросъ, случайно ли, или умышленно былъ данъ ядъ мужу А женою его Z, въ Сентябрѣ 1848 года?

Факты, что такой же самый ядъ былъ данъ В, С и D, тремъ сыновьямъ А, въ Декабрѣ 1848 года, въ Мартѣ 1849 и въ Апрѣлѣ 1849, и что отравленное кушанье во всѣхъ четырехъ случаяхъ было изготовлено Z, имѣетъ отношеніе къ дѣлу объ отравленіи А, хотя Z была привлечена особо по каждому изъ дѣлъ, по обвиненію ея въ отравленіи А, В, С, и въ въ покушеніи на отравленіе D (дѣло Джирингъ) [1]).

Всѣ три статьи настоящаго отдѣла посвящены вопросу о такъ называемыхъ res inter alios actæ, то-есть такихъ фактахъ, которые имѣли мѣсто между посторонними дѣлу лицами. Этотъ довольно неопредѣленный терминъ имѣетъ весьма важное значеніе въ устахъ англійскаго судьи, который, устраняя извѣстное доказательство, по его мнѣнію не идущее къ дѣлу, обыкновенно мотивируетъ свой отказъ тѣмъ, что доказательство это является res inter alios acta. Не будетъ ошибкою сказать, что въ англійской практикѣ этимъ терминомъ принято обозначать сплошь все то, что лежитъ внѣ круга изслѣдованія. Такимъ образомъ, намъ необходимо нѣсколько подробнѣе анализировать этотъ принципъ.

---

[1]) См. также Стифенъ. Уголовное право Англіи, стр. 395.

Первоначальное указаніе на него мы встрѣчаемъ уже въ римскомъ правѣ: Inter alios res gestas aliis non posse præjudicium facere, sæpe constitutum est.—Inter alios factam transactionem absenti non posse facere præjudicium notissimi juris est [1]). Вполнѣ тождественное правило встрѣчаемъ мы и въ каноническомъ правѣ: Res inter alios acta non debet aliis præjudicium generare [2]). Поэтому не удивительно, что ссылка на это правило содержится уже въ актахъ, относящихся къ царствованію Эдуарда II, т. е. къ началу XIV вѣка [3]). Первоначально выраженія res acta и res gesta употреблялись просто въ смыслѣ res judicata, и обозначали рѣшеніе суда по другому дѣлу. Выше, на стр. 58—62, мы видѣли, какое особое значеніе было въ англійскомъ процессѣ придано res gestæ. Точно также и терминъ res actæ сталъ примѣняться къ различнымъ внѣ-судебнымъ, но все же юридическимъ отношеніямъ между сторонами и третьими лицами, напр., къ договорамъ, обязательствамъ и т. п. Наконецъ, въ современномъ англійскомъ уголовномъ процессѣ понятіе res actæ окончательно теряетъ правовой характеръ и распространяется на отношенія всевозможнаго рода. Преступленіе разсматривается какъ особая связь sui generis, возникшая между подсудимымъ и потерпѣвшимъ; все, что у каждаго изъ нихъ происходило съ третьими лицами, то-есть внѣ этой связи, признается за res inter alios actæ. Фикція заходитъ такъ далеко, что зачисляетъ въ эту категорію даже факты, имѣвшіе мѣсто между тѣми же самыми подсудимымъ и потерпѣвшимъ, но лишь въ другое время и по другому поводу [4]).

---

[1]) Cod. Lib. 7. tit. 60, ll. 1 et. 2 См. также Best. Principles, § 112, p. 149; § 506, p. 633.

[2]) c. 8. X. de transact. (I 36) etc. См. C. Gross. Die Beweistheorie im canonischen Process. I Theil. 1867. S. 51.

[3]) Best. Principles, p. 149.

[4]) J. Bentham. Works, v. VII, p. 170 (замѣчаніе Д. С. Милля).

Въ силу основного правила англійской теоріи, res inter alios acta считается обстоятельствомъ, не относящимся къ дѣлу, и поэтому на судъ не допускается, хотя бы оно и было аналогично съ какими либо фактами дѣла. „Если два событія, говоритъ Стифенъ [1]), не имѣютъ между собою специфической связи, то нельзя изъ одного выводить заключеніе о другомъ, на томъ только основаніи, что они похожи другъ на друга. Поэтому, прежде чѣмъ дѣлать выводы отъ одного событія къ другому, необходимо какимъ бы то ни было образомъ установить между ними причинную связь".

Предубѣжденіе англійской практики противъ доказательства по аналогіи вполнѣ естественно и понятно. Оно объясняется опасеніемъ, чтобы подъ видомъ доказательствъ не проскользнули опасные для правосудія элементы, вродѣ разныхъ догадокъ и подозрѣній, могущихъ служить обильнымъ матеріаломъ для разглагольствованій сторонъ и вообще для того, что обозначается трудно переводимымъ словомъ inducement (Matter of mere inducement—голословное увѣреніе или увѣщаніе стороны, обращенное къ присяжнымъ) [2]).

„Мудрость и превосходство нашего закона, говорилъ лордъ Куперъ въ одной изъ своихъ рѣчей [3]), ни въ чемъ такъ ясно не выражаются, какъ въ требованіи его, чтобы по дѣламъ, въ которыхъ заинтересованы имущество, свобода или жизнь человѣка, были представляемы доказательства вполнѣ точныя, несомнѣнныя и ясныя. Въ этомъ состоитъ наша честь и слава, въ этомъ мы является предметомъ зависти для всѣхъ сосѣднихъ народовъ. Нашъ законъ въ этихъ случаяхъ требуетъ доказательствъ до того ясныхъ и досто-

---

[1]) Stephen. Digest, p. 138.

[2]) Cv. Russel. On Crimes, p. 793; Starkie. On Evidence 6 ed. I vol. p. 391. Powell's Principles, p. 470; Greenleaf. Treatise, v. I, p. 82 и др.

[3]) S. M. Phillipps Famous Cases of circumstantial evidence. 2 ed., Introduction, p. XXVII.

вѣрныхъ, что бы они были въ состояніи вполнѣ и окончательно убѣдить всякаго присутствующаго на судѣ, разъ онъ ихъ выслушалъ. Нашъ законъ не допускаетъ ни догадокъ, ни намековъ, ни натянутыхъ выводовъ, ни грубыхъ выдумокъ; нѣтъ, ему нужны доказательства дѣйствительныя и существенныя, вполнѣ согласныя съ требованіями естественной справедливости и правды".

Такое недовѣріе къ доказательству по аналогіи отчасти подтверждается и теоретическими соображеніями. Аналогія обыкновенно опредѣляется, какъ выводъ о какомъ нибудь свойствѣ одной вещи, по сходству ея въ нѣсколькихъ прочихъ свойствахъ съ другою вещью, когда между этими и тѣмъ свойствомъ не извѣстна никакая связь, ни причинности, ни сосуществованія [1]). „Степень вѣроятности аналогическаго заключенія, говоритъ г. Троицкій, зависитъ отъ трехъ обстоятельствъ: количества извѣстныхъ сходствъ между вещами, отъ которой и къ которой, заключается; количества извѣстныхъ несходствъ между ними; и объема нашего знанія объ нихъ. Вѣроятность будетъ весьма высока, если сходство между обѣими вещами велико, несходство незначительно, и объемъ нашего знанія объ нихъ достаточно широкъ [2]).

Изложенный взглядъ требуетъ, однако, нѣкотораго дополненія. Сила аналогіи зависитъ не столько отъ количества сходныхъ признаковъ въ обѣихъ вещахъ, сколько отъ качества этихъ признаковъ, и именно отъ того качества, которое стоитъ въ связи съ предметомъ доказательства Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что складывать можно только величины однородныя, а признаки вещи иногда бываютъ

---

[1]) A. Bain. Logic. 2 ed. part II. p. 143. Миллъ. Система Логики. изд. 2. томъ II. стр. 81, и пр.

[2]) М. Троицкій. Учебникъ Логики. Книга вторая. Логика началъ. 1886. стр. 251.

весьма разнородны; ихъ невозможно складывать безразлично, подобно костямъ на счетахъ. Затѣмъ, еще важнѣе то соображеніе, что явленіе въ предметѣ никогда не стоитъ въ зависимости отъ всѣхъ рѣшительно его свойствъ; оно всегда зависитъ лишь отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ что многія другія могли бы быть измѣнены, замѣнены новыми, и явленіе все же послѣдовало бы. Поэтому нѣтъ необходимости требовать, чтобы новый предметъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ совершенно подобенъ предмету намъ уже извѣстному. Достаточно, если онъ будетъ сходенъ съ нимъ въ нѣкоторыхъ. Но это послѣднее общее положеніе могло бы сдѣлаться посылкою строгаго вывода лишь въ томъ случаѣ, если бы были выдѣлены и точно опредѣлены тѣ „нѣкоторыя“ свойства предмета, коими обусловлено возникновеніе изучаемаго явленія. Однако, какъ скоро они были бы дѣйствительно выдѣлены и точно опредѣлены, то это была бы уже не аналогія, а точный выводъ. Если же „нѣкоторыя“ свойства, нужныя для возникновенія явленія, останутся неопредѣленными, то строгій выводъ, очевидно, окажется невозможнымъ, такъ какъ, при сходствѣ новаго предмета въ нѣкоторыхъ чертахъ съ предметомъ уже изслѣдованнымъ, все же останется вопросомъ, тѣ ли это черты, которыя необходимы для возникновенія явленія [1]). Истинная опасность всякой аналогіи въ томъ именно и заключается, что между сравниваемыми вещами можетъ оказаться какое либо существенное различіе, оставшееся неизвѣстнымъ и необнаруженнымъ. Всякая судебная ошибка собственно и состоитъ въ ложной аналогіи, т. е. въ упущеніи какого либо важнаго фактора, бывшаго различнымъ въ обоихъ случаяхъ.

Весь вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, насколь-

---

[1]) См. М. Каринскій. Классификація выводовъ. СПБ. 1880. стр. 180—181.

ко близко связанъ неизвѣстный доказываемый признакъ съ уже извѣстными сходными признаками, приводимыми въ доказательство. Если эти послѣдніе признаки однородны съ первымъ, достаточно многочисленны и имѣютъ существенное значеніе для опредѣленія вещи, то аналогія пріобрѣтаетъ большую силу. Такимъ образомъ, аналогія мало по малу приближается къ индуктивному полному доказательству, и наконецъ сливается съ нимъ [1]). Отсюда слѣдуетъ, что низшій видъ аналогіи, дѣйствительно, не можетъ считаться убѣдительнымъ, и Сиджвикъ справедливо опредѣляетъ его не какъ попытку доказательства, а какъ попытку увильнуть отъ доказыванія [2]). Напротивъ, высшій видъ аналогіи, граничащій съ индукціею, обладаетъ почти одинаковою силою съ этою послѣднею.

Одно изъ наиболѣе важныхъ примѣненій аналогіи встрѣчается при оцѣнкѣ психическихъ явленій. Выводъ о наличности сознанія въ каждомъ частномъ случаѣ дѣлается нами исключительно по аналогіи съ другими случаями, такъ какъ органическія явленія часто и не сопровождаются сознаніемъ. Даже такой глубокій мыслитель, какъ Декартъ, могъ сплошь отрицать сознательность у животныхъ, приравнивая ихъ къ автоматамъ. Тамъ, гдѣ точекъ опоры для аналогіи меньше, и наше знаніе становится сомнительнымъ, напр., въ вопросѣ о чувствительности растеній. Точно также по отношенію къ ненормальной душевной дѣятельности, сужденіе о томъ, обладалъ ли больной сознаніемъ, или дѣйствовалъ безсознательно, напр., въ припадкѣ умопомраченія, алкогольнаго автоматизма, и т. п., всегда приходится основывать на аналогіи.

Всѣ изложенныя соображенія въ особенности важны для

---

[1]) W. Wundt, Logik. I Band. Erkenntnisslehre. 1880. S. 314.

[2]) A. Sidgwick. Fallacies. A view of logic from the practical side. 1883 p. 232.

уголовнаго правосудія, которое имѣетъ дѣло преимущественно съ явленіями психической жизни человѣка. Для оцѣнки умысла, мотива и поведенія подсудимаго часто бываетъ безусловно необходимо объяснять ихъ посредствомъ аналогіи съ общими наклонностями, стремленіями и свойствами человѣческой души. „Есть улики, говоритъ Жиряевъ [1]), которыя и не могутъ быть иначе доказываемы, какъ уликами же (или также собственнымъ признаніемъ), и къ которымъ принадлежатъ всѣ такъ-называемыя психологическія, т. е. заимствуемыя изъ міра духовнаго, обстоятельства, напр., смертельная ненависть подозрѣваемаго въ убійствѣ къ убитому, безграничное корыстолюбіе перваго, муки совѣсти, страхъ наказанія, однимъ словомъ, всѣ многоразличные роды побужденій къ преступленію и всякіе слѣды, оставляемые имъ въ душѣ преступника. Означенныя теперь обстоятельства надлежитъ или совершенно исключить изъ числа уликъ, относя къ симъ послѣднимъ лишь явленія міра физическаго, или же дозволить доказывать ихъ уликами же: ибо на полученіе собственнаго относительно ихъ признанія со стороны подсудимаго столь же мало можно разсчитывать, какъ и на сознаніе его въ самомъ преступленіи. Но перваго нельзя сдѣлать сколько по тому, что это было бы произвольнымъ стѣсненіемъ понятія объ уликахъ, столько же и въ особенности потому, что въ такомъ случаѣ одинъ изъ главныхъ вопросовъ при уголовномъ изслѣдованіи, именно вопросъ о родѣ внутренней виновности преступника, оставался бы почти всегда безъ удовлетворительнаго рѣшенія“.

Такого же характера соображенія имѣлись, конечно, въ виду и у англійскихъ судей, при допущеніи тѣхъ исключеній, которыя приведены Стифеномъ въ статьяхъ седьмой и восьмой настоящаго отдѣла. Конечно, затрудненія англійской

---

[1]) А. Жиряевъ. Теорія уликъ. 1855. стр. 170.

практики отчасти зависятъ и отъ чрезмѣрной уже концентраціи обвиненія, и отъ несовершенства матеріальнаго уголовнаго права, которому чуждо понятіе о повторяемомъ преступленіи, такъ что, напримѣръ, каждый отдѣльный случай выпуска фальшивой монеты въ обращеніе преслѣдуется, какъ особое преступленіе. При ближайшемъ разсмотрѣніи названныхъ статей, мы видимъ, что объ онѣ относятся исключительно къ психическимъ фактамъ, и въ особенности къ умыслу. Вопросъ этотъ былъ уже затронутъ нами выше, на стр. 61—62, но тамъ шла рѣчь о непосредственныхъ проявленіяхъ умысла, выразившагося въ совершонномъ преступленіи, и входящихъ, поэтому, въ составъ res gestæ. Въ настоящемъ же случаѣ имѣются въ виду побочныя проявленія умысла, независимыя отъ основного, и направленныя даже противъ третьихъ лицъ, въ качествѣ res inter alios actæ. Разрѣшеніе доказывать такія побочныя проявленія злой воли исходитъ, очевидно, изъ безмолвно признаваемаго принципа единства и постоянства всякой индивидуальной душевной жизни, объединяемой памятью, разумомъ и пріобрѣтенными навыками.

Весьма замѣчательно, что англійскія правила, обыкновенно столь заботливо охраняющія интересы подсудимаго, дозволяютъ однако, по дѣламъ объ укрывательствѣ краденаго, не только оглашать другіе случаи нахожденія краденаго у того же укрывателя, но даже оглашать и предшествовавшую судимость этого послѣдняго. По общему правилу, о которомъ будетъ рѣчь въ слѣдующемъ отдѣлѣ, свѣдѣнія о судимости обвиняемаго могутъ быть представляемы суду только въ томъ случаѣ, когда самъ обвиняемый первый станетъ ссылаться на свою хорошую репутацію и доказывать ее. Такимъ образомъ, свѣдѣнія эти всегда стоятъ въ зависимости отъ способа защиты обвиняемаго, и играютъ вполнѣ второстепенную роль возраженій и опроверженій противъ дово-

довъ этой защиты. Ясно, что многократно осужденный преступникъ не станетъ давать повода сослаться на его прошлую судимость, и присяжные засѣдатели, слѣдовательно, ничего про нее и не узнаютъ. Напротивъ, исключительно по дѣламъ объ укрывательствѣ краденаго, обвинителю принадлежитъ иниціатива и самостоятельное право изобличенія прошлой судимости укрывателя, и притомъ это право принадлежитъ обвинителю не въ силу установившагося обычая или практики предсѣдательствующихъ судей, а въ силу положительнаго закона.

Въ этомъ отношеніи статутъ 1871 года „О предупрежденіи преступленій“ (The Prevention of Crimes Act. 34 et 35 Vict. c. 112) представляетъ замѣтное отступленіе отъ традицій англійскаго процесса и вполнѣ отличается отъ прочихъ доказательственныхъ правилъ, какъ по духу, такъ и по формѣ, ибо только весьма немногія изъ нихъ облечены въ форму статутовъ. Буквальное содержаніе интересующей насъ 19 статьи названнаго акта гласитъ:

„По дѣлу о всякомъ лицѣ, обвиняемомъ въ принятіи или въ укрывательствѣ завѣдомо краденаго имущества, дозволяется представлять доказательства, что у того же лица, въ продолженіе предшествовавшихъ двѣнадцати мѣсяцевъ, было обнаружено и другое краденое имущество. Доказательство это можетъ быть принимаемо въ соображеніе, для подтвержденія того, что лицо это знало о происхожденіи имущества.

„По дѣлу о всякомъ лицѣ, обвиняемомъ въ принятіи или укрывательствѣ завѣдомо краденаго имущества, въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что имущество было найдено у этого лица, и если, кромѣ того, окажется, что въ продолженіе предшествовавшихъ пяти лѣтъ лицо это было подвергнуто наказанію за какое либо преступленіе, сопряженное съ обманомъ или безчестностью (any offence involving fraud or dishonesty),—дозволяется во всякомъ положеніи

дѣла, доказывать фактъ прошлой судимости, и доказательство ея можетъ быть принимаемо въ соображеніе, для подтвержденія того, что лицо это знало о происхожденіи оказавшагося у него имущества. Однако, необходимо, чтобы подсудимому, не менѣе какъ за семь дней, было доставлено письменное извѣщеніе о предполагаемомъ, въ качествѣ доказательства, оглашеніи его прошлой судимости. Включеніе въ обвинительный актъ свѣдѣній о прошлой судимости обвиняемаго признается, по смыслу настоящей статьи, необязательнымъ".

III.

Репутація и характеръ.

Статья 9. Фактъ, что нѣкоторое лицо обладаетъ извѣстною репутаціею, считается не имѣющимъ отношенія ни къ какому судебному изслѣдованію поступковъ этого лица, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ нижеслѣдующей статьѣ.

Статья 10. Въ уголовныхъ дѣлахъ тотъ фактъ, что подсудимый пользуется хорошею репутаціею (good character), имѣетъ отношеніе къ дѣлу. Напротивъ, тотъ фактъ, что подсудимый пользуется дурною репутаціею, не имѣетъ отношенія къ дѣлу, за исключеніемъ лишь того случая, когда вопросъ о репутаціи лежитъ въ основѣ самого дѣла, или когда самъ подсудимый представилъ доказательства своей хорошей репутаціи, въ каковомъ случаѣ указанный фактъ получаетъ отношеніе къ дѣлу.

Если доказательства хорошей репутаціи представляются со стороны такого подсудимаго, который обвиняется—

въ уголовномъ преступленіи, караемомъ ниже смертной казни, и который ранѣе уже былъ осужденъ за преступленіе;

или въ одномъ изъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ закономъ о кражахъ 1861 года (Larceny Act), и который ранѣе былъ осужденъ за какое либо преступленіе, или проступокъ, или нарушеніе, преслѣдуемое въ порядкѣ сокращеннаго судопроизводства;

или въ одномъ изъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ законами о поддѣлкѣ монеты, 1861 года (Coinage Offences Act), или предыдущихъ годовъ, и который ранѣе уже былъ осужденъ за проступокъ того же рода;

то обвинителю, въ отвѣтъ на представленныя такимъ подсудимымъ свѣдѣнія о своей хорошей репутаціи, дозволяется, до вынесенія присяжными вердикта по разбираемому дѣлу, предъявлять доказательства прошлой судимости обвиняемаго.

Въ настоящей статьѣ слово „характеръ“ (character) понимается не въ смыслѣ наклонности, а въ смыслѣ репутаціи; представляемыя же доказательства могутъ касаться только общей репутаціи, но отнюдь не отдѣльныхъ поступковъ, свидѣтельствующихъ о той или другой репутаціи или наклонности.

Англійскія правила о доказательствахъ покоятся на томъ основномъ принципѣ, что въ уголовномъ судѣ изслѣдованію подлежатъ не свойства, не привычки, не наклонности подсудимаго, а только его *поступки*, и притомъ исключительно такіе поступки, которые стоятъ въ ближайшей причинной связи съ приписываемымъ ему преступленіемъ. Въ силу этого, въ англійскомъ судѣ, помимо общей презумпціи невиновности (доколѣ противное не будетъ доказано), существуетъ еще, такъ сказать, презумпція безпорочности подсудимаго,

нападать на которую обвинителю не позволяется. Англійскій судъ исходитъ изъ предположенія, что всякій подсудимый является передъ нимъ какъ бы впервые, и до его прошлаго суду уголовному нѣтъ дѣла, все равно какъ гражданскому суду нѣтъ дѣла до прошлой жизни истца или отвѣтчика. Велъ ли подсудимый безнравственный образъ жизни, совершалъ ли порочные поступки—присяжнымъ это знать излишне, потому что его судятъ не за вчерашніе пороки, а за сегодняшнее преступленіе. Судился ли онъ прежде за другое преступленіе—и это знать излишне, потому что за старую вину онъ былъ наказанъ; онъ уже уплатилъ свой долгъ обществу и расквитался съ нимъ; съ тѣхъ онъ могъ и, собственно говоря, даже долженъ бы былъ исправиться. Это соображеніе, понятно, не избавитъ его отъ усиленной отвѣтственности за рецидивъ, но самый разговоръ о рецидивѣ начнется лишь послѣ того, какъ присяжные произнесутъ обвинительный вердиктъ. Такимъ образомъ, подсудимому предоставляется важная гарантія, что его будутъ судить безъ всякихъ заднихъ мыслей и заподозрѣній, и что его прошлое совсѣмъ не будетъ затронуто, до тѣхъ поръ покуда онъ самъ этого не пожелаетъ. Конечно, въ томъ случаѣ когда подсудимый самъ первый подниметъ этотъ вопросъ и захочетъ сослаться на свое доброе имя, ему это дозволяется, но вмѣстѣ съ тѣмъ развязываются руки и у обвиненія, которое можетъ опровергать доводы защиты, въ силу равноправности сторонъ.

Таково главное общее условіе допущенія доказательствъ указанной категоріи. Однако, и при соблюденіи этого условія, права сторонъ поставлены въ довольно узкія рамки. При разрѣшеніи вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ возможно оглашать на судѣ свѣдѣнія, касающіяся личности и прошлой жизни подсудимаго, англійская практика различаетъ четыре разряда такихъ свѣдѣній, а именно: 1. Судимость (previous

conviction). 2. Репутацію (reputation). 3. Нравственныя наклонности (disposition). 4. Отдѣльные эпизоды (particular facts). Подъ этимъ послѣднимъ названіемъ понимаются частные случаи изъ прошлой жизни подсудимаго, могущіе служить примѣрами его поведенія и характера. Слѣдуетъ здѣсь же замѣтить, что подобные отдѣльные эпизоды безусловно воспрещаются въ англійской практикѣ, по общему правилу которой изслѣдованіе всякихъ побочныхъ фактовъ не дозволено: collateral facts are inadmissible [1]). Разсказы свидѣтелей объ изолированныхъ эпизодахъ изъ жизни подсудимаго слишкомъ далеки отъ дѣла, и, по своей неопредѣленности и отрывочности, не могутъ дать прочной основы для сужденія. Если только допустить ихъ на судъ, то затѣмъ уже невозможно будетъ поставить имъ границу; своею массою они могутъ совершенно затемнить и извратить дѣло. Кромѣ того, такіе частные, единичные факты, неожиданно появляясь впервые на судѣ, застаютъ противную сторону врасплохъ и неподготовленною, чѣмъ нарушаютъ права послѣдней. Наконецъ, эпизоды эти недоступны повѣркѣ и представляются вполнѣ голословными; свидѣтели же, разсказывающіе объ нихъ въ своихъ показаніяхъ, остаются, въ случаѣ лжи, безнаказанными, ибо, по закону, ложное показаніе карается въ Англіи только при томъ непремѣнномъ условіи, если предметомъ лжесвидѣтельства былъ основной и существенный фактъ дѣла, а не побочныя свѣдѣнія о репутаціи или характерѣ обвиняемаго [2]).

Ограничившись этими соображеніями относительно послѣдней изъ только-что перечисленныхъ нами категорій, мы можемъ обратиться къ болѣе подробному анализу остальныхъ.

---

[1]) S. Greenleaf. Treatise, vol. I, p. 67.
[2]) Тамъ же, стр. 503.

1. Правила объ оглашеніи *прошлой судимости* обвиняемаго весьма отчетливо резюмированы Стифеномъ въ статьѣ десятой, въ трехъ вышеприведенныхъ пунктахъ, которые просто являются сжатымъ изложеніемъ соотвѣтствующихъ статутовъ. Содержаніе этихъ узаконеній очень характерно обрисовываетъ заботливость англійскаго законодательства о возможномъ усиленіи уголовной репрессіи безъ нарушенія или стѣсненія правъ защиты подсудимаго. Первый изъ этихъ статутовъ относится еще къ 1827 году (7 et 8 Geo. IV. c. 28, s. 11), и имѣетъ своимъ непосредственнымъ предметомъ увеличеніе наказанія въ случаяхъ рецидива. При производствѣ дѣлъ о преступленіяхъ—фелоніяхъ, караемыхъ ниже смертной казни, обвинителю дозволяется, въ силу этого закона, включать въ свой актъ добавочный обвинительный пунктъ, съ указаніемъ на то, что подсудимый уже былъ раньше наказанъ за другую фелонію.

Законъ этотъ получилъ не вполнѣ правильное примѣненіе, вслѣдствіе чего, около десяти лѣтъ спустя, былъ изданъ дополнительный статутъ (6 et 7 Will. IV, c. 111), который, упомянувъ о предыдущемъ законѣ, продолжаетъ: ....„имѣя въ виду, что, со времени изданія указаннаго акта, установилась въ судахъ особая практика, состоящая въ томъ, что, при разсмотрѣніи дѣла о вторичномъ преступленіи, одновременно предлагается присяжнымъ для разслѣдованія и фактъ прошлой судимости того же обвиняемаго; имѣя, далѣе, въ виду, что возникаетъ сомнѣніе, насколько подобная практика совмѣстима съ безпристрастнымъ и правильнымъ изслѣдованіемъ позднѣйшаго преступленія, и что такую практику всего лучше слѣдуетъ прекратить,—король, съ согласія парламента, постановляетъ: что, при разборѣ всякаго дѣла о вторичномъ преступленіи, обвинителю отнюдь не дозволяется возбуждать передъ присяжными вопросъ о прежней судимости обвиняемаго, до тѣхъ поръ пока они не разрѣ-

шили дѣла о позднѣйшемъ преступленіи и не признали подсудимаго виновнымъ въ немъ. Но такъ какъ въ обвинительномъ актѣ содержится указаніе на прошлую судимость обвиняемаго, то прочтеніе присяжнымъ этого мѣста изъ обвинительнаго акта должно быть отложено до произнесенія обвинительнаго вердикта. Однако, если подсудимый, судящійся за позднѣйшее преступленіе, станетъ ссылаться на свою хорошую репутацію и доказывать ее, то обвинителю, въ видѣ отвѣта, дозволяется оглашать его прошлую судимость и ранѣе произнесенія вердикта, такъ что присяжнымъ, въ этомъ случаѣ, надлежитъ разслѣдовать фактъ прошлой судимости одновременно съ разсмотрѣніемъ позднѣйшаго преступленія".

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что по дѣламъ о преступленіяхъ, караемыхъ смертною казнью, оглашеніе прошлой судимости обвиняемаго безусловно не допускается. Запрещеніе это, во время своего изданія въ 1827 году, касалось гораздо большаго количества преступленій, нежели въ настоящее время, такъ какъ съ тѣхъ поръ смертная казнь за многія преступленія была отмѣнена. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что изложенный законъ относится только къ разряду болѣе серьезныхъ преступленій, именуемыхъ фелоніями; что же касается проступковъ менѣе важныхъ, то относительно ихъ существуютъ особые статуты, изданные въ 1861 году и касающіеся, впрочемъ, только кражи и поддѣлки монеты. При этомъ существуетъ нѣкоторая непослѣдовательность. По дѣламъ о кражахъ дозволяется оглашать всякую рѣшительно судимость обвиняемаго, какъ за преступленія любого рода, такъ и за проступки, и даже за нарушенія. Напротивъ, по дѣламъ о поддѣлкѣ или выпускѣ фальшивой монеты, можно оглашать только судимость за преступленія того же рода. Наконецъ, по всѣмъ остальнымъ дѣламъ оглашеніе прошлой судимости вовсе не допускается. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что указаніе на эту судимость обяза-

тельно должно быть предварительно помѣщено въ обвинительномъ актѣ, въ видѣ особаго пункта (count); исключеніе составляетъ только замѣчательный законъ объ укрывателяхъ, приведенный выше, на стр. 89. Общій порядокъ оглашенія подробно описанъ, какъ въ статутѣ о кражахъ (24 et 25 Vict. c. 96, s. 116), такъ и въ статутѣ о поддѣлкѣ монеты (24 et 25 Vict. c. 99, s. 37), причемъ редакція обоихъ совершенно тождественна, вслѣдствіе чего достаточно привести одинъ послѣдній. Тридцать седьмая статья статута о поддѣлкѣ гласитъ: „Если подсудимый ранѣе уже судился за одно изъ преступленій, указанныхъ въ настоящемъ или предшествовавшихъ статутахъ, по обвиненію въ поддѣлкѣ или выпускѣ фальшивой монеты, и если онъ обвиняется въ новомъ таковомъ же преступленіи, учиненномъ послѣ осужденія за первое, то въ обвинительномъ актѣ, вслѣдъ за предъявленнымъ обвиненіемъ въ позднѣйшемъ преступленіи, достаточно указать только на предметъ и сущность обвиненія и приговора по прежнему дѣлу. Достаточнымъ доказательствомъ предшествовавшаго осужденія, по удостовѣреніи тождества личности преступника, признается выпись, содержащая только предметъ и сущность (съ выпущеніемъ обстоятельствъ дѣла) обвиненія и приговора по прежнему дѣлу. Выпись эта должна быть подписана клеркомъ или инымъ судебнымъ чиновникомъ, завѣдующимъ архивомъ того суда, въ которомъ обвиняемый судился въ первый разъ. При этомъ не требуется дальнѣйшей повѣрки ни подписи того лица, которымъ выпись эта выдана, ни его служебнаго положенія, полномочій, и его права на завѣдываніе архивомъ. За выдачу каждой такой выписи взимается плата въ размѣрѣ не свыше шести шиллинговъ и восьми пенсовъ. Самое же производство по обвиненію въ повтореніи преступленія послѣ осужденія или послѣ нѣсколькихъ осужденій за преступленія предшествовавшія, должно производиться въ нижеслѣ-

дующемъ порядкѣ, а именно: первоначально подсудимому должно быть предъявлено обвиненіе (arraignement) только по той части обвинительнаго акта, которая касается позднѣйшаго преступленія. Если подсудимый заявитъ возраженіе, что онъ невиновенъ, или если судъ постановитъ продолжать разсмотрѣніе дѣла въ порядкѣ возраженія о невиновности, то присяжнымъ, прежде всего, должно предложить для изслѣдованія только одно позднѣйшее преступленіе подсудимаго. Когда же присяжные признаютъ его виновнымъ, или когда самъ онъ, при предъявленіи ему обвиненія, признаетъ себя виновнымъ, то именно тогда, а отнюдь не раньше, слѣдуетъ предложить ему вопросъ, былъ ли онъ прежде осужденъ, какъ это указано въ обвинительномъ актѣ. Если онъ признаетъ свою прошлую судимость, то судъ приступаетъ къ постановкѣ соотвѣтственнаго приговора; если же онъ станетъ отрицать ее, или будетъ умышленно молчать (stand mute of malice), или не пожелаетъ прямо отвѣтить на этотъ вопросъ, то тогда присяжнымъ еще предлагается для изслѣдованія и фактъ судимости обвиняемаго за одно или нѣсколько преступленій, ранѣе имъ совершонныхъ. Въ этомъ случаѣ нѣтъ необходимости снова приводить присяжныхъ къ присягѣ, но уже принесенная ими однажды присяга почитается достаточною и для такого дополнительнаго изслѣдованія. Однако, если подсудимый, судящійся за позднѣйшее преступленіе, станетъ ссылаться на свою хорошую репутацію и доказывать ее, то обвинителю, въ видѣ отвѣта, дозволяется оглашать его прошлую судимость и ранѣе произнесенія вердикта, такъ что присяжнымъ, въ этомъ случаѣ, надлежитъ разслѣдовать фактъ прошлой судимости одновременно съ разсмотрѣніемъ позднѣйшаго преступленія“.

2. „Слово *характеръ*, говоритъ Бентамъ [1]), иногда упот-

---

[1]) J. Bentham. Works, vol. VII, p. 56.

ребляется, какъ синонимъ нравственныхъ свойствъ (disposition); но, въ своемъ обыкновенномъ смыслѣ, слово character обозначаетъ то мнѣніе о нравственныхъ наклонностяхъ извѣстнаго лица, которое сложилось у людей, имѣвшихъ случай болѣе или менѣе близко познакомиться съ проявленіями въ немъ этихъ наклонностей. Такова практика въ англійскомъ языкѣ. Во французскомъ языкѣ слово caractère едва ли примѣняется къ чему либо, помимо нравственныхъ наклонностей; въ тѣхъ же случаяхъ, когда рѣчь идетъ о мнѣніи, сложившемся относительно данной нравственной личности у окружающихъ ее людей, употребляется слово réputation". Русскій языкъ въ этомъ отношеніи вполнѣ сходенъ съ французскимъ. Отмѣтивъ эту особенность англійскаго языка, мы будемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи придерживаться болѣе привычнаго для насъ способа выраженія, и будемъ переводить character словомъ репутація, а disposition словомъ характеръ.

Дозволеніе подсудимому ссылаться на свою хорошую репутацію первоначально давалось in favorem vitæ только по дѣламъ о такихъ преступленіяхъ, за которыя полагалась смертная казнь. Позднѣе употребленіе этого доказательства было расширено, и теперь оно допускается по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ, за исключеніемъ проступковъ, караемыхъ только денежнымъ штрафомъ. Общая характеристика англійской практики, по отношенію къ вопросу о репутаціи подсудимаго, обрисована Росселемъ въ слѣдующихъ чертахъ: „По всѣмъ уголовнымъ обвиненіямъ подсудимому всегда разрѣшается приглашать свидѣтелей для подтвержденія его хорошей репутаціи. Свидѣтелямъ этимъ обыкновенно предлагаются вопросы, давно ли они знаютъ подсудимаго и каково было общее мнѣніе о его честности, добродушіи или благонравіи (смотря по роду взведеннаго на него обвиненія). Очевидно, что изслѣдованіе должно имѣть нѣкоторое отно-

шеніе къ предмету обвиненія и связь съ этимъ предметомъ. Въ случаѣ обвиненія въ кражѣ было бы безцѣльно и безсмысленно доказывать гуманныя чувства подсудимаго; точно также, при обвиненіи въ государственномъ преступленіи, безсмысленно было бы доказывать, что подсудимый отличался честностью и добросовѣстностью въ своихъ личныхъ дѣлахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изслѣдованіе должно имѣть своимъ предметомъ только общую репутацію подсудимаго, потому что только послѣдняя можетъ служить для общей оцѣнки поведенія, ибо она создаетъ предположеніе, что человѣкъ, который въ теченіе извѣстнаго времени сохранялъ за собою хорошую репутацію, не станетъ затѣмъ дѣйствовать преступно“ [1]).

Болѣе подробное и обстоятельное теоретическое обоснованіе этого правила находимъ мы у Стифена: „Дурная репутація лица, говоритъ онъ [2]), есть слабое доказательство для убѣжденія въ томъ, что оно замѣшано въ данномъ преступленіи, потому что этотъ признакъ есть общій ему и сотнямъ или тысячамъ другихъ людей, между тѣмъ какъ интересъ въ совершеніи преступленія могли имѣть весьма немногіе, можетъ быть два или три человѣка. Если дурная репутація сама по себѣ слишкомъ отдаленная улика, то еще менѣе можно доказывать отдѣльные дурные поступки подсудимаго. Англійское право неуклонно придерживается правила, что подобные поступки не могутъ быть доказываемы, что и составляетъ особенность англійскаго права, тогда какъ во Франціи всякое обстоятельство изъ жизни подсудимаго можетъ быть приводимо, и приводится, въ доказательство про-

---

[1]) Russel. On Crimes, 3 ed. vol. II, p. 784; Phillips. Treatise, 10 ed. vol. I, p. 506.

[2]) Стифенъ. Уголовное право Англіи, стр. 397—399.

тивъ него [1]). Мы одолжены этимъ взглядомъ состязательному характеру англійскаго процесса. Во Франціи судьи считаютъ какъ будто долгомъ подвергать своей нравственней цензурѣ всякаго, кто попалъ подъ судъ, розыскивать, а подчасъ и клеймить позоромъ каждый отдѣльный эпизодъ изъ жизни дурного человѣка. Напротивъ, англійскій судья заботится только о спорномъ пунктѣ. Этотъ обычай зашелъ такъ далеко, что, напримѣръ, по дѣлу Памера не было дѣлаемо даже упоминаній о поступившихъ противъ него еще двухъ обвиненіяхъ въ убійствѣ, помимо того, за которое онъ судился.—Хотя на судѣ не допускаются доказательства дурной репутаціи подсудимаго, но доказательства его хорошей репутаціи всегда выслушиваются въ его пользу. Эта непослѣдовательность оправдывается, или по крайней мѣрѣ становится понятною, если принять въ соображеніе гуманность англійскаго права. Кромѣ того, доказательство хорошей репутаціи имѣетъ большое вліяніе на правильную оцѣнку поведенія подсудимаго. Допустимъ, напримѣръ, что у А пропали часы, а на слѣдующій день они очутились у В, который объясняетъ, будто бы онъ нашелъ ихъ и берегъ для возвращенія собственнику. Если А незнакомъ съ В, и если послѣдній не можетъ ни на кого сослаться въ подтвержденіе своей хорошей репутаціи, то оправданія его будутъ весьма слабыя. Напротивъ, если В другъ А, если онъ занимаетъ равное съ нимъ общественное положеніе, и если онъ можетъ представить многихъ почтенныхъ людей, которые удостовѣрятъ, что знали его съ дѣтства, какъ вполнѣ честнаго человѣка, то оправданія, приводимыя В, пріобрѣтутъ большую вѣроятность. Если же часы оказались бы у какого

---

[1]) По словамъ судьи Парка „ни отъ кого нельзя требовать отчета во всемъ, что имъ когда либо было сдѣлано въ продолженіе своей жизни“. См. W. M. Best. Principles, p. 600.

либо особенно почетнаго и богатаго обывателя, напримѣръ у ректора прихода, то никто бы не сталъ толковать происшедшаго въ дурную сторону. Эти примѣры вполнѣ объясняютъ значеніе репутаціи, какъ доказательства. Судьи внушаютъ часто присяжнымъ, что доказательства хорошей репутаціи безполезны, когда фактъ преступленія доказанъ, и годятся развѣ для смягченія (а можетъ быть и усиленія) наказанія [1]), но что они весьма важны въ томъ случаѣ, когда присяжные сомнѣваются въ фактѣ содѣянія преступленія. Мнѣ кажется, что эти наставленія судей могли бы быть выражены въ слѣдующихъ словахъ: если вы думаете, что подсудимый виновенъ, то скажите, что онъ виновенъ, но если вы думаете, что вы должны его оправдать независимо отъ доказательства его хорошей репутаціи, то оправдайте его тѣмъ охотнѣе по причинѣ этого доказательства. Такимъ образомъ, доказательства репутаціи стали бы излишними. Все значеніе ихъ заключается въ томъ, что они могутъ объяснить поведеніе, но фактовъ они не измѣнятъ. Я не перестаю вѣрить достовѣрному свидѣтелю, который утверждаетъ, что онъ видѣлъ, какъ человѣкъ, всѣмъ извѣстный по своей честности, запустилъ, въ его присутствіи, руку въ карманъ сосѣда, но я не выведу изъ этого факта заключенія, которое я вывелъ бы въ большинствѣ случаевъ, а именно, что у запустившаго руку въ чужой карманъ было преступное намѣреніе; я скорѣе припишу его дѣйствіе какому либо другому, невинному побужденію“.

Всѣ правила о порядкѣ и условіяхъ представленія доказательствъ о репутаціи выработались въ Англіи исключительно путемъ судебной практики, и не регулируются ника-

---

[1]) Вопросъ о смягчающихъ обстоятельствахъ и о снисхожденіи разрѣшается въ Англіи только судомъ, и вовсе не входитъ въ область компетенціи присяжныхъ засѣдателей.

кимъ законодательнымъ актомъ. Впрочемъ, упомянутый выше, на стр. 88, статутъ 1871 года о предупрежденіи преступленій (The Prevention of Crimes Act, 34 et 35 Vict c. 112) содержитъ въ 15 статьѣ весьма любопытное правило, въ силу коего одно обладаніе дурною репутаціею само по себѣ составляетъ проступокъ и можетъ привести къ наказанію. По своей оригинальности правило это заслуживаетъ, чтобы его привести цѣликомъ.

„Въ виду того, что въ 4 статьѣ 83 главы акта, изданнаго въ пятый годъ царствованія короля Георга IV, подъ названіемъ: „Актъ о наказаніи праздныхъ и непорядочныхъ личностей, и бродягъ, и проходимцевъ, въ части Великобританскаго королевства, именуемой Англіею“, содержится, наряду съ другими вещами, постановленіе, на основаніи коего признается за проходимца и бродягу, и можетъ быть подвергнутъ задержанію и заключенію въ каторжную тюрьму, на время не свыше трехъ календарныхъ мѣсяцевъ,— всякій подозрительный человѣкъ или вѣдомый воръ, который, съ намѣреніемъ совершить преступленіе, посѣщаетъ какую либо рѣку, простую или судоходную, каналъ, докъ, бассейнъ, набережную, пристань, расположенные на нихъ или по сосѣдству склады, или ведущія къ нимъ улицы, дороги и проѣзды, или мѣста для публичныхъ гуляній съ ведущими туда проѣздами, или улицы, дороги или площади, къ онымъ прилегающія; а равно въ виду возникшихъ сомнѣній, какъ относительно редакціи изложеннаго постановленія, такъ и относительно способа доказательства, требуемаго для удостовѣренія наличности преступнаго намѣренія, постановляется: во первыхъ, измѣнить редакцію указанной статьи, и вмѣсто словъ „дороги или площади, къ онымъ прилегающія“ поставить слова „или дороги, или площади, прилегающія къ улицѣ или дорогѣ“; и во вторыхъ, признать, что, для удостовѣренія преступнаго умысла у подсудимаго, не требуется

непремѣнно, чтобы онъ былъ виновенъ въ какомъ-либо опредѣленномъ поступкѣ или поступкахъ, но что для осужденія его достаточно, если, по обстоятельствамъ дѣла и на основаніи завѣдомой репутаціи обвиняемаго, удостовѣренной передъ разбирающимъ дѣло мировымъ или окружнымъ судьею, послѣдній убѣдится, что подсудимый дѣйствительно имѣлъ умыселъ совершить преступленіе". Изъ изложеннаго ясно, что обладаніе дурною репутаціею входитъ, въ данномъ случаѣ, въ составъ самаго преступленія, и потому доказываніе ея является не только правомъ, но и обязанностью обвинителя.

Свидѣтельство о репутаціи (character evidence) легко смѣшать, на первый взглядъ, съ показаніемъ по наслышкѣ (hearsay) или съ выраженіемъ личнаго мнѣнія свидѣтеля (opinion). Дѣйствительно, свидѣтель, показывающій о репутаціи подсудимаго, повидимому, или сообщаетъ народную молву о немъ, или даетъ свою собственную оцѣнку его характера. Однако, англійскіе писатели настоятельно предостерегаютъ противъ подобнаго смѣшенія понятій. Свидѣтельство о репутаціи есть вполнѣ самостоятельное и непосредственное доказательство, существенно отличающееся отъ двухъ указанныхъ категорій. Личное мнѣніе свидѣтеля о характерѣ подсудимаго не должно имѣть мѣста на судѣ. Равнымъ образомъ, удостовѣреніе общей репутаціи подсудимаго не есть передача сплетенъ или слуховъ стоустой молвы съ фантастическимъ содержаніемъ. Совершенно напротивъ: удостовѣреніе репутаціи есть непосредственная передача одного только положительнаго факта, и притомъ стоящаго внѣ связи съ преступленіемъ, а именно—такой или иной общей оцѣнки подсудимаго, сложившейся въ томъ обществѣ, среди котораго онъ постоянно вращался. „Когда свидѣтель утверждаетъ, что подсудимый обладалъ хорошею репутаціею, то онъ подразумѣваетъ подъ этимъ, что отъ многихъ людей, хотя

не помнитъ точно отъ кого, онъ слышалъ хорошіе отзывы о подсудимомъ, хотя не помнитъ точно какіе“ [1]).

Другое, еще болѣе обстоятельное разъясненіе того же принципа мы встрѣчаемъ въ заключительной рѣчи (charge) судьи Кокбурна по дѣлу Раутона [2]), въ которой Кокбурнъ, между прочимъ, сказалъ присяжнымъ слѣдующее: „Намъ необходимо опредѣлить, въ чемъ именно заключается доказательство „характера“. Состоитъ ли оно въ изслѣдованіи репутаціи, или въ изслѣдованіи нравственныхъ наклонностей? Я держусь того мнѣнія, что оно состоитъ въ изслѣдованіи общей репутаціи. Предметомъ вашего сужденія является наклонность и расположеніе души у подсудимаго къ совершенію, или къ воздержанію отъ совершенія преступленій того рода, въ одномъ изъ коихъ онъ обвиняется. Но никто и никогда прямо не задаетъ вопроса: какова наклонность и расположеніе души у подсудимаго? Единственнымъ способомъ является представленіе доказательствъ его хорошаго „характера“, основанныхъ на общемъ мнѣніи объ немъ людей, среди которыхъ онъ жилъ. Такой смыслъ, по моему, слѣдуетъ придавать слову „характеръ“, въ томъ случаѣ, когда идетъ рѣчь о доказательствѣ характера.— Совершенно справедливо, что свидѣтельство о характерѣ бываетъ наиболѣе убѣдительно, когда ему предшествуетъ объясненіе свидѣтеля, что послѣдній имѣлъ возможность узнать подсудимаго лучше, чѣмъ другіе; и на практикѣ подобныя объясненія часто допускаются, въ пользу подсудимаго, но въ нарушеніе закона. Кромѣ того, конечно, весьма важно, чтобы свидѣтель, являющійся для удостовѣренія хорошей репутаціи подсудимаго, самъ былъ бы объ немъ хорошаго мнѣнія, ибо иначе онъ ввелъ бы присяжныхъ въ заблужденіе. Поэтому, строгое правило часто нару-

---

[1]) Stephen Digest, p. 155.
[2]) Leigh & Cave's Crown Cases, vol. I, p. 520.

шается. Но если стать на строго законную точку зрѣнія, то, по моему, предѣлы такого доказательства должны ограничиваться общею репутаціею обвиняемаго, не распространяясь на личное мнѣніе свидѣтеля. Предположимъ, что вызванный на судъ свидѣтель скажетъ, что онъ рѣшительно ничего не знаетъ о репутаціи подсудимаго, но что онъ имѣлъ обширную возможность составить себѣ личное убѣжденіе объ его честности, или о другомъ его качествѣ, смотря по предмету обвиненія. Несомнѣнно, что подобное доказательство, въ случаѣ возраженія противной стороны, допущено бы не было". Вопросъ этотъ, по дѣлу Раутона, восходилъ на разрѣшеніе высшаго общаго собранія Вестминстерскихъ судей, которые, большинствомъ одинадцати голосовъ противъ двухъ, признали разъясненіе Кокбурна вполнѣ правильнымъ. Только двое судей, Эрль и Уиллесъ, остались при мнѣніи, что доказывать можно не только репутацію, но и душевныя свойства.

Взглядъ, высказанный по дѣлу Раутона, легъ въ основу дальнѣйшей практики англійскихъ юристовъ, которые и донынѣ считаютъ этотъ случай руководящимъ (leading case) по данному вопросу. Однако, Роско совершенно справедливо указываетъ, что, при такомъ толкованіи, „всякій лицемѣръ, успѣвшій, съ помощью громаднаго и систематическаго притворства, пріобрѣсти репутацію высокой честности или нравственности, можетъ вызвать въ свою защиту такихъ свидѣтелей, которые одинаково хорошо знакомы съ его превосходною репутаціею, съ его душевною низостью, и съ притворствомъ, благодаря которому ему удалось предохранить ту и другую отъ взаимнаго столкновенія. Съ другой стороны нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что если разъ только допустить изслѣдованіе душевныхъ свойствъ подсудимаго, то трудно будетъ сказать, гдѣ оно кончится" [1]).

[1]) Roscoe's Digest, p. 103.

IV.

Повѣрка доказательствъ.

Статья 11. На перекрестномъ допросѣ каждой сторонѣ разрѣшается предлагать свидѣтелю противной стороны вопросы, клонящіеся къ тому, чтобы

1) провѣрить точность, правдивость и достовѣрность свидѣтеля, или

2) дискредитировать свидѣтеля, задѣвъ его репутацію.

Судъ имѣетъ право обязать свидѣтеля отвѣтить на подобный вопросъ, хотя бы послѣдній не имѣлъ никакого отношенія къ существу дѣла, и хотя бы отвѣтъ могъ быть крайне непріятенъ для свидѣтеля; за исключеніемъ, однако, того случая, когда свидѣтель своимъ отвѣтомъ можетъ навлечь на себя уголовное преслѣдованіе.

Статья 12. Если на перекрестномъ допросѣ свидѣтелю былъ предложенъ дискредитирующій его вопросъ, и свидѣтель на него отвѣтилъ, то дальнѣйшихъ доказательствъ въ опроверженіе этого отвѣта представлять не разрѣшается, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ,

1) Когда на вопросъ о своей прошлой судимости свидѣтель отвергаетъ таковую, или отказывается отвѣчать, то дозволяется представить доказательство его прошлой судимости;

2) Когда свидѣтелю предлагается вопросъ, клонящійся къ удостовѣренію его пристрастнаго отношенія къ дѣлу, а свидѣтель отрицаетъ это обстоятельство, то дозволяется представлять опроверженіе противъ его отвѣта.

Статья 13. Каждой сторонѣ разрѣшается дискредитировать свидѣтеля противной стороны, представляя на судъ такихъ лицъ, которыя, на основаніи своего знакомства со свидѣтелемъ, могутъ поклясться, что послѣднему нельзя вѣрить и подъ присягою. На главномъ допросѣ эти лица могутъ не объяснять причины своего убѣжденія; на перекрестномъ же допросѣ дозволяется спрашивать ихъ объ этой причинѣ, но противъ ихъ отвѣтовъ нельзя представлять опроверженій.

Дискредитировать собственнаго свидѣтеля сторонѣ отнюдь не разрѣшается; а въ томъ случаѣ, когда ея свидѣтель опорочивается противникомъ, сторона имѣетъ право представлять отвѣтное доказательство, что свидѣтель ея заслуживаетъ довѣріе.

Статья 14. По дѣламъ объ изнасилованіи, или о покушеніи на изнасилованіе, разрѣшается доказывать безнравственную репутацію потерпѣвшей, но предлагать ей самой вопросы объ этомъ нельзя. По дѣламъ этого рода можно допрашивать потерпѣвшую, не состояла ли она въ связи съ другимъ мужчиною, но нельзя опровергать ея отвѣта. Ей можно также предлагать вопросъ, не находилась ли она въ близкихъ отношеніяхъ къ подсудимому въ другое время, и если она это отрицаетъ, то обыкновенно позволяется въ опроверженіе ея отвѣта представлять доказательства.

Вся область судебнаго изслѣдованія распадается на два крупныхъ отдѣла. До сихъ поръ мы говорили только о первомъ изъ нихъ, посвященномъ раскрытію преступленія и обнаруженію виновнаго. Доказательства, относящіяся сюда, могутъ быть названы доказательствами по существу дѣла (evidence in causa). Но основать на нихъ рѣшеніе возможно

лишь при томъ условіи, если они вполнѣ достовѣрны и надежны. Для этого требуется повѣрка каждаго изъ нихъ съ помощью другихъ доказательствъ, которыя можно назвать вспомогательными или повѣрочными (evidence extra causam).

Настоящій очеркъ остался бы неполнымъ, если бы, оканчивая его, мы не упомянули, хотя вкратцѣ, о предѣлахъ повѣрки доказательствъ. Вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу наименѣе опредѣленныхъ въ англійской практикѣ, которая именно въ этой области отличается значительною неустойчивостью. Однако, и здѣсь англійскіе юристы выработали нѣкоторыя правила, немногочисленныя, но поучительныя. Наиболѣе установившіяся и общепринятыя изъ нихъ резюмированы Стифеномъ въ только что приведенныхъ статьяхъ, имѣющихъ своею задачею повѣрку самаго важнаго вида доказательствъ, а именно — свидѣтельскихъ показаній [1]).

Все значеніе свидѣтеля зависитъ отъ того, говоритъ ли онъ правду, или нѣтъ. Поэтому основное правило англійской теоріи гласитъ, что вопросъ о достовѣрности свидѣтеля всегда имѣетъ отношеніе къ дѣлу (The credibility of a witness is always in issue [2]). Повѣрка свидѣтеля можетъ идти въ двухъ направленіяхъ. Во первыхъ, можно доказывать внутреннюю несостоятельность его показаній, ихъ неточность, неправдоподобіе, или несогласіе съ другими доказательствами; это будетъ опороченіе свидѣтельства. Во вторыхъ, можно опорочивать самого свидѣтеля, какъ личность, не внушающую къ себѣ довѣрія, въ силу той или иной причины. Такое дискредитированіе свидѣтеля спеціально называется „подрывомъ довѣрія“ (impeaching credit), и поставлено въ довольно опредѣленныя рамки.

---

[1]) Статьи эти помѣщены Стифеномъ въ третьей части его Свода, посвященной разработкѣ доказательствъ. Однако, въ виду ихъ близкой связи съ ученіемъ объ относимости, я рѣшился присоединить ихъ къ этому послѣднему.

[2]) Roscoe's Digest, p. 152.

Относительно перваго способа повѣрки мы ограничимся лишь немногими замѣчаніями. „На перекрестномъ допросѣ, говоритъ Роско, допускаются не только вопросы по существу дѣла, но и всевозможные другіе, съ цѣлью провѣрить правдивость свидѣтеля, силу его памяти, источники его свѣдѣній, и его точность. Соотвѣтствуютъ ли вопросы этой цѣли— зависитъ отъ обстоятельствъ дѣла, извѣстныхъ часто одному только вопрошающему. Поэтому судьи обыкновенно даютъ въ этомъ отношеніи значительную свободу адвокатамъ, въ увѣренности, что они не обратятъ даннаго имъ въ интересахъ справедливости права въ орудіе притѣсненія“ [1]). При допросѣ, стороны тщательно контролируютъ другъ друга, спрашиваютъ, какое назначеніе имѣетъ тотъ или иной вопросъ, и заявляютъ судьѣ протесты противъ допущенія неумѣстныхъ, по ихъ мнѣнію, вопросовъ. Если сторона, предложившая вопросъ, повидимому совершенно не относящійся къ дѣлу, обязуется объяснить его значеніе впослѣдствіи, то судьи обыкновенно допускаютъ подобный вопросъ, такъ сказать, на вѣру [2]). Очевидно, что рѣшительно всякій фактъ, какъ бы онъ ни былъ отдаленъ и ничтоженъ самъ по себѣ, можетъ косвеннымъ путемъ пріобрѣсти большое значеніе, какъ доказательство extra causam, для контроля свидѣтелей. Бентамъ, по этому случаю, приводитъ извѣстный примѣръ Сусанны и двухъ обвинявшихъ ее лжесвидѣтелей, по словамъ которыхъ преступленіе происходило подъ деревомъ. Допрошенные порознь о томъ, какой породы было дерево, одинъ назвалъ одну породу, а другой—иную. „Совершено ли было преступленіе подъ деревомъ, и если подъ деревомъ, то какой именно породы—вопросы, очевидно не имѣющіе ни малѣйшаго отношенія къ виновности. Въ силу произведеннаго

---

[1]) Roscoe's Digest, p. 144.

[2]) Powell's Principles, p. 459; Greenleaf, Treatise, vol. I, p. 504.

ими разногласія они получили, однако, случайную важность, и привели къ желаемой цѣли“ [1]).

Отсюда явствуетъ, что единственное условіе для допущенія повѣрочныхъ фактовъ, въ качествѣ относящихся къ дѣлу, состоитъ въ томъ, чтобы они дѣйствительно соотвѣтствовали этой цѣли. Простое же изловленіе свидѣтеля, съ цѣлью изобличить его въ какой бы то ни было лжи, совершенно къ дѣлу не относящейся, не дозволяется [2]), ибо для этого англійская практика выработала особый и своеобразный способъ, заключающійся въ „подрывѣ довѣрія“ къ свидѣтелю.

По твердо установившемуся въ Англіи воззрѣнію, каждая сторона солидарна съ вызванными ею свидѣтелями, которыхъ она, поэтому, не вправѣ дискредитировать ни въ какомъ случаѣ, хотя бы свидѣтели стали завѣдомо лгать во вредъ ей. Она можетъ опровергать ихъ только по существу дѣла, и доказывать, что въ другое время они говорили иначе; но и это право сравнительно только недавно было предоставлено ей статутомъ 9 мая 1865 года „Объ улучшеніи уголовнаго судопроизводства“ (28 Vict. c. 125, s. 3), а ранѣе она въ подобномъ случаѣ оставалась совершенно безпомощною. Такимъ образомъ, дискредитировать можно только свидѣтеля противной стороны, доказывая, что онъ не заслуживаетъ никакого довѣрія. Съ этою цѣлью вызываются другіе свидѣтели, которымъ обыкновенно предлагается вопросъ въ такой формѣ: „повѣрили-ли бы вы словамъ NN подъ присягою?“ Подобнаго рода вопросъ справедливо осуждается англійскими теоретиками, какъ неправильный и нецѣлесообразный. Прежде всего онъ противорѣчитъ коренному правилу, въ силу коего мнѣнія свидѣтелей на судѣ не допус-

---

[1]) Bentham, Works, v. VI, p. 287.
[2]) Greenleaf, Treatise, v. I, p. 504.

каются. Затѣмъ, онъ является слишкомъ грубымъ и прямолинейнымъ. Стифенъ говоритъ по этому поводу: „Спрашиваютъ, можно ли вѣрить присяжному показанію этого человѣка? Отвѣтъ можетъ быть только слѣдующій: „это смотря по тому, что онъ скажетъ“. Если величайшій въ мірѣ лжецъ скажетъ, что идетъ дождь, то немногимъ придетъ въ голову взглянуть въ окошко, въ особенности если говорящему нѣтъ причины лгать. Но если честнѣйшій въ мірѣ человѣкъ станетъ увѣрять, что онъ видѣлъ привидѣніе, то ему едва ли повѣрятъ“ [1]).

Дискредитированіе при посредствѣ другихъ свидѣтелей всегда должно быть направлено противъ общихъ свойствъ свидѣтеля, то есть противъ его обычной правдивости и честности. Разрѣшается доказывать, что свидѣтель пользуется въ обществѣ репутаціею лжеца и обманщика, но отдѣльныхъ порочащихъ его фактовъ приводить нельзя. Объ этихъ фактахъ можно спрашивать только самого свидѣтеля, и отвѣтъ его считается окончательнымъ. Существуютъ только три исключенія изъ этого правила. Вопервыхъ, можно, въ силу вышеномянутаго статута 9 мая 1865 года (28 Vict c. 125, s. 6), спрашивать всякаго свидѣтеля, не былъ ли онъ наказанъ по суду. Въ случаѣ отказа со стороны свидѣтеля отвѣчать, или въ случаѣ отрицанія имъ своей прошлой судимости, разрѣшается оглашать послѣднюю совершенно такимъ же порядкомъ, какъ было описано выше, на стр. 95, относительно подсудимаго, т. е. посредствомъ представленія выписи изъ подлиннаго дѣла.

Во вторыхъ, по дѣламъ объ изнасилованіи, дозволяется предлагать потерпѣвшей вопросы относительно связи ея съ другими лицами, и въ частности съ подсудимымъ. По практикѣ, нынѣ установившейся, потерпѣвшая не можетъ быть

---

[1]) Стифенъ. Уголовное право Англіи, стр. 380.

принуждаема къ отвѣту на эти вопросы. Если же она отвѣтила на нихъ отрицательно, то отвѣтъ на первый вопросъ почитается окончательнымъ; отвѣтъ же на второй вопросъ судьи обыкновенно позволяютъ опровергать другими доказательствами. Ранѣе господствовавшая практика, напротивъ, допускала гораздо большій просторъ въ этомъ отношеніи, вслѣдствіе чего вся интимная жизнь потерпѣвшей дѣлалась предметомъ изслѣдованія [1]).

Третье, и самое важное исключеніе изъ правила о недопустимости разслѣдованія и опроверженія частныхъ фактовъ, компрометтирующихъ свидѣтеля, касается того случая, когда возникаетъ сомнѣніе относительно безпристрастія этого послѣдняго; могутъ быть случаи, когда свидѣтель лично заинтересованъ въ дѣлѣ, или подкупленъ, и т. п. Тогда дозволяется не только предлагать вопросы объ этихъ фактахъ, но, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, и опровергать послѣдній съ помощью новыхъ доказательствъ.

Современная англійская практика вообще слишкомъ мало щадитъ интимную жизнь свидѣтелей, принуждая ихъ отвѣчать на чрезвычайно щекотливые для нихъ вопросы; это обстоятельство, какъ я уже имѣлъ случай указать, вызываетъ всеобщія нареканія. Статья 148 составленнаго Стифеномъ Индійскаго Акта о доказательствахъ содержитъ, въ этомъ отношеніи, весьма благоразумныя предписанія. „Если свидѣтелю предлагается дискредитирующій его вопросъ, то судъ рѣшаетъ, обязанъ ли свидѣтель на него отвѣчать, и если признаетъ, что не обязанъ, то можетъ о томъ предупредить свидѣтеля. При этомъ должно имѣть въ виду слѣдующее: 1) Обязательно отвѣчать на такіе вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ существенно зависитъ степень довѣрія суда къ свидѣтелю. 2) Необязательно отвѣчать въ томъ случаѣ, когда вопросы касаются

---

[1]) Best. Principles, p. 355; Roscoe's Digest, 9 ed. p. 883; Powell's Principles, p. 117.

слишкомъ отдаленнаго событія, или когда разрѣшеніе ихъ вовсе не можетъ, или развѣ только слегка, повліять на довѣріе суда къ свидѣтелю. 3) Необязательно отвѣчать въ томъ случаѣ, когда существуетъ большое несоотвѣтствіе между важностью компрометтирующаго факта и незначительностью предмета свидѣтельскаго показанія".

Итакъ, по основному правилу англійской практики, каковъ бы ни былъ отвѣтъ свидѣтеля на дискредитирующій его вопросъ, возражать противъ него, за исключеніемъ указанныхъ случаевъ, нельзя. Повѣрка этимъ оканчивается, и дальнѣйшаго контроля самой повѣрки быть не можетъ. По этому поводу судья Ольдерсонъ замѣтилъ [1]): „Необходимость заставляетъ удовольствоваться отвѣтомъ свидѣтеля, и остановиться на немъ, ибо иначе возникнетъ побочное разслѣдованіе. Придется вызывать новыхъ свидѣтелей, а для ихъ повѣрки еще другихъ, третьихъ, и такъ безъ конца. Запутавшись въ этихъ побочныхъ разслѣдованіяхъ, нельзя будетъ и добраться до главнаго. Правила о доказательствахъ, во имя цѣлесообразности и удобства, обрываютъ этотъ рядъ въ самомъ началѣ. Берите отвѣтъ свидѣтеля такъ, какъ онъ есть, а если свидѣтель солгалъ, то преслѣдуйте его потомъ за лжеприсягу".

---

[1]) B e s t. Principles, p. 800.

ло бы страннымъ, если бы Гай даже преподавалъ на греческомъ языкѣ. И развѣ непонятно при этой гипотезѣ, почему Гай всегда помѣщаетъ praetor'a раньше praeses'a, почему онъ о преторѣ говоритъ обстоятельнѣе чемъ о praeses'ѣ, почему, обрабатывая комментарій на провинціальный эдиктъ, Гай беретъ примѣры изъ болѣе близкой ему Италійской жизни и т. п.? Намъ кажется, что на основаніи этой же гипотезы не трудно объяснить, почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ институцій Гай говоритъ: si in provincia agatur, а въ другихъ: si in provincia agamus. Тамъ, гдѣ онъ говоритъ agatur, тамъ онъ имѣетъ въ виду себя—Римлянина; тамъ-же, гдѣ онъ говоритъ agamus, онъ какъ бы сливаетъ себя со своими слушателями—провинціалами.

Но и гипотезой Карлова далеко еще не все сказано. Намъ кажется, что необходимо еще выяснить, какъ Гай сдѣлался преподавателемъ въ провинціальномъ statio, почему онъ не преподавалъ въ общемъ statio? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо воспользоваться мыслью Huschke, который предполагаетъ, что Гай въ молодости, подобно большинству римскихъ юношей, служилъ въ провинціи. Развивъ это предположеніе (высказанное Huschke вскользь), можно построить слѣдующую гипотезу: 1) Весьма вѣроятно, что Гай родился въ провинціи (прип.: Iuris italici sunt: Τρωὰς, Βήρυτος, Δυῤῥάχιον). 2) Если онъ родился и въ Римѣ, то, во всякомъ случаѣ, онъ служилъ въ провинціи. 3) По всей вѣроятности, онъ служилъ (если не родился и служилъ) въ провинціи Азіи, такъ какъ несомнѣнно онъ съ этой провинціей близко знакомъ (см. гипот. Моммсена) и такъ какъ многіе слѣды ведутъ насъ къ этой именно провинціи. 4) Служба въ провинціи поставила его въ близкое отношеніе къ провинціальному праву, и Гай пріобрѣлъ на мѣстѣ, изъ первыхъ рукъ, обширный и цѣнный матерьялъ. (Имъ онъ впослѣдствіи воспользовался при комментированіи эдикта). 5)

Служба въ провинціи поставила его въ близкое отношеніе также и къ самимъ жителямъ. Благодаря своимъ выдающимся умственнымъ способностямъ, онъ пріобрѣлъ извѣстное личное вліяніе. 6) Возвратившись въ Римъ, онъ сталъ преподавать право. 7) Въ Азію проникъ слухъ о томъ, что Гай сдѣлался учителемъ права, и не прошло нѣсколькихъ лѣтъ, какъ Гай увидѣлъ себя окруженнымъ совершенно не тѣмъ составомъ учениковъ, который обыкновенно собирался вокругъ учителей права.

Такимъ образомъ, весьма возможно, что Гай силою обстоятельствъ былъ поставленъ въ необходимость превратить свое statio въ statio для провинціаловъ. Если къ этому прибавить, что еще и во время Гая должна была существовать извѣстная доля пренебреженія въ отношеніяхъ коренныхъ римлянъ къ провинціаламъ, то высказанное положеніе, что учениками Гая, благодарю предъидущему, были почти исключительно провинціалы, дѣлается еще болѣе вѣроятнымъ: римскіе молодые люди могли просто гнушаться слушать право, эту коренную римскую науку, съ пришельцами—провинціалами.

При такомъ предположеніи совершенно излишне доказывать: существовали-ли во время Гая stationes для провинціаловъ въ Римѣ или нѣтъ? Если бы онѣ и не существовали до него, то statio Гая, который силой обстоятельствъ оказался окруженнымъ учениками — провинціалами, была бы первой подобнаго рода statio. Но есть и положительныя доказательства того, что подобнаго рода stationes существовали и ранѣе. Такъ, мы имѣемъ свидѣтельство Либанія [1]), который говоритъ, что центромъ, куда стекались провинціалы для изученія права былъ Римъ. Существовали, правда, школы и въ провинціи, но, какъ видно изъ vita S Germani auctore Constantio c. I [2]): atque ut in eum perfecto literarum

[1]), [2]) Karlowa, ц. с. p. 674.

plena confluеret, post auditoria Gallicana intra urbem juris scientiam plenitudini perfectionis adjecit, эти школы имѣли, такъ сказать, подготовительный характеръ. Такимъ образомъ, провинціалы заканчивали свое юридическое образованіе въ Римѣ, куда, по всей вѣроятности, они стекались массами. Такой провинціальной молодежи предстояло одно изъ двухъ: или размѣститься по различнымъ stationes, разбившись на группы, слиться съ коренными римлянами и выносить ихъ пренебрежительное къ себѣ отношеніе или же, сплотившись въ группы по землячествамъ, образовать свой тѣсный земляческій кружокъ и объединиться вокругъ одного какого-либо учителя. Понятно, что послѣднее являлось для нихъ болѣе выгоднымъ и привлекательнымъ, а это объединеніе, въ свою очередь, повело за собой образованіе тѣхъ stationes, о которыхъ мы теперь говоримъ. Такому образованію stationes могла бы препятствовать только правительственная власть, но и она, вообще державшаяся въ сторонѣ отъ хода преподаванія права въ Римѣ и оставлявшая его безъ своей регламентаціи, не могла, какъ говоритъ Карлова [1]), имѣть что либо противъ нихъ ко времени Адріана. Мало того. Какъ говоритъ тотъ-же Карлова [2]), есть много основаній думать, что именно около этого времени правительственная власть даже назначала жалованіе преподавателямъ подобныхъ stationes для провинціаловъ.

§ 5.

Въ § 3-мъ мы сказали, что Гай не имѣлъ jus respondendi. Теперь, послѣ указанія мѣстожительства Гая, мы можемъ попытаться объяснить, почему онъ его не имѣлъ. Моммсенъ [3]) и его сторонники рѣшаютъ этотъ вопросъ такъ: Гай былъ учи-

---

[1]), [2]) Karlowa, ц. с. p. 722.

[3]) Моммсенъ, цит. соч. стр. 4.

телемъ въ провинціальномъ городѣ; по самому существу своему jus ex auctoritate principis respondendi должно было ограничиваться однимъ Римомъ—очевидно, Гай такого права имѣть не могъ. Но тотъ, кто не считаетъ Гая провинціальнымъ юристомъ, долженъ искать другого объясненія. Такое объясненіе непосредственно вытекаетъ изъ гипотезы Карлова, которую въ § 4 мы признали наиболѣе правдоподобной.

И въ самомъ дѣлѣ. До возникновенія принципата [1]) всякій юристъ, болѣе или менѣе опытный въ юриспруденціи, могъ быть призванъ тяжущимся къ магистрату съ тѣмъ, чтобы дать responsum. Отъ юриста въ то время ничего не требовалось, кромѣ внутренней силы его убѣжденій, внутренней силы его знаній. Responsa давались устно, каждая сторона могла приглашать своего респондента, происходили диспуты, и магистратъ выбиралъ изъ нѣсколькихъ мнѣній то, которое казалось ему наиболѣе основательнымъ и доказательнымъ. Слѣдовательно, всякій юристъ, независимо отъ кого или чего бы то не было, могъ быть респондентомъ. Но, само собой, такое право юристовъ должно было предоставить имъ извѣстное немаловажное вліяніе, сдѣлать изъ нихъ крупную общественную силу. Народившійся принципатъ [2]), не могшій мириться ни съ какимъ вліяніемъ, прямо отъ него не исходящимъ, долженъ былъ сдѣлать одно изъ двухъ: или уничтожить фактъ respons'овъ или, не уничтожая, подчинить responsa себѣ. Но уничтожить можно было лишь при условіи удовлетворенія въ иной формѣ той потребности, которая породила респондентовъ, потребности въ знаніи правовыхъ нормъ. Для этого необходимо было прежде всего составить кодексъ, а это, не смотря на попытки еще Юлія Цезаря, оказалось дѣломъ весьма труднымъ, почти неосуществимымъ.

---

[1]) Пухта, Ист. рим. пр. стр. 175 scc.

[2]) Idem, стр. 429 scc. ср. Пухта, Kleine Civilistischeu Schriften, Leipzig, 1851, p. 299 scc

Тогда пришлось прибѣгнуть къ другой мѣрѣ: къ поставленію responsa юристовъ въ зависимость отъ себя, т. е. отъ принципата. Удобнѣе всего было бы превратить званіе респондента въ должность, но такая форма казалась и оказалась бы въ дѣйствительности въ высшей мѣрѣ несогласной съ сущностью дѣла, а потому и ненадежной. Въ виду всего этого Августъ избралъ средній путь: не превращая респондентовъ въ коронныхъ чиновниковъ, онъ сталъ раздавать jus respondendi; responsa должны были впредь подаваться отъ его имени, подъ прикрытіемъ его авторитета; jus respondendi сдѣлалось съ этого времени jus ex principis auctoritate respondendi. Такимъ образомъ, дарованіе этого права или отказъ въ немъ сталъ зависѣть отъ принцепса. Но, спрашивается, чѣмъ руководствовался принцепсъ, даруя одному юристу это право, а другому отказывая въ немъ? Конечно, могли быть многіе эксцессы, многіе случаи, когда извѣстныя лица дѣлались респондентами благодаря различнымъ искательствамъ и ухищреніямъ, но, въ общемъ, главнымъ мѣриломъ являлось, конечно, общественное мнѣніе. Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ liber singularis enchiridii [1]): et ideo optimus princeps Hadrianus, cum ab eo viri praetorii peterent, ut sibi liceret respondere, rescripsit eis hoc non peti, sed praestari solere et ideo, si quis fiduciam sui haberet, delectari se populo ad respondandum se praepararet.... [2]) Какъ вѣрно толкуетъ это мѣсто Карлова [3]), Помпоній со словъ Адріана

---

[1]) Изъ этого мѣста нѣкоторые неправильно выводили заключеніе, будто Адріанъ уничтожилъ зависимость респондентовъ отъ принципата. Наоборотъ. Чѣмъ болѣе развивался принципатъ, тѣмъ крѣпче привязывалъ онъ къ себѣ и тѣмъ глубже проникалъ въ дѣятельность всѣхъ общественныхъ группъ и силъ. Тогда какъ Августъ съ большой осторожностью сдѣлалъ попытку регламентаціи дѣятельности респондентовъ, маскируя эту попытку желаніемъ придать бо́льшее вліяніе и силу тѣмъ-же респондентамъ, Адріанъ уже говоритъ на эту тему болѣе независимо: ideo, si quis fiduciam sui haberet, delectari se и т. д.

[2]) L. 2 § 49 D. de or. jur. I, 2.

[3]) Karlowa, цит. соч. стр. 659—660.

выражаетъ такую мысль: респондировать можетъ всякій, кто надлежащимъ предварительнымъ изученіемъ и достаточной юридической опытностью заслужилъ это право. А что можетъ съ такой краснорѣчивой убѣдительностью свидѣтельствовать о достоинствахъ даннаго лица, какъ не голосъ общественнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе въ Римѣ, свободный духъ котораго даже при принципатѣ всегда составлялъ свое собственное свободное мнѣніе обо всѣхъ общественныхъ дѣлахъ? Очевидно, что главнымъ основаніемъ для такихъ рѣшеній, особенно при вопросѣ о jus respondendi, всегда служило констатированіе наличности у даннаго лица извѣстныхъ знаній, способностей, опытности, научныхъ трудовъ и проч. Но это еще не все. Часто бываютъ такія обстоятельства, которымъ по той или другой причинѣ общественное мнѣніе придаетъ особое значеніе и наличность которыхъ перевѣшиваетъ все остальное Стоитъ припомнить исторію Θемистокла и Аристида, чтобы согласиться съ этимъ. Болѣе талантливый и болѣе богато одаренный Θемистоклъ въ гораздо меньшей степени пользовался общественнымъ уваженіемъ, чѣмъ менѣе талантливый, но честный и справедливый Аристидъ. Такимъ образомъ, мы видимъ тутъ положенными на чашки вѣсовъ съ одной стороны талантъ и громкія дѣла, съ другой-же, главнымъ образомъ, одну только справедливость, обстоятельство, касающееся въ большей степени лица, чѣмъ государства, и мы знаемъ, что первое было перевѣшено вторымъ. Но въ этомъ примѣрѣ такое особенное обстоятельство, какъ справедливость Аристида, имѣетъ характеръ безусловно положительнаго и льстящаго національной гордости явленія Но что бы было, если бы такимъ обстоятельствомъ оказалось явленіе противоположнаго характера, явленіе, задѣвающее національную гордость? Положеніе чашекъ вѣсовъ моментально измѣнилось бы, и общественное мнѣніе, не смотря ни на какія заслуги лица, никогда не простило бы ему указаннаго выше обстоятельства. Обратим-

ся къ Гаю. Само собой, широкая и разносторонняя юридическая дѣятельность Гая была на его сторонѣ и громко говорила въ его пользу. Но Гай древне-римское искусство преподаванія права въ самомъ Римѣ обратилъ на пользу лицамъ, считавшимся во всѣхъ отношеніяхъ ниже римлянъ, провинціаламъ, которыхъ не умершая еще римская гордость не могла считать достойными изученія jus civile, jus, quod populus Romanus ipse sibi constituit, и этого обстоятельства, противнаго чувству національной гордости, весьма многіе не могли простить Гаю, не смотря на весь его талантъ, на всѣ его труды, на всю его опытность. Для Гая, слѣдовательно, доступъ въ число респондентовъ былъ крайне затрудненъ. Если же къ этому еще прибавить, что, по всей вѣроятности, и самъ Гай, зная такое противъ себя недовольство большинства, не рѣшался хлопотать о дарованіи ему jus respondendi, то предложенный нами въ этомъ § вопросъ кажется вполнѣ разрѣшеннымъ: Гай не имѣлъ jus respondendi потому, что самъ не добился этого; не добивался-же онъ потому, что зналъ, что для него, какъ для учителя въ statio provincialis, доступъ въ число респондентовъ затрудненъ, благодаря пренебрежительному отношенію большинства римлянъ къ его ученикамъ-провинціаламъ и благодаря тому, что большинство никогда не проститъ ему преподаванія древне-римской науки чужеродцамъ.

§ 6.

Уже изъ нѣкоторыхъ случайныхъ замѣчаній, попадавшихся въ предыдущихъ параграфахъ, читатель могъ безошибочно заключить, что литературная дѣятельность Гая была разносторонняя, широка и плодотворна. И дѣйствительно, нѣтъ почти ни одной области права, которую Гай оставилъ бы безъ вниманія. Кромѣ трудовъ, посвященныхъ систематизированію гражданскаго права, Гай коснулся своимъ талант-

ливымъ перомъ и источниковъ древняго права, и jus civile и jus honorarium, и права провинціаловъ, и современнаго ему законодательства, причемъ въ каждой сферѣ осталось послѣ него нѣсколько общихъ комментаріевъ и отдѣльныхъ монографій.

Вотъ полный списокъ извѣстныхъ намъ сочиненій Гая: 1) Institutionum commentarii quattuor; 2) Rerum quotidianarum sive aureorum libri VII; 3) Ad legem XII tabularum libri VI; 4) Ad legem Iuliam et Papiam libri XV; 5) Ad legem Glyciam liber singularis; 6) Ad sc Orphitianum liber singularis; 7) Ad sc. Tertullianum liber singularis; 8) Ad edictum praetoris urbani (называемый еще во Флорентинскомъ index'ѣ: ad edictum urbicum) commentarium [1]); 9) Libri XXX ad edictum provinciale и libri II ad edictum aedilium curulium [2]); 10) Liber singularis regularum; 11) Libri III regularum; 12) Libri III de verborum obligationibus; 13) Libri III de manumissionibus; 14) Libri II fideicommissorum; 15) Liber singularis dotalicon; 16) Liber singularis de casibus; 17) Liber singularis de tacitis fideicommissis; 18) Liber singularis de formula hypothecaria; 19) Libri ex Q. Mucio.

Въ болѣе или менѣе цѣльномъ видѣ дошли до насъ только институціи Гая и то, благодаря лишь счастливой случайности Объ остальныхъ сочиненіяхъ мы имѣемъ свѣдѣнія только по тѣмъ 504 фрагментамъ, которые взяты въ дигесты. О liber singularis dotalicon мы не имѣемъ никакого понятія, такъ какъ, хотя это сочиненіе и упомянуто въ спискѣ авторовъ и книгъ, изъ которыхъ заимствовались мѣста при составленіи дигестъ, но въ самомъ текстѣ дигестъ изъ

---

[1]) Сколько было книгъ этого комментарія—неизвѣстно. Какъ увидимъ ниже, редакторы дигестъ цитируютъ данное сочиненіе весьма сбивчиво и неопредѣленно. Въ указателѣ къ дигестамъ сказано: ad edictum urbicum τὰ μόνα εὑρεθέντα βιβλία δέκα.

[2]) Во Флорентинскомъ index'ѣ оба эти сочиненія разсматриваются, какъ одно: libri XXXII ad edictum provinciale.

даннаго сочиненія нѣтъ ни одного фрагмента. Слабый намекъ на это сочиненіе мы встрѣчаемъ въ Const. Omnem § 1, гдѣ, между прочимъ, говорится:.... in his autem sex libris Gaii nostri institutiones et libri singulares quattuor, primus de illa vetere re uxoria, secundus de tutelis et tertius nec non quartus de testamentis et legatis connumerabantur. Можно предполагать, что подъ словами de illa vetere re uxoria именно и подразумѣвается liber singularis dotalicon [1]). Точно также мы совсѣмъ ничего не знаемъ о libri ex Q Mucio. О нихъ только упоминается у самого Гая въ первой книгѣ институцій, въ § 188, гдѣ Гай говоритъ: nosque diligentius hunc tractatum exsecuti sumus et in edicti interpretatione, et in his libris quos ex Q. Mucio fecimus.

Весьма возможно, что приведенный выше списокъ сочиненій Гая еще не совсѣмъ полонъ. На эту мысль наводитъ то обстоятельство, что иногда Гай говоритъ въ своихъ институціяхъ, что тотъ или другой вопросъ имъ болѣе подробно разсмотрѣнъ propriis commentariis. Такъ, напримѣръ, въ § 33, III, Гай, разбирая вопросъ о bonorum possessio, говоритъ: ....„hoc ius totum propriis commentariis“.... [2]). Между тѣмъ отдѣльнаго трактата о bonorum possessio мы не встрѣчаемъ въ спискѣ Гаевскихъ сочиненій.

Изо всѣхъ сочиненій Гая самыми ранними по времени ихъ появленія въ свѣтъ, какъ кажется, слѣдуетъ считать: 1) комментарій на эдиктъ городского претора, который былъ написанъ при императорѣ Антонинѣ Піѣ и 2) комментарій

---

[1]) Rudorff, Römische Rechtsgeschichte, p. 176.

[2]) Böcking, (5 e editio Gaii Institutionum, Лейпцигъ, 1866 г. стр. 176) въ примѣчаніи къ 33 § предполагаетъ, что подъ выраженіемъ propriis commentariis здѣсь нужно подразумѣвать libri ad edictum urbicum. Но такое предположеніе кажется сомнительнымъ уже по одному тому, что Гай въ § 188, I, ссылаясь на свои комментаріи къ эдиктамъ, выражается вполнѣ точно: in edicti interpretatione. Почему же въ 33 § III онъ вдругъ такъ измѣняетъ способъ указаній на свои предыдущія сочиненія?

на edictum provinciale. Оба эти комментарія были написаны до институцій, на что прямо указываетъ § 188, I инст., гдѣ уже упоминается edicti interpretatio. Оба эти комментарія, по всей вѣроятности, были написаны еще при жизни Антонина Пія, до 161 года. Основаніями къ такому предположенію касательно комментарія на провинціальный эдиктъ являются мѣста изъ I книги ad ed. pr. [1]) и изъ XI книги ad ed pr. [2]), а относительно edictum urbicum—мѣсто изъ liber III de legatis ad ed. praet. [3]). Во всѣхъ этихъ фрагментахъ Антонинъ Пій обозначается еще живущимъ императоромъ, такъ какъ о немъ говорится: Imperator Antoninus, princeps Antoninus. Что въ данномъ случаѣ подъ Antoninus нужно понимать именно Антонина Пія, а не Марка Аврелія Антонина, это явствуетъ изъ того, что нигдѣ рядомъ съ Antoninus не упоминается его соправитель Люцій Веръ, между тѣмъ какъ Гай въ другихъ своихъ трудахъ, написанныхъ въ царствованіе Divi Fratres, вездѣ обозначаетъ обоихъ братьевъ. Нѣкоторые дѣлали предположеніе, что оба эдикта комментированы уже при самостоятельномъ царствованіи Аврелія Антонина (послѣ смерти Люція), но такое предположеніе абсолютно невѣроятно, такъ какъ въ институціяхъ, которыя были изданы гораздо ранѣе смерти Люція, уже упоминается edicti interpretatio [4]). Но нужно ли понимать подъ edicti interpretatio (§ 188, I) одинъ комментарій или оба? Huschke [5]) предполагаетъ, что подъ edicti interpretatio слѣдуетъ разумѣть только комментарій ad edictum urbicum. Karlowa [6]), исходя изъ того, что комментарій ad edictum urbicum обработанъ Гаемъ не вполнѣ, а комментарій ad edictum provinciale законченъ

---

[1]) L. 11 D. de jurisd. II, 1.
[2]) L. 42 D. de don. inter v. et ux. XXIV, 1.
[3]) L. 73 D. de legat. XXX.
[4]) Mommsen, ц. с. p. 14, n. 29, Fitting, ц. с. p. 20, Karlowa, ц. с. I, p. 727.
[5]) Huschke, Juris. autejust. p. 149.
[6]) Karlowa, l. c., ср. Dernburg, ц. с. p. 77, n. 6, Fitting, ц. с. p. 22.

во всѣхъ своихъ частяхъ и изъ того, что Гай, какъ преподаватель права въ statio для провинціаловъ, долженъ былъ прежде всего разработать провинціальное право, относитъ edicti interpretatio къ комментарію на провинціальный эдиктъ. Но, если согласиться съ однимъ изъ этихъ другъ друга исключающихъ мнѣній, то прійдется предположить, что какой либо комментарій написанъ уже послѣ институцій. А такъ какъ институціи, какъ мы сейчасъ увидимъ, изданы на границѣ между двумя царствованіями—Пія и Авреліа, то, слѣдовательно, какой либо комментарій написанъ уже при Авреліѣ, что прямо противорѣчитъ вышеуказанному мѣсту изъ liber III legatis ad ed. urbic и мѣстамъ изъ l. I ad ed. pr. и l. XI eodem, гдѣ Антонинъ Пій обозначенъ, какъ живущій еще императоръ. Болѣе правильнымъ поэтому является мнѣніе Моммсена [1]), который понимаетъ подъ edicti interpretatio оба комментарія къ эдикту. Дернбургъ [2]) сомнѣвается, чтобы Гай могъ цитировать оба комментарія, какъ edicti interpretatio, безъ дальнѣйшихъ объясненій, но, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Крюгеръ [3]), въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ оба комментарія однородны по содержанію.

Слѣдующими, по мнѣнію Фиттинга [4]), трудами (по времени) являются: de verborum obligationibus libri III; ad legem XII tabularum libri VI и ad legem Iuliam et Papiam libri XV. Всѣ они написаны еще при Антонинѣ Піѣ. Впрочемъ, что касается послѣдняго сочиненія, то, хотя оно и упоминается уже въ институціяхъ [5]), но, во всякомъ случаѣ, не цѣликомъ написано при Піѣ. Послѣднія книги появились уже послѣ смерти Пія, что очевидно изъ 14 книги данной

---

[1]) Mommsen, l. c.
[2]) Dernburg, l. c.
[3]) Krueger, ц. с. p. 186 n. 29.
[4]) Fitting, ц. с. p. 20—21.
[5]) Inst. III, § 54.

работы [1]), гдѣ говорится: „ex constitutione divi Antonini successori ejus debetur“. Несомнѣнно также, что раньше институцій написаны и libri ex Q. Mucio, такъ какъ это сочиненіе, какъ было сказано выше, уже упоминается въ институціяхъ (I, § 188).

Весьма труднымъ является опредѣленіе времени выхода въ свѣтъ институцій. Въ этомъ сочиненіи мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми весьма сбивчивыми хронологическими указаніями, и потому тутъ мнѣнія ученыхъ очень расходятся. Фиттингъ [2]) и Пухта [3]) думаютъ, что институціи Гая написаны цѣликомъ при Маркѣ Авреліѣ, такъ какъ: 1) въ § 53, I сказано: sacratissimi Imperatoris Antonini. Это мѣсто въ дигестахъ (l. 1 D. de his qui sui I, 6) переиначено въ divi Antonini, а по чтенію нѣкоторыхъ: divi Pii Antonini. Слѣдовательно, по мнѣнію названныхъ ученыхъ, § 53 говоритъ о покойномъ Антонинѣ Піѣ. 2) Въ § 102, I сказано: optimus Imperator Antoninus. Если бы Пій еще жилъ, то Гай не употребилъ бы здѣсь эпитета optimus. 3) Вездѣ, гдѣ говорится просто imperator Antoninus (I, § 74; II, §§ 120, 126, 151), слѣдуетъ понимать Антонина Авреліа, такъ какъ нѣтъ основанія относить эти мѣста къ Антонину Пію. 4) Начиная со 2-й книги съ § 195 Гай прямо говоритъ: Divus Pius Antoninus. 5) Рескриптъ, о которомъ говорится въ § 126, II, гдѣ сказано: „nuper Imperator Antoninus significavit rescripto“ помѣщенъ въ кодексѣ въ такомъ видѣ: constitutio Magni Antonini (L. 4 C. de lib. praeter. VI, 28). Такъ какъ Magnus Antoninus есть Каракалла, то почти несомнѣнно, что здѣсь произошла ошибка. А такъ какъ трудно допустить мысль, чтобы составитель кодекса, Трибоніанъ, отнесъ рескриптъ Пія или Авреліа ко времени Коммода, то, по всей

---

[1]) L. 56 D. de leg. XXXI.
[2]) Fitting, l. c.
[3]) Пухта, Instit. I, § 99, p. 462, n. bb).

вѣроятности, виновникомъ происшедшаго недоразумѣнія является переписчикъ, который написалъ Magni Antonini вмѣсто Marci Antonini, т. е. вмѣсто Марка Аврелія, живущаго императора, о которомъ говоритъ Гай.

Но едва-ли можно согласиться съ мнѣніемъ названныхъ ученыхъ. Гораздо болѣе правильнымъ нужно считать другое мнѣніе, по которому институціи написаны частью при Антонинѣ Піѣ, частью-же при Маркѣ Аврелiѣ. И вотъ почему [1]): 1) Пухта и Фиттингъ, признавая, что §§ 53 и 102, I, говорятъ объ Антонинѣ Піѣ, а не о Маркѣ Аврелiѣ, думаютъ, что Антонинъ Пій показанъ здѣсь Гаемъ, какъ умершій императоръ. Но съ послѣднимъ добавленіемъ никакъ не мирятся слѣдующіе доводы: a) какъ вновь прочелъ § 53 знаменитый Studemund, въ этомъ § сказано не ex constitutione sacratissimi imperatoris, a ex constitutiones imperatoris, ибо въ самомъ текстѣ стоитъ такъ: ex constitutione s (безъ аббревіатуры) imperatoris; b) эпитетъ sacratissimus вошелъ въ общее употребленіе лишь со времени Коммода (см. § 1 дан. раб.); c) если бы даже въ данномъ § и стояло sacratissimi, то вѣдь самъ Гай въ l. 9 D. ad Sctum Tertull. XXXVIII, 17, относитъ этотъ эпитетъ къ живущему еще императору (см. § 1 дан. раб.); d) трудно предположить, чтобы Гай былъ настолько небреженъ, чтобы на страницахъ одной и той-же небольшой работы называлъ бы императора Антонина Пія то живущимъ, то умершимъ и не давалъ бы этому факту какихъ-либо точныхъ объясненій. 2) Въ тѣхъ §§, гдѣ прямо сказано: Antoninus, нужно относить Antoninus къ Пію, а не къ Аврелію, такъ какъ опять таки нельзя допустить, чтобы Гай относилъ Antoninus то къ Пію, то къ Аврелію и все

---

[1]) Доводы противъ Фиттинга и Пухты заимствованы изъ сочиненій: Hugo, Lehrbuch der Geschichte des Römischen Rechts, 11 Auflage, Berlin, 1832, в. II, p. 878 scc; Mommsen, ц. с. p. 14; Karlowa, ц. с. p. 727 и Dernburg, ц. с. p. 67—80.

на пространствѣ какихъ нибудь десяти—двѣнадцати параграфовъ. 3) Пій несомнѣнно еще жилъ при составленіи первыхъ двухъ книгъ (второй до § 195) институцій, такъ какъ въ данныхъ книгахъ онъ нигдѣ не упоминается съ эпитетомъ divus. А Гай всегда пользуется этимъ эпитетомъ для обозначенія умершихъ принцепсовъ и пользуется имъ такъ тщательно, что совершенно правъ Гушке, когда онъ говоритъ: ex perpetuo Gaji more. Такъ: divus Claudius (I, 62), divus Vespasianus (I, § 85), divus Trajanus (III, § 72) divus Hadrianus (I, §§ 7, 30, 55, 73, 77, 80, 81, 84, 92—94, 115[a]; II, §§ 143, 221, 280, 285, 287; III, § 121, 122). 4) Начиная съ § 195, II, когда Пій уже обозначается, какъ умершій, Гай немедленно-же прилагаетъ къ нему свой излюбленный эпитетъ divus и точно обозначаетъ—Antoninus Pius; и то, и другое прямо подтверждаетъ соображенія, высказанныя во второмъ и третьемъ доводахъ. 5) Что-же касается Magni и Marci, то предполагать ошибку со стороны переписчика можно такъ же легко, какъ предполагать ошибку со стороны Трибоніана. Errare humanum est, и Трибоніанъ, на плечахъ котораго лежали такія громадныя работы, могъ не досмотрѣть, сдѣлать описку или прямо перепутать. И въ этомъ не было ничего страннаго или поражающаго. Такимъ образомъ, институціи, по всей вѣроятности, были доведены до § 195, II, при Антонинѣ Піѣ, а окончены уже при Маркѣ Авреліѣ.

Изъ того, что институціи написаны на границѣ между двумя царствованіями, захватывая часть того и другого, нѣкоторые, какъ напр., Гушке [1]), дѣлаютъ выводъ, будто институціи выходили въ свѣтъ выпусками. Можетъ быть такой фактъ и имѣлъ мѣсто въ дѣйствительности, но у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать его. Во первыхъ, Гаю не

[1]) Huschke, ц. с. p. 95.

было надобности издавать выпусками свой весьма небольшой по объему трудъ [1]), а во вторыхъ, какъ говоритъ Дернбургъ, подобный пріемъ изданія былъ не въ обычаѣ у Римлянъ. Наконецъ, тѣ доводы, которые представляются Гушке, настолько шатки и сомнительны, что едва-ли на основаніи ихъ можно что-либо построить. Такъ напримѣръ, онъ указываетъ на то, что въ институціяхъ встрѣчаются повторенія. „Они объяснимы вполнѣ, говоритъ онъ, если предположить, что институціи Гая издавались выпусками". Но Гушке упускаетъ изъ виду, что изданіе выпусками есть только пріемъ изданія, а не пріемъ литературной работы и что плохъ тотъ писатель, который, выпустивъ въ свѣтъ выпускъ своей работы, сейчасъ-же забываетъ о томъ, что онъ говорилъ въ этомъ выпускѣ и начинаетъ опять повторять предыдущее. Тѣмъ болѣе это непримѣнимо къ Гаю, извѣстному строгой отдѣлкой своихъ работъ. Встрѣчающіяся-же въ институціяхъ повторенія могутъ быть объяснены совершенно иначе [2]). Болѣе важнымъ доводомъ является у Гушке указаніе на то, что Гай въ § 100, III исправляетъ ошибку, сдѣланную имъ въ § 232, II. Но, какъ вѣрно замѣчаетъ Дернбургъ [3]), исправленіе это только кажущееся, такъ какъ § 232, II никакой ошибки въ себѣ не заключаетъ. Въ § 232, II Гай говоритъ: легатъ въ формѣ: cum heres morietur—дѣйствителенъ; въ формѣ: pridie quam morietur—недѣйствителенъ. Въ § 100, III Гай говоритъ. stipulatio недѣйствительна въ формѣ: cum morieris dari spondes и въ формѣ: pridie quam morieris dare spondes? Но что-же изъ этого? Въ первомъ случаѣ Гай указываетъ на то, что и первая и другая форма однозначущи и что или обѣ нужно признать дѣйствительными или недѣйствительными. Во второмъ-же случаѣ Гай только приводитъ выработанное прак-

---

[1]) Karlowa, l. c.

[2]) См. 2 отд. дан. раб. § 11, A.

[3]) Dernburg, ц. с. p. 74, n. 2.

тикой положеніе, по которому стипуляція въ обѣихъ формахъ, какъ однозначущихъ, недѣйствительна, такъ какъ она равносильна обѣщанію post mortem. Въ чемъ-же здѣсь исправленіе?

По всей вѣроятности, институціи были выпущены вскорѣ послѣ смерти Пія [1]).

Послѣ смерти Пія и, во всякомъ случаѣ, послѣ институцій было написано Гаемъ его сочиненіе fideicommissorum libri II. Что это сочиненіе было написано послѣ смерти Пія, это ясно изъ того, что въ обѣихъ книгахъ работы упомянуты рескрипты Divi Antonini [2]) Что это сочиненіе было написано послѣ институцій, объ этомъ можно догадываться потому, что Гай, который вездѣ указываетъ въ институціяхъ на proprii commentarii, при изложеніи ученія о фидеикоммиссахъ ничего не говоритъ о существованіи у него какихъ либо спеціальныхъ монографій по данному вопросу [3]).

Самымъ позднимъ по времени сочиненіемъ Гая является его комментарій ad sc. Orphitianum. Въ § 1 мы уже имѣли случай сказать, что сочиненіе это вѣрнѣе всего было написано при самостоятельномъ царствованіи Коммода Теперь остается только указать на существующее въ литературѣ предмета мнѣніе, по которому вовсе отрицается существованіе у Гая названной работы, точно такъ-же, какъ и существованіе у него другой аналогичной работы: liber singularis ad sc.

---

[1]) Dernburg (ц. с. p. 79—80) думаетъ, что институціи Гая были составлены въ 161 году, т. е. въ годъ смерти Пія. Такъ какъ онъ предполагаетъ, что институціи представляли собой не книгу, а, какъ онъ называетъ, Collegienheft (объ этомъ подроб. см. ниже, 2 отдѣлъ д. раб. § 11, A), то онъ разсуждаетъ такъ: къ концу марта мѣсяца Гай прошелъ со своими учениками до ученія о легатахъ (§ 195); тутъ умеръ Антонинъ (по свидѣтельству Dio Cassius около 6 или 7 марта) и Гай, начиная съ § 195, вполнѣ естественно долженъ былъ обозначать Пія эпитетомъ Divus. Заключены-же институціи были къ іюню, такъ какъ къ этому мѣсяцу вообще заканчивались всѣ занятія въ stationes.

[2]) L. 90 D. de cond. XXXV, 1; l. 96 D. de leg. XXXII; l. 65 D. ad Sc. Trebel. XXXVI, 1.

[3]) Fitting, ц. с. p. 22.

Tertullianum. Мнѣніе это высказываетъ Бэкингъ, который исходитъ изъ того, во 1-хъ, что ни то, ни другое сочиненіе не помѣчено во Флорентинскомъ index'ѣ и во 2-хъ, что фрагменты (изъ каждой работы по одному), имѣющіеся въ дигестахъ, помѣщены между фрагментами изъ сочиненій того-же заглавія, несомнѣнно принадлежащихъ юристу Павлу, такъ что можно предполагать, что Gajus передъ началомъ средняго фрагмента написано по ошибкѣ вмѣсто Idem [1]). Но въ виду того, что оба эти спорныя мѣста нашли себѣ подтвержденіе въ базиликахъ [2]) и въ виду того, что Павелъ не назвалъ бы Марка Аврелія sacratissimus princeps [3]), какъ это стоитъ въ спорной выдержкѣ [4]), съ такого рода предположеніемъ согласиться нельзя. Правда, оба эти сочиненія не помѣщены во Флорентинскомъ index'ѣ, но вѣдь туда же не вошла и другая работа, несомнѣнно принадлежащая Гаю, именно libri regularum. А предполагать Idem вмѣсто Gajus можно такъ-же легко, какъ и предполагать Gajus вмѣсто Idem.

Объ остальныхъ сочиненіяхъ Гая по вопросу о времени появленія ихъ въ свѣтъ мы не можемъ сказать ничего даже приблизительнаго, такъ какъ для этого не имѣется никакихъ болѣе или менѣе серьезныхъ данныхъ.

§ 7.

Послѣ всего вышесказаннаго весьма страннымъ кажется тотъ фактъ, что Гай не цитируется никѣмъ ни изъ современниковъ, ни изъ юристовъ болѣе поздняго времени и что

---

[1]) Въ дигестахъ эти мѣста помѣщены въ слѣдующемъ порядкѣ (кн. XXXVIII, 17, D. ad Sc. Tert. et Orph.): l. 5—Paulus, libro singulari ad senatusconsultum Tertullianum; l. 7—Idem, libro singulari ad senatusconsultum Tertullianum et Orphitianum; l. 8—Gajus, libro singulari ad senatusconsultum Tertullianum; l. 9—Idem, libro singulari ad senatusconsultum Orphitianum.

[2]) Моммсенъ, ц. с. p. 15, n. 34.

[3]) Крюгеръ, ц. с. p. 183, n. 3.

[4]) L. 9 D. ad Sc. Tertul. XXXVIII, 17.

его имя на западѣ ни разу (по крайней мѣрѣ, насколько это видно изо всего того, что дошло до насъ) не упоминается до Citirgesetz'a Валентиніана III. И это тѣмъ страннѣе, что дѣятельность Гая, какъ мы видѣли въ предыдущемъ параграфѣ, обнимала собой многоразличныя отрасли права, такъ что несомнѣнно заключала въ себѣ достаточно матеріала для цитированія. Въ литературѣ предмета мы встрѣчаемъ нѣсколько попытокъ къ объясненію указаннаго нами страннаго явленія. I Моммсенъ [1]), въ связи со всей своей гипотезой о Гаѣ, какъ о провинціальномъ юристѣ, думаетъ, что Гая не цитировали потому, что его, какъ юриста не римскаго, римскіе юристы совсѣмъ не знали. Конечно, съ этимъ мнѣніемъ мы не можемъ согласиться, такъ какъ оно есть только выводъ изъ общей гипотезы Моммсена о Гаѣ, а мы, какъ это видно изъ § 4 дан. раб., безусловно отвергли самую гипотезу. II. Dernburg [2]), не имѣя съ своей точки зрѣнія на мѣстопребываніе Гая (Гай, по его мнѣнію, былъ учителемъ права въ Римѣ) никакой почвы для объясненія интересующаго насъ явленія, пытается, поэтому, стушевать самый фактъ нецитированія Гая. Онъ пытается доказать, что самое явленіе не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго, что римскіе юристы вообще мало цитировали и цитировались и что, слѣдовательно, нецитированіе Гая не есть исключеніе изъ правила, а самое правило. „Правда, говоритъ Дернбургъ [3]), Юліанъ цитировался усердно, но вѣдь Юліанъ, какъ редакторъ эдикта, занималъ совершенно особое мѣсто. Если, далѣе, Юліанъ иногда цитируетъ Помпонія, то и это является фактомъ исключительнымъ, объясняющимся особенными, близкими отношеніями, существовавшими между Юліаномъ и Помпоніемъ. За то, напримѣръ, Ульпіанъ ни разу не цити-

---

[1]) Mommsen, цит. соч. p. 1.
[2]) Dernburg, цит. соч. p. 101—107.
[3]) Ibidem, p. 102.

руетъ своего современника Павла, тотъ Ульпіанъ, всѣ сочиненія котораго по преимуществу компилятивны и который, слѣдовательно, чаще другихъ долженъ былъ бы прибѣгать къ цитированію. Павелъ, напримѣръ, цитируетъ Ульпіана всего одинъ разъ и то потому, что по ходу работы ему нужно было разсмотрѣть одинъ изъ данныхъ Ульпіаномъ отвѣтовъ". „Мнѣ могутъ возразить, говоритъ Дернбургъ далѣе [1]), что вѣдь Гай не цитируется и позднѣйшими юристами. Но не слѣдуетъ забывать, что кругъ тѣхъ, кого обыкновенно эти позднѣйшіе юристы цитировали, былъ весьма невеликъ и что многіе и весьма замѣчательные юристы точно такъ-же не цитировались, какъ и Гай. Такъ, напримѣръ, не цитировался Папирій Юстъ, написавшій при Divi Fratres 20 книгъ къ конституціямъ, не цитировался и Каллистратъ, и Трифоніанъ (ихъ цитировалъ только Папиньянъ); Африканъ, напримѣръ, упоминается только дважды: разъ Павломъ и разъ Ульпіаномъ". Но едва-ли такое мнѣніе можетъ выдержать критику. Весьма возможно, что римскіе юристы прибѣгали къ цитированію не часто, но едва-ли вѣрно то, что они почти совсѣмъ не цитировали другъ друга. Самъ же Дернбургъ приводитъ примѣры и примѣры немалочисленные, изъ которыхъ очевидно, что одинъ писатель цитировалъ другого каждый разъ, когда ему представлялась въ томъ надобность. Юліанъ цитируетъ Помпонія, Помпоній цитируетъ Кассія, Павелъ и Ульпіанъ цитируютъ Африкана, Юліанъ цитируется многими, Павелъ цитируетъ Ульпіана и т. д. и т. д.—все это говоритъ скорѣе противъ мнѣнія Дернбурга, чѣмъ за него. Если же къ этому прибавить, что во 1-хъ, какъ указываетъ Карлова [2]), весьма усердно цитировался юристами времени Севера Помпоній, во 2-хъ, что самъ Гай цитируетъ очень

---

[1]) Ibidem, p. 105.

[2]) Karlowa, ц. с. p. 720.

многихъ изъ древнихъ юристовъ (изъ ближайшихъ къ нему по времени—одного Юліана) и въ 3-хъ, что вообще нѣтъ такого юриста, у котораго мы не находили бы, какъ замѣчаетъ Крюгеръ [1]), ссылокъ на другихъ юристовъ, то произвольность предположенія Дернбурга сдѣлается очевидной. III. Вѣрнѣе другихъ рѣшаетъ данный вопросъ Пухта [2]). Онъ думаетъ, что Гая не цитировали потому, что онъ не имѣлъ jus respondendi. „Гай, говоритъ онъ, былъ простымъ ученымъ, у котораго можно было кой-чему поучиться, но указаніемъ на котораго нельзя было повліять на практику". „У Римскихъ-же писателей, говоритъ Пухта въ другомъ мѣстѣ, было принципомъ приводить мнѣнія только патентованныхъ юристовъ, доказательствомъ чему служитъ то, что ни одинъ изъ цитируемыхъ юристовъ не былъ лишенъ jus respondendi (кромѣ древнихъ авторитетовъ) и, наоборотъ, ни одинъ изъ не имѣвшихъ jus respondendi не цитировался". И въ самомъ дѣлѣ. Преобладающей характеристической чертой въ сочиненіяхъ почти всѣхъ римскихъ юристовъ являлось ихъ стремленіе къ достиженію посредствомъ своихъ работъ извѣстныхъ практическихъ юридическихъ цѣлей. Очевидно, что при такихъ практическихъ стремленіяхъ, не было никакого смысла для юристовъ приводить тѣ мнѣнія, которыя не имѣли legis vigor, не были снабжены оффиціальной аппробаціей. У подобныхъ юристовъ, дѣйствительно, можно было только учиться, но вліять ихъ мнѣніями на практику было затруднительно. Не соглашаясь съ этимъ, Дернбургъ [3]) рѣзко замѣчаетъ, что „было бы абсурдомъ думать, что только одни патентованные юристы могли претендовать на распространеніе ихъ именъ и мнѣній путемъ цитированія". „Тогда бы, говоритъ онъ, ни одинъ непатентованный юристъ не писалъ

---

[1]) Krueger, ц. с. p. 125.
[2]) Пухта, Inst., II, § 99 ср. Истор. римск. пр., стр. 338.
[3]) Dernburg, ц. с. p. 100—101.

бы, такъ какъ каждый сказалъ бы самому себѣ: мнѣ нечего писать, ибо мои труды все равно останутся безо всякаго вліянія и значенія". „Авторитетъ, говоритъ Дернбургъ далѣе, есть величина, не поддающаяся измѣренію, величина, которая при наличности патента только возрастаетъ, но которая вовсе не уменьшается потому, что у даннаго лица нѣтъ оффиціальнаго диплома". Всѣ эти возраженія, вполнѣ вѣрныя сами по себѣ, имѣютъ очень отдаленное отношеніе къ разбираемому вопросу. Они были бы цѣнны только въ томъ случаѣ, если бы Пухта разбиралъ нравственное значеніе авторитета и если бы онъ строилъ свое предположеніе именно на такомъ нравственномъ, а не на томъ практическомъ значеніи авторитета, на какомъ онъ въ дѣйствительности строитъ. Никто не споритъ, что иногда можетъ случиться, что мнѣніе одного юриста, не имѣющаго jus respondendi, по своему внутреннему значенію должно было бы считаться цѣннѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ мнѣніе другого юриста, хотя-бы и респондента,—но практика всегда будетъ считаться съ мнѣніемъ не перваго, а второго юриста, такъ какъ мнѣніе второго есть lex, а мнѣніе перваго—только личное убѣжденіе и такъ какъ мнѣніе второго высказано подъ покровомъ могущественной правительственной власти, олицетворяющей въ себѣ идею закона.

Рѣшеніе даннаго вопроса было бы не полно, если бы мы не указали еще на то, что главнѣйшія и самыя распространенныя сочиненія Гая: институціи и res quotidianae не принадлежали къ такъ называемой Controversliteratur, а, слѣдовательно, и не давали поводовъ къ цитированію [1]).

---

[1]) Idem, цит. с. р. 106. Это замѣчаніе Дернбурга стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ его гипотезой. Разъ онъ доказываетъ, что римскіе юристы вообще никого не цитировали, то зачѣмъ-же ему отыскивать основанія, почему не цитировали Гая? Не есть-ли это докательство того, что Дернбургъ самъ не

Въ заключеніе необходимо указать на тотъ существующій въ литературѣ предмета научный споръ, который былъ порожденъ тремя сомнительными мѣстами въ дигестахъ, когда-то подававшими поводъ думать, что Гай, хотя и рѣдко цитировался, но все же цитировался. Эти сомнительныя мѣста таковы: 1) фрагментъ изъ lib. II ad Ursejum Ferocem Юліана [1]), гдѣ сказано: Sabinus dicebat, utile mihi ejus dotis recuperandae judicium dandum esse: Gajus idem; 2) фрагментъ изъ lib. II ex Cassio Яволена [2]), гдѣ сказано: ejus fieri, qui accepit, in libris Gaji scriptum est... и, наконецъ, 3) фрагментъ изъ l. XXII ad Quintum Mucium Помпонія [3]), гдѣ сказано: et non sine ratione est, quod Gajus noster dixit.... Въ настоящее время большинство склоняется на ту сторону, что ни одно изъ этихъ мѣстъ не имѣетъ въ виду нашего юриста, а что всѣ они относятся къ Гаю Кассію Лонгину. Что Яволенъ и Юліанъ не могли цитировать нашего Гая, это очевидно уже изъ одного того, что первый жилъ на двѣ человѣческія жизни ранѣе Гая, а второй, болѣе, чѣмъ на одну [4]). Что-же касается Помпонія, то хотя въ литературѣ этотъ вопросъ считается спорнымъ и понынѣ, все таки можно сказать почти съ увѣренностью, что и Помпоній имѣлъ въ виду не нашего юриста, а Гая Кассія Лонгина. Съ послѣднимъ положеніемъ не согласны Дернбургъ [5]) и Карлова [6]). Они не допускаютъ мысли, чтобы Помпоній, жившій много лѣтъ спустя послѣ Г. Кассія Лонгина, называлъ этого послѣдняго просто Gajus „Нужно имѣть въ виду еще и то,

---

убѣжденъ къ истинности своей гипотезы и, такъ сказать, на всякій случай приводитъ еще и еще одинъ доводъ, хотя бы и противорѣчащій прежнимъ?

[1]) L. 59 D in soluto matrim XXIV, 3.

[2]) L. 78 D. de solut. et lib. 46, 3.

[3]) L. 39, D. de stip. serv. XLV, 3.

[4]) Ascher, Gajus noster, Zeitschrift für Rechtsgeschichte V, p. 89.

[5]) Дернбургъ, ц. с. p. 103—105.

[6]) Karlowa, ц. с. p. 720 n. 2.

говоритъ Дернбургъ, что Кассій былъ главой школы, заслуженнымъ писателемъ, консуломъ; съ такимъ лицомъ никто не позволилъ бы себѣ обходиться такъ запросто и безцеремонно". „Мнѣ могутъ возразить, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, что къ имени Gajus прибавлено Помпоніемъ слово noster, которое будто бы выражаетъ какое-то особое почтеніе и уваженіе къ цитируемому писателю, но вѣдь смѣшно забывать, что noster само по себѣ ничего не значитъ, что все дѣло въ томъ, какимъ тономъ сказано это noster: въ устахъ одного noster прозвучитъ почтительно, въ устахъ другого покровительственно, въ устахъ третьяго пренебрежительно, четвертый придастъ этому слову значеніе злой насмѣшки". Но, конечно, всѣ эти доводы весьма неубѣдительны. Прежде всего, что собственно удивляетъ Дернбурга въ томъ, что Помпоній называетъ Кассія, „главу школы, консула, заслуженнаго писателя и проч." просто Gajus? Помпоній былъ Сабиньянецъ; Кассій, какъ глава школы, какъ человѣкъ, создавшій своими трудами цѣлое направленіе въ юридической литературѣ, несомнѣнно долженъ былъ пользоваться особеннымъ дружескимъ и душевнымъ расположеніемъ со стороны каждаго изъ своихъ послѣдователей; хотя Помпоній никогда не видѣлъ Кассія въ лицо и не зналъ его лично, но, такъ сказать, душой онъ сроднился съ нимъ съ тѣхъ самыхъ поръ, когда сталъ раздѣлять его взгляды на теорію и практику юриспруденціи. Вѣдь это не непозволительная фамильярность; это та именно простота въ обращеніи съ именемъ, которая выпадаетъ на долю только крупнымъ авторитетамъ и то, въ большинствѣ случаевъ, не ранѣе ихъ кончины; это тотъ именно способъ упоминанія имени, который практикуется по отношенію только къ знаменитымъ людямъ: къ Императорамъ, знаменитымъ полководцамъ, знаменитымъ поэтамъ и проч. Далѣе. Дернбургъ, возставая противъ общаго мнѣнія на томъ только основаніи, что трудно допустить, чтобы Пом-

поній такъ фамильярничалъ съ Кассіемъ, вступаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, съ тѣмъ, что онъ пишетъ на стр. 94—98 [1]), гдѣ онъ объясняетъ утрату нашимъ юристомъ двухъ частей его имени особой его популярностью. Если Дернбургъ только радуется за Гая, когда ученики этого послѣдняго называютъ его „вездѣ: и между собой, и въ городѣ, и въ книжной лавкѣ, какъ другъ называетъ друга“ просто Gajus, то почему-же онъ возмущается (вѣдь онъ даже „мысли не допускаетъ“), когда Помпоній называетъ своего учителя Кассія также только однимъ именемъ? Наконецъ, Помпоній, цитируя Кассія, называетъ его не просто Gajus, а Gajus noster. „Слово-же noster“, какъ вѣрно указываетъ Ашеръ [2]), „встрѣчающееся въ источникахъ всего на всего 17 разъ, каждый разъ указываетъ на ту или другую связь (и даже зависимость) между лицомъ цитирующимъ и цитируемымъ“. Такъ, Павелъ, 9 разъ называющій Сцеволу „Scaevola noster“ [3]), былъ ученикомъ Сцеволы [4]). То-же самое [5]) нужно сказать и о Трифонинѣ, прилагающемъ 2 раза къ имени Сцеволы эпитетъ noster [6]). Теренцій Clemens, называющій Юліана Iulianus noster [7]), если и не былъ непо-

---

[1]) § 2 д. раб.

[2]) Ascher, ц. с. p. 92—100.

[3]) L. 27 D. de pactis, II, 14; l. 19 D. de neg. gest. III, 5; l. 26 D. de min. IV, 4; l. 46 D. fam. hercis. X, 2; l. 56 D. de j. dot. XXIII, 3 (дважды); l. 32 D. de excus. XXVII, 1; l. 38 D. de vulg. et pup. subst. XXVIII, 6; l. 10 D. de bon. pos. s. t. XXXVII, 11; l. 6 D. de reb. a. jud. XLII, 5.

[4]) См. Paulus, lib. I ad vitellium (l. 19 D. de lib. et past. XXVIII, 2): Scaevola respondit, non videtur: et in disputando adjiciebat; см. прим. Павла къ Scaevola lib. III Responsorum въ l. 13 D. de inof. test. V, 2; къ Scaevola lib. IV Respons. въ l. 26 D. qui et a quib. XL, 9.

[5]) L. 12 D. de distr. pign. XX, 5; l. 19 D. de castr. pec. XLIX, 7.

[6]) См. примѣч. Клавдія Трифонина къ lib. VII Digestorum Scaevolae въ l. 10 D. ult. fin. de s. e. XVIII, 7; къ lib. XVII Digestorum—въ l. 15 D. de al. leg. XXXIV, 1; тамъ-же l. 16 къ XVIII lib. Digestorum; къ lib. XX Digestorum въ l. 109 D. de cond. XXXV, 1. Кромѣ Трифонина и Павла никто не писалъ примѣчаній къ соч. Сцеволы (Ашеръ, ц. с. p. 96).

[7]) Comm. ad l. Iul. et Pap. Теренція Клеменса, lib. IV, см. l. 6 D. de vulg. subst. XXVIII, 6.

средственнымъ ученикомъ Юліана, то, во всякомъ случаѣ, считалъ его непоколебимымъ авторитетомъ, что очевидно изъ того, что изъ 35 мѣстъ Теренція, всего на всего помѣщенныхъ въ дигесты, 8 заключаютъ въ себѣ мнѣнія Юліана [1]). Меціанъ, трижды называющій Юліана „Iulianus noster“ и однажды прибавляющій noster къ имени Виндія, былъ, по всей вѣроятности, ученикомъ ихъ обоихъ. „По крайней мѣрѣ, какъ говоритъ Ашеръ [2]), въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ разцвѣтъ дѣятельности Юліана и Виндія падаетъ на время Адріана, а Меціанъ, главнымъ образомъ, работалъ при Маркѣ Аврелiѣ“. Обращаясь теперь къ мѣсту изъ l XXII ad Q. Mucium Помпонія, мы прежде всего видимъ, что Гай по отношенію къ Помпонію не могъ быть ни авторитетомъ, ни учителемъ, такъ какъ большинство сочиненій Помпонія появилось еще при Адріанѣ и вообще Помпоній былъ старше Гая болѣе, чѣмъ на пятьдесятъ лѣтъ „Если само по себѣ невѣроятно, говоритъ Ашеръ [3]), чтобы человѣкъ, который былъ на столько лѣтъ старше Гая, его цитировалъ, то тѣмъ болѣе невѣроятно, чтобы Гая цитировалъ именно Помпоній, такъ какъ Помпоній имѣлъ jus respondendi, а Гай его не имѣлъ. Все это, наконецъ, сдѣлается еще болѣе понятнымъ, если мы обратимъ вниманіе на истинный смыслъ слова „noster“, указанный Моммсеномъ [4]). „Рабъ, говоритъ онъ, обращаясь къ господину, называлъ его Quintus noster“. Noster, такимъ образомъ есть не что иное, какъ нѣмецкое „Herr und Meister“, итальянское „maestro“. Очевидно, что Помпоній, находившій-

---

[1]) Ср. l. 5 D. de op. serv. VII, 7; l. 72 D. de hered. inst. XXVIII, 5; l. 6 D. de v. subst. XXVIII, 6; l. 2 D. de legat. XXXI; l. 21 D. de lib. leg. XXXIV, 3; l. 62 D. de cond. et dem. XXXV, 1; тамъ-же l. 64 и l. 24 D. qui et a quid man. XI, 9.

[2]) Ascher, u. c. p. 98.

[3]) Idem, p. 99.

[4]) Idem, p. 100.

ся въ бо́льшемъ почетѣ, чѣмъ Гай, хотя бы благодаря одной своей старости, никакъ не могъ относить это „maestro“ къ молодому, начинающему Гаю. А это и ведетъ къ тому, что „Gajus noster“ у Помпонія подразумѣваетъ собой не нашего Гая, а Кассія, который былъ несомнѣннымъ авторитетомъ для Помпонія, какъ и для цѣлой массы другихъ юристовъ Дернбургъ, между прочимъ говоритъ о тонѣ, какимъ могло быть употреблено слово noster, но едва-ли такой доводъ можетъ привести кого-либо къ какимъ-либо результатамъ. Дернбургъ будетъ утверждать, что онъ слышитъ въ данномъ фрагментѣ тонъ покровительственный, всякій другой станетъ утверждать противное, разборъ вопроса ни на шагъ не подвинется впередъ.

Какъ послѣдній аргументъ противъ общепринятаго мнѣнія о данномъ фрагментѣ Помпонія, Дернбургъ выставляетъ то соображеніе, что спорное Gajus noster употреблено Помпоніемъ въ его libri ad Q. Mucium, о которомъ, какъ мы знаемъ, писалъ и Гай. „Весьма вѣроятно, говоритъ Дернбургъ, что Помпоній цитируетъ Гая именно въ силу этой однородности темъ ихъ изслѣдованія“. Но противъ этого Ашеръ [1]) съ неменьшей убѣдительностью противопоставляетъ другое соображеніе: фрагментъ изъ сочиненія Помпонія помѣщенъ въ дигестахъ въ титулѣ de stipulationibus servorum, а этимъ вопросомъ Гай Кассій Лонгинъ занимался спеціально, что видно, въ особенности, изъ того, что въ томъ же отдѣлѣ мы встрѣчаемъ еще четыре (а не три, какъ говоритъ Ашеръ) ссылки на Кассія и между ними, прибавимъ, одну, принадлежащую тому-же Помпонію [2]).

Итакъ, мы остаемся при томъ-же мнѣніи, съ котораго

---

[1]) Idem, p. 99.

[2]) L. 6 (Помпоній), l. 9 (Ульпіанъ), l. 25 (Venulejus), l. 28 (Gajus) и, наконецъ, наше спорное мѣсто, l. 39 (Помпоній) D. de st. serv. XLV, 3.

и начали изложеніе этого параграфа: Гая до появленія закона Валентиніана III никто ни разу не цитировалъ [1]).

§ 7 a.

Насколько намъ извѣстно, впервые имя Гая упоминается лишь въ 5 вѣкѣ, именно въ Zitirgesetz'ѣ Валентиніана III отъ 426 года. Только начиная съ 6 вѣка мы наталкиваемся на усердное и частое упоминаніе о нашемъ юристѣ, какъ въ вестготской (506 г.), такъ и въ бургундской (502—508 г.), такъ и въ константинопольской кодификаціи (527 и сл.). Точно также усердно цитируется Гай и грамматиками этого времени: Присціаномъ изъ Цезареи (около 512 г.) и Бетіемъ (былъ консуломъ въ 510 г.). Гай цитируется также и въ collatio legum Mos. et Rom. [2]). Все это показываетъ, что къ тому времени сочиненія Гая были уже въ большемъ почетѣ и что ими пользовались, какъ настольной книгой. Вслѣдствіе этого вполнѣ понятно, почему редакціонная коммиссія не могла оставить безъ вниманія труды Гая и почему она должна была черпать матеріалъ изъ этихъ трудовъ. Но съ другой стороны тутъ рождается весьма интересный вопросъ. Редакціонная коммиссія, какъ показываетъ употребленіе ею одного только praenomen нашего юриста, не знала его полнаго имени; о самой личности Гая она, по всей вѣроятности, такъ-же не имѣла никакихъ свѣдѣній и даже сочиненія Гая были извѣстны ей лишь отчасти, на что прямо указываетъ собственное выраженіе редакторовъ: commentarii ad edictum urbicum τὰ μόνα εὑρεθέντα βιβλία δέκα [3])

---

[1]) На сторонѣ этого мнѣнія: Моммсенъ, Gajus ein Provincialjurist., p. 1, n. 1; Rudorff, Röm. Rechtsg. I, p. 173; Boecking, praef. ad V. ed. Gaj. Inst. p. VIII, n. 16; Huschke, praef. ad II ed. p. 85 n. 7; Пухта, Inst. II, § 99 n. q.; Бремеръ, Rechtslehrer und Rechtsschulen p. 33; Krueger, Gesch. der Q. und. Lit. p. 154, n. 50.

[2]) Всѣ эти данныя—см. Моммсенъ, ц. с. p. 1—2.

[3]) См. Index. autor. Digest.

Коммиссія могла и должна была знать только одно, а именно то, что Гай не былъ респондирующимъ юристомъ. (Это свѣдѣніе вытекало съ необходимостью изъ знакомства съ закономъ Валентиніана III). Съ другой-же стороны, Юстиніанъ въ Const. Deo auctore [1]) прямо высказалъ слѣдующее: iubemus igitur vobis antiquorum prudentium, quibus auctoritatem conscribendarum interpretandarumque legum sacratissimi principes praebuerunt, libros ad jus Romanum pertinentes et legere et elimare, ut ex his omnis materia colligatur. Очевидно, что коммиссія должна была слѣдовать этому прямому постановленію императора и очевидно такъ-же, что, при всякомъ отклоненіи въ сторону, ей необходимо было представить какое нибудь болѣе или менѣе глубокое соображеніе, которое оправдало-бы такое отклоненіе въ глазахъ императора. Такъ, напримѣръ, коммиссія брала фрагменты изъ сочиненій К. Сцеволы—не респондента, но К. Сцевола былъ великимъ древнимъ юристомъ, авторитетомъ первой величины, на сочиненія котораго писались многими и первоклассными юристами обширные комментаріи, отдѣльные фрагменты котораго цитировались однимъ поколѣніемъ юристовъ за другимъ. Можно было бы сказать, что коммиссія руководствовалась соображеніемъ о популярности и распространенности сочиненій Гая, но такое соображеніе скорѣе было только поводомъ къ тому, что коммиссія вообще обратила вниманіе на сочиненія Гая (не пользуйся онъ популярностью, коммиссія о немъ никогда бы и не вспомнила, такъ какъ ни у кого изъ писателей Гай не упоминается), а никакъ ужъ не самимъ внутреннимъ основаніемъ. Такимъ образомъ рождается слѣдующій вопросъ: что было тѣмъ внутреннимъ основаніемъ, которое заставило коммиссію, вопреки прямому постановленію Юстиніана приводить фрагменты только изъ сочиненій юристовъ

---

[1]) De Concept. Digest. § 4.

респондентовъ, черпать матерьялъ изъ сочиненій Гая, завѣдомо для коммиссіи не имѣвшаго jus respondendi?

На этотъ вопросъ въ литературѣ предмета мы находимъ три отвѣта. I. Huschke [1]), какъ мы уже знаемъ [2]), предполагаетъ, будто Гай имѣлъ jus respondendi, но добровольно отказывался отъ его осуществленія Въ виду соображеній, высказанныхъ въ § 3 дан. раб., подобное мнѣніе, а слѣдовательно и всѣ выводы изъ него, должны быть отвергнуты. II. Бремеръ [3]) думаетъ, что для коммиссіи было достаточнымъ основаніемъ то удареніе, которое дѣлаетъ на Гаѣ Citirgesetz. Нисколько не оспаривая правдоподобность такого мнѣнія, нельзя все таки не указать на то, что Zitirgesetz и его постановленіе о Гаѣ являлись въ большей степени внѣшнимъ, чѣмъ внутреннимъ основаніемъ. Правда, имѣя въ рукахъ Zitirgesetz, коммиссія могла смѣло въ составъ редакціоннаго матерьяла вносить и сочиненія Гая и безбоязненно дѣлать изъ этихъ сочиненій выписки. Но очевидно также и то, что Zitirgesetz не создалъ авторитета Гая какъ нѣчто совершенно произвольное, зависѣвшее исключительно отъ произвола законодателя. Очевидно, что и до появленія Zitirgesetz Гай представлялъ изъ себя нѣчто такое, что нуждалось только въ оффиціальномъ словѣ для того, чтобы стать крупной силой. Слѣдовательно, редакціонная коммиссія не могла не посмотрѣть туда, за Zitirgesetz, въ то болѣе отдаленное время, которое развернуло бы предъ ея глазами какую-то особую перспективу, перспективу хотя и не оффиціальной силы Гая, но все таки силы. И вотъ поэтому-то наиболѣе вѣроятной кажется гипотеза Ашера [4]), который думаетъ, что редакторы дигестъ, натолкнувшись на три ра-

---

[1]) Juris. antejust. quae supersunt (Huschke), p. 80.

[2]) См. § 3, дан. раб.

[3]) Бремеръ, ц. с. p. 66.

[4]) Ascher, Gajus noster, Z. f. R. V, p. 85—92.

зобранные въ § 7 дан. раб. фрагмента (Юліана, Яволена и Помпонія), гдѣ упоминается Gajus и Gajus noster, ошибочно отнесли Gajus къ нашему Гаю, а не къ Гаю Кассію Лонгину, какъ бы въ дѣйствительности слѣдовало, и изъ этого сдѣлали выводъ, что нѣкогда жилъ юристъ Гай, древній авторитетъ, вродѣ напримѣръ К. Муція Сцеволы, принадлежавшій еще къ той эпохѣ, когда не было оффиціальнаго jus respondendi. „Въ такой исторической ошибкѣ, говоритъ Ашеръ, нѣтъ ничего страннаго, такъ какъ та-же ошибка считалась господствующимъ мнѣніемъ еще и въ восемнадцатомъ вѣкѣ, въ эпоху разцвѣта изученія исторіи римской юридической литературы. Мѣсто-же изъ Помпонія порождаетъ споры и по нынѣ“. Къ тѣмъ тремъ фрагментамъ, на которые мы только что указывали, нужно, по мнѣнію Ашера, прибавить еще одно мѣсто изъ lib. sing. enchir. Помпонія [1]), гдѣ сказано: (изъ учениковъ Сульпиція Руфа) plurimi profecerunt: Alfenus Varus; Gajus; Aulius Ofilius и т. д. Въ настоящее время, говоритъ Ашеръ, мы знаемъ, что вмѣсто Gajus здѣсь нужно читать Catus, но редакторы дигестъ, очевидно, вмѣсто Catus читали Cajus, а изъ Cajus сдѣлали Gajus“ [2]). А насколько вообще имѣло вліяніе на Юстиніана и редакціонную коммиссію то мѣсто изъ Помпонія, гдѣ Гай названъ Gajus nos-

---

[1]) L. 2 § 44 D. de or. jur. I, 2.

[2]) При этомъ нужно замѣтить, что данную ошибку не слѣдуетъ относить къ винѣ переписчика Florentina, такъ какъ данный списокъ по времени своего появленія стоитъ близко ко времени введенія Юстиніановскаго права въ Италію, когда строгія правила о точномъ слѣдованіи оригиналу были еще свѣжи въ памяти всѣхъ. Къ тому-же заглавныя буквы той эпохи были ясны, такъ что о случайной ошибкѣ византійскаго или итальянско-византійскаго переписчика не можетъ быть и рѣчи. То, что чтеніе этого Catus какъ Gajus нашло мѣсто во многихъ распространенныхъ въ обществѣ рукописяхъ, служитъ прямымъ доказательствомъ вышеприведеннаго соображенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно Gajus, а не Catus стояло въ аутентическомъ оригиналѣ. Нѣтъ также основанія думать, чтобы подобная эмендація принадлежала глоссаторамъ, такъ какъ глоссаторы, какъ извѣстно, вовсе не занимались исторіей римской юриспруденціи. (Ascher, ц. с. p. 91).

ter, это видно уже изъ одного того, что Юстиніанъ въ подражаніе Помпонію (кромѣ Помпонія никто не называлъ такъ Гая), называетъ Гая трижды черезъ Gajus noster [1]).

§ 8.

Какъ извѣстно, во время императора Августа жили два замѣчательныхъ юриста: Аттей Капитонъ и Маркъ Антистій Лабеонъ. Различные по своимъ характерамъ, политическимъ убѣжденіямъ и образу жизни, они оба были рьяны въ своемъ стремленіи дать юридическимъ нормамъ прочное обоснованіе, поставить право на высоту науки. Но Аттей Капитонъ, какъ вѣрно опредѣляетъ Пухта [2]), питалъ довѣріе только къ унаслѣдованнымъ, поддерживаемымъ признанными авторитетами, мнѣніямъ и положеніямъ, въ то время какъ Лабеонъ, обладая болѣе пылкимъ и пытливымъ умомъ, стремился къ реформѣ, основанной на сознаніи собственной силы и необходимости прогресса. Ясно, что подобное различіе въ основныхъ воззрѣніяхъ на жизнь и право должно было неизбѣжно повести ко многимъ противорѣчіямъ и контроверсамъ между этими двумя юристами. Контроверсы эти перешли къ послѣдователямъ, обострились, увеличились числомъ и вотъ въ результатѣ получились двѣ юридическія школы, два теченія юридической мысли, другъ съ другомъ несогласныя, другъ другу противорѣчащія.

Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Муромцевъ [3]), было бы очень ошибочно приписывать этой противоположности какое-либо принципіальное различіе, понимая подъ этими словами то, что мы теперь называемъ различіемъ направленій, основанныхъ на различіи исходныхъ принциповъ. Прин-

---

[1]) Const. in nom. domini. § 6; Inst. Iust., tit. de publ. jud. IV., 18, § 6; Const. Omn. rei publicae, § 1.

[2]) Муромцевъ, Гражд. пр. Рима, стр. 460.

[3]) Пухта, Ист. рим. пр. стр. 312.

ципы были одни и тѣже какъ у Лабеона, такъ и у Капитона. Различіе выражалось и высказывалось только въ примѣненіи этихъ принциповъ [1]) Другими словами, какъ мѣтко выразился по этому вопросу Пухта [2]), „не школы служили источникомъ противорѣчій, а противорѣчія произвели школы“. Принадлежность-же юриста къ тому или другому направленію, къ той или иной школѣ, объяснялась главнымъ образомъ тѣмъ, подъ руководствомъ какого юриста онъ обучался. Если этотъ юристъ былъ прокульянцемъ, то прокульянцемъ дѣлался и его ученикъ [3]).

Здѣсь-же не мѣшаетъ замѣтить, что прокуліанцы во всѣхъ своихъ нововведеніяхъ не вносили ничего принципіально-новаго и что въ концѣ концовъ всѣ споры двухъ партій сводились къ тому, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ прилагать новые принципы, оставленные имперіи республикой [4]). Впрочемъ, это уже явствуетъ изъ высказаннаго выше мнѣнія о значеніи различія этихъ школъ и понятно само собой.

Для примѣра приведемъ нѣкоторые наиболѣе существенные контроверсы названныхъ школъ. Прокуліанцы чаще высказывались противъ формализма, нежели сабиньянцы, поэтому, напримѣръ, они допускали перегриновъ къ совершенію литтеральнаго контракта, тогда какъ сабиньянцы допускали это лишь съ ограниченіями (Gajus, III, § 133). По старому праву, напримѣръ, suus heres былъ вмѣстѣ съ тѣмъ heres necessarius, не имѣвшій права отказаться отъ наслѣдства; поэтому, если такой наслѣдникъ передавалъ (in jure cessio) кому либо свое наслѣдство, онъ считался, по мнѣнію сабиніанцевъ, совершившимъ недѣйствительный актъ. Прокуліанцы-же рѣшали наоборотъ: все равно, говорили они,

---

[1]) Пернице, M. Ant. Labeo, I, p. 2.
[2]) Пухта, стр. 326.
[3]) Муромцевъ, стр. 469.
[4]) Сравн. Пухта, стр. 32[illegible].

передастъ-ли наслѣдникъ свое наслѣдство добровольно или по принужденію; слѣдовательно, такой актъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ передача наслѣдственнаго имущества послѣ добровольнаго вступленія въ наслѣдство. Далѣе. По старому праву, съ которымъ безусловно соглашались и сабиньянцы, назначеніе наслѣдника должно предшествовать въ завѣщаніи всѣмъ другимъ распоряженіямъ. Прокуліанцы-же смягчали это требованіе и допускали дѣйствительность завѣщанія, если оно, напримѣръ, начиналось съ назначенія опекуна (Gai, II, § 231). Особенно рѣзко различались мнѣнія этихъ школъ въ вопросѣ о specificatio, въ этомъ общеизвѣстномъ спорѣ, гдѣ болѣе мягкіе взгляды опять-таки высказывались прокуліанцами (см. Gai, II, § 79).

Такихъ контроверсовъ, дошедшихъ до насъ, насчитывается болѣе двухъ десятковъ. Нечего и говорить, что споръ этотъ былъ весьма плодотворенъ для развитія науки права. Во первыхъ, уже по одному тому, что, какъ и всякій споръ, толкалъ умы къ дальнѣйшему изслѣдованію; во вторыхъ, какъ справедливо указываетъ Пухта, этотъ споръ благодѣтельно и отрезвляюще дѣйствовалъ на практику. Юристы, сдерживаемые въ границахъ принадлежностью къ той или другой школѣ, пріучались стойко отстаивать свои взгляды и не метались изъ стороны въ сторону въ безплодной погонѣ за нововведеніями ради нововведеній. Объединялись силы, сплачивались въ тѣсный кружокъ умы.

Гай принадлежалъ къ сабиньянской школѣ. Это очевидно изъ многихъ мѣстъ его сочиненій. Эсмархъ [1]) называетъ Гая даже ein sich als strengen Anhänger der Sabinianischen Schule bekennender Gajus. Нѣкоторые, напримѣръ, Крюгеръ [2]), даже упрекаютъ его въ его крайнемъ поклоненіи авторитету Сабина.

---

[1]) Эсмархъ, Röm. Rechtsgesch. p. 367.

[2]) Krüeger, Gesch. der Röm. Rechtsquellen, p. 185.

Нѣкоторые ученые [1]) указываютъ еще на сходство между нашимъ юристомъ и другимъ, нѣсколько болѣе раннимъ, юристомъ Помпоніемъ. Сходство это, главнымъ образомъ, выражается въ выборѣ темъ для изслѣдованій и въ пріемахъ изложенія. Такъ, подобно Помпонію, Гай написалъ libri ex Q. Mucio. Древнее jus civile обработано Гаемъ въ его libri VI ad legem XII Tabularum, которыя, подобно enchiridion Помпонія, содержали въ себѣ историческое предисловіе. Jus honorarium обработано Гаемъ въ двухъ комментаріяхъ. Тоже нужно замѣтить и о Помпоніѣ. Libri III de verborum obligationibus Гая соотвѣтствуютъ stipulationes Помпонія. Fideicommission βιβλία δύο Гая соотвѣтствуютъ fideicommission βιβλία πέντε Помпонія и т. д. Какъ у Гая, такъ и у Помпонія, догматическое изслѣдованіе идетъ рядомъ съ казуистикой. Оба они пользуются почти тѣми-же источниками. Ни тотъ, ни другой не цитируютъ никого ранѣе Q. Mucius'a и позднѣе Юліана. Гай не цитируетъ даже Помпонія, если не считать попадающагося однажды Sextus [2]). Даже языкъ Гая часто напоминаетъ языкъ Помпонія.

---

[1]) Krüeger, p. 183—184.

[2]) Inst. II, § 181. У Помпонія также встрѣчается однажды Gajus noster. Но оно не относится къ Гаю, какъ и Sextus не относится къ Помпонію.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Сочиненія римскаго юриста Гая.

Въ этомъ отдѣлѣ мы разсмотримъ тѣ вопросы, которые (въ дополненіе къ сказанному въ первомъ отдѣлѣ) рождаются при разборѣ сочиненій нашего юриста, а также разсмотримъ и самое содержаніе этихъ сочиненій: институцій въ ихъ цѣломъ видѣ, а остальныхъ работъ Гая—въ тѣхъ отрывкахъ, которые, благодаря дигестамъ, дошли до насъ. Разсмотрѣніе данныхъ сочиненій мы будемъ производить въ томъ приблизительномъ хронологическомъ порядкѣ, который былъ установленъ выше въ § 6.

§ 9.

Первыми по времени сочиненіями Гая, какъ уже было указано въ § 6, являются его комментаріи къ эдикту городскаго претора и къ провинціальному эдикту. Такъ какъ невозможно опредѣлить, какой изъ этихъ комментаріевъ явился раньше, то мы и будемъ разсматривать ихъ совмѣстно. Въ литературѣ предмета существуетъ даже такое мнѣніе, по которому нужно совершенно отвергнуть самое самостоятельное бытіе комментарія ad edictum urbicum. Въ силу этого мнѣнія, комментарій къ эдикту городскому есть не что иное, какъ составленный впослѣдствіи сборникъ монографій Гая по отдѣльнымъ вопросамъ, входившимъ въ составъ эдикта городскаго претора. Такое мнѣніе высказывается, напримѣръ,

Дернбургомъ [1]), который исходитъ, главнымъ образомъ, изъ того, что редакторы дигестъ, приводя изъ даннаго сочиненія фрагменты, не цитируютъ книги въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ, а помѣщаютъ только заглавія книгъ, какъ напримѣръ: libro primo de legatis, titulo de liberali causa, libro secundo de testamentis и проч. Насколько въ данной гипотезѣ истины, судить, конечно, трудно. Можно сказать только, что въ ней нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ, дѣйствительно, если бы Гай комментировалъ весь эдиктъ городскаго претора, то, по всей вѣроятности, и редакторы дигестъ цитировали-бы и изъ остальныхъ книгъ комментарія. Правда, редакціонная коммиссія противъ этого сочиненія помѣстила примѣчаніе: τὰ μόνα εὑρεθέντα βιβλία δέκα, но это примѣчаніе можетъ показывать лишь то, что редакторамъ изъ отдѣльныхъ монографій были извѣсты только десять книгъ. Такого-же мнѣнія придерживался одно время и Моммсенъ [2]), но впослѣдствіи почему-то отказался отъ него [3]), не выставивъ, впрочемъ, къ тому достаточныхъ основаній.

I. Libri XXX ad edictum provinciale. Это сочиненіе Гая представляетъ изъ себя сборникъ или компендіумъ общаго провинціальнаго права, составленный въ видѣ комментарія на послѣюліановскій эдиктъ. Какъ мы уже знаемъ (§ 4), Моммсенъ доказываетъ, что данное сочиненіе состоитъ изъ матерьяла, почерпнутаго Гаемъ исключительно въ провинціи Азіи и что самый комментарій есть только комментарій къ эдикту одной, данной, извѣстной провинціи и именно Азіи. Но такъ какъ противъ такого предположенія говоритъ во 1-хъ, самое заглавіе (если-бы это былъ комментарій

---

[1]) Dernburg, ц. с. p. 77 n. 6.

[2]) Моммсенъ, Ueber den Inhalt des Rubrischen Gesetzes, Bekker's und Muther's Jahrbuch II, p. 319—342.

[3]) Idem, Gajus ein Provinzialjurist, Bekker's und Muther's Jahrbuch, III p. 6, n. 12.

на эдиктъ одной провинціи, то онъ, какъ говоритъ Гушке [1]), былъ бы озаглавленъ: edictum Sicilense (Цицеронъ), edictum Asiaticum и проч.), а во 2-хъ, многія подробности [2]), вродѣ употребленія примѣровъ изъ Италійской жизни [3]), какъ-то: si navis ex Asia venerit [4]) и т. п., то мы и должны отвергнуть его, принявъ, согласно сказанному, comm. ad ed. provinc. за сборникъ общаго провинціальнаго права. Онъ состоитъ изъ 30 книгъ; къ нимъ принадлежатъ еще 2 книги комментарія къ эдикту курульныхъ эдиловъ. Сочиненіе дошло до насъ только въ тѣхъ 332 отрывкахъ, которые взяты въ дигесты.

Отъ первой книги осталось 19 отрывковъ [5]). Изъ ихъ содержанія очевидно, что въ первой книгѣ высказывались общія положенія о процессѣ. Въ этихъ 19 отрывкахъ разбираются вопросы о томъ, когда одно лицо противъ другого имѣетъ нѣсколько исковъ; о томъ, когда одинъ и тотъ-же искъ принадлежитъ нѣсколькимъ лицамъ; о томъ, что каждый долженъ подчиняться тѣмъ-же законамъ и нормамъ, которые онъ противоставляетъ другому лицу. Будетъ-ли искъ in duplum, in triplum, in quadruplum и т. д., поручитель все равно отвѣтственъ. Кто представилъ поручителя въ уплатѣ присужденнаго, за того, хотя бы онъ и умеръ или потерялъ права римскаго гражданина, все равно отвѣтственъ поручитель. Тому, кто вызывается въ судъ, назначается преторомъ по 20000 шаговъ въ день. Четыре отрывка говорятъ о рас-

---

[1]) Гушке, ц. с. р. 84.

[2]) Бремеръ, ц. с. р. 85, scc.

[3]) См. § 4 дан. раб.

[4]) Противъ того довода Моммсена, что будто-бы Гай вездѣ въ com. ad edictum provinciale употребляетъ только proconsul, мы можемъ противопоставить l. 5 D. XXVI, 5 и l. 5 D. XXVII, 10, гдѣ Гай употребляетъ не proconsul, а praeses.

[5]) Дигесты: II, 1, l. 8; 11; 2, l. 4; 8, l. 3, 5; 11, l. 1; 13, l. 10; 14, l. 18, 20, 28, 30; III, 1, l. 2; 2, l. 3; V, 1, l. 4; XXXIX, 2, l. 6; XLIV, 1, l. 3; L, 1, l. 29; 16, l. 11; 17, l. 107.

ta, заключаемыхъ съ подвластными сыновьями и рабами, о pacta, заключаемыхъ съ опекаемыми вопреки волѣ опекуновъ и о тѣхъ случаяхъ, когда pacta, по самой своей природѣ лишенныя исковъ, какъ obligationes naturales, получаютъ таковые. Одинъ отрывокъ трактуетъ о необходимости для аргентаріевъ вести счеты и давать отчеты. Одинъ отрывокъ говоритъ о томъ, что не слѣдуетъ подвергать инфаміи того, кто сначала предложилъ свои услуги для публичнаго спектакля, а потомъ отъ участія отказался, такъ какъ, говоритъ Гай, „публичные спектакли не настолько позорны, чтобы каралась самая мысль объ участіи въ нихъ“. Съ тѣмъ, кто подъ нашей властью, мы не можемъ вести процесса, кромѣ какъ по поводу чего-либо изъ его peculium castrense. Одинъ отрывокъ заключаетъ въ себѣ объясненіе понятія: exceptio perpetua и exceptio temporalis Одинъ отрывокъ выясняетъ отношенія incolae къ магистратурѣ и городскому управленію того города, въ которомъ онъ живетъ. Наконецъ, одинъ отрывокъ говоритъ о томъ, что подъ понятіе кредитора подходятъ не только тѣ, которые даютъ деньги взаймы, но и всѣ тѣ, которые въ силу какого бы то не было основанія имѣютъ на другого требованія. Послѣдній отрывокъ выясняетъ, что противъ раба не можетъ быть вчиненъ искъ.

Отъ второй книги мы имѣемъ 3 отрывка [1]), изъ которыхъ одинъ опредѣляетъ понятіе actionis noxalis, а другой говоритъ, что если посолъ устанавливаетъ то, что онъ былъ долженъ до посольства, то онъ не можетъ быть принужденъ подвергнуться суду того мѣста, гдѣ онъ устанавливалъ. Третій отрывокъ состоитъ всего изъ нѣсколькихъ словъ, вырванныхъ, очевидно, изъ средины фразы.

Отъ третьей книги сохранилось 17 отрывковъ [2]). Изъ

---

[1]) Дигесты: V, 1, l. 8; IX, 4, l. 1; L, 17, l. 111.

[2]) Дигесты: III, 1, l. 7; 2, l. 18; 3, l. 9, 12, 21, 34, 46, 48; 4, l. 1; 5, l. 2, 21; XI, 1, l 5; XVII, 1, l 41; XXVII, 10, l. 13; XLIV, 7, l. 39; L, 16 l. 16; 17, l. 113.

нихъ 6 говорятъ о procurator'ахъ, два о negotiorum gestor'ѣ. Одинъ отрывокъ содержитъ въ себѣ указаніе на то, что женщина, которая введена во владѣніе на основаніи ошибочнаго представленія о своей беременности, не считается вступившей во владѣніе mala fide. Кому преторъ запрещаетъ ходатайствовать предъ собой, говоритъ слѣдующій отрывокъ, тому онъ запрещаетъ ходатайствовать и въ случаѣ согласія противника. Одинъ отрывокъ указываетъ на то, какія общества допускаются государствомъ и тутъ-же передаетъ тѣ основанія, которыя кладутся въ устройство такихъ обществъ (синдикатъ, защита отъ исковъ, направленныхъ противъ общества и наоборотъ). Одинъ отрывокъ говоритъ о томъ, что, въ случаѣ нарушенія мандатаріемъ границъ выданнаго ему полномочія, искъ изъ мандата дѣлается одностороннимъ и принадлежитъ только манданту. Одинъ отрывокъ говоритъ о правахъ подвластнаго сына на заключеніе обязательствъ; одинъ отрывокъ содержитъ въ себѣ изрѣченіе: въ цѣломъ всегда содержится и часть. Наконецъ, послѣдній отрывокъ опредѣляетъ понятіе и значеніе института откупщиковъ (publicani).

Отъ четвертой книги до насъ дошли 25 отрывковъ [1]). Первые два отрывка говорятъ объ искахъ противъ клеветниковъ. Третій отрывокъ говоритъ о томъ, что подъ эдиктъ претора, сказавшаго, что онъ не будетъ поддерживать того, что сдѣлано подъ вліяніемъ страха, подходитъ не страхъ легкомысленнаго человѣка, но только страхъ человѣка степеннаго, всѣми уважаемаго. Уничтоженіе сдѣлки, совершенной подъ вліяніемъ страха, говоритъ 4-й отрывокъ, вліяетъ не только на обязавшихся, но и на поручителей. Actio quod metus (5-й отрывокъ) переходитъ на наслѣдниковъ въ размѣрѣ ихъ обогащенія отъ такой сдѣлки; этотъ искъ, слѣдовательно,

---

[1]) Дигесты: III, 6, l. 4, 6; IV, 2, l. 6, 10, 19; 3, l. 6, 8, 23, 26, 28; 4, l. 12, 15, 25, 27; 5, l. 1, 8; 6, l. 25; 7, l. 1, 3, 7; XXV, 2, l. 26; XXVII, 6, l. 10; XLI, 3, l. 9; L, 16, l. 22.

имѣетъ вѣчно живучій характеръ. Считается, что тотъ не имѣетъ иска (6-й отрывокъ), кому въ силу бѣдности противника искъ не служитъ въ пользу. Седьмой отрывокъ говоритъ о томъ, что я имѣю противъ тебя actio doli, если ты, зная, что дѣла извѣстнаго лица находятся въ шаткомъ положеніи, ради своей выгоды убѣждаешь меня въ противномъ. Я имѣю actio doli противъ легатарія (8-й отрывокъ), которому оставленъ легатъ въ бо́льшемъ противъ опредѣленнаго по lex Falcidia размѣрѣ, если онъ, воспользовавшись моимъ незнаніемъ всей величины наслѣдственной массы, убѣдитъ меня принять наслѣдство, увѣривъ, что наслѣдственная масса превышаетъ сумму необходимыхъ на основаніи завѣщанія выдачъ. 9 и 10-й отрывки говорятъ объ отвѣтственности по actio doli и наслѣдниковъ. Три слѣдующихъ отрывка касаются лицъ, не достигшихъ 25-ти лѣтняго возраста. 14-й отрывокъ говоритъ, что capitis minutio есть измѣненіе въ status. Естественныя обязательства, говоритъ 15-й отрывокъ, не разрушаются при capitis deminutio, такъ какъ гражданскія правоосно-ванія не могутъ разорвать естественныхъ правъ. Три дальнѣйшихъ отрывка говорятъ о тѣхъ средствахъ къ защитѣ правъ, которыя даетъ преторъ при перемѣнахъ на той или другой тяжущейся сторонѣ, происшедшихъ въ виду желанія видоизмѣнить процессъ. 19-й отрывокъ указываетъ на тотъ случай, когда restitutio in integrum дается и лицамъ вполнѣ совершеннолѣтнимъ (XXV majores). Actio rerum amotarum есть condictio (20-й отрывокъ). Два отрывка говорятъ о томъ, что противъ мнимаго опекуна можетъ быть вчиняемъ искъ точно такъ-же, какъ и противъ настоящаго. Одинъ отрывокъ говоритъ о томъ, что usucapio имѣетъ мѣсто въ особенности при тѣлесныхъ вещахъ, за исключеніемъ res sacrae, sanctae, publicae populi Romani и civitatium, а также за исключеніемъ свободныхъ людей. Наконецъ, послѣдній отрывокъ указываетъ на то, что понятіе restitutio обширнѣе понятія exhibitio: „ex-

hibere значитъ сохранять наличныя тѣлесныя вещи, restituere-же возвращать владѣніе и возвращать плоды“.

Отъ пятой книги до насъ дошло 16 отрывковъ [1]), изъ которыхъ четыре говорятъ объ установленіи и обязанностяхъ третейскихъ судей (причемъ ясно, что Гай проводитъ мысль о равенствѣ правъ и обязанностей третейскихъ судей съ правами и обязанностями судей постоянныхъ), а три объ jus jurandum. Восьмой отрывокъ говоритъ о томъ что satisdare равнозначуще съ satisfacere. Три отрывка проводятъ ту мысль, что корабельщики, хозяева гостинницъ и конюшень и проч., хотя, въ сущности, получаютъ свою плату не за сохраненіе вещей пассажировъ, а за провозъ, за помѣщеніе, за столъ и проч., все таки принимаютъ на себя обязанность отвѣчать за сохранность находящихся у нихъ вещей и что тѣ, которые берутъ плату за сохраненіе вещей, принимаютъ на себя весь рискъ храненія. Когда кто обѣщаетъ платить за другого (12-й отрывокъ), то тотъ этимъ еще не освобождаетъ отъ уплаты обязаннаго. Fidejubere (ручаться) и платить, говоритъ 13-й отрывокъ, можетъ всякій за всякаго даже помимо воли promissor'a, ибо, говоритъ 14-й отрывокъ, каждому представляется право улучшать положеніе другого. „Свобода первенствуетъ надъ всѣмъ остальнымъ“—таково содержаніе 15-го отрывка. Наконецъ, послѣдній отрывокъ говоритъ о томъ, что отвѣтчикъ находится въ лучшемъ положеніи, чѣмъ истецъ.

Отъ шестой книги мы имѣемъ 22 отрывка [2]). Шесть изъ нихъ касаются actio noxalis и разсматриваютъ различныя подробности какъ самаго иска, такъ и тѣхъ обстоятельствъ, которыя порождаютъ искъ. Одинъ отрывокъ ка-

---

[1]) Дигесты: II, 8, l. 1, 9; IV, 8, l. 6, 20, 35; 9, l. 2, 5; XII, 2, l. 1, 21, 27; XIII, 5, l. 28; XIX, 2, l. 40; XLVI, 1, l. 30; 3, l. 53; L, 17, l. 122, 125.

[2]) Дигесты: II, 9, l. 4; V, 3, l. 1, 3, 10, 15, 17, 21, 35, 39, 41; 4, l. 2; 5, l. 2; IX, 3, l. 2, 7; 4, l. 15, 23, 25, 27, 29; XI, 3, l. 15; XLI, 4, l. 1; L, 16, l. 25.

сается actio de effusis et dejectis и говоритъ о томъ, что если тѣло свободнаго человѣка пострадаетъ отъ чего-либо выброшеннаго и вылитаго, то взыскивается за лѣченіе и за ту работу, которую свободный человѣкъ могъ бы исполнять во время своего нездоровья, но, благодаря данному случаю, не исполнялъ. Самое-же увѣчье, прибавляетъ Гай, не входитъ въ счетъ оцѣнки, такъ какъ тѣло свободнаго человѣка стоитъ выше всякой оцѣнки. Двѣнадцать отрывковъ содержатъ въ себѣ основныя положенія о пріобрѣтеніи наслѣдства, о наслѣдствѣ въ части, о bonorum possessio, объ hereditatis petitio и объ hereditatis petitio possessoria, которое, по мнѣнію Гая, приводитъ bonorum possessor'a къ тѣмъ-же результатамъ, какъ и цивильный искъ изъ наслѣдства наслѣдника. Одинъ отрывокъ говоритъ о томъ, что рабъ убивается, если онъ по наущенію другихъ станетъ презрительно обращаться съ господиномъ. Наконецъ, послѣдній отрывокъ указываетъ на то, что владѣлецъ, если онъ внесетъ сумму по судебной оцѣнкѣ, съ этого момента считается владѣющимъ на правахъ покупщика.

Отъ седьмой книги мы имѣемъ 51 отрывокъ [1]). Изъ нихъ въ восьми разбираются вопросы связанные съ институтомъ владѣнія и въ двухъ о publiciana in rem actio. Десять фрагментовъ касаются установленія и прекращенія узуфрукта, а также и частныхъ вопросовъ, рождающихся при изслѣдованіи этого института. Напримѣръ: узуфруктъ, принадлежащій моему и твоему рабу, принадлежитъ мнѣ и тебѣ въ равной части; издержки на болѣзнь раба, входящаго въ составъ узуфрукта, ложатся на узуфруктуарія; узуфруктъ

---

[1]) Дигесты: V, 1, l. 13; VI, 1, l. 18, 20, 24, 28, 30, 36, 40, 73; 2, l. 8, 13; VII, 1, l. 6, 39, 45, 74; 2, l. 5; 4, l. 19, 20; 5, l. 2, 7; 7, l. 3; 8, l. 1, 13; VIII, 1, l. 5; 2, l. 2, 6, 8; 3, l. 8; 4, l. 3; 6, l. 1, 3; IX, 1, l. 3; 2, l. 2, 4, 8, 32; 4, l. 20; X, 1, l. 3; 2, l. 1, 3, 5, 7, 17, 19, 26, 28; 3, l. 2, 4; XXI, 2, l. 49; XLI, 1, l. 43, 45; L, 16, l. 30; 17, l. 132.

не теряется, если теряется (умираетъ или перестаетъ быть собственникомъ) собственникъ; мясо и кожа павшаго скота не принадлежатъ узуфруктуарію, такъ какъ у него со смертью скота прекращаются и права надъ нимъ; о томъ, когда предметомъ узуфрукта служатъ деньги, масло, вино и проч. подобн; о томъ, что узуфруктъ въ рабѣ состоитъ въ пользованіи его услугами и заработкомъ. Два фрагмента касаются вопроса объ usus. Шесть фрагментовъ разсматриваютъ возникновеніе и прекращеніе сервитутовъ, ихъ виды, разновидности и различіе между этими видами. Шесть фрагментовъ разбираютъ вопросъ о причиненіи вреда чужимъ животнымъ; тутъ поэтому приводится lex Aquilia, который тщательно анализируется и комментируется Гаемъ. Одинъ отрывокъ указываетъ на необходимость представлять обезпеченіе за evictio. Девять фрагментовъ трактуютъ объ actio familiae herciscundae; четыре—объ actio communi dividundo и одинъ—объ actio finium regundorum. Одинъ изъ этихъ фрагментовъ говоритъ слѣдующее: при этихъ искахъ всегда рождается вопросъ, кого нужно считать истцомъ, а кого отвѣтчикомъ, такъ какъ интересы всѣхъ однородны; поэтому принято за правило считать истцомъ того, кто первый поднялъ вопросъ объ изслѣдованіи дѣла. Одинъ фрагментъ, по всей вѣроятности, взятый изъ главы о сервитутахъ (деревенскихъ) или же изъ главы объ узуфруктѣ, объясняетъ значеніе терминовъ: silva cacdua (лѣсъ, предназначенный къ рубкѣ, а по мнѣнію Сервія—лѣсъ, выросшій изъ корней уже срубленнаго лѣса), stipula illecta (павшіе колосья), novalis terra (земля, хотя бы годъ находившаяся подъ паромъ), integra terra (земля, на которую собственникъ не пускалъ еще скота на пастбище) glans caduca (плоды, упавшіе съ дерева сами по себѣ) и pascua silva (лѣсъ, предназначенный для пастьбы скота). Наконецъ, послѣдній фрагментъ говоритъ о томъ, что неопытность причисляется къ винѣ.

Отъ восьмой книги осталось намъ всего 5 отрывковъ [1]), изъ которыхъ два разбираютъ вопросъ о степеняхъ и линіяхъ родства, одинъ—de mortis causa capionibus; одинъ—о томъ, какъ дѣлится обязательство между фидеюссорами и, наконецъ, послѣдній даетъ опредѣленіе: stipulationes certae (опредѣленныя стипуляціи, когда ясно изъ самыхъ словъ—чего и сколько) и stipulationes incertae (неопредѣленныя стипуляціи).

Отъ девятой книги мы имѣемъ 28 отрывковъ [2]). Первые три фрагмента говорятъ о времени и мѣстѣ исполненія обязательствъ: товаръ, который долженъ быть доставленъ къ сроку, оцѣнивается по цѣнѣ этого опредѣленнаго дня; если о днѣ не было выговорено, то оцѣнка происходитъ по цѣнѣ того дня, въ который поданъ искъ; тѣ-же правила имѣютъ силу и по отношенію къ мѣсту исполненія обязательствъ, а также и къ прочимъ условіямъ; нельзя подавать иска въ другомъ мѣстѣ, кромѣ какъ въ томъ, о которомъ упомянуто въ стипуляціи; но если должникъ или нарочно, или случайно не является въ данное мѣсто, то кредитору дается utilis actio; подобнаго рода utilis actio есть вмѣстѣ съ тѣмъ и actio arbitraria, такъ какъ тутъ требуется разсмотрѣніе всѣхъ сторонъ дѣла: и цѣны предмета, и того, гдѣ легче достать деньги, гдѣ за это взимаютъ меньшій процентъ и проч. Одинъ фрагментъ опредѣляетъ права того, кто взялъ вещь въ ссуду. Одинъ фрагментъ говоритъ о томъ, что залогодателю не служитъ въ пользу, если онъ вмѣсто платежа готовъ удовлетворить залогопринимателя другимъ какимъ-либо образомъ, хотя бы онъ въ этомъ и представилъ expromissor'a. Слѣду-

---

[1]) Дигесты: XXXVIII, 10, l. 1, 3; XXXIX, 6, l. 31; XLV, 1, l. 74; XLVI, 1, l. 26.

[2]) Дигесты: XIII, 3, l. 4; 4, l. 1, 3; 6, l. 18; 7, l. 10, 12; XIV, 1, l. 9; 3, l. 2, 8, 10; 4, l. 11; 5, l. 1; 6, l. 13; XV, 1, l. 10, 27, 29; 3, l. 4, 12; XVI, 1, l. 5, 13; 2, l. 5, 8; 3, l. 14; XVII, 1, l. 27; XX, 1, l. 9; 6, l. 2; XXVII, 10, l. 5; L, 17, l. 133, 142.

ющія фрагменты трактуютъ объ особыхъ видахъ исковъ: actio exercitoria, Rhodia de jactu, tributoria. Одинъ фрагментъ даетъ общую характеристику дѣятельности проконсула въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно обезпечить лицъ, ведущихъ дѣла съ подвластными другихъ лицъ. Слѣдующій фрагментъ приводитъ случаи, когда Sc. Macaedonianum не имѣетъ примѣненія. Три отрывка говорятъ о peculium'ѣ подвластныхъ. Два отрывка разсматриваютъ actio de in rem verso. Два отрывка перечисляютъ случаи, когда не имѣетъ мѣста Sc. Velleianum (о поручительствѣ женщинъ). Два фрагмента говорятъ о томъ, что поручитель въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ произвести compensatio съ кредиторомъ и что должникъ можетъ внести въ составъ зачитываемаго и то, по поводу чего у него идетъ споръ съ кредиторомъ—истцомъ. Одинъ отрывокъ указываетъ какъ дѣлится между наслѣдниками вещь, отданная на храненіе по договору поклажи. Одинъ отрывокъ разбираетъ отношенія и иски, возникающіе изъ мандата. Одинъ отрывокъ говоритъ. что можетъ быть продано, то можетъ быть и заложено. По поводу закладнаго права въ другомъ отрывкѣ указывается на смыслъ и значеніе actionis Servianae. По поводу продажи заложенныхъ имуществъ въ слѣдующемъ отрывкѣ говорится о томъ, что сановнымъ лицамъ въ случаѣ, если они доведутъ свое имущество до продажи, можетъ быть назначенъ curator. Наконецъ, послѣдній отрывокъ указываетъ на необходимость для каждаго прежде убѣдиться въ томъ, въ самомъ-ли дѣлѣ онъ такъ правъ, какъ думаетъ, и только послѣ этого приступать къ подачѣ на другого иска.

Отъ десятой книги мы имѣемъ 16 отрывковъ [1]), изъ которыхъ одинъ, относясь къ ученію о мандатахъ, говоритъ,

---

[1]) Дигесты: XVII, 1, l. 13; 2, l. 2, 22, 34, 66, 68; XVIII, 1, l. 35; 4, l. 12, 15; 6, l. 9; XIX, 2, l. 6, 25, 31; 5, l. 22; XXI, 2, l. 6; L, 17, l. 46.

что возложеніе на кого-либо порученія купить моему наслѣднику кусокъ земли не есть чистый видъ мандата, а шесть слѣдующихъ разбираютъ вопросы, относящіеся до возникновенія и уничтоженія товариществъ, взаимныхъ отношеній товарищей, исковъ изъ договора товарищества и проч. Изъ остальныхъ 4 относятся къ договору купли-продажи: о значеніи цѣны при этотъ договорѣ; о значеніи мѣры и вѣса при продажѣ сыпучихъ тѣлъ, о задаткѣ и о куплѣ-продажѣ собирательныхъ предметовъ; о томъ, что продающій чужое наслѣдство не долженъ знать, что наслѣдство не принадлежитъ ему, иначе покупатель имѣетъ противъ него actio doli; о томъ при какихъ обстоятельствахъ потеря падаетъ на покупщика и при какихъ на продавца. Три отрывка относятся къ договору найма. Одинъ относится къ ученію de praescriptis verbis. Послѣдній отрывокъ говоритъ о томъ, что никто не можетъ быть принужденъ къ возврату присужденнаго въ его пользу штрафа. Есть еще одинъ фрагментъ [1]), касающійся кражи, помѣченный редакторами, какъ отрывокъ изъ десятой книги ad edictum provinciale Гая. Но такъ какъ о кражѣ говорилось въ XIII книгѣ, какъ увидимъ ниже. и такъ какъ въ томъ титулѣ дигестъ, гдѣ помѣщенъ данный отрывокъ, всѣ остальные фрагменты помѣчены тринадцатой книгой, то мы и позволилъ себѣ перенести этотъ отрывокъ изъ разбираемой книги въ тринадцатую.

Отъ одиннадцатой книги до насъ дошло 15 отрывковъ [2]). Первый говоритъ о томъ, что съумасшествіе есть препятствіе къ обрученію; второй, касающійся уже ученія о бракѣ, говоритъ, что fraternitas, установленная благодаря adoptio, есть препятствіе къ браку до тѣхъ поръ, пока существуетъ адоптивная связь. Къ ученію-же о бракѣ относятся

---

[1]) Дигесты: XLVII, 2, l. 49.

[2]) Дигесты: XXIII, 1, l. 8; 2, l. 17, 53, 55; 3, l. 42; 4, l. 15; 5, l. 4; XXIV, 1, l. 8, 10, 30, 42, 61; 2, l. 2; 3, l. 27; XLI, 1, l. 32.

еще два фрагмента, изъ которыхъ одинъ говоритъ, что не можетъ быть брака между лицами, находящимися въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, все равно дальніе они или близкіе родственники, а второй—что нельзя брать въ жены усыновленную, хотя бы усыновитель и эманципировалъ ее. Къ ученію о приданномъ относятся три фрагмента: запрещается мужу закладывать и отчуждать praedium dotale жены, каковое запрещеніе, установленное по lex Iulia, по мнѣнію Гая, должно распространяться и на жениха; разбирается вопросъ о томъ, сохранность какихъ вещей изъ приданнаго лежитъ на мужѣ, и какихъ—на женѣ; наконецъ, указывается на то, что право на искъ къ мужу со всѣми послѣдствіями переходитъ (по поводу приданнаго) на наслѣдниковъ умершей или разведенной жены. Пять фрагментовъ касаются дареній между мужемъ и женой: о томъ, какъ должна быть возвращена вещь, незаконно подаренная однимъ супругомъ другому; о томъ, когда мужъ даритъ женѣ раба съ тѣмъ, чтобы она отпустила его на волю, но бракъ прекращается до момента манумиссіи; о томъ, что даренія на случай смерти дѣйствительны и между супругами, такъ какъ результаты даренія относятся въ данномъ случаѣ къ тому времени, когда бракъ больше не существуетъ и о томъ, что жена имѣетъ право (по конституціи Антонина) дарить мужу, если этимъ она имѣетъ въ виду доставить ему почетное мѣсто. Одинъ отрывокъ заключаетъ въ себѣ объясненіе понятій: repudium и divortium. Послѣдній отрывокъ заключаетъ въ себѣ указаніе на то, что даже противъ нашей воли мы почти всякими способами пріобрѣтаемъ черезъ рабовъ.

Отъ двѣнадцатой книги до насъ дошло 7 отрывковъ [1]). Всѣ они касаются ученія объ опекѣ. Содержаніе ихъ

---

[1]) Дигесты: XXVI, 1, l. 16; 2, l. 1; 4, l 9; 5, l. 5; 7, l. 13; 8, l. 9; XXVII, 3, l. 14.

слѣдующее: званіе опекуна не наслѣдственно; есть опека, устанавливаемая по завѣщанію; если несовершеннолѣтній имѣетъ нѣсколькихъ агнатовъ, то законную опеку получаетъ ближайшій изъ нихъ; если нѣсколько агнатовъ близки къ несовершеннолѣтнему въ равной степени, то всѣ они равно получаютъ опеку; бываютъ случаи, когда praeses даетъ въ опекуны присутствующимъ или отсутствующимъ малолѣтнимъ присутствующее или отсутствующее лицо; объ обязанностяхъ опекуна; объ авторитетѣ опекуна и объ отношеніяхъ къ нему опекаемаго; о томъ, что опекунъ послѣ совершеннолѣтія опекаемаго устраняется отъ веденія его дѣлъ и, если онъ послѣ этого что-либо сдѣлаетъ во вредъ бывшему опекаемому, то противъ бывшаго опекуна вчиняется искъ изъ negotiorum gestio.

Отъ тринадцатой книги до насъ дошло 11 отрывковъ [1]). Одинъ отрывокъ говоритъ о томъ, что noxalis actio имѣетъ примѣненіе не только по отношенію къ владѣльцу bona fide, но и къ владѣльцу mala fide. Второй отрывокъ указываетъ на то, что преторъ даетъ мнѣ интердиктъ, въ силу котораго легатаріи устраняются отъ владѣнія, пока существуетъ мое обезпеченіе, если они помимо меня введены во владѣніе предметами отказовъ, а мой прокураторъ или кто другой представилъ отъ моего имени обезпеченіе. Третій отрывокъ даетъ объясненіе, кого слѣдуетъ считать откупщиками. Слѣдующіе пять отрывковъ касаются вопроса о кражѣ (между ними одинъ, помѣченный въ дигестахъ десятой книгой): виды кражи, объясненія по поводу каждаго вида; о кражѣ залогодержателемъ совершенной; о тѣхъ случаяхъ, когда не имѣетъ мѣста actio furti. Остальные три фрагмента трактуютъ о порчѣ вещей чужими рабами, объ избіеніи рабами свободнаго человѣка и о томъ, что противъ колопа, срубившаго дерево, можно вчинить искъ изъ аренды.

---

[1]) Дигесты: IX, 4, l. 13; XXXVI, 3, l. 11; XXXIX, 4, l. 13; XLVII, 2, l. 2, 8, 49, 51, 55; 4, l. 2; 7, l. 9; 10, l. 34.

Отъ четырнадцатой книги до насъ дошло 8 отрывковъ [1]). Если опекунъ потребовалъ для опекаемаго, говоритъ первый отрывокъ, bonorum possessio, а это послѣднее оказалось бы для опекаемаго болѣе невыгоднымъ, чѣмъ выгоднымъ, то противъ опекуна предъявляется искъ изъ опеки. Второй отрывокъ говоритъ о томъ, что если подъ властью будетъ удержанъ сынъ эманципированнаго сына, то онъ при жизни дѣда допускается къ bonorum possessio послѣ отца. Третій отрывокъ указываетъ на то, что вполнѣ безразлично, живъ-ли усыновитель или нѣтъ; важно одно: чтобы лицо, получающее bonorum possessio, было въ семьѣ усыновителя. Если двумъ сыновьямъ и двумъ внукамъ достается bonorum possessio отъ 3-го сына и одинъ изъ внуковъ отказывается, то его часть прирастаетъ къ части другого внука. Если-же отказывается одинъ изъ сыновей, то его часть дѣлится между другимъ братомъ и обоими внуками, при чемъ братъ получаетъ одну половину, а внуки другую. Curator ventris, говоритъ слѣдующій отрывокъ, долженъ доставлять alimenta женѣ, хотя бы она и имѣла dos, такъ какъ предполагается, что alimenta идутъ не на жену, а на ребенка, находящагося въ утробѣ матери. Остальные два фрагмента говорятъ объ услугахъ вольноотпущенниковъ по отношенію къ своимъ патронамъ: необходимо такъ распредѣлить время вольноотпущенника, чтобы онъ, оказывая услуги патрону, могъ зарабатывать и себѣ на пропитаніе; вольноотпущенный обязанъ къ услугамъ и дѣтямъ патрона, если только они наслѣдуютъ послѣ отца.

Отъ пятнадцатой книги до насъ дошло 9 отрывковъ [2]); изъ нихъ два касаются вопроса о bonorum possessio: необходимо согласіе опекуна или попечителя на принятіе несовер-

---

[1]) Дигесты: XXXVII, 1, l. 11; 4, l. 7, 9, 12; 7, l. 2; 9, l. 5; XXXVIII, 1, l. 19, 22.

[2]) Дигесты: XXVI, 8, l. 11; XXVIII, 6, l. 22; XXIX, 1, l. 2, 17; XXX, l. 64; XXXVII, 12, l. 2; XXXVIII, 2, l. 5, 7; L, 17, l. 151.

шеннолѣтнимъ или безумнымъ bonorum possessio; тотъ, кто, будучи субститутомъ несовершеннолѣтнему брату, потребуетъ bonorum possessio contra tabulas своего отца, теряетъ свое право изъ субституціи. Два отрывка говорятъ о завѣщаніи солдатъ Одинъ отрывокъ высказываетъ то общее замѣчаніе, что распоряженія послѣдней воли, разсчитанныя на какую-нибудь хитрость (т. е съ цѣлью вопреки закону кому либо что-либо изъ наслѣдства передать) обсуживаются, какъ недѣйствительныя. Parens manumissor, говорится въ одномъ отрывкѣ, хотя и подобенъ во многихъ отношеніяхъ патрону вольноотпущеннаго, но не настолько, конечно, чтобы ему давалась actio Falviana или Calvisiana. Предпослѣднія два отрывка трактуютъ о наслѣдованіи послѣ вольноотпущенниковъ, а послѣдній отрывокъ заключаетъ въ себѣ слѣдующее правило: никто не беретъ того, что ему необходимымъ образомъ прійдется возвратить тому-же лицу обратно.

Отъ шестнадцатой книги до насъ дошло всего два отрывка [1]), изъ которыхъ одинъ говоритъ о томъ, что проконсулъ предоставляетъ кровнымъ родственникамъ наслѣдственное право вопреки jus strictum, а второй высказываетъ общее положеніе: въ составъ familiae входитъ и ея глава.

Отъ семнадцатой книги мы имѣемъ 14 отрывковъ [2]). Изъ нихъ тринадцать касаются вопросовъ о совершеніи завѣщанія: о тѣхъ, которые не имѣютъ права совершать завѣщанія (находящіеся подъ отцовской властью, глухіе, нѣмые, тѣ, которые подверглись изгнанію), о недѣйствительности завѣщанія, совершеннаго въ плѣну; о томъ, что сынъ не можетъ быть обойденъ inter ceteros; о томъ что рабовъ можно точно также назначать наслѣдниками, какъ и свободныхъ, но господа ихъ должны имѣть testamenti factio passi-

---

[1]) Дигесты: XXXVIII, 8, l. 2; L, 16, l. 196.

[2]) Дигесты: VII, 1, l. 56; XXVIII, 1, l. 6, 8; 2, l. 30; 5, l. 31; XXIX, 3, l 1, 3, 7; 4, l. 13, 15, 17, 19; 5, l. 9, 25

va (право быть наслѣдниками или вообще получать что-либо по завѣщанію); о томъ, что преторъ каждому дозволяетъ просмотрѣть и переписать завѣщаніе; о Sc. Silanianum и о Sc. Claudianum. Одинъ отрывокъ разбираетъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли предоставлять городскимъ общинамъ искъ изъ узуфрукта, и рѣшаетъ его въ положительномъ смыслѣ, при чемъ прибавляетъ, что срокъ для такого узуфрукта не долженъ превышать ста лѣтъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ право собственности превратилось бы въ пустое слово.

Отъ восемнадцатой книги мы имѣемъ 13 отрывковъ [1]), изъ которыхъ одинъ говоритъ о томъ, что нельзя назначить наслѣдникомъ собственнаго раба подъ условіемъ: si liber erit, а другой о томъ, что bona fides не допускаетъ, чтобы одно и то-же требовалось дважды. Всѣ-же остальные отрывки посвящены ученію о легатахъ, при чемъ четыре касаются lex Falcidia и случаевъ примѣненія этого закона, два—того вопроса, когда кому либо отказанъ рабъ со всѣми его подручными, а самъ рабъ умеръ или отпущенъ на волю (подручные все-же считаются отказанными вопреки правилу, что за судьбой главной вещи слѣдуетъ и судьба придаточной) и одинъ—того, что всякій, кому оставленъ отказъ подъ условіемъ чего-либо не дѣлать, долженъ представить cautio Muciana тому, къ кому въ случаѣ нарушенія условія перейдетъ имущество.

Отъ девятнадцатой книги мы имѣемъ всего 6 отрывковъ [2]), изъ которыхъ одинъ разсматриваетъ тѣ случаи, когда при damnum infectum между собственникомъ и узуфруктуаріемъ имѣетъ мѣсто cautio, а остальные касаются вопроса о погребеніи кого-либо на чужой землѣ, о различіи между фамильными и наслѣдственными склепами, объ искахъ,

---

[1]) Дигесты: XXVIII, 7, l. 22; XXX, 1, l. 66, 68, 70; XXXIII, 8, l. 2, 4; XXXV, 1, l. 18; 2, l. 73, 77, 79, 81; XXXVI, 3, l. 11; L, 17, l. 87.

[2]) Дигесты: XI, 7, l. 5, 7, 9, 13, 29; XXXIX, 2, l. 20.

вытекающихъ изъ того, что чужой покойникъ погребенъ на моей землѣ и о томъ, что первый мужъ не участвуетъ въ издержкахъ па похороны своей жены, которая, разведшись съ нимъ, умерла, состоя уже во второмъ бракѣ.

Отъ двадцатой книги мы имѣемъ только 1 отрывокъ [1]), который говоритъ о томъ, что нельзя вчинять искъ объ обидѣ противъ того, кто, требуя свободнаго въ рабы, утверждаетъ, что свободный—рабъ.

Отъ двадцать первой книги до насъ дошло 9 отрывковъ [2]). Одинъ изъ нихъ говоритъ о томъ, что кредиторъ не теряетъ права требовать остальное, если продажа заложенной вещи не покрыла всего долга. Другой отрывокъ объясняетъ причины происхожденія института давности, третій говоритъ о томъ, какъ естественнымъ образомъ прекращается владѣніе. Слѣдующіе два отрывка касаются вопроса о насильственной кражѣ вещей и о кражѣ вещей при несчастныхъ случаяхъ; предпослѣдній отрывокъ объясняетъ, что подъ словомъ arma нужно подразумѣвать не только щитъ, шлемъ и мечъ, но и камень, и палку. Послѣдній отрывокъ говоритъ о томъ, что не служитъ въ пользу насильственно похитившаго вещь то обстоятельство, что онъ, не доводя до суда, добровольно возвратилъ ее.

Отъ двадцать второй книги мы имѣемъ 6 отрывковъ [3]). Одинъ изъ нихъ говоритъ: какимъ бы образомъ я не освободилъ твоего procurator'a, все тебѣ служитъ въ пользу. Одинъ отрывокъ разъясняетъ, что кто признается по закону intestabilis, тотъ не можетъ быть свидѣтелемъ, ни самъ принимать свидѣтельства. Одинъ отрывокъ говоритъ о томъ,

---

[1]) Дигесты: XL, 12, l. 26.

[2]) Дигесты: XII, 1, l. 28; XV, 1, l. 20; XXXIX, 4, l. 2, XLI, 3, l. 1, 5; XLVII, 8, l. 5; 9, l. 2, 5; L, 16, l. 41.

[3]) Дигесты: III, 3, l. 50; XXVIII, 1, l. 26; XLVII, 10, l. 12, 19; XLVIII, 15, l. 4; L, 16, l. 44.

что искъ объ обидѣ вчиняется противъ того, кто требуетъ лицо завѣдомо свободное въ рабство и дѣлаетъ это не по причинѣ эвикціи (сравни съ единств. отрывкомъ изъ 20-й книги). Такой же искъ объ обидѣ, говоритъ слѣдующій фрагментъ, вчиняется противъ кредитора, если онъ (т. е кредиторъ) обращается съ требованіемъ объ уплатѣ къ поручителямъ, зная, что самъ должникъ уже приготовился уплатить слѣдуемое. Законъ Фабія, говоритъ предпослѣдній отрывокъ, примѣняется и къ тому, кто сознательно подаритъ, дастъ въ приданное или вымѣняетъ на вещь свободнаго человѣка. Послѣдній отрывокъ объясняетъ, что подъ словомъ victus нужно понимать не только ѣду, но и все то, что необходимо человѣку для поддержанія его существованія

Отъ двадцать третьей книги до насъ дошло 7 отрывковъ [1]). Одинъ изъ нихъ говоритъ о томъ, что если въ наслѣдствѣ оказываются вино, масло, хлѣбъ и проч., то необходимыя издержки должны быть удовлетворены изъ этого источника; если-же такихъ предметовъ не оказывается, то для удовлетворенія необходимыхъ издержекъ слѣдуетъ обратиться съ требованіями къ кредиторамъ; если-же и таковыхъ нѣтъ, то должны быть проданы лишнія вещи. Другой отрывокъ говоритъ о томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ проконсулъ даетъ возможность необходимымъ наслѣдникамъ воздержаться отъ принятія наслѣдства. Четыре слѣдующіе отрывка говорятъ о мѣстѣ публичной продажи имущества (продажа должна происходить въ мѣстѣ жительства отвѣтчика или мѣстѣ заключенія сдѣлки), о наслѣдственныхъ долгахъ (къ нимъ относятся и такіе долги, по которымъ почему-либо нельзя было вчинить иска противъ умершаго, напр., если онъ обѣщалъ кому-либо что-нибудь оставить послѣ смерти) и наконецъ о

---

[1]) Дигесты: XXVIII, 8, l. 6; XXIX, 2, l. 57; XLII, 5, l. 1, 3, 7, 13; L, 16, l. 51.

о томъ, что имущество должника, хотя бы оно и не находилось во владѣніи кредитора, получившаго вводъ во владѣніе, считается какъ если-бы оно находилось во владѣніи. Послѣдній отрывокъ объясняетъ понятіе „parens“.

Отъ двадцать четвертой книги до насъ дошли 4 отрывка [1]), изъ которыхъ два разсматриваютъ тѣ случаи, когда при публичной продажѣ имуществъ сталкиваются требованія лицъ постороннихъ, кредиторовъ и родственниковъ (вторые и третьи имѣютъ преимущество передъ первыми; вторые передъ третьими, а изъ кредиторовъ тѣ, которымъ слѣдуетъ бо́льшая сумма). Одинъ отрывокъ говоритъ, что вольноотпущенниковъ нашего отца мы правильно называемъ своими, а вольноотпущенниковъ нашихъ дѣтей „своими“ мы называемъ неправильно. Послѣдній отрывокъ указываетъ на то, что „частное входитъ въ общее“.

Отъ двадцать пятой книги мы имѣемъ всего 3 отрывка [2]), изъ которыхъ одинъ говоритъ о томъ, что, по общему правилу, мы владѣемъ тогда, когда отъ нашего имени владѣетъ нашъ прокураторъ, другъ или гость. Второй отрывокъ объясняетъ терминъ: суперфиціарныя постройки, а третій приводитъ примѣры прекарнаго владѣнія.

Отъ двадцать шестой книги мы имѣемъ 6 отрывковъ [3]). Изъ нихъ одинъ говоритъ о томъ, что на вещь похищенную мы такъ-же теряемъ владѣніе, какъ и на вещь потерянную. Второй отрывокъ объясняетъ, что тотъ, кто выбрасываетъ свою вещь, дабы ею завладѣло постороннее лицо, считается поступающимъ in fraudem creditorum. Слѣдующіе два отрывка касаются ученія о прекаріумѣ. Предпослѣдній отрывокъ разъясняетъ, что по закону XII таблицъ

---

[1]) Дигесты: XLII, 5, l. 16, 21; L, 16, l. 58; 17, l. 147.

[2]) Дигесты: XLI, 2, l. 9; XLIII, 18, l. 2; 26, l. 3.

[3]) Дигесты: XLI, 2, l. 15; XLII, 8, l. 5; XLIII, 26, l. 9; 32, l. 2; L, 16, l. 62; 17, l. 158.

подъ словомъ tignus подразумѣвался всякій строительный матеріалъ. Послѣдній отрывокъ говоритъ о томъ, что кредиторъ, допустившій вещь къ продажѣ, теряетъ свое право по залогу.

Отъ двадцать седьмой книги до насъ дошло 4 отрывка [1]). Изъ нихъ одинъ говоритъ о томъ, что противъ тебя будетъ вчиненъ искъ о зломъ умыслѣ, если ты подашь на Тиція искъ о вещи, которой ты не владѣлъ, съ тою цѣлію, чтобы другой пріобрѣлъ ее въ собственность по давности. Одинъ фрагментъ говоритъ о способѣ установленія наслѣдникомъ обезпеченія по поводу выдачи легата, когда на него двое предъявили требованіе. Изъ остальныхъ двухъ одинъ приводитъ случай, когда стипуляція, совершенная черезъ прокуратора теряетъ свою силу, а другой указываетъ на то, что рабъ можетъ стипулировать за несовершеннолѣтняго тогда только, когда этотъ послѣдній отсутствуетъ или не умѣетъ еще говорить.

Отъ двадцать восьмой книги мы имѣемъ 5 отрывковъ [2]). Одинъ изъ нихъ говоритъ о томъ, что собственность на купленныя вещи переходитъ на покупателя, все равно уплатитъ-ли онъ цѣну вещей или представитъ поручителей. Второй отрывокъ разбираетъ случай продажи наслѣдникомъ раба, отпущеннаго по завѣщанію на волю подъ условіемъ внести ему извѣстную сумму. Три остальные отрывка относятся къ ученію о damnum infectum: опредѣляется понятіе и разбирается тотъ случай, когда я вмѣсто требованія обезпеченія долженъ самъ истратиться на ремонтъ сосѣдняго дома, грозящаго паденіемъ. Это именно бываетъ тогда, когда по сосѣдству съ моимъ домомъ находится домъ, принадлежащій мнѣ и третьему лицу. Конечно, послѣ того, какъ я ремонтировалъ домъ, я имѣю право половину издержекъ требовать съ собственника.

---

[1]) Дигесты: IV, 3, l. 39; XXXVI, 3, l. 16; XLVI, 6, l. 6; 7, l. 7.
[2]) Дигесты: XVIII, 1, l. 53; XXI, 2, l. 54; XXXIX, 2, l. 2, 29, 32.

Отъ двадцать девятой книги до насъ дошло 2 отрывка [1]), изъ которыхъ одинъ говоритъ о томъ, что fructus pendentes должны считаться частью земельнаго участка, а другой касается вопроса о судебныхъ обезпеченіяхъ.

Отъ тридцатой книги мы имѣемъ всего 4 отрывка [2]). Изъ нихъ одинъ приводитъ тѣ случаи, когда послѣ принятія присяги можно снова начать дѣло. Два другихъ отрывка приводятъ случаи примѣненія exceptionis rei judicatae, а послѣдній отрывокъ—случаи примѣненія exceptionis doli mali.

Какъ мы видимъ изъ краткаго изложенія содержанія данныхъ отрывковъ, только содержаніе нѣсколькихъ книгъ можетъ быть возстановлено болѣе или менѣе точно; большинство книгъ можетъ быть возстановлено приблизительно, а остальныя и вовсе не могутъ быть возстановлены. Къ первымъ принадлежатъ: книга 1-я, въ которой излагаются общія положенія о процессѣ; книга 6-я—объ actiones noxales; книга 7-я—о владѣніи, узуфруктѣ, узусѣ и сервитутахъ; книга 9-я—обязательства, реальные и вербальные контракты; книга 10-я—консенсуальные контракты; книга 11-я—семейственное право: бракъ, приданное, даренія между мужемъ и женой, разводъ; книга 12—опека и попечительство; книги 16 и 17-я—наслѣдство по завѣщанію; книга 18-я—отказы. Третья книга, по всей вѣроятности, была занята разборомъ ученія о дѣятельности черезъ представителя; четвертая книга, по всей вѣроятности, трактовала о средствахъ судебной защиты; тринадцатая—о деликтахъ; 15 и 16—о bonorum possessio. Что-же касается остальныхъ книгъ, то, хотя и можно догадываться объ ихъ содержаніи, но въ виду того, что не всегда, какъ справедливо замѣчаетъ Муромцевъ [3]), тотъ или другой фрагментъ соотвѣтствуетъ содержанію того отдѣла, откуда онъ почерпнутъ,

---

[1]) Дигесты: II, 11, l. 8; VI, 1, l. 44.
[2]) Дигесты: XII, 2, l. 31; XLIV, 2, l. 15, 17; 4, l. 6.
[3]) Муромцевъ, ц. с. p. 485.

кажется будетъ лучше оставить вопросъ открытымъ и не строить на основаніи двухъ-трехъ весьма шаткихъ данныхъ спорную гипотезу Поэтому мы и не приводимъ здѣсь ни предположеній Рудорффа [1]), ни даже предположеній Моммсена [2]), хотя замѣтимъ кстати, послѣдній значительно болѣе придерживается реальной почвы, чѣмъ Рудорффъ.

II. Libri II ad edictum aedilium curulium. По мнѣнію, нѣкоторыхъ это сочиненіе Гая имѣетъ самостоятельное значеніе, по мнѣнію-же другихъ (см. пр. 2 къ § 6 д. раб.) оно есть не что иное, какъ 31 и 32 книга комментарія ad edictum provinciale. Но какъ бы тамъ не было, во всякомъ случаѣ, данная работа Гая представляетъ изъ себя комментарій къ эдикту курульнаго эдила и по содержанію своему очень близко подходитъ къ современному торговому праву, къ той части его, гдѣ говорится о разныхъ коммерческихъ сдѣлкахъ и проч. Она состояла изъ двухъ книгъ; отъ нихъ мы имѣемъ 11 отрывковъ. Отъ первой книги до насъ дошло девять отрывковъ [3]), отъ второй — 2 отрывка [4]). Всѣ они трактуютъ о куплѣ-продажѣ, о тѣхъ особенностяхъ, которыя придавались данной сдѣлкѣ эдиктомъ курульныхъ эдиловъ. Сюда входятъ вопросы о правѣ покупщика требовать назадъ свои деньги, если въ купленной вещи оказались недостатки, скрытые продавцемъ, объ actio redhibitoria, о продажѣ рабовъ при наличности недостатковъ въ нихъ и прочее.

III. Commentarium ad edictum urbicum. Отъ этого сочиненія мы имѣемъ 46 отрывковъ. Сколько было книгъ, каково было содержаніе этихъ книгъ, въ какомъ отношеніи данное сочиненіе находилось къ комментарію ad

---

[1]) Rudorff, Ueber die Iulianische Edictsredaction, Zeit. f. Rechtsgeschichte, III, p. 1—90.

[2]) Моммсенъ, Ueber den Inhalt des Rubrischen Gesetzes, B. und Mutter's Jahrbuch, II, p. 323—328.

[3]) Дигесты: XXI, 1, l. 3, 13, 18, 20, 22, 24, 26, 28, 45.

[4]) Дигесты: XXI, 1, l. 32; 2, l. 57.

edictum provinciale—все это вопросы весьма спорные. Различныя мнѣнія и гипотезы по этому поводу были уже приведены выше, такъ что теперь мы ограничимся только краткимъ пересказомъ дошедшихъ до насъ отрывковъ.

Изъ главы de damno infecto мы имѣемъ 3 отрывка [1]), изъ которыхъ одинъ говоритъ объ actio noxalis, а два другіе содержатъ въ себѣ отдѣльныя слова, смыслъ которыхъ можно возстановить только по сличеніи съ цѣлымъ рядомъ предшествующихъ фрагментовъ. Тогда дѣлается очевиднымъ, что рѣчь идетъ о нанесеніи кому-либо ущерба и о послѣдствіяхъ такого факта.

Изъ главы de liberali causa мы имѣемъ 11 отрывковъ [2]), изъ которыхъ одинъ (D. l. 30, XXXVIII, 2) помѣченъ еще: libro secundo ad edictum praetoris urbani. Изъ этихъ отрывковъ одинъ говоритъ о томъ, что если кто-либо утверждаетъ, что свободный человѣкъ находится въ чьемъ-либо владѣніи, то противъ владѣльца можетъ быть данъ интердиктъ объ изъятіи изъ владѣнія. Искъ здѣсь безполезенъ, такъ какъ искъ обыкновенно дается тому, кто имѣетъ денежный интересъ. Второй отрывокъ говоритъ о томъ, что тотъ не теряетъ права на bonorum possessio, кто, желая вознаградить себя за понесенный ущербъ, назадъ въ рабство возвращаетъ вольноотпущенника своего отца. Восемь отрывковъ касаются вопроса о томъ, когда свободный человѣкъ незаконно попадаетъ въ рабское состояніе и о томъ, кто и какимъ образомъ можетъ и долженъ протестовать противъ этого. Послѣдній отрывокъ говоритъ о томъ, что если грабитель выгонитъ собственника и фруктуарія съ земельнаго участка и фруктуарій, вслѣдствіе того, что долгое время не эксплуатировалъ своего участка, потеряетъ имѣвшееся у него

---

[1]) Дигесты: IX, 4, l. 30; XXXIX, 2, l. 8, 19.

[2]) Дигесты: X, 4, l. 13; XXXVIII, 2, l. 30; XL, 12, l. 2, 4, 6, 9, 11, 13, 25; 16, l. 1; XLIII, 16, l. 10.

право, то, очевидно, usus остается за собственникомъ, а фруктуарій можетъ искать съ грабителя.

Изъ главы de publicanis мы имѣемъ всего два отрывка [1]), изъ которыхъ одинъ говоритъ, что древніе юристы безразлично употребляли термины emptio и venditio, а другой говоритъ объ искахъ откупщиковъ.

Изъ главы de praediatoribus мы имѣемъ всего одинъ отрывокъ [2]), который объясняетъ, что вещи, выданныя вмѣсто денегъ, входившихъ въ составъ приданнаго, также принадлежатъ къ приданному.

Изъ главы de re judicata мы имѣемъ два отрывка [3]), изъ которыхъ одинъ указываетъ на то, что инфамирующіе иски in honorem matrimonii должны быть запрещены между супругами, а другой касается самаго вопроса о res judicata.

Изъ двухъ книгъ о завѣщаніяхъ мы имѣемъ семь отрывковъ, изъ которыхъ 2—изъ первой книги [4]) и 5—изъ второй [5]). Первый отрывокъ первой книги указываетъ на то, что назначеніе наслѣдника въ формѣ: quod Titius voluerit недѣйствительно, такъ какъ даетъ просторъ произволу лица. Второй отрывокъ говоритъ о томъ, что всѣ условія, помѣщенныя въ завѣщаніи должны толковаться secundum scripti rationem. Что-же касается второй книги, то первый отрывокъ изъ нея говоритъ о томъ, что если въ завѣщаніи сказано: Titius ex parte dimidia heres esto: idem Titius ex altera parte dimidia, si navis ex Asia venerit, heres esto, то Тицій долженъ вступить во все наслѣдство, хотя бы корабль изъ Азіи и не пришелъ, такъ какъ никто не сомнѣвается, что если я кого либо назначаю наслѣдникомъ въ половинѣ и никого другого въ другой половинѣ наслѣдникомъ не на-

---

[1]) Дигесты: XIX, 1, l. 19; XXXIX, 4, l. 5.
[2]) Дигесты: XXIII, 3, l. 54.
[3]) Дигесты: XXV, 2, l. 2; XLII, 1, l. 7.
[4]) Дигесты: XXVIII, 5, l. 32; XXXV, 1, l. 16.
[5]) Дигесты: XXVIII, 5, l. 33; XXIX, 4, l. 14, 16, 18; L, 17 l. 55.

значаю, то этимъ я назначаю перваго наслѣдникомъ ex asse. Три отрывка говорятъ о назначеніи наслѣдниковъ въ части, а одинъ говоритъ, что никто не можетъ считаться дѣлающимъ обманно, если онъ только пользуется своимъ правомъ.

Изъ трехъ книгъ объ отказахъ мы имѣемъ 16 отрывковъ; изъ нихъ два [1]) изъ первой книги, 5—изъ второй [2]) и 9 изъ третьей [3]). Изъ нихъ четыре разсматриваютъ различныя формулы отказовъ; одинъ опредѣляетъ срокъ для узуфрукта, находящагося въ рукахъ общины (100 лѣтъ) (см. выше: 17 книга ad ed. prov.); одинъ говоритъ о томъ, когда предметомъ отказа является узуфруктъ; одинъ—объ условныхъ отказахъ, пять—о примѣненіи lex Falcidia; одинъ опредѣляетъ объемъ понятія donatio; одинъ говоритъ объ отношеніяхъ легатарія и наслѣдниковъ между собой, когда предметомъ отказа служитъ рабъ и, наконецъ, послѣдній отрывокъ указываетъ на то, что всегда при сомнѣніи должно рѣшать въ пользу болѣе мягкаго и милостиваго (постановленія, условія, закона и т. п.).

Изъ главы de operis novi nuntiatione до насъ дошелъ только одинъ отрывокъ [4]), который говоритъ о томъ, что кредитору, имѣющему въ залогѣ praedium, должно быть предоставлено право возражать противъ установленія каждаго новаго сервитута.

Изъ главы de aquae pluviae arcendae до насъ дошелъ только одинъ отрывокъ [5]), который говоритъ слѣдующее: sed venditor aut donator interdicto quod vi aut clam de damno et impensis ab actore factis tenebitur.

---

[1]) Дигесты: XXX, l. 65, 67.

[2]) Дигесты: XXX, l. 69; XXXIII, 4, l. 15; XXXIV, 4, l. 5; XXXV, 1, l. 17; XL, 9, l. 3.

[3]) Дигесты: XXX, l. 73; XXXIII, 2, l. 8; XXXV, 2, l. 72, 74, 76, 78, 80; XXXIX, 5, l. 11; L, 17, l 56.

[4]) Дигесты: XXXIX, 1, l. 9.

[5]) Дигесты: XXXIX, 3, l. 13.

Изъ главы qui neque sequantur, neque ducantur мы также имѣемъ только одинъ отрывокъ [1]), который говоритъ, что не слѣдуетъ называть solutus того, кто хотя и освобожденъ отъ оковъ, но сидитъ въ государственной темницѣ.

Кромѣ этихъ отрывковъ мы имѣемъ еще одинъ, помѣченный просто libro ad edictum praetoris urbani [2]), который говоритъ, что не вполнѣ имѣетъ тотъ, кто имѣетъ случайно и еще одинъ отрывокъ, помѣченный libro secundo ad edictum urbicum [3]), который дастъ намъ слѣдующую формулу для перенесенія легата съ одного лица на другое: quod Titio legavi, id Seio do, lego.

§ 10.

I. Libri III de verborum obligationibus. Отъ этого сочиненія, представляющаго изъ себя монографію по вопросу о вербальныхъ контрактахъ, мы имѣемъ всего 12 отрывковъ: 3 изъ первой книги [4]), 3 изъ второй [5]) и 6 изъ третьей [6]). A. Первая книга. Первый отрывокъ говоритъ о томъ, для чего часто ссужаются деньги (ut dius gratia numerationis loco intercedant). Второй отрывокъ обрисовываетъ положеніе поручителей при условныхъ стипуляціяхъ и указываетъ на тѣ случаи, когда поручительство вовсе не имѣетъ мѣста. Наконецъ, послѣдній отрывокъ говоритъ, что выраженіе (употребленное при стипуляціи): quae sunt plures aureorum triginta служитъ какъ для обозначенія цѣны, такъ и для обозначенія количества. B. Вторая книга. Первый отрывокъ говоритъ о такихъ стипуляціяхъ, при которыхъ вы-

---

[1]) Дигесты: L, 16, l. 48.
[2]) Дигесты: L, 17, l. 139.
[3]) Дигесты: XXXIV, 4, l. 5.
[4]) Дигесты: XIII, 6, l. 4; XLVI, 1, l. 70; L, 16, l. 232.
[5]) Дигесты: XLV, 1, l. 141; 2, l. 15; XLVI, 3, l. 106.
[6]) Дигесты: III, 5, l. 38; XLV, 2, l. 16; 3, l. 28; XLVI, 1, l. 72; 2, l. 34; 4, l. 22.

боръ лица или вещи зависитъ отъ воли того или другого изъ участниковъ, а также о такихъ стипуляціяхъ, въ которыхъ устанавливаются различные сроки для различныхъ лицъ, о стипуляціяхъ условныхъ и о стипуляціяхъ между отсутствующими. Второй отрывокъ говоритъ о такихъ альтернативныхъ стипуляціяхъ, при которыхъ часть стипулируемаго тѣсно связана съ личностью одного изъ тѣхъ, кому что-либо обѣщается. Наконецъ, послѣдній отрывокъ говоритъ о платежахъ по вербальнымъ договорамъ. C. Третья книга. Первый отрывокъ указываетъ на то, что безъ дозволенія кредитора нельзя ни съ кого требовать уплаты, но безъ дозволенія должника и даже противъ его воли можно за него платить кредитору. Второй и третій отрывки разсматриваютъ тѣ случаи, когда рабъ, находящійся въ общей собственности, стипулируетъ что-либо или изъ общаго имущества, или изъ имущества одного изъ господъ, а также вопросъ о томъ, можетъ ли рабъ, входящій въ составъ наслѣдства, стипулировать будущему наслѣднику. Четвертый отрывокъ говоритъ о томъ случаѣ, когда я пожизненнаго поручителя подъ условіемъ освобождаю отъ обязательства посредствомъ акцептиляціи и поручитель умираетъ conditione pendente Пятый отрывокъ говоритъ о томъ, что подвластный сынъ, рабъ (имѣющ. въ управленіи peculium) и кураторъ сумасшедшаго только въ томъ случаѣ могутъ совершать новацію, если новая сдѣлка служитъ въ пользу, а не во вредъ. Шестой отрывокъ заключаетъ въ себѣ слѣдующее положеніе: Servus nec iussu domini acceptum facere potest.

II. Libri VI ad legem XII tabularum. Отъ этого сочиненія Гая, представлявшаго изъ себя комментарій къ законамъ 12 таблицъ, мы имѣемъ всего 20 отрывковъ: 8 изъ первой книги [1]); 1 изъ второй [2]); 3 изъ третьей [3]); 4 изъ чет-

[1]) Дигесты: I, 2, l. 1; II, 4, l. 18, 20, 22; 11, l. 6; XLVII, 7, l. 2, 4; L, 16, l. 233.
[2]) Дигесты: L, 16, l. 234.
[3]) Дигесты: II, 14, l. 48; XLVIII, 5, l. 44; L, 16, l. 235.

вертой [1]); 1 изъ пятой [2]) и 3 изъ шестой [3]).

Какъ извѣстно, всѣ эти отрывки послужили главнѣйшимъ вспомогательнымъ средствомъ для приведенія въ порядокъ фрагментовъ XII таблицъ, разсѣянныхъ въ сочиненіяхъ различныхъ древнихъ авторовъ. Извѣстно также, что Яковъ Готофредъ пытался въ своихъ работахъ доказать, что каждая изъ шести книгъ Гая служитъ комментаріемъ къ двумъ таблицамъ. Насколько это вѣрно, мы, конечно, здѣсь разбирать не будемъ. Мы только воспользуемся этимъ предположеніемъ для своихъ цѣлей и будемъ сопоставлять, гдѣ возможно, отрывки изъ комментарія Гая съ тѣмъ или другимъ фрагментомъ таблицъ [4]).

Первый отрывокъ первой книги содержитъ въ себѣ, по всей вѣроятности, введеніе въ комментарій, такъ какъ Гай говоритъ о пользѣ введенія вообще и о томъ, что прежде чѣмъ комментировать древнее законодательство, необходимо напомнить объ основаніи города Рима. Второй отрывокъ говоритъ о томъ, что вырубившій дерево подобенъ уличному грабителю, а третій о томъ, что если дерево такъ тонко, что оно болѣе похоже на кустъ, чѣмъ на дерево, то его нельзя причислять къ деревьямъ. Вопреки предположенію Готофреда, мы думаемъ, что данные два отрывка являлись толкованіемъ не къ первой или второй таблицѣ (въ томъ видѣ, конечно, въ которомъ онѣ до насъ дошли), а къ таблицѣ 7-й, къ фрагменту девятому (de arboribus circumcidendis). Слѣдующіе 4 отрывка говорятъ о приводѣ въ судъ (о приводѣ въ судъ даже изъ дома, о приводѣ въ судъ изъ театра, бани и изъ виноградниковъ и о томъ, что нельзя приводить въ судъ несо-

---

[1]) Дигесты: X, 1, l. 13; XLVII, 9, l. 9; 22, l. 4; L, 16, l. 236.

[2]) Дигесты: L, 16, l. 237.

[3]) Дигесты: XXII, 1, l. 19; XLIV, 6, l. 3; L, 16, l. 238.

[4]) Редакція фрагментовъ законовъ XII таблицъ заимствована изъ Исторіи римскаго права Пухты, стр. 232—260.

вершеннолѣтнюю дѣвушку, находящуюся подъ чьей либо властью) и объ освобожденіи отъ суда въ тѣхъ случаяхъ, когда по дорогѣ между приводящимъ и приводимымъ состоится соглашеніе или когда приведенный выставитъ за себя защитника. Очевидно, что всѣ эти отрывки комментировали 1-ый фрагментъ первой таблицы: si in ius vocat, ut it, antestator: igitur em capito. Наконецъ, послѣдній отрывокъ объясняетъ происхожденіе слова calumniator и значеніе слова telum. По всей вѣроятности, этотъ отрывокъ комментировалъ fr. 2, t. I., гдѣ сказано: Si calvitur pedemve struit, manum endo iacito. Отъ второй книги мы имѣемъ одинъ отрывокъ, который объясняетъ термины: hostes, locuples и vivere. По всей вѣроятности, этотъ отрывокъ касался fr. 4, t. III, гдѣ сказано: Si volet, suo vivito, ni suo vivit qui em vinctum habebit libras farris endo dies dato; si volet, plus dato и fr. 7, t. III, гдѣ сказано: adversus hostem aeterna auctoritas. Отъ третьей книги мы имѣемъ три отрывка, изъ которыхъ одинъ говоритъ о томъ, что если не было послано разводнаго письма, то женщина считается замужней, хотя тотъ, кто возьметъ ее въ жены не будетъ разсматриваться какъ прелюбодѣй. Очевидно, это есть комментарій на 4 fr. t. VI: de trinoctio usurpandi causa (Готофредъ). Другой отрывокъ объясняетъ, что fabri tignarii—не только тѣ, кто накладываютъ стропила, но и всѣ, которыя строятъ. Срав. fr. 7 tab. VI: Tignum iunctum aedibus vineaeque et concapet ne solvito. Послѣдній отрывокъ говоритъ о томъ, что какое условіе заключено при передачѣ вещей, то, очевидно, и дѣйствительно. Отъ четвертой книги мы имѣемъ 4 отрывка, изъ которыхъ одинъ опредѣляетъ ширину границъ и есть комментарій на fr. 2, t. VII, гдѣ говорится de finium ratione ad exemplum legis Soloniae instituta; второй отрывокъ говоритъ о поджигателяхъ домовъ и въ особенности житницъ—срав. fr. 10, tab. VIII: de eo qui aedes acervumve frumenti combusserit. Тре-

тій отрывокъ опредѣляетъ понятіе sodales (братства), которое, по мнѣнію Гая, вошло въ 12 таблицъ подъ вліяніемъ законовъ Солона; ср 27 fr. tab. VIII: ut sodalibus legem sibi ferre liceat. Послѣдній отрывокъ говоритъ о вредныхъ и полезныхъ кореньяхъ—ср fr. 25 tab. VIII: qni malum carmen incantasset—malum venenum—и опредѣляетъ значеніе слова glans (всякій плодъ)—ср. fr. 10 t. VII: de glande legenda. Отъ пятой книги мы имѣемъ одинъ отрывокъ, который говоритъ, что двумя отрицательными словами законъ болѣе позволяетъ, чѣмъ запрещаетъ. Такъ какъ въ соотвѣствующей таблицѣ (IX) почти всѣ имѣющіеся фрагменты построены съ двумя отрицаніями, то, весьма вѣроятно, что этимъ отрывкомъ пятая книга ad leg. XII tabul. начиналась Впрочемъ, возможно, что данный отрывокъ относится только къ 1 fr. tab. IX: privilegia ne inroganto. Изъ трехъ отрывковъ отъ шестой книги одинъ отрывокъ перечисляетъ случаи, когда отвѣтчикъ владѣлецъ присуждается и къ возврату плодовъ—ср. fr. 3, tab. XII: si vindiciam falsam tulit si velitis.... tor arbitros tres dato; eorum arbitrio.... fructus duplione damnum decidito. Второй отрывокъ говоритъ о томъ, что запрещается спорную вещь дарить божеству—ср. fr. 4, tab. XII: ne res litigiosa in sacrum dedicetur. Послѣдній отрывокъ опредѣляетъ значеніе терминовъ: plebs, pignus—ср fr. 1, tab. XII: de pignoris capione—и noxa—ср. fr. 2, tab. XII: si servus furtum faxit noxiamve nocuit, noxae dedendum esse.

III. Libri XV ad legem Iuliam et Papiam. Отъ даннаго сочиненія Гая, представлявшаго изъ себя комментарій на законы Юлія отъ 757 г. отъ о. Р. и Папія Поппеи отъ 762 г., сохранилось, благодаря дигестамъ, 27 отрывковъ.

Отъ первой книги этого комментарія мы имѣемъ два отрывка [1]), изъ которыхъ одинъ говоритъ о такихъ необходи-

[1]) Дигесты: XXIII, 1, l. 17; XLVIII, 19, l. 29.

мыхъ и законныхъ обстоятельствахъ, которыя отодвигаютъ обрученіе на годъ, на два, на три и т. д., какъ напримѣръ: болѣзнь кого либо изъ обручающихся, смерть родителей, банкротство и проч. Второй отрывокъ говоритъ о судьбѣ присужденныхъ къ смерти, о томъ, что они могутъ быть до казни отданы на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, что они во всякомъ случаѣ теряютъ свободу и гражданскія права и проч. Отъ второй книги мы имѣемъ всего 1 отрывокъ [1]), который указываетъ, что бракъ для вида—не бракъ. Отъ третьей книги намъ извѣстны два отрывка [2]). Изъ нихъ одинъ говоритъ слѣдующее: если наслѣдникъ, назначенный въ завѣщаніи, такъ субституированъ по отношенію къ кому нибудь, что, если тотъ, къ кому онъ субституированъ, не будетъ наслѣдникомъ, то каждый, который былъ бы наслѣдникомъ, долженъ будетъ быть наслѣдникомъ и части отпавшаго наслѣдника, то предполагается, что каждый изъ наслѣдниковъ призванъ къ части этого наслѣдника, при чемъ безразлично, получитъ-ли кто нибудь по праву наслѣдника или по закону Паппія бо́льшую часть, чѣмъ другой. Второй отрывокъ разбираетъ значеніе при легатахъ слѣдующихъ условій для супруги: si Titio non nubserit; si neque Titio, neque Seio, neque Maevio nubserit и, наконецъ, si Titio nubserit. При этомъ имѣется въ виду также и тотъ случай, что Тицій можетъ оказаться неспособнымъ къ супружеской жизни. Отъ четвертой книги мы имѣемъ только одинъ отрывокъ [3]), который говоритъ, что въ законѣ, гдѣ сказано, что зять и тесть не могутъ быть противъ воли заставлены свидѣтельствовать другъ противъ друга, подъ тестемъ нужно понимать и отца невѣсты, а подъ зятемъ и жениха. Отъ пятой книги мы имѣемъ два отрывка [4]); изъ нихъ одинъ указываетъ на сходство annuus lega-

---

[1]) Дигесты: XXIII, 2, l. 30.
[2]) Дигесты: XXVIII, 6, l. 5; XXXV, 1, l. 63.
[3]) Дигесты: XXII, 5, l. 5.
[4]) Дигесты: XXXIII, 1, l. 8; XXXIV, 5, l. 23.

tus съ узуфруктомъ, а другой говоритъ о томъ, что если мать и несовершеннолѣтній сынъ вмѣстѣ погибли при кораблекрушеніи, то считается что сынъ погибъ раньше матери. Отъ шестой книги мы имѣемъ одинъ отрывокъ [1]), который указываетъ, что городами Италійскаго права были: Троя, Бейрутъ и Диррахіумъ. Отъ седьмой книги мы не имѣемъ ни одного отрывка. Отъ восьмой книги до насъ дошли три отрывка [2]), изъ которыхъ одинъ разсматриваетъ вопросъ о томъ, можно-ли брать въ жены вольноотпущенницу, прежде находившуюся въ общей собственности. Другой отрывокъ указываетъ на то, что человѣкомъ „безъ дѣтей“ нужно считать только такого, который совсѣмъ не имѣетъ дѣтей, а не такого, у котораго только одинъ сынъ или одна дочь. Послѣдній отрывокъ касается того случая при bonorum possessio, когда одинъ изъ получающихъ теряетъ свое право или отказывается отъ него (jus adcrescendi). Отъ девятой книги мы имѣемъ только одинъ отрывокъ [3]), который говоритъ о стипуляціи въ формѣ: „quanto minus a Titio consecutus fuero, tantum dare spondes“? Отъ десятой книги мы имѣемъ три отрывка [4]). изъ которыхъ одинъ говоритъ о томъ, что о такомъ человѣкѣ, о которомъ мы не можемъ сказать, что онъ бездѣтенъ, мы должны сказать, что у него есть дѣти, а второй и третій указываютъ на то, что подъ словомъ „человѣкъ“ слѣдуетъ понимать не только мужчинъ, но и женщинъ. Отъ одиннадцатой книги мы имѣемъ два отрывка [5]), изъ которыхъ одинъ говоритъ, что завѣщаніе подвластнаго находится въ такомъ-же отношеніи къ завѣщанію главы, какъ кодицилль къ завѣщанію, а другой указываетъ на то, что отказы и отпущенія на волю сохраняютъ свою силу даже и

---

[1]) Дигесты: L, 15, l. 7.
[2]) Дигесты: XXIII, 2, l. 46; XXXVII, 1, l. 4; L, 16, l. 148.
[3]) Дигесты: L, 16, l. 150.
[4]) Дигесты: XXXVIII, 16, l. 13; L, 16, l. 149, 152.
[5]) Дигесты: XXIX, 3, l. 11; XLIX, 14, l. 14.

тогда, когда фискъ дѣлается наслѣдникомъ ex asse (въ полномъ объемѣ, универсально) по Sc. Silanianum. Отъ двѣнадцатой книги мы имѣемъ три отрывка [1]). Одинъ изъ нихъ указываетъ на то, что если мы субституируемъ кого-нибудь къ назначенному подъ условіемъ, но условія не повторяемъ, то считается, что мы субституировали безусловно. Другой отрывокъ разбираетъ два случая легата. Послѣдній отрывокъ говоритъ: cum qui venierit venditor et promissor quem promiserit manumittere possunt. Отъ тринадцатой книги мы имѣемъ три отрывка [2]). Первый отрывокъ говоритъ о легатѣ въ формѣ: do lego Titio, si voluerit. Второй отрывокъ говоритъ: in suis heredibus aditio non est necessaria, quia statim ipso iure heredes existunt. Послѣдній отрывокъ разбираетъ тотъ случай, когда рабу назначенъ отказъ подъ условіемъ сдать счеты. Отъ четырнадцатой книги мы имѣемъ также три отрывка [3]). Первый говоритъ о наслѣдованіи въ части, а два другіе—объ отказахъ принцепсу и о томъ, что легатарій получаетъ всю вещь, хотя бы просилъ только о части. Отъ пятнадцатой книги мы имѣемъ одинъ отрывокъ [4]), который говоритъ о томъ, что всякая выдача лицу, не имѣющему test. factio pass., считается сдѣланной въ обходъ закона.

§ 11.

Изо всѣхъ названныхъ нами сочиненій Гая самымъ для насъ важнымъ безспорно являются его Institutionum commentarii или libri quattuor, которые, благодаря счастливой случайности, дошли до насъ почти цѣликомъ. Этотъ трудъ, остав-

---

[1]) Дигесты: XXVIII, 5, l. 74; XXXI, l. 55; XL, 1, l. 18.
[2]) Дигесты: XXXV, 1, l. 69; XXXVIII, 16, l. 14; XL, 7, l. 31.
[3]) Дигесты: XXIX, 2, l. 53; XXXI, l. 56, 58.
[4]) Дигесты: XXXIV, 9, l. 10.

шійся единственнымъ представителемъ самой цвѣтущей эпохи классической юриспруденціи, „освѣтилъ своимъ свѣтомъ, какъ говоритъ Дернбургъ [1]), тотъ туманъ, который до него окутывалъ исторію римскаго права“. Не говоря уже о достоинствахъ труда самого по себѣ, это сочиненіе Гая имѣетъ для насъ еще особенное значеніе. Безъ этого сочиненія мы не имѣли бы никакого понятія о многихъ сторонахъ классическаго права, и самая интересная эпоха въ исторіи римскаго права, эпоха, когда сквозь желѣзное кольцо строгаго права постепенно стали пробиваться новые, прежде невѣданные элементы, потребовавшіе для себя признанія и права на существованія, эта эпоха была бы для насъ въ смыслѣ научнаго значенія и пониманія потеряна на всегда. Если и преувеличены слова Гушке [2]), что „никогда не было написано болѣе совершеннаго (herrlicheres Werk) сочиненія по jus civile“ то, во всякомъ случаѣ, мы тутъ сталкиваемся съ крупнѣйшимъ проявленіемъ римскаго юридическаго духа.

Въ виду всего этого необходимо остановиться на названной работѣ нашего юриста подробнѣе. Для удобства обозрѣнія дѣлимъ этотъ параграфъ на три отдѣла

A. Что такое: Institutiones? Въ древнее время преподаваніе права въ Римѣ, получившее свое естественное развитіе изъ практической дѣятельности юристовъ, состояло исключительно въ изученіи подробностей юридической техники. Молодые люди, посвятившіе себя изученію права, обращались къ кому-либо изъ опытныхъ юристовъ-практиковъ и подъ его наблюденіемъ, весьма, впрочемъ, поверхностномъ, приглядывались и прислушивались къ его юридической практикѣ. Нѣсколько лѣтъ такого наблюденія и нѣсколько десятковъ теоретическихъ замѣчаній со стороны па-

---

[1]) Dernburg, ц. с. p. 1.

[2]) Huschke, jurisp. ant ed. I, praef. ad Gajum. p. 90.

трона-руководителя—вотъ и все, чѣмъ считали нужнымъ заручиться для своей будущей дѣятельности молодые правовѣды. Но, мало по малу, сама жизнь заявила протестъ противъ такого чисто-опытнаго метода. И этому протесту въ особенности способствовали слѣдующіе два фактора: во первыхъ то, что ростъ народной жизни и появленіе новыхъ жизненныхъ условій стали выдвигать на сцену гражданскаго оборота новыя и все болѣе и болѣе сложныя правоотношенія, а во вторыхъ то, что значительно расширился самый кругъ лицъ, желавшихъ себя посвятить изученію права. Этотъ послѣдній факторъ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Дернбургъ [1]), обязанъ своимъ происхожденіемъ исключительно принципату. Тотъ богатый римскій духъ, который когда-то создалъ orbis terrarum, остался и при принцепсахъ, но принцепсы въ своихъ видахъ сжали его до minimum'a, ограничили для него сферу проявленія, съузили до крайности возможность его проявленія. Тѣ самыя лица, которыя, живи они во времена республики, посвятили бы свои силы политикѣ и государству, при принципатѣ увидѣли себя вынужденными отбросить мысль о государственныхъ дѣлахъ и они посвящали себя наукамъ и искусствамъ А такъ какъ правовѣденіе издревле считалось самымъ достойнымъ Римлянина занятіемъ, то, главнымъ образомъ, этотъ, оставшійся за бортомъ принципата, контингентъ лицъ и обратился къ изученію права.

Такимъ образомъ, на прежній методъ преподаванія постепенно стали воздѣйствовать двѣ силы: новыя правоотношенія и увеличеніе круга лицъ, желавшихъ учиться. Естественно, что прежній методъ не устоялъ и волей-неволей долженъ былъ видоизмѣниться, сообразно съ новыми требованіями.

---

[1]) Dernburg, ц. с. p. 1—4.

Въ чемъ же состояли эти новыя требованія? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо вспомнить, какъ образовались въ Римѣ первыя юридическія школы. Когда юристы-практики, подъ вліяніемъ второго изъ указанныхъ выше факторовъ, увидѣли себя окруженными многочисленной толпой, съ интересомъ слѣдившей за всѣми шагами ихъ юридической дѣятельности, силою обстоятельствъ они почувствовали себя обязанными не ограничиваться одними только практическими указаніями, тѣмъ болѣе, что сложность и новизна недавно возникшихъ правоотношеній невольно запутывали и туманили мышленіе наблюдавшихъ, неопытныхъ еще юристовъ. Сами обстоятельства такъ складывались, что старые практики увидѣли себя вынужденными давать толпѣ своихъ слушателей теоретическія объясненія, а это, въ свою очередь, неизбѣжно повело къ образованію юридическихъ школъ. И въ самомъ дѣлѣ: одно теоретическое замѣчаніе должно было повлечь за собой другое, третье, четвертое; нѣкоторые изъ толпы, заинтересовавшись объясненіями, начинали ходить ежедневно, образовывая изъ себя кружокъ постоянныхъ слушателей, и вотъ случайный учитель дѣлался постояннымъ руководителемъ—профессоромъ. Появленіе школъ, такимъ образомъ, было лишь дальнѣйшимъ логическимъ шагомъ, и дѣйствительно, онѣ вскорѣ и появились (stationes jus publice docentium aut respondentium) Конечно, и въ этихъ школахъ главнѣйшее вниманіе обращалось на практическое изученіе права, состоявшее въ disputationes по поводу значительнѣйшихъ и интереснѣйшихъ вопросовъ права и казусовъ, взятыхъ изъ жизни, но рядомъ съ этимъ необходимо велось и предварительное, хотя и краткое, изложеніе всей системы гражданскаго права, такъ называемое institutio. (По свидѣтельству Помпонія [1]), такое предварительное institutio, хотя, не-

[1]) L. 2, § 43, § 47 D. de or. jur. I, 2: (Servius Sulpicius) institutus est a Balbo Lucilio; (Labeo) institutus est a Trebatio.

сомнѣнно въ значительно болѣе простой формѣ, чѣмъ впослѣдствіи, практиковалось даже еще въ концѣ республики).

Чѣмъ больше развивалось на ряду съ jus civile преторское право, чѣмъ, слѣдовательно, болѣе дуализмъ затруднялъ пониманіе правовыхъ вопросовъ, тѣмъ больше вниманіе должны были обращать преподаватели на эту чисто-теоретическую часть своей преподавательской системы [1]). Ко 2 вѣку послѣ Р. Х. на institutio стали смотрѣть настолько серьезно, что появилась потребность въ какомъ либо учебникѣ, который въ строгой системѣ, кратко и ясно излагалъ бы учащимся всю, такъ сказать, эссенцію права, экстрактъ всей правовой жизни. Какъ попытка удовлетворить этой потребности и является та работа Гая, о которой мы теперь говоримъ.

Такимъ образомъ, Institutionum commentarii quattuor юриста Гая представляютъ изъ себя краткій систематическій учебникъ, приноровленный для того предварительнаго теоретическаго преподаванія, которое въ stationes носило названіе institutio.

Противъ этого, только что высказаннаго, положенія въ литературѣ предмета мы не встрѣчаемъ возраженій. Всѣ, писавшіе о Гаѣ, единогласно признаютъ учебный характеръ его институцій (подобно и всѣмъ прочимъ его работамъ). Къ этому же выводу приводитъ и самое содержаніе институцій. Спорнымъ является только то: есть-ли данная работа Гая—книга или же то, что Дернбургъ называетъ Collegienheft, т. е. нѣчто вродѣ современныхъ студенческихъ лекцій, составляемыхъ со словъ профессора слушателями и издаваемыхъ подъ редакціей профессора? Этотъ вопросъ, возбужденный Дернбургомъ въ его много разъ нами цитированной работѣ: Die Institutionen des Gajus—ein Collegienheft aus dem

---

[1]) См. Karlowa, ц. с. I, p. 672—677; Dernburg, ц. с. cap. I; Krueger, ц. с. p. 126—136; Пухта, Ист. рим. пр. стр. 356—362; Esmarch, Römische Rechtsgeschichte, p. 352—354.

Jahre 161 nach Christi Geburt (Halle, 1869) и имѣющій особое значеніе для выясненія характера и сущности Гаевскихъ институцій, заслуживаетъ подробнаго разсмотрѣнія.

Гипотеза Дернбурга состоитъ въ слѣдующемъ: институціи Гая не написаны такъ, какъ обыкновенно пишутся литературныя произведенія: это—не книга; но съ другой стороны это—и не листки изъ записной книжки профессора. Институціи Гая—не что иное, какъ записанное непосредственно слушателями устное изложеніе и изданное впослѣдствіи, хотя и самимъ Гаемъ, хотя и съ нѣкоторыми поправками, но безъ той отдѣлки, которая характеризуетъ собой всякую книгу, предназначенную, какъ вкладъ въ литературу предмета, для общей продажи. Свое предположеніе Дернбургъ подкрѣпляетъ слѣдующими доводами. 1) Всякій учебникъ и компендіумъ имѣетъ своей первой задачей полноту и извѣстное гармоническое соотношеніе частей. Въ каждомъ учебникѣ—таково элементарное правило—всѣ части должны быть разработаны одинаковымъ образомъ и съ одинаковымъ стараніемъ. Между тѣмъ въ институціяхъ Гая одни отдѣлы, какъ напр. lex Aelia Sentia, lex Caninia, ученіе о furtum и др. разработаны детально, другія части разработаны отчасти, третьи, наконецъ, и нѣкоторыя изъ нихъ весьма важныя, оставлены безъ всякой разработки. Такъ, о dos совсѣмъ не упоминается, о peculium castrense сказано вскользь; говоря подробно о назначеніи наслѣдниками дѣтей наслѣдодателя и объ exheredatio, Гай совсѣмъ не упоминаетъ о не менѣе важномъ ученіи о необходимой долѣ и объ inofficiositas. Нѣтъ упоминанія о quasi-контрактахъ и quasi-деликтахъ. Contractus innominati обойдены молчаніемъ, хотя при Гаѣ они уже были извѣстны; между реальными контрактами указывается только заемъ. Ни слова не говорится о Sc-ta Velleijanum, Macaedonianum, Tertullianum, хотя всѣ они должны были быть уже извѣстными Гаю. Но если предположить, что ин-

ституціи—результатъ записаннаго устнаго изложенія, то всѣ эти факты вполнѣ объяснимы. Устное изложеніе всегда болѣе свободно, чѣмъ письменное, а потому и болѣе капризно, и тотъ, кто излагаетъ устно, имѣетъ возможность выхватить изъ массы матерьяла одно, другое, на этомъ остановившись со всей тщательностью, пропустить третье, о четвертомъ сказать два-три слова, пятое-же разсмотрѣть до мельчайшихъ подробностей. 2) Всякій, кто пишетъ книгу, по самой природѣ вещей, излагаетъ каждое ученіе *однажды*, въ извѣстномъ, опредѣленномъ мѣстѣ, дабы читателю, пожелавшему навести справку, не приходилось выискивать интересующія его замѣчанія частицами, разбросанными по всей книгѣ, и дабы не утомлять читателя повтореніями одного и того же. Между тѣмъ въ институціяхъ Гая мы сплошь и рядомъ наталкиваемся на повторенія и часто даже дословныя. Такъ, ср. § 22, I съ § 56, III; § 156, I съ § 10, III; въ особенности §§ 34—37, II съ §§ 85—87, III; § 86, II съ § 163, III; §§ 180—181, III съ §§ 106—108, IV; § 58, II съ § 201, III и т. д. Опять таки, эти повторенія вполнѣ объяснимы, если предположить, что институціи—только Collegienheft: при устномъ изложеніи весьма трудно избѣжать повтореній. Мало того, такія повторенія даже указываютъ на особый преподавательскій талантъ Гая, такъ какъ они въ большинствѣ случаевъ касаются или труднѣйшихъ вопросовъ, пониманіе которыхъ сразу затруднительно, или важнѣйшихъ, которые по своему значенію для изучающихъ право требовали особаго ударенія. 3) Доказательствомъ, по мнѣнію Дернбурга, служитъ и самый способъ изложенія институцій: а) Гай, переходя отъ одного вопроса къ другому, употребляетъ выраженія болѣе свойственныя опытному учителю, тщательно втолковывающему ученикамъ извѣстныя положенія, чѣмъ писателю, пишущему книгу. Напримѣръ: nunc transeamus ad fideicommissa; et prius de hereditatibus dispiciamus;

sequitur de jure personarum; post haec videamus de legatis и проч. b) Гай часто повторяетъ одну и ту-же мысль разными словами, употребляетъ одинъ и тотъ-же глаголъ въ положительной и отрицательной формѣ, какъ бы боясь, что отъ слушателя ускользнетъ суть приводимаго положенія Напр.: sed quaedam inveniuntur, quaedam non inveniuntur Примѣръ варьированья одной и той-же мысли см. § 197, III, § 44, IV и др. Для книги такой способъ выраженія былъ бы крайне утомителенъ. c) Гай часто употребляетъ слѣдующій пріемъ: сначала онъ приводитъ примѣръ, а затѣмъ уже излагаетъ мысль, или, напримѣръ, такъ: сначала высказываетъ въ двухъ-трехъ словахъ общее положеніе, затѣмъ развиваетъ это положеніе и, въ концѣ концовъ, опять приходитъ къ общему выводу. „Такіе пріемы, говоритъ Дернбургъ, скорѣе подходятъ къ устному изложенію, чѣмъ къ письменному, такъ какъ читателю, который всегда имѣетъ возможность просмотрѣть еще разъ прочитанное, гораздо удобнѣе провѣрить свое пониманіе прочитаннаго, если примѣръ или общее положеніе будутъ приведены въ концѣ, а не въ началѣ разсужденія“. d) Самая синтаксическая конструкція предложеній говоритъ въ пользу гипотезы, по мнѣнію Дернбурга. Частые пропуски словъ и частое соединеніе словъ и предложеній союзомъ „et“ болѣе свойственны устному изложенію, чѣмъ письменному. 4) Самое слово commentarii, входящее въ составъ заглавія Гаевскихъ институцій, является, по мнѣнію Дернбурга, на основаніи сопоставленія мѣстъ изъ Цицерона, Светонія, Квинтильяна и Сенеки, доказательствомъ того, что и самъ авторъ смотрѣлъ на свой трудъ лишь какъ на безпретенціозныя записки, простой конспектъ, а никакъ уже не какъ на книгу. 5) Указывая на предисловіе къ институціямъ Квинтильяна, гдѣ этотъ послѣдній говоритъ, что онъ издалъ свои институціи по просьбѣ друзей и бывшихъ учениковъ, послѣ двадцати лѣтъ учительства, „исправивъ и

кое-что переработавъ въ тѣхъ двухъ книгахъ, которыя подъ его именемъ ходили по рукамъ учащихся риторикѣ", Дернбургъ изъ этого предисловія пытается вывести аналогичную исторію происхожденія и Гаевскихъ институцій. Гай, по его мнѣнію, взялъ нѣсколько редакцій записокъ, подъ его именемъ ходившихъ по рукамъ учащихся праву, кое-что измѣнилъ, кое-что исправилъ, согласовалъ въ частяхъ, раздѣлилъ на комментаріи и въ такомъ видѣ выпустилъ въ свѣтъ. Въ заключеніе, Дернбургъ указываетъ на знаменитаго современника Гая, медицинскаго учителя Галена, который издалъ свои ὑπομνήματα, какъ это видно изъ предисловія къ нимъ, такимъ-же точно образомъ.

Какъ приведенная гипотеза Дернбурга не правдоподобна и не остроумна, съ ней согласиться трудно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что институціи предназначались Гаемъ для школьнаго употребленія. Объ этомъ мы говорили уже не разъ. Весьма возможно, что Гай издалъ свои институціи уже послѣ того, какъ онъ нѣсколько лѣтъ преподавалъ, а не преподавалъ, какъ думаютъ нѣкоторые, имѣя въ рукахъ уже изданную свою книгу. Весьма также возможно, что при составленіи институцій Гай пользовался записками нѣсколькихъ изъ своихъ учениковъ, при чемъ и въ книгѣ, которую онъ составлялъ, онъ придерживался того-же порядка изложенія, какой былъ и въ запискахъ. Но чтобы сами по себѣ институціи, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были изданы, не были признаваемы книгой, съ этимъ согласиться невозможно.

Разберемъ сначала всѣ тѣ доводы, которые приводятся Дернбургомъ въ защиту его гипотезы. Онъ говоритъ, во первыхъ, что въ институціяхъ замѣчается неравномѣрность изложенія различныхъ вопросовъ: одно развивается детально, другое въ общихъ чертахъ, третье совсѣмъ опускается. Но что-же изъ этого? Если мы обратимъ вниманіе на то, что̀ опущено, то увидимъ, что устное изложеніе здѣсь не при-

чемъ. Въ I книгѣ институцій Гай излагаетъ jus, quod ad personas pertinet, но, какъ говоритъ Boecking [1]), этимъ Гай вовсе не хочетъ еще сказать, что онъ имѣетъ въ виду семейственное право. Гай желаетъ лишь изложить правовое ученіе о лицахъ, о различныхъ отношеніяхъ лицъ къ Риму и въ Римѣ, о различныхъ оттѣнкахъ и права и дѣеспособности. При такомъ взглядѣ на jus, quod ad personas pertinet, Гаю не зачѣмъ долго останавливаться на бракѣ, такъ какъ бракъ при подобной точкѣ зрѣнія не является самостоятельнымъ институтомъ. Что же касается dos, то этотъ институтъ, какъ неимѣющій значенія при вопросѣ объ измѣненіи право и дѣеспособности лица, является не важнымъ для цѣли Гая. Поэтому Гай и обходитъ его полнымъ молчаніемъ. Далѣе. Общій характеръ институцій, какъ говоритъ Карлова [2]), указываетъ на то, что Гай имѣлъ въ виду дать лишь введеніе въ гражданское право Рима, не излагая послѣдующаго развитія этого права. Для Гая въ силу этого, были важны только основныя положенія гражданскаго права Рима. Зачѣмъ въ такомъ случаѣ станетъ онъ останавливаться на правѣ необходимаго наслѣдованія, на безъименныхъ контрактахъ, на Sc-ta Vellejanum, Macaedonianum, Tertullianum, на этихъ, такъ сказать, дальнѣйшихъ выводахъ изъ основнаго? Все это подробности, детали, плоды позднѣйшаго развитія права; ни одинъ изъ этихъ институтовъ не подходитъ къ коренной цѣли Гая, къ его замыслу. Могутъ сказать на это, что вѣдь Гай все таки иногда входитъ въ изложеніе подробностей и мало того: многія подробности, излагаемыя Гаемъ гораздо менѣе важны, чѣмъ тѣ институты, которые онъ обходитъ молчаніемъ? Дѣйствительно, но не слѣдуетъ забывать, что, во

---

[1]) Boecking, Pandekten des Röm. Privatrechts, I, Anhang VI, p. 22—24. См. Karlowa, ц. с. p. 725.

[2]) Карлова, ц. с. p. 725.

первыхъ, всѣ эти подробности касаются тѣхъ институтовъ, которые неизбѣжно нужны Гаю для его основной цѣли и что, во вторыхъ, для приведенія подобныхъ подробностей вовсе не необходимо было излагать ихъ устно. Подобный-же фактъ могъ совершенно свободно явиться и результатомъ письменнаго изложенія, такъ какъ всякій пишущій книгу можетъ иногда невольно увлечься подробностями, хотя и не столь важными, но почему-либо интересными, и оставить безъ разсмотрѣнія существенное, но не имѣющее прямого отношенія къ цѣли работы. Наконецъ, можно-ли вообще объяснять пропуски (а тѣмъ болѣе пропуски существенные, какъ говоритъ Дернбургъ по поводу dos, contractus innominati и проч.) свободой и капризами устнаго изложенія? Если бы, напримѣръ, dos входило въ планъ Гая, то неужели можно допустить, что-бы Гай не излагалъ dos только потому, что при устномъ изложеніи часто опускается одно, изъ цѣлой массы матерьяла берется другое, третье и т. д.? Неужели можно думать, что Гай потому только не указалъ своимъ ученикамъ на contractus innominati или Sc. Macaedonianum, что устное изложеніе свободно и капризно? Но вѣдь Гай, какъ признаетъ и самъ Дернбургъ, редактировалъ записки своихъ учениковъ передъ выпускомъ въ свѣтъ—какъ же бы могъ онъ допустить такіе пробѣлы? Да и вообще, что это за преподаватель, который такъ неразумно подчиняетъ излагаемый предметъ капризамъ и прихотямъ своей рѣчи, который опускаетъ одно и тщательно развиваетъ другое не на основаніи какого-либо внутренняго, болѣе или менѣе вѣскаго соображенія, а подъ вліяніемъ капризовъ своего краснорѣчія? А, между тѣмъ, самъ-же Дернбургъ указываетъ на „особый преподавательскій талантъ“ Гая. Второе, на что указываетъ Дернбургъ, это—частыя повторенія, встрѣчающіяся въ институціяхъ. Но и этотъ доводъ Дернбурга кажется намъ мало убѣдительнымъ. Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Кар-

лова [1]), Гай, будучи опытнымъ и талантливымъ преподавателемъ, считалъ не лишнимъ повторять нѣсколько разъ одно и то же въ книгѣ, предназначенной для первоначальнаго обученія праву. Тѣмъ болѣе, что Гай, какъ сознается и самъ Дернбургъ, повторяетъ лишь труднѣйшія и важнѣйшія мѣста, причемъ, повторяя ихъ, онъ каждый разъ добавляетъ нѣсколько болѣе или менѣе мѣткихъ словъ, которыя съ бо́льшей образностью, чѣмъ прежде, представляютъ то, что Гай хочетъ сказать. А изъ § 17, III Inst. [2]) даже видно, что повторенія дѣлались Гаемъ сознательно и что они явились, такимъ образомъ, вовсе не случайно, не оттого, что институціи только Collegienheft, а не книга. Въ этомъ § сказано: qui sunt autem gentiles, primo commentario retulimus; et cum illic admonuerimus totum gentilicium jus in desuetudinem abiisse, supervacuum est hoc quoque loco de eadem re curiosius tractare. Изъ словъ supervacuum est curiosius de eadem re tractare очевидно, что Гай не счелъ бы излишнимъ сказанное о jus gentilicium повторить еще разъ, если бы только оно не потеряло значенія. Такъ-же неубѣдительна и третья группа доказательствъ Дернбурга. Все, что онъ говоритъ о способѣ изложенія и о слогѣ, можетъ въ крайнемъ случаѣ доказывать лишь то, что институціи написаны не сразу, а переработаны и передѣланы изъ имѣвшагося уже въ видѣ записокъ слушателей матерьяла. Хотя и такой выводъ не является съ необходимой неизбѣжностью, такъ какъ помѣщать сначала общія положенія, а затѣмъ въ частностяхъ ихъ разрабатывать, приводить сначала примѣры, а потомъ доказывать ихъ теоретически, такъ же все это свойственно пишущему, какъ и излагающему устно. Выраженія-же nunc transeamus, post haec dispiciamus, sequitur, videamus и проч. въ такой-же мѣрѣ умѣстны въ книгѣ, какъ и при устномъ изложеніи.

---

[1]) [2]) См. Карлова, ц. с. p. 724.

Итакъ, всѣ приводимые имъ Дернбургомъ доводы въ пользу своей гипотезы или совсѣмъ не основательны, или мало убѣдительны. Но это еще не все. Существуетъ доводъ, который прямо говоритъ противъ данной гипотезы. „Трудно предположить, говоритъ Карлова [1]), чтобы излагающій устно дѣлалъ ссылки на сказанное раньше, а въ особенности на то, что онъ скажетъ послѣ, въ такомъ видѣ: „primo или secundo commentario tradimus или retulimus; sequenti commentario referemus“. Дернбургъ, предвидя такое возраженіе, заранѣе опровергаетъ его, указывая на то, что будто раздѣленіе на комментаріи было сдѣлано только и слѣдствіи, при изданіи. Но возраженіе это, не говоря уже о томъ, что оно совершенно бездоказательно, не имѣетъ значенія еще и потому, что упускаетъ изъ виду, что при раздѣленіи какого-либо труда на книги невольно мѣняется и самая редакція труда. Наконецъ, весьма невѣроятно [2]), чтобы любимый учитель во время своего учительства издалъ въ свѣтъ записанныя учениками лекціи, такъ какъ этимъ онъ несомнѣнно повредилъ бы самому себѣ, своей будущей учительской дѣятельности. Дернбургъ, какъ мы видѣли выше, приводитъ въ примѣръ Квинтильяна и Галена, но вѣдь и тотъ, и другой, какъ указываетъ самъ Дернбургъ, рѣшились на подобное изданіе лишь послѣ окончанія своей преподавательской дѣятельности. А между тѣмъ тотъ-же Дернбургъ, какъ мы уже знемъ, старается доказать, что институціи вышли въ 161 г., т. е. во время самаго разцвѣта преподавательской дѣятельности Гая.

Такимъ образомъ, гипотеза Дернбурга должна быть отвергнута.

В. Внѣшняя исторія институцій. По существующимъ въ наукѣ свѣдѣніямъ установлено, что до Гая никто не пускалъ въ публичное обращеніе посредствомъ книжной

---

[1]) [2]) См. Карлова, ц. с. р. 724.

торговли ни одного такого труда, который напоминалъ бы собой интересующія насъ теперь институціи, хотя, какъ мы видѣли въ началѣ этого §, самый фактъ institutionis былъ извѣстенъ еще въ концѣ республики. Мы уже знаемъ когда [1]) и гдѣ [2]) были написаны Гаемъ его институціи. Мы знаемъ также, что онѣ пользовались большой популярностью [3]), хотя вплоть до 5 вѣка никѣмъ не цитировались [4]). Знаемъ мы также и то, что, начиная съ 6-го вѣка они цитируюся весьма усердно [5]), а ко времени Юстиніана уже царятъ въ школьномъ преподаваніи права [6]). Теперь мы скажемъ нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ видѣ употреблялись въ школахъ Гаевскія институціи въ царствованіе христіанскихъ императоровъ. Этотъ вопросъ, кромѣ того интереса, который онъ представляетъ самъ по себѣ для пишущаго внѣшнюю исторію институцій, весьма важенъ еще и потому, что безъ его разрѣшенія является почти непонятнымъ самый фактъ повсемѣстнаго въ школахъ употребленія данной Гаевской работы. И въ самомъ дѣлѣ: какъ могла царить въ школьномъ преподаваніи работа, изданная еще во 2 вѣкѣ, три—четыре вѣка тому назадъ, и притомъ работа чисто школьнаго характера, слѣдовательно, болѣе другихъ подверженная опасности остаться безъ употребленія? Вопросъ этотъ разрѣшается слѣдующимъ образомъ. Просматривая содержаніе извѣстнаго lex Visigothorum, мы, наряду съ извлеченіями изъ codex Theodosianus, изъ позднѣйшихъ новеллъ, изъ codex Gregorianus и Hermogenianus, наталкиваемся на рукопись подъ заглавіемъ liber Gaji, состоящую изъ двухъ [7]) книгъ и предпосланную

---

[1]) См. § 6 д. р.
[2]) См. § 4 д. р.
[3]) См. § 2 д. р.
[4]) См. § 7 д. р.
[5]) См. § 8 д. р.
[6]) Const. Omnem reipublicae, § 1.
[7]) Собственно говоря, lex Romana Visigothorum знаетъ только одну, раздѣ-

sententiae Pauli. Эта рукопись начинается словами: Gaji institutionum liber primus dicit и состоитъ изъ цѣлаго ряда положеній, взятыхъ изъ институцій Гая, но нѣсколько переработанныхъ. Такъ, добавлены нѣкоторыя позднѣйшія правовыя нормы, приведены примѣры, чуждые истинному Гаю, все, потерявшее значеніе, выпущено совсѣмъ и т. д. Въ общемъ, эта рукопись представляетъ изъ себя краткое введеніе въ гражданское право, подобно и истиннымъ Гаевскимъ институціямъ, но примѣнительно къ позднѣйшему времени. Въ наукѣ рукопись извѣстна подъ именемъ epitome Gaji. Изъ многихъ данныхъ [1]) видно, что это epitome составлено еще до вестготскаго кодекса и, по всей вѣроятности, было заимствовано кодексомъ прямо изъ практики и уже въ готовомъ видѣ. Такимъ образомъ, Гай употреблялся въ Римѣ и вообще на западѣ не въ истинномъ своемъ видѣ, а въ переработкѣ еще до 6 вѣка. Проанализировавъ извѣстныя (по своему значенію для исторіи римской юриспруденціи, а также по массѣ вызванныхъ толкованій) слова Юстиніана, высказанныя имъ въ § 1 его конституціи Omn. reip., мы приходимъ къ тому-же выводу и относительно востока. Такъ, Юстиніанъ, сказавъ о школьномъ преподаваніи права въ его время, продолжаетъ: et antea quidem, quaem admodum et vestra scit prudentia, ex tanta legum multitudine, quae in librorum quidem duo milia, versuum autem tricies centena extendebatur, nihil aliud nisi sex tantummodo libros et ipsos confusos et jura utilia in se perraro habentes a voce magistra

---

ленную на титулы, книгу Гая, и ни въ одной книгѣ не указывается прямо на вторую книгу. Но въ болѣе древнихъ изъ нихъ послѣ восьмого титула de curatione начинается новая нумерація титуловъ съ перваго до конца рукописи въ послѣдовательномъ порядкѣ (см. Karlowa, ц. с. I, p. 984).

[1]) Подробности см. Dernburg, ц. с. p. 118—132; Karlowa, ц. с. p. 980 scc., Leist, Versuch einer Geschichte der Römischen Rechtssysteme, p. 68, n. 3; Rudorff, Römische Rechtsgeschichte, I, p. 289; Degenkolb (рецензія на книгу Дернбурга), Kritische Vierteljahrschrift, XIV, p. 508; Fitting, Zeitschrift für Rechtsgeschichte XI, p. 325 scc.

studiosi accipiebant caeteris jam desuetis, jam omnibus inviis: in his autem sex libris Gaji nostri institutiones et libri singulares quattuor: primus de illa vetere re uxoria, secundus de tutelis, et tertius nec non quartus de testamentis et legatis connumerabantur. Нѣкоторые, какъ напримѣръ Huschke [1]), толкуютъ это мѣсто какъ указаніе общей программы всего бывшаго до Юстиніана школьнаго курса, т. е. будто бы весь курсъ состоялъ въ изученіи шести книгъ. При такомъ счетѣ приходится думать, что Юстиніанъ всѣ четыре libri singulares и институціи Гая соединялъ въ одну книгу, вторую-же книгу, по мнѣнію Гушке, составляла первая часть эдикта, третью—вторая часть, четвертую—третья часть эдикта, пятую—responsa Papiniani, шестую—responsa Pauli. При такомъ объясненіи, цитированное мѣсто, конечно, не можетъ привести насъ рѣшительно ни къ какимъ выводамъ. Но это объясненіе, какъ указываетъ, напримѣръ, Karlowa [2]), грѣшитъ уже тѣмъ, что упускаетъ изъ виду слѣдующія слова: (hi libri sex) a voce magistri studiosi accipiebant. Очевидно, что эти слова никакъ не могутъ мириться съ объясненіемъ, даннымъ Гушке, когда тутъ-же Юстиніанъ прибавляетъ: his igitur solis a professoribus traditis Pauliana responsa per semet ipsos recitabant. Въ виду этого, кажется, гораздо будетъ правильнѣе считать, что Юстиніанъ относитъ sex libri только къ первому году школьнаго обученія и что онъ понимаетъ подъ ними только сочиненія Гая. Тогда четыре книги пойдутъ на счетъ quattuor libri singulares, а двѣ на долю институцій. А изъ этого слѣдуетъ уже тотъ прямой выводъ, что и на востокѣ употреблялся не истинный Гай, а сокращенный сводъ изъ его институцій, epitome въ двухъ книгахъ. Могутъ возразить, что изъ того обстоятельства, что въ шко-

---

[1]) Huschke, Jurispr. Autejust. p. 159, n. 1. Такъ-же въ сущности думаетъ и Моммсенъ, ц. с. p. 12, n. 25.

[2]) Karlowa, ц. с. p. 980.

лахъ употреблялись только двѣ книги институцій, а не всѣ четыре, вовсе еще нельзя дѣлать вывода, будто онѣ состояли именно изъ epitome въ двухъ книгахъ, а не изъ двухъ какихъ нибудь книгъ изъ четырехъ истиннаго Гая. Но такое замѣчаніе едва-ли будетъ вѣрнымъ, такъ какъ было бы весьма странно предположить, что изъ-за какихъ-то никому непонятныхъ цѣлей разрушалась гармонія цѣлаго, нарушалась система и читалось, напримѣръ, вещное и обязательственное право, а не читалось личное и наслѣдственное или что нибудь въ этомъ родѣ. Развѣ не гораздо правдоподобнѣе предположить, что четвертый комментарій, содержащій въ себѣ jus quod ad actiones pertinet, какъ окончательно устарѣвшій, былъ вовсе выброшенъ, а первыя три книги, соединенныя въ двѣ въ формѣ epitome, преподавались въ школахъ? Тутъ же не мѣшаетъ замѣтить, что ко времени Юстиніана, какъ показываетъ Index auctorum при дигестахъ, былъ извѣстенъ и истинный Гай. Въ этомъ Index'ѣ институціи названы: Instituton βιβλία τέσσαρα. Изъ нихъ взято въ дигесты 31 фрагментъ.

Временемъ Юстиніана заканчивается, такъ сказать, первый періодъ внѣшней исторіи институцій Гая, періодъ популярности, общаго употребленія и пользованія. Такъ какъ при Юстиніанѣ были составлены новыя институціи, то само собой, институціи Гая перестали быть общеупотребительной школьной книгой и потеряли то значеніе, которое имѣли раньше. Онѣ жили лишь постолько, посколько онѣ легли въ основу Юстиніановскихъ институцій [1]). Затѣмъ начинается тотъ второй періодъ въ исторіи Гаевской работы, о которомъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго, періодъ постепеннаго исчезновенія изъ оборота, постепеннаго вымиранія самой памяти о данной работѣ Гая. Онъ продолжался до 1816 года,

---

[1]) См. V edit. Gaji Instit. Ed. Böcking'a, приложенныя въ концѣ книги Tabulae delineationem systematis Gajanarum Iustinianarumque Institutionum; см. такъ-же изд. Гнейста Institutionum et regularum juris romani syntagma.

когда Нибуромъ въ библіотекѣ соборнаго капитула въ Веронѣ была найдена рукопись писемъ св. Іеронима, подъ которыми оказались написанными Institutiones Gaji. Это, такъ сказать,—третій періодъ.

Открытіе произошло въ Веронѣ въ 1816 г [1]). Рукопись писемъ Іеронима [2]) оказалась палимпсестомъ, т. е. переписчикъ употребилъ для нея пергаментъ, на которомъ прежде были уже написаны институціи Гая; смывъ и соскобливъ это старое сочиненіе, переписчикъ подготовилъ пергаментъ къ воспринятію своего: такимъ образомъ, 125 листовъ in quarto институцій Гая могли быть возстановлены только посредствомъ предварительнаго химическимъ путемъ произведеннаго снятія писемъ Іеронима. Изъ этихъ 125 листовъ 62 оказались содержащими въ себѣ даже двѣ рукописи, кромѣ институцій, одна на другой. Если къ этому прибавить еще одинъ листъ (не палимпсестъ), находившійся въ другомъ сверткѣ и открытый еще въ 18 столѣтіи [3]), то въ общемъ мы получимъ рукопись въ 126 листовъ in quarto. По мнѣнію Bethmann-Hollweg'a вся рукопись состояла изъ 129 листовъ. Слѣдовательно, для насъ пока затеряны три листа. Начало и конецъ на лицо; недостающіе листы относятся къ серединѣ [4]).

---

[1]) Первое извѣстіе объ этомъ открытіи передала статья Савиньи, помѣщенная въ Zeitschrift für Geschichtliche Rechtswissenschaft, II. Въ этой статьѣ, между прочимъ, Савиньи исправляетъ ошибку Нибура, который принималъ открытый еще въ 18 вѣкѣ листъ институцій объ интердиктахъ (см. дальше) за листъ изъ сочиненій Ульпіана.

[2]) Epistula et Polemica st. patr. Hieronymi; рукопись принадлежитъ къ 6-му вѣку (см. Krueger, ц. с. p. 244).

[3]) Объ этомъ листѣ первое извѣщеніе находится въ сочиненіи Scipio Maffei (1732—1742 г.г.). Maffei думалъ, что одна часть этого листа—фрагментъ изъ пандектъ, а другая—произведеніе какого-то древняго юриста. Но въ теченіи 70 лѣтъ никто не обращалъ вниманія на данную статью. Только вскорѣ послѣ открытія Нибура появилась статья Haubold'a, основанная на данной замѣткѣ Maffei, подъ заглавіемъ: notitia fragmenti Veronesis de interdictis.

[4]) Изъ этихъ трехъ листовъ одинъ (начало 3-й книги) восполняется по другимъ источникамъ;

Въ 1816 году въ Верону, по порученію Берлинской Академіи Наукъ, отправились Goeschen и филологъ Bekker (Immanuel) съ цѣлью установить подлинность открытой Нибуромъ рукописи и прочесть ее. Въ серединѣ этого-же года на помощь имъ былъ командированъ тогда еще бывшій студентомъ восьмого семестра, ученикъ Hugo, Bethmann-Hollweg, который впослѣдствіи замѣнилъ Bekker'a и непосредственно съ Гешеномъ прочелъ рукопись [1]). Заслуги этихъ ученыхъ, если принять во вниманіе состояніе рукописи, дѣйствительно достойны удивленія. Изо всей рукописи безъ особыхъ препятствій могли быть прочитаны лишь 216 страницъ; 30 страницъ совсѣмъ нельзя было прочесть; на нѣкоторыхъ изъ нихъ съ трудомъ разбирались кое-какія отдѣльныя слова. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опасно было даже употреблять химическіе реактивы, такъ какъ легко могло быть въ конецъ вытравлено первоначальное письмо. Хотя въ рукописи нѣтъ ни заглавія, ни имени автора [2]), но всѣми было признано, что она содержитъ въ себѣ именно институціи Гая, такъ какъ и изъ содержанія, и изъ согласія рукописи съ позднѣйшими обработками (epitome) и отдѣльными мѣстами, встрѣчающимися въ Пандектахъ, въ Collatio и у Присціана и Боэція, другого заключенія нельзя было вывести. Нѣтъ ни одного мѣста изъ институцій Гая, помѣщенныхъ во всѣхъ вышеназванныхъ сборникахъ, которое не встрѣчалось бы въ открытой Нибуромъ рукописи или не могло бы быть возстановлено по отдѣльнымъ словамъ и даже буквамъ.

Первое изданіе найденной и прочитанной рукописи появилось въ 1820 году. Оно было сдѣлано Гешеномъ на основаніи его непосредственныхъ работъ вмѣстѣ съ Hollweg'омъ.

---

[1]) Объ этомъ подробно разсказываетъ самъ Bethmann-Hollweg въ своей ренензіи на изданіе Boecking'a: Gaji institutionum ed. V., см. Zeit. für Rechtsg. V, p. 362—264.

[2]) Только въ концѣ третьей книги помѣщено: Lib. III Explic.

Но, конечно, первоначальное чтеніе, столь затрудненное независѣвшими отъ читавшихъ обстоятельствами, не могло быть вполнѣ удовлетворительнымъ. Самъ Гешенъ въ предисловіи къ своему изданію указалъ на необходимость новаго пересмотра. Само-же по себѣ изданіе Гешена, какъ указываетъ, напримѣръ, Пухта [1]), отличается „рѣдкой критической тщательностью и точнымъ сообщеніемъ малѣйшихъ остатковъ рукописи въ сомнительныхъ мѣстахъ, такъ что этимъ изданіемъ Гешенъ всякому давалъ въ руки по возможности совершенный критическій аппаратъ". Новая ревизія рукописи была произведена въ 1821—22 г.г. извѣстнымъ ученымъ Фридрихомъ Блуме. Впрочемъ, онъ прибавилъ весьма немногое къ тому, что было сдѣлано Гешеномъ. Употребленныя Блуме химическія средства, болѣе сильныя, чѣмъ тѣ, которыми пользовался Гешенъ, только принесли вредъ рукописи, не давъ, въ сущности, почти никакихъ новыхъ результатовъ. Въ довершеніе всего, конечные выводы этой ревизіи, изложенные въ видѣ письма къ Hugo, затерялись на почтѣ [2]). Тѣ-же замѣчанія Блуме, которыя были признаны въ наукѣ вѣрными, были приняты во вниманіе Гешеномъ и послужили основой для выпущеннаго этимъ послѣднимъ второго изданія институцій. Оно появилось въ 1824 г.. Гешенъ готовилъ и третье изданіе, но смерть захватила его посреди его работы. Слѣдующее изданіе вышло въ 1842 году подъ редакціей Лахманна. Оно, главнымъ образомъ, было основано на сличеніи бумагъ Гешена, Голльвега и Блуме и имѣетъ громадное значеніе и до сихъ поръ. Въ немъ возстановленъ самый текстъ рукописи и возстановленъ съ удивительною тщательностью: до мельчайшихъ подробностей, до обрывковъ отдѣльныхъ буквъ [3]). Четвертое изданіе вышло подъ редакціей того-же

---

[1]) Пухта, Ист. рим. права p. 365.

[2]) Объ этомъ разсказываетъ самъ Блуме въ статьѣ: Paläographische und Kritische Miscellen, Z. f. Rechtsgeschichte, III, p. 446—449.

[3]) Karlowa, ц. с. p. 761.

Лахманна. Пятое изданіе, также основанное на чтеніи Гешена, Гольвега и Блуме, вышло въ 1866 году подъ редакціей Бэкинга. Оно отличается тѣмъ [1]), что въ немъ съ удивительнымъ терпѣніемъ и выдающейся добросовѣстностью собраны и сопоставлены всѣ спорныя мѣста и различныя чтенія этихъ мѣстъ. Въ 1866—68 г.г. была произведена третья ревизія рукописи Вильгельмомъ Студемундомъ. Результаты этой ревизіи были обнародованы въ Würzburger Philologen-Versammlung въ статьѣ подъ заглавіемъ: Mittheilungen antiquarischen Inhalts aus dem Palimpsesten des Gajus. Эта ревизія дала такіе блестящіе результаты, что основанное на ней изданіе Studemund'a: apographum [2]) codicis Veronesis denuo collati вытѣснило изданный раньше apographum Boeking'a. Въ 1878 и въ 1883 годахъ тотъ-же Studemund предпринялъ новую ревизію отдѣльныхъ мѣстъ и вмѣстѣ съ Крюгеромъ выпустилъ въ 1884 г. новое изданіе Гая въ collectio librorum juris Antejustiniani, v. I, которое отличается новымъ чтеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, явившимся результатомъ этихъ частныхъ ревизій 1878—83 г.г. Впрочемъ, еще въ 1877 г. Studemund и Krueger (въ изданіи принималъ участіе и Моммсенъ) выпустили изданіе Гая для школьнаго употребленія, отличающееся тщательностью сличенія текста Веронской рукописи съ тѣми мѣстами, которыя могли быть извлечены изъ Collatio, Breviarium Alaricianum, изъ сочиненій грамматиковъ Сервія, Діомеда, Псевдо-Асконія, Приспіана, Боеція, Исидора, изъ дигестъ и институцій Юстиніана. Изъ прочихъ изданій нужно отмѣтить изданіе Гушке, составляющее часть его Jurisprudentia antejustiniana (1879 года), изданіе Гнейста: Institutionum et regularum juris romani syntagma [3])

---

[1]) Подробный разборъ этого изданія см. выше цитиров. статью Bethmann-Hollweg'a, Z. f. R. V. p. 357—379.

[2]) Apographum—это такое изданіе, которое передаетъ рукопись въ ея подлинномъ видѣ.

[3]) Это изданіе интересно тѣмъ, что въ немъ институціи Гая напечатаны

(второе изданіе вышло въ 1880 году). Затѣмъ можно указать еще на изданіе Polenaar'a: Syntagma Institutionum novum; Gaji institutiones iuris civilis Rom. secundum Guilelmi Studemundi cod. ver. collationem ed. 1876, Lugduni Batavorum. Въ 1886 г. вышло изданіе Dubois: Institutes de Gajus. Одна четвертая книга съ комментаріями была издана Hefter'омъ еще въ 1827 году. Кромѣ этихъ изданій существуютъ еще и многія другія. Всѣхъ ихъ пока насчитываютъ, какъ указываетъ Дыдынскій,—53 [1]).

С. Содержаніе [2]) и система институцій. Институціи Гая раздѣлены на 4 книги, изъ которыхъ каждая, въ свою очередь, раздѣлена на параграфы [3]). Въ первой книгѣ, послѣ вступленія о jus gentium и jus civile и объ источникахъ римскаго права (§§ 1—8), Гай высказываетъ ту общую систему, которую онъ положилъ въ основаніе дальнѣйшаго изложенія (§ 8), именно: omne autem jus, quo utimur, uel ad personas pertinet, uel ad res, uel ad actiones. Такимъ образомъ, все дальнѣйшее изложеніе, сообразно съ этой системой, разбито на три отдѣла: право личное, заключающееся въ первой книгѣ, право вещное, обнимаемое второю и третьей книгами и, наконецъ, иски [4]), отнесенные въ четвертую книгу. Личное право изложено въ такомъ порядкѣ: о правовомъ

параллельно съ текстомъ институцій Юстиніана. Въ началѣ книги приведены законы XII таблицъ. Вмѣстѣ съ институціями Гая помѣщены: Ulpiani liber singularis regularum и Pauli libri quinque sententiarum ad filium.

[1]) См. „Институціи Гая", Ѳ. Дыдынскаго, стр. 4—8. Тамъ-же помѣщенъ списокъ переводовъ институцій Гая на русскій языкъ (стр. 8—9).

[2]) См. Пухта, Kleine zivilistische Schriften, Leipzig, 1851, статья: Uebersicht der Institutionen nach Gajus, p. 650—664. Въ этой статьѣ содержаніе институцій передано прекрасно.

[3]) Первая книга состоитъ изъ 200 параграфовъ, вторая изъ 289, третья—изъ 225 и четвертая—изъ 187.

[4]) Нужно имѣть въ виду, что Гай въ четвертой книгѣ излагаетъ иски, а не процессъ. Только въ послѣднемъ отдѣлѣ 4 книги, начиная съ ученія объ in jus vocatio, онъ указываетъ, какъ говоритъ Пухта (Истор. рим. пр. стр. 341), „на средства, которыми справедливая жалоба можетъ быть доведена до суда".

состояніи людей (§§ 9—13), о законѣ Aelia Sentia (§§ 13—18) объ отпущеніи на волю (§§ 18—20), de consilio recuperatorum (§§ 20—28); о тѣхъ, которые по какимъ либо причинамъ не могутъ отпускать на волю (§§ 28 и сл.), объ justa causa манумиссій, о законѣ Furia (по чтенію Studemunda—Fufia) Caninia, объ отпущеніи на волю, сдѣланномъ во вредъ кредиторамъ обманнымъ образомъ (§§ 28—48). Съ 48 § Гай приступаетъ къ изложенію ученія о власти и сначала опредѣляетъ различіе между людьми sui juris и alieni juris (§§ 48—52). Послѣ этого онъ переходитъ къ ученію о власти господъ надъ рабами (§§ 52—55), о власти родителей надъ дѣтьми (§§ 55—56), къ ученію о бракѣ и о случаяхъ невозможности заключенія брака (§§ 56—65). Съ § 65—97 идетъ изложеніе вопроса о томъ, какими способами дѣти снова подпадаютъ родительской власти. Adoptio и arrogatio занимаютъ §§ 97—108. Съ §§ 108—116 говорится о тѣхъ, которые находятся in manu; съ § 116—124 о тѣхъ, которые въ манципіи; съ § 124—142 говорится о томъ, какими способами прекращается власть. §-мъ 142 начинается изложеніе ученія объ опекѣ. Съ § 142—155 говорится объ опекѣ, устанавливаемой по завѣщанію, съ § 155—165—объ опекѣ законной. Тутъ-же разбирается вопросъ о capitis deminutio. Съ § 165—168 говорится о законной опекѣ патроновъ, съ § 168—173—объ опекѣ надъ женщинами; съ § 173—185 излагается ученіе о тѣхъ, которымъ позволено просить себѣ опекуна; съ § 185—189 говорится объ опекунѣ Атиліанскомъ и объ опекунахъ по закону Юлія и Тиція. §§ 189—194 содержатъ въ себѣ положенія объ auctoritas опекуновъ. Съ § 194 до конца книги идетъ рѣчь о томъ, какими способами опека прекращается.

Вторая книга обнимаетъ собой изложеніе слѣдующихъ ученій: о раздѣленіи и подраздѣленіи вещей (§ 1—28), о способахъ пріобрѣтенія тѣлесныхъ вещей и вещей безтѣлесныхъ

(§ 28—40), о дѣленіи собственности (§ 40—43), о давности (§ 43—65), объ естественныхъ способахъ пріобрѣтенія вещей въ собственность (§ 65—80), о томъ, могутъ-ли несовершеннолѣтніе отчуждать (§ 80—86), о томъ, посредствомъ какихъ лицъ мы можемъ пріобрѣтать собственность (§ 86—97) и о томъ, какими способами происходитъ универсальное пріобрѣтеніе собственности. Вслѣдъ за этимъ начинается ученіе о наслѣдственномъ правѣ, изложеніе котораго продолжается до конца второй книги, захватывая собой половину третьей. Съ § 101—109 излагаются общія положенія о завѣщаніяхъ; съ § 109—114—о завѣщаніяхъ солдатъ, съ § 114—138 говорится о назначеніи наслѣдниковъ, съ § 138—147 говорится о томъ, по какимъ причинамъ завѣщанія признаются недѣйствительными. Bonorum possessio согласно завѣщанію излагается въ § 147—152; о различіи и о качествахъ наслѣдниковъ—съ § 152—174; о субституціяхъ—съ § 174—179; съ § 179—185—о пупиллярной субституціи; съ § 185—191—о назначеніи наслѣдниками рабовъ. Начиная съ § 191—246, говорится о легатахъ: съ § 191—224—о видахъ легатовъ; съ § 224—229—о законѣ Фальцидія; съ § 229—235—о напрасно оставленныхъ легатахъ; съ § 235—238—о легатахъ, оставленныхъ poenae causa; съ § 238—244—о легатахъ, оставленныхъ безъ обозначенія лица и, наконецъ, съ § 244—246—о легатахъ, оставленныхъ нами лицамъ, находящимся подъ властью назначенныхъ нами наслѣдниковъ. Съ § 246 и до конца книги излагается ученіе о фидеикоммиссахъ: о фидеикоммиссарныхъ наслѣдствахъ (§ 246—260); объ отдѣльныхъ вещахъ, оставленныхъ въ видѣ фидеикоммисса (съ § 260—268), объ отличіи легатовъ отъ фидеикоммиссовъ (§ 268—289). Третья книга начинается ученіемъ о наслѣдованіи безъ завѣщанія, общія положенія о которомъ содержатся въ §§ 1—25. Затѣмъ идутъ ученія: о bonorum possessio (§ 25—39), объ имуще-

ствахъ вольноотпущенниковъ (§ 39—77), о той сукцессіи, въ которую мы вступаемъ, покупая оставшееся имущество (§ 77—82), о преемствѣ въ имуществѣ того, кто находится подъ властью другого (§ 82—85) и, наконецъ, о юрецессіи наслѣдства (§ 85—88). Съ 88-го параграфа начинается ученіе объ обязательствахъ. Общее ученіе и дѣленіе обязательствъ излагается въ §§ 88—90. Съ § 90—92 говорится о реальныхъ контрактахъ. §§ 92—128 излагаютъ ученіе о вербальныхъ обязательствахъ: общія замѣчанія съ § 92—97, съ § 97—110—о безполезныхъ стипуляціяхъ; съ § 110—115—объ адстипуляторахъ; съ § 115—128—о спонзорахъ и фидеипроммиссорахъ и о фидеюссорахъ. Съ § 128—135 говорится о литтеральныхъ контрактахъ; съ § 135—163 излагается ученіе о консессуальныхъ контрактахъ: съ 135—139—общее ученіе, съ 139—142—купля-продажа, съ 142—148—наемъ, съ § 148—155—товарищество, съ § 155—163—договоръ довѣренности. Съ § 163—168 идетъ рѣчь о томъ, чрезъ какихъ лицъ мы можемъ пріобрѣтать по обязательствамъ; съ § 168—182 излагается ученіе о способахъ прекращенія обязательствъ. Съ § 182-го и до конца третьей книги излагается ученіе объ обязательствахъ изъ деликта: кража (§ 182—209-й), насиліе (§ 209—218-й), lex Aquilia (§ 218—220 й), injuriae (§ 220—225-й).

Третьей книгой Гай заканчиваетъ изложеніе второй части своей системы, т. е. jus, quod ad res pertinet, и переходитъ къ изложенію третьей и послѣдней части системы, къ jus, quod ad actiones pertinet. Ей онъ посвящаетъ четвертую книгу своей работы, которая начинается изложеніемъ общаго ученія о видахъ исковъ (§ 1—10). Съ § 10—30 й идетъ разборъ вопроса о legis actiones: до 17 § включительно о legis actiones sacramento (дальше идетъ пропускъ), до § 21—о legis act. per condictionem; до § 26—о legis act. per manus injectionem; до § 30—о legis act. per pignoris capionem. Съ

§ 30—39 излагается ученіе о формулахъ и фикціяхъ; съ § 39—45—о частяхъ формулъ; съ § 45—48 de formulis in jus vel in factum conceptis; съ § 48—53—о присужденіи; съ § 53—61—de plus petendo; съ § 61—69—de bonae fidei judiciis; съ § 69—75—объ искахъ, которые даются противъ третьихъ лицъ за вину ихъ подвластныхъ или рабовъ; съ § 75—82—de noxalibus actionibus; съ § 82—88 перечисляются лица, черезъ которыхъ мы можемъ искать; съ § 88—103 – de satisdationibus; съ § 103—110 de judiciis legitim. et q. imperio continentur; съ § 110—112—объ искахъ постоянныхъ и временныхъ; съ § 112—115 идетъ рѣчь о заключительныхъ моментахъ исковъ; съ § 115—126 излагается ученіе о возраженіяхъ; съ § 126—130—de replicationibus et duplicationibus; съ § 130—138 – о прескрипціяхъ. Начиная съ § 138 идетъ изложеніе ученія объ интердиктахъ. Послѣ перечисленія видовъ интердиктовъ (§ 138—161) слѣдуетъ разборъ вопроса о порядкѣ и о послѣдствіяхъ интердиктнаго процесса (§ 161—171). Съ § 171 – 183-й говорится de poena temere ligantium. Все ученіе о процессѣ заканчивается изложеніемъ вопросовъ о призывѣ въ судъ и о поручительствѣ въ явкѣ на судъ къ сроку (vadimonium) (§ 183—187-й).

Институціи Гая, какъ мы уже это знаемъ изъ обзора ихъ содержанія, написаны и составлены по слѣдующей общей схемѣ. 1) jus, quod ad personas pertinet, 2) jus, quod ad res и 3) jus, quod actiones. Разсматривая какъ законодательныя, такъ и юридическія работы, по времени предшествовавшія составленію институцій, мы прежде всего наталкиваемся на тотъ фактъ, что ни одна изъ этихъ работъ не построена на классификаціи правовыхъ нормъ по personae, res и actiones, на классификаціи принятой Гаемъ. Такъ, система законовъ XII таблицъ носитъ чисто процессуальный характеръ, такимъ же характеромъ по преимуществу отли-

чается и система преторскаго эдикта и даже Сабиніанская система, бывшая, по общему отзыву ученыхъ [1]), какъ бы переходной ступенью къ дальнѣйшей систематизаціи. Но и она далеко еще не представляетъ того болѣе или менѣе гармоническаго и стройнаго цѣлаго, какое развертывается передъ глазами изучающаго институціи Гая. Такимъ образомъ, намъ прежде всего бросается въ глаза тотъ фактъ, что въ системѣ институцій мы встрѣчаемся съ чѣмъ-то ранѣе не употреблявшимся. Поэтому прежде всего предстоитъ рѣшить слѣдующій вопросъ: нужно-ли считать Гая авторомъ его системы или-же нѣтъ?

Большинство ученыхъ высказывается въ пользу отрицательнаго отвѣта, многіе обходятъ этотъ вопросъ молчаніемъ или признаютъ его при современномъ положеніи знаній неразрѣшимымъ; только весьма не многіе рѣшаютъ его въ пользу Гая. Не смотря на это, намъ кажется, болѣе вѣрнымъ нужно считать это третье мнѣніе, хотя и съ нѣкоторыми оговорками. Такъ, Крюгеръ [2]), рѣшительно отвергая авторство Гая, предполагаетъ, что Гай воспользовался чьей либо ранѣе существовавшей классификаціей и только развилъ ее; при чемъ, сообразно съ общимъ своимъ довольно недовѣрчивымъ, если такъ можно выразиться, отношеніемъ къ Гаю, Крюгеръ приписываетъ всѣ замѣченныя въ послѣднее время недостатки системы неумѣлому и неудачному детальному развитію, сдѣланному именно Гаемъ. Свое мнѣніе Крюгеръ, главнымъ образомъ, основываетъ на томъ, что Гай нигдѣ въ институціяхъ не выясняетъ тѣхъ мотивовъ и соображеній, въ силу которыхъ онъ принялъ именно такую систему, а не какую либо другую. „Если-бы, говоритъ Крюгеръ,

---

[1]) См. Муромцевъ, Гражданское право древняго Рима, Москва, 1883, стр. 484; въ особенности Leist, Versuch einer Geschichte der Römischen Rechtssysteme, Rostock und Schwerin, 1850, p. 40—59.

[2]) Krueger, ц. с. p. 189 и прим. отъ 41—45.

эта система была нова, то Гай, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ, хотя бы вскользь, обосновать свое нововведеніе, между тѣмъ такого обоснованія мы въ институціяхъ вовсе не встрѣчаемъ". Въ общемъ то-же самое высказываетъ и Карлова [1]), который думаетъ, что система Гая въ ея главныхъ чертахъ должна быть отнесена ко времени еще понтификальной юриспруденціи, отъ которой, какъ говоритъ Карлова, „эта система была унаслѣдована римскими юристами, какъ древнее общее достояніе римскаго права". (Krueger слѣдуетъ возникшему за послѣднее время мнѣнію, что дѣленіе Гая на personae и res относится къ самому древнему періоду, когда образовалось дѣленіе боговъ на заботящихся о духовномъ и матеріальномъ благосостояніи людей) [2]). Не останавливаясь на другихъ варьяціяхъ того-же основнаго воззрѣнія на происхожденіе системы Гая, укажемъ лишь на мнѣніе родоначальника этого воззрѣнія, Гуго, который не только отрицалъ авторство Гая, но который старался даже отыскать тѣ „глубокія историческія причины", благодаря коимъ система римскаго цивильнаго права не могла быть иной, чѣмъ она выражена у Гая. Любимой мыслью Гуго, къ которой онъ не разъ возвращался въ своемъ Lehrbuch der Geschichte des Römischen Rechts и въ отдѣльныхъ спеціальныхъ статьяхъ, было предположеніе, что дѣленіе на personae, res и actiones, введенное Гаемъ, должно разсматриваться „какъ общераспространенная логическая абстракція Римлянъ". Къ этой мысли Гуго пришелъ, главнымъ образомъ, потому, что его поразила та типическая троичность, которая красной нитью проходитъ черезъ всю исторію системы права Римлянъ, какъ-то, дѣленія: vi, clam, precario; potestas, manus, mancipium; capitis deminutio maxima, media, minima; cives, latini, peregrini и проч. „Очевидно, говоритъ Гуго, что эта троичность должна

---

[1]) Karlowa, u. c. p. 725.

[2]) Krueger, u. c. p. 189, np. 41.

была имѣть глубокіе корни въ правовомъ воззрѣніи народа и что она, въ свою очередь, обязательно должна была воздѣйствовать на теорію“. Но послѣ той глубокообдуманной критики, которую съ своимъ обычнымъ мастерствомъ примѣнилъ къ мнѣнію Гуго знаменитый Савиньи [1]), съ даннымъ предположеніемъ Гуго согласиться нельзя. „Если-бы дѣленіе, предложенное Гаемъ, говоритъ Савиньи, въ самомъ дѣлѣ покоилось на глубокихъ историческихъ основахъ, о которыхъ говоритъ Гуго и, слѣдовательно, если-бы эта система была общераспространенной и необходимой, то какъ-же объяснить тотъ фактъ, что тотъ-же самый Гай отступаетъ отъ нея въ другомъ своемъ сочиненіи—res quotidianae [2]) и что Флорентинъ, въ общемъ придерживающійся въ своихъ институціяхъ того-же порядка, во многомъ позволяетъ себѣ дѣлать отклоненія?“ „Не естественнѣе-ли предположить, говоритъ Савиньи далѣе, что система Гая явилась результатомъ индивидуальнаго воззрѣнія Гая, который нашелъ дѣленіе (на personae, res и actiones) болѣе удобнымъ для себя и болѣе цѣлесообразнымъ для своего преподавательскаго дѣла“? Почти то-же самое высказываетъ и Пухта, который думаетъ, что „мы не можемъ разсматривать систему институцій, этой первой (сколько мы знаемъ) книги, предназначенной для первоначальнаго преподаванія, какъ простое подражаніе прежнимъ системамъ; мы должны смотрѣть на нихъ, какъ на оригинальное произведеніе автора“ [3]). Такимъ образомъ, едва-ли мы сдѣлаемъ ошибку, если взглянемъ на Гая, какъ на автора данной системы, хотя, весьма возможно, что Гай и самъ не сознавалъ того крупнаго шага впередъ, который онъ сдѣлалъ сравнительно съ другими юристами, излагая jus civile по принятой

---

[1]) F. Carl von Savigny, System des heutigen Römischen Rechts, Berlin, 1840, I, p. 395—397.

[2]) См. § 12 д. р.

[3]) Пухта, Истор. рим. пр., стр. 336, то-же и Böcking въ Pandecten des Römischen Priv. и въ его Instit.

имъ системѣ. По всей вѣроятности, Гай принялъ такую именно систему, а не другую, лишь изъ соображенія удобства и цѣлесообразности, помимо всякихъ разсужденій о „глубокихъ историческихъ путяхъ и корняхъ“. Этимъ легко объясняется и то отсутствіе обоснованій нововведенія, на которое указываетъ Крюгеръ. Въ настоящее время, когда вопросъ системы есть вопросъ первой важности, когда часто, какъ указываетъ Пухта [1]), изъ за системы игнорируется цѣлесообразность вводимыхъ кодификаторами и законодателями нормъ, въ настоящее время, конечно, по меньшей мѣрѣ страннымъ показалось бы появленіе компендіума права съ положенной въ основаніе новой системой безъ спеціальнаго предварительнаго трактата о смыслѣ и значеніи вновь вводимаго. Но въ древнее время, когда право только едва становилось на твердую почву и когда теоріи въ ея настоящемъ смыслѣ не было, появленіе новой системы безъ какихъ-либо обоснованій ея, могло казаться вполнѣ естественнымъ. Хороша-ли система или дурна—вопросъ рѣшался на практикѣ, и разъ система оказывалась удобной—она уже однимъ этимъ принималась за хорошую.

Выше мы сказали, что система Гая представляетъ изъ себя крупный шагъ впередъ въ дѣлѣ классификаціи правовыхъ нормъ. Въ чемъ-же собственно заключается преимущество этой системы и въ чемъ ея значеніе?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы прежде разсмотримъ самую систему по существу. „Въ первомъ отдѣлѣ системы Гая, говоритъ Савиньи [2]), нѣкоторые хотятъ видѣть ученіе о субъектахъ правъ, основывая свое воззрѣніе на томъ, что будто-бы Гай подъ словомъ status понимаетъ различныя естественныя и правовыя состоянія (Zustände) людей, какъ-

---

[1]) Пухта, Kleine civilistische Schriften, въ статьѣ Betrachtungen über alte und neue Rechtssysteme, p. 22".

[2]) Савиньи, ц. с. p. 397—401.

то: старость, болѣзнь, — съ одной стороны, правоспособность, свободу, гражданство и проч — съ другой. Но, очевидно, что, въ большинствѣ случаевъ, Гай подъ status понимаетъ нѣчто другое. Болѣе другихъ близокъ къ истинѣ Гуго, который подъ первой частью системы Гая, подъ частью de personis, понимаетъ ученіе о правоспособности или ученіе о тѣхъ трехъ свойствахъ, которымъ соотвѣтствуетъ троякое capitis deminutio. Но и этому воззрѣнію противорѣчитъ содержаніе первой части данной системы". По мнѣнію Савиньи, необходимо обратить вниманіе на третій отдѣлъ первой книги, гдѣ излагается ученіе объ опекѣ. „Ученіе-же объ опекѣ, говоритъ онъ, никакого отношенія не имѣетъ къ вопросу о правоспособности". „Съ другой-же стороны, продолжаетъ Савиньи, въ этой первой книгѣ не достаетъ изложенія одного изъ трехъ главнѣйшихъ отдѣловъ, касающихся правоспособности, именно различія между cives, latini, peregrini. Такимъ образомъ, первая книга, съ одной стороны, содержитъ въ себѣ больше, а съ другой—меньше, чѣмъ она должна была бы содержать, если бы мнѣніе Гуго было справедливо". Въ виду этого, Савиньи приходитъ къ убѣжденію, что первая часть системы Гая содержитъ не ученіе о субъектахъ правъ, не ученіе о правоспособности, а семейственное право (Familienrecht). „Первая часть системы, говоритъ онъ, трактуетъ о бракѣ, объ отцовской власти, о manus, о рабахъ, о патронатѣ, mancipium и опекѣ. Поэтому не излагается и разница между cives, latini и peregrini, такъ какъ это различіе принадлежитъ къ частному праву лишь до тѣхъ поръ и постолько, пока и посколько разсматривается вопросъ о правоспособности Въ этомъ отдѣлѣ системы не нашло мѣсто только ученіе о родствѣ (несомнѣнной вѣтви семейственнаго права), но это отклоненіе на правильность самаго воззрѣнія вліять не можетъ, такъ какъ оно слишкомъ незначительно". „Надѣюсь, говоритъ Савиньи дальше, что никто не станетъ

опровергать мое положеніе только потому, что Гай нигдѣ не употребляетъ терминъ „семейственное право“. Во первыхъ, Гай не имѣлъ для этого понятія подходящаго названія, а во вторыхъ, нѣкоторыя выраженія прямо могутъ служить намеками, что Гай былъ весьма близокъ къ тому, чтобы даже прямо назвать и опредѣлить содержаніе первой книги ея настоящимъ именемъ. Такъ, status и conditio hominum скорѣе обозначаетъ положеніе отдѣльныхъ лицъ въ различныхъ семейныхъ отношеніяхъ, (наприм. мужъ, отецъ, опекунъ), чѣмъ правовое состояніе. Такое же значеніе, по всей вѣроятности, имѣло и jus personarum, употребляемое Гаемъ поперемѣнно съ указанными только что выраженіями“.

Но и съ мнѣніемъ Савиньи едва-ли можно согласиться. Если не правы тѣ, которые въ jus quod ad personas склонны видѣть ученіе о субъектахъ правъ, если не правъ и Гуго, считающій этотъ отдѣлъ системы за ученіе о правоспособности (только), то такъ-же не правъ и Савиньи, думающій, что первая книга институцій посвящена изложенію семейственнаго права. Не говоря уже о томъ, что изложеніе семейственнаго права невозможно безъ изложенія ученія о родствѣ, этой „несомнѣнной вѣтви семейственнаго права“, какъ выражается самъ-же Савиньи, трудно допустить, чтобы Гай, говоря о семьѣ, о бракѣ и вообще о семейныхъ отношеніяхъ, умолчалъ совершенно о приданномъ. А между тѣмъ, какъ мы имѣли уже случай указывать [1]), въ институціяхъ dos совершенно выпущенъ. Мало того. Если мы присмотримся къ тому, какъ Гай излагаетъ бракъ и другія семейныя отношенія, то первое, что намъ бросится въ глаза, это то, что всѣ эти отношенія интересны Гаю не сами по себѣ, а лишь постолько, поскольку они, какъ выражается Бэкингъ [2]) „такъ или иначе влія-

---

[1]) См. отдѣлъ A, § 11 дан. раб.

[2]) Böcking, Pandect. des Röm. Priv., I, Anhang VI, см. Karlowa, цит. соч. p. 725.

ютъ на измѣненіе правоспособности и дѣеспособности лица". Напримѣръ, останавливаясь такъ тщательно на ученіи о potestas и manus, Гай совсѣмъ не разсматриваетъ имущественныхъ отношеній супруговъ. То, что говоритъ Савиньи по поводу отдѣла объ опекѣ, имѣетъ значеніе опроверженія лишь до тѣхъ поръ, пока мы, ставъ на точку зрѣнія Гуго, будемъ видѣть въ первой книгѣ лишь ученіе о правоспособности. Но, если мы, согласно мнѣнію впервые высказанному Пухтой [1]) и разработанному въ особенности Бекингомъ [2]), восполнимъ предположеніе Гуго, внеся въ него и понятіе дѣеспособности, то, очевидно данное возраженіе Савиньи отпадетъ само собой Опека есть восполненіе недостающей у лица дѣеспособности, слѣдовательно, ничего не можетъ быть естественнѣе, если Гай ввелъ ученіе о ней (т. е. объ опекѣ) въ первую часть своей системы.

„Еще болѣе спорно, говоритъ Савиньи, содержаніе 2-й и 3-й части системы". Основаніе сомнѣній лежитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что одни относятъ обязательства къ началу третьей части системы, другіе-же къ концу второй части. Первые основываются на томъ, что искамъ, какъ отношеніямъ возникающимъ изъ обязательствъ, весьма естественно должно было предшествовать изложеніе ученія о самихъ обязательствахъ; вторые считаютъ себя болѣе правыми потому, что обязательства не могутъ относиться ни къ какому другому отдѣлу, какъ только къ res incoprorales. Обращаясь затѣмъ за подробностями къ представителямъ этихъ противоположныхъ гипотезъ, мы видимъ, что на сторонѣ второго мнѣнія гораздо больше вѣскихъ аргументовъ, чѣмъ на сторонѣ перваго. Представитель перваго мнѣнія—Hugo, съ „обычной своей энергіей и краснорѣчіемъ" во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій „защищавшій принадлежность обязательствъ

---

[1]) Puchta, Kl. civ. Schriften, Ueber alte und neue Rechtsyst. p. 221—222.
[2]) Böcking, ц. с.

къ третьему отдѣлу системы Гая", какъ говоритъ Савиньи, „выставляетъ на первый планъ то доказательство, что сотрудникъ Юстиніана по составленію институцій, Θеофилъ, присоединяетъ obligationes къ actiones и изложенію actiones въ видѣ введенія предпосылаетъ изложеніе ученія объ обязательствахъ". Само собой разумѣется, что если бы Θеофилъ былъ первымъ, который создалъ данную систему институцій, его мнѣніе имѣло бы рѣшающее значеніе. „Но, спрашиваетъ Савиньи, какой вѣсъ имѣетъ мнѣніе Θеофила въ настоящее время, когда мы послѣ открытія Гая уже знаемъ, кто былъ настоящимъ авторомъ системы? Развѣ нельзя допустить мысли, что Θеофилъ, отнесшій обязательства къ искамъ, и самъ не понималъ или, если и понималъ, то невѣрно, сущность и смыслъ системы Гая"? „Наконецъ, замѣчаетъ въ заключеніе Савиньи, если-бы мы признали, что третью часть системы составляютъ обязательства и ихъ слѣдствіе иски, то какъ-же мы тогда объяснили бы, почему Гай этотъ отдѣлъ своей системы называетъ jus, quod actiones, а не jus quod obligationes pertinet"? Въ особенности тщательно разработанъ этотъ вопросъ Пухтой [1]), который, собственно говоря, первый опредѣлилъ точно границу между второй и третьей частями системы Пухта считаетъ „дѣломъ порѣшеннымъ", что obligationes Гай относилъ къ res incorporales. „Гай, говоритъ Пухта, не только приводитъ обязательства въ числѣ примѣровъ къ ученію о безтѣлесныхъ вещахъ [2]), но и, говоря о примѣнимости mancipatio, in jure cessio и т. д. къ rebus corporalibus и incorporalibus, между послѣдними снова приводитъ облигаціи (послѣ hereditas) [3]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ прямо называетъ облигаціи res nec mancipi [4]). За от-

---

[1]) Puchta, ц. с.; Puchta, Истор. рим. пр. стр. 341 (ii).
[2]) Inst. II, § 14.
[3]) Inst. II, § 38.
[4]) Inst. II, § 85.

дѣльнымъ изложеніемъ hereditatis слѣдуетъ изложеніе въ томъ же порядкѣ и ученія объ обязательствахъ [1])". Это-же мнѣніе высказывается и Бэкингомъ [2]).

Въ виду всѣхъ указанныхъ соображеній, намъ кажется гораздо болѣе правильнымъ согласиться съ этимъ вторымъ предположеніемъ. Тогда разбираемая система представится въ слѣдующемъ видѣ: 1) правоспособность и дѣеспособность лицъ, 2) имущественныя правоотношенія: вещи тѣлесныя и безтѣлесныя, куда относятся и обязательства и 3) охрана правъ.

По поводу третьей части системы, на основаніи весьма остроумнаго замѣчанія Лейста [3]), необходимо сдѣлать еще одну оговорку. Дѣло въ томъ, что названный ученый подмѣтилъ одну весьма характерную особенность въ системѣ Гаевскихъ институцій. „Если мы станемъ разсматривать, говоритъ Лейстъ [4]), содержаніе первыхъ трехъ книгъ институцій Гая, то мы сразу увидимъ, что всѣ онѣ посвящены изложенію jus civile. Конечно, Гай не могъ обходить совершеннымъ молчаніемъ прегорское право, но онъ не отводитъ ему въ своей системѣ особаго мѣста и излагаетъ его только при необходимости и только въ самыхъ краткихъ чертахъ. Четвертая книга носитъ совсѣмъ особый характеръ. Она состоитъ изъ четырехъ самостоятельныхъ ученій: actiones, exceptiones, interdicta и, наконецъ, poenae temere litigantium и in jus vocatio. Отдѣлъ объ интердиктахъ Гай считаетъ послѣднимъ отдѣломъ, такъ какъ начинаетъ его словами: superest, ut de interdictis suspiciamus [5]). Такимъ образомъ, четвертый отдѣлъ является какъ бы приложеніемъ, которое, содержа въ себѣ нѣчто общее de judiciis, должно

---

[1]) Inst. III, начиная съ § 88.
[2]) См. Böcking, ц. с., § 28. (Пухта, p. 339, (hh)).
[3]) Leist. ц. с. p. 70—74.
[4]) Idem. ц. с. p. 71.
[5]) См. Inst. § 138, IV.

въ ровной мѣрѣ относиться ко всему третьему дѣленію системы". Послѣ этого предварительнаго замѣчанія Лейстъ начинаетъ сравнивать порядокъ расположенія четвертой книги институцій съ системой эдикта и приходитъ къ тому выводу, что въ данномъ мѣстѣ Гаевской работы мы имѣемъ дѣло съ краткимъ обозрѣніемъ главнѣйшихъ частей системы эдикта. „Гай, говоритъ по этому поводу Лейстъ, оставляя въ сторонѣ первую часть эдикта, начинаетъ здѣсь съ ученія, составлявшаго главную часть эдикта, и не забываетъ выставить на первый планъ различіе между actiones in rem и in personam, какъ оно выставлено въ обѣихъ частяхъ de judiciis и de rebus. Конечно, не въ планѣ Гая было слѣдовать и въ дальнѣйшемъ изложеніи точной системѣ эдикта, такъ какъ это было бы менѣе полезно, чѣмъ то, что сдѣлалъ Гай, изложивъ общій характеръ исковъ по эдикту. Точно также Гаю вовсе не слѣдовало изъ-за точности въ слѣдованіи системѣ эдикта не помѣщать послѣ actiones остальныя двѣ существенныя части: exceptiones и interdicta. Но оставивъ безъ вниманія первую и послѣдню часть эдикта, такъ какъ и та, и другая содержатъ въ себѣ многія, чисто спеціальныя ученія, изложеніе которыхъ было бы излишне въ учебникѣ, гдѣ приводятся только основы права, Гай вмѣсто нихъ приводитъ кое что о satisdationes (при изложеніи actiones въ §§ 88—102) и въ заключеніе, послѣ интердиктовъ, въ общемъ, если можно выразиться, отдѣлѣ, указываетъ въ видѣ приложенія на тѣ отдѣльныя положенія, которыя онъ извлекъ изъ первой части эдикта". Въ концѣ концовъ Лейстъ приходитъ къ слѣдующей гипотезѣ: институціи Гая представляютъ изъ себя оригинальную комбинацію изложенія jus civile съ краткимъ обозрѣніемъ эдикта. Происхожденіе подобной комбинаціи Лейстъ объясняетъ тѣмъ дуализмомъ, который проникалъ въ то время всѣ правоотношенія. „При такомъ дуализмѣ, говоритъ Лейстъ, нѣтъ ничего страннаго, если талантливому препода-

вателю въ видахъ большаго удобства обозрѣнія пришла въ голову мысль сопоставить эти сами собой появившіяся противоположенія". (Между прочимъ, въ данной гипотезѣ Лейста можно видѣть еще одно доказательство того, что авторомъ системы институцій былъ именно Гай).

Указавъ, такимъ образомъ, на сущность системы Гая, мы можемъ перейти къ вопросу о значеніи ея и рѣшить вопросъ, поставленный нами выше: въ чемъ-же собственно заключается тотъ шагъ впередъ, который былъ сдѣланъ Гаемъ въ дѣлѣ классификаціи правовыхъ нормъ? Сравнимъ для этого систему Гая съ тѣми системами, которыя практиковались въ Римѣ до появленія институцій. Пользуясь данными изъ цитированнаго выше сочиненія Лейста, мы получаемъ слѣдующую таблицу: 1) до законовъ XII таблицъ: jus и actio; 2) законы XII таблицъ: jus и actio; 3) система эдикта: jurisdictio, judicia, interdicta, praescriptiones и exceptiones и stipulationes praetoris и satisdationes. То есть: древнѣйшая система носитъ чисто процессуальный характеръ. Система же юридическихъ трактатовъ до появленія такъ называемой Сабиньянской системы представлялась въ такомъ видѣ: законодательство и его объясненіе. Напримѣръ, tripertita Секста Элія, которое состояло изъ 3 частей: leges XII tabularum, interpretatio и legis actiones. Такъ называемая Сабиньянская система, насколько возможно ее возстановить, состояла изъ слѣдующаго: 1) завѣщанія и легаты; 2) обязательства (не всѣ), 3) бракъ и приданное, 4) кража, 5) condictiones, 6) stipulationes, 7) rei vindicatio (по нѣкоторымъ: de jurisdictione). Очевидно, что послѣдняя система, „направленная, какъ говоритъ Муромцевъ, къ тому, чтобы новый матерьялъ вмѣстить въ рамки давно отжившія", есть уже значительный шагъ впередъ сравнительно съ предъидущими системами. Здѣсь уже не внѣшнее различіе по законодательнымъ нормамъ положено въ основаніе (какъ напримѣръ у С. Элія), а здѣсь уже

мы имѣемъ дѣло съ попыткой систематизировать право по внутреннему содержанію его отраслей. Нечего, конечно, и говорить, что попытка эта весьма несовершенна. Обращаясь теперь къ Гаю, мы видимъ, что онъ уже окончательно созналъ различіе правъ, какъ отношеній защищаемыхъ, и исковъ, какъ отношеній защищающихъ [1]). Такимъ образомъ, первая заслуга Гая состоитъ въ томъ, что онъ отдѣлилъ право отъ процесса и что онъ въ самомъ правѣ различалъ права отъ защиты правъ. Вторая-же заслуга Гая, не говоря уже объ окончательномъ сознаніи того, что правовыя нормы нужно классифицировать не по внѣшнимъ данным, а по внутреннему содержанію нормъ, состоитъ въ детальной разработкѣ выставленныхъ въ системѣ началъ.

Весьма своеобразную оцѣнку значенія системы институцій даетъ намъ Менъ въ своей книгѣ „Древній законъ и обычай“ [2]). Исходя изъ того основнаго положенія (на основаніи сравненія различныхъ памятниковъ древнихъ законодательствъ римлянъ, франковъ, ирландцевъ, индусовъ и исландцевъ), что древнее законодательство, главнымъ образомъ, опредѣляло процессуальное право, а болѣе совершенное законодательство отводило процессу второстепенное мѣсто, Менъ съ этой же точки зрѣнія смотритъ и на институціи Гая. „Основная моя мысль та, говоритъ Менъ, что роль правосудія и его органовъ заслоняла собой всѣ другія понятія и соображенія въ умахъ составителей древнѣйшихъ кодексовъ, принадлежавшихъ къ народамъ арійской расы, столь отдаленныхъ и столь отличныхъ другъ отъ друга.... Судъ тогда оказывалъ необычайное вліяніе на человѣческіе умы и имѣлъ для нихъ особенную прелесть, являясь средствомъ рѣшенія споровъ, которые до тѣхъ поръ рѣшались силой или же оставались совсѣмъ

---

[1]) См. Муромцевъ, ц. с. стр. 485.

[2]) Менъ, Древній законъ и обычай, пер подъ ред. Мак. Ковалевскаго, М. 1884, стр. 280—301.

неразрѣшенными.... Что же касается насъ, то едва ли нужно говорить, что мы повинуемся законамъ почти безсознательно. Законъ такъ проникъ всѣ наши привычки и понятія, что суды рѣдко нуждаются въ призывѣ повиноваться имъ и, такимъ образомъ, какъ бы отходятъ на задній планъ". Этотъ-же взглядъ Менъ прилагаетъ и къ институціямъ „Хотя, говоритъ онъ, авторъ римскихъ институцій не создалъ и не могъ создать системы, основанной на классификаціи правъ (?), однако онъ, (поставивъ правила объ искахъ и процедурѣ на второстепенное мѣсто) достигъ пониманія права, какъ чего-то отличнаго отъ процедуры и призналъ возможнымъ раздѣлить его на право личное и вещное". И въ этомъ, по мнѣнію Мена, несомнѣнная заслуга автора системы.

Въ заключеніе, разсмотримъ еще вопросъ о недостаткахъ системы Гая. Собственно говоря, очень трудно понять, съ какой точки зрѣнія смотрятъ на эту систему тѣ ученые, которые стремятся перечислить всѣ ея недостатки. Одно—если они смотрятъ на нее примѣнительно къ современному воззрѣнію на классификацію и примѣнительно къ современному праву, и другое—если они смотрятъ на нее, какъ на систему, принятую преподавателемъ для ознакомленія учениковъ съ правомъ города Рима. Конечно, если смотрѣть съ первой точки зрѣнія, то система окажется далеко несовершенной уже по одному тому, что она въ институціяхъ не была окончательно разработана Гаемъ (дальнѣйшее развитіе ея представляется Гаемъ въ его res quotidianae) да въ такой разработкѣ не представлялось и надобности, такъ какъ, повторяемъ (см. А, § 11), институціи—только краткое введеніе въ курсъ гражданскаго права Рима. Если же смотрѣть на нее со второй точки зрѣнія, то, едва-ли не правъ Пухта [1]), который говоритъ, что эта система была „удивительно естественной и послѣдовательной" и что „никакимъ другимъ путемъ не-

[1]) Пухта, Ueber alte und neue Syst. p. 221 и p. 238.

льзя было такъ легко ввести юношу въ преддверье гражданскаго права, какъ путемъ именно данной системы". Въ общемъ-же, можно сказать, что на системѣ Гая еще разъ оправдалось то правило, что всякое чрезмѣрное увлеченіе вначалѣ непремѣнно ведетъ къ чрезмѣрному разочарованію впослѣдствіи. „Послѣ долгаго пренебреженія къ этой системѣ, говоритъ Менъ [1]), на нее стали смотрѣть, какъ на выраженіе абсолютной правды, и явилось убѣжденіе, что есть существенное, фундаментальное различіе между тремя большими отдѣлами, на которое римляне дѣлили свое право. Позднѣе были замѣчены нѣкоторыя неудобства точнаго примѣненія римской доктрины, и много остроумія было потрачено на ихъ разъясненіе и устраненіе. Въ концѣ концовъ, эта система была признана невыдержавшей критики, и за нею стали признавать лишь историческій интересъ". Не будь такого увлеченія вначалѣ, не было бы потомъ и горькаго разочарованія. Нельзя видѣть въ системѣ Гая „выраженіе абсолютной правды", нельзя уже по одному тому, что, если нѣтъ ни абсолютнаго права, ни абсолютныхъ нормъ, то какъ-же можетъ быть абсолютная система правъ или нормъ? Но, съ другой стороны, такъ-же несправедливо изъ-за нѣкоторыхъ погрѣшностей признавать всю систему заслуживающей значенія лишь историческаго факта. И это несправедливо тѣмъ болѣе, что погрѣшности въ системѣ Гая, въ большинствѣ случаевъ,—только кажущіяся, такъ какъ онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ тому много разъ нами указанному обстоятельству, что институціи—только краткое введеніе въ курсъ гражданскаго права. Главный недостатокъ системы, на который большинство ученыхъ указываетъ въ особенности, это—то, „что Гай интересовался правами главнымъ образомъ съ точки зрѣнія ихъ установленія и прекращенія", такъ что его руководство, по мнѣнію Муромцева [2]), „представля-

---

[1]) Менъ, ц. с. стр. 281.

[2]) Муромцевъ, ц. с. стр. 486—487.

етъ изъ себя почти непрерывное изложеніе ряда юридическихъ сдѣлокъ; при этомъ часто къ описанію сдѣлки пріурочивается описаніе нѣсколькихъ правъ, которыя могутъ быть установлены этой сдѣлкой". Между тѣмъ, юридическія права, продолжаетъ Муромцевъ, „важнѣе самихъ сдѣлокъ, и боболѣе совершенная система должна быть основана на различіи правъ, но не на различіи сдѣлокъ". Остальныя недостатки по преимуществу сводятся къ подробностямъ системы, къ тому, что Гаемъ не упомянуты: a) изъ числа реальныхъ контрактовъ ни одинъ, кромѣ займа, b) pacta („Гай не дѣлаетъ попытки сблизить ихъ съ консессуальными контрактами"), c) dos, родство и проч.; къ тому, что Гай „вопреки единству системы" допускаетъ нѣсколько дѣленій одного и того-же предмета на категоріи,—дѣленій, которыя не согласуются одно съ другимъ, къ тому, что Гай относитъ сервитуты къ безтѣлеснымъ вещамъ, въ то время какъ сервитуты въ дѣйствительности составляютъ отношенія, права и т. п.

§ 12.

Слѣдующее сочиненіе Гая, на которомъ мы остановимся подробнѣе, это—его rerum quotidianarum sive aureorum libri VII. Слѣдуя порядку, принятому Гешеномъ [1]), авторомъ прекрасной и единственной въ литературѣ статьи, посвященной спеціально данному сочиненію Гая, мы раздѣлимъ этотъ параграфъ на три отдѣла: 1) вопросы, связанные съ названіемъ сочиненія; 2) содержаніе и система и 3) количество книгъ.

---

[1]) Göschen, Ueber die Res quotidianae des Gajus, Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft, I, p. 54—77. Эта статья настолько подробно и обстоятельно излагаетъ и разбираетъ большинство вопросовъ, связанныхъ съ даннымъ сочиненіемъ Гая, что мы нашли самымъ удобнымъ ее всю положить въ основу изложенія даннаго параграфа и только дополнили ее на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій по вопросу о системѣ и содержаніи Rer. quot., о коихъ статья Гешена говоритъ лишь вскользь.

I. Res quotidianae это—то заглавіе, которое приложено къ данному сочиненію въ § 6 предисловія къ институціямъ Юстиніана, гдѣ сказано: Quas ex omnibus antiquorum institutionibus et praecipue ex commentariis Gaji nostri tam institutionum quam rerum cottidianarum aliisque multis commentariis compositas и т. д. Во Флорентинскомъ-же index'ѣ мы находимъ эту работу Гая не подъ сказаннымъ заглавіемъ, а подъ другимъ, именно: Aurea. Самый же текстъ Флорентинскаго кодекса въ инскрипціяхъ на отдѣльныхъ взятыхъ изъ разбираемаго труда Гая фрагментахъ приводитъ новое заглавіе: Res cottidianae sive Aurea [1]). Отсюда слѣдуетъ, что Res quotidianae Гая имѣли еще названіе Aurea Но это мнѣніе раздѣляется далеко не всѣми. Такъ, Конради, какъ указываетъ Гешенъ, предполагаетъ, что названіе Aurea принадлежитъ не однимъ res quot., а имъ вмѣстѣ съ институціями Гая. Онъ исходитъ изъ того, что res quot. будто бы состояли только изъ трехъ книгъ (какъ увидимъ ниже, дигесты цитируютъ только первыя три книги) и потомъ разсуждаетъ такъ: такъ какъ Флорентинскій index указываетъ на семь книгъ Aurea, то слѣдуетъ или предположить описку со стороны переписчика, или же признать, что составитель имѣлъ подъ aurea въ виду три книги rerum quot. и четыре книги институцій, которыя также могли быть называемы Aurea. Но не говоря уже о томъ, что странно было бы думать, что составитель дигестъ два раза станетъ цитировать одно и то-же подъ разными заглавіями (институціи и Res quotidianae родственны по содержанію), мы имѣемъ еще, какъ увидимъ ниже, и положительныя доказательства, что Res quotidianae состояли изъ семи, а не изъ трехъ только книгъ, какъ думаетъ Конради.

---

[1]) Изъ 26 фрагментовъ, взятыхъ въ дигесты изъ Rerum quotid , 21 содержатъ въ себѣ заглавіе: Gajus libro N Rerum cottidianarum sive Aureorum; въ трехъ только: Rerum cottidianarum и въ двухъ только: aureorum.

Но, спрашивается, какъ-же объяснить это двойное заглавіе и какой смыслъ имѣло каждое изъ нихъ? И тотъ, и другой вопросъ весьма спорны. Если никто не сомнѣвается въ томъ, что заглавіе „res quottidianae“ принадлежитъ Гаю, то съ другой стороны почти у каждаго изъ ученыхъ есть свой, личный взглядъ на смыслъ и значеніе этого заглавія. Всѣ эти различныя мнѣнія, по предложенію Гешена, можно свести къ двумъ типамъ: одни думаютъ, что заглавіе „res cottidianae“ дано Гаемъ субъективно, независимо отъ содержанія, другіе же наоборотъ ищутъ подтвержденія заглавія объективно въ самомъ содержаніи даннаго сочиненія. Первые думаютъ, что выраженіе quotidianae указываетъ на постепенное распространеніе въ видѣ отдѣльныхъ „ежедневныхъ“ выдержекъ Но въ чемъ заключается это постепенное распространеніе, этотъ вопросъ снова порождаетъ споры и даже въ лагерѣ самихъ субъективистовъ. Большинство считаетъ, что выраженіе quotidianae указываетъ на постепенное созданіе самого сочиненія. Такъ, напримѣръ, говоритъ, какъ указываетъ Гешенъ, Rad Fornerius, который думаетъ, что у римскихъ юристовъ заглавіе quotidianae обозначало „аггрегатъ отдѣльныхъ замѣчаній“, записанныхъ день за днемъ; содержаніе-же такихъ замѣчаній могло быть или почерпнуто изъ текущей судебной практики, или же явиться результатомъ преподаванія [1]). Меерманнъ-же, какъ указываетъ Гешенъ, объясняетъ интересующее насъ заглавіе тѣмъ, что Гай написалъ свое сочиненіе на основаніи тѣхъ основныхъ правовыхъ положеній, которыя онъ по отдѣльнымъ отрывкамъ имѣлъ обыкновеніе объяснять и диктовать ученикамъ, тѣмъ болѣе, что самыя эти диктовки (pensa) носили у древнихъ названіе quotidiana. Вторые-же (объективисты) пред-

---

[1]) Доказательствомъ перваго служитъ парафраза Θсофила (она приведена въ текстѣ въ концѣ I); доказательство въ пользу втораго—обычай древнихъ разбирать контроверсы.

полагаютъ, что выраженіе quotidianae res, вытекая изъ содержанія труда, указываетъ на то, что данное сочиненіе Гая составлено и трактуетъ о такихъ предметахъ, которые ежедневно „приходятъ на языкъ“ во время судебныхъ разбирательствъ и знаніе которыхъ для каждаго въ особенности важно и необходимо [1]). Vertrandus, также одинъ изъ сторонниковъ второго мнѣнія, какъ указываетъ Гешенъ, добавляетъ къ этому, что res quotid. были къ тому же собраніемъ такихъ правовыхъ случаевъ, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, отражалась будничная, ежедневная жизнь человѣка. „Оцѣнивая эти оба мнѣнія, говоритъ Гешенъ, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что предпочтеніе должно быть отдано второму, а не первому. Очевидно, что подъ словомъ quotidianae подразумѣвается нѣчто такое, что ежедневно повторяется, ежедневно становится на очередь и употребляется. Если мы даже предположимъ, что заглавіе дано субъективно, то все-таки необходимо, чтобы дающій заглавіе имѣлъ какое нибудь объективное основаніе“. Насколько-же это, приводимое сторонниками второго мнѣнія, объективное основаніе вѣрно, это видно изъ самаго содержанія Res quot. Въ особенности это очевидно изъ парафразы § 6 prooeminm Inst. Iust., сдѣланной Θеофиломъ, который говоритъ: ...τῶν ὑπομνημάτων Γαΐου, τοῦτο μὲν τῶν ὡς ἐν ἰνσιτούτοις, τοῦτο δὲ καὶ ἐκ τῶν Κωδίκων αὐτοῦ, ἔνθα διαλέγεται περὶ τῶν κάθ'ἑκάστην ἡμέραν κινουμένων Πραγμάτων... Ясно, что Θеофилъ описываетъ Res quot. Гая какъ такое его сочиненіе, въ которомъ Гай говоритъ о предметахъ, приходящихъ на память каждый день (т. е. всѣ дни или ежедневно).

Что касается второго заглавія „Aurea“, то всѣ того мнѣ-

---

[1]) О томъ, что юристы именно въ такомъ смыслѣ употребляли выраженіе cottidianae, можетъ свидѣтельствовать мѣсто изъ Павла (l. 25 de lib. leg. XXXIV, 3), гдѣ приводится одинъ случай легата и въ заключеніе говорится: quaero, an per omnia requirendum putes, an debitum sit; et plenius rogo quae ad haec spectant attingas: cottidiana enim sunt.

нія, что оно возникло благодаря выдающимся достоинствамъ содержанія данной работы Гая. Но, конечно, тѣ, которые думаютъ, что все содержаніе Res quot. состояло изъ отдѣльныхъ отрывковъ и положеній (сторонники субъективной гипотезы), относятъ названіе „Aurea“ къ цѣнности и значенію отдѣльныхъ положеній; тѣ-же, которые думаютъ, что Res quot. Гая есть вполнѣ законченное произведеніе, придаютъ названію „Aurea“ другое объясненіе, сообразное съ ихъ основнымъ воззрѣніемъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что названіе „Aurea“ исходитъ не отъ самого Гая По мнѣнію большинства, оно придано данному труду Гая его почитателями и учениками, „оно возникло въ практикѣ“, какъ говоритъ Рудорффъ [1]).

II Изъ того, что только что было сказано, можно было уже заключить, что содержаніе Rerum quot. обнимало тѣ правовыя положенія, которыя были наиболѣе ходки. Но, спрашивается, стоялъ ли Гай при изложеніи этихъ правовыхъ положеній исключительно на практической точкѣ зрѣнія или же и теоретически разрабатывалъ тѣ вопросы, которые такъ часто встрѣчались на практикѣ? Мнѣнія по этому вопросу расходятся. Рейцъ, какъ указываетъ Гешенъ, убѣжденъ въ томъ, что въ данномъ сочиненіи Гая интересовала только практика. „Въ институціяхъ, говоритъ Рейцъ, излагалъ Гай теорію, здѣсь-же (in Rebus cotid.) онъ излагалъ только золотую практику“. Но тутъ-же Гешенъ указываетъ, насколько подобное мнѣніе односторонне. Приводя слова Galvanus'a, Гешенъ думаетъ вмѣстѣ съ нимъ, что теоретическій разборъ вопросовъ не былъ чуждъ Гаю и въ Res quot., но что это послѣднее сочиненіе отличалось отъ институцій только выборомъ предметовъ разсужденій: въ то время какъ въ институціяхъ Гай излагаетъ теорію права въ ея полномъ объемѣ, въ Res quot. онъ теоретически разрабатываетъ только

[1]) Rudorff, ц. с. p. 175.

отдѣльные, имѣющіе особое практическое значеніе, вопросы. Дальше Гешена идетъ Конради, который ставитъ Res quot. по теоретическому изложенію наравнѣ съ институціями. Но этотъ же ученый заходитъ такъ далеко, что считаетъ Res cottidianae комментаріемъ къ институціямъ. Съ этимъ нельзя согласиться уже по одному тому, что трудно предположить, чтобы одинъ и тотъ-же писатель одинъ и тотъ-же матерьялъ сначала изложилъ бы въ четырехъ книгахъ, а потомъ комментировалъ бы въ семи. Проще и вѣрнѣе другихъ рѣшаетъ данный вопросъ Карлова [1]). „Такъ какъ институціи Гая, говоритъ онъ, представляли изъ себя только краткое введеніе въ курсъ гражданскаго права города Рима и въ силу этого исключали возможность всесторонней и детальной разработки отдѣльныхъ вопросовъ, то, въ виду настоятельной потребности подробнѣе изложить тѣ же вопросы, Гай и предпринялъ составленіе новаго труда, libri VII rerum quotidianarum, который былъ предназначенъ служить дальнѣйшимъ послѣ институцій руководствомъ для изучающихъ право“. Это, кромѣ самаго содержанія (насколько можно судить), подтверждается еще и тѣмъ, что Юстиніанъ упоминаетъ въ § 6 prooemium Inst. данное сочиненіе рядомъ съ институціями Гая и другихъ авторовъ. А то, что самое изложеніе Rerum quotid. было подробнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ изложеніе институцій, это очевидно изъ текста дошедшихъ до насъ, благодаря дигестамъ, выдержекъ.

Насколько можно судить по тѣмъ 26 фрагментамъ (4 изъ первой книги [2]), 19 изъ второй [3]) и 3 изъ третьей [4])), которые взяты изъ даннаго сочиненія въ дигесты, Res quot. Гая

---

[1]) Karlowa, ц. с. I, p. 725.

[2]) L. 4, XXXIX, 6; l. 7, XL, 2; l. 24, XL, 4 и l. 10, XL, 9.

[3]) L. 5, I, 8; l. 3, VII, 1; l. 11, VII, 8; l. 16, VIII, 4; l. 2 и l. 4, XVII, 1; l. 72, XVII, 2; l. 2 и l. 16, XVIII, 6; l. 2, XIX, 2; l. 28, XXII, 1; l. 1, 3, 5, 7 и 9, XLI, 1; l. 36 и l. 38, XLI, 3 и l. 1, XLIV, 7.

[4]) L. 4 и l. 5, XLIV, 7; l. 6, L, 13.

были построены въ общихъ чертахъ по той же системѣ, какъ и его институціи и въ основу системы было положено то-же дѣленіе на personae, res и actiones, которое мы встрѣчаемъ и въ институціяхъ. Впрочемъ, мы наталкиваемся и на нѣкоторыя отклоненія, которыя Крюгеръ [1]) называетъ „улучшеніями“, но которыя, по словамъ Карлова [2]), вѣрнѣе назвать лишь подробностями, такъ какъ онѣ обусловливались именно той необходимостью въ болѣе обстоятельномъ и подробномъ изложеніи правовыхъ положеній, о которой было сказано выше. Первая книга Rer. quot. очевидно соотвѣтствовала первой книгѣ институцій, такъ какъ тѣ фрагменты, которые взяты изъ нея въ дигесты, трактуютъ объ отпущеніи на волю, а фрагменты изъ второй книги Rer. Quot. касаются уже вещнаго права. Вторая книга содержала въ себѣ ученія о дѣленіи вещей, объ узуфруктѣ, объ usus, о сервитутахъ, о пріобрѣтеніи права собственности и о различныхъ способахъ этого пріобрѣтенія и объ обязательствахъ, возникающихъ изъ контрактовъ. (Остальное содержаніе неизвѣстно). Третья книга говоритъ объ обязательствахъ изъ деликтовъ, quasi-контрактовъ и quasi-деликтовъ. Остальныя книги, которыя для насъ совсѣмъ затеряны, по всей вѣроятности, содержали въ себѣ наслѣдственное право и иски. Тѣ отклоненія отъ системы институцій, на которыя указано выше, состоятъ въ слѣдующемъ: 1) въ то время какъ въ институціяхъ приведено только основное дѣленіе обязательствъ (summa divisio), въ Res quot. рядомъ съ контрактами и деликтами указаны еще quasi-контрактъ и quasi-деликтъ (obligationes, quae nascuntur ex variis causarum figuris); 2) въ институціяхъ при перечисленіи реальныхъ контрактовъ указанъ только заемъ (въ видѣ примѣра)—въ Res quot. рядомъ съ займомъ приведены еще поклажа, ссуда и закладъ; 3) пріобрѣтеніе права соб-

[1]) Krueger, u. c. p. 190.
[2]) Karlowa, u. c. p. 725.

ственности представлено въ Res quot. въ болѣе цѣльномъ видѣ, чѣмъ въ институціяхъ, гдѣ оно раздроблено и втиснуто между различными отдѣлами и излагается это ученіе въ Res quot. параллельно по ius civile и по jus gentium; 4) изложеніе сервитутовъ въ Res quot. также болѣе соотвѣтствуетъ ихъ истинному содержанію; они изложены болѣе систематично, не такъ, какъ въ институціяхъ, гдѣ они помѣщены частью при res incorporales, частью при манципаціи, in jure cessio и traditio; 5) изложеніе adquisitiones naturales въ Res quot. значительно подробнѣе, чѣмъ въ институціяхъ. „Въ общемъ, говоритъ Крюгеръ [1]), нѣтъ никакого сомнѣнія, что система Rerum quot. есть значительный шагъ впередъ сравнительно съ системой институцій". Если и дѣйствительно Res quot. являются болѣе систематичнымъ трудомъ, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что система институцій неудачна. Дѣло въ томъ, что вѣдь сущность каждой системы состоитъ не въ разработкѣ деталей, а въ томъ, вѣрны или невѣрны, пригодны или непригодны основные принципы, положенные въ основу системы. А то обстоятельство, что Res quot. въ частностяхъ болѣе разработаны, еще не доказываетъ, что невѣрно или непригодно основное дѣленіе на personae, res и actiones, эта, безъ всякаго сомнѣнія, главная и важнѣйшая точка опоры всей системы, дѣленіе принятое Гаемъ въ его институціяхъ.

III. Остается рѣшить еще вопросъ о томъ, изъ скольких книгъ состояли Res quotidianae. Какъ мы указывали уже выше, Флорентинскій Index называетъ данное сочиненіе: libri VII Aureorum sive Rerum Cottidianarum, между тѣмъ въ дигестахъ цитируются только первыя три книги. Въ самомъ-ли дѣлѣ Res quotid. состояли изъ семи книгъ, или это VII есть только описка переписчика вмѣсто III? Сообразно со всѣмъ, сказаннымъ выше, мы должны раздѣлять первое мнѣ-

---

[1]) Krueger, ц. с. p. 190.

ніе. Такое-же мнѣніе считается и общепринятымъ. Но Конради, какъ указываетъ Гешенъ, придерживается второго мнѣнія, основываясь, главнымъ образомъ, на нецитированіи дигестами послѣднихъ четырехъ книгъ. „Очевидно, говоритъ Гешенъ, что если бы мы этому нецитированію придали какое нибудь значеніе, то большинство сочиненій большинства римскихъ юристовъ пришлось бы разсматривать какъ содержащія гораздо меньшее количество книгъ, чѣмъ онѣ содержали въ дѣйствительности Такъ, изъ дигестъ Q. Servidii Scaevolae мы признали бы существовавшими только 34 книги, а не 40; изъ libri rerum Нерація Приска только 10, а не 15, изъ институцій Гая только 3, а не 4 и т. д и т. д Существованіе нѣкоторыхъ сочиненій пришлось бы совсѣмъ отвергнуть, а о нѣкоторыхъ пришлось бы только сомнѣваться“. Но самымъ вѣскимъ соображеніемъ противъ такого воззрѣнія Конради служитъ самое содержаніе Rerum quotidianum. Если бы, соглашаясь съ Конради, мы предположили, что данное сочиненіе состояло всего изъ трехъ книгъ, то намъ пришлось бы предположить также и то, что содержаніе его обнимало собой систему гражданскаго права отъ ученія о правоспособности и дѣеспособности лицъ до обязательственнаго права А наслѣдственное право? А иски? Правда, Гай могъ просто не окончить начатый трудъ, но тогда вѣдь и вопросъ переносится на совершенно другую почву, а Конради объ этомъ не говоритъ ни слова Но предположить, чтобы кто нибудь написалъ систему гражданскаго права (тѣмъ болѣе, какъ мы видѣли, распространенную и подробную) и закончилъ ее на обязательствахъ, обойдя молчаніемъ наслѣдственное право, не говоримъ уже—иски, предположить это—не значитъ-ли быть очень дурного мнѣнія объ авторѣ книги? Тѣмъ болѣе странно слышать подобное предположеніе изъ устъ Конради, который, какъ мы уже имѣли случай говорить, самъ-же думаетъ, что Res quotid. есть комментарій

на институціи. Если это дѣйствительно коммептарій, то почему-же Гай, комментируя личное, вещное и обязательственное право, не сталъ комментировать право наслѣдственное и ученіе объ искахъ? Предполагать-же, что трудъ неокончепъ, мы пе имѣемъ никакихъ основаній

§ 13.

О каждомъ-изъ остальныхъ указанныхъ нами сочиненій Гая можпо сказать весьма немногое, такъ какъ большая ихъ часть сохранилась лишь въ тѣхъ двухъ—трехъ, много, десяти фрагментахъ, которые взяты въ дигесты. Вообще-же говоря, даже о содержаніи этихъ сочиненій приходится только догадываться.

I. Liber singularis ad legem Glytiam. Отъ этого сочиненія дошелъ до насъ только одинъ отрывокъ, содержащій въ себѣ требованіе, чтобы законъ и право не потворствовали родителямъ, которые часто совершаютъ по отношенію къ своимъ дѣтямъ явную несправедливость въ завѣщаніяхъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ подобная несправедливость обусловливается злыми наущеніями мачихъ, заинтересованныхъ въ ссорѣ ея неродныхъ дѣтей съ отцомъ и между собой [1]). Насколько можно судить по заглавію, это сочиненіе представляло изъ себя комментарій къ закону объ ограниченіи свободнаго распоряженія имуществомъ при составленіи завѣщаній въ ущербъ дѣтямъ. Прежде предполагали, что данное сочиненіе есть комментарій къ lex Glitia, который будто-бы былъ изданъ въ 505 году. Но въ настоящее время дознано, что такого закона никогда не было издано и что liber singularis ad legem Glitiam есть ничто иное, какъ комментарій къ lex Falcidia, обнародованному въ 714 г. [2]).

---

[1]) L. 4 D. de inof. test. V, 2

[2]) Rudorff, ц. с. p. 58–59 и p. 176.

Этотъ законъ имѣлъ цѣлью установить извѣстную часть, меньше которой не могло и не должно было оставаться въ пользу наслѣдника послѣ всѣхъ выдачъ на основаніи завѣщанія (такъ наз. Фальцидіева четверть). Въ пользу того, что подъ lex Glitia нужно подразумѣвать именно lex Falcidia, кромѣ отсутствія въ источникахъ указаній на lex Glitia, говоритъ еще то, что, какъ извѣстно, почти ни одинъ законъ не вызвалъ столькихъ комментаріевъ, какъ lex Falcidia [1]). Ничего нѣтъ невѣроятнаго, если и Гай, послѣдовавъ примѣру своихъ предшественниковъ, комментировалъ именно этотъ законъ.

II. Liber singularis ad Sc. Tertullianum. Этотъ трудъ Гая есть комментарій къ сенатусконсульту, изданному по однимъ [2])—при Адріанѣ, по другимъ [3]),—при Антонинѣ Піѣ и трактующему о наслѣдованіи матери послѣ своихъ дѣтей (при условіи: трое дѣтей для свободнорожденной и четверо для вольноотпущенной). Отъ даннаго сочиненія сохранился только одинъ отрывокъ, помѣщенный въ дигестахъ [4]).

III. Liber singularis ad Sc. Orphitianum. Подобно liber singularis ad Sc. Tertullianum, названная работа есть комментарій къ сенатскому постановленію, изданному въ 931 г. ab. u c. (178 по P. X) при Маркѣ Аврелiѣ и Коммодѣ [5]). По своему содержанію это постановленіе сената является какъ бы дополненіемъ къ Sc Tertullianum и призываетъ къ наслѣдованію послѣ матери ея дѣтей предпочтительно передъ прочими агнатами. Отъ этого комментарія сохранился также всего только одинъ отрывокъ, взятый въ дигесты [6]).

---

[1]) Муромцевъ, ц. с. p 408.

[2]) Rud rff, u. c. p. 112. Это мнѣніе нужно считать болѣе вѣрнымъ, такъ какъ данный Sc. извѣстенъ уже Юліану, жившему при Адріанѣ.

[3]) Zonaras, 1', 1 p. 505 Pinder.

[4]) L. 8 D. ad Sc. Tert. et Orph. XXXVIII, 17.

[5]) См. § 1 дан. раб.

[6]) L. 9 D. ad Sc. Tert. et Orph. XXXVIII, 17.

IV. Liber singularis de casibus. Какъ мы уже выше говорили [1]), эта работа Гая представляетъ изъ себя не сборникъ правилъ или отвѣтовъ, какъ можно было бы предполагать, судя по заглавію, а сборникъ исключеній и отклоненій отъ правовыхъ нормъ. Отъ даннаго сочиненія дошло до насъ 7 отрывковъ, въ видѣ фрагментовъ изъ дигестъ. Первый отрывокъ [2]) приводитъ тотъ случай, когда лицо, не освобождаясь отъ уплаты, не имѣетъ права требовать назадъ уплоченнаго. Именно тогда, когда кто-нибудь долженъ другому извѣстнаго, опредѣленнаго раба, а даетъ раба, освобожденнаго подъ условіемъ. Второй отрывокъ [3]) касается того случая, когда несостоятельный должникъ назначаетъ своего раба наслѣдникомъ и кромѣ того присоединяетъ къ нему другого наслѣдника. Третій отрывокъ [4]) разсматриваетъ случаи, когда легатъ, оставленный подъ условіемъ, разсматривается какъ безусловный и наоборотъ. Четвертый отрывокъ [5]) указываетъ на то, что сынъ патронки, хотя бы онъ былъ и подъ властью отца, наслѣдуетъ вольноотпущенному. Пятый отрывокъ [6]) разсматриваетъ случаи, когда одинъ и тотъ же вольноотпущенникъ оказываетъ услуги двумъ патронамъ. Шестой отрывокъ [7]) заключаетъ въ себѣ формулу, при которой рабъ, во всякомъ случаѣ, дѣлается свободнымъ, а именно: даю Стиха Тицію съ тѣмъ, чтобы Тицій отпустилъ его на волю; если же онъ Стиха не отпуститъ, то да будетъ Стихъ свободенъ. Наконецъ, седьмой отрывокъ [8]), отнесенный въ дигестахъ къ отдѣлу de stipulatione servorum, гла-

---

[1]) См. § 3 дан. раб.
[2]) L. 63 D. de c nd. indeb. XII, 6.
[3]) L. 89 D. de her. inst. XXVIII, 5.
[4]) L. 107 D. de cond. et dem. XXXV, I.
[5]) L. 22 D. de jure patr. XXXVII, 14.
[6]) L. 49 D. de op. libert. XXXVIII, 1.
[7]) L. 37 D. de statulib. XL, 7.
[8]) L. 8 D. de stip. serv. XLV, 3.

сить: item si alter ex dominis uxorem ducturus sit et huic servo dos promittatur.

Такъ какъ вообще никто почти не занимался остальными, кромѣ комментарія къ эдикту, институцій и Aurea, сочиненіями Гая, то, конечно, вполнѣ понятно, что никто до сихъ поръ не обратилъ достаточнаго вниманія на содержаніе разбираемаго сочиненія. Общее мнѣніе о немъ таково, что это—сборникъ любопытныхъ отклоненій отъ общихъ нормъ. Какъ указано и выше, мы вполнѣ раздѣляемъ это господствующее воззрѣніе, но слѣдуетъ обратить вниманіе еще на самое содержаніе данной работы Гая. Какъ мы видимъ, изъ семи оставшихся и дошедшихъ до насъ отрывковъ шесть говорятъ о рабахъ и вольноотпущенныхъ и только одинъ говоритъ о легатахъ. Случайно это или не случайно—утверждать, конечно, нельзя; но кажется, что этотъ фактъ далеко не случаенъ. Если мы вспомнимъ, что у Гая есть еще спеціальный трактатъ о манумиссіи, то эта однородность содержанія libri singularis de casibus получитъ совершенно новое освѣщеніе. Тамъ Гай излагаетъ общее ученіе объ отпущеніи на волю, общія правила, здѣсь же онъ собираетъ въ одну книгу всѣ отклоненія отъ этихъ общихъ правилъ. Такимъ образомъ, намъ кажется, что liber singularis de casibus имѣетъ тѣсную связь съ другимъ сочиненіемъ Гая, именно съ libri III de manumissionibus, дополненіемъ къ которому оно и служило.

V. Libri III de manumissionibus. Это сочиненіе есть монографія Гая по вопросу объ отпущеніи рабовъ на волю. Оно состояло изъ трехъ книгъ, но до насъ дошли только отрывки изъ первой (3 фрагмента) и изъ третьей (одинъ фрагментъ) книги. Вторая книга затеряна совсѣмъ. Первый отрывокъ [1]) говоритъ о томъ, что попечитель сумасшедшаго не

[1]) L. 17 D. de cur. fur. XXVII, 10.

имѣетъ права отпускать рабовъ на волю, такъ какъ подобная функція не входитъ въ составъ возложенныхъ на попечителя обязанностей по управленію имуществомъ. Второй отрывокъ [1]) содержитъ въ себѣ мнѣніе Фуфидія, который утверждалъ, что, при отпущеніи на волю раба съ цѣлью имѣть опекуна, требуется согласіе несовершеннолѣтняго, и мнѣніе Нерація, (съ которымъ согласенъ и Гай), утверждавшаго противное. Наконецъ, третій отрывокъ изъ первой книги [2]) указываетъ на то, что рабъ, отданный въ залогъ вооще (generaliter), можетъ быть отпущенъ на волю, если этому не противорѣчитъ lex Aelia Sentia, если должникъ не несостоятеленъ. Рабъ, кому либо отказанный подъ условіемъ, не можетъ быть отпущенъ на волю наслѣдникомъ, дабы этимъ не былъ нанесенъ убытокъ легатарію, хотя все время, пока condictio pendet, рабъ pleno jure принадлежитъ наслѣднику. Четвертый отрывокъ [3]), единственный изъ третьей книги даннаго труда Гая, говоритъ о томъ, какъ согласовать интересы кредиторовъ завѣщателя съ отпущеніемъ рабовъ на волю по завѣщанію.

VI и VII. Liber singularis regularum и libri III regularum [4]). Судя по заглавію, оба эти сочиненія принадлежали къ тому, весьма обычному для классическихъ юристовъ роду работъ, въ которомъ основныя положенія права излагались въ систематическомъ порядкѣ. Цѣль такихъ работъ, по всей вѣроятности, не всегда была одна и та-же. На это указываетъ даже то, что, напримѣръ, Гай рядомъ съ

---

[1]) L. 25 D. de man. vind. XL, 2.

[2]) L. 29 D. qui et a quib. lib. man. non fiunt, XL, 9.

[3]) L. 57 D. de man. test. XL, 4.

[4]) По всей вѣроятности, эта работа состояла болѣе, чѣмъ изъ трехъ книгъ, такъ какъ распространенныя libri regularum, въ противоположность libri regularum singulares, по самому содержанію своему не могли состоять только изъ трехъ книгъ. А что это не краткая редакція—достаточно ясно изъ того, что рядомъ съ ней мы встрѣчаемъ у Гая и liber singularis. Ср. Ulpiani VII libri regularum (при liber regularum singularis), Modestini X libri, Paulus VII libri (при liber singularis), Rufinus VII libri и т. д.

liber singularis regularum издалъ другое сочиненіе того-же типа, но большаго объема. Какъ кажется, нужно согласиться съ Гушке [1]), который считаетъ, что краткіе (libri singulares regularum) труды служили чѣмъ-то вродѣ конспектовъ для старшихъ слушателей (во всякомъ случаѣ, послѣ institutio), а болѣе обширные предназначались для практическихъ потребностей, имѣли характеръ нашихъ „сборниковъ“, „положеній“ и проч. Отъ liber singularis regularum до насъ дошелъ только одинъ отрывокъ [2]), говорящій о томъ, что и женщины въ силу императорскихъ конституцій могутъ совершать arrogatio. Отъ libri III regularum мы имѣемъ два отрывка: одинъ изъ 1-й книги [3]), заключающій въ себѣ положеніе: „omnia quae jure contrahuntur, contrario jure pereunt“ и одинъ изъ 3 й книги [4]), говорящій о томъ, что присуждается къ чрезвычайному наказанію, изгнанію, релегаціи или къ потерѣ званія тотъ, кто клеветы ради вчиняетъ искъ объ обидѣ.

VIII. Liber singularis de formula hypothecaria. Сочиненіе это является монографіей по вопросу объ ипотекѣ. Отъ него дошли до насъ, благодаря дигестамъ, 6 отрывковъ. Первый отрывокъ [5]) говоритъ о томъ, что предметомъ ипотеки могутъ быть и будущія вещи. Во второмъ отрывкѣ [6]) излагаются способы заключенія ипотеки. Третій отрывокъ [7]) разбираетъ вопросъ о томъ, можно ли устанавливать ипотеку за женщину, поручившуюся вопреки закону, и за сына подвластнаго, задолжавшаго вопреки Sc. Macaedonianum. Четвертый отрывокъ [8]) говоритъ о прекраще-

---

[1]) Huschke, jurispr. antejust. p. 547.
[2]) L. 21 D. de adopt. I, 7.
[3]) L. 100 D. de div. regul. jur. ant. L, 17.
[4]) L. 43 D. de in jur. et famul. lib. XLVII, 10.
[5]) L. 15 D. de pign et hyp. XX, 1.
[6]) L. 4 D. de pign. et hyp. XX, 1.
[7]) L. 2 D. quae res pign. XX, 3.
[8]) L. 7 D. quib. mod. pign. XX, 6.

ніи ипотеки, о продажѣ заложеннаго имущества какъ лично, такъ и черезъ завѣдывающаго дѣлами и о тѣхъ случаяхъ, когда заложенная вещь припадлежитъ нѣсколькимъ лицамъ. Пятый отрывокъ [1]) трактуетъ о тѣхъ, которые имѣютъ среди кредиторовъ преимущество при ипотекѣ и о томъ, какъ и кто вступаетъ на мѣсто перваго кредитора. Шестой отрывокъ [2]) является почти дословнымъ повтореніемъ того, что заключается во второмъ отрывкѣ. Измѣненія сводятся лишь къ двумъ-тремъ словамъ. Такъ, вмѣсто hypotheca—hypothecae; вмѣсто licet testationes in scripta habitae non sunt—licet testatio sine scriptis habita est. Очевидно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ недосмотромъ редакторовъ дигестъ.

IX. Liber II fideicommissorum. Эту работу Гая можно разсматривать какъ монографическое изслѣдованіе о фидеикоммиссахъ. Отъ нея, благодаря дигестамъ, до насъ дошло 11 отрывковъ: семь изъ первой книги и четыре изъ второй. Первый отрывокъ [3]) говоритъ о томъ, что не можетъ быть оставленъ фидеикоммиссъ въ случаѣ praeteritio (когда обойденъ молчаніемъ) sui heredis filii Второй отрывокъ [4]) говоритъ о томъ, что жена, которой оставленъ легатъ подъ условіемъ не выходить замужъ, въ случаѣ, если выйдетъ замужъ, обязана возвратить легатъ. Тутъ-же говорится и о томъ, что тотъ, кому оставленъ легатъ подъ условіемъ купить чужую вещь, долженъ внести деньги за данную вещь по надлежащей оцѣнкѣ, если хозяинъ вещи не соглашается ее продать или проситъ несообразную цѣну Третій отрывокъ [5]) разсматриваетъ тотъ случай, когда предметомъ фидеикоммисса является отказанный кому либо узуфруктъ. Въ четвертомъ отрывкѣ [6]) разсматривается тотъ случай, когда ссыльный, дѣ-

[1]) L. 11 D. qui pot. in pign. XX, 4.
[2]) L. 4 D. de fide in. XXII, 4.
[3]) L. 2 D. de leg. et fideic. XXXII.
[4]) L. 14 D. de leg. et fideic. XXXII.
[5]) L. 29 D. de usu et usufr. XXXIII, 2.
[6] L. 5 D. de reb. dub. XXXIV, 5.

лая завѣщаніе, послѣ назначенія наслѣдниковъ, отказовъ и проч., говоритъ слѣдующее: „если тотъ или другой изъ моихъ наслѣдниковъ или друзей, которыхъ я упомянулъ въ завѣщаніи или вообще кто-нибудь выхлопочетъ мнѣ отъ императора возвращеніе въ прежнее состояніе, но я умру раньше, чѣмъ успѣю поблагодарить его, то да будетъ такому дано отъ моихъ наслѣдниковъ столько-то золотыхъ монетъ“. Такой фидеикоммиссъ, по мнѣнію Гая, дѣйствителенъ. Въ пятомъ отрывкѣ [1]) поднимается вопросъ о томъ, долженъ-ли postumus получить свою часть только когда онъ родится одинъ, или если ихъ родится двое, трое и т. д. Если postumus родится одинъ, говоритъ Гай, то каждый изъ васъ получаетъ свою часть; такимъ образомъ, если родится одинъ — ты получаешь половину, если родится двое, то треть, если трое, то четверть. Тутъ-же Гай говоритъ и о дѣйствительности слѣдующаго фидеикоммисса: если я многихъ назначаю наслѣдниками и одному поручаю, чтобы онъ въ случаѣ своей смерти передалъ свою часть тѣмъ или другимъ, тому или другому изъ сонаслѣдниковъ по своему усмотрѣнію. Такой фидеикоммиссъ дѣйствителенъ потому, что отъ произвола лица зависитъ лишь выборъ между сонаслѣдниками, но не самый фактъ передачи. Шестой отрывокъ [2]) говоритъ о томъ, что при отпущеніи на волю подъ условіемъ должно обращать вниманіе на болѣе удобное для раба условіе. Въ случаѣ-же отпущенія на волю посредствомъ фидеикоммисса, говоритъ седьмой отрывокъ [3]), должно обращать вниманіе на болѣе позднее по времени, а не на болѣе легкое условіе, такъ какъ posterior voluntas potior haberi debet. Первый отрывокъ изъ 2-й книги [4]) говоритъ о томъ, что если наслѣдникъ всего имѣнія

---

[1]) L. 7 D. de reb. dub. XXXIV, 5.
[2]) L. 88 D. de cond. et dem. XXXV, 1.
[3]) L. 90 D. de cond. et dem. XXXV, 1.
[4]) L. 40 D. fam. hercisc. X, 2.

будетъ попрошенъ отдѣлить мнѣ какую-либо часть, напримѣръ, половину, то между нами будетъ имѣть мѣсто iudicium familiae herciscundae. Второй отрывокъ [1]) содержитъ въ себѣ слѣдующее: если Тицій, наслѣдникъ въ части, будетъ попрошенъ возстановить наслѣдство Мевію, а сонаслѣдникъ Тиція будетъ попрошенъ возстановить свою часть или часть своей части Тицію, то Тицій долженъ и это вновь полученное возстановить Мевію. Но императоръ Антонинъ рѣшилъ этотъ случай иначе, ибо наслѣдство не есть ни легатъ, ни фидеикоммиссъ. Третій отрывокъ [2]) разсматриваетъ вопросъ о томъ, должны ли переноситься на наслѣдника иски, если наслѣдство выдано ему до срока или до наступленія условія. Наконецъ, четвертый и послѣдній отрывокъ [3]) заключаетъ въ себѣ указанія, какъ и когда происходитъ передача наслѣдства наслѣдникомъ тому, кому посредствомъ фидеикоммисса наслѣдодатель поручилъ передать оное.

X. Liber singularis de tacitis fideicommissis. Отъ этого сочиненія Гая дошелъ до насъ только одинъ отрывокъ [4]), говорящій о томъ случаѣ, когда кто-либо, будучи наслѣдникомъ, будетъ молчаливо попрошенъ наслѣдодателемъ передать другому лицу вмѣстѣ съ наслѣдствомъ и ту Фальцидіеву четверть, которую по данному закону онъ имѣетъ право удержать у себя.

O libri ex Q Mucio и o liber singularis dotalicon [5]) мы никакихъ свѣдѣній не имѣемъ.

§ 14.

Въ заключеніе постараемся дать общую характеристику трудовъ Гая. Прежде всего, даже при той небольшой

---

[1]) L. 96 D. de leg. et fideic. XXXII.
[2]) L. 10 D. ad Sc. Treb. XXXVI, 1.
[3]) L. 65 D. ad Sc. Treb. XXXVI, 1.
[4]) L. 25 D. de his, quae ut ind. XXXIV, 9.
[5]) См. § 6 дан. раб.

суммѣ отрывковъ, которые сохранились для насъ изъ цѣлой массы написаннаго Гаемъ, каждому бросается въ глаза удивительное совершенство внѣшней формы, замѣчательный по всей силѣ и мѣткости языкъ. „Стиль Гая, говоритъ Эсмархъ [1]), нелишенный нѣкоторой доли грецизмовъ, чистъ, плавенъ и гибокъ“. „Въ способѣ изложенія Гая, какъ говоритъ Карлова [2]), рѣзко выдается почти Геродотовская простота, естественность, благородная красота, не нуждающаяся въ риторическихъ украшеніяхъ, проницательность и образность“. Особенно блещетъ этими достоинствами столь часто нами упоминавшееся сочиненіе Гая, его институціи. Въ нихъ, какъ говоритъ Дернбургъ [3]), Гай, всегда умѣло „очищая юридическія понятія отъ наростовъ обыденныхъ представленій“, такъ сжато, изящно и умно умѣетъ представить экстрактъ этихъ юридическихъ понятій читателю, что предметъ рѣчи поневолѣ укладывается въ головѣ.

Гай кромѣ того былъ еще и выдающимся систематикомъ. Впрочемъ, въ литературѣ предмета мы наталкиваемся на одно мнѣніе, которое нѣсколько идетъ въ разрѣзъ съ сказаннымъ и, во всякомъ случаѣ, имѣетъ цѣлью какъ-бы подорвать установившійся взглядъ на Гая, какъ на выдающагося римскаго юриста. Это мнѣніе принадлежитъ Крюгеру [4]), который упрекаетъ Гая въ крайней несамостоятельности мнѣній, въ отсутствіи юридической подготовки и въ перенесеніи принциповъ позднѣйшаго права на принципы законовъ двѣнадцати таблицъ, что, по мнѣнію Крюгера, тѣмъ болѣе непростительно, что во времена Гая истинное пониманіе древняго права еще не затерялось. Крюгеръ упрекаетъ Гая и въ томъ еще, что Гай былъ несвѣдущъ въ исторіи и въ томъ,

---

[1]) Esmarch, Römische Rechtsgeschichte, p. 369.
[2]) Karlowa, ц. с. p. 723.
[3]) Dernburg, ц. с. p. 52.
[4]) Krueger, ц. с. p. 185—186.

что Гай даже не трудился провѣрять извѣстныя ему лишь по слухамъ современныя постановленія и не только конституціи, но и сенатскія постановленія. Наконецъ, въ томъ, что нѣкоторыхъ постановленій Гай и совсѣмъ не зналъ.

Всѣ эти нападки на Гая или бездоказательны, или ровно ничего не доказываютъ. Если Гай, дѣйствительно, только просто приводитъ въ институціяхъ, въ этомъ краткомъ учебникѣ, чужія мнѣнія и не вдается въ разборъ ихъ, то развѣ можно на такомъ малозначущемъ основаніи строить какое-либо обвиненіе? Но развѣ въ краткомъ учебникѣ профессоръ можетъ давать обширныя разсужденія по каждому спорному вопросу? Наконецъ, развѣ онъ долженъ дѣлать это, если только онъ опытный и талантливый преподаватель? Если Гай не помѣщаетъ въ институціяхъ нѣкоторыхъ постановленій, какъ напр., Sc. Tertullianum, Sc. Orphitianum, то, какъ мы не разъ указывали выше, подобный фактъ объясняется совсѣмъ не незнаніемъ Гая, какъ думаетъ Крюгеръ, а опять-таки цѣлью и размѣромъ институцій Что Гай зналъ и тотъ, и другой сенатусконсульты, это очевидно уже изъ одного того, что онъ, какъ мы уже знаемъ, и тотъ и другой спеціально комментировалъ. То, что Гай будто бы „не провѣрялъ слуховъ“, какъ выражается Крюгеръ, это ничѣмъ рѣшительно не доказывается, такъ какъ § 32b, I, на который Крюгеръ ссылается [1]), еще до сихъ поръ правильно не прочитанъ. Слово-же „dicitur“, находящееся въ § 221, II, на которое также ссылается Крюгеръ, есть лишь оборотъ рѣчи, а слѣдовательно не можетъ говорить ни за, ни противъ „провѣрки слуховъ“ со стороны Гая. Наконецъ, что касается незнанія Гаемъ исторіи, то этотъ недостатокъ настолько общъ почти всѣмъ римскимъ юристамъ, что относить его на счетъ одного Гая—по меньшей

---

[1]) Idem, d. c. p. 186, n. 25.

мѣрѣ, несправедливо. „Истиннаго историческаго знанія, ни истиннаго историческаго интереса, говоритъ Муромцевъ [1]), нечего искать у римскихъ юристовъ. Исторію своего права они знали очень не полно; они не чувствовали ни малѣйшаго интереса къ правдивому изслѣдованію прошедшаго и приводили прошедшее право только развѣ ради курьеза или ради вящаго выясненія учрежденій, имъ современныхъ“.

Но Гай, помимо всего того, что мы сказали о неотъемлемыхъ достоинствахъ его сочиненій, самихъ по себѣ взятыхъ, имѣетъ для насъ еще особенный и громадной важности интересъ: нельзя забывать, что до насъ почти цѣликомъ дошли его институціи, этотъ единственный обломокъ классической юриспруденціи. Благодаря этому сочиненію, какъ не разъ указывалось и выше, мы пріобрѣли цѣлый запасъ совершенно новыхъ знаній Въ особенности относится это къ ученію о древнемъ процессѣ, о которомъ, не будь извѣстны институціи, мы бы рѣшительно ничего не знали и который погибъ бы для насъ безвозвратно. „Четвертая книга институцій, говоритъ Шрадеръ [2]) въ своемъ изслѣдованіи „Was gewinnt die Römische Rechtsgeschichte durch Gajus Institutionen“ (Heidelberg, 1823), даетъ намъ не только отдѣльныя указанія о процессѣ, но она рисуетъ намъ цѣлую картину, благодаря которой, и только благодаря ей, мы можемъ понять и согласовать между собой разбросанные у различныхъ писателей отдѣльные намеки“. Благодаря этому-же труду Гая, мы пріобрѣли новыя свѣдѣнія какъ о правѣ времени, предшествовавшаго составленію законовъ XII таблицъ, напр.: о жалованіи солдатъ (§§ 26, 27, IV), о денежныхъ займахъ (§ 13, IV), по вопросу о куплѣ-продажѣ и найму (§ 28, IV), о различіи между servus и adjudicatus (§ 189,

---

[1]) Муромцевъ, ц. с. стр. 487.

[2]) Шрадеръ, ц. с р. 4.

III) и т. д. и т. д, такъ и о правѣ послѣ законовъ XII таблицъ до времени Цицерона, напр.: о lex Furia (§ 23, IV), о lex Voconia (§ 274, II), по вопросу о bonorum possessio (§ 52 и 119, II) и т. д., и т. д. Нечего и говорить, что для изучающаго состояніе права въ періодъ современный Гаю открытіе институцій—„даръ боговъ“, какъ восклицаетъ Бетманнъ-Гольвегъ, вспоминая о трудахъ, понесенныхъ имъ при прочтеніи рукописи [1]).

[1]) Не приводимъ здѣсь и одной десятой доли всего того, чѣмъ обязанъ ученый міръ открытію Нибура. Отсылаемъ читателя, который заинтересовался бы подробностями, къ только что цитированному изслѣдованію Шрадера. Тамъ онъ найдетъ точный перечень, сдѣланный съ удивительной добросовѣстностью и поразительной тщательностью, всего того, что „выиграло изученіе исторіи римскаго права, благодаря институціямъ Гая“.

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ЛИЦЕЕМЪ.

№ 40.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія Э. Г. Фалькъ.
1895.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

Приложеніе къ Временнику Демидовскаго Юридич. Лицея.

ОГЛАВЛЕНІЕ

№ 40 Юридической Библіографіи.

1. *Карлъ Лампрехтъ:* „Исторія германскаго народа“. Томъ первый. Части 1-я и 2-я. Переводъ Николаева. Москва, 1894 г., 608 стр. *В. Щегловъ* 1—34

2. *Н. Карѣевъ:* „Исторія Западной Европы въ новое время“. Томъ IV. XIX вѣкъ—консульство, имперія и реставрація. СПБ. 1894. 661 с *В. Щегловъ* 34—40

3. Schriften des Vereins für Socialpolitik. LXI. Verhandlungen der am 29. September 1894 in Wien abgehaltenen Generalversammlung des Vereins für Socialpolitik über die Kartelle und über ländliche Erbrecht. Leipzig: 1895. *А. Свирщевскій* . . 41—48

1. *Карлъ Лампрехтъ:* „Исторія германскаго народа". Томъ первый. Части 1-я и 2-я. Переводъ Николаева. Москва, 1894 г., 608 стр.

К. Лампрехтъ задался цѣлью представить исторію германскаго народа съ точки зрѣнія развитія въ немъ нѣмецкаго національнаго сознанія отъ древнѣйшей эпохи до настоящаго времени. Мотивомъ такого пониманія исторіи является убѣжденіе Лампрехта, что характернымъ признакомъ настоящаго времени можно считать вѣру въ право и прочность результатовъ національныхъ движеній Народъ, утратившій свое національное сознаніе, погибаетъ. Не всегда, однако, было такъ, замѣчаетъ авторъ. Космополитизмъ прошлаго столѣтія иначе смотрѣлъ на дѣло. Да, и самое понятіе національнаго сознанія указываетъ на то, что оно не всегда существовало: оно представляетъ собою историческое развитіе единомыслія всѣхъ соплеменниковъ въ существенныхъ вопросахъ, какъ обособленнаго, такъ и совмѣстнаго существованія. Характеръ національнаго сознанія, какъ историческаго двигателя, измѣняется вмѣстѣ съ временемъ; теперь оно попреимуществу политическое. Нѣмецкое національное сознаніе со временъ Цезаря и до настоящаго времени колебалось между отрицаніемъ къ самую раннюю эпоху высокаго національнаго государства и совершеннымъ, абсолютнымъ требованіемъ общаго національнаго государства. Во времена Тацита сознаніе національнаго существованія выражалось въ преданіи объ общихъ предкахъ германцевъ. Политическое національное сознаніе исключалось въ это время однообразіемъ индивидуальнаго существованія. Нація распалась на множество мелкихъ народностей. Гордая мысль о превосходствѣ германцевъ надъ всѣми другими народами не могла устоять при сопоставленіи съ безконечно-культурнымъ превосходствомъ римской имперіи, въ предѣлы которой вторглись германскія племена (II—III в. по Р. Х.). Германское міро-

воззрѣніе подрывается еще сильнѣе подъ вліяніемъ христіанства, проповѣдующаго братство народовъ. Но обѣ эти силы не могли побѣдить вездѣ германское міровоззрѣніе. Цѣлый рядъ причинъ (религіозныхъ, экономическихъ и др.) обусловливалъ объединеніе германскихъ племенъ съ III по V ст. по Р. Х. По особенному благоволенію судьбы возникло чрезвычайно важное политическое расширеніе владѣній именно тамъ, гдѣ наиболѣе сильно была развита племенная гордость. Основалось сначала меровингское королевство, которое потомъ замѣнилось франкской монархіей. Но въ послѣдней національная идея блѣднѣла предъ Распятіемъ, хотя въ тоже время она продолжала развиваться среди смутъ и династическихъ распрей. Въ вѣкъ Гогенштауфеновъ появляется пѣсня Вальтера Фогельвейда, проникнутая чувствомъ національной гордости. Въ этомъ первомъ національномъ нѣмецкомъ гимнѣ говоритъ, однако, не всеобщее, а сословно—рыцарское національное сознаніе. Во времена Штауфеновъ рыцарское сословіе приняло на себя руководительство націей и поэтому давало тонъ и для выраженія національнаго сознанія. Въ XIII ст. на его мѣсто выступаетъ болѣе стойкое, прочно живучее и условно—бюргерское пониманіе народнаго сознанія. Появилась Ганза, оживившаяся торговля соединила большіе города юга и сѣвера, на востокѣ образовались на почвѣ торговыхъ интересовъ сношенія между славянскими колоніями и нѣмцами. Среди бюргеровъ появляются впервые свободное нѣмецкое мышленіе, нѣмецкая народная литература и дѣловой языкъ. Но только съ реформаціей могла возникнуть новая форма національнаго сознанія. Реформація означаетъ переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, къ болѣе свободному существованію. Со времени Лютера развивается въ Германіи индивидуализмъ, начался разцвѣтъ гуманизма и развитіе экономической и всей соціальной жизни. Въ эпоху реформаціи были сдѣланы попытки историческаго пониманія первоначальной жизни германцевъ. Но все, что уцѣлѣло отъ стремленія къ національному единству среди суровыхъ толчковъ XVI ст., погибло въ XVII—въ 30—лѣтнюю войну. Отъ XV—ст. остался богатѣйшій запасъ національныхъ пріобрѣ-

тенiй: народное искусство, книгопечатаніе, начатки литературы и великолѣпный литературный языкъ. XVIII ст. посвящено всѣмъ этимъ стремленіямъ, почему въ это время за германскимъ народомъ упрочилась репутація націи поэтовъ и мыслителей. Возрожденіе классической старины, явившееся въ силу научнаго изученія, придало національнымъ произведеніямъ космополитическую окраску. Когда французская революція разрушила внѣшнія, сословныя подраздѣленія среднихъ вѣковъ не для одной только Франціи, когда во время войнъ за освобожденіе нѣмцы научились цѣнить содѣйствіе свободныхъ союзниковъ—народовъ, судьба націи была рѣшена въ опредѣленномъ направленіи. На ея будущность указывали: поэзія, созданная войнами за освобожденіе молодой Германіи, наука историческая и наука права и народнаго хозяйства. Всѣ эти историческія условія и событія сдѣлали нѣмцевъ гражданами, членами одного національнаго государства (1—20 ст. введ.).

Мы привели, какъ образецъ, эти общіе взгляды Лампрехта на исторію развитія національнаго сознанія въ Германіи. Въ этихъ взглядахъ виденъ искренній и пламенный патріотъ, который изъ стремленія къ прославленію своего отечества забываетъ о тѣхъ требованіяхъ, какія современная историческая наука ставитъ всякому изслѣдователю. Теперь уже звучитъ анахронизмомъ мысль Савиньи, что исторія каждаго народа, а особенно нѣмецкаго, должна быть изучаема отдѣльно отъ исторіи другихъ народовъ, потому что въ ней выражается свойственное только извѣстному народу національное сознаніе. Это сознаніе въ исторической школѣ права представлялось чѣмъ-то неяснымъ, неопредѣленнымъ, вѣрнѣе, совершенно отрицательнымъ понятіемъ: его органами являлись всѣ отдѣльныя лица, входящія въ составъ народа, со всѣмъ безконечнымъ разнообразіемъ ихъ взглядовъ, исключающимъ всякую возможность какого-либо общаго народнаго міровоззрѣнія. Въ особенности такой произвольный и случайный характеръ имѣли различные взгляды первоначальныхъ общественныхъ союзовъ, когда еще не могло быть и рѣчи о націи. Первобытное общество представляетъ собою группу людей, соеди-

ненныхъ необходимостью удовлетворенія самыхъ простыхъ, элементарныхъ потребностей ихъ природы. Всякая мысль объ единствѣ религіи, языка, нравовъ, политическихъ преданій совершенно чужда дикарямъ и даже еще обществу, начавшему жить исторической жизнью. Поэтому-то состояніе права въ первобытномъ обществѣ принято называть донаціональнымъ. Лампрехтъ, повидимому, не знаетъ этихъ фактовъ, или знаетъ, но увлекается своею излюбленною мыслью о національномъ нѣмецкомъ сознаніи, которое онъ находитъ тамъ, гдѣ его наличность болѣе, чѣмъ сомнительна. Германцы во времена Цезаря и Тацита были вполнѣ первобытнымъ народомъ съ примитивными формами общаго землевладѣнія, политическаго быта (чистой демократіи) и большими остатками первоначальнаго господства материнтета въ ихъ семьѣ. Существовавшія преданія объ общемъ происхожденіи германскихъ племенъ не могли служить выраженіемъ національнаго ихъ существованія. Подобныя преданія можно найти у любыхъ дикарей и извѣстны въ сравнительной наукѣ права подъ именемъ „тотема“—отдѣльной общественной, родовой или (племенной), группы, въ которой отношенія членовъ основываются на сознаніи происхожденія отъ общихъ предковъ, обозначаемыхъ обыкновенно именами какихъ-либо сильныхъ звѣрей и птицъ. Но и по отношенію уже къ историческимъ періодамъ жизни германскаго народа взглядъ Лампрехта на непрерывность въ ней національной идеи не выдерживаетъ критики. Лампрехтъ, напр., говоритъ о рыцарскомъ и бюргерскомъ національномъ сознаніи въ средніе вѣка, слѣдовательно, смѣшиваетъ въ данномъ случаѣ отдѣльныя сословія съ цѣлой націей, міровоззрѣніе которой не можетъ быть выражено какимъ-либо однимъ сословіемъ. Едва ли этотъ вопросъ уясняется замѣчаніемъ Лампрехта, что національное сознаніе, постепенно прокладывая себѣ путь, выступало на свѣтъ Божій, какъ бы по побужденію и въ сопровожденіи сословнаго сознанія (19 с.). Всѣ эти взгляды Лампрехта трудно соединимы съ послѣдующими его изслѣдованіями первоначальнаго соціальнаго строя древнихъ германцевъ, которыя имѣютъ для насъ особенный интересъ. На нихъ мы и остановимся, главнымъ образомъ, сопро-

вождая своими замѣчаніями тѣ или другія высказываемыя Лампрехтомъ воззрѣнія.

Заслуживаютъ вниманія, прежде всего, замѣчанія Лампрехта о важности сравнительнаго изслѣдованія первоначальнаго состоянія общества для пониманія его особенностей. Тамъ, гдѣ нѣтъ этнографическихъ указаній на опредѣленный народъ, является на помощь, говоритъ онъ, сравнительное изслѣдованіе языковъ, которое даетъ также рядъ отдѣльныхъ представленій о соціальныхъ и умственныхъ признакахъ самой ранней культуры, къ которымъ, однако, слѣдуетъ относиться осторожно. Задача сравнительнаго народовѣдѣнія состоитъ въ томъ, чтобы изслѣдовать взаимныя отношенія и достовѣрность общей картины ранней культуры (26 ст.). Обращаясь къ вопросу о происхожденіи индо-европейскихъ народовъ, Лампрехтъ замѣчаетъ, что къ нему ближе всего подошли путемъ филологическихъ изслѣдованій. Если мы вглядимся внимательно въ характеръ примитивныхъ культуръ, то для насъ не будетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что всюду основой ихъ сущности и дальнѣйшаго развитія было естественное распаденіе народа на племена, роды и семьи. Эта первобытнѣйшая изъ всѣхъ основъ должна была прежде всего другаго оказывать свое вліяніе также и при образованіи націй (37 с.). Лампрехтъ считаетъ безошибочнымъ фактъ, что индо-европейскія націи въ моментъ своего расчлененія находились въ кочевомъ состояніи, хотя они и не исключали нѣкоторыхъ примитивныхъ занятій земледѣліемъ (38—39 стр.).

Всю вторую книгу Лампрехтъ посвящаетъ изслѣдованію интереснаго вопроса о строѣ первобытнаго общества у древнихъ германцевъ. Въ первой главѣ этой книги идетъ рѣчь о развитіи процесса естественнаго расчлененія народа. Проникнутый мыслью объ особенно высокомъ значеніи германской культуры въ исторіи человѣчества, Лампрехтъ заявляетъ, что германцы не были дикарями, вторгшимися въ предѣлы южной культуры безъ традицій и ученій даннаго прошлаго; они были носителями достойной уваженія варварской культуры. Но, прибавляетъ онъ затѣмъ, дикость и варварство не создаютъ золотыхъ вѣковъ.

Неограниченный эгоизмъ, съ одной стороны, а съ другой порабощеніе всякаго личнаго воззрѣнія на жизнь, даже и самой личности путемъ крѣпкаго соединенія ея съ родомъ — такова отличительная черта ранней эпохи общественной жизни германскихъ племенъ. Отдѣльная личность пользовалась въ первобытныя времена свободой насилія. Съ другой стороны, таже самая личность ограничена была въ любви и ненависти, въ страданіяхъ и поступкахъ своимъ положеніемъ въ нисходящемъ рядѣ поколѣній. Индивидуумъ превратился въ ничто при естественномъ родовомъ союзѣ; онъ былъ только нумеръ въ числѣ соплеменниковъ. Вина одного взыскивалась со всѣхъ членовъ рода. Такъ первоначальная культура нигдѣ не была образцомъ патріархальной чистоты, люди были жестоки и только въ родовомъ союзѣ личность находила защиту и воспитаніе. Въ разрѣшеніи вопроса о томъ, какой характеръ имѣлъ у германцевъ первоначальный родовой союзъ, Ламprехтъ надѣется на помощь сравнительной этнографіи, которая черпаетъ свои знанія изъ неисторическихъ источниковъ. Чѣмъ дальше мы отодвигаемся назадъ въ ходѣ развитія народовъ, тѣмъ больше національная своеобразность стушевывается предъ всеобщечеловѣческимъ: пріобрѣтенія высокой культуры отступаютъ предъ всеобщей начальной основой. Поэтому возможно подъ эгидой сравнительной этнографіи прослѣдить первоначальный процессъ созиданія германскаго народа по прочнымъ останкамъ болѣе ранняго періода. Первобытная семья у германцевъ брала свое начало въ парѣ родителей, которые образовали съ своими дѣтьми первый нисходящій рядъ поколѣній, въ которомъ царила половая общность, неограниченная никакими различіями. Всѣ братья и сестры находились между собой въ супружескихъ отношеніяхъ, а всѣ ихъ дѣти были взаимно братьями и сестрами. Не существовало никакихъ понятій о цѣломудріи и супружеской вѣрности: эти понятія появились лишь значительно позже, какъ результаты долгаго воспитанія и развитія болѣе высокихъ нравственныхъ воззрѣній. Въ этомъ поколѣніи—семьѣ старѣйшій мужчина былъ естественнымъ защитникомъ всѣхъ женщинъ, а затѣмъ и остальныхъ мужчинъ. На долю же женщинъ выпадала забота о про-

долженіи рода Только матери были извѣстны; по матери назывались дѣти, которыя были соединены съ нею самою тѣсной связью. Около матери группировались первые интересы возникавшихъ тогда семейныхъ отношеній. Отсюда проистекало воспрещеніе половыхъ сношеній для всѣхъ женщинъ внѣ ихъ племени, ибо одно лишь сохраненіе всѣхъ женщинъ внутри племени обезпечивало цѣлость и безопасность естественнаго нисходящаго рода. Такимъ образомъ, заключаетъ Лампрехтъ, отличительными чертами древнѣйшей организаціи германской семьи, свойственной и всѣмъ индо-европейскимъ народамъ, было соединеніе смѣшенія половъ съ защитительною властью старѣйшаго въ племени мужчины надъ всѣми его членами и въ тоже время строеніе племени по материнскому праву. Подобная организація, однако, не могла существовать такъ долго. Съ увеличеніемъ числа женщинъ долженъ былъ естественно исчезнуть первоначальный обычай полового смѣшенія между кровными братьями и сестрами. Теперь вырабатывается воззрѣніе, что единоутробнымъ братьямъ и сестрамъ неприлично участвовать въ половой общности этой групповой семьи. За ограниченіемъ браковъ между родными братьями и сестрами послѣдовали ограниченія половыхъ сношеній между членами послѣдующихъ поколѣній. Лампрехтъ придаетъ еще больше значенія въ процессѣ этого исчезновенія примитивнаго полового смѣшенія возникновенію государства и частной собственности. Государство появилось у древнихъ германцевъ такимъ образомъ, что старѣйшіе члены племени составили общій союзъ, задачей котораго было регулировать правовыя отношенія между членами племени. Государство доставляло почву и содержаніе лишь для проявленія мужскихъ силъ. Чѣмъ больше возростали общественныя права мужчинъ, тѣмъ больше женщина отдалялась подъ домашній кровъ. Развитіе частной собственности должно было повлечь за собою паденіе общности хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полового общенія. Такъ единобрачіе появляется подъ вліяніемъ не нравственныхъ мотивовъ, которые вызвали бы быструю смѣну, переходъ отъ половаго смѣшенія къ моногаміи, а только экономическихъ причинъ, къ которымъ потомъ присоединяется вліяніе

права и государства. Въ новомъ супружескомъ союзѣ главой семейства теперь является уже мужчина, который становится также хозяиномъ въ домѣ. Супруга и дѣти находятся въ полной зависимости отъ его защитительной власти, замѣнившей прежнюю такую же власть брата супруга. Отличительные признаки новаго супружескаго союза—моногамія, частная собственность и отцовская власть. Лампрехтъ находитъ, что эти черты древней отческой семьи были воспроизведены въ средне-вѣковомъ государствѣ, которое составлено изъ тѣхъ же элементовъ; грозной несвободы, несвободы министеріальнаго домо-хозяйства и патріархальнаго господства. Съ исчезновеніемъ материнскаго права связывается коренной переворотъ въ моральныхъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ, правѣ и нравахъ. Религія мрачныхъ естественныхъ божествъ замѣняется культомъ сіяющей природы, вѣрой въ могущество свѣтлыхъ боговъ. И на землѣ, какъ на небѣ, ниспровергаются старыя власти. Руководительство міромъ переходитъ къ мужчинѣ, очищается путь для мужскаго прогресса. Народы, живущіе по отцовскому праву, дѣлали и продолжаютъ дѣлать всемірную исторію (67—78 стр).

Остановимся на этихъ общихъ взглядахъ Лампрехта на происхожденіе, характеръ и развитіе семьи въ первобытномъ обществѣ. Въ нихъ, прежде всего, бросается въ глаза полная ихъ научная несостоятельность: они не основаны ни на какихъ научныхъ данныхъ, неопредѣленны и противорѣчатъ другъ другу. Лампрехтъ совершенно незнакомъ съ состояніемъ вопроса о примитивной семьѣ даже въ своей отечественной, нѣмецкой наукѣ, не говоря уже о французской или англійской. Оттого то всѣ его взгляды такъ неясны, сбивчивы и во многихъ случаяхъ просто нелѣпы, хотя въ тоже время они провозглашаются имъ тономъ непоколебимаго авторитета. Такъ онъ говоритъ, что въ первобытномъ обществѣ личность пользовалась широкой свободой насилія и тутъ же добавляетъ, что въ проявленіяхъ своей любви и ненависти она всецѣло зависѣла отъ всего рода, слѣдовательно, допускаетъ господство въ первобытной жизни общества двухъ разнородныхъ, исключающихъ другъ друга, началъ. Лампрехтъ

много надѣется на сравнительную этнографію, ожидая отъ нея опредѣленныхъ указаній на основной характеръ жизни первобытнаго общества. Но всѣ его надежды въ этомъ случаѣ совершенно напрасны: не этнографія—простое описаніе обычаевъ и учрежденій дикарей,—а этнологія—наука сравнительнаго общество—и правовѣдѣнія—можетъ разрѣшить трудный вопросъ объ устройствѣ примитивнаго общества. Запутанныя научныя представленія Лампрехта приводятъ его къ цѣлому ряду положеній, сдѣлавшихся давно сомнительными въ наукѣ или же прямо отвергаемыхъ ею вслѣдствіе ихъ недоказанности. Такъ Лампрехтъ утверждаетъ, что зерно первобытной семьи—пара родителей, значитъ, моногамическій бракъ и затѣмъ объявляетъ, что первоначальныя отношенія между полами въ этой семьѣ имѣли форму полнаго смѣшенія половъ. Трудно понять, какъ бракъ между однимъ мужчиной и одной женщиной долженъ былъ непремѣнно вызвать такое полное его отрицаніе. Если бы Лампрехтъ былъ знакомъ съ трудами Спенсера или хотя бы Даргуна, онъ не высказалъ бы такое категорическое мнѣніе о началѣ первобытной семьи съ моногаміи, какъ это утверждаетъ Мэнъ и другіе сторонники патріархальной теоріи. Но онъ также отказался бы и отъ мысли провозглашать половое смѣшеніе универсальной формой отношеній между мужчинами и женщинами въ первобытномъ обществѣ. Лампрехтъ смѣшиваетъ смѣшеніе половъ съ материнской семьей, которая наоборотъ построена на довольно опредѣленныхъ принципахъ. На одинъ изъ нихъ указываетъ и самъ Лампрехтъ, это—фактъ, что мать каждаго ребенка была извѣстна въ материнской семьѣ, что трудно предположить при безпорядочныхъ отношеніяхъ между полами. Затѣмъ въ материнской семьѣ существуютъ опредѣленныя отношенія всѣхъ ея членовъ къ матери, какъ главѣ семьи, и ея брату, представителю и защитнику ея интересовъ. Вся система частно-гражданскихъ правъ основывается на родственныхъ отношеніяхъ членовъ такой семьи съ общею матерью. Отецъ же, какъ и слѣдовало ожидать, стоитъ здѣсь на второмъ планѣ, а не обладаетъ здѣсь защитительною властью надъ всѣми членами семьи, какъ увѣряетъ насъ Лам-

рехтъ. Не менѣе произвольны и бездоказательны всѣ дальнѣйшія его разсужденія о причинахъ прекращенія обычая полового смѣшенія и смѣны материнской семьи отческой, единобрачіемъ. Увеличеніе числа женщинъ, которое является у Лампрехта неизвѣстно откуда и не соединяется почему-то съ такимъ же умноженіемъ количества мужчинъ, можетъ привести скорѣе къ полигеніи, но не къ моногаміи, которая предполагаетъ одинаковое количество мужчинъ и женщинъ въ обществѣ. Почему при увеличеніи количества женщинъ становятся „неприличными“ браки между кровными родными, это трудно понять. Лампрехтъ приводитъ еще, какъ причины паденія полового смѣшенія, возникновеніе государства и частной собственности въ первобытномъ обществѣ. Но зародыши государства существуютъ и при матріархальномъ бытѣ общества, гдѣ брату матери принадлежатъ извѣстныя права власти. Порядки частной собственности, конечно, вытѣсняютъ коммунальное хозяйство, но не одними ими обусловливается возникновеніе единобрачія, на которое оказываетъ вліяніе и религія (напр., культъ предковъ) и разные нравственные мотивы, которые дѣйствуютъ также постепенно на весь строй первобытной жизни, какъ и экономическія причины. Такой, напр., характеръ имѣетъ появляющееся отвращеніе къ половому смѣшенію, которое дѣйствуетъ разрушительно на послѣднее, если только оно существуетъ въ первобытномъ обществѣ. Наконецъ, совершенно неожиданно и нелѣпо сравненіе Лампрехтомъ средневѣковаго государства съ первобытной отческой семьей: можно подумать, что Лампрехтъ отождествляетъ семью съ государствомъ и совсѣмъ не знаетъ характерныхъ условій образованія феодальнаго государства, рѣзко отличающихъ его отъ первоначальной патріархальной семьи.

Продолжаемъ изложеніе взглядовъ Лампрехта, который теперь примѣняетъ свои общія воззрѣнія къ германской первобытной семьѣ: къ нѣмецкимъ судьбамъ примѣняются, говоритъ онъ, такія же ступени развитія, которыя въ существенныхъ чертахъ повторяются однородно въ процессѣ развитія большинства націй. У германцевъ долго не исчезало воспоминаніе о первоначальной

общности половъ. Такъ во времена Тацита знатнымъ особамъ разрѣшалось многоженство и нисходящій рядъ поколѣній считали зависящимъ исключительно отъ женщинъ. Германцы чтили высоко соціальное и духовное значеніе женщины, которое принадлежало ей во всѣ періоды материнскаго права уже въ силу присущаго ей качества матери будущихъ поколѣній. Старое понятіе материнскаго права о женщинѣ сохраняется еще у германцевъ; она сохранила еще всѣ идеальныя стороны своего прежняго положенія въ новой моногаміи по отцовскому праву. Древнему міру (грекамъ и римлянамъ) было отказано въ пылкости благородной индивидуальной половой любви, въ очищающей силѣ интимно—супружескаго сожительства. Германцы ввели новую моногамію, соотвѣтствующую различнымъ способностямъ мужской и женской природы. Эта моногамія, благодаря содѣйствію христіанства, стала прочнымъ учрежденіемъ и глубоко вкоренилась, какъ основа современнаго брака. На ея почвѣ возросъ идеалъ современной семейной жизни. Материнское право сильно давало о себѣ знать въ области нравовъ, религіозныхъ и моральныхъ воззрѣній; отцовское право одержало побѣду въ сферѣ права и организаціи страны. Государство первобытной германской эпохи основано на племени и сотнѣ. Какъ материнскій родъ превратился у германцевъ въ сотню, относительно этого вопроса Лампрехтъ строитъ свою гипотезу. Именно онъ полагаетъ, что преобразованіе это совершилось посредствомъ перехода къ браку по отцовскому праву. Вмѣстѣ съ появленіемъ этого брака наступило разрушеніе старыхъ родовъ по материнскому праву и мужчины пріобрѣли руководящую роль въ родѣ. А такъ какъ всякій родъ составлялъ отрядъ народнаго войска подъ начальствомъ родового старшины, то понятно, что когда эти отряды пріобрѣли землю и осѣли на ней, они превратились въ сотни. Лампрехтъ изображаетъ переходъ отъ материнскаго права къ отцовскому въ такомъ видѣ, что въ моногаміи, возникающей въ концѣ эпохи материнскаго права, мать является еще центральнымъ пунктомъ семьи. Отраженіе этого факта представляетъ разсказъ Тацита о необыкновенномъ уваженіи у германцевъ племянника къ дядѣ

съ материнской стороны; на тужо привязанность между ними указываетъ пѣсня Нибелунговъ. Совершенно другимъ оказывается въ семьѣ положеніе отца и супруга, который еще не считается господиномъ и опорой своей семьи. Братья его жены съ точки зрѣнія древности были ей родственнѣе, чѣмъ мужъ. Въ пѣснѣ о Нибелунгахъ изображена въ крупныхъ чертахъ борьба жены между любовью къ братьямъ и ея супругу. Существовавшая въ періодъ материнскаго права, опека надъ женщинами со стороны ея кровныхъ родственниковъ теперь должна была перейти къ мужу. Въ тоже время возникаетъ бракъ путемъ похищенія, въ которомъ выражалось нераздѣльное право собственности мужа, женщины похищались изъ другаго рода, такъ какъ въ своемъ родѣ были запрещены браки между родственниками. Похищеніе замѣнилось куплей невѣсты при замѣнѣ раздора и борьбы миромъ и закономъ внутри рода. Бракъ, какъ чистую куплю, разсматриваетъ еще лонгобордское королевское право VII ст. Но воззрѣніе это недолго удержалось у германцевъ. Скоро покупная цѣна невѣсты стала покупной цѣной защитительной власти надъ нею и бракъ чрезъ покупку былъ замѣненъ защитительнымъ (Muntehe). Эта послѣдняя форма брака царитъ у германцевъ, начиная съ V—VII в. нашей эры. Лишь послѣ перехода къ мужу опеки надъ женой и ея потомствомъ мужъ становится вмѣстѣ съ тѣмъ супругомъ—господиномъ. Изъ этого „брака—опеки“ развивается новое отцовское кровное родство. Цѣлые вѣка понадобились на то, чтобы „опека-бракъ“ сдѣлался правильной формой единобрачія и чтобы отцовское право одержало верхъ въ семьѣ надъ материнскимъ. Древнѣйшій родъ былъ одновременно и семьей, и государствомъ; внутри себя онъ защищалъ слабыхъ отъ насилія, гарантировалъ всѣмъ членамъ внѣшнюю безопасность и обезпечивалъ имъ пропитаніе. Въ рукахъ рода были всѣ другія функціи, военныя и экономическія. При образованіи племеннаго государства заботы о внѣшнемъ мирѣ перешли къ цѣлому племени; роду же остался только судъ между его членами. Мало пострадали при этомъ переходѣ опекунскія и хозяйственныя функціи рода. Съ развитіемъ правъ на землю и возрастающимъ богатствомъ въ движи-

момъ имуществѣ экономическая и, въ особенности, наслѣдственно-правовая жизнь рода должна была пріобрѣтать постоянно все большее значеніе сравнительно съ правовыми и опекунскими проявленіями въ его жизни, пока они наконецъ не превзошли всѣ прочія функціи рода. Поэтому переходъ отъ материнскаго права къ отцовскому лучше всего можно прослѣдить на наслѣдственномъ правѣ. Въ доисторическое время движимое имущество. которое тогда только и существовало, наслѣдовали женщины. При „опекѣ-бракѣ“ мужъ началъ владѣть всѣмъ имуществомъ, которое по отношенію къ порядку наслѣдованія раздѣлялось на три части: парафенальное имущество (гераде), военный снарядъ и семейный скарбъ. Изъ этихъ частей только первая наслѣдовалась женщинами — наслѣдниками. Въ такомъ видѣ существуетъ наслѣдственное право германцевъ во времена Тацита; съ развитіемъ поземельной собственности является наслѣдственное право на землю, которое принадлежитъ только мужчинамъ по отцовской линіи. Со времени меровинговъ земля сдѣлалась крупнымъ, почти исключительнымъ экономическимъ орудіемъ власти (79—100 стр.).

Основными элементами общественнаго строя у древнихъ германцевъ являются: семья, сотня и племя. Родственные союзы состояли изъ всѣхъ домохозяевъ, соединенныхъ узами кровнаго родства. Сотня, какъ высшая спеціально-государственная единица, стояла надъ этими союзами. Извѣстное число сотенныхъ обществъ образовало государство. Такъ весь строй жизни древнихъ германцевъ былъ проникнутъ характеромъ гармоническаго движенія всѣхъ его частей. Руководителемъ семейнаго домохозяйства былъ домохозяинъ. Сотня имѣла своимъ начальникомъ princeps'a или Fürst'a (князя). Племенемъ руководилъ или совѣтъ начальниковъ, или одинъ вождь—начальникъ (герцогъ). Начальникъ сотенной общины избирался всѣми сотнями, при чемъ обращалось вниманіе на рожденіе и заслуги. Король избирался изъ высшаго рода и король долженъ быть свободнымъ и законнорожденнымъ. Начальникъ былъ довѣреннымъ лицемъ общины, представителемъ своего товарищества. Всѣмъ германскимъ начальникамъ принадлежали три функціи: они были органами защитительной власти,

удобными органами и вождями своей общины. Какъ на верховную защитительную власть общины, на ея начальника были возложены почетныя обязанности. Какъ судебный органъ, онъ былъ третейскимъ судьею для товарищей; на войнѣ начальникъ является прирожденнымъ вождемъ, который приказывалъ, какъ военноначальникъ. Лампрехтъ выводитъ королевскую власть у древнихъ германцевъ изъ власти старѣйшины рода, того вліянія, которое пріобрѣли въ переходное время отъ матернитета къ патернитету избранныя семьи, откуда выходили начальники—короли. Послѣдніе сдѣлались настоящими предсѣдателями въ коллегіи начальниковъ своего племени. Король былъ жрецомъ своего народа, прирожденнымъ его вождемъ на войнѣ, законнымъ совѣтникомъ въ мирное время; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ сокровищницей духовнаго преданія, довѣреннымъ высшей силы, любимцемъ боговъ. Жречество королей произошло изъ первоначальной связи ихъ власти въ семьѣ съ обязанностью храненія семейныхъ святынь. Но соединеніе жречества съ королевскою властью было всеобщимъ достояніемъ германцевъ лишь въ доисторическое время; отдѣленіе другъ отъ друга обѣихъ функцій было причиной паденія королевской власти. Германецъ искони представлялся намъ воиномъ душею и тѣломъ, вѣра его была воинственная, боги его были героями, небо его было полемъ битвы. Народное собраніе—смотръ войска, индивидуумъ—его часть. Несвободный становился свободнымъ и членомъ народа, какъ только ему подносили оружіе. Поэтому изученіе организаціи войска и распредѣленія власти можетъ служить для пониманія политическаго и экономическаго строя племеннаго государства. Германцы были пѣшимъ войскомъ, такъ какъ они пріобрѣли уже осѣдлость. Но рядомъ съ пѣхотой была имъ извѣстна и конница, какъ обыкновенная и какъ конныя дружины начальниковъ, герцога и короля. Дружина была первоначально чисто военнымъ учрежденіемъ; въ нее устремлялись всѣ тѣ, въ комъ общественное происхожденіе и личныя достоинства будили заманчивыя надежды. Начальникъ большой дружины гордился военной славой и благородствомъ своихъ сподвижниковъ. Дружина была прикрѣплена къ нему священными узами вѣрно-

сти, въ которой Лампрехтъ видитъ „великолѣпную черту специфически германскаго жизнепониманія“ (112 с.). Старая германская идея вѣрности выражалась въ дружинѣ франскихъ королей, придворномъ обществѣ великихъ каролинговъ и средневѣковыхъ императоровъ и въ самомъ персоналѣ центральнаго управленія нашихъ князей.

Въ первобытное время германцы знали лишь частную собственность движимаго имущества, которая состояла изъ стадъ пастбищныхъ животныхъ, посуды, домашней утвари, украшеній и оружія. Съ переходомъ германцевъ къ земледѣлію явилась потребность въ распредѣленіи земли; такъ какъ она пріобрѣталась копьемъ, какъ и всякая добыча, то она поэтому распредѣлялась въ предѣлахъ военной организаціи. Герцогъ и начальники распредѣляютъ земли между сотнями. Дальнѣйшее подраздѣленіе земли совершалось уже внутри области сотни. Сначала были выдѣлены участки земли для начальника и короля, если онъ былъ. Затѣмъ была назначена священная роща для культа бога и отмежеваны общественныя пастбища для людей и скота. Наконецъ, были образованы отдѣльныя семейныя домохозяйства, связанныя большею частью родствомъ. Послѣ того, какъ прекратилось кочевое состояніе у германцевъ, отдѣльное семейное домохозяйство получило прочное право владѣнія, а также и право собственности на свое дворовое хозяйство. Каждый дворъ получилъ цѣлый рядъ правъ, въ которыхъ выразилось разумное пользованіе тѣми хозяйственными выгодами, какія доставляло общее владѣніе общихъ дворовъ за исключеніемъ пашни. Совокупность этихъ правъ называлась Hufe. Эти гуфы сдѣлалась потомъ прочнымъ основаніемъ средневѣковаго крестьянскаго помѣстья. Вмѣстѣ съ дворомъ гуфа доставляла обезпеченіе жизни совершенно свободному воину и его семьѣ. Во время Цезаря сотня сдѣлалась сельской поземельной хозяйственной общиной. Тѣсная связь товарищескихъ интересовъ положила основаніе хозяйственной маркѣ или общинѣ. Въ наиболѣе богатыхъ нѣмецкихъ странахъ появляется трехстепенная система сельскихъ общинъ, существующая съ первобытныхъ временъ и до настоящаго времени.

Лампрехтъ замѣчаетъ, что германская община всегда была общиной мужей. Подобно хозяйственному строю, и государственное устройство у древнихъ германцевъ было построено на военномъ началѣ. Народное собраніе, въ которомъ народъ выступалъ въ качествѣ суверена, въ сущности есть военный союзъ; то былъ смотръ войска подъ открытымъ небомъ въ мѣстѣ, посвященномъ Богу въ опредѣленное время. Все, что не происходило въ военномъ собраніи, носило также военный характеръ. Корпорація начальниковъ должна была предварительно обсудить всѣ предметы, подлежавшіе обсужденію собранія и установить твердо свое мнѣніе о дѣлѣ. Народныя собранія были исходными пунктами добровольныхъ военныхъ походовъ. Разбирательству фолкстинга подлежали споры между отдѣльными сотнями. Во время Тацита правосудіе перешло отъ народнаго собранія къ сотнѣ и ея начальнику. Послѣдняго окружалъ комитетъ испытанныхъ мужей, около ста, коллегія совѣтниковъ, которая должна была постановлять справедливые приговоры. Такъ, замѣчаетъ Лампрехтъ, судебный приговоръ въ древнюю эпоху пріобрѣталъ силу закона при взаимодѣйствіи трехъ властей: начальника, совѣтниковъ и согласія всѣхъ присутствующихъ, всей судебной общины. Для исполненія постановленнаго такъ судебнаго приговора начальникъ долженъ былъ объявить его предъ всѣмъ народомъ, какъ установленный законъ. Таковъ былъ процессъ созданія принциповъ новаго права у древнихъ германцевъ до тѣхъ поръ, пока княжеская власть и римское право разрушили древній правовой строй, отчего немало пострадалъ естественный ходъ всего юридическаго и соціальнаго строя германцевъ.

Но, спѣшитъ прибавить Лампрехтъ, было бы ошибочно видѣть въ первобытномъ государствѣ и его судебной организаціи единственное средство для воспитанія законности и нравственнаго чувства справедливости. Общественная власть государства была еще сравнительно недавняго происхожденія. Право и нравы возникли лишь въ нѣдрахъ рода, а взаимныя отношенія между родами въ началѣ регулировались лишь въ смыслѣ взаимнаго соревнованія въ борьбѣ за существованіе. Никакое преступленіе

не было возможно внѣ родовой точки зрѣнія. Въ борьбѣ же съ родами долженъ былъ прокладывать себѣ дорогу новый государственный строй внутри германскихъ племенъ. Во времена племенного государства рядомъ съ нимъ гордо стоитъ еще историческое право рода, который самъ защищалъ личность, свободу и собственность своихъ гражданъ. При господствѣ взаимной защиты правъ посредствомъ родовой власти государство должно было на первыхъ порахъ ограничиться однимъ лишь разумнымъ регулированіемъ взаимныхъ отношеній родовъ. Поэтому-то оно заботилось о возможнѣйшемъ ускореніи мести. Дальнѣйшей задачей государ власти было добиваться того, чтобы всякое насильственное дѣяніе въ процессѣ взаимной вражды отдѣлить точно отъ обыкновеннаго преступленія—насилія. Поэтому всякій актъ возмездія долженъ былъ совершаться открыто, а не скрытно, коварно. Государство вырабатываетъ постепенно идею о собственныхъ карательныхъ полномочіяхъ въ отношеніи къ той родовой власти, которая поступаетъ нечестно. Изъ этого корня выростаетъ публичное уголовное право государства, которое страшно карало при самомъ началѣ этого института. Кромѣ лишенія покровительства законовъ, государство вырабатываетъ другое не менѣе сильное наказаніе—лишеніе чести. Въ историческое время это послѣднее постигало такихъ лицъ, которыя недостаточно исполняли свои военныя обязанности. Дальнѣйшимъ шагомъ впередъ было то, что постепенно выработался для наиболѣе обычныхъ преступленій и проступковъ тарифъ пеней, вошедшій въ употребленіе подъ защитой общественной власти. Отъ примирившейся стороны требовали опредѣленную сумму для оплаты судебной пирушки, ночлега, а также для снабженія суда приличнымъ мѣстомъ разбирательства. Таковъ, заключаетъ Лампрехтъ, процессъ развитія, къ которому сводится внутренняя исторія германскаго народа въ теченіе первыхъ восьми столѣтій. Кровная месть въ концѣ концовъ подчиняется принудительной власти государства. Теперь государство примѣняло наказаніе лишеніемъ покровительства законовъ также къ публичнымъ проступкамъ, цѣлой массѣ преступленій, которыя вызывали единогласное осужденіе со стороны обще-

ственнаго мнѣнія. Такъ рядомъ съ древнею самопомощью родовъ въ процессѣ взаимной вражды и вознагражденія за него, рядомъ съ родовой системой пеней, чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе устанавливалась другая система общественной власти, около древняго уголовнаго права и также на почвѣ публичнаго рѣшенія и приговора образуется новое, чисто публичное уголовное право (100—130 стр.).

Теперь Лампрехтъ обращается къ характеристикѣ общественной и духовной жизни первобытной семьи. Существенную ея особенность составляетъ, по его словамъ, тотъ фактъ, что первобытное государство не разсматривалось еще какъ абстрактная личность, въ сферѣ которой живутъ отдѣльныя физическія лица. Въ немъ скорѣе видѣли живую, всеобъемлющую личность, которая образуется изъ отдѣльныхъ лицъ. Единичная личность стушевывается передъ значеніемъ совокупной личности государства; политическая жизнь охватываетъ всѣ основы духовнаго существованія. Государство являлось преимущественно военнымъ союзомъ, почему и мысли его граждане поглощены были военными походами и боевой жизнью Этотъ воинственный характеръ государства господствовалъ вообще не надъ одними нравами и религіей, но и надъ духовной жизнью личности древняго германца. Государство стало постепенно связывать свободу личности, когда оно преслѣдовало цѣли права и мира. Но его миръ и право были только узко народными, а не общечеловѣческими. Родъ, какъ личность, противопоставлялся семьѣ и индивидууму. Только роду принадлежала полная собственность надъ владѣніемъ отдѣльныхъ лицъ, которое переходило на правѣ пользованія по наслѣдству отъ отца къ сыну. Такъ же мало обособилась семья внутри рода для самостоятельной жизни. Государство связывало свободу мужчины въ военномъ и юридическомъ направленіи, родъ сковывалъ его въ томъ же направленіи. Въ правовой жизни не было еще и рѣчи объ индивидуальномъ положеніи отдѣльныхъ членовъ народа Даже въ области общественнаго и уголовнаго права извѣстна была только форма родственной присяги, соприсяжничество. Нечего искать и индивидуальной свободы женщинъ въ

семьѣ и родѣ: она проводила всю жизнь подъ опекой своего рода. Даже чрезвычайно богатая жизнь корпорацій, товариществъ позднѣйшаго времени развилась сначала въ одномъ военномъ направленіи. Только воинственные дружинники начальниковъ освободились практически отъ узъ естественныхъ отношеній къ ихъ сородичамъ. Роду, государству и товариществамъ, какъ связующимъ силамъ общественнаго и духовнаго развитія древнихъ германцевъ, Лампрехтъ противопоставляетъ разрушающія его силы, которыя стремились освободить замкнутую жизнь настоящаго. Первою ступенью для позднѣйшаго соціальнаго расчлененія націи была несвобода военно-плѣнныхъ, которыхъ съ переходомъ германцевъ къ пастбищному хозяйству приставляли къ стадамъ для ихъ охраны. Съ развитіемъ осѣдлости и земледѣлія возникъ другой родъ аграрной несвободы зависимыхъ, крѣпостничества. Является дворянство, которое представляется сначала семьею начальника въ родѣ или семьѣ. Развивающаяся торговля подорвала древнее воззрѣніе на исключительность національнаго права тѣмъ, что содѣйствовала развитію освященнаго богами права гостепріимства. Но возникающее подъ вліяніемъ такихъ факторовъ общественное расчлененіе еще цѣлыя столѣтія оставалось замкнутымъ въ правовомъ отношеніи на подобіе кастъ. Традиціи и сохраненіе природныхъ духовныхъ богатствъ народа по существу составляли еще задачу женщинъ. Не было еще полнаго понятія о числѣ, времени и важности общественныхъ занятій. Подобныя проявленія духовной культуры указываютъ еще на первобытное состояніе, на отсутствіе живого соперничества, на существенное сходство индивидуальностей. Однообразіе тѣлеснаго облика, какъ и духовной сущности, обусловленное весьма крѣпкою связью съ государствомъ и родомъ, не мѣшало, однако, проявленію самыхъ живѣйшихъ чувствъ свободы. Эта любовь къ свободѣ имѣла въ своемъ отнованіи не индивидуальное самоуваженіе, а неудержимое стремленіе къ національной жизни. То была любовь къ свободѣ, которая типична для нѣкоторыхъ народовъ низшей культуры, сходныхъ по внѣшнему виду, отсутствію индивидуальнаго мышленія и привязанности къ племеннымъ нравамъ и строю. Харак-

теризуя поэзію и искусство у древнихъ германцевъ, Лампрехтъ замѣчаетъ, что символическіе обряды сопровождали важнѣйшіе моменты человѣческаго существованія—рожденіе и помолвку, бракъ и смерть, серьезные моменты соціальной жизни въ хозяйствѣ, нравахъ и правѣ, смѣну природы весною и зимою и сношенія съ божествомъ. Остатки символическаго вѣка какъ въ поэзіи, тикъ и живописи простираются далеко за предѣлы ранней эпохи. Средніе вѣка находились вообще подъ господствомъ символическаго элемента. Символическими были ихъ праздники и ихъ культъ, были символичны примѣненіе закона въ это время и церемоніалъ, повседневная жизнь, шутки и сатиры. Но какъ въ основѣ эстетической духовной жизни ощущался извѣстный недостатокъ въ воззрѣніяхъ, такъ и въ нравственной жизни древнихъ германцевъ недоставало опыта для подчиненія инстинктовъ разуму. Онъ былъ замѣненъ принудительностью объективныхъ институтовъ—государства, рода и семьи. Рядомъ съ этою скованностью нравственныхъ понятій существовала полная необузданность индивидуума внѣ родовой и государственной жизни. Правовыя воззрѣнія не были выраженіемъ свободнаго состоянія народа; правовая идея облекалась въ миѳологическія формы. Все примитивное судопроизводство было только символомъ борьбы при помощи орудій закона вмѣсто оружія. Всѣ правовыя обязанности носили характеръ символическихъ дѣйствій. Таковы были личныя отношенія—право, бракъ и свобода. Символичны были формы всякого договора, особенно же правовыя сдѣлки по владѣнію землей. Лучше всего сохранились символическія дѣйствія, преимущественно касавшіяся торжественныхъ и рѣдкихъ судебныхъ процедуръ. Такъ откидываніе перчатки господиномъ означало отказъ въ покровительствѣ его крестьянину, который тѣмъ становился внѣ народнаго права, дѣлался лѣснымъ бродягой. Юридическія формы эти, какъ и всякая символика, постепенно отпадали, пока совершенно не исчезли. Правовую символику дополнялъ языкъ первобытной эпохи. Изо всѣхъ сторонъ древнегерманской народной жизни наиболѣе трудной для пониманія является религіозная ея сторона. У германцевъ, какъ и у всѣхъ

индо-европейскихъ народовъ, существовала естественная религія; не было личнаго откровенія. Всѣ природныя силы представлялись одушевленными, человѣкоподобными. Прежде всего, были обоготворены: земля, вода, огонь, воздухъ, небо было жилищемъ боговъ. Дружественнымъ богамъ противопоставлялись воплощенія мрачныхъ и страшныхъ естественныхъ силъ. Рядомъ съ великими природными силами явились въ символическомъ воплощеніи и меньшія. Издавна культъ проявлялся въ приготовленіяхъ къ достиженію и умилостивленію сверхъестественнаго, благосклонности котораго добивались, гнѣва котораго страшились: благодаря этому культу, созрѣла мысль, что человѣческая судьба зависитъ отъ божественной воли. Вообще міръ германскихъ боговъ не былъ представителемъ нравственныхъ понятій личной морали. Въ древнегерманскую эпоху главный вопросъ сводился не къ нравственному, какъ добру и злу: нравственный индивидуумъ тайно дремалъ еще въ неподвижныхъ обычаяхъ рода, государства. Боги имѣли отношенія лишь къ коллективной нравственности. Но область этихъ соціально-нравственныхъ отношеній была безконечно богата. Уже общая индо-европейская культура занималась изслѣдованіемъ мѣста будущей жизни праведниковъ. Германцы украсили будущую жизнь сообразно своимъ земнымъ воззрѣніямъ на счастье и блаженство. Германецъ продолжалъ жить вѣчно въ Валгаллѣ цвѣтущимъ и юношески-свѣжимъ; надежда на реальныя радости за гробомъ утѣшала германца въ его тяжелыхъ воинственныхъ занятіяхъ. Противъ такого-то характера германской религіи христіанство и приняло походъ, не вполнѣ законченный и понынѣ (160 стр.).

Въ такомъ видѣ Лампрехтъ изображаетъ всю первобытную жизнь древнихъ германцевъ. Въ этой картинѣ всего ихъ соціальнаго-политическаго быта нашли мѣсто примитивныя понятія въ области семейнаго права и разнообразныя представленія объ общественныхъ элементахъ, органахъ власти, военномъ устройствѣ хозяйственномъ и политическомъ строѣ и разныхъ проявленіяхъ общественной и духовной жизни первобытной эпохи. Однако, не смотря на такое подробное и обстоятельное описаніе всего обще-

ственнаго быта у древнихъ германцевъ, къ которому такъ рѣдко прибѣгаютъ нѣмецкіе историки, въ этомъ описаніи есть немало невѣрныхъ чертъ и слишкомъ увѣренныхъ сужденій автора, несоотвѣтствующихъ дѣйствительности. Лампрехтъ примѣняетъ свои общія представленія о первобытной семьѣ и къ древнимъ германцамъ, у которыхъ полигамія кажется ему остаткомъ примитивнаго полового смѣшенія, хотя обѣ эти формы первобытныхъ отношеній между полами вовсе не стоятъ между собою въ генетической связи. При оцѣнкѣ глубокаго уваженія древнихъ германцевъ къ женщинѣ Лампрехтъ дѣлаетъ вѣрное замѣчаніе, высказанное недавно еще Даргуномъ, что высокое положеніе женщины не исключало у германцевъ, какъ и вообще, въ первобытномъ обществѣ суровыхъ, хозяйственныхъ ея заботъ относительно благосостоянія всей семьи. Совершенно правиленъ также взглядъ Лампрехта, сходный тоже съ воззрѣніемъ Даргуна, что материнскимъ правомъ опредѣлялись у нихъ отношенія въ области семейныхъ нравовъ, моральныя и религіозныя воззрѣнія; отцовское же право регулировало весь соціальный и политическій бытъ. Лампрехтъ правъ, когда онъ утверждаетъ, что главой материнской семьи былъ фактически братъ матери-главы рода; онъ былъ законнымъ защитникомъ, совѣтникомъ и воспитателемъ своихъ племянниковъ. Но и мужъ въ материнской семьѣ обладалъ извѣстнымъ правомъ защиты по отношенію къ своей женѣ и дѣтямъ, которое онъ имѣлъ вслѣдствіе своего преобладанія въ политической жизни. Защитительная власть мужа переходитъ потомъ, хотя и не безъ нѣкоторой борьбы съ правомъ брата матери въ семьѣ, въ господство мужа надъ всей семьей. Высказываемое Лампрехтомъ мнѣніе о происхожденіи похищенія невѣсты ея женихомъ вѣрно только отчасти: похищеніе вытекало не изъ одного только права собственности, пріобрѣтаемаго на женщину путемъ похищенія. Послѣднее, какъ примитивная форма заключенія брака, вызывалось разнообразными условіями примитивнаго общественнаго быта (недостаткомъ женщинъ, безпрерывными войнами и др.). Взглядъ Лампрехта на куплю, какъ слѣдующую послѣ похищенія форму заключенія примитивнаго брака, тотъ же, который былъ формулированъ

Вилькеномъ и затѣмъ принятъ и другими учеными изслѣдователями примитивной семьи (Ковалевскимъ и др.). Изъ брака посредствомъ покупки Лампрехтъ выводитъ чисто германскій институтъ брака, въ которомъ мужъ получаетъ полное право защиты въ семьѣ (mundium), взглядъ, который ставится имъ слишкомъ прямо и рѣшительно безъ указанія фактовъ и источниковъ. Послѣднія, заключительныя замѣчанія Лампрехта о правахъ и обязанностяхъ рода по отношенію къ его членамъ по материнскому праву, какъ и ихъ постепенномъ переходѣ въ родъ отца, особенно опредѣленно выразившемся въ имущественныхъ отношеніяхъ (наслѣдственномъ правѣ), могутъ быть признаны вѣроятными всѣдствіе своей логичности, опирающейся на фактическія отношенія между членами примитивной семьи. Въ описаніи организаціи общественныхъ отношеній у древнихъ германцевъ, ихъ общинной жизни, возникновенія королевской власти и обширныхъ правъ германскихъ князей во всѣхъ дѣлахъ общины, свѣтскихъ и религіозныхъ, Лампрехтъ повторяетъ уже извѣстное изъ описаній общественнаго быта древнихъ германцевъ Цезаремъ, Тацитомъ и разными германскими историками. Такой же характеръ имѣютъ и его замѣчанія о военномъ ихъ устройствѣ и значеніи дружиннаго элемента въ политической жизни, какъ и хозяйственнаго и политическаго строя у древнихъ германцевъ. Слишкомъ идилличны только формы древне-германской общинной жизни, по представленію Лампрехта: такія же отношенія между членами общины, основанныя на чувствѣ взаимнаго уваженія внутри и мужества внѣ общины наблюдаются и въ древне-славянской общинѣ. Въ характеристикѣ общественной и духовной жизни первобытной эпохи древнихъ германцевъ у Лампрехта встрѣчаются также нѣкоторыя противорѣчія и преувеличенныя похвалы національнымъ чертамъ древнихъ германцевъ. Лампрехтъ считаетъ первобытное германское государство какою-то „живою, всеобъемлещею личностью“, предъ которой совершенно ступевывались отдѣльныя личности, такъ что всякая индивидуальная свобода не существовала у германцевъ. Теперь, слѣдовательно, нашъ авторъ совершенно забылъ, что онъ говорилъ въ началѣ

своей книги о развитіи этой свободы въ древнемъ быту германскихъ племенъ. И это ради того, чтобы доказать свою главную мысль о крѣпости національныхъ связей между ними съ самого перваго момента исторической ихъ жизни. Это крѣпкое древнѣйшее государство разрушается, по Лампрехту, соединеннымъ дѣйствіемъ цѣлаго ряда силъ и, прежде всего, переходомъ древнихъ германцевъ къ кочевой жизни, а затѣмъ и земледѣлію. Такимъ образомъ, оказывается, что въ то время, какъ всѣ народы начинали свою жизнь съ самого примитивнаго состоянія, соотвѣтствовавшаго всѣмъ простымъ условіямъ первоначальной общественной жизни людей, жили сначала въ охотничьемъ, рыболовномъ или кочевомъ быту, древніе германцы, по представленію Лампрехта, успѣли образовать сильное племенное государство съ довольно разнообразными и сложными для примитивной жизни функціями. Также обыкновенно у другихъ народовъ постепенно появляются въ теченіе примитивной ихъ жизни общественные классы съ подраздѣленіемъ на свободныхъ и несвободныхъ. У Лампрехта эти классы (рабы, крѣпостные, дворянство, ремесленный и торговый классы) являются съ характеромъ, не созидающимъ государство, а разрушающимъ уже бывшее, прочно основанное племенное государство древнихъ германцевъ. При чемъ, ихъ женщины провозглашаются носительницами традицій и природныхъ духовныхъ богатствъ народа. На женщинахъ же лежало хозяйство, между тѣмъ какъ невѣжественные мужчины проводили все время въ праздности. Но такое рѣзкое различіе между полами древнихъ германцевъ не мѣшало, съ одной стороны, „существенному сходству индивидуальностей у нихъ“, а съ другой проявленію „самыхъ живѣйшихъ чувствъ свободы“. Въ тоже время въ этой „любви къ свободѣ, которой восторгались мечтательно“ сказывалось, по словамъ Лампрехта, не „индивидуальное самоуваженіе, а неудержимое стремленіе къ національной жизни“, которое, однако, не ставило древнихъ германцевъ выше остальныхъ народовъ низшей культуры. Что хочетъ сказать нѣмецкій историкъ всей этой путаницей словъ, изъ которыхъ одно уничтожаетъ совсѣмъ другое, чтобы потомъ, въ свою очередь, уступить мѣсто

слѣдующему, трудно понять. Видно только, что Лампрехту хочется выставить особенныя, культурныя преимущества германскаго племени предъ другими народами, которыя онъ старается отыскать даже въ ту примитивную эпоху общественной жизни всѣхъ народовъ, когда вся эта жизнь отличается однѣми и тѣми же чертами. Поэтому же Лампрехтъ заявляетъ, что содержаніе духовной жизни всего германскаго народа въ примитивную эпоху его общественной жизни должно было быть болѣе всеобъемлющимъ, чѣмъ въ позднѣйшіе, индивидуалистическіе вѣка. Признаки этого факта онъ находитъ въ примитивной германской поэзіи и искусствѣ, богатыхъ символами. Но въ области нравственной жизни оказывается недостатокъ „опытныхъ воззрѣній“, которыя почему-то замѣняются принудительными нормами семейнаго, родоваго и государственнаго права. И въ этомъ послѣднемъ отношеніи Лампрехтъ открываетъ оригинальную черту у древнихъ германцевъ, у которыхъ сравнительно со всѣми другими первобытными народами вмѣсто господства нравственныхъ понятій существуетъ принудительность во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ, сковывавшая отдѣльнаго индивидуума по рукамъ и ногамъ. Эту принудительность права, какъ отличительный признакъ его у древнихъ германцевъ, трудно согласить съ наличностью у нихъ обычнаго права, которое признается Лампрехтомъ у нихъ главной его формой, обильной символами въ разныхъ частяхъ права. На необязательный характеръ права въ первоначальный періодъ общественной жизни германцевъ указываетъ и, отмѣчаемыя самимъ Лампрехтомъ, мифологическія (религіозныя) формы правовой идеи. Наконецъ, характеристика Лампрехтомъ примитивной германской религіи, какъ только религіи физической природы, обоготворенія разныхъ ея силъ слишкомъ односторонняя: у древнихъ германцевъ, какъ и всякаго примитивнаго племени, существовала несомнѣнно и другая религія, свойственная примитивной эпохѣ общественной жизни,—культъ предковъ. Отголоскомъ этого культа является, указываемый Лампрехтомъ же, фактъ, что древніе германцы старались умилостивить сверхъестественное, добиться его благосклонности и избѣжать его гнѣва: эта вѣра въ сверхъесте-

ственное—вѣра въ жизнь за гробомъ душъ умершихъ предковъ, отъ которыхъ живущіе примитивные люди ожидали добра за принесеніе имъ жертвъ или зла за пренебреженіе этою священною для всѣхъ обязанностью.

Мы пропускаемъ первую главу третьей книги, гдѣ излагаются Лампрехтомъ историческіе факты, касающіеся первоначальныхъ взаимныхъ отношеній между римлянами и германцами при ихъ столкновеніяхъ. Въ слѣдующей главѣ онъ останавливается на тѣхъ измѣненіяхъ въ римской общественной жизни, которыя были внесены въ нее германцами. Вѣрный своей мысли о великомъ культурномъ значеніи германскихъ племенъ, Лампрехтъ старается приписать только имъ возрожденіе дряхлѣющей римской имперіи, хотя факты въ его же передачѣ и говорятъ скорѣе противное. Внутреннее ея состояніе при возникновеніи на ея территоріи восточно-германскихъ государствъ представляло собою, говоритъ Лампрехтъ, картину полнаго разложенія, политическаго и соціальнаго Правительственный механизмъ работалъ въ ней уже съ перерывами, произволъ чиновниковъ и бюрократическое высокомѣріе достигли небывалыхъ размѣровъ и всѣ общественные устои расшатались. Всюду воцарились беззаконіе и самоуправство. Ничѣмъ несдерживаемый классовой эгоизмъ выступилъ впередъ открыто и безстѣнчиво. Лицемъ къ лицу стояли богатые и бѣдные, сенаторскіе роды,—владѣльцы обширныхъ латифундій и нищіе бродяги; средніе классы, предводители исчезли, страшась будущей анархіи. Отсюда начался регрессъ въ области народнаго хозяйства; города пустѣли и на большихъ пространствахъ шли латифундіи знатныхъ подобно маленькимъ замкнутымъ царствамъ, въ которыхъ рядомъ съ полусвободными крестьянами толпились полчища рабовъ Германцы не были въ состояніи установить для провинціаловъ прочныхъ законовъ и правъ вслѣдствіе своей немногочисленности. Захватъ германцами земель и ихъ раздѣлъ между собою вызвали вредное дробленіе земель; а сельскія занятія побѣдителей должны были направить экономическую жизнь провинціи на путь натуральнаго хозяйства. Но различіе между богачемъ и бѣднякомъ оставалось во всемъ своемъ безотрадномъ видѣ и сами германцы

погрузились въ бездну вѣковаго общественнаго разложенія. Король остготовъ очень скоро началъ обращаться съ членами древняго свободнаго сословія, какъ съ имперскими подданными, удѣлъ которыхъ слѣпое повиновеніе. Служилое германское дворянство успѣло слиться съ родовымъ дворянствомъ пришлыхъ германскихъ племенъ, но то и другое утратило свой германскій характеръ. Германскому дворянству не удалось пріобрѣсть самостоятельнаго значенія рядомъ съ римской провинціальной аристократіей, которая вырыла могилу и германской королевской власти Сами короли различныхъ германскихъ государствъ привлекали эту аристократію къ участію въ управленіи и даже старались подражать ей въ достоинствѣ обращенія и манерахъ. Въ общемъ германская королевская власть оказалась слишкомъ слабо устроенной для тѣхъ задачъ, съ которыми она столкнулась на чисто римской почвѣ. Новымъ жизненнымъ условіямъ не могло уже удовлетворять одно, обычное у древнихъ германцевъ, соединеніе выборнаго начала съ наслѣдственностью королевскаго достоинства. Повсюду продолжало существовать прежнее римское управленіе, рядомъ съ которой было поставлено германское военное управленіе. Во всѣхъ правахъ и функціяхъ была двойственность, отъ которой могли произойти лишь путаница и произволъ. Въ нисшихъ сферахъ жизни германцамъ извѣстно было лишь товарищеское самоуправленіе въ кругѣ ихъ хозяйственныхъ и даже политическихъ интересовъ; въ провинціальныхъ же областяхъ сохранилось изъ римской эпохи многовластіе абсолютизма. Дворянство удержало верхъ надъ центральною властью и подъ его господствомъ совершенно исчезла самостоятельность среднихъ и нисшихъ классовъ. Германская народная свобода стала смутнымъ воспоминаніемъ прошлаго. Въ вестготскомъ королевствѣ германское судоустройство было отмѣнено и германскій обычай замѣнили въ видѣ новаго государственнаго права римскіе юридическіе компендіи. Только франское королевство съ своими внутренними административными учрежденіями пріобрѣло вліяніе на политическое развитіе средневѣковаго европейскаго міра.

Съ болѣе отраднымъ чувствомъ сравнительно съ этими чертами

явнаго паденія государственной идеи у восточныхъ германцевъ Лампрехтъ изображаетъ ихъ культурное вліяніе на развитіе романскихъ земель, — бывшихъ римскихъ провинцій. Исповѣдываніе германцами христіанства въ формѣ аріанства долго поддерживало въ нихъ духовную свободу. Особое положеніе и вліяніе восточныхъ германцевъ сказались еще въ области искусства, языкѣ и литературѣ. Конечно, общеупотребительнымъ языкомъ былъ латинскій; но германцы не забыли и свой родной рѣчи. У германскихъ племенъ сохранился долго послѣ покоренія ими римской имперіи древній родовой строй. Вліяніе нравственныхъ понятій, основанныхъ на этомъ строѣ, было громадно въ средѣ болѣе цивилизованнаго провинціальнаго населенія. Вездѣ былъ распространенъ институтъ родовой мести; въ южной Франціи евреямъ вспомнились даже слова: око за око и зубъ за зубъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ родовой элементъ германскаго судопроизводства повсюду выдвигается впередъ; соприсяжничество, процессуальная самозащита за поручительствомъ рода вообще, получаетъ широкое развитіе въ королевствѣ вестготовъ. Необыкновенное вліяніе оказалъ на устройство семьи институтъ древнегерманской семьи и брака. Оно выразилось, между прочимъ, въ романтическомъ элементѣ поклоненія женщинѣ, впослѣдствіи отличавшемъ средневѣковую эпоху, и въ возрожденіи романскихъ нравовъ. Въ провинціяхъ получила значеніе даже идея товарищества, принесенная германцами. Послѣдніе крѣпко держались понятій товарищества и сосѣдства, которое являлось точно опредѣленнымъ юридическимъ выраженіемъ германскаго общественнаго права. Даже идея коллективной собственности не вполнѣ исчезла. Но готское законодательство уступило свое мѣсто римскому праву, готская народная свобода-крупному римскому землевладѣнію, готскій языкъ-новосозданнымъ романскимъ нарѣчіямъ (185—205 стр.).

Въ слѣдующей 4-й книгѣ сочиненія Лампрехта обращаетъ на себя вниманіе начало первой главы, гдѣ идетъ рѣчь объ общественномъ состояніи Галліи подъ властію римлянъ, когда она подпала вліянію римскаго управленія и римской культуры. Лампрехта интересуетъ особенно экономическое положеніе страны, гдѣ

существовало еще крупное общинное землевладѣніе въ рукахъ отдѣльныхъ клановъ. Сюда теперь вторглась кипучая жизнь римскаго денежнаго хозяйства. Земельные участки стали дѣлить на мелкія крестьянскія помѣстья и раздавать ихъ колонамъ, отнынѣ составлявшимъ многочисленный классъ сельскаго населенія. Надъ крестьянами стояли владѣльцы латифундій, ихъ господа, которые въ городахъ составляли вершину соціальнаго изданія. Только они одни занимали государственныя должности. Городская аристократія скоро романизируется вполнѣ. Вся общественная жизнь галловъ проникается римскимъ духомъ. Натуральное хозяйство смѣнилось денежнымъ; населеніе устремилось въ города, гдѣ появилась торговая аристократія. Истомленное населеніе деревень безнадежно погружается въ состояніе прежняго натуральнаго хозяйства. Надъ всей страной тяготѣетъ управленіе арміи кровопійцъ-чиновниковъ. Провинціями управляли намѣстники, соединявшіе въ своихъ рукахъ гражданское и военное управленіе. Отъ такого печальнаго состоянія освободило, по словамъ Лампрехта, Галлію только развитіе въ ней германской національности, такъ что и на этотъ разъ послѣдняя является у Лампрехта съ тѣмъ же знакомъ своего превосходства надъ современными ей народностями, какъ и ранѣе. Возрожденіе Галліи подъ вліяніемъ германцевъ произошло вслѣдствіе того, что послѣдніе, поселившись въ странѣ, изъ охотниковъ и воиновъ сдѣлались мирными земледѣльцами, начали организовывать правильное земледѣльческое хозяйство по собственному народному закону. Весь народъ становится осѣдлымъ; мѣсто начальниковъ заняли короли; высшею цѣлью и благомъ государства являлся миръ для народа внутри и извнѣ его Полны глубокаго интереса вторая и третья главы 4-й книги „Исторіи германскаго народа“ Лампрехта: въ первой изъ нихъ изображается политическое и соціальное развитіе меровингскаго государства, въ послѣдней — духовная жизнь германскаго племени и вліяніе на нихъ христіанства. Лампрехтъ обрисовываетъ тѣ условія, при которыхъ королевская власть меровинговъ должна была пасть неминуемо. Противъ нихъ была свѣтская и духовная аристократія. Сами меровинги смотрѣли на

свои владѣнія не съ политической, а частно-владѣльческой точки зрѣнія. Короли изъ этой династіи руководились при распродѣленіи государства случайностями завоеванія и соображеніями, почерпнутыми изъ наслѣдственнаго права. Они не были въ состояніи сладить съ разнообразными и многочисленными общественными элементами. Рядомъ съ необузданными стремленіями отдѣльныхъ личностей королевской власти препятствовали водворить миръ въ обществѣ мѣстныя различія соціальнаго населенія, различныя отклоненія отдѣльныхъ частей государства въ отношеніи государственнаго строя, рѣзкіе контрасты западной и восточной половины государства и даже самый родъ собственно королевскаго владѣнія.

Но не смотря на явные признаки паденія королевской власти въ эпоху меровинговъ, она была въ это время и при каролингахъ и по внѣшнему проявленію, и по внутренней сущности національной, западно германской. Король древней эпохи былъ военнымъ вождемъ, судьей и защитникомъ своей общины. Средствами господства новой центральной власти явились торжественное обѣщаніе,—право изгнанія и приказаніе (sermo regius). Въ силу своего перваго права изгнанія король былъ верховнымъ военно-начальникомъ и источникомъ всякой судебно—исполнительной власти и вообще всего суда въ государствѣ. Въ силу sermo regius король бралъ на себя заботу о внутреннемъ и внѣшнемъ мирѣ. Неограниченность королевской власти дошла до абсолютизма, когда она воспользовалась формами римской имперіи для управленія страной. Король въ силу германскаго права защиты предписывалъ церкви употребленіе опредѣленныхъ церковныхъ догматовъ и теологическихъ выраженій. Но христіанская церковь, съ которой столкнулась власть меровинговъ, сильно оспаривала право королевской защиты надъ всѣми безправными, вдовами, сиротами, отпущенниками и выдвигала на ея мѣсто христіанскій надзоръ и церковную опеку. Но въ области финансовой своей дѣятельности меровинги оказались болѣе самостоятельными. Такъ здѣсь появилась старая поземельная подать, поголовная подать была повышена и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ установленъ былъ даже кадастръ. Но когда поголовная подать мало по малу исчезла,

а поземельная замѣнена повинностями, у королевской власти были отняты почти всѣ источники обложенія. Ей были отданы необычайно богатыя римскія казенныя земли, увеличивавшіяся путемъ конфискацій, наслѣдованій, выморочныхъ имуществъ и другихъ способовъ пріобрѣтенія. Слабость королевской власти проистекла отъ особеннаго положенія графовъ, которые должны были именемъ короля осуществлять въ графствахъ право суда и защиты. Благодаря бездѣйствію графовъ, не приводились въ дѣйствіе королевскія приказанія; уменьшались права королевской власти также и вслѣдствіе развитія лично правовой точки зрѣнія самихъ представителей королевской власти. Съ 1/2 VI ст. начинаютъ развиваться всякаго рода льготы, изъятія изъ подъ дѣйствія королевской власти—иммунитеты, которыхъ стали добиваться для своихъ владѣній знатные люди, духовные и свѣтскіе. Отсюда произошло дробленіе государственной области на будущія маленькія государства. Но это уже было знакомъ гибели королевскихъ прерогативъ. Государство меровинговъ пало еще вслѣдствіе духовной юности племени и династіи завоевателей; германское право образовывалось посредствомъ обычая и было далеко отъ способности создавать общіе государственно-правовые принципы. Въ меровингскій періодъ исчезаютъ политическія права народныхъ собраній, въ которыхъ когда-то разсматривались вопросы о войнѣ и мирѣ и обсуждались самые трудные вопросы права. Теперь свободный общинникъ не принимаетъ никакого участія въ рѣшеніи важныхъ политическихъ дѣлъ. Послѣднимъ убѣжищемъ старогерманской свободы являлась сотня, весь строй ея жизни, въ которой преслѣдовались полицейскія, хозяйственныя и судебныя цѣли. Наибольшій просторъ германская свобода нашла въ судебной ея организаціи, судебная власть начальника не господствуетъ еще надъ судопроизводствомъ; онъ обязанъ охранять въ теченіе судебнаго разбирательства традиціонную свободу обѣихъ сторонъ, которыя дѣйствуютъ почти самостоятельно. Весьма скоро, однако, возникла мысль сохранить за судомъ сотни только уголовныя дѣла и спорное гражданское судопроизводство по болѣе важнымъ случаямъ, касающимся жизни, свободы и поземельной собственности;

для болѣе же мелкихъ дѣлъ рѣшено формировать иные суды, которые означали паденіе германской свободы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ погибли и меровинги, тщетно пытавшіеся ослабить могущество соединенныхъ силъ поземельной аристократіи и развивающагося сильнаго служебнаго дворянства (213—234 и 238 - 266 стр.).

При всѣхъ этихъ признакахъ разложенія всего общества въ эпоху меровинговъ въ это время, говоритъ Лампрехтъ, сохранилось еще единство національной духовной жизни, которая характеризовалась полнымъ сіяніемъ созерцательной и умственной дѣятельности, развитіемъ поэзіи и искусства, которое неразрывно связывалось съ искусствомъ древнѣйшаго періода. Къ срединѣ и концу племенной эпохи появилась въ жизни германскихъ племенъ великая сила, глубоко захватывающая, какъ никакая другая въ мірѣ,—христіанство, ученіе примѣромъ божественно возвышенной и въ высшей степени личной человѣческой жизни. Германцы приняли новую вѣру, какъ часть римской культуры. Лампрехтъ называетъ проповѣдь христ. ученія германцамъ евдемонистически-чувственнымъ. Нравственное стремленіе должно было проявиться, по этой проповѣди, войной противъ порока, въ побѣдѣ надъ діаволомъ, а не въ энергичномъ проведеніи въ жизнь глубокихъ нравственныхъ понятій. Это—мораль притѣсненнаго, страдательнаго первобытнаго христіанства, а не гордая мораль христіанско-національнаго великодушія. Но мораль христіанства никогда не была съ такимъ „гордымъ“ характеромъ, какъ понимаетъ ее Лампрехтъ: она по существу мораль смиренныхъ душъ, исключающая всякое напоминаніе о гордости и даже прямо требующая изгнанія изъ сердца человѣка этого смертнаго грѣха. Побѣда надъ пороками, зломъ возможна только при энергическомъ осуществленіи альтруистическихъ идей, составляющихъ существо христ. нравственности. Поэтому самъ же Лампрехтъ замѣчаетъ, что для этой послѣдней цѣли „требуется христіанское терпѣніе и кроткое перенесеніе зла, несправедливости и клеветы“, но только не аскетическое исполненіе изреченія: „любите своихъ враговъ“. Такъ изъ за увлеченія своей главной идеей—національностью у древнихъ германцевъ Лампрехтъ мало обращаетъ вниманія на дѣйствительное значеніе

христіанства въ жизни древнихъ германцевъ, гдѣ его „великой силѣ“ приписываются нѣкоторыя утилитарныя послѣдствія, чуждыя христіанской морали, превращеніе національныхъ германскихъ божествъ въ вредныя силы, бѣсовъ, которые попали въ христіанскій адъ, смѣшеніе христіанскихъ и языческихъ праздниковъ и вступленіе христіанскихъ святыхъ въ отправленіе соціально-нравственныхъ функцій старыхъ германскихъ добрыхъ боговъ. Болѣе правильны послѣднія замѣчанія Лампрехта о томъ, что новыя христіанскія нравственныя понятія получили на практикѣ значеніе оцѣненѣлаго, юридически опредѣленнаго правила, и что на первыхъ порахъ проявилось не лично нравственное значеніе христіанства, а чисто формальное примѣненіе его догматовъ и обрядовъ къ разнообразнымъ потребностямъ ежедневной жизни. Не смотря на это, христіанская индивидуальная мораль дала, по справедливому замѣчанію Лампрехта, сейчасъ же богатые плоды на германской почвѣ. Положеніе женщины улучшилось и весь строй семьи подвергся измѣненію, какъ и старыя сословныя отношенія. Государство получило другой характеръ. Наконецъ, искусству и поэзіи были поставлены новыя и болѣе высокія задачи (267—294 стр.).

Въ заключеніе разбора сочиненія Лампрехта необходимо указать еще на вторую главу пятой книги, гдѣ авторъ въ самыхъ живыхъ краскахъ изображаетъ „каролингское возрожденіе“ франкской монархіи. Лампрехтъ обрисовываетъ ярко могучую фигуру Карла Великаго, который съумѣлъ заставить церковь взять на себя роль примирительницы контраста между низкою германской культурой побѣдоносныхъ франковъ и галльскими традиціями утонченной античной жизни (337 с.). Авторъ описываетъ Карла въ его семейной жизни и отмѣчаетъ фактъ его увлеченія восточной культурой, рѣшеніе сдѣлать франкское королевство страной классической образованности (344—345 стр.), какъ и плоды „каролингскаго возрожденія“ въ различныхъ областяхъ общественной жизни (360—362 стр.). Если мы укажемъ еще на слѣдующую третью главу той-же книги, гдѣ Лампрехтъ съ свойственною ему, какъ экономисту, тщательностью разсматри-

ваетъ всѣ измѣненія въ хозяйственной жизни франковъ въ VIII—X в., результатомъ которыхъ было возникновеніе ленной системы, и вторую главу 6-й книги съ описаніемъ духовной жизни при Оттонахъ, то для насъ будетъ совершенно яснымъ представленіе о всемъ трудѣ нѣмецкаго историка. Лампрехтъ выступилъ въ немъ на широкій путь обобщеній, хотя и не всегда правильныхъ, но обыкновенно добытыхъ изъ всесторонняго изученія всѣхъ элементовъ германской культуры съ глубокой древности и до половины XII ст. (Фр. Барбароссы). Можно только пожелать, чтобы этотъ замѣчательный историческій трудъ былъ скоро законченъ авторомъ, а затѣмъ и переведенъ на русскій языкъ, на которомъ такъ мало солидныхъ ученыхъ изслѣдованій, интересныхъ по своему высоко научному значенію и такъ прекрасно изложенныхъ, какъ разсмотрѣнная нами книга Лампрехта.

В. Щегловъ.

---

2. *Н. Карѣевъ:* „Исторія Западной Европы въ новое время“. Томъ IV. XIX вѣкъ—консульство, имперія и реставрація. СПБ. 1894. 661 стр.

Настоящій трудъ проф. Н. И. Карѣева составляетъ, какъ онъ самъ заявляетъ въ предисловіи, продолженіе изданныхъ имъ трехъ томовъ „Исторіи Западной Европы въ новое время“ и вмѣстѣ съ тѣмъ первую часть ея исторіи въ XIX в., первыхъ двухъ третей этого столѣтія. Содержаніе этой части поэтому касается новѣйшихъ событій, особенно интересныхъ въ изложеніи почтеннаго профессора при его обширной эрудиціи и вѣрномъ анализѣ фактовъ. Карѣевъ беретъ на этотъ разъ три важнѣйшихъ факта изъ начала XIX вѣка, которые онъ называетъ періодами ея исторіи—консульство, имперію и реставрацію. Всѣ они находятся въ извѣстной, внутренней связи съ соціально-политическими событіями конца XVIII в., французской революціей 1789 г. Подъ ударами послѣдней палъ въ Западной Европѣ „старый порядокъ“,—королевскій абсолютизмъ и аристократическія при-

виллегіи въ обществѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и полная зависимость населенія отъ произвола королевской власти и неравенство въ общественныхъ отношеніяхъ. Перестройка общества на новыхъ началахъ въ XVIII в. встрѣтила сильную оппозицію со стороны представителей историко-феодальнаго слоя западно-европейскаго общества. Въ началѣ XIX в. въ союзѣ съ этой соціально-культурной реакціей выступила противъ новаго историческаго движенія политическая реакція, абсолютная королевская власть. Съ политической и культурной реакціей начало, въ свою очередь, борьбу новое направленіе въ европейскомъ обществѣ начала XIX ст.— либерализмъ, основнымъ началомъ котораго явилась идея свободы какъ политической, такъ и индивидуальной. Защиту либеральныхъ началъ взяла на себя буржуазія, одержавшая въ 1789 г. побѣду надъ старымъ порядкомъ. Затѣмъ уже въ XVIII в. подъ вліяніемъ уничтоженія сословности и юридическаго уравненія всѣхъ гражданъ возникаетъ вопросъ, названный въ XIX ст. соціальнымъ. Сущность его состоитъ въ стремленіи къ радикальному переустройству экономическаго быта, на почвѣ котораго быстро развилась противоположность между буржуазіей и народомъ. Наконецъ, рядомъ съ политическими и соціальными движеніями въ XIX вѣкѣ играетъ видную роль еще національное движеніе. Къ этимъ главнымъ общимъ соціальнымъ движеніямъ конца XVIII и начала XIX в. пріурочиваются Карѣевымъ и различные періоды исторіи Западной Европы въ XIX столѣтіи. Эпоха консульства и имперіи—время внутренней политической реакціи во Франціи и развитія ея внѣшняго могущества, которое сопровождалось крушеніемъ „стараго порядка“ въ другихъ западно-европейскихъ странахъ. Въ эпоху реставраціи произошла сильная реакція этого „стараго порядка“ и борьба съ нимъ либерализма. Въ эпоху іюльской монархіи (1830—1848) впервые обостряется соціальный вопросъ вмѣстѣ съ развитіемъ преобладанія въ обществѣ буржуазіи и усиливается національное движеніе. Послѣ февральской революціи выступаетъ на сцену четвертое сословіе подъ знаменемъ новыхъ соціальныхъ идей. Съ этого же времени ослабляются политическія движенія въ Западной Европѣ, гдѣ по-

всюду распространились конституціонныя формы политическаго быта, и получаетъ особую силу соціальное движеніе. Въ серединѣ XIX вѣка падаетъ значеніе идеалистическаго направленія въ философіи, гдѣ начинается преобладаніе реалистическихъ стремленій (Вступленіе, I глава).

Прежде, чѣмъ приступить къ характеристикѣ эпохи консульства и имперіи, авторъ касается взаимныхъ отношеній Франціи и старой Европы наканунѣ государственнаго переворота, совершеннаго во Франціи генераломъ Бонапартомъ. Здѣсь заслуживаютъ вниманія два факта: то сочувствіе, какое встрѣтила французская революція въ извѣстныхъ (демократическихъ) слояхъ европейскаго общества и слабость противодѣйствія революціи со стороны представителей европейскаго стараго порядка. Общій демократическій характеръ революціоннаго движенія у разныхъ народовъ встрѣчалъ то или другое сочувствіе, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Итогомъ сношенія революціонной Франціи и монархической Европы былъ фактъ, что старая Европа была побѣждена революціей, но и послѣдняя должна была отказаться отъ провозглашаемыхъ ею началъ международнаго права и дѣйствовать въ духѣ политическихъ традицій старой Европы. Что касается исхода революціи въ внутренней жизни самой Франціи, то здѣсь представлялась для разрѣшенія трудная задача развитія политической свободы, превращенія въ республику націи, въ которой были сильны традиціи, симпатіи и привычки монархизма, созданіе свободнаго государства въ народѣ, который „старымъ порядкомъ“ былъ воспитанъ въ непониманіи того, что такое свобода, въ неуваженіи къ чужой свободѣ и неумѣніи пользоваться своей собственной. Поэтому-то въ то время, когда во всей странѣ послѣ тревожныхъ событій 1789 г. былъ возстановленъ внутренній порядокъ, во Франціи возродилась въ новой формѣ абсолютная монархія Людовика XIV въ военной диктатурѣ Наполеона Бонапарта. Выдающаяся роль этого послѣдняго въ общественно-политической жизни Франціи и всей Европы конца XVIII в. и начала XIX в. обращаетъ особенное вниманіе историковъ, а также и Карѣева, который довольно долго останавливается на характе-

ристикѣ всей личности Наполеона, его политическихъ убѣжденій, нравственной физіономіи и характера. Конечно, господству наполеоновской системы въ управленіи XIX в. помогло то обстоятельство, что первая имперія завершила дѣло старой французской монархіи, начавшей убивать мѣстную жизнь и централизовать все управленіе (54 с.). Но главное значеніе въ объясненіи господства Наполеона I имѣютъ особенныя качества его ума и характера. Соединеніе въ немъ необыкновенныхъ качествъ — самаго яснаго ума, обладавшаго способностью къ синтезу, организаторскаго генія съ самою сильною волей и властнымъ характеромъ были причиной поражающаго впечатлѣнія личности Наполеона на всѣхъ окружающихъ его людей, а также и тѣхъ лицъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться. Но вмѣстѣ съ великими качествами ума и воли Наполеонъ отличался ужасающимъ эгоизмомъ. Ему были чужды чувства жалости, состраданія, великодушія. Наполеонъ относился съ глубокимъ презрѣніемъ къ человѣческой личности вообще, не уважалъ чужаго достоинства и права, не хотѣлъ знать чужихъ горестей и радостей. Выше всего онъ ставилъ стремленіе и интересы собственнаго *я* и поэтому былъ неспособенъ воодушевляться въ своей дѣятельности какими-либо великими идеями своего вѣка. Эгоизмъ и властолюбіе Наполеона росли по мѣрѣ быстраго и необыкновеннаго его возвышенія; но вмѣстѣ съ тѣмъ развивались въ немъ еще большее презрѣніе къ людямъ и несправедливое къ нимъ отношеніе (75—76 с.). Наполеонъ не понималъ политическихъ теорій эпохи (напр., теоріи раздѣленія властей Монтескье), которыя стремились установить гарантіи личной и политической свободы. По его мнѣнію, истиннымъ представителемъ націи является правительственная власть, дѣйствующая на основаніи конституціи (78—79). Власть Наполеона во времена консульства и первой имперіи была по существу ничѣмъ инымъ, какъ военнымъ деспотизмомъ или цезаризмомъ. Всѣ учрежденія, представлявшія въ это время народъ, были простыми декораціями, за которыми скрывался абсолютизмъ Наполеона I (102 с.) Со всѣми этими чертами его личности и всей дѣятельности совершенно не вяжутся взгляды Наполеона на свое

отношеніе къ революціи, которые онъ высказалъ въ „Меморіалѣ“, писанномъ на о-вѣ св. Елены подъ его диктовку. Здѣсь говорилось, что исторической миссіей Наполеона было обезпечить торжество революціи въ Европѣ, защиту ея принциповъ внѣ Франціи и умѣренное ихъ примѣненіе въ ней самой. Установленіе имперіи объяснялось теперь необходимостью защитить принципы и интересы революціи отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Наполеонъ даже утверждалъ, что его правленіе было конституціонной и умѣренной монархіей и французы въ его царствованіе были самымъ свободнымъ народомъ въ Европѣ. На самомъ дѣлѣ, говоритъ Карѣевъ, государство, созданное Наполеономъ, не знало свободы, въ рукахъ правительства (т. е., Наполеона) сосредоточилась вся неограниченная, верховная власть народа. Равенство было въ глазахъ Наполеона только проявленіемъ простого единообразія, которое было государственнымъ идеаломъ Наполеона, стремившагося распространить его съ Франціи и на всю Европу (107—108 с.). Онъ думалъ, что для управленія государствомъ годны принципы военной команды, казарменнаго единообразія и дисциплины. Наполеону все должно было служить и повиноваться безусловно. Въ религіи онъ видѣлъ прежде всего извѣстное политическое средство, необходимое для сохраненія порядка (118 с.). Деспотизмъ Наполеона проявлялся во всѣхъ сторонахъ общественной жизни. Всюду господствовалъ полицейскій произволъ—религіи, литературѣ, наукѣ, театрѣ, періодической печати. Послѣдняя должна была служить только орудіемъ его власти. Наконецъ, полнѣйшимъ произволомъ отличалось и вмѣшательство Наполеона въ экономическую жизнь страны. Вообще, заключаетъ Карѣевъ, своими общими чертами внутренняя политика Наполеона I напоминаетъ собою просвѣщенный абсолютизмъ 2-й половины XIX в. по всемогущей государственности, воплощающейся въ сильной правительственной власти, бюрократической централизаціи, убивающей всякую мѣстную свободу, и полицейской регламентаціи всей жизни отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго общества (133 стр.).

Въ этой характеристикѣ личности Наполеона I проф. Карѣевымъ онъ, видимо, вооружается противъ тѣхъ писателей, которые,

какъ В. Гюго, Гейне и др., представляли его борцомъ за человѣчество и видитъ во всей дѣятельности Наполеона только проявленіе узкаго его эгоизма, исключительнаго преслѣдованія Наполеономъ однихъ своихъ личныхъ интересовъ. Но не отвергая дѣйствительно колоссальнаго эгоизма Наполеона I, на которомъ, какъ выдающейся чертѣ его личности, останавливается и Тэнъ, нужно также согласиться съ замѣчаніями этого послѣдняго историка о необыкновенныхъ качествахъ ума и характера Наполеона, заставлявшихъ всѣхъ подчиняться ему безусловно во всѣхъ случаяхъ. На эти качества указываетъ и Карѣевъ, но онъ не обращаетъ вниманія на тотъ фактъ, что въ этихъ-то особенностяхъ личности Наполеона лежала одна изъ причинъ необыкновеннаго же его возвышенія изъ простаго артиллерійскаго поручика до могущественнаго повелителя Франціи и даже въ одно время всей Европы. Другую причину того-же замѣчательнаго факта нужно искать во всякомъ случаѣ въ томъ обстоятельствѣ, что во Франціи, благодаря Наполеону, водворился, какъ замѣчаетъ Тэнъ, внутренній миръ, административный порядокъ, появилось безпристрастное правосудіе, аккуратная полиція, безопастность лицъ, имуществъ и совѣсти, водворилась свобода въ частной жизни и были приняты мѣры для развитія образованія, путей сообщенія и всего общественнаго благосостоянія.[1]) Внѣ же Франціи въ конституціяхъ, вводимыхъ Наполеономъ, выразились, по словамъ Л. ф. Штейна, „идеи новаго политическаго порядка и глубокаго соціальнаго преобразованія, начавшагося въ исторіи міра съ XIX столѣтія“.[2]) Для полной характеристики личности Наполеона I нужно также обратить вниманіе на сравненіе его съ Кромвелемъ, дѣлаемое Карлейлемъ, который выставляетъ все величіе „души“, глубокую правду, искренность Кромвеля, недостающія Наполеону. Отсутствіе честолюбія въ Кромвелѣ объясняется Карлейлемъ еще изъ

---

[1]) **Taine:** „Les origines de la France contemporaine, vol. V-Le regime moderne, Paris. 1891, 170, 190—191 p. и др.

[2]) **L. v. Stein:** „Geschichte d. socialen Bewegung in Frankreich“, Leipzig, 1850, I, 245, 274—275 s.

сильно развитыхъ традицій свободной политической жизни въ окружающихъ его, даже близкихъ людяхъ. Между тѣмъ Наполеонъ встрѣчалъ повсюду лишь рабскую, услужливую до крайнихъ предѣловъ преданность, утонченную лесть и низкопоклонничество со стороны всѣхъ не только нисшихъ чиновниковъ, но и высшихъ сановниковъ, преслѣдующихъ только свои личныя цѣли.[3])

Мы отсылаемъ читателей къ книгѣ Корѣева для знакомства съ изложеніемъ имъ послѣдующаго ея содержанія, интересныхъ главъ объ эпохѣ консульства и имперіи и реставраціи. Позволимъ себѣ только замѣтить, что почтенный профессоръ забываетъ, что въ русской литературѣ есть, цитируемое самимъ же Карѣевымъ (173—174 с.), сочиненіе проф. Назимова, гдѣ разработана теорія „акцій“ и „реакцій“, между тѣмъ какъ Карѣевъ заявляетъ, что „до сихъ поръ въ исторической наукѣ не существуетъ такой теоріи о движеніяхъ впередъ и попятныхъ“ (250 с.). Особенный интересъ имѣетъ послѣдній отдѣлъ книги Карѣева, гдѣ разсматривается соціальная исторія первой трети XIX вѣка, въ которой обращается вниманіе на экономическую ея сторону,— крестьянскій и рабочій вопросы и связь экономическихъ теорій эпохи съ моральными и политическими ученіями. Здѣсь же затрогивается важнѣйшій вопросъ 2-й половины XIX ст.,—соціальный, изученіемъ котораго Карѣевъ предполагаетъ заняться во 2 части IV тома. Въ связи съ этой послѣдней книгой цѣннаго труда Карѣева по новой исторіи Европы мы коснемся и его взглядовъ на соціальный вопросъ, изложенныхъ въ настоящей книгѣ.

В. Щегловъ.

---

[3]) Т. Карлейль: „Герои и героическое въ исторіи“, Чт. шестое.

1. Schriften des Vereins für Socialpolitik. LXI. Verhandlungen der am 29. September 1894 in Wien abgehaltenen Generalversammlung des Vereins für Socialpolitik über die Kartelle und über ländliche Erbrecht. Leipzig. 1895.

61-ый выпускъ трудовъ союза соціальной политики представляетъ выдающійся интересъ, особенно въ той части своей, въ которой затрогивается вопросъ о картеляхъ.

Этому вопросу посвящены въ названной книгѣ 4 реферата—Штида, Менцеля, Бюхера и Кокерта, изложеніе дебатовъ, въ которыхъ принимали участіе такіе выдающіеся представители экономической науки, какъ Брентано, Нейратъ, Адлеръ, Вольфъ, и др., и два приложенія, изъ которыхъ въ одномъ Ст. Бауеромъ изложены статуты семи австрійскихъ картелей, а въ другомъ находится статья Л. Поле (Pohle) о картели нѣмецкихъ книгопродавцевъ (Buchhändlerkartell).

Рефератъ Штида представляетъ собою сжатое резюме различныхъ сообщеній о картеляхъ, помѣщенныхъ въ предшествовавшемъ (60-мъ) томѣ Schriften d. Vereins für Socialpolitik; онъ касается здѣсь опредѣленія картелей, причинъ ихъ возникновеній, преслѣдуемыхъ ими цѣлей и ихъ вліянія на заинтересованныя предпріятія. Только въ концѣ по вопросу объ общемъ экономическомъ вліяніи картелей онъ расходится съ воззрѣніями авторовъ статей, послужившихъ ему матеріаломъ. Рука объ руку съ выгодами для предпринимателей, говоритъ онъ здѣсь, идутъ вредныя послѣдствія для потребителей; нельзя не опасаться, что во многихъ случаяхъ картели должны пользоваться своей силой для значительнаго повышенія цѣнъ продуктовъ, между тѣмъ какъ противодѣйствующая имъ коалиція потребителей не можетъ ровно ничего сдѣлать. Съ другой стороны могутъ обнаружиться весьма вредныя для общества въ соціальномъ отношеніи послѣдствія картелей. Чѣмъ меньше предпринимателей, тѣмъ больше зависимость отъ нихъ рабочаго люда Въ настоящее время иногда предприниматели вынуждены продолжать работы даже при незначительной выгодѣ дѣла или убыткѣ, чтобы фабрика не стояла въ бездѣйствіи. При соединеніи цѣлой отрасли производства въ

картель число занятыхъ въ ней рабочихъ должно подвергаться постояннымъ измѣненіямъ.

Проф. Ад. Менцель въ своемъ рефератѣ разсматриваетъ картели съ юридической точки зрѣнія. Прежде всего онъ опредѣляетъ характерные признаки картелей и указываетъ слѣдующіе: 1) Картель есть соединеніе самостоятельныхъ предпринимателей, безразлично, къ какой бы отрасли промышленности не принадлежали ихъ предпріятія; впрочемъ важнѣйшія картели нашего времени принадлежатъ къ области крупной промышленности. 2) Важнымъ моментомъ для понятія картели является то обстоятельство, что въ нихъ не устраняется совершенно самостоятельность соединившихся предпріятій. Если на мѣсто прежнихъ самостоятельныхъ предпріятій путемъ соединенія образовалось одно предпріятіе, окончательно поглотившее отдѣльныя личности прежнихъ предпринимателей, то это не будетъ картель. Экономическія послѣдствія такого сліянія могутъ быть, конечно, совершенно такія же, какъ и собственно картели, но съ юридической точки зрѣнія между обоими случаями должно быть дѣлаемо различіе. Не можетъ быть рѣчи о правовыхъ отношеніяхъ между соединившимися предпринимателями, объ ихъ отвѣтственности и пр., разъ они совершенно потеряли свое качество—предпринимателей. 3) Названные признаки картели чисто-формальные; по существу картели характеризуются тѣмъ, что они являются соединеніями, заключенными съ цѣлью большаго или меньшаго ограниченія конкурренціи между отдѣльными предпринимателями. Вслѣдствіе соединенія въ картель предпринимателямъ воспрещается совершать извѣстныя дѣйствія, на которыя они имѣли бы право въ силу промышленной свободы и свободной конкурренціи (напр. назначить цѣну продуктовъ по своему усмотрѣнію, опредѣлять размѣры производства и т. п.) или отдѣльные предприниматели принуждаются выполнять такія дѣйствія, которыя они сами по себѣ въ силу своей хозяйственной самостоятельности не были бы обязаны выполнять (напр. продавать продукты только опредѣленнымъ лицамъ, отдавать третьимъ лицамъ часть полученной прибыли и т. п).

Цѣль картелей заключается, такимъ образомъ, въ ограниченіи конкурренціи посредствомъ свободнаго соединенія предпринима-

телей. Они отличаются отъ монополіи въ техническомъ смыслѣ тѣмъ, что въ послѣдней свободная конкурренція исключается въ силу законнаго принужденія, и отъ средневѣковыхъ цѣховъ тѣмъ, что послѣднія являлись принудительными корпораціями. Ограниченіе свободной конкурренціи можетъ предприниматься по различнымъ поводамъ и для различныхъ цѣлей, которыя имѣютъ большое значеніе для соціально-политической оцѣнки картелей. Соединеніе предпринимателей можетъ состояться для обезпеченія дальнѣйшаго существованія какой-либо отрасли промышленности, которой угрожаетъ чрезмѣрная конкурренція; такія соединенія можно назвать охранительными картелями; или соединеніе можетъ имѣть цѣлью обезпечить извлеченіе большей прибыли, господство на рынкѣ, эксплуатацію потребителей—это собственно монопольныя картели; подраздѣленіемъ ихъ являются „Ringe“ (corners), т. е. разсчитанныя на короткій срокъ соединенія спекулянтовъ или торговцевъ съ цѣлью путемъ скупки товаровъ поднимать ихъ цѣны и извлекать отсюда крупную прибыль. Различные виды картелей можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія. Во первыхъ, можно группировать картели по содержанію налагаемыхъ ими на отдѣльныхъ предпринимателей ограниченій; во вторыхъ можно классифицировать ихъ съ точки зрѣнія средствъ (особенно организаціи), которыми обезпечивается достиженіе ихъ экономической цѣли. Съ первой точки зрѣнія можно различать: 1) соединенія, имѣющіе цѣлью опредѣленіе цѣны товаровъ; 2) соединенія производительныя, имѣющія цѣлью ограниченіе количества производимыхъ товаровъ; 3) соединенія, имѣющіе цѣлью распредѣленіе районовъ сбыта и заказовъ; и 4) соединенія распредѣлительныя, имѣющія цѣлью то или иное распредѣленіе прибылей между отдѣльными предпріятіями. Въ связи съ цѣлями картелей находятся и внѣшнія формы, ими принимаемыя. Чѣмъ шире задачи, преслѣдуемые картелью, чѣмъ глубже идутъ ограниченія, налагаемыя на отдѣльныхъ предпринимателей, тѣмъ тѣснѣе соединеніе и тѣмъ прочнѣе гарантіи, обезпечивающія достиженіе общихъ экономическихъ цѣлей.

Простѣйшая внѣшняя форма картели есть обыкновенный договоръ, безъ созданія какой либо организаціи. Участники обязы-

ваются къ извѣстнымъ дѣйствіямъ или мѣрамъ по отношенію къ количеству производства, цѣнамъ и т. п. Эти договоры заключались иногда устно, въ видахъ сохраненія тайны; теперь впрочемъ обыкновенно употребляется письменная форма. Въ дополненіе къ договору о картели устанавливаются штрафы для его нарушителей, а иногда и берутся залоги съ контрагентовъ. Въ послѣднемъ случаѣ устраняются затрудненія, связанныя съ искомъ въ судѣ объ убыткахъ или о взысканіи условныхъ штрафовъ, и заинтересованныя стороны нерѣдко прибѣгаютъ къ третейскому суду своихъ сотоварищей или особо выбраннаго лица.

Вторую высшую ступень синдикатныхъ соединеній представляютъ организованныя картели. Онѣ еще основываются на почвѣ договорнаго право и не образуютъ настоящихъ корпорацій; но создаютъ уже особые органы для проведенія общихъ цѣлей, для внѣшняго представительства, для контроля за исполненіемъ обязательствъ и т. п. Во главѣ картели стоитъ или отдѣльное лицо, предсѣдатель союза, или гораздо чаще, особая коммиссія съ необходимымъ персоналомъ и спеціальными учрежденіями для представительства, контроля, счетоводства и т. п.

Особенной важностью отличаются тѣ организованныя картели, к-рыя имѣютъ общія учрежденія для сбыта товаровъ и слѣд. каждый участникъ который не можетъ самъ продать свой товаръ, а долженъ прибѣгать къ предназначенному для этого общему органу картели. Въ зависимости отъ способа устройства этого органа, обнаруживается глубокое юридическое различіе между входящими въ эту группу картелями. Именно прежде всего учрежденіе для сбыта товаровъ можетъ носить характеръ агента или посредника; участники соглашенія обязываются принимать заказы только черезъ посредство общаго органа, но послѣдній не заключаетъ самъ сдѣлокъ; въ сдѣлку вступаетъ всегда тотъ членъ союза, которому переданъ заказъ. Другая форма имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда учрежденіе для сбыта товаровъ заключаетъ сдѣлку отъ имени союза, но имѣетъ право перенести ее со всѣми правами и обязанностями на отдѣльнаго члена союза. Въ третьей, наиболѣе часто встрѣчающейся формѣ учрежденіе для сбыта является представителемъ союза. Оно заклю;

часть сдѣлки отъ имени союза, который принимаетъ на себя всѣ вытекающія изъ нихъ права и обязательства, и такимъ образомъ выступаетъ общимъ уполномоченнымъ всѣхъ соединившихся предпринимателей. Оно является при этомъ простымъ органомъ союза и лишено всякой самостоятельности Въ нѣкоторомъ смыслѣ противоположность этому представляетъ четвертая форма, гдѣ учрежденіе для сбыта является коммиссіонеромъ, т. е. заключаетъ сдѣлки не отъ имени союза, а отъ своего имени, хотя и за счетъ союза; оно обладаетъ здѣсь качествами самостоятельнаго торговца и можетъ состоять изъ отдѣльной личности, простаго товарищества или акціонерной компаніи. Эта форма дѣлаетъ возможнымъ переходъ отъ чистаго договорнаго права къ праву корпоративному. Разъ продажа совершенно отдѣляется отъ производства и передается особому учрежденію картель вступаетъ на почву корпоративнаго права. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ картѐли уже наперед опредѣляютъ взаимныя права и обязанности участниковъ въ формѣ устава общества, а не въ формѣ договора, при чемъ самостоятельность отдѣльныхъ предпринимателей почти совсѣмъ устраняется.

Не юридическій, но выдающійся экономическій интересъ представляетъ тѣ случаи, въ которыхъ группа промышленныхъ товариществъ, особенно акціонерныхъ компаній, ведется одними и тѣми же лицами, потому что они соединяютъ въ свои руки большую часть паевъ или акцій. Эти лица, благодаря своей силѣ, могутъ занимать руководящія мѣста въ различныхъ обществахъ и такимъ путемъ устанавливать фактически полную централизацію извѣстной отрасли промышленности. Съ экономической точки зрѣнія результатъ здѣсь является одинаковымъ съ тѣмъ случаемъ, если бы всѣ эти различныя общества совершенно потеряли свою самостоятельность, но съ юридической здѣсь нѣтъ ни картели, ни сліянія. Тотъ же результатъ можетъ быть достигнутъ инымъ путемъ: посредствомъ скупки обществомъ акціи другихъ конкуррирующихъ компаній и т. п. Совершенно отличное отъ этого чисто фактическаго соединенія предпріятій и имѣющее высокій юридическій интересъ есть то сліяніе обществъ, которое распространено въ С. Америкѣ подъ названіемъ „трэстовъ“. Трэстъ есть перенесеніе имущества нѣсколькихъ производительныхъ обществъ на избранный ими ко-

митетъ уполномоченныхъ лицъ—Trustees. Послѣдніе становятся на извѣстное время собственниками принадлежащаго соединяющимся обществамъ имущества. Они выдаютъ прежнимъ акціонерамъ особыя удостовѣренія—трэстъ-сертификаты и кромѣ того обязываются лично къ добросовѣстному веденію дѣлъ. Права ихъ на распоряженіе всѣми дѣлами и имуществами обществъ являются неограниченными. Въ настоящее время, впрочемъ, вслѣдствіи репрессіи закона, эта форма картелей потеряла свое практическое значеніе, замѣнившись въ большинствѣ случаевъ полнымъ сліяніемъ обществъ.

Покончивъ съ вопросомъ о юридическихъ формахъ картелей, Менцель переходитъ къ разсмотрѣнію отношенія къ нимъ положительныхъ законодательствъ. Германскій уголовный кодексъ оставляетъ безъ упоминанія коалиціи, какъ рабочихъ, такъ и предпринимателей, такъ что образованіе картели по дѣйствующему праву въ Германіи не представляетъ наказуемаго дѣянія. Что касается до значенія картельнаго соглашенія съ точки зрѣнія гражданскаго права, то здѣсь пытались въ нѣсколькихъ процессахъ примѣнять статью, по которой договоры, противные нравственности, не дѣйствительны. Безнравственный характеръ промысловыхъ синдикатовъ заключается, будто бы, въ томъ, что они непозволительнымъ образомъ стѣсняютъ индивидуальную свободу предпринимателей въ производствѣ своего промысла, что они обнаруживаютъ безнравственное намѣреніе монополизированія промысла, что они, наконецъ, наносятъ вредъ общественному благополучію и находятся въ противорѣчіи съ принципомъ промышленной свободы. Всѣ эти соображенія, по мнѣнію Менцеля, не выдерживаютъ критики. Изъ того, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ картели нарушаютъ интересы публики и вредятъ общему благу, еще не слѣдуетъ, что такія соглашенія могутъ быть отнесены къ безнравственнымъ договорамъ, такъ какъ здѣсь нѣтъ индувидуальнаго безнравственнаго намѣренія. Здѣсь дѣло идетъ объ объективной вредности, а не о субъективной безнравственности. Точно также нельзя серьезно говорить и объ ограниченіи индивидуальной свободы участвующихъ въ картели предпринимателей, такъ какъ ограниченіемъ одинаково подвергаются всѣ товарищи и о самыхъ ограниченіяхъ было сдѣлано соглашеніе при заключеніи договора. Наконецъ и изъ

принципа промышленной свободы нельзя выводить аргумента въ пользу недѣйствительности картельныхъ соглашеній по германскому праву. Этотъ принципъ обозначаетъ, что производство промысла можетъ совершаться каждымъ, кто не имѣетъ къ тому какихъ либо законныхъ препятствій, независимо отъ принадлежности къ какой либо корпораціи и обыкновенно также независимо отъ правительственнаго разрѣшенія. Этому принципу вовсе не противорѣчитъ договоръ о картели. Находящіеся внѣ картели предприниматели могутъ совершенно свободно приниматься за данный промыселъ или продолжать вести его. То обстоятельство, что для нихъ затрудняется или даже дѣлается вовсе невозможной конкурренція съ картелью, есть чисто фактическое, а не юридическое препятствіе къ производству промысла. На иную почву былъ бы перенесенъ вопросъ о дѣйствительности картельныхъ соглашеній, если бы въ кодексъ вошло слѣдующее постановленіе, находившееся въ первомъ проэктѣ германскаго гражданскаго уложенія (§ 106): „юридическая сдѣлка признается ничтожной, если содержаніе ея противно нравственности или общественному строю“. Рядомъ съ нравственностью, говорилось въ мотивахъ, здѣсь упомянутъ и общественный строй, потому что содержаніе сдѣлки можетъ противорѣчить не только нравственнымъ интересамъ, но и общимъ интересамъ государства, причемъ нарушеніе послѣднихъ не всегда можетъ включать въ себя и нарушеніе первыхъ; таковы договоры, стоящіе въ противорѣчіи съ принципомъ промышленной свободы. Но во второмъ проэктѣ гражданскаго уложенія соотвѣтствующемъ § 103 слова „или общественному строю“ исключены потому что, какъ говорится въ мотивахъ, нельзя точно ограничить это понятіе и, съ другой стороны, сдѣлки, погрѣшающія противъ общественнаго строя, по большей части могутъ разсматриваться какъ направленныя противъ постановленій закона или противъ нравственности.

Единственной страной, въ которой существуетъ ясное, точное постановленіе закона относительно гражданско-правоваго значенія картельныхъ договоровъ есть Австрія. Вопервыхъ, по образцу французскаго закона 25 мая 1864 г. и бельгійскаго — 31 мая 1866 г. австрійское законодательство содержитъ постановленія, по которымъ не имѣютъ никакого юридическаго значенія соглашенія

работодателей или работопринимателей, имѣющія цѣлью принудить къ худшимъ условіямъ работы или вынудить лучшія условія. Затѣмъ въ § 4 австрійскаго закона о коалиціяхъ содержится совершенно своеобразное постановленіе, по которому узаконенія о рабочихъ коалиціяхъ примѣняются и къ соглашеніямъ промышленниковъ имѣющимъ цѣлью повышеніе цѣны товаровъ ко вреду для публики. Хотя соглашенія, о которыхъ говоритъ здѣсь законъ, и не вполнѣ покрываютъ понятіе картели, но всетаки всякій картельный договоръ можно подвести подъ это постановленіе. Подъ промышленниками законодатель, естественно, разумѣлъ вообще всѣхъ предпринимателей, и затѣмъ всѣ картели стремятся къ удержанію цѣнъ на такомъ уровнѣ, который былъ бы невозможнымъ при свободномъ соперничествѣ, т. е. имѣютъ цѣлью повышеніе цѣнъ, хотя бы прямо въ соглашеніи это и не было оговорено. Поэтому при картельномъ договорѣ является невозможнымъ по закону требовать внесенія условленнаго штрафа отъ лица, нарушившаго договоръ, недѣйствительно обѣщаніе премій или участія въ прибыли другихъ членовъ, возможно требовать во всякое время залоговъ, внесенныхъ для обезпеченія обязательствъ по договору и т. д. Но, конечно, если членъ картели добровольно выполнялъ всѣ принятыя имъ на себя обязательства, то онъ не имѣетъ права обратнаго требованія, согласно § 1432 австрійскаго гражданскаго уложенія.

Описанное неблагопріятное отношеніе закона къ картелямъ въ Австріи не воспрепятствовало однако ихъ возникновенію и развитію. Обыкновенный способъ обхода постановленій закона о картеляхъ состоитъ въ томъ, что члены картели предъявляютъ происходящіе изъ ихъ договора споры третейскому суду и отказываются отъ права жалобы на его приговоръ. Въ этомъ случаѣ по австрійскому процессуальному праву приговоръ третейскаго судьи можетъ быть признанъ ничтожнымъ только въ случаѣ „явнаго обмана“. Другимъ способомъ является образованіе на основаніи Vereinsgesetz'a 1866 г. особыхъ обществъ, цѣлью которыхъ въ статутахъ выставляется вообще охраненіе интересовъ извѣстной отрасли промышленности, а въ дѣйствительности является ограниченіе размѣровъ производства и поддержаніе цѣнъ продуктовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Свирщевскій.

S0041281

СФ СПбГУ